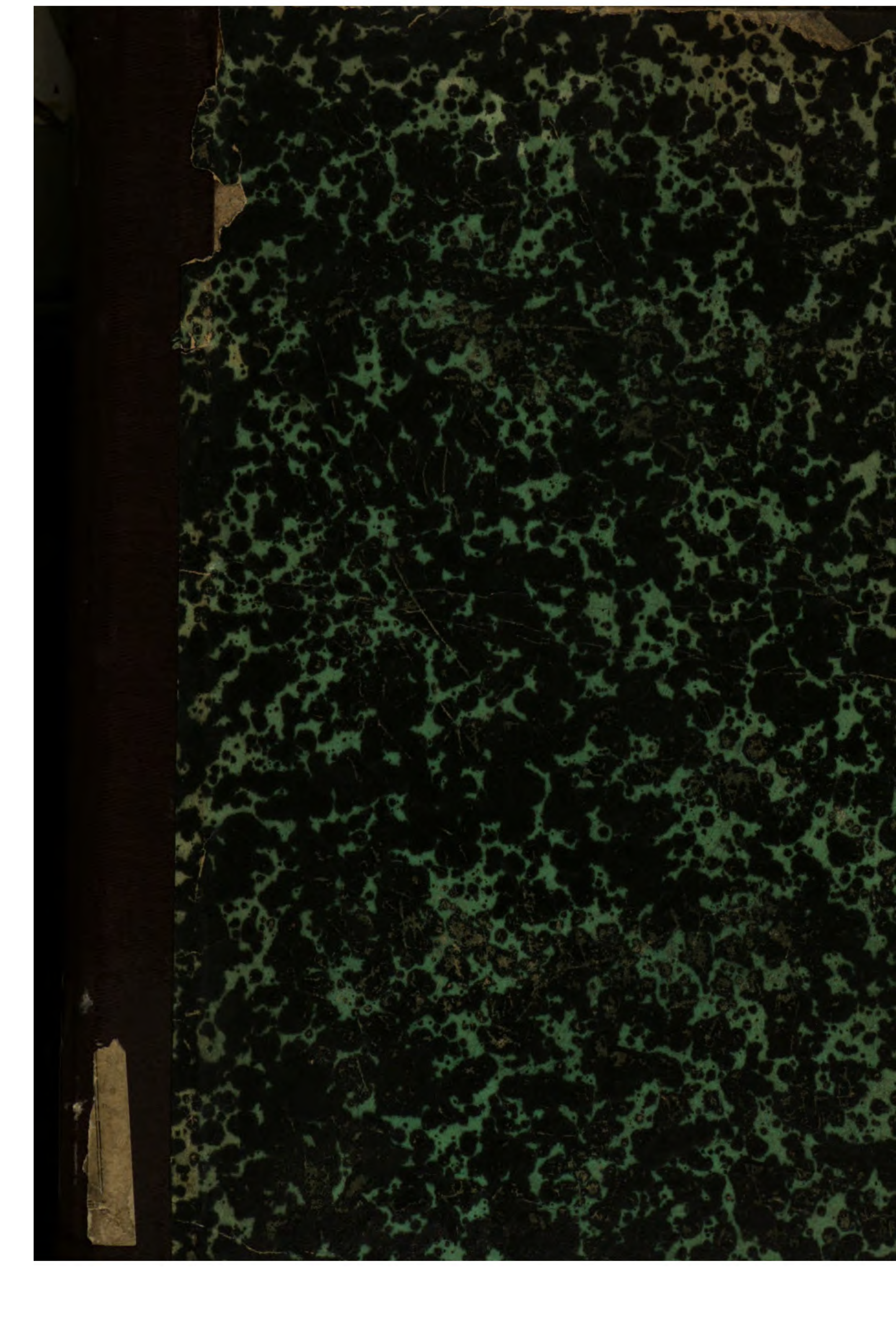

Годъ X-й. № 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го августа 1901 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Къ вопросу о русско-германскомъ торговомъ договорѣ.

I.

Вопросъ о торговыхъ договорахъ и таможенной политикѣ весьма сильно волнуетъ извѣстные слои германскаго общества. Въ началѣ особенно энергично высказывались аграріи, требующіе повышенія пошлинъ на хлѣбъ и всегда считавшіе заключеніе торговыхъ договоровъ ошибкой, которую они до сихъ поръ не могутъ простить покойному Каприви. Въ противоположность энергичной агитаціи германскихъ аграріевъ, русское общество до самаго послѣдняго времени относилось довольно равнодушно къ вопросу о возобновленіи торговаго договора и только немногіе голоса напоминали о томъ, что и намъ пора подумать оба условіяхъ этого договора.

Мы думаемъ, что въ настоящій моментъ какъ нельзя болѣе своевременно оглянуться вообще на нашу экономическую политику послѣднихъ лѣтъ и особенно на такъ называемую покровительственную политику по отношенію къ нѣкоторымъ отраслямъ производства. А чтобы придти къ какимъ-либо твердо обоснованнымъ выводамъ въ этомъ отношеніи, намъ кажется необходимымъ изложить предварительно нѣкоторыя теоретическія соображенія относительно экономической политики, тѣмъ болѣе, что теоретическія положенія, къ сожалѣнію, слишкомъ еще часто игнорируются не только практическими политиками, но и теоретиками-экономистами.

Прежде, однако, скажемъ нѣсколько словъ относительно сущности дилеммы, подлежащей разрѣшенію при заключеніи торговаго договора нашего съ Германіей.

Цѣль такого договора между двумя странами — обезпеченіе интересовъ обѣихъ договаривающихся сторонъ. Въ частности русско-германскій торговый договоръ долженъ обезпечить Россіи возможно удобный сбытъ ея главнѣйшимъ экспортнымъ товарамъ и обратно—обезпечить Германіи сбытъ въ Россіи тѣхъ продуктовъ, которые она, съ выгодой для себя, можетъ экспортировать и доставлять въ Россію. Конечно, при этомъ всегда предполагается, что русскій экспортный товаръ нуженъ Германіи и обратно—импортируемые изъ Германіи товары необходимы Россіи. Главнѣйшій предметъ нашего вывоза со-

ставляетъ, какъ извѣстно, хлѣбъ, и когда говорятъ о русско-нѣмецкомъ договорѣ, этотъ товаръ обыкновенно только и имѣется въ виду какъ нѣмецкими аграріями,—противниками соглашенія съ Россіей,—такъ и защитниками русскихъ интересовъ. Въ сущности, однако, при этихъ разсужденіяхъ имѣютъ въ виду не одинъ хлѣбъ, но всѣ вообще произведенія сельскаго хозяйства: извѣстно, что еще недавно (осень 1900 года) нѣмецкіе аграріи потребовали запрещенія ввоза русскихъ гусей и постоянно возникаютъ пререканія изъ-за ввоза животныхъ, особенно свиней. Если, поэтому, чаще говорятъ о русскомъ хлѣбѣ, то это,—съ одной стороны—въ виду того, что хлѣбъ все же важнѣйшій предметъ нашего ввоза въ Германію, а съ другой—и потому, что во главѣ партіи нѣмецкихъ аграріевъ стоятъ крупные землевладѣльцы восточныхъ областей Пруссіи,—являющіеся главнѣйшими производителями зерна для германскаго рынка и потому наиболѣе заинтересованные именно въ цѣнѣ хлѣба. — И такъ, прежде всего: нуженъ ли нашъ хлѣбъ Германіи? Точнѣе: является ли ввозъ именно нашего хлѣба безусловной необходимостью для Германіи, или она въ состояніи продовольствовать себя сама, или вообще безъ нашего содѣйствія?

Германскіе аграріи отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, что при *достаточной* пошлинѣ они произведутъ хлѣба больше, чѣмъ способна потребить Германія. Но, конечно, не заинтересованные лично и потому болѣе безпристрастные (нѣмецкіе же) изслѣдователи приходятъ къ нѣсколько иному выводу. Такъ, извѣстный профессоръ фонъ-деръ-Гольцъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи *), на основаніи данныхъ сельскохозяйственной статистики, пришелъ къ выводу, что производительность нѣмецкаго земледѣлія растетъ въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны—возрастаетъ культурная площадь за счетъ неудобныхъ земель (Oedland), съ другой -- повышается урожай съ единицы площади почти для всѣхъ хлѣбовъ (исключеніе одинъ ячмень). Но при всемъ томъ, въ окончательномъ выводѣ онъ приходитъ къ заключенію, что **) «въ настоящее время нѣмецкое земледѣліе не въ состояніи удовлетворить потребность населенія въ пищѣ и примѣрно $^1/_7$—$^1/_8$ потребнаго зерна должна быть ввезена извнѣ». Однако, и этотъ авторъ находитъ, что если земледѣліе будетъ прогрессировать также, какъ оно прогрессировало въ промежутокъ между 1878 и 1893 годами, то черезъ 28 лѣтъ Германія произведетъ столько зерна, сколько нужно для ея населенія въ настоящее время. Но этого количества будетъ недостаточно для того населенія, которое будетъ на лицо тогда,—черезъ 28 лѣтъ,—ибо населеніе размножается и приростъ его въ Гер-

*) Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik. Iene 1899.

**) l. c., p. 16.

маніи довольно значителенъ *). Аграріи могутъ, пожалуй, возразить на аргументацію Гольца, что въ теченіе разсматриваемаго имъ періода цѣны хлѣба не достигали той высоты, которая выгодна для производителей, иначе прогрессъ былъ бы больше и Германіи не пришлось бы питаться чужимъ хлѣбомъ. И, можетъ быть, аграріи не совсѣмъ неправы въ своемъ утвержденіи, такъ какъ болѣе высокая цѣна хлѣба, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ возможной болѣе интенсивную культуру, помощью которой съ единицы площади можетъ быть получено значительно болѣе зерна, хотя, можетъ быть, оно и обойдется дороже того, за сколько его нужно продать, при современныхъ, напр., условіяхъ, т. е. низкой (по мнѣнію аграріевъ) пошлинѣ.

Однако, правы или неправы аграріи — это имѣетъ второстепенное значеніе, ибо для насъ важно знать, нуждается ли Германія именно въ нашемъ хлѣбѣ, а не вообще въ какомъ-либо хлѣбѣ? Если разсматривать вопросъ съ этой точки зрѣнія, то мы, пожалуй, должны будемъ отвѣтить на него отрицательно, т.-е. признать, что Германія безъ нашего хлѣба обойдется. Припомнимъ, что въ годы запрещенія вывоза нашего хлѣба (1891 и 1892) Германія, вѣдь, нашла себѣ нужный ей хлѣбъ; мы же, по миновапіи этого запрещенія (въ 1893 и 1894 гг.), не знали, что дѣлать съ своимъ хлѣбомъ, и должны были отдавать его тѣмъ же нѣмцамъ чуть не даромъ, чтобы вытѣснить съ рынка занявшихъ наше мѣсто поставщиковъ хлѣба. Эти обстоятельства не мѣшаетъ напомнить тѣмъ, кто, утѣшая себя мыслью, что мы вѣдь предлагаемъ предметъ первой необходимости, дѣлаетъ отсюда выводъ, что покупатели на нашъ хлѣбъ всегда найдутся. Словомъ, если Германіи нашъ хлѣбъ нуженъ или, по крайней мѣрѣ, она, нуждаясь въ хлѣбѣ вообще, не имѣетъ основанія предпочесть хлѣбъ иной страны нашему, то, съ другой стороны, мы нуждаемся въ германскомъ рынкѣ для нашего хлѣба и, пожалуй, должны будемъ признать, что намъ труднѣе найти рынокъ для своего хлѣба (въ частности именно для ржи), чѣмъ Германіи хлѣбъ для своего продовольствія.

Повторяемъ еще разъ, что, значитъ, намъ вовсе нѣтъ основанія кичиться тѣмъ, что мы-де поставляемъ предметъ первой необходимости, и утѣшать себя, что потребитель для нашего хлѣба найдется. Наоборотъ, мы сразу должны признать, что мы представляемъ слабѣйшую сторону и идти на уступки. Это не значитъ, конечно, что мы должны соглашаться на всѣ утрированныя требованія нѣмецкихъ аграріевъ; но если мы хотимъ отстоять для своего хлѣба возможно выгодныя условія сбыта, то должны предложить Германіи такія выгоды по ввозу къ намъ ея произведеній, которыя побудили бы антагонистовъ землевладѣльческой партіи въ самой Германіи настолько энергично противодѣйствовать ей, чтобы заставить ее поступиться

*) Послѣдняя перепись (декабрь 1900 года) показала прирость, превышающій 1,5% въ годъ, — цыфра, не достигавшаяся ни въ одно изъ предшествующихъ пятилѣтій.

своими требованіями. Удастся ли намъ достигнуть этого, это зависитъ отъ того, насколько сильны будутъ тѣ общественныя группы, которыя мы заинтересуемъ въ свою пользу, т.-е. которымъ мы откроемъ перспективы болѣе или менѣе значительныхъ выгодъ отъ сношеній съ Россіей. Другими словами, чтобы достигнуть своей цѣли — обезпечить сбытъ продуктовъ своего земледѣлія въ Германію,—мы должны открыть въ своей странѣ настолько выгодный сбытъ германскимъ товарамъ, чтобы группа заинтересованныхъ въ этомъ сбытѣ лицъ оказалась сильнѣе аграріевъ и могла добиться благопріятныхъ для насъ условій договора по сбыту хлѣба въ обмѣнъ за представляемыя ей выгоды по сбыту нѣмецкихъ произведеній.

Какіе же товары можетъ доставить намъ Германія, или для какихъ германскихъ товаровъ намъ выгодно открыть сбытъ, имѣя въ виду указанную выше цѣль?

Какъ извѣстно, Германія доставляетъ намъ довольно разнообразные товары, но по отношенію къ однимъ она является почти монополисткой (химическіе товары); сбытъ другихъ затрудняется конкур ренціей съ мѣстными произведеніями (хлопчатобумажныя ткани) и потому развить сбытъ товаровъ этого рода представляется мало шансовъ; по отношенію къ этимъ группамъ или находящимся въ подобномъ имъ положеніи товарамъ Германія, конечно, мало заинтересована въ таможенныхъ льготахъ. Но есть въ рубрикѣ ввоза изъ Германіи и такіе товары, сбытъ которыхъ въ Россію затрудняется главнымъ образомъ таможенными пошлинами и при пониженіи послѣднихъ или отмѣнѣ ихъ обѣщаетъ очень значительно расшириться, а слѣдовательно, принести германской промышленности солидные барыши. Къ числу таковыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, поставить произведенія горнаго промысла вообще,—особенно желѣзо и сталь, — а затѣмъ различныя орудія и машины всякаго рода.

По отношенію къ продуктамъ горнаго промысла и особенно важнѣйшимъ изъ нихъ, — желѣзу и каменному углю, — кажется намъ,—и должны быть сдѣланы главныя уступки со стороны Россіи. Это не только обезпечило бы намъ поддержу вліятельной группы нѣмецкихъ промышленниковъ и дало возможность выторговать выгодныя условія для сбыта своего хлѣба, но было бы выгодно для Россіи, какъ мы сейчасъ постараемся доказать, и въ другихъ отношеніяхъ.

II.

До сихъ поръ не только практическіе политики, но и теоретики-экономисты, говоря о развитіи промышленности въ той или иной странѣ, — приписываютъ таковое различнымъ случайнымъ причинамъ, чаще всего личному воздѣйствію того или иного политическаго дѣятеля или вліянію проведенныхъ имъ государственныхъ мѣропріятій и

т. п. При этомъ совершенно не обращается вниманія на то, что отрасли промышленной (внѣземледѣльческой) дѣятельности развиваются въ извѣстной послѣдовательности. А между тѣмъ такая послѣдовательность совершенно ясна не только при разсмотрѣніи историческаго развитія разныхъ странъ, но и à priori, особенно, если мы будемъ имѣть въ виду промышленность въ современной ея формѣ, — въ видѣ крупныхъ, вполнѣ изолированныхъ отъ земледѣлія предпріятій (почему мы и называемъ ее внѣземледѣльческой).

Въ самомъ дѣлѣ: такія предпріятія вообще дѣлаются возможными только тогда, когда для произведеній ихъ открытъ болѣе или менѣе обширный рынокъ, а такой рынокъ является только съ того момента, когда страна изъ стадіи первобытнаго натуральнаго хозяйства перешла къ хозяйству мѣновому, денежному. Такой переходъ долженъ совершиться, по крайней мѣрѣ, частью, т.-е. нѣкоторыя области въ данной странѣ и могутъ, пожалуй, оставаться еще при натуральномъ хозяйствѣ, но, во всякомъ случаѣ, должны уже образоваться болѣе или менѣе крупные города, въ которыхъ сконцентрировалось внѣземледѣльческое населеніе, доставляющее рынокъ для продуктовъ мѣстнаго земледѣлія. Это обстоятельство заставляетъ земледѣльцевъ бо́льшей или меньшей округи, въ зависимости отъ величины городскихъ центровъ и удобства путей сообщенія, производить продукты спеціально для города, а это значитъ, что производство въ этихъ хозяйствахъ становится въ извѣстной степени односторонне: то разнообразіе произведеній, которое долженъ производить земледѣлецъ, при натуральномъ хозяйствѣ, теперь замѣщается небольшимъ числомъ продуктовъ. Прежде всего, конечно, уничтожаются тѣ культуры, или вообще тѣ отрасли производства, которыя давали произведенія, съ одной стороны требовавшія для своего производства много труда, а съ другой—легко замѣнимыя произведеніями городской промышленности. Такими произведеніями являются, прежде всего, матеріалы для одежды и именно ткани, и понятно почему: первоначальный матеріалъ,—сырье,—волокно для изготовленія пряжи, — представляетъ всегда наиболѣе дорогой продуктъ сельскаго хозяйства, имѣющій, къ тому же способность сохраняться, весьма долго не портясь. По всѣмъ этимъ качествамъ этотъ матеріалъ (ленъ, шерсть) является однимъ изъ самыхъ транспортабельныхъ товаровъ. т.-е. онъ можетъ быть доставляемъ изъ очень отдаленныхъ отъ города хозяйствъ, не повышаясь значительно въ цѣнѣ. Поэтому для подгородныхъ хозяйствъ производство этихъ продуктовъ становится невыгоднымъ, какъ только является возможность доставлять въ городъ болѣе объемистыя произведенія, въ поставкѣ которыхъ отдаленныя хозяйства конкурировать не могутъ, такъ какъ такіе товары не выдерживаютъ далекаго транспорта (особенно при первобытныхъ (натуральныхъ) путяхъ сообщенія), какъ потому, что

они обыкновенно быстро портятся, такъ и потому, что транспортные расходы слишкомъ увеличиваютъ ихъ цѣну.

Что процессъ выдѣленія и концентраціи въ крупныя предпріятія внѣземледѣльческихъ промысловъ идетъ указаннымъ порядкомъ, подтверждаетъ исторія всѣхъ странъ. Такъ, извѣстно, что первой мануфактурой Англіи была шерстяная, точно также какъ для Нидерландовъ таковой была льняная мануфактура. Еще болѣе рѣзко выражается это явленіе съ тѣхъ поръ, какъ Европа познакомилась съ хлопкомъ. Хлопокъ, какъ прядильный матеріалъ, имѣетъ огромныя преимущества передъ своими конкурентами,—туземными европейскими матеріалами того же назначенія: главнѣйшее преимущество его заключается въ томъ, что изъ хлопка можетъ быть легко выдѣлана очень тонкая и легкая ткань, имѣющая все еще достаточную прочность, тогда какъ изъ лучшаго европейскаго прядильнаго матеріала,—льна,—такая ткань если и можетъ быть выдѣлана, то только при особенно тщательной подготовкѣ (культурѣ) самого волокна, — подготовкѣ, дѣлающей этотъ матеріалъ, а съ нимъ и ткань необыкновенно дорогими. Средняго же достоинства льняное волокно, единица вѣса котораго цѣнится не дороже такой же единицы хлопка, не способно дать ткань столь тонкую и легкую, какъ хлопчато-бумажная, а потому, при одинаковомъ потребительномъ достоинствѣ той и другой, льняная ткань всегда будетъ дороже, такъ какъ цѣна первичнаго матеріала, — волокна обоихъ видовъ, — почти одинакова. Указанныя преимущества и придали огромное значеніе хлопку, какъ прядильному матеріалу, ибо при помощи его сдѣлалось возможно изготовлять ткани, въ готовомъ видѣ стоившія нерѣдко дешевле той суммы, за которую могъ быть проданъ матеріалъ, изъ котораго земледѣлецъ ранѣе, при натуральномъ хозяйствѣ, изготовлялъ себѣ домашними средствами ткань для одежды. Въ силу этого дѣлается возможнымъ очень обширное распространеніе такихъ тканей, а черезъ то и организація обширныхъ предпріятій, приготовляющихъ ткани.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что хлопокъ, какъ товаръ довольно дорогой и хорошо сохраняющійся, легко проникаетъ даже въ страны, еще лишенныя улучшенныхъ путей сообщенія. При этомъ въ первое время хлопчато-бумажная пряжа служитъ только для фальсификаціи льняныхъ и иныхъ тканей и только постепенно, по мѣрѣ ознакомленія населенія съ качествами хлопчато-бумажныхъ тканей, распространяется и производство ихъ. Можно, кажется, утверждать, что на континентѣ Европы чистыя хлопчато-бумажныя ткани являются въ первое время, какъ ввозныя изъ Англіи, которая первая стала производить таковыя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ производство этихъ тканей является первой отраслью промышленности, которая принимаетъ форму крупныхъ, капиталистическихъ предпріятій. Разъ только населеніе данной страны ознакомилось съ тканями этого рода, хотя бы предлагавшимися ему первона-

чально въ видѣ ввознаго извнѣ товара, оно предпочтетъ ихъ другимъ тканямъ за ихъ дешевизну и другія качества. Но какъ скоро страна обзавелась хотя немногими улучшенными путями сообщенія, скажемъ—желѣзными дорогами, которыя обыкновенно соединяютъ ее съ внѣшнимъ міромъ, «съ заграницей», то полученіе изъ-за границы хлопка становится столь же легко и дешево (или еще дешевле *), какъ и полученіе готовыхъ тканей, и мѣстные капиталисты скоро усматриваютъ, что для нихъ вполнѣ возможно и даже выгодно вступить въ конкуренцію съ иностранными производителями этого товара. Мѣстныя мануфактуры или фабрики при этомъ легко побиваютъ своихъ иностранныхъ конкурентовъ, такъ какъ товаръ является предметомъ потребленія народныхъ массъ, вкусы и привычки которыхъ, конечно, болѣе извѣстны или легче могутъ быть изучены мѣстными людьми, чѣмъ иностранными производителями. Къ тому же обычно на поддержку мѣстнымъ производителямъ выступаетъ государство, устанавливая ввозныя пошлины, затрудняющія сбытъ иностранныхъ произведеній на рынкахъ данной страны.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, какъ только данная страна вступила въ стадію денежнаго хозяйства,—мы очень скоро видимъ въ ней появленіе мануфактуръ, а при современныхъ условіяхъ—фабрикъ, изготовляющихъ матеріалы для одежды, на первомъ мѣстѣ хлопчатобумажныя ткани. Теперь можно, кажется, считать безспорнымъ положеніе, что проведеніе въ странѣ желѣзныхъ дорогъ обязательно ведетъ къ господству денежнаго хозяйства **). А такъ какъ крупное, концентрированное производство,—фабрика или даже мануфактура, — можетъ найти себѣ достаточно обширный рынокъ только при условіи денежнаго хозяйства, то обыкновенно, вслѣдъ за проведеніемъ первыхъ желѣзныхъ дорогъ, появляются и первыя фабрики, и именно фабрики, приготовляющія хлопчатобумажные ткани. Но господство денежнаго хозяйства означаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ,—какъ сказано,—что земледѣліе становится болѣе одностороннимъ: при натуральномъ хозяйствѣ земледѣлецъ вынужденъ производить всѣ необходимые ему предметы, такъ какъ онъ не можетъ пріобрѣсти ихъ инымъ путемъ. При этомъ онъ производитъ часто или всегда и такіе продукты, культивируетъ, напр., такія растенія, — которыхъ требованія относительно климата и почвы и вообще естественныхъ условій производства совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ естественнымъ условіямъ, въ ко-

---

*) По правилу тарификаціи грузовъ желѣзными дорогами по цѣнности, т.-е. чѣмъ дешевле товаръ, тѣмъ менѣе платится за перевозку его, и обратно.

**) Подробную мотивировку и доказательство этого положенія (какъ и нѣкоторыхъ другихъ, развиваемыхъ въ настоящей статьѣ, особенно относящихся къ земледѣлію) читатель найдетъ въ книгѣ автора: «Основы экономики земледѣлія». Ч. I. Спб. 1901.; впервые оно было развито авторомъ въ сочиненіи: «Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство». Варшава. 1890.

торыхъ находится его хозяйство. Понятно, что при такомъ несоотвѣтствіи продуктъ обходится ему дорого, т.-е. требуетъ затраты несоразмѣрно-большаго количества труда. Такъ, извѣстно, что въ прежнее время ленъ воздѣлывался въ крестьянскихъ хозяйствахъ не только нечерноземнаго, сѣвернаго района, но и всей черноземной и даже степной или полустепной полосы Россіи. Но эта культура была совершенно оставлена во всей черноземной полосѣ (не говоря уже о степной), какъ только желѣзныя дороги достигли этой полосы, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался необходимымъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному.

Возможность производства для рынка, т.-е. переходъ къ денежному хозяйству не только вызываетъ сокращеніе или даже уничтоженіе культуры растеній, которыхъ требованія не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ естественнымъ условіямъ, но вообще ведетъ къ сокращенію производства тѣхъ продуктовъ, которые не могутъ найти себѣ сбыта на рынкѣ или даютъ при сбытѣ меньшій доходъ, чѣмъ другіе, производство которыхъ, на оборотъ, даетъ большій доходъ и по тому расширяется. Обычно, страна, переходящая отъ натуральнаго хозяйства къ хозяйству денежному, становится въ первое время поставщицей зерна для странъ, ранѣе развившихся и достигшихъ той ступени экономическаго развитія, когда мы называемъ страну интенсивной, т.-е. развившей у себя обширную крупную промышленность и часто нуждающейся, благодаря этому во ввозномъ зернѣ, такъ какъ мѣстныя земледѣльческія хозяйства производятъ другіе, болѣе доходные продукты, въ которыхъ также нуждается городское населеніе, главнымъ образомъ произведенія животноводства,—молоко, масло, мясо и т. п.,—и огородничества. Но для того, чтобы страна могла доставлять на рынкѣ значительное количество продуктовъ земледѣлія, помимо существованія извѣстныхъ естественныхъ условій (плодородія почвы, соотвѣтственнаго климата и т. д.), необходимо, чтобы земледѣльческая культура постепенно повышалась. Однимъ изъ условій такого повышенія земледѣльческой техники (особенно въ странахъ, способныхъ, по свойственнымъ имъ климату и почвѣ, въ наибольшей мѣрѣ сдѣлаться поставщицей зерна) является лучшая обработка почвы. При первобытномъ, натуральномъ хозяйствѣ орудія производства также первобытны: это произведенія мелкаго кустарнаго или домашняго промысла, потому крайне несовершенныя. Эти орудія теперь, съ переходомъ къ денежному хозяйству тѣмъ менѣе могутъ удовлетворять потребностямъ земледѣльца, что онъ, ради достиженія равномѣрности урожаевъ и равномѣрности доходовъ въ различные годы, вынужденъ ввести въ культуру новыя растенія, которыя затрудняютъ значительно обработку (какъ напр. посѣвъ клевера или кормовыхъ травъ вообще, образующихъ плотную дернину) или требуютъ для своего успѣшнаго роста

очень глубокой и тщательной разработки почвы (какъ корнеплоды свекла напр.) или клубнеплоды (картофель).

Словомъ, такъ или иначе, очень скоро начинаетъ чувствоваться потребность въ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ. Но одновременно является потребность и въ орудіяхъ другого рода. Мы сказали уже, что въ странѣ появились фабрики и именно фабрики хлопчатобумажныхъ издѣлій. Но, конечно, не эти только, а и другія, для которыхъ найдутся благопріятныя условія. Они всѣ также нуждаются въ значительномъ количествѣ разнообразныхъ машинъ и орудій. То же слѣдуетъ сказать и о желѣзныхъ дорогахъ. Но, конечно, на первыхъ порахъ какъ фабрики, такъ и желѣзныя дороги и земледѣльческія хозяйства будутъ снабжены машинами и орудіями изъ-за-границы,— изъ тѣхъ странъ, которыя мы назвали выше интенсивными. Скоро, однако, производство орудій и машинъ различнаго рода должно возникнуть на мѣстѣ, въ той странѣ, развитіе которой мы разсматриваемъ. Необходимость появленія этого производства вызывается слѣдующими обстоятельствами: во 1-хъ скоро обнаруживается, что для нѣкоторыхъ производствъ машины заграничнаго издѣлія не вполнѣ пригодны. Это относится, прежде всего, къ земледѣльческимъ орудіямъ и машинамъ; здѣсь, совершенно ясно, что не только каждая большая страна, но каждая область должна имѣть орудія и машины, приспособленныя къ мѣстнымъ естественнымъ и экономическимъ условіямъ: каждый видъ почвы, напр. требуетъ особаго устройства плуга. Такъ, англійскіе плуги,—первые явившіеся на нашихъ рынкахъ,—были вытѣснены или нѣмецкими или даже просто произведеніями мѣстныхъ фабрикъ. И для такой замѣны были основательныя причины: во 1-хъ, англійскіе плуги, большею частью, назначены для очень плотныхъ глинистыхъ почвъ, какихъ у насъ почти нѣтъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше почувствовалась нужда въ улучшенныхъ орудіяхъ, т.-е. въ черноземной полосѣ. Во 2-хъ, эти плуги нерѣдко имѣютъ чугунные лемежи, которые не только непригодны для извѣстныхъ почвъ (каменистыхъ), но не годятся и для нашихъ рабочихъ, не привыкшихъ къ обращенію съ такими хрупкими предметами. Въ 3 хъ, всѣ, можно сказать, безъ исключенія англійскіе плуги оказались для насъ слишкомъ тяжелы, ибо они разсчитаны на силу огромныхъ англійскихъ тяжеловозовъ, изъ которыхъ каждый способенъ влечь больше, чѣмъ пара нашихъ среднихъ хозяйственныхъ лошадей, не говоря о жалкихъ крестьянскихъ лошаденкахъ *).

То же имѣло мѣсто и относительно другихъ орудій и машинъ: нѣмецкія (и вообще иностранныя) конныя молотилки не пригодны для

*) Если нѣмецкіе плуги пришлись намъ болѣе по вкусу, то именно, главнымъ образомъ потому, что для влеченія ихъ не требовалось такой огромной силы, какъ для влеченія англійскихъ. Но и изъ нѣмецкихъ плуговъ у насъ привилось очень немного типовъ, къ тому же пока главнымъ образомъ въ болѣе крупныхъ хозяйствахъ.

молотьбы нашихъ твердыхъ пшеницъ, потому что барабанъ ихъ имѣетъ слишкомъ медленное движеніе, вслѣдствіе чего они не чисто вымолачиваютъ зерно; заграничныя жнейки оказались негодными для нашего юга благодаря имѣющимся при нихъ деревяннымъ граблямъ для сбрасыванія снопа; эти грабли часто ломались, а дороговизна дерева дѣлаетъ ремонтъ ихъ слишкомъ дорогимъ; и вотъ этотъ самосбрасывающій снарядъ замѣняется простыми вилами въ рукахъ рабочаго, несмотря на то, что живой трудъ здѣсь очень дорогъ.—Естественно, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда заграничныя орудія или машины оказывались въ какомъ либо отношеніи неприспособленными къ мѣстнымъ условіямъ, ихъ замѣнятъ орудія мѣстнаго производства. Это мѣстное производство, конечно, на первыхъ порахъ технически далеко не столь совершенно, какъ заграничное, но оно, тѣмъ не менѣе, возникаетъ и постепенно развивается въ силу того, что вѣдь каждая машина, какъ бы прочно она ни была построена, изнашивается, требуетъ ремонта. Между тѣмъ, если еще снабженіе новыми машинами изъ-за границы возможно, то, конечно, ремонтъ ихъ долженъ производиться по возможности ближе къ мѣсту ихъ работы. Отсюда необходимость возникновенія ремонтныхъ мастерскихъ, вездѣ, гдѣ работаютъ машинами. Это относится не только къ земледѣльческимъ машинамъ, но и къ фабричнымъ. Эти то мастерскія и начинаютъ затѣмъ изготовлять различныя орудія и машины,—вначалѣ, конечно, простыя копіи заграничныхъ, а затѣмъ постепенно съ тѣми отступленіями и измѣненіями въ конструкціи, которыя указываются мѣстными обстоятельствами; понятно, что родъ необходимыхъ измѣненій въ конструкціи машинъ становится прежде всего ясенъ хозяевамъ ремонтныхъ мастерскихъ, имѣющимъ возможность наблюдать, какія части оказываются менѣе прочными и почему-либо неудобными при мѣстныхъ условіяхъ. Это-то и даетъ мѣстнымъ выростающимъ изъ бывшихъ ремонтныхъ мастерскихъ фабрикамъ или даже простымъ мастерскимъ ремесленнаго характера (пока они еще не успѣли вырости въ фабрики) огромныя преимущества предъ заграничными фабриками, произведенія которыхъ технически часто гораздо совершеннѣе.

III.

Изъ сказаннаго мы можемъ или должны сдѣлать выводъ, что переходъ страны отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и сопровождающія его неизбѣжно явленія, развитіе фабричнаго производства тканей, особенно такихъ, которыя потребляются массами населенія, а затѣмъ и соотвѣтствующія измѣненія въ характерѣ земледѣльческаго производства, необходимо вызываютъ появленіе новой отрасли фабрично-заводской дѣятельности—производство орудій и машинъ разнаго рода, изъ которыхъ раньше начинаютъ производиться на мѣстѣ

такія, въ конструкціи которыхъ должны существовать тѣ или иныя особенности, въ зависимости отъ естественныхъ или экономическихъ условій страны.

Эти фабрики машинъ и орудій употребляютъ въ качествѣ основнаго матеріала, главнымъ образомъ, желѣзо и сталь и требуютъ значительнаго количества топлива; слѣдовательно, для появленія и развитія такихъ фабрикъ какъ тотъ, такъ и другой видъ матеріала долженъ быть на лицо; отсутствіе же или дороговизна ихъ можетъ затормозить появленіе въ странѣ самаго производства. Но желѣзо обыкновенно не производится или производится только въ ничтожныхъ количествахъ въ странахъ, ведущихъ натуральное или близкое къ натуральному хозяйство, такъ какъ при такомъ хозяйствѣ страна въ немъ почти не нуждается; топливо же въ такой странѣ обыкновенно имѣется только въ видѣ лѣсныхъ матеріаловъ, такъ какъ угля добывается еще менѣе, чѣмъ желѣза, точнѣе—его совсѣмъ не добывается, хотя бы самый матеріалъ имѣлся въ нѣдрахъ страны въ большомъ изобиліи.

Это обстоятельство, часто объясняемое просто невѣжествомъ населенія, представляетъ не случайное явленіе, а совершенную необходимость и объясняется условіями добыванія и сбыта каменнаго угля. Это объстоятельство настолько важно, что мы на немъ остановимся нѣсколько долѣе. Замѣтимъ, во-1-ыхъ, что эксплуатація нѣдръ земли безъ помощи научно обоснованной техники представляетъ всегда такія огромныя трудности и сопряжена съ такимъ рискомъ, что уже благодаря этимъ условіямъ развитіе производствъ, связанныхъ съ такой эксплуатаціей, въ періодъ натуральнаго, докапиталистическаго хозяйства можетъ быть только совершенно ничтожно. Во-2-хъ, если имѣть въ виду важнѣйшія отрасли горнопромышленнаго дѣла,—добываніе желѣза (желѣзной руды) и каменнаго угля,— то слѣдуетъ сказать, что добываемый продуктъ представляетъ необыкновенно громоздкій, малоцѣнный, а потому трудно транспортируемый товаръ, притомъ товаръ, получающій *цѣнность потребленія* только тогда, когда онъ добывается въ очень значительныхъ количествахъ. Въ силу этой громоздкости, добываніе желѣзной руды имѣетъ смыслъ только тамъ, гдѣ есть на лицо на мѣстѣ условія для переработки ея, тамъ, гдѣ имѣется топливо—лѣсной матеріалъ или тотъ же каменный уголь *). Съ другой стороны, добыча каменнаго угля ради мѣстнаго потребленія только тогда можетъ окупиться, если это потребленіе значительно, какъ, напр., при употребленіи угля

*) Что указанное отсутствіе топлива можетъ служить существеннымъ препятствіемъ для разработки рудныхъ богатствъ—прекрасно доказываетъ положеніе дѣла въ южныхъ частяхъ Уральскихъ горъ, гдѣ имѣются на лицо цѣлыя горы наилучшей руды (магнитнаго желѣзняка), которой добывается однако совершенно ничтожное (сравнительно съ запасами ея) количество, именно благодаря отсутствію топлива.

для металлургическаго производства или для надобностей желѣзныхъ дорогъ и т. д. Передвинуть же сколько-нибудь значительную массу такихъ громоздкихъ товаровъ можно только или по естественнымъ воднымъ путямъ, или при помощи желѣзныхъ дорогъ. Послѣднихъ, конечно, въ странѣ не имѣется, да и водные пути, пока на нихъ не появились паровые двигатели, не могутъ особенно сильно содѣйствовать сбыту такого громоздкаго товара, тѣмъ болѣе, что близость ихъ къ мѣсту добычи его представляетъ только случайность. Въ-3-хъ, при неразвитости промышленности въ періодъ натуральнаго хозяйства, самая потребность въ продуктахъ горнаго промысла (именно желѣзѣ и каменномъ углѣ, какъ главнѣйшихъ видахъ этихъ продуктовъ) крайне ограничена; точнѣе говоря, существуетъ очень слабая потребность въ желѣзѣ и никакой — въ каменномъ углѣ, ибо послѣдній съ удобствомъ замѣняется древеснымъ и другими видами топлива, примѣненіе которыхъ проще и не требуетъ спеціальныхъ приспособленій, какъ пользованіе каменнаго угля.

Наконецъ, въ-4-хъ, кромѣ всѣхъ указанныхъ препятствій техническаго характера, неразвитость горныхъ промысловъ въ первобытныхъ, *экстенсивныхъ* странахъ обусловливается *общественными условіями* этихъ странъ и *несоотвѣтствіемъ таковыхъ требованіямъ техники горнопромышленныхъ предпріятій.*

Анализируя, именно, условія существованія предпріятія этого рода, мы приходимъ къ выводу, что однимъ изъ самыхъ важныхъ условій является возможность концентраціи значительнаго числа рабочихъ въ одномъ предпріятіи. Наоборотъ, основной капиталъ горнопромышленныхъ предпріятій сравнительно малъ, да и форма его крайне оригинальна: въ противоположность настоящимъ фабричнымъ предпріятіямъ (обработывающей промышленности), гдѣ наибольшую часть цѣнности основного капитала представляютъ машины, послѣднія въ горныхъ промыслахъ, можно сказать, не играютъ никакой роли, такъ какъ самый актъ добычи продукта происходитъ безъ ихъ участія и, слѣдовательно, ни производительность, ни интенсивность труда нисколько не зависятъ отъ работы машинъ. Отсутствіе примѣненія машинъ, замѣняющихъ живой трудъ при самомъ актѣ добычи горнаго продукта, ведетъ къ тому, что размѣръ добычи каменнаго угля или руды зависитъ исключительно отъ количества занятыхъ рабочихъ и отъ производительности и интенсивности ихъ труда—качествъ, изъ которыхъ первое опредѣляется,—при данномъ богатствѣ рудника, — умѣлостью, а второе—исключительно доброй волей рабочаго. Затрата же капитала, помимо рабочей платы, какъ сказано, не опредѣляетъ собою размѣровъ производства. И дѣйствительно, эти затраты состоятъ, во-1-ыхъ, въ цѣнѣ самой копи, представляющей главнѣйшую часть цѣнности основного капитала, и, во-2-хъ, въ стоимости закладки шахтъ и обстановки ихъ ради достиженія удобства и, главное, безопасности подзем-

ныхъ работъ. Къ этому надо прибавить, что обѣ эти главнѣйшія составныя части основного капитала горнопромышленныхъ предпріятій подвержены огромному риску отъ всякихъ случайностей (обваловъ, потопленія или даже пожара — какъ въ каменноугольныхъ копяхъ). Этотъ рискъ, рядомъ съ высокой цѣной самой копи, является важнѣйшимъ стимуломъ для капиталиста спѣшить выработкой копи, для чего онъ и долженъ эксплуатировать одновременно возможно большее количество живой рабочей силы, такъ какъ другихъ средствъ ускорить выработку нѣтъ въ его распоряженіи.

Разсмотрѣніе данныхъ, характеризующихъ промышленныя предпріятія различныхъ странъ, подтверждаетъ сказанное. Такъ, для Германіи, имѣющей наиболѣе точную статистику этого рода, находимъ слѣдующее. По послѣдней промысловой переписи (14 іюня 1895 года) въ Германіи насчитано всего только 255 предпріятій, имѣющихъ болѣе 1.000 рабочихъ каждое и изъ этого числа 134 предпріятія, или 52,5% составляютъ горнопромышленныя (собственно группа—Bergbau, Hütten- und Salinen-wesen). По отношенію къ предпріятіямъ этого рода такія гигантскія предпріятія составляютъ 3,6%,—отношеніе, не встрѣчающееся ни въ одной изъ остальныхъ группъ; такъ, даже въ машиностроеніи, гдѣ подобныя предпріятія наиболѣе часты, ихъ всего 42, что составитъ по отношенію ко всѣмъ предпріятіямъ (считая только тѣ, которыя ведутся съ участіемъ рабочихъ и не считая совсѣмъ ведомыя единолично однимъ предпринимателемъ) менѣе 0,1% (0,098%). Но и остальныя горнопромышленныя предпріятія, помимо этихъ гигантовъ, имѣютъ все еще значительную крупность; вотъ почему 95,2% всѣхъ занятыхъ въ горныхъ промыслахъ лицъ приходится на предпріятія, имѣющія каждое свыше 50 рабочихъ,—отношеніе, опять не встрѣчающееся ни въ одной большой группѣ, изъ другихъ группъ наибольшее число занятыхъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, имѣющихъ свыше 50 рабочихъ каждое, находимъ въ химическомъ—61,7%,—затѣмъ въ прядильно-ткацкомъ—59,2% и машиностроеніи—59,0%; вездѣ, слѣдовательно, значительно меньше, чѣмъ въ горныхъ промыслахъ. Если разсматривать производства въ болѣе детальной группировкѣ, то оказывается, что нѣкоторыя отрасли даютъ близкое къ горнопромышленнымъ отношеніе лицъ, занятыхъ въ крупныхъ предпріятіяхъ (сахарные заводы, стеклянные, производящіе паровыя машины и друг.), но все же во главѣ въ числѣ отраслей съ наибольшимъ преобладаніемъ крупныхъ предпріятій стоятъ горнопромышленныя; первое мѣсто занимаетъ, именно, каменноугольное, въ которомъ мелкія предпріятія (до 50 рабочихъ) совсѣмъ отсутствуютъ, да и среднія (до 50 рабочихъ) составляютъ всего 0,2%, тогда какъ слѣдующіе за ними свеклосахарные заводы,—также не имѣя мелкихъ предпріятій,—считаютъ, однако, 0,6% среднихъ. При добываніи желѣзной руды концентрація рабочихъ силъ уже слабѣе, хотя и здѣсь только 0,5% предпріятій относится къ

группѣ мелкихъ и 6,1% къ среднимъ, а 93,4% къ крупнымъ. Разсматривая спеціально гигантскія предпріятія, имѣющія свыше 1.000 рабочихъ каждое, найдемъ, что и здѣсь первое мѣсто принадлежитъ опять горнымъ предпріятіямъ, въ отдѣльныхъ отрасляхъ которыхъ нерѣдко встрѣчаются цѣлые десятки такихъ гигантовъ, тогда какъ ни въ одной изъ остальныхъ группъ число ихъ не доходитъ и до десяти, такъ, въ рудномъ дѣлѣ ихъ 16 съ 30-тысячами рабочихъ, въ производствѣ желѣза и стали (помимо добычи руды) 29 съ 55.709 лицами; а въ каменноугольномъ дѣлѣ даже 86 съ 156.811 рабочихъ. Насъ, поэтому, не удивитъ, что въ горномъ дѣлѣ 45,0% всего занятаго персонала входитъ въ составъ этихъ гигантскихъ предпріятій, тогда какъ изъ другихъ отраслей, даже въ тѣхъ, гдѣ наибольшее значеніе по долѣ занятого персонала имѣютъ подобныя предпріятія,—именно въ машиностроеніи,—только 13,9% всѣхъ занятыхъ лицъ принадлежитъ этой категоріи предпріятій. О необыкновенной крупности горнопромышленныхъ предпріятій свидѣтельствуетъ, наконецъ, и средняя цифра занятыхъ въ каждомъ предпріятіи лицъ, число которыхъ, если не считать одиночныхъ предпріятій, достигаетъ 143,4, тогда какъ высшую цифру для другихъ группъ даютъ химическіе производства—съ 15,4 и прядильно-ткацкое—съ 14,9 лицъ на 1 предпріятіе, т.-е. въ послѣднихъ двухъ группахъ среднее предпріятіе въ 9—10 разъ менѣе по числу занятыхъ лицъ, чѣмъ въ горной промышленности.

Но эти валовыя цифры, относящіяся ко всѣмъ отраслямъ горнаго дѣла, еще недостаточно характеризуютъ наиболѣе важныя изъ нихъ. Для 1895 года мы не имѣемъ подъ руками болѣе детальныхъ данныхъ, поэтому приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ отрасляхъ по переписи 1882 года. Тогда среднее число рабочимъ на одно предпріятіе въ отдѣльныхъ видахъ горнопромышленныхъ предпріятій было:

въ добычѣ руды, кромѣ желѣзной	234,0
» » » » желѣзной	99,2
» каменноугольныхъ копяхъ	487,1

Послѣдняя цифра особенно характерна: она показываетъ, какъ огромно должно быть количество рабочихъ рукъ, которое можетъ собрать предприниматель, чтобы добыча каменнаго угля могла идти правильно.

Вотъ эта-та необходимость сосредоточить въ одномъ предпріятіи огромное количество рабочихъ рукъ является важнѣйшимъ препятствіемъ,—съ общественной стороны, для возникновенія процвѣтанія горныхъ предпріятій въ странахъ экстенсивныхъ.

Если примемъ во вниманіе условія работы въ рудникахъ или копяхъ каменнаго угля, то необходимо придемъ къ выводу, что на такую работу населеніе пойдетъ только при невозможности найти болѣе легкую и пріятную. Поэтому въ странахъ, обладающихъ еще значительнымъ земельнымъ просторомъ, гдѣ земледѣліе можетъ раз-

ширяться и экстенсивно, захватывая подъ культуру все новыя земли, и интенсивно, увеличивая тщательность работы на ранѣе обрабатывавшейся площади, и въ обоихъ случаяхъ, слѣдовательно, привлекая все бо̀льшую массу рабочихъ, тамъ, въ такихъ странахъ, развитіе горныхъ промысловъ вообще, а въ особенности каменноугольнаго дѣла встрѣчаетъ весьма серьезное, можно почти сказать непреодолимое препятствіе именно въ недостаткѣ рабочихъ рукъ. Яркое доказательство вѣрности этого вывода представляетъ развитіе русскихъ горныхъ промысловъ, особенно же каменноугольнаго дѣла въ нашемъ южномъ каменноугольномъ районѣ. Какъ извѣстно, несмотря на почти запретительную пошлину, давшую возможность поднять цѣну каменнаго угля до невѣроятной высоты, все же наши южныя копи, при всемъ своемъ естественномъ богатствѣ, не могутъ удовлетворить даже существующему спросу на уголь, хотя, несомнѣнно, этотъ спросъ искусственно понижается именно той безобразно-высокой цѣной угля, которая вызвана пошлиной и которая дѣлаетъ выгодной перевозку жидкаго топлива (нефти) на тысячи верстъ, вмѣсто доставки угля на сотни верстъ. Эта неспособность каменноугольныхъ копей удовлетворить спросъ вызываетъ чуть не ежегодно въ южныхъ городахъ угольный голодъ, во время котораго цѣна угля едва не достигаетъ цѣнъ хлѣба.

Недостатокъ рабочихъ рукъ, являющійся основной причиной такихъ кризисовъ, обнаруживается у насъ не въ одномъ только южномъ районѣ; это доказала зима 1889—1900 года, когда и въ Царствѣ Польскомъ обнаружился угольный голодъ, вызванный нѣкоторымъ оживленіемъ промышленности, какъ у насъ, такъ и въ Западной Европѣ; благодаря послѣднему сталъ невозможенъ или болѣе затруднителенъ подвозъ угля изъ-за границы, а между тѣмъ недостатокъ рабочихъ не допускалъ расширенія мѣстнаго производства.

Нашему положенію о невозможности развитія горныхъ промысловъ въ странахъ экстенсивныхъ, съ обширными незанятыми земельными пространствами, противорѣчитъ, повидимому, положеніе вещей въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Однако, это противорѣчіе только кажущееся. Во 1-хъ, особенно энергичное развитіе горныхъ промысловъ началось и въ Соед. Штатахъ сравнительно очень недавно, — съ средины восьмидесятыхъ годовъ XIX вѣка,—а къ этому времени та область, въ которой находится главный центръ горнопромышленности (въ смыслѣ производства каменнаго угля и желѣза) С. А. Соединенныхъ Штатовъ, сдѣлалась уже страной интенсивной. Какъ извѣстно, центръ каменноугольнаго и желѣзодѣлательнаго производства штатовъ представляетъ Пенсильванія, т. е. одинъ изъ самыхъ старыхъ, наиболѣе густо населенныхъ штатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это приморскій, пріатлантическій штатъ, хотя и прилегаетъ къ морю только очень незначительной полосой, а это значитъ, что, во-1-хъ, онъ являлся однимъ изъ первыхъ этаповъ на американской почвѣ для

огромной массы европейскихъ переселенцевъ, изъ среды которыхъ, конечно, и рекрутировалась наибольшая часть рабочихъ для горныхъ промысловъ, такъ какъ, съ одной стороны, эти переселенцы рады были на первыхъ порахъ найти какое-нибудь занятіе, а съ другой— среди нихъ было не мало лицъ, которыя и на родинѣ занимались уже подобной работой и, во всякомъ случаѣ, очень много такихъ, которыя давно отвыкли отъ земледѣльческихъ занятій и потому охотнѣе шли на промышленную работу. Во-2-хъ, приморское положеніе штата открывало возможность широко пользоваться дешевымъ воднымъ путемъ для транспорта, производимаго горными промыслами громоздкаго товара, что имѣло особенно большое значеніе для наиболѣе громоздкаго изъ таковыхъ, т. е. для каменнаго угля, который находилъ такимъ образомъ обширный сбытъ какъ на морскія суда, такъ и на развившіяся довольно рано въ прибрежныхъ областяхъ фабрики и заводы разнаго рода. Словомъ, развитіе горной про-мышленности въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ вызвано совершенно исключительными обстоятельствами и отнюдь не опровергаетъ высказаннаго выше положенія о несоотвѣтствіи общественной обстановки странъ экстенсивныхъ для развитія горныхъ промысловъ.

IV.

Такимъ образомъ, мы пришли къ выводу, что логическій ходъ развитія и послѣдовательнаго появленія отраслей промышленности внѣземледѣльческой таковъ *): 1) прежде всего должны появиться тѣ отрасли промышленности, которыя доставляютъ населенію предметы непосредственнаго потребленія, удовлетворяющіе насущныя потребности массы населенія. Для этого такіе предметы должны быть дешевы,— дешевле тѣхъ, которые они замѣняютъ въ народномъ потребленіи. 2) Затѣмъ, тѣ измѣненія, которыя необходимо происходятъ въ земледѣліи, равно какъ и появленіе желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ, производящихъ указанные выше предметы потребленія, вызываютъ необходимость появленія второй группы фабрикъ, именно изготовляющихъ орудія и машины всякаго рода. 3) Для появленія послѣдняго рода производствъ существеннымъ препятствіемъ является, повидимому, отсутствіе или слабое развитіе горныхъ промысловъ, на первомъ мѣстѣ—добычи желѣза, а нѣсколько позже или въ районахъ безлѣсныхъ и каменнаго угля. Для послѣдняго въ новыхъ странахъ условія

*) Само собою разумѣется, что, указывая послѣдовательность развитія отраслей промышленности, мы даемъ только самую грубую общую схему и вовсе не хотимъ сказать этимъ, что параллельно основанію фабрикъ и заводовъ того рода, которые мы относимъ къ первой или второй группѣ, не могутъ основываться еще другіе заводы и фабрики: мы намѣчаемъ своей схемой только важнѣйшіе, легко отличимые этапы въ развитіи промышленности—не болѣе.

производства особенно неблагопріятны и нѣтъ основанія разсчитывать на быстрое развитіе его добычи. Однако, эти затрудненія не могутъ остановить развитія производства машинъ и орудій. Дѣло въ томъ, что, какъ было уже замѣчено, топливомъ въ первое время служатъ иные матеріалы, такъ что въ каменномъ углѣ надобности обыкновенно не ощущается, и, слѣдовательно, необходимо удовлетворить потребность только въ желѣзѣ. Но эта потребность можетъ и даже должна быть удовлетворена ввознымъ изъ-за границы желѣзомъ, поскольку послѣднее служитъ матеріаломъ для изготовленія машинъ и орудій. И такой способъ удовлетворенія этой потребности долженъ имѣть мѣсто и тогда, когда въ странѣ будетъ существовать производство желѣза, ибо, во всякомъ случаѣ, первые, появляющіеся въ странѣ желѣзодѣлательные заводы предпочтутъ заняться изготовленіемъ такихъ товаровъ, для которыхъ имѣется уже обширный рынокъ въ странѣ и изготовленіе которыхъ, къ тому же, проще. Принимая во вниманіе, что страна въ данное время обзаводится болѣе или менѣе энергично желѣзными дорогами, мы найдемъ, что именно желѣзныя дороги должны доставлять такой рынокъ первымъ желѣзодобывающимъ заводамъ и послѣдніе не будутъ имѣть никакого повода заняться изготовленіемъ тѣхъ сортовъ желѣза и стали, въ которыхъ нуждаются машиностроительные заводы, тѣмъ болѣе, что въ первое время, когда вновь основываемые заводы начинаютъ строить машины и орудія, обыкновенно очень разнообразныя, но каждаго вида и каждаго типа въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, — всѣ эти заводы вмѣстѣ не могутъ предъявить столь значительнаго спроса на тотъ или другой сортъ матеріала, чтобы изготовленіе этого сорта сдѣлалось выгодно для желѣзодѣлательнаго завода. Въ виду этого, полученіе соотвѣтствующихъ матеріаловъ изъ-за границы представляетъ единственный способъ выйти изъ затрудненій; это тѣмъ болѣе легко, что самыя орудія и машины представляютъ въ началѣ почти копіи заграничныхъ произведеній и потому заграничнымъ желѣзодѣлательнымъ заводамъ хорошо извѣстно, какого рода матеріалы нужны для тѣхъ или иныхъ орудій, и среди этихъ заводовъ есть такіе, которые занимаются спеціально приготовленіемъ соотвѣтствующихъ сортовъ матеріаловъ. Благодаря этому, выписка матеріала—желѣза—изъ-за границы представляется не только дѣломъ необходимости, но и удобства для машиностроительныхъ заводовъ, которые такимъ путемъ получаютъ вполнѣ пригодный сортъ товара по умѣреннымъ цѣнамъ, какими не могли бы довольствоваться мѣстные заводы, для которыхъ, какъ показано, производство соотвѣтствующаго товара представляетъ большія неудобства.

Итакъ, если нѣтъ препятствія ввозу изъ-за границы желѣза, то производство орудій и машинъ разнаго рода должно развиться въ странѣ довольно быстро, во всякомъ случаѣ гораздо ранѣе развитія мѣстныхъ горныхъ промысловъ, доставляющихъ первичные матеріалы

для этого производства. Наоборотъ, *горные промыслы*, и именно важнѣйшіе изъ нихъ—добыча желѣза и угля,—*будутъ, по естественному ходу развитія, послѣдними промыслами, которые разовьются въ странѣ.*

Этотъ естественный ходъ развитія финансисты привыкшіе вѣрить, что *они* направляютъ ходъ общественнаго развитія, стремятся извратить, исходя изъ ложнаго убѣжденія, что для развитія промышленности необходимо, чтобы важнѣйшіе первичные матеріалы, которые она потребляетъ, производились внутри государства. Наоборотъ, передѣлка ввозныхъ матеріаловъ считается чуть не преступленіемъ и ее стремятся всячески уничтожить, требуя, напр., чтобы при поставкахъ для государственныхъ учрежденій всѣ машины и орудія строились изъ мѣстнаго, а не иностраннаго матеріала.

Но, конечно, главное средство, помощью котораго стремятся достигнуть болѣе ранняго развитія горныхъ промысловъ, это ввозныя пошлины на иностранныя произведенія этого рода. Поэтому необходимо разобрать, каково вліяніе этихъ пошлинъ на развитіе не только горной, но и другихъ отраслей промышленности.

V.

Обложеніе пошлиной ввозныхъ товаровъ того или иного рода является мѣрой, поощряющей производство даннаго товара внутри страны въ томъ смыслѣ, что этимъ путемъ достигается повышеніе цѣны заграничнаго товара въ странѣ, а слѣдовательно является возможность повысить и цѣну конкурирующаго съ нимъ туземнаго товара Обычно необходимость таковаго повышенія цѣнъ мотивируется тѣмъ, что, въ началѣ, пока туземное производство не установилось, оно не можетъ производить такъ же дешево, какъ производится товаръ за границей. Это положеніе считается настолько безспорнымъ, что приводить доказательства въ пользу его считается обыкновенно излишнимъ. Но затѣмъ дѣлается выводъ, что впослѣдствіи, съ развитіемъ туземнаго производства, цѣна товара упадетъ до нормы,—положеніе, которое также обыкновенно ничѣмъ не подтверждается, кромѣ развѣ ссылки на совершенно неподходящій примѣръ. Такую аргументацію примѣнялъ, напр., нашъ извѣстный ученый, Д. И. Менделѣевъ, превратившись изъ химика въ экономиста и взявшись оправдать таможенный тарифъ 1891 года. Мотивируя высокія пошлины, между прочимъ, на каменный уголь, названный почтенный ученый, обѣщалъ намъ что скоро, при помощи этой пошлины, мы настолько разовьемъ свое каменноугольное производство, что чуть ли не будемъ снабжать весь міръ этимъ матеріаломъ. А въ подтвержденіе того, что это непремѣнно такъ случится, указывается на развитіе нефтяного дѣла, которое, будто бы потому такъ быстро и роскошно развилось, что въ свое время тотъ же Д. И. Менделѣевъ указалъ на необходимость ввести покровительствен-

ную пошлину на американскій керосинъ. Мы приводимъ это разсужденіе, какъ очень характерное и типичное для представителей господствующей у насъ теперь системы покровительства. Въ этомъ разсужденіи типично именно то, что, говоря о той или иной отрасли производства, совершенно игнорируются техническія и общественно-экономическія условія даннаго производства: только при такомъ игнорированіи и возможно такое сопоставленіе между каменноугольнымъ и нефтянымъ производствомъ, какое мы привели выше; иначе тотчасъ бросилась бы въ глаза рѣзкая разница въ условіяхъ того и другого производства. Дѣйствительно, мы показали выше, что количество добытаго угля всецѣло опредѣляется количествомъ занятыхъ рабочихъ и отсюда стремленіе къ огромной концентраціи рабочихъ силъ въ каждомъ предпріятіи. Ничего подобнаго нѣтъ въ нефтяномъ производствѣ; особенно при нашихъ условіяхъ, когда чуть ли не бóльшая часть нефти происходитъ изъ фонтановъ. И понятно, что при такихъ условіяхъ нефтяные промыслы совсѣмъ не нуждаются въ большомъ количествѣ рабочихъ.

Но какъ бы то ни было, при помощи таможенной пошлины цѣна на товаръ внутри страны повышается. Это обстоятельство даетъ, конечно, возможность возникнуть въ странѣ такимъ промысламъ, существованіе которыхъ безъ этого невозможно. Въ нашемъ случаѣ, слѣдовательно, могутъ возникнуть и горные промыслы того или другого вида. Но условія развитія и при существованіи пошлины остаются болѣе благопріятны для желѣзодѣлательнаго производстаа: мы видѣли, что эта отрасль не требуетъ такой значительной концентраціи рабочихъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ запросъ на желѣзо появляется ранѣе, да къ тому же матеріалъ этотъ все же значительно легче транспортируется, такъ какъ менѣе портится въ пути, и всегда дороже каменнаго угля, а транспортабельность товара имѣетъ большое значеніе при неустройствѣ путей сообщенія. Но первые желѣзодѣлательные заводы, какъ сказано, должны основаться первоначально на доставкѣ массоваго матеріала для желѣзныхъ дорогъ, не только потому, что оборудованіе завода при этихъ условіяхъ проще, но и потому, что желѣзныя дороги составляютъ единственный обезпеченный рынокъ для сбыта произведеній такихъ заводовъ. Однако, все же для того, чтобы заводы успѣли отвоевать себѣ поставки для желѣзныхъ дорогъ, то же нужны нѣкоторыя особыя условія. Таковы, напр., условія, которыя мы встрѣчаемъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, т.-е. съ одной стороны легкое обезпеченіе рабочей силой (въ лицѣ переселенцевъ изъ Европы), съ другой—очень сильный спросъ на матеріалы благодаря энергичной постройкѣ желѣзныхъ дорогъ (въ 70-хъ годахъ Сѣверо-Американскихъ Соединенные Штаты строили ежегодно до 100.000 верстъ ж. дорогъ), и, наконецъ такую отдаленность отъ Европы, которая сама по себѣ являлась своего рода пошлиной, удорожая цѣну

иностраннаго желѣза, которая и безъ того держалась очень высоко, благодаря значительной пошлинѣ.

Повидимому, именно, одна пошлина, даже и очень высокая, съ трудомъ можетъ вызвать къ жизни заводы, особенно при современныхъ условіяхъ, когда сами желѣзныя дороги являются естественными союзниками заграничныхъ поставщиковъ: они заинтересованы во ввозѣ такихъ товаровъ, какъ желѣзо и каменный уголь, не только потому, что сами являются потребителями ихъ, но и потому, что эти громоздкіе товары представляютъ очень удобные для нихъ *обратные* грузы. *Обратными*, какъ извѣстно, называются грузы, которые идутъ въ направленіи болѣе слабаго движенія товаровъ (никогда не бываетъ, чтобы движеніе по дорогѣ было одинаково сильно въ обѣ стороны). Для дорогъ такихъ странъ, какъ Россія, или вообще—странъ земледѣльческихъ, вывозящихъ, главнымъ образомъ, громоздкіе товары, какъ хлѣбъ, всегда оказывается, что движеніе отъ границы внутрь страны представляетъ для желѣзныхъ дорогъ обратный токъ, такъ какъ масса ввозныхъ въ страну товаровъ всегда меньше массы вывозимаго изъ нея сырья. Въ силу такого положенія вещей желѣзныя дороги, направляющіяся къ границамъ, вынуждены гонять отъ границы внутрь страны пустые вагоны и, понятно, для нихъ выгодно наполнить эти пустые вагоны какимъ-нибудь грузомъ, доставляемымъ внутрь страны, хотя бы за самую ничтожную плату, немного превышающую разность въ текущихъ расходахъ по стоимости перевозки пустыхъ и наполненныхъ вагоновъ. Во всякомъ случаѣ, все, что дорога заработаетъ сверхъ стоимости транспорта, для нея самой представляетъ чистый доходъ дороги. Вотъ почему дороги, пока онѣ свободны въ назначеніи тарифовъ, какъ, напр., дороги Соединенныхъ Штатовъ, — назначаютъ самые низкіе тарифы для обратныхъ грузовъ; пониженіе этихъ тарифовъ нерѣдко служило средствомъ парализовать повышеніе пошлинъ. Это, между прочимъ, всегда нужно имѣть въ виду, сравнивая, напр., таможенныя пошлины Соединенныхъ Штатовъ и русскія: въ первомъ случаѣ вліяніе ихъ въ значительной мѣрѣ парализуется низкими ввозными тарифами желѣзныхъ дорогъ, тогда какъ у насъ,—гдѣ желѣзнодорожные тарифы устанавливаются тѣмъ же министерствомъ финансовъ, которое устанавливаетъ и таможенныя пошлины,—эти тарифы являются только средствомъ усиленія вліянія пошлины. Но пока желѣзнодорожные тарифы устанавливаются внѣ воздѣйствія государственной власти, руководясь только интересами самихъ дорогъ, до тѣхъ поръ дороги, устанавливая низкіе тарифы на ввозное желѣзо, облегчаютъ послѣднему конкуренцію съ желѣзомъ внутренняго производства.

Если мы обратимъ вниманіе на то, какъ шло развитіе желѣзнодорожнаго производства у насъ, то увидимъ, что оно долгое время двигалось впередъ сравнительно медленно, несмотря на то, что пош-

лины у насъ давно уже достигли весьма значительной высоты. Во всякомъ случаѣ, со второй половины восьмидесятыхъ годовъ (министерства Вышнеградскаго) пошлины вызывали постоянно протесты въ обществѣ; тѣмъ не менѣе пошлина была еще повышена по тарифу 1891 года и только съ этого времени производство увеличивается быстрѣе, особенно съ 1895 года, когда начинается, наоборотъ, чрезвычайно быстрый ростъ его *).

Чѣмъ же объясняется такая перемѣна въ темпѣ развитія? Какъ извѣстно, въ это время не было произведено повышенія пошлинъ, «покровительство» въ этомъ смыслѣ не усилилось. Объясненіе этого вліянія заключается въ томъ, что съ новымъ царствованіемъ началась энергичная постройка желѣзныхъ дорогъ, такъ что въ этомъ отношеніи современный періодъ (точнѣе періодъ 1895—1900 годовъ) напоминаетъ времена наиболѣе интенсивнаго желѣзнодорожнаго строительства въ Америкѣ, далеко превосходя по протяженію строящихся дорогъ періоды самаго бойкаго строительства въ любомъ изъ государствъ Западной Европы. Значительная часть новыхъ дорогъ строилась распоряженіемъ правительства, которое по принципу давало заказы на желѣзныя части только русскимъ заводамъ; да и тамъ, гдѣ строителями являлись частныя компаніи, въ концессіи обыкновенно вводилось условіе, что всѣ желѣзныя части должны быть «изготовлены изъ русскихъ матеріаловъ», т.-е. и здѣсь поставщиками обязательно являлись русскіе заводы. Вотъ это-то условіе и создало то «процвѣтаніе» нашей желѣзодѣлательной промышленности, которое нѣсколько лѣтъ давало матеріалъ для восхваленія нашего промышленнаго роста и вызвавшей этотъ ростъ покровительственной политики.

Однако, уже въ 1899 году появились первые предвѣстники приближающейся грозы, которые не были поняты оффиціальными хвалителями покровительства и, наоборотъ, растолкованы, какъ признаки высокаго развитія нашей промышленности, «благодаря которой нашъ рынокъ дѣлается независимымъ отъ иностранныхъ рынковъ». Поводомъ для такого заключенія послужило то обстоятельство, что въ то время, какъ во всей Европѣ, благодаря оживленію промышленности, цѣна желѣза шла быстро въ гору,—у насъ она вдругъ начала падать, несмотря на то, что каменный уголь стоялъ въ необыкновенно высокой цѣнѣ, такъ что вскорѣ министерство финансовъ вынуждено было разрѣшить безпошлинный ввозъ угля для надобностей нѣкоторыхъ городовъ и желѣзныхъ дорогъ. Эта явная несообразность, однако, какъ сказано, не обратила на себя вначалѣ вниманія, и только начавшееся вслѣдъ затѣмъ крушеніе различныхъ предпріятій

*) Добывалось чугуна въ Россіи въ среднемъ за пятилѣтіе милліоновъ пудовъ: 1861—1865—17,7, 1871—1875—23,8, 1881—1885—29,9, 1891—1894—68,8; въ 1897 г. добыто уже 113, а въ 1898—134 милл. пудовъ.

показало, что предшествовавшее паденіе цѣнъ было признакомъ наступавшаго кризиса.

Тѣмъ не менѣе этотъ кризисъ можно было вполнѣ безошибочно предсказать, принявъ во вниманіе условія появленія и развитія нашихъ горнопромышленныхъ предпріятій. Какъ извѣстно, огромное большинство новыхъ предпріятій этого рода возникло на югѣ, въ томъ районѣ, который еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка представлялъ «районъ дикаго скотоводства», т.-е. область, поставлявшую на отдаленные рынки только очень транспортабельные продукты животноводства: шерсть, кожи и живой скотъ. Область эта производила въ то время зерно почти только для собственныхъ надобностей, несмотря на то, что почва здѣсь большею частью богата и плодородна (черноземъ); это объяснялось тѣмъ, что область была слабо населена и лишена, за исключеніемъ узкихъ полосъ по берегамъ большихъ рѣкъ (Днѣпръ, Донъ и притоки послѣдняго), возможности сбывать такіе громоздкіе товары, какъ зерно. Только съ проведеніемъ первыхъ желѣзныхъ дорогъ, въ области (уже въ 70-хъ годахъ) начинаетъ производиться больше зерна и съ этого же времени населеніе ея начинаетъ быстро расти. Почти въ то же время открываются здѣсь залежи желѣзной руды и начинается развитіе желѣзодѣлательнаго и каменноугольнаго производствъ, причемъ, однако, какъ сказано, задерживаемое вышеуказанными обстоятельствами, и главнымъ образомъ, недостаткомъ рабочихъ. Этотъ недостатокъ рабочихъ вызвалъ даже, какъ извѣстно, образованіе въ нашихъ степяхъ чистоиностранныхъ промышленныхъ заведеній (извѣстная Юзовка), иностранныхъ не по происхожденію предпринимателей только (въ этомъ смыслѣ бо̀льшая часть горныхъ предпріятій юга Россіи—иностранныя), а и по составу рабочихъ. Но, конечно, ввозить изъ-за границы рабочія руки крайне невыгодно вообще (въ виду высокаго уровня потребностей такихъ рабочихъ, сравнительно съ русскими), и если такой ввозъ еще окупается, то только по отношенію къ технически-обученнымъ рабочимъ; поэтому, все же, несмотря на этотъ ввозъ, недостатокъ рабочихъ скоро начинаетъ являться тормазомъ для развитія горнопромышленныхъ предпріятій. Правда, на первыхъ порахъ такой недостатокъ ощущается, можно сказать, только каменноугольными копями; но бѣда въ томъ, что желѣзодѣлательные заводы нашего юга находятся въ безусловной зависимости отъ развитія мѣстныхъ каменноугольныхъ предпріятій: только послѣднія могутъ доставить имъ топливо. Но тѣмъ не менѣе, благодаря высокой пошлинѣ на каменный уголь и желѣзо, первыя по времени возникновенія предпріятія, какъ каменноугольныя, такъ и желѣзодѣлательныя давали огромные барыши, а это вызывало стремленіе къ образованію новыхъ предпріятій. Однако, каждое, вновь возникающее предпріятіе попадало въ менѣе благопріятныя условія сравнительно съ предпріятіями, организовавшимися ранѣе: контингентъ

рабочихъ, которымъ могли располагать всѣ горные промыслы, не увеличивался, вѣдь, въ силу того, что число заводовъ росло; поэтому каждому новому заводу все труднѣе становилось привлекать рабочую силу. Приходилось повышать рабочую плату или вести производство въ уменьшенномъ масштабѣ, а это невыгодно отзывалось на стоимости продукта. И вотъ получилась странная картина: цѣны каменнаго угля все росли изъ года въ годъ, а, между тѣмъ, отчеты каменноугольныхъ копей, особенно вновь возникшихъ, все чаще показывали убытокъ, вмѣсто барыша. Но, кромѣ того, ростъ самого производства увеличивался съ появленіемъ каждаго новаго завода въ несравненно болѣе слабой степени, чѣмъ соотвѣтствовало бы силѣ новаго завода, благодаря тому, что новый заводъ отвлекалъ часть рабочихъ отъ старыхъ заводовъ и тѣмъ понижалъ ихъ производительность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ высокая цѣна желѣза и каменнаго угля являлась огромной задержкой для развитія, можно сказать, всѣхъ другихъ отраслей промышленности. Цѣна этихъ матеріаловъ вліяетъ, именно, на всѣ отрасли промышленности или прямо, или косвенно, или тѣмъ и другимъ способомъ: прямо на тѣ отрасли или предпріятія, для которыхъ эти товары служатъ матеріалами; таковы по отношенію къ желѣзу: приготовленіе машинъ и орудій и всѣ желѣзопередѣлочныя предпріятія, а по отношенію къ каменному углю: всѣ промышленныя предпріятія всѣхъ видовъ, которыя по той или иной причинѣ вынуждены употреблять каменный уголь въ качествѣ топлива. Къ послѣдней группѣ принадлежатъ, слѣдовательно, всѣ промышленныя предпріятія юга и крайняго запада (Царства Польскаго). Конечно, вопреки всѣмъ препятствіямъ, извѣстнаго рода предпріятія этого рода возникали, даже расширялись и увеличивались въ числѣ. Къ такимъ принадлежатъ, напр., машиностроительные заводы и особенно заводы сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ. Но и эти заводы постоянно чувствовали на себѣ гнетъ дороговизны первичныхъ матеріаловъ и ростъ ихъ далеко нельзя считать нормальнымъ. Дороговизна матеріаловъ не дозволяла заводамъ расширяться, принимать бóльшіе размѣры, ибо такое расширеніе выгодно только при возможности массоваго сбыта, а на такой сбытъ нельзя было разсчитывать, такъ какъ огромное большинство крестьянскаго населенія могло явиться покупателемъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій только при условіи дешевизны таковыхъ; при малыхъ размѣрахъ сбыта произведеній, заводъ вынужденъ работать примитивными, ремесленными способами, что еще болѣе удорожаетъ произведенія его, дѣлая ихъ, вдобавокъ, технически менѣе совершенными *)

*) Этимъ объясняются постоянныя жалобы русскихъ хозяевъ на русскіе машиностроительные заводы, при чемъ, однако, дурное качество и дороговизна орудій трактуются чаще всего, какъ выраженія жадности и невѣжества нашихъ заводчиковъ, совершенно упуская изъ виду тѣ внѣшніе факторы, которые вызываютъ разсматриваемыя явленія.

Не лучше положеніе и всѣхъ тѣхъ промышленныхъ предпріятій, которыя пользуются только каменнымъ углемъ, какъ топливомъ. Для примѣра укажемъ хотя бы то, что въ числѣ причинъ, задерживающихъ распространеніе свеклосахарнаго производства, особенно въ малорусскомъ районѣ, безъ сомнѣнія слѣдуетъ поставить и дороговизну угля, и еще болѣе—необезпеченность доставки его.

Но косвенный вредъ, приносимый высокими цѣнами желѣза и угля, еще болѣе, чѣмъ прямой, ибо этотъ вредъ распространяется, можно сказать, на всю экономическую жизнь страны. Прежде всего посредниками въ распространеніи этого вреда являются желѣзныя дороги: они, вѣдь, главные потребители желѣза, а во многихъ районахъ уже и каменнаго угля. И, понятно, если желѣзо дорого, то, прежде всего, постройка дороги стоитъ дорого; если же принять во вниманіе, что изъ всей суммы расходовъ желѣзной дороги около половины падаетъ на оплату строительнаго капитала, то необходимо сдѣлать выводъ, что повышеніе стоимости постройки должно заставлять управленіе дороги стремиться повысить доходъ, что достигается, прежде всего, повышеніемъ тарифовъ, т.-е. удорожаніемъ перевозки всѣхъ товаровъ. Сверхъ того желѣзо всегда, а каменный уголь часто входятъ составными частями въ текущіе расходы дороги, а это еще болѣе увеличиваетъ значеніе дороговизны этихъ матеріаловъ для повышенія расходовъ дорогъ. Наконецъ, дороговизна каменнаго угля вліяетъ косвенно на повышеніе цѣнъ всѣхъ другихъ видовъ топлива, и, безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что цѣна нефтяныхъ остатковъ (мазута) повысилась за послѣднія 7—8 лѣтъ въ 7—8 разъ, есть прямое слѣдствіе несообразнаго повышенія цѣнъ каменнаго угля; а такъ какъ топливо какого бы то ни было сорта есть необходимый матеріалъ для всякаго современнаго промышленнаго предпріятія, то это вздорожаніе отражается точно также на всей экономической жизни страны, какъ и вздорожаніе транспорта, вынуждаемое дороговизной постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ. Конечно, и вздорожаніе машинъ и орудій всякаго рода, благодаря дороговизнѣ матеріаловъ, отзывается на всей промышленной дѣятельности страны.

Словомъ, неизбѣжнымъ результатомъ покровительственной пошлины на продукты горнаго промысла и вызываемаго этой пошлиной повышенія цѣнъ этихъ продуктовъ является неминуемая задержка развитія всѣхъ отраслей промышленной дѣятельности,—задержка, приносящая странѣ огромный вредъ и, въ концѣ концовъ, не допускающая нормальнаго развитія и самихъ горныхъ промысловъ. Благодаря, именно, слишкомъ высокимъ цѣнамъ горныхъ продуктовъ, спросъ на нихъ настолько падаетъ, что даже ничтожное, въ сущности, количество продукта, имѣющееся на рынкѣ, не находитъ сбыта и является какъ бы перепроизводство. Вмѣстѣ съ тѣмъ возможно, что, одновременно,—въ одной отрасли является какъ бы перепроизводство,

недостатокъ сбыта, а въ другой явный недостатокъ продукта для удовлетворенія спроса. Это, кажется, то положеніе, въ которомъ находится сейчасъ Россія: желѣзодѣлательное производство переживаетъ кризисъ, его продукты не находятъ сбыта и съѣздъ южныхъ желѣзозаводчиковъ въ качествѣ лѣкарства просить казенныхъ заказовъ *); каменноугольная же промышленность не можетъ удовлетворить спросъ, несмотря на частичное разрѣшеніе безпошлиннаго ввоза угля, кризисъ въ желѣзнодорожной и застой въ другихъ отрасляхъ промышленности, вызывающій немаловажное уменьшеніе спроса на уголь. Развитіе современнаго положенія можно уже предсказать заранѣе: необыкновенно высокія цѣны на уголь поведутъ (вѣрнѣе уже повели) къ тому, что будутъ разрабатываться копи, въ обыкновенныхъ условіяхъ не окупающія производства и, поскольку позволитъ приливъ рабочихъ силъ, освободившихся вслѣдствіе застоя въ другихъ отрасляхъ промышленности, выработка угля увеличится. Но такъ какъ многія предпріятія другихъ отраслей только потому держатся, что принимаютъ высокія цѣны топлива за явленіе случайное и скоро преходящее, то цѣны на уголь удержаться не могутъ на теперешней ихъ высотѣ или онѣ поведутъ къ крушенію массы предпріятій всевозможныхъ отраслей промышленности **), а это явленіе отразится уменьшеніемъ спроса на топливо и, въ концѣ концовъ, все же паденіемъ цѣнъ угля, что при данныхъ условіяхъ, неминуемо вызоветъ кризисъ въ каменноугольной промышленности, ибо всѣ предпріятія, основанныя въ разсчетѣ на высокія цѣны, должны ликвидировать. Этотъ кризисъ будетъ, однако, гораздо серьезнѣе настоящаго кризиса желѣзодѣлательной промышленности, ибо едва ли можно сомнѣваться, что отношеніе между числомъ занятыхъ въ этихъ отрасляхъ рабочихъ у насъ приблизительно то же, что и въ Германіи, и что, слѣдовательно, каждое каменноугольное предпріятіе занимаетъ въ среднемъ примѣрно въ 5 разъ болѣе рабочихъ, чѣмъ предпріятіе желѣзодѣлательное; а это значитъ, что крушеніе, или хотя бы только временная остановка работъ болѣе или менѣе значительнаго числа такихъ предпріятій равносильна оставленію безъ работы тысячъ рабочихъ и появленію такого же числа голодныхъ ртовъ ***).

---

*) Газеты уже сообщили, что эти заказы и обѣщаны заводамъ въ размѣрѣ 10 милліоновъ пудовъ рельсъ, 5.000 вагоновъ и нѣсколькихъ сотъ паровозовъ.

**) Крушеніе и началось съ желѣзодѣлательнаго производства, какъ наиболѣе зависимаго отъ цѣнъ угля. Данныя заводамъ юга казенные заказы затянутъ, конечно, кризисъ, который уже вызвалъ необходимость эвакуировать изъ южнаго горнопромышленнаго района 10.000 отпущенныхъ заводами рабочихъ.

***) Повидимому въ южномъ горнопромышленномъ районѣ кризисъ каменноугольной промышленности находится уже налицо, или, по крайней мѣрѣ, начинается, и часть отпущенныхъ рабочихъ работала въ угольныхъ копяхъ. По крайней мѣрѣ газеты сообщили уже о значительномъ пониженіи цѣнъ угля и объ образо-

Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, путемъ покровительства мы можемъ достигнуть только временнаго и эфемернаго развитія горныхъ промысловъ, нанося, вмѣстѣ съ тѣмъ, огромный вредъ всѣмъ остальнымъ отраслямъ промышленности и земледѣлію.

VI.

Уже сказанное до сихъ поръ показываетъ, что мы считаемъ несравненно болѣе правильной экономической политикой освобожденіе сырыхъ произведеній горныхъ промысловъ, на первомъ мѣстѣ чугуна и каменнаго угля отъ ввозной пошлины. Но, конечно, еще въ большей мѣрѣ должны быть отвергнуты такія мѣры покровительства, какъ воспрещеніе употребленія иностранныхъ матеріаловъ этого рода при всѣхъ казенныхъ и общественныхъ работахъ, или несообразно высокое обложеніе обратныхъ грузовъ желѣзныхъ дорогъ съ цѣлью именно не допустить проникновенія внутрь страны матеріаловъ этого рода. Послѣдняя мѣра особенно пагубно отозвалась на нашемъ «центрѣ», центральномъ, т.-е. сѣверномъ черноземномъ районѣ, о паденіи котораго теперь постоянно говорятъ, приписывая его крайне односторонне конкуренціи окраинъ. Эта конкуренція, однако, имѣетъ значеніе только въ томъ смыслѣ, что она побуждаетъ хозяйства центральнаго района измѣнить свою форму, перейти къ другой системѣ хозяйства: сократить производство зерна и усилить производство продуктовъ животноводства. Между тѣмъ, такой переходъ сдѣлается выгоденъ и возможенъ только при условіи свободы распоряженія землею (какой нѣтъ у здѣшнихъ крестьянъ-общинниковъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ при нормальномъ развитіи городской жизни, т.-е. при развитіи городской промышленности.

Задержка въ развитіи промышленности является въ данномъ случаѣ наиболѣе важнымъ тормазомъ и для развитія земледѣлія, такъ какъ послѣднее, при нормальномъ ростѣ городовъ, могло бы развиваться, по крайней мѣрѣ, у частныхъ землевладѣльцевъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, причемъ и послѣднихъ здѣсь довольно много въ видѣ такъ называемыхъ четвертныхъ владѣльцевъ, однодворцевъ и т. п *).

Вотъ это-то, столь важное для даннаго района развитіе промышленности здѣсь задерживается, между прочимъ, помимо указаннаго вліянія пошлинъ на продукты горнаго промысла, еще высокимъ тарифомъ на обратные грузы желѣзныхъ дорогъ, идущихъ отъ запад-

---

ваніи запасовъ его въ копяхъ, т.-е, пріостановкѣ сбыта. Къ счастью приближеніе весны отчасти смягчило кризисъ, отвлекши рабочихъ на сельскохозяйственныя работы.

*) Впрочемъ, положеніе этихъ группъ крестьянъ-владѣльцевъ не многимъ лучше положенія крестьянъ-общинниковъ, благодаря страшной въ большинствѣ поселковъ ихъ черезполосицѣ.

ныхъ границъ къ центру, благодаря чему цѣны этихъ продуктовъ повышаются настолько, что существованіе въ данномъ районѣ какихъ-либо отраслей промышленности, потребляющихъ эти матеріалы, а тѣмъ болѣе основанныхъ прямо переработкѣ ихъ (какъ желѣзопередѣлочные промыслы) становится совершенно невозможно. Такое исключительно-вредное вліяніе указаннаго обстоятельства на экономическую жизнь именно этого района объясняется его географическимъ положеніемъ и естественными условіями. Послѣднія здѣсь таковы, что районъ, во-1-хъ, лишенъ всякаго топлива: онъ не имѣетъ ни лѣсовъ, ни залежей минеральнаго топлива (встрѣчающійся кое-гдѣ лигнитъ слишкомъ малоцѣнный матеріалъ); во-2-хъ, онъ лишенъ и залежей желѣзной руды. Впрочемъ, послѣдняя въ недавнее время найдена въ юго-восточныхъ частяхъ района, но, разумѣется, разработка ея безъ топлива невозможна. Географическое же положеніе района таково, что онъ удаленъ болѣе всѣхъ другихъ русскихъ районовъ отъ русскихъ мѣсторожденій какъ топлива, такъ и желѣза, или, по крайней мѣрѣ, соединенъ съ ними наименѣе удобными для сношеній путями: дороги, соединяющія его съ нашимъ южнымъ горнопромышленнымъ райономъ, не въ состояніи доставлять ему топливо, потому что они едва успѣваютъ справляться съ болѣе цѣнными грузами (хлѣбъ), идущими черезъ этотъ районъ въ сѣверные промышленные города и области или направляющіеся за границу. Вотъ почему нашъ центръ остается, можно сказать, совершенно лишенъ промышленности, хотя здѣсь находится на лицо много условій, которыя, казалось, должны были бы вызвать только расцвѣтъ промышленности ранѣе, чѣмъ во многихъ другихъ русскихъ районахъ *), которые теперь уже успѣли далеко опередить въ этомъ отношеніи нашу центральную черноземную (великорусскую) область.

Возвращаясь къ вопросу о свободномъ ввозѣ первичныхъ (не подлежащихся дальнѣйшей переработкѣ) продуктовъ горнаго промысла (скажемъ только чугуна и каменнаго угля), напомнимъ, прежде всего, что уголь и даже коксъ сравнительно недавно еще, до 1888 года, ввозился безпошлинно, и только съ этого времени установлена сначала лишь умѣренная пошлина ($1-1^1/_2$ коп.), доведенная затѣмъ до огромной высоты, равняющейся или даже превосходящей стоимость угля на мѣстѣ выработки не только въ Западной Европѣ, а даже и у насъ на югѣ, именно 5 коп. золотомъ для южныхъ портовъ, или $7^1/_2$ коп. теперешнихъ кредитныхъ. (Польскія копи отпускали уголь уже послѣ наложенія пошлины 40 коп. за 100 килограммовъ или 40 руб. за вагонъ въ 610 пудовъ на мѣстѣ, съ нагрузкой въ вагоны). Между тѣмъ

*) Къ числу такихъ, благопріятствующихъ развитію промышленности, условій следуетъ отнести, между прочимъ, огромное избыточное земледѣльческое населеніе и обусловливаемую имъ необыкновенно низкую рабочую плату.

еще до введенія пошлины организовалась разработка каменнаго угля не только въ польской, но и въ донецкомъ районѣ и достигла значительнаго развитія въ среднемъ свыше 200 милліоновъ пудовъ въ годъ *). Это, конечно, еще очень немного, сравнительно съ англійскимъ или даже нѣмецкимъ производствомъ, но это все же показывало что существованіе производства возможно и безъ пошлинъ. Даже болѣе: въ то время въ одномъ изъ сообщеній «Вѣстника Финансовъ» изъ Одессы было указано, что ввозный англійскій уголь употребляется въ примѣсь къ донецкому, потому что нашъ донецкій уголь въ большинствѣ спекающійся, потому непригодный во многихъ случаяхъ, какъ, напр., при комнатномъ отопленіи, да и подъ паровиками и т. п. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что донецкій антрацитъ самъ по себѣ, безъ примѣси другихъ сортовъ (пламенныхъ) угля, также часто не пригоденъ или требуетъ очень сложныхъ и дорогихъ приспособленій для использованія его. Словомъ, ввозъ иностраннаго угля не только не вредилъ развитію нашего каменноугольнаго дѣла, но, напротивъ, былъ очень полезенъ ему, такъ какъ давалъ возможность болѣе легко использовать уголь туземнаго производства. Совершенно подобнымъ образомъ обстоитъ и сейчасъ дѣло въ другомъ нашемъ каменноугольномъ районѣ—польскомъ. Въ противоположность донецкому польскій уголь совершенно не спекающійся, потому изъ него не можетъ быть приготовляемъ коксъ, безусловно, однако, необходимый въ металлургическомъ производствѣ. Поэтому, несмотря на довольно давнюю разработку мѣстныхъ копей, районъ этотъ до наложенія пошлины постоянно ввозилъ довольно значительныя количества иностраннаго угля, только, въ противоположность югу, именно угля спекающагося, необходимаго ему для приготовленія кокса; со времени же установленія пошлины на уголь оказалось болѣе выгоднымъ ввозить прямо коксъ.

Во всякомъ случаѣ, и здѣсь ввозъ иностраннаго угля отнюдь не мѣшалъ развитію мѣстной добычи. Тѣмъ менѣе, конечно, могъ мѣшать кому-нибудь ввозъ угля черезъ балтійскіе порты. Словомъ, пошлина на уголь рѣшительно не могла быть мотивирована конкуренціей иностраннаго угля мѣстному производству, тѣмъ болѣе, что въ порты, даже черноморскіе и азовскіе, нашъ уголь съ трудомъ и только въ небольшихъ количествахъ доходилъ и доходитъ и теперь. Это опять объясняется характеромъ движенія по нашимъ южнымъ желѣзнымъ дорогамъ: для нихъ грузы, идущіе къ портамъ, составляютъ прямой токъ, т.-е. болѣе сильный, грузы же, идущіе отъ моря, обратный, т.-е. болѣе слабый токъ. Значитъ, имъ очень невыгодно понижать тарифъ въ сторону движенія къ морю, такъ какъ это значило бы

---

*) Въ пятилѣтіе 1881—1885 гг. добыто 237,4 и въ 1886—1890 гг.—323,9 милл. пуд. угля.

вызывать усиленіе безполезнаго проката пустыхъ вагоновъ отъ моря внутрь страны.

Во всякомъ случаѣ, не конкуренція иностраннаго угля задерживала ростъ нашего каменноугольнаго дѣла до введенія пошлины, а что-то другое; и мы видѣли уже, что такихъ задерживающихъ силъ было достаточно, недостатокъ рабочихъ, отсутствіе путей сообщенія и отсюда невозможность сбыта, конечно, главныя.

Но каково же было бы положеніе, если бы пошлина на уголь не была введена, а пошлина на желѣзо не была повышена или даже была совсѣмъ уничтожена, если не на желѣзо и сталь, то хоть на чугунъ?

Какъ мы видѣли, потребность въ желѣзѣ уже существовала, такъ какъ оно требовалось въ качествѣ матеріала для постройки желѣзныхъ дорогъ, а затѣмъ машинъ и орудій разнаго рода. Съ появленіемъ же желѣзныхъ дорогъ въ районѣ каменноугольныхъ залежей и уголь начинаетъ находить себѣ сбытъ, прежде всего для надобностей самихъ желѣзныхъ дорогъ, особенно въ безлѣсныхъ районахъ, какъ нашъ югъ. Естественно, что разъ въ районахъ залеганія каменнаго угля окажется та или другая руда, а особенно руда желѣзная, то рядомъ съ разработкой каменноугольныхъ копей ради доставленія топлива желѣзнымъ дорогамъ, прорѣзавшимъ районъ, начнется и выдѣлка желѣза, которая при такихъ условіяхъ не можетъ не быть выгодна. Разумѣется, новые желѣзодѣлательные заводы устремятся прежде всего на удовлетвореніе массоваго спроса желѣзныхъ дорогъ, и въ зависимости отъ энергіи въ постройкѣ новыхъ дорогъ въ данный моментъ, число и сила заводовъ будутъ расти быстрѣе или медленнѣе. Однако, при отсутствіи обязательства для желѣзныхъ дорогъ продовольствоваться желѣзомъ непремѣнно съ русскихъ заводовъ, размѣры производства желѣза опредѣлялись бы нормальными условіями конкуренціи съ западно-европейскими производителями, причемъ на сторонѣ русскихъ заводчиковъ было бы много преимуществъ и безъ пошлины или, по крайней мѣрѣ, при очень умѣренной пошлинѣ на издѣлія изъ желѣза (такъ какъ мы не предлагаемъ полной отмѣны пошлины на желѣзныя издѣлія, а только уничтоженіе пошлины на первоначальный сырой матеріалъ, прежде всего—чугунъ). Эти преимущества заключались бы, во-1-хъ, въ бо̀льшей близости мѣстъ производства отъ мѣстъ употребленія, что даетъ экономію въ расходахъ на транспортъ; во-2-хъ, въ пошлинѣ, которую будутъ уплачивать заграничные товары; въ-третьихъ, въ дешевизнѣ первичнаго матеріала—руды, ибо послѣдняя за границей безусловно вездѣ дороже чѣмъ у насъ, поскольку именно цѣнность эта выражаетъ собою ренту собственника рудника, а не стоимость работы по добыванію руды. Послѣдняя могла бы въ Россіи также быть ниже, чѣмъ въ западной Европѣ, ибо, говоря вообще, наши руды,—по крайней мѣрѣ тѣ, которыя разрабатываются теперь, богаче большей части

западно-европейскихъ; притомъ онѣ лежатъ ближе къ поверхности и, слѣдовательно, добываніе ихъ легче; но, конечно, въ стоимости добычи очень большую роль играетъ производительность труда рабочаго, а послѣдняя у насъ значительно ниже, чѣмъ въ западной Европѣ *). Но эта низкая производительность труда нашихъ горно-промышленныхъ рабочихъ, безъ сомнѣнія, есть слѣдствіе, съ одной стороны, новости дѣла и непривычки рабочихъ, а съ другой того обстоятельства, что въ виду покровительственной политики расширеніе производства шло скачками и составъ рабочихъ, по необходимости, набирался чисто случайный; недостатокъ рабочихъ побуждалъ привлекать и малопригодные отбросы рабочей арміи, какіе всегда имѣются. При одинаковой же высотѣ промышленной техники производительность труда въ предпріятіяхъ различныхъ странъ не должна существенно разниться. Правда горнопромышленный трудъ въ этомъ отношеніи нѣсколько разнится отъ труда рабочаго въ обрабатывающей промышленности, ибо въ послѣдней производительность въ большей мѣрѣ опредѣляется качествомъ машинъ, а въ первой зависитъ отъ умѣнья и воли рабочаго и отъ богатства самыхъ копей. Тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія сомнѣваться, что желѣзодѣлательная промышленность (при нашихъ, въ общемъ, все же благопріятныхъ условіяхъ, особенно природныхъ) оказалась бы способной конкурировать съ заграничнымъ ввозомъ. Это доказываетъ, между прочимъ, и зарожденіе и относительное процвѣтаніе производства въ періодъ, предшествовавшій современной пошлинѣ.

Самъ по себѣ, однако, вопросъ, разовьется или не разовьется желѣзодѣлательное производство при свободномъ ввозѣ чугуна, имѣетъ второстепенное значеніе. Предполагая даже худшее, т.-е. что оно совсѣмъ не будетъ развиваться, мы все же ничего не потеряли бы, ибо во всякомъ случаѣ другія отрасли промышленности развились бы несравненно сильнѣе чѣмъ теперь; въ числѣ таковыхъ, конечно, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить желѣзо—передѣлочныя производства, машиностроительное и т. п. У насъ нѣтъ подъ руками цифры производительности этихъ отраслей; но болѣе крупная, включающая ихъ группы «производство металлическихъ издѣлій», производила въ 1877 году на 89,3 милл. руб., а въ 1897 г. уже на 310,6 милл. руб., что составило въ послѣднемъ году свыше $^1/_6$ цѣнности производства всѣхъ важнѣйшихъ отраслей промышленности, не считая горныхъ промысловъ. Едва ли можно сомнѣваться, что эта группа, и именно указанныя отрасли, развилась бы въ несравненно большей степени, чѣмъ въ настоящее время. Въ частности, напр., нашъ центръ, т.-е. сѣверныя черноземныя губерніи (Тульская, Орловская, Рязанская, Курская, Тамбовская и Воронежская)

*) Для 1891 года производительность рабочаго въ каменно-угольныхъ копяхъ показана г. Дрейеръ въ Россіи—149 тоннъ, въ Великобританіи — 302, а въ Соединенныхъ Штатахъ даже 440—545 тоннъ. (Статистическій обзоръ каменно-угольной промышленности на всемъ земномъ шарѣ—«Горный Журналъ» 1899 г.).

имѣли бы полную возможность (предполагая, конечно, нормальные тарифы на обратные грузы) развить производство земледѣльческихъ орудій, и именно болѣе дешеваго, крестьянскаго типа, которыя здѣсь, при дешевизнѣ продукта и большей раздробленности землевладѣнія, нашли бы себѣ массовый сбытъ. Но, затѣмъ, надо думать, что въ указанномъ районѣ развилась бы не одна только названная отрасль промышленной дѣятельности, а и многія другія, разъ только оказалось бы, что топливо здѣсь возможно добыть по сносной цѣнѣ, а не на вѣсъ золота, какъ теперь. Безъ сомнѣнія и наша наиболѣе развитая хлопчатобумажная промышленность нуждается въ нѣкоторомъ разсѣяніи и нашла бы себѣ здѣсь условія едва ли менѣе благопріятныя, чѣмъ въ Москвѣ, напр.: здѣсь на лицо значительныя массы дешевыхъ рабочихъ рукъ и удобство болѣе дешеваго помѣщенія фабрики и болѣе дешеваго содержанія рабочихъ, при болѣе низкой или скорѣе — исключительно низкой рабочей платѣ. Съ другой стороны, едва ли можно сомнѣваться, что такое промышленное развитіе, рядомъ съ распространеніемъ въ крестьянствѣ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, если не совсѣмъ предовратили бы, то, во всякомъ случаѣ, значительно смягчили бы тѣ голодовки, которыми прославился за послѣднее десятилѣтіе только что истекшаго вѣка нашъ центръ.

Но и помимо этого частнаго случая, удешевленіе орудій и каменнаго угля,—этого «хлѣба промышленности», по выраженію Нейманна *Спаллартa*,—конечно, дало бы возможность всѣмъ отраслямъ промышленности развиться шире. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи *могли* бы составить именно горные промыслы, — спеціально добычъ желѣза и каменнаго угля. Но именно только «могли бы», а не должны. *Конечно*, развитіе другихъ отраслей промышленности, задерживаемое *теперь* покровительствомъ горнымъ промысламъ, отвлечетъ рабочихъ отъ горнопромышленности еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ теперь и, *слѣд.*, съ этой стороны развитіе горныхъ промысловъ встрѣтитъ болѣе *препятствій*, чѣмъ теперь. Но, съ другой стороны, развитіе промышленности въ центрѣ (да и въ другихъ областяхъ), задержитъ выселеніе земледѣльческаго населенія на окраины и такимъ образомъ увеличитъ число наличныхъ рабочихъ рукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, то же развитіе промышленности, по всей вѣроятности, вызоветъ болѣе быстрый ходъ эволюціи въ общинѣ, а это снова должно повести къ освобожденію части земледѣльческаго населенія и слѣд., къ увеличенію арміи *рабочихъ*, которой можетъ располагать внѣземледѣльческая промышленность. Въ концѣ концовъ, вся сумма вліяній разнаго рода приве-етъ, вѣроятно, къ тому, что и горные промыслы получили бы воз-жность развиваться, что особенно можно утверждать относительно лѣзодѣлательной промышленности; въ связи же съ послѣдней и по-льку она, вмѣстѣ съ желѣзными дорогами нашего донецкаго рай-обезпечиваетъ рынокъ для каменнаго угля, добыча таковаго,

конечно, производилась бы; этому мало можетъ помѣшать даже и то, что уголь этотъ будетъ дороже ввознаго: его болѣе высокія качества какъ металлургическаго топлива, тѣмъ не менѣе, обезпечатъ ему сбытъ на заводы этого рода (по крайней мѣрѣ мѣстные), а близость его добыванія сдѣлаетъ его для мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ все же болѣе дешевымъ топливомъ, чѣмъ ввозный уголь.

Ко всему сказанному нужно еще прибавить, что если наши минеральныя богатства и дѣйствительно «неистощимы», то за то, какъ свидѣтельствуютъ сами горнопромышленники, — мѣста залеганія ихъ таковы, что и истощать ихъ скоро совсѣмъ сдѣлается невозможно. Дѣйствительно, уже давно говорятъ, что на югѣ, гдѣ имѣются огромные запасы каменнаго угля, количество желѣзныхъ рудъ крайне ограничено и въ ближайшемъ будущемъ нужно будетъ или ликвидировать здѣсь желѣзодѣлательное производство или подвозить издалека желѣзную руду. Съ другой стороны, на Уралѣ у насъ находятся цѣлыя горы лучшей желѣзной руды,—магнитнаго желѣзняка, но за то грозитъ истощеніе топлива, ибо лѣса уничтожены, а каменнаго угля въ сколько-нибудь достаточномъ количествѣ и соотвѣтствующаго качества, несмотря на тщательные поиски, до сихъ поръ не найдено. Вотъ почему въ горнозаводской литературѣ уже давно дебатируется вопросъ о необходимости соединенія Урала съ донецкимъ каменноугольнымъ райономъ желѣзной дорогой съ цѣлью доставки, какъ говорятъ одни, руды къ углю, или угля къ рудѣ, какъ говорятъ другіе. Къ сожалѣнію, разстояніе, отдѣляющее руду отъ угля, такъ значительно, что разсчеты всегда приводятъ къ тому, что тотъ или другой матеріалъ будетъ, по доставленіи на мѣсто потребленія, стоить чуть ли не столько, сколько стоитъ теперь готовый продуктъ, т. е. желѣзо.

Естественно, что при такихъ условіяхъ намъ еще меньше резона спѣшить разработкой своихъ минеральныхъ богатствъ и ради самой возможности прочной, не эфемерной постановки горнопромышленнаго дѣла нужно, прежде всего, позаботиться о томъ, чтобы добыть дешевое желѣзо: тогда, можетъ быть, желѣзная дорога Уралъ-Донецъ сдѣлается изъ мечты дѣйствительностью и, благодаря дешевизнѣ постройки дороги и дешевизнѣ ея эксплуатаціи (дешевые — ввозные— уголь и желѣзо) сдѣлается возможной и перевозка по очень низкому тарифу руды или каменнаго угля а, вмѣстѣ и дѣйствительный расцвѣтъ желѣзодѣлательнаго и каменноугольнаго производства. Послѣдній сдѣлается, конечно, болѣе вѣроятнымъ, если липецкія или иныя средне-русскія желѣзныя руды окажутся стоющими разработки.

Но, какъ замѣчено, болѣе или менѣе быстрое развитіе горныхъ промысловъ не имѣетъ рѣшающаго значенія; важно, чтобы сняты были тѣ путы, которыя налагаетъ на всѣ отрасли промышленности дороговизна желѣза и каменнаго угля. Когда другіе виды промышленности

станутъ развиваться нормально, то вопросъ о развитіи или неразвитіи горныхъ промысловъ потеряетъ свою остроту. Дѣло въ томъ, что въ вопросѣ о развитіи промышленности для насъ, прежде всего, имѣетъ значеніе поглощеніе промышленностью избыточнаго земледѣльческаго населенія и, въ связи съ этимъ, образованіе возможно большаго числа центровъ внѣземледѣльческаго населенія, — центровъ, которые явятся рынками сбыта земледѣльческихъ продуктовъ окрестныхъ хозяйствъ. Это единственный путь расширенія внутренняго рынка, о которомъ у насъ такъ часто говорятъ, не имѣя, однако, понятія о сущности этого явленія. Нѣкоторые представляютъ себѣ расширеніе внутренняго рынка въ видѣ увеличенія потребленія продуктовъ самимъ земледѣльческимъ населеніемъ, слѣдовательно, въ видѣ уничтоженія необходимости для земледѣльца выносить на рынокъ свой продуктъ. Словомъ, это не расширеніе рынка, предполагающее, конечно, и увеличеніе числа и цѣнности мѣновыхъ сдѣлокъ, а, наоборотъ, съуженіе рынка, уменьшеніе если не количества, то цѣнности обращающихся на рынкѣ товаровъ. То расширеніе внутренняго рынка, о которомъ мы говоримъ, конечно, въ концѣ концовъ, увеличивъ доходы земледѣльца, поведетъ къ увеличенію потребленія имъ всякихъ предметовъ, но не путемъ непосредственнаго усиленія натуральнаго хозяйства и потребленія произведенныхъ личнымъ трудомъ продуктовъ, а путемъ усиленнаго обмѣна произведенныхъ въ хозяйствѣ продуктовъ. Но, конечно, указываемое нами усиленіе обмѣна предполагаетъ измѣненіе сравнительно съ настоящимъ самаго рода выносимыхъ на рынокъ продуктовъ, по крайней мѣрѣ со стороны мелкаго земледѣльца, крестьянина, благодаря чему не исключена возможность того, что одновременно произойдетъ увеличеніе потребленія непосредственно въ его хозяйствѣ нѣкоторыхъ, производимыхъ имъ (крестьяниномъ) продуктовъ; такая возможность связана именно съ метаморфозомъ хозяйства. Вынося, напр., на рынокъ въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ теперь продукты животноводства, крестьянинъ можетъ отчуждать изъ хозяйства меньше зерна, которое будетъ служить непосредственно на расширеніе потребленія его семьи.

Вотъ это-то усиленіе потребленія зерна на мѣстѣ его производства, какъ непосредственно самимъ крестьяниномъ въ его хозяйствѣ, такъ и населеніемъ тѣхъ городскихъ центровъ, объ образованіи которыхъ мы только что говорили, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для всего экономическаго развитія нашей страны. Но особенно желательно появленіе и усиленіе городской промышленности въ томъ нашемъ черноземномъ центрѣ, о которомъ шла рѣчь выше: если здѣсь трудно приходится болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ, благодаря конкуренціи болѣе отдаленныхъ районовъ по производству зерна, то еще болѣе трудно мелкимъ, крестьянскимъ хозяйствамъ, для которыхъ едва ли не единственный выходъ представляетъ переходъ къ относительно интенсивному скотоводственному и огородническому хозяйству, каковое можетъ

быть, однако, выгодно только при условіи развитія значительнаго числа городовъ, являющихся потребителями продуктовъ этого рода (овощи, молоко, масло, мясо и пр.).

Вотъ почему слѣдуетъ особенно сожалѣть, что неправильная тарификація обратныхъ желѣзнодорожныхъ грузовъ рядомъ съ указанными уже другими ошибками экономической политики лишаетъ этотъ районъ возможности развить городскую промышленность, да задерживаетъ и развитіе наиболѣе удобныхъ для этого района сельскохозяйственныхъ техническихъ производствъ, какъ винокуреніе, приготовленіе крахмала и сахара. Вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе городской жизни въ данномъ районѣ необходимо должно повлечь за собою, какъ только что указано, измѣненія въ земледѣльческой культурѣ и въ обезпеченіи земледѣльца: съ одной стороны ради расширенія производства продуктовъ животноводства, площадь земли подъ зерновыми культурами можетъ отчасти уменьшиться; это, правда, не значитъ, что уменьшится количество производимаго райономъ зерна: послѣднее можетъ даже возрасти, благодаря повышенію урожайности полей. Но, съ другой стороны, увеличится потребленіе зерна на мѣстѣ, такъ какъ крестьянинъ станетъ меньше продавать его, имѣя въ продуктахъ животноводства и огородничества болѣе выгодной рыночный товаръ и не будучи вынуждаемъ къ продажѣ зерна безысходной нуждой. Наконецъ, то зерно, которое не нужно будетъ крестьянамъ для удовлетворенія ихъ личныхъ потребностей или потребностей ихъ хозяйствъ (для корма скота), равно какъ и то, которое будутъ поставлять на рынокъ болѣе крупные землевладѣльцы,—это зерно должно еще доставить пропитаніе и вообще удовлетворить нужды возросшаго городского (промышленнаго) населенія.

Если мы припомнимъ теперь, что именно нашъ центральный районъ, главнымъ образомъ, производитъ тотъ избытокъ ржи, который мы вывозимъ за границу и для котораго за границей у насъ есть одинъ только покупатель—Германія, то увидимъ, что сказанное о хозяйствѣ центральнаго района имѣетъ отношеніе и къ вопросу о русско-германскомъ торговомъ договорѣ. Очевидно, именно, что измѣненіе характера земледѣльческаго хозяйства и усиленіе потребительной способности этого района—усиленіе, именно, потребленія ржи въ крестьянскомъ хозяйствѣ, да и среди городского населенія, въ значительной мѣрѣ измѣнитъ наше отношеніе къ торговому договору съ Германіей: если теперь мы, какъ сказано выше, должны сразу признать себя болѣе слабой стороной и идти на уступки, то это, главнымъ образомъ, благодаря тому, что для ржи мы не имѣетъ другого рынка, кромѣ Германіи. Если же наша рожь найдетъ себѣ потребителей на мѣстѣ, то, очевидно, вывозъ ея уменьшится или совсѣмъ прекратится. Послѣднее можетъ имѣть мѣсто, если окажется, что съ повышеніемъ земледѣльческой культуры въ районѣ наибольшаго производства ржи

сдѣлается возможной замѣна ея (хотя бы только частью) пшеницей, т.-е. хлѣбомъ, для котораго несравненно легче найти рынокъ, чѣмъ для ржи.

VII.

«Все это хорошо,—скажетъ намъ читатель;—можетъ быть уничтоженіе ввозныхъ пошлинъ на каменный уголь и чугунъ или желѣзо отзовется весьма благодѣтельно на экономическомъ развитіи Россіи, но вопросъ въ томъ, на столько ли заинтересована Германія во ввозѣ этихъ продуктовъ, чтобы сдѣлать намъ нужныя уступки въ пошлинѣ на хлѣбъ и вообще на продукты сельскаго хозяйства». Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ на основаніи данныхъ объ участіи Германіи во ввозѣ къ намъ продуктовъ этого рода. Посмотримъ же, что даютъ намъ относительно этого вопроса оффиціальныя данныя нашей и германской статистики; какъ извѣстно данныя той и другой страны никогда не совпадаютъ.

Прежде, однако, чѣмъ мы обратимся къ ввозу къ намъ изъ Германіи, взглянемъ на нѣкоторыя данныя относительно нашего вывоза въ Германію, чтобы подтвердить сказанное выше о нашей зависимости отъ нѣмецкаго рынка. Разсматривая данныя русской статистики о вывозѣ нашемъ въ Германію мы замѣчаемъ слѣдующее. Во-1-хъ, по отношенію къ пшеницѣ Германія представляетъ для насъ весьма неважный рынокъ; изъ общей массы нашего вывоза она взяла въ 1899 году всего 5.128 тыс. пудовъ, т. е. менѣе 5%, въ 1898 г.—15.524 тыс. пуд. или 8,8%, а въ 1897 г.—16.834 тыс. пуд. или 7,9% всего вывоза. Гораздо больше значеніе германскаго рынка для ржи, которой она беретъ у насъ непосредственно обыкновенно болѣе $^1/_3$ нашего вывоза (30,6% въ 1897 году, 37,5% въ 1898 г. и 36,5% въ 1899 году); затѣмъ, ячменя она беретъ отъ $^1/_5$ до $^1/_3$ части всего вывоза и болѣе; по отношенію же къ овсу роль германскаго рынка въ послѣдніе годы также незначительна почти, какъ для пшеницы. Однако, нужно имѣть въ виду, что значительная часть хлѣбнаго снабженія Германіи поступаетъ черезъ голландскіе порты, благодаря чему нашъ вывозъ въ Голландію достигаетъ очень значительныхъ размѣровъ, нерѣдко превосходя вывозъ въ Германію. Такой ходъ снабженія объясняется, конечно, тѣмъ, что именно западныя области Германіи нуждаются въ возномъ хлѣбѣ, тогда какъ восточныя, наоборотъ, сами имѣютъ избытки зерна и являются нашими конкурентами, какъ на рынкахъ самой Германіи, такъ и на рынкахъ другихъ странъ, особенно Англіи по пшеницѣ. (Извѣстно, что Данцигъ давно славится своимъ умѣньемъ приготовлять смѣсь изъ различныхъ сортовъ пшеницы, большею частью русскихъ, а частью и туземныхъ, смѣсь, которая на лондонскомъ рынкѣ котируется подъ именемъ данцигской

пшеницы и выручаетъ нерѣдко наивысшую цѣну. Во всякомъ случаѣ, мы должны считать значительную часть того хлѣба, который показывается по нашей статистикѣ вывезеннымъ въ Голландію, на самомъ дѣлѣ поступившей на снабженіе Германіи *). Это доказываетъ сравненіе вывоза хлѣбовъ по нашей статистикѣ съ данными о ввозѣ хлѣбовъ въ Германію по нѣмецкой статистикѣ. (Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ подъ рукою данныхъ, мы можемъ привести такое сравненіе только для 1896 и 1898 года). Для 1896 года имѣемъ:

Вывозъ по русскимъ даннымъ			Ввозъ по германскимъ даннымъ.
тыс. пуд. пшеницы:			
Въ Германію...	15.252		Изъ Россіи...... 52.000 тыс. пуд.
» Голландію..............	34.610		.....(852.465 тоннъ).
Всего.......	49.862		
ржи:			
Въ Германію..........	30.207	Всего	Изъ Россіи..»... 48.066 тыс. пудовъ.
» Голландію.........	17.905	48112	......(787.971 тоннъ).
ячменя:			
» Германію..........	19.656	Всего	Изъ Россіи...... 30.521 тыс. пудовъ.
» Голландію.........	10.343	9999	.. ..(500.344 тоннъ).
овса:			
» Германію..........	10876	Всего	Изъ Россіи...... 25.903 тыс. пудовъ.
» Голландію..........	17580	28456	......(424.635 тоннъ).
Для 1897 года: пшеницы			
всего въ Германію....	58.808	т. пуд.	Изъ Россіи...... 42.886 тыс. пудовъ.
			.....(751.907 тоннъ).
ржи также...........	41.165	»	...... 37.241 тыс. пудовъ.
			.....(610.741 тоннъ).
ячменя »	30.516	»	..... 29.766 тыс. пудовъ.
			.....(487.874 тоннъ).
овса »	21.151	»	...... 25.268 тыс. пудовъ
			.....(414.238 тоннъ).

Эти сравненія показываютъ, между прочимъ, что на основаніи цифръ нашей оффиціальной статистики мы слишкомъ низко оцѣнили бы важность германскаго рынка для нашего хлѣбнаго экспорта.

Но перейдемъ къ ввозу нашему изъ Германіи. Здѣсь для насъ интересно выяснить именно участіе Германіи въ ввозѣ къ намъ продуктовъ горнаго промысла и производныхъ отъ нихъ. Чтобы судить о значеніи ввоза къ намъ изъ Германіи этихъ товаровъ, приведемъ нѣкоторыя цыфры по даннымъ русской статистики («Вѣстн. Фин.» за соотвѣтствующіе годы и «Внѣшн. торговл. по Европ. границѣ» съ 1-го янв. по 1-е декабря 1900, — только для 1900 года). (См. слѣд. стр.).

Имѣя въ виду, что, помимо Германіи, важную роль по ввозу товаровъ поименованныхъ группъ играетъ Великобританія, слѣдовало бы

*) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно, даже и зарегистрованный отправкой въ другія страны, кромѣ Голландіи, хлѣбъ, поступалъ фактически въ Германію; такъ въ 1897 году, по нашимъ даннымъ, вывезено овса въ Германію и Голландію вмѣстѣ 346 тыс. тоннъ, а по нѣмецкимъ даннымъ ввезено изъ Россіи 414 тыс. тоннъ.

іривести данныя и о ввозѣ изъ этой страны. Но чтобы не обременять итателя цыфрами, приведемъ только нѣкоторые выводы. Оказывается, іто англійскій ввозъ преобладаетъ по отношенію къ наиболѣе объемистымъ, громоздкимъ продуктамъ. Такъ, за 4 года, разсматриваемые ами, Англія доставляла отъ 68,5 до 79,2% или, — грубо—отъ $^2/_3$ до $/_5$ всего ввозимаго нами каменнаго угля и только отъ 13,9 до 31,3% ли отъ $^1/_7$ до $^1/_3$ всего ввоза кокса.

	Ввезено всего тыс. пуд.				Въ томъ числѣ изъ Германіи.			
Годы:	1897	1898	1899	1900	1897	1898	1899	1900
гля каменнаго...	129.569	154.494	237.898	230.104 [1].	22.223	31.360	43.502	49.645
экса..........	24.414	27.953	35.029	31.865	9.074	10.863	12.528	10.285
угуна...........	6.002	6.773	8.347	3.002	847	1.034	1.257	700
елѣза..........	18.813	19.216	16.157	5.483	10.363	10.455	7.898	2.696
али...........	5.322	4.482	2.884	1.229	833	1.197	804	425
тунныя издѣлія.	627	924	957	479	420	461	512	332
елѣзн. и стал. .	1.616	1.677	1.784	1.237	655	848	760	741
эстяныя........	222	257	223	204	113	136	141	142
оволока.......	259	288	365	255	179	180	224	167
дѣлія изъ провол.	144	187	200	187	77	106	119	111
ш. и части ихъ.	7.105	9.880	12.417	9.063	3.117	3.694	5.182	3.527

То же повторяется относительно другихъ группъ товаровъ. Чугунъ з въ дѣлѣ» поставляется, главнымъ образомъ, Англіей (отъ 43,2 до % ввоза), Германія же доставляетъ отъ $^1/_7$ до $^1/_4$ (14,1% до 23,3%); относительно желѣза роли рѣзко перемѣняются: здѣсь англійскій зъ обыкновенно менѣе $^1/_5$ (очевидно только случайно, — по неполѣ свѣдѣній (относящихся къ ввозу за 11 мѣсяцевъ),—въ 1900 году достигаетъ 32,7%, падая до 11,9 (менѣе $^1/_9$), тогда какъ нѣмецввозъ большею частью покрываетъ $^1/_2$ всего потребленія иностранo товара. Въ ввозѣ стали преобладаніе опять на сторонѣ Англіи, алеко не въ такой степени, какъ по ввозу чугуна, а тѣмъ болѣе еннаго угля, причемъ нѣмецкій ввозъ идетъ изъ года въ годъ, ішаясь (15,6—26,7,27,5, 34,6% въ разсматриваемые годы), англійже, повидимому, падаетъ, представляя послѣдовательно—47,2, , 37,2 и 29,8% всего ввоза. По всѣмъ остальнымъ группамъ товъ, данныя о ввозѣ которыхъ приведены выше, преобладаніе аніи стоитъ внѣ сомнѣнія: она доставляетъ почти по всѣмъ ьямъ $^1/_2$ и болѣе потребныхъ намъ предметовъ даннаго рода; только ительно машинъ преобладаніе нѣмецкаго ввоза не такъ рѣзко и ія все еще продолжаетъ играть болѣе значительную роль, доставэтъ $^1/_5$ до $^1/_4$ (21,3 до 26,4%) по вѣсу и отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ по цѣн всего ввоза, тогда какъ нѣмецкій ввозъ составляетъ отъ 37,4 3,9% по массѣ и 40—45% цѣнности. По большей части группъ ій, ввозъ Англіи въ среднемъ году не достигаетъ $^1/_3$ ввоза по и по цѣнности, падая въ отдѣльные годы до ничтожной вели-

[1] За 11 мѣсяцевъ.

чивы (напр. 7,3% по массѣ и около 6 проц. по цѣнности ввоза проволоки всякой въ 1898 году).

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе цифръ нашей статистики приводитъ насъ къ слѣдующему выводу. По доставкѣ горнопромышленнаго сырья Германія играетъ второстепенную роль, уступая первое мѣсто Англіи. Слѣдуетъ думать, что это положеніе мало измѣнится и въ томъ случаѣ, если мы уничтожимъ ввозную пошлину на этого рода продукты, ибо Англія, можно сказать, прямо вынуждается вывозить эти продукты, именно благодаря тому качеству ихъ, которое дѣлаетъ ихъ неудобными для германскаго вывоза, т.-е. благодаря ихъ громоздкости. Это положеніе, кажущееся на первый взглядъ парадоксомъ, объясняэтся, однако, довольно просто техническими условіями транспорта: Англія, какъ извѣстно сносится съ внѣшнимъ міромъ только помощью морскихъ судовъ, т.-е. при современныхъ условіяхъ, главнымъ образомъ помощью пароходовъ, а послѣдніе могутъ двигаться по водѣ только при извѣстной, для большихъ судовъ довольно значительной осадкѣ, достигаемой соотвѣтствующей нагрузкой. Чтобы судно погрузилось въ воду на достаточную для дѣйствія машинъ глубину, необходимъ тѣмъ бо́льшій вѣсъ, чѣмъ больше ёмкость самаго судна. Извѣстно также, что эта послѣдняя величина быстро растетъ и, слѣдовательно, количество груза, которое необходимо для осадки каждаго парохода, современемъ все увеличивается. Между тѣмъ цѣнность англійскаго вывоза слагается главнымъ образомъ изъ относительно дорогихъ мануфактурныхъ произведеній разнаго рода; ввозъ же ея состоитъ въ преобладающей степени изъ относительно малоцѣнныхъ, сравнительно громоздкихъ товаровъ, каковы: зерно разнаго рода и матеріалы для изготовленія мануфактурныхъ произведеній, — хлопокъ, шерсть и т. п., конечно болѣе громоздкіе и менѣе цѣнные, чѣмъ произведенные изъ нихъ товары. При такомъ соотношеніи между объемомъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, Англія совсѣмъ не могла бы пользоваться услугами морскихъ пароходовъ, или пользованіе это было бы для нея сильно затруднено, если бы у ней не было такихъ громоздкихъ произведеній, какъ каменный уголь и чугунъ, желѣзо, сталь и т. п. очень громоздкіе и потребляемые огромными массами товары. Только наполняя этими громоздкими продуктами пароходы, развозящіе ея мануфактуру по всему свѣту, Англія и имѣетъ возможность сбывать послѣднюю; по крайней мѣрѣ этотъ громоздкій товаръ избавляетъ пароходы отъ необходимости грузиться безполезнымъ баластомъ (камнемъ) и позволяетъ дешевле транспортировать и мануфактуру. При этомъ конечно, и тотъ громоздкій товаръ (уголь, чугунъ и т. п.), который избавляетъ пароходъ отъ необходимости балластироваться камнемъ, перевозится необыкновенно дешево, по тарифамъ, съ которыми не могутъ сравняться даже самые низкіе тарифы желѣзныхъ дорогъ.

Совершенно иное положеніе Германіи вообще и въ частности осо-

бенно по сношеніямъ съ Россіей. Не говоря о томъ, что торговый флотъ Германіи несравненно менѣе англійскаго, она и не нуждается для своихъ сношеній съ большинствомъ европейскихъ странъ въ морскомъ транспортѣ, а сносится, особенно съ Россіей, большею частью черезъ сухопутную границу, почти исключительно при помощи желѣзныхъ дорогъ. Для послѣднихъ, конечно, громоздкіе грузы также желательны; однако, они, съ одной стороны, не нуждаются въ столь значительной массѣ ихъ, какъ морскіе пароходы, а съ другой—и не могутъ транспортировать ихъ такъ дешево, какъ послѣдніе. Вотъ почему въ вывозѣ Германіи такіе объемистые товары, какъ каменный уголь і чугунъ, играютъ вообще меньшую роль, чѣмъ въ вывозѣ Англіи, ı въ особенности не могутъ играть большой роли въ обмѣнѣ съ Россіей, но, конечно, незначительный вывозъ угля изъ Германіи въ Россію обусловливается еще и тѣмъ, что Германія производитъ незначиельный избытокъ угля сравнительно съ потребностью своей промышенности. Однако желѣза и чугуна или стали Германія производитъ)раздо болѣе, чѣмъ требуется для внутренняго потребленія и если она з вывозитъ или вывозитъ незначительное количество этихъ продукэвъ въ сыромъ, необработанномъ видѣ, то причиною тому укаıнныя условія транспорта на первомъ мѣстѣ. Нѣкоторое вліяніе › этомъ отношеніи могутъ имѣть и наши ввозныя пошлины. Устаэливая пошлину на различные матеріалы и выработанные изъ хъ произведенія, трудно разсчитать высоту пошлины на каждый эдметъ такимъ образомъ, чтобы она вполнѣ соотвѣтствовала высотѣ юженія того первичнаго матеріала, изъ котораго или при помощи торагo изготовленъ предметъ. Обыкновенно оказывается, что болѣе ıаботанный, болѣе дорогой продуктъ обложенъ относительно дешевле, ıъ соотвѣтствуетъ обложенію первичнаго матеріала.

Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ, Германія предпочитаетъ выıть произведенія своего желѣзодобывающаго промысла не въ видѣ ого первоначальнаго продукта—чугуна и стали, а въ видѣ издѣлій этихъ матеріаловъ и по ввозу таковыхъ къ намъ, какъ мы ви-и, она занимаетъ важнѣйшее мѣсто. Конечно, съ уничтоженіемъ лины на уголь и чугунъ или желѣзо существующія теперь пошлины ıздѣлія изъ этихъ матеріаловъ должны быть понижены. Однако, вѣрны вышеприведенныя соображенія о послѣдствіяхъ для разı нашей промышленности уничтоженія пошлины на продукты горпромысла, то-есть—если безпошлинный ввозъ этого сырья повекъ развитію желѣзопередѣлывающихъ производствъ въ Россіи, :онечно, потребность въ нѣмецкихъ издѣліяхъ этого рода можетъ ›шиться и, слѣдовательно, можно думать, что Германія мало выетъ отъ уничтоженія указанной пошлины. Но въ дѣйствительности, ıно, такое развитіе произойдетъ не сразу и Германія все же из-›тъ значительныя выгоды изъ расширенія сбыта своихъ издѣлій,

тѣмъ болѣе, что по мѣрѣ того, какъ будутъ дешевѣть эти издѣлія, будетъ расти и потребленіе ихъ и можетъ быть даже развитіе внутренняго производства издѣлій, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ группъ, не уменьшитъ сбыта нѣмецкихъ издѣлій того же рода въ Россіи именно вслѣдствіе расширенія ихъ потребленія. Это можно, напр., смѣло утверждать относительно земледѣльческихъ орудій. Но, кромѣ того, пока русское желѣзопередѣлочное производство будетъ основано, главнымъ образомъ, на передѣлкѣ ввознаго матеріала, до тѣхъ поръ Германія будетъ выигрывать на расширеніи сбыта къ намъ этого матеріала. Ей, конечно, придется конкурировать въ этомъ дѣлѣ съ Англіей, преимущества которой по поставкѣ наиболѣе громоздкихъ продуктовъ этого рода мы только что указали, но эта конкуренція во всякомъ случаѣ не такъ страшна для нея, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда: во-1-хъ увеличится ввозъ не одного только первичнаго горнопромышленнаго сырья (каменнаго угля, чугуна и стали), относительно сбыта которыхъ Англія имѣетъ особыя преимущества, а также и полуобработанныхъ матеріаловъ, какъ желѣзо разныхъ сортовъ, коксъ и т. п., по поставкѣ которыхъ Германія и теперь удачно конкурируетъ съ Англіей, а, во-2-хъ, съ усиленіемъ запроса на первичное сырье (чугунъ и сталь), Германія, конечно, сумѣетъ найти средства расширить производство этого сырья или найдетъ болѣе выгоднымъ сбывать его намъ, ограничивъ домашнюю переработку; конкуренція же Англіи въ значительной мѣрѣ парализуется уже близостью къ намъ Германіи, которая даетъ ей возможность сравнительно дешево транспортировать въ Россію свои товары, несмотря на необходимость пользоваться болѣе дорогимъ транспортнымъ средствомъ (желѣзными дорогами). Вѣрнѣе, однако, что и ограниченія домашней переработки не потребуется, именно благодаря значительному увеличенію потребленія желѣза и желѣзныхъ издѣлій всякаго рода въ Россіи.

Всѣ приведенныя соображенія заставляютъ насъ думать, что Германія, если ея государственные люди окажутся достаточно дальновидными, должна съ радостью ухватиться за такое соглашеніе и имѣетъ основаніе пренебречь интересами аграріевъ въ виду выгодъ, которыя откроются для ея промышленности при безпошлинномъ ввозѣ въ Россію каменнаго угля и чугуна и соотвѣтствующемъ пониженіи пошлинъ на всѣ продукты переработки чугуна и желѣза.

Но допустимъ даже, что въ Германіи одержитъ верхъ теченіе, благопріятное аграріямъ и, слѣдовательно, не благопріятное намъ. Значитъ ли это,что мы должны удержать свои высокія пошлины на продукты горнаго промысла или вообще, какъ поступить намъ въ этомъ случаѣ?

Мы думаемъ, что намъ, при какихъ угодно условіяхъ договора съ съ Германіей, необходимо уничтожить указанныя выше пошлины, ибо мотивомъ этого уничтоженія является для насъ, прежде всего, благо нашей страны; а если Германія при этомъ, между прочимъ, можетъ

извлечь также нѣкоторыя выгоды, то это интересуетъ насъ только въ томъ смыслѣ, что даетъ намъ поводъ требовать отъ Германіи нѣкоторыхъ льготъ по отношенію къ нашему ввозу въ эту страну. Если эти льготы не будутъ намъ предоставлены, то мы, конечно, могли бы наказать Германію введеніемъ дифференціальныхъ пошлинъ на ея товары, особенно тѣ, цѣнность которыхъ находится въ зависимости отъ ввозимыхъ теперь безпошлинно продуктовъ горнаго промысла или даже взимать пошлину на эти первичные горные продукты (каменный уголь, чугунъ), если они нѣмецкаго происхожденія, дозволяя безпошлинный ввозъ изъ другихъ странъ. Это, однако, было бы уже объявленіемъ таможенной войны, которая едва ли будетъ выгодна для которой-либо изъ сторонъ. Поэтому мы предпочли бы предоставить Германіи воспользоваться тѣми выгодами, которыя она можетъ извлечь изъ указаннаго измѣненія нашей таможенной политики, хотя-бы она не выразила согласія облегчить нашъ ввозъ хлѣба въ ея предѣлы. И опять-таки мы поступили бы такъ, имѣя въ виду не интересы Германіи, а интересы Россіи: съ одной стороны, дозволяя безпошлинный ввозъ угля и чугуна изъ всѣхъ производящихъ эти матеріалы странъ, мы увеличиваемъ число конкурентовъ по поставкѣ намъ этихъ матеріаловъ, и слѣдовательно, создаемъ себѣ возможность воспользоваться наиболѣе выгодными условіями поставки; съ другой же, по естественнымъ географическимъ условіямъ, для однихъ районовъ нашей обширной страны удобнѣе пользоваться матеріалами, ввозимыми моремъ (т.-е. по отношенію къ горнымъ продуктамъ, большею частью англійскими), а для другихъ районовъ тѣми, которые поступаютъ къ намъ черезъ сухопутную границу, т.-е., главнымъ образомъ, нѣмецкими. Поэтому, предоставляя Германіи такой же свободный, безпошлинный ввозъ ея продуктовъ, какъ и другимъ странамъ, мы открываемъ всѣмъ районамъ нашимъ возможность воспользоваться наиболѣе дешевымъ матеріаломъ, а, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность быстрѣе развить всѣ отрасли желѣзопередѣлочнаго производства, которыя свойственны каждому району.

При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что всѣ эти желѣзопередѣлочныя производства должны въ наибольшей мѣрѣ найти себѣ мѣсто въ нашемъ «ржаномъ» районѣ, разумѣя подъ этимъ не только вышеуказанный центральный районъ сѣвернаго чернозема, но, рядомъ съ послѣднимъ, всѣ или многія области нечерноземныя, которыя если и не вывозятъ, подобно чернозему, ржи въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ, то все же производятъ изъ зерновыхъ хлѣбовъ, главнымъ образомъ, рожь. Этотъ хлѣбъ занимаетъ обыкновенно третью часть площади пашни, что часто, скорѣе почти всегда, далеко не соотвѣтствуетъ раціональности и вынуждается только невозможностью организовать хозяйство болѣе раціонально (технически), благодаря отсутствію мѣстныхъ рынковъ—городовъ. А такъ какъ появленіе такихъ

рынковъ есть необходимое слѣдствіе развитія промышленности, которое, какъ мы показали, должно произойти подъ вліяніемъ отмѣны пошлинъ на горные продукты,—то, слѣдовательно, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того же развитія долженъ быть такой метаморфозъ земледѣльческихъ хозяйствъ именно въ ржаной области, который поведетъ, съ одной стороны, къ уменьшенію площади подъ рожью, а съ другой—къ увеличенію потребленія этого продукта на мѣстѣ, благодаря повышенію уровня благосостоянія населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стало быть, долженъ уменьшиться нашъ вывозъ зерна и, прежде всего, ржаного зерна, а мы видѣли, что именно нашимъ вывозомъ ржи и отсутствіемъ въ Европѣ другихъ, помимо Германіи, сколько-нибудь значительныхъ рынковъ для этого хлѣба, обусловливается для насъ на первомъ мѣстѣ необходимость идти на всякія уступки въ торговомъ договорѣ съ Германіей. Слѣдовательно, ослабляя вывозъ ржи, мы улучшаемъ свое положеніе относительно Германіи и дѣлаемся дѣйствительно болѣе независимыми отъ ея рынковъ, такъ какъ, что касается другихъ хлѣбовъ, то къ нимъ въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ ко ржи, приложимо извѣстное положеніе т.-е., что изгнаніе того или другого нашего хлѣба съ рынковъ Германіи даетъ намъ возможность сбыть этотъ хлѣбъ на рынкахъ другихъ странъ.

Но и помимо этихъ соображеній, намъ крайне необходимо озаботиться возможно скорѣе открыть для центральныхъ и западныхъ нашихъ районовъ возможность перейти къ болѣе раціональной земледѣльческой культурѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ кризисъ, переживаемый уже давно этими областями (особенно центральнымъ черноземнымъ райономъ), грозитъ обратиться въ хроническое бѣдствіе. Этимъ бѣдствіемъ грозитъ намъ совершившееся окончаніе постройки сибирской желѣзной дороги, такъ какъ Сибирь volens-nolens должна на первыхъ порахъ вывозить хлѣбъ; будетъ ли этотъ хлѣбъ направляться черезъ центральную Европейскую Россію, или пойдетъ болѣе прямымъ путемъ черезъ Котласъ и Архангельскъ непосредственно въ Западную Европу,—во всякомъ случаѣ появленіе этого лишняго конкурента вызоветъ пониженіе цѣнъ хлѣба на европейскихъ рынкахъ, и надо думать, это пониженіе будетъ особенно сильно для ржи и пшеницы. Правда, важнѣйшимъ предметомъ сибирскаго вывоза явится пшеница; но по мѣрѣ приближенія цѣнъ этого хлѣба къ цѣнѣ ржи, потребленіе послѣдней будетъ уменьшаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ eo ipso цѣна ея падать и паденіе это, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ земледѣльческое хозяйство нашихъ ржаныхъ районовъ прямо разорительнымъ даже для крупныхъ хозяевъ. Между тѣмъ, наплывъ сибирскаго хлѣба и, соотвѣтственное этому паденіе хлѣбныхъ цѣнъ на европейскихъ рынкахъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ въ большей мѣрѣ существующее въ центральныхъ областяхъ избыточное земледѣльческое населеніе вынуждено будетъ искать спасенія отъ голода въ бѣгствѣ

въ Сибирь, т.-е. чѣмъ менѣе оно найдетъ заработка на родинѣ. Создать же эти заработки можетъ только развитіе промышленности, которому въ настоящее время, какъ мы говорили, мѣшаетъ, прежде всего, недоступность топлива и желѣза, какъ основныхъ матеріаловъ современной промышленности. Связь всѣхъ перечисленныхъ явленій и заставляетъ насъ утверждать, что снятіе пошлинъ на каменный уголь и желѣзо составляетъ жизненный вопросъ для Россіи вообще и въ особенности для ея истощавшагося и изголодавшагося центра.

Напомнимъ кстати, что въ настоящій моментъ выполненіе необходимыхъ таможенныхъ облегченій представляется какъ разъ своевременнымъ: пошлина на каменный уголь уже частью отмѣнена и остается только распространить постепенно (если нужно такая постепенность) снятіе пошлины: вмѣсто того, чтобы давать отдѣльнымъ городамъ и желѣзнодорожнымъ управленіямъ, какъ это сдѣлано теперь, право безпошлиннаго ввоза каменнаго угля, нужно совсѣмъ отмѣнить ее для балтійскихъ портовъ, установивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможно льготный тарифъ для провоза угля отъ этихъ портовъ внутрь страны; одновременно должно быть объявлено о постепенномъ пониженіи пошлины для остальныхъ границъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы ко времени окончанія срока дѣйствія нашего торговаго договора съ Германіей (1904 году) ввозъ сдѣлался безпошлиннымъ. Имѣя въ виду, что спросъ на уголь даже при теперешнихъ дутыхъ цѣнахъ его превышаетъ возможную производительность нашихъ копей, едва ли можно сомнѣваться, что указанныя мѣры не поколеблютъ положенія нашего каменноугольнаго производства, поскольку, конечно, предпріятія этого рода не представляютъ совершенно эфемерныхъ созданій, вызванныхъ къ жизни непомѣрно высокими цѣнами продукта.

Относительно же пошлины на желѣзо и произведеній изъ него слѣдуетъ имѣть въ виду, что при введеніи тарифа 1891 года прямо было объявлено, что этотъ тарифъ вводится на 10 лѣтъ, т.-е. въ нынѣшнемъ году окончился срокъ его законнаго, такъ сказать, существованія. Конечно, при установленіи пошлинъ и срока ихъ дѣйствія насъ утѣшали надеждой, что за эти 10 лѣтъ наша желѣзнодорожная промышленность разовьется такъ, что мы будемъ имѣть желѣзо болѣе дешевое, чѣмъ кто-либо. Извѣстно, однако, что эти надежды оказались только мечтами и дѣйствительность у насъ сейчасъ передъ глазами: наши желѣзодѣлательные заводы могутъ существовать только при казенныхъ заказахъ. Это значитъ, что они оправдываютъ сдѣланныя нами выше заключенія, т.-е. они оборудованы исключительно для производства массоваго продукта (рельсовъ) и даже въ критическій моментъ, уменьшенія спроса на этого рода товаръ, не попробовали перейти къ производству другихъ товаровъ, на которые существуетъ болѣе постоянный спросъ, удовлетворяемый ввозомъ къ намъ изъ-за границы (преимущественно изъ Германіи) разныхъ сортовъ

желѣза. Мы говорили уже, въ чемъ заключается причина этой несостоятельности и не будемъ возвращаться къ этому вопросу. Во всякомъ случаѣ, факты какъ нельзя лучше подтвердили наши теоретическія соображенія о недѣйствительности покровительства по отношенію къ горнымъ промысламъ. Могутъ сказать, что отмѣна пошлины на чугунъ можетъ разомъ убить всѣ наши желѣзнодорожные заводы и, слѣдовательно, представляетъ слишкомъ крупную мѣру, тѣмъ болѣе, что одновременно пришлось бы понизить соотвѣтственно пошлины на всѣ сорта желѣза и издѣлія изъ него. Однако, опасеніе это врядъ ли основательно: во-1-хъ, что касается нашего уральскаго горнопромышленнаго района, то онъ вѣдь работалъ не очень давно при относительно незначительной пошлинѣ и то же надо сказать и относительно польскаго района, и, слѣдовательно, рѣчь могла бы идти только объ южномъ районѣ. Но и заводы этого района не были бы поставлены въ безвыходное положеніе, по крайней мѣрѣ поскольку они не представляютъ совсѣмъ дутыхъ предпріятій. Можетъ быть, что при незначительной пошлинѣ на грубыя желѣзныя и стальныя издѣлія, какъ рельсы, напр., они не могли бы конкурировать съ ввозными издѣліями этого рода; но, перейдя къ приготовленію болѣе тонкихъ и соотвѣтственно выше обложенныхъ издѣлій (хотя бы такъ называемаго сортоваго желѣза), они, конечно, легко выдержатъ конкуренцію, чему, между прочимъ, будетъ содѣйствовать и безпошлинный ввозъ каменнаго угля и соотвѣтственное пониженіе цѣны топлива, стоимость котораго составляетъ существенную составную часть цѣны готоваго продукта. Если и здѣсь реформа была бы произведена съ нѣкоторой постепенностью, то, несомнѣнно, всѣ дѣйствительно жизнеспособныя предпріятія удержались бы. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что вѣдь наши желѣзодѣлательные заводы почти не выпускаютъ въ продажу сырого чугуна и безпошлинный ввозъ его только косвенно могъ бы принести вредъ существующимъ заводамъ, уменьшивъ спросъ на ихъ издѣлія, представляющія продукты дальнѣйшей переработки чугуна, или понизивъ цѣну этихъ издѣлій. Однако, такой результатъ можетъ быть только слѣдствіемъ образованія внутри страны желѣзопередѣлочныхъ заводовъ, работающихъ на иностранномъ сырьѣ; а затѣмъ, самый фактъ пониженія цѣнъ различныхъ желѣзныхъ товаровъ увеличитъ спросъ на нихъ и, слѣдовательно, будетъ поддерживать и цѣны достаточно высоко,—на первыхъ порахъ, вѣроятно, даже выше нормальнаго уровня.

Но если бы даже всѣ эти благопріятныя предсказанія для нашей горной промышленности не оправдались и значительное число предпріятій этой группы (безъ сомнѣнія, прежде всего, и въ наибольшей степени эта участь грозитъ южнымъ заводамъ) должны были погибнуть, то и тогда, въ виду благодѣтельныхъ послѣдствій предлагаемой нами отмѣны пошлинъ, не слѣдовало бы останавливаться этой мѣрой,

тѣмъ болѣе, что нежизнеспособныя вообще предпріятія этого рода, благодаря ненормальнымъ условіямъ ихъ возникновенія, все равно должны погибнуть, если, конечно, мы не желаемъ ихъ поддерживать на государственный счетъ, снабжая казенными заказами по цѣнамъ, совершенно не соотвѣтствующимъ условіямъ міровая рынка. Вмѣсто этого было бы проще и выгоднѣе пріобрѣсти эти предпріятія въ казну и изготовлять на нихъ нужные для казны предметы, хотя бы для тѣхъ же казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Проф. А. Скворцовъ.

ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ МОТИВОВЪ.

I.

Пѣснь любви.

На моемъ алтарѣ острый тернъ и змѣя;
Сердцу тяжко отъ нихъ!..
Гдѣ же ты, властелинъ моего бытія?
О, прійди мой женихъ!

На моемъ алтарѣ сердца жаръ и цвѣты!
Вьется, пламя тая,
Ѳиміамъ къ небесамъ, и сбылися мечты:
Ты со мной! я твоя!

На моемъ алтарѣ только слезы и кровь!
Изъ-подъ пепла віясь,
Дымъ курильницъ златыхъ не подымется вновь...
Сердца жизнь прервалась!..

II.

Пѣснь рабыни.

...Рабыни цѣпь
И горькій хлѣбъ
Судьбы велѣньемъ
Даны въ удѣлъ...
О, гдѣ-жъ предѣлъ
Моимъ мученьямъ!?..

За право жить
Всегда платить
Цѣной объятья...
И ложа стыдъ
Въ лицѣ носить
Клеймомъ проклятья...

Потупя взоръ,
Таить позоръ,
Искать забвенья...
И не найти
Къ нему пути
Ни на мгновенье...

Эрве.

МАЛЕНЬКІЕ РАЗСКАЗЫ.

1. Въ степи.

Очеркъ.

I.

Пассажирскій поѣздъ остановился у маленькой степной станціи. Солнце жгло нестерпимо, было жарко и душно. Немногочисленные пассажиры въ вагонахъ вяло переговаривались или дремали, закутавъ головы отъ мухъ.

Дали второй звонокъ.

Подъ окнами вагоновъ, на сторонѣ, противуположной станціи, медленно прошли по шпаламъ два загорѣлыхъ мужика. Одинъ изъ нихъ, съ большою, лохматою головою, имѣлъ за спиною холщевый узелъ, а на плечѣ держалъ косье съ привязанной къ нему косой; другой мужикъ, громаднаго роста и широкоплечій, хромалъ на лѣвую ногу; у него не было ни узла, ни косы, и черезъ плечо былъ перекинутъ только дырявый зипунъ.

Мужики шли вороватою походкою, исподлобья посматривая на поѣздъ и словно хоронясь отъ кого-то. Вдругъ хромой мужикъ остановился, быстро оглядѣлся по сторонамъ и полѣзъ по ступенькамъ на площадку вагона. Слѣдомъ за нимъ хотѣлъ лѣзть и его спутникъ; онъ ужъ ухватился за столбъ перилъ, но въ это время изъ окна вагона выглянулъ кондукторъ; лохматый мужикъ крякнулъ, поправилъ локтемъ узелъ за плечами и пошелъ вдоль поѣзда. Кондукторъ слѣдилъ за нимъ пристальнымъ взглядомъ.

Мужикъ шелъ по шпаламъ все дальше и уже оставилъ за собою послѣдній вагонъ. Раздался третій звонокъ, поѣздъ тронулся. Вдругъ мужикъ быстро повернулся, встряхнулъ узломъ и бросился догонять поѣздъ.

— Я-а тебѣ! Я-а тебѣ!—угрожающе крикнулъ кондукторъ, высунувшись изъ окна и грозя пальцемъ.

Поѣздъ все прибавлялъ ходу. Мужикъ, ожесточенно нахмурившись и не глядя на кондуктора, продолжалъ бѣжать, вски-

дывая въ стороны худыя, стянутыя въ онучи ноги. Изъ оконъ выглядывали пассажиры.

— Ну, ну, землячокъ!.. Ну!.. Эхъ, не догонитъ!—волновался парень въ сѣрой блузѣ.

— Не догонитъ!

— Куда ужъ догнать! Не догонитъ теперь!

— Догонитъ, ей-Богу, догонитъ!—крикнулъ парень.—Ну, ну, землякъ! А-а, те-те-те!..

Мужикъ добѣжалъ до задняго вагона и, цѣпляясь дрожащими руками за перила, вскочилъ на ступеньку; узелъ потянулъ его назадъ,—мужикъ взмахнулъ рукою и чуть не сорвался, но устоялъ.

Кондукторъ бросился на площадку. Пассажирамъ не было его видно. Они видѣли только, какъ мужикъ, стоя на нижней ступенькѣ, что-то говорилъ, угрюмо глядя въ землю; потомъ онъ махнулъ рукою и спрыгнулъ обратно съ быстро шедшаго поѣзда.

Въ вагонъ вошелъ хромой мужикъ, ускользнувшій отъ глазъ кондуктора. Онъ высунулся изъ окна и долго смотрѣлъ назадъ, гдѣ въ пыли, поднятой поѣздомъ, исчезалъ его товарищъ.

— Землякъ, что-ли, будетъ тебѣ?—сочувственно обратился къ нему парень въ блузѣ.

— Землякъ,—пробурчалъ мужикъ, не глядя на парня, и сѣлъ. Въ дыры его грязной холщевой рубахи глядѣло бронзовое тѣло, лицо было почти черное отъ загара. Огромный и оборванный, съ обмотанною тряпками ногою, онъ сидѣлъ, блестя бѣлками злыхъ глазъ, и исподлобья поглядывалъ вокругъ. Парень подсѣлъ къ нему съ разговоромъ; мужикъ порывисто всталъ и, не отвѣчая, высунулся изъ окна.

Вошелъ молодой кондукторъ въ бѣломъ кителѣ.

— Господа, кто съ N-ва садился, билеты позвольте!.. Билетъ твой!—вдругъ быстро обратился онъ къ хромому мужику.

— Нѣту билета.

Кондукторъ молча развелъ руками.

— Ну, вотъ, что ты тутъ съ ними будешь дѣлать? Господа! Да вѣдь невозможно!—усталымъ, усовѣщевающимъ голосомъ заговорилъ онъ.—Вѣдь мы подначальные люди, мы не можемъ даромъ народъ возить! Съ насъ за это взыскиваютъ... Какъ остановка будетъ, пожалуйста, слѣзай! Честью тебя прошу!

Для поѣздной прислуги стояло тяжелое время. Изъ „Россіи“ нахлынули въ степь безчисленныя массы косарей; между тѣмъ солнце выжгло траву, и сѣнокосъ на всемъ протяженіи степи не состоялся. Отощавшіе и обносившіеся, косари скитались по выжженной степи, плелись по безконечнымъ тропинкамъ вдоль полотна дороги. Одни возвращались назадъ, другіе шли дальше,

на Черноморье и Кубань. Они потеряли всякій страхъ: стоило кондукторамъ зазѣваться на какой-нибудь станціи, и въ поѣздѣ немедленно оказывалось нѣсколько десятковъ безбилетныхъ „зайцовъ". Практика давно уже выработала такой образъ дѣйствій: кондукторы зорко слѣдятъ на станціяхъ за всякимъ приближающимся косаремъ и энергично отражаютъ его попытки проникнуть въ поѣздъ; но разъ онъ ужъ очутился въ вагонѣ, на него махаютъ рукою и безъ всякихъ тасканій къ начальству просто высаживаютъ на слѣдующей станціи: все равно, взятки съ него гладки.

Поѣздъ далъ свистокъ и началъ замедлять ходъ. Хромой косарь поспѣшно всталъ, захватилъ свой зипунъ и перешелъ въ сосѣдній вагонъ: тамъ онъ сѣлъ на лавочку за дверью. Поѣздъ остановился.

Черезъ вагонъ прошелъ кондукторъ и увидѣлъ косаря.

— Ты не сошелъ?!—изумился кондукторъ.

Косарь поднялся.

— Да куда же я пойду? У меня ноги больныя!—ожесточенно воскликнулъ онъ, глядя на кондуктора, какъ затравленный волкъ.

— Ах-хъ ты, Господи!..—Кондукторъ замолчалъ, оглядывая его съ ногъ до головы.—Я тебѣ говорилъ, какъ человѣку, а теперь что же? Я долженъ бить тебя по шеѣ!

— Смилуйтесь, господинъ кондукторъ!

— Ступай ты, ради Бога! Пойми, мы не можемъ даромъ возить народъ... Вѣдь вотъ человѣкъ!

Онъ взялъ косаря за рукавъ, вывелъ на площадку и заставилъ слѣзть.

Залихватски закатился кондукторскій свистокъ, ему въ отвѣтъ рявкнулъ паровозъ, далеко впереди пискнулъ рожокъ стрѣлочника, поѣздъ дрогнулъ и двинулся.

II.

На станціи стихло. Надъ безлюдною платформою шумѣли пыльные тополи и бѣлыя акаціи. За полотномъ дороги, у корчмы, стояли возы, запряженные волами, вокругъ нихъ медленно двигались хохлы въ холщевыхъ шароварахъ.

Косарь напился изъ кадушки теплой воды и пошелъ по дорогѣ въ степь: около линіи нечего было разсчитывать ни на работу, ни на милостыню. Дорога вилась вдаль слабыми, лѣнивыми извивами. Кругомъ до самаго горизонта тянулась степь и степь,—ная, неподвижная, залитая горячимъ солнцемъ; трава была тая и рѣдкая, повсюду сѣрѣли большія плѣшины голой, выж-

женной солнцемъ земли. Вѣтеръ слабо дулъ съ запада, шелестя травой; съ вѣтромъ несся издалека тонкій, нѣжный запахъ свѣжаго сѣна, но этотъ запахъ шелъ не отъ рядовъ и копенъ, а отъ травы, на корню сохшей подъ жгучимъ силнцемъ.

Косарь шелъ, хромая и тяжело опираясь на палку. Солнце било въ лицо, во рту пересохло, на зубахъ скрипѣла пыль; въ груди какъ будто злобно запеклось что-то тяжелое и горячее. Онъ шелъ часъ, другой, третій... Дорогѣ не было конца, во всѣ стороны тянулась та-же сѣрая, безлюдная степь. А на горизонтѣ слабо зеленѣли густые лѣса, блестѣла вода; дунетъ вѣтеръ,— призрачные лѣса колеблются и таютъ въ воздухѣ, вода исчезаетъ.

Около дороги, на рубежѣ, стояла каменная баба. Косарь сѣлъ къ ея подножью. Въ ушахъ у него звенѣло и со звономъ проходило по головѣ, въ глазахъ мутилось отъ жары и голода; больная ступня ныла, и тупая боль ползла отъ нея черезъ колѣно и бедро въ пахъ.

Вокругъ было просторно и пусто; только далеко на дорогѣ виднѣлась сѣрая фигура идущаго человѣка. Въ блещущей синевѣ неба парилъ коршунъ, потревоженные овражки перекликались между собою изъ подъ земли отрывочнымъ, звенящимъ свистомъ. Каменная баба въ колпакѣ,—сѣрая, поросшая зеленоватымъ мохомъ,—сгорбившись, смотрѣла въ степь съ злымъ, какъ будто живымъ лицомъ; нижняя часть ея лица была пухлая и обрюзгшая, руками она держалась за животъ, и казалось, что она кисло морщится отъ боли въ пустомъ желудкѣ. Косарь охватилъ руками колѣни и застылъ, глядя вдаль воспаленными, красными глазами.

— Цс-сыкъ! Цс-сыкъ! Цс-сыкъ!—явственно звучало вокругъ него, какъ будто десятки косъ дружно рѣзали густую сочную траву. По небу молніей пронеслись невиданно-громадныя, черныя птицы, и путникъ съ трудомъ соображалъ, что это—увивающіяся вокругъ его головы мухи; надъ горизонтомъ по небу стали протягиваться густо-переплетающіяся, движущіяся вѣтви, вдали потянулись гуськомъ косари въ красныхъ рубахахъ; они шли одинъ за другимъ, съ закинутыми на плечо косами, и имъ не было конца. Все это былъ обманъ, и путникъ зналъ это: за время скитанія по степи ему не разъ уже, особенно по вечерамъ, мерещились разныя странныя вещи. И ему казалось, что ему стало бы легче, если бы не шли вдали косари, если бы не мелькали по небу черныя птицы и не звучали невидимыя косы, рѣжущія невидимую траву...

Косарь, вздрогнувъ, поднялъ голову. На дорогѣ стоялъ невысокій человѣкъ въ нанковомъ подрясникѣ и смотрѣлъ на него. Добродушное лицо его было потно и одутловато, за плечами висѣла на ремняхъ объемистая котомка.

Человѣкъ свернулъ съ дороги къ бабѣ. Онъ молча спустилъ съ плечъ котомку, сѣлъ по другую сторону рубежа, вздохнулъ и снявъ скуфейку, провелъ рукою по длиннымъ волосамъ.

Косарь мрачно смотрѣлъ на него и молчалъ. Человѣкъ въ подрясникѣ, не торопясь, раскрывалъ котомку; онъ досталъ изъ нея краюху пшеничнаго хлѣба, воблу и бутылку казенной водки.

— И много же тутъ нынче вашего брата-полтавца набилось!—заговорилъ онъ, раздавливая сюргучъ бутылки о подножье бабы.—Никогда еще столько не бывало. Что грачей въ полѣ, такъ всюду вашего брата.

Онъ ударилъ ладонью въ донышко бутылки, пробка вылетѣла, и водка въ горлышкѣ запѣнилась. Косарь молчалъ и злыми глазами косился на сосѣда.

— Шли траву прибирать, а травку-то самъ Господь прибралъ, для себя!—продолжалъ человѣкъ въ подрясникѣ.—Вотъ и гуляй теперь по степу безъ дѣла.

Онъ отпилъ изъ горлышка водки и, какъ будто это само собою разумѣлось, протянулъ бутылку косарю. Косарь дрогнулъ и нерѣшительно оглядѣлъ длинноволосаго человѣка. Потомъ вдругъ на его черномъ лицѣ закривилась улыбка, онъ поспѣшно протянулъ руку и бережно принялъ бутылку.

— Отколѣ самъ будешь?—спросилъ человѣкъ въ подрясникѣ, прожевывая воблу и подвигая закуску къ косарю.

— Изъ Тамбовской губерніи,—отвѣтилъ косарь.

Онъ отпилъ водки, утеръ усы и осторожно, словно боясь потревожить рыбину, отколупнулъ отъ нея кусокъ. На лицѣ его была теперь напряженно-предупредительная улыбка.

— Давно ходишь?

— Съ Пасхи.

Косарь помолчалъ.

— Шли, шли, милый человѣкъ мой,—заговорилъ онъ, стараясь не глядѣть на закуску,—все думали, дойдемъ до настоящаго мѣста. Обносились, обтрепались, хуже нищихъ сдѣлались,—нѣту работы!.. А народъ все, знай, валитъ. И куда идутъ-то? Сами не вѣдаютъ. Другъ у дружки такъ и рвутъ кусокъ изо рту!

— Косу-то проѣлъ ужъ?

— Проѣлъ... Все проѣлъ. Да вотъ ногу еще испортилъ.

— Не родилось ничего, вотъ причина. Засуха!.. Да ты ѣшь, что жъ ты?.. Отхлебни-ка еще разокъ!

— Не обидно будетъ тебѣ?—спросилъ косарь съ закривившеюся снова улыбкою, исподлобья взглянувъ на собесѣдника.

— Ну, что ты! Господи помилуй!.. Знай, ѣшь!

Косарь съ наслажденіемъ отхлебнулъ еще водки и принялся за рыбу.

*

— Я тебѣ все это дѣло обскажу повнимательнѣе, — заговорилъ онъ, жуя. — Говоришь: не родилось ничего. Не въ этомъ штука. Тутъ штука вотъ какая: время наше прошло. Былъ тутъ годъ одинъ, — послѣ холеры который, этотъ!.. Трава во-какая была, жито—не прожнешь. А народу мало подошло... И пошли по экономіямъ косилки, жнейки всякія. Съ той поры, можно сказать, хорошо и не бывало. Раньше за лѣто пять-шесть красненькихъ домой принесешь,—ну, теперь этого ужъ нѣту!

— Ты куда жъ сейчасъ идешь?

— Домой бы добраться, да вотъ нога шибко идти не пущаетъ.

Человѣкъ въ подрясникѣ помолчалъ.

— А то пойдемъ со мною,—сказалъ онъ, глядя въ степь.— Мое дѣло легкое.

— А ваше какое же дѣло будетъ? — осторожно спросилъ косарь, переходя на „вы".

— Съ святымъ припасомъ хожу.

— Гм! Странникъ, значитъ, будешь?

— Въ родѣ какъ бы странника.

— Въ Ерусалимѣ былъ?

— Я гдѣ и не былъ, а все знаю, — загадочно отвѣтилъ странникъ.

Косарь покосился на него.

— Изъ стрѣлковъ, значитъ, будешь?

— „Изъ.стрѣлко-овъ"...—передразнилъ странникъ.—Тебя бы, дурака, самого поучить надо! Ну, да жалко мнѣ тебя. Куда ты пойдешь, такой-то? Богъ ужъ съ тобой, пойдемъ вмѣстѣ. И мнѣ веселѣе будетъ, а то скучно одному... Тебя какъ звать-то?

— Никитой.

— Ну, Никита, вставай! Будетъ, отдохнули. Вонъ ужъ гдѣ солнышко. Скоро деревня будетъ.

Странникъ приладилъ къ плечамъ котомку, они встали и пошли. Странникъ, маленькій и пухлый, шелъ мелкими шажками, опираясь о камышевую палку, а рядомъ съ нимъ ковылялъ огромный, оборванный косарь.

— Ты издалека ли сейчасъ идешь?—спросилъ взбодрившійся отъ водки Никита.

— Да со станціи.

— Долго чтой-то шелъ!

— Тамъ еще дѣла кой-какія надо было справить,—поторговать, чайку попить...

Никита громко расхохотался.

— „Дѣла"!.. Нешто это дѣло? Сказалъ бы—поработать, а то—„чайку попить"! Это не дѣло! Это значитъ—въ мамонъ свой закладать, а не дѣло!..

— Буде грохотать, разстегнулъ пасть! — сурово обрѣзалъ его странникъ.—Вонъ-она деревня, видишь?.. Я что ни буду разсказывать, ты все знай—молчи; все равно, какъ будто нѣмой будешь. На ночевку оставлять станутъ, не оставайся: переночуемъ въ степу.

Вдали, въ неглубокой балкѣ, сѣрѣли крыши деревни и зеленѣли вербы. На пригоркѣ маленькія восьмикрылыя мельницы лѣниво махали своими кургузыми крыльями.

III.

Солнце садилось. Его красные лучи лились по пыльной деревенской улицѣ, ярко-бѣлыя стѣны хатъ казались розовыми, а окна въ нихъ горѣли кровавымъ огнемъ. Странникъ и Никита сидѣли на крылечкѣ хаты, окруженные толпою хохловъ,—мужиковъ и особенно бабъ.

На столѣ странникъ разложилъ весь свой святой припасъ; тутъ были раковины съ „Мертваго моря", собранныя имъ на морскомъ берегу въ Одессѣ, были пузырьки съ ижехерувимскими каплями, восковые огарки изъ-подъ святого огня, картины и фотографіи.

Онъ держалъ въ рукахъ ярко-раскрашенную картину, изображавшую ново-аѳонскій Симоно-кананитскій монастырь; на горахъ, усѣянныхъ деревьями, похожими на зеленыя бородавки, бѣлѣли златоглавыя церкви, а на небѣ стояла Богородица, простирая ризы надъ монастыремъ.

Странникъ разсказывалъ о святой и тихой жизни въ благочестивомъ монастырѣ; онъ разсказывалъ пѣвучимъ, высокимъ голосомъ, какимъ читаютъ въ церквахъ апостола степенные и толковые дьячки, желающіе читать „съ чувствомъ". Никита, наѣвшійся вкуснаго борща съ баклажанами, чувствовалъ блаженное отяжелѣніе во всемъ тѣлѣ; онъ слушалъ странника и медленно моргалъ глазами.

— Отстояли мы обѣдню, вышли на волю, — разсказывалъ странникъ.—Глянули на кумполъ,—и что же, братцы вы мои? Стоитъ на облачкѣ сама Матушка-Богородица! Все равно, какъ вотъ на картинѣ тутъ... Сіяніе отъ нея, — глазамъ больно смотрѣть, солнцу подобно... Съ нимъ вотъ вмѣстѣ были!—прибавилъ нъ своимъ обычнымъ голосомъ, кивнувъ на Никиту, и оглядѣлъ о ясными, умиленными глазами.

Никита пошевелился и сталъ густо краснѣть, косясь на окрующихъ.

— Нѣмой онъ, говорить не можетъ съиздѣтства,—объяснилъ ынникъ. — Ну, хорошо, ладно! — продолжалъ онъ прежнимъ сомъ. — Увидали мы это съ нимъ, — смутились въ сердцѣ

своемъ, пали на-земь. И взмолился я къ Владычицѣ Небесной: „Мать пресвятая Богородица, утѣшеніе всѣхъ скорбящихъ! Будетъ ли товарищу моему спасеніе, отверзятся ли ему уста?“ И случилось тутъ знаменіе... Глянула на насъ Матушка, за уголышекъ ризу взяла свою и три раза его-вотъ благословила,—разъ! два! и три!—больше ничего.

Онъ вопросительно оглядѣлъ слушателей. Бабы скорбно вздыхали, качая головами. Старикъ-хохолъ, съ трубкою въ зубахъ, слушалъ съ чуть замѣтною усмѣшкою, засунувъ руки въ карманы шароваръ.

— Это что значитъ?.. Значитъ: молись и вѣруй, три года тебѣ терпѣть, а тамъ будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей...

Странникъ замолчалъ. Никита сидѣлъ красный, волкомъ глядя вокругъ.

— Вѣруй въ Матушку, и все приложится тебѣ, — снова заговорилъ странникъ. — Помни Бога, для него живи въ мірѣ, для него трудися! — Странникъ значительно погрозилъ своимъ пухлымъ пальцемъ. — А мы какъ? Все о себѣ печалуемся, — какъ бы помягче пожить, да послаще... Ну, вотъ потомъ самъ и платись!.. Въ кіевскихъ пѣщурахъ мощи лежатъ братовъ-плотниковъ. Построили они храмъ Успенію пресвятой Дѣвы-Маріи. Явилась она имъ, спрашиваетъ: „чего хотите, — *сирѣчь* злата, *сирѣчь* царствія Божія?“ Двѣнадцать братовъ запросили царствія Божія, а тринадцатый на злато прельстился, добра запросилъ. Ну, сталъ онъ жить,—хорошо жить сталъ, мягко, жирно... Прожилъ годъ и сталъ думать въ своей головѣ: „что я такое издѣлалъ?“ И ужахнулся онъ. Пришелъ къ Матушкѣ, палъ въ ноги: „прости,—говоритъ,—за глупость, не отринь раба Твоего!“ А она и говоритъ: „ничего теперь не могу сдѣлать тебѣ. Видишь, мощи братовъ твоихъ лежатъ: если раздвинутся, дадутъ мѣсто,—твое счастье“. Взмолился онъ къ мощамъ: „братья мои милые, единоутробные! Пожалѣйте грѣшника, дайте промежъ себя мѣстечко!“ Сдвинулись братья, только не хватило для него цѣлаго мѣста, втиснулся онъ промежъ нихъ плечомъ. Такъ по сіе время и лежатъ,—двѣнадцать къ небу ликомъ, а этотъ промежъ нихъ бокомъ...

— А це кто?—прервалъ его старикъ-хохолъ, разсматривавшій фотографію образа изъ кіевскаго собора св. Владиміра.

— Никита-Столпникъ, святой угодникъ переславскій,—скороговоркой отвѣтилъ странникъ.—Видишь, на столбѣ стоитъ? Тридцать лѣтъ и три года простоялъ...

Онъ передохнулъ, быстро высморкался пальцами и тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ сталъ разсказывать; онъ разсказывалъ, какъ въ молодости Никита былъ „суровъ и мятежникъ“, какъ оби-

жалъ онъ людей и какъ явилось ему знаменіе: жена его варила мясо и увидѣла въ кострюлѣ кипящую кровь, въ крови этой мелькали человѣческія головы, руки и ноги. Позвала она Никиту, онъ посмотрѣлъ и ужаснулся. „Увы мнѣ, много согрѣшихъ!..“ Пошелъ къ монастырю, влѣзъ въ болото и три дня просидѣлъ въ трясинѣ, отдавъ себя на пищу комарамъ и жабамъ. Потомъ явился къ игумну, палъ въ ноги и сталъ молить указать ему трудъ,— „только, отче, спаси душу погибающу!..“ И построилъ онъ себѣ столбъ, и сталъ служить Богу. Зиму и лѣто, день и ночь стоялъ онъ на столбѣ и все молился. Дождь его мочилъ, снѣгъ засыпалъ, клевали вороны,—онъ все молился; въ каждой рукѣ онъ держалъ на вѣсу по тяжелому камню, вериги на тѣлѣ отъ многаго труда сдѣлались блестящими, какъ золото...

Хорошо разсказывалъ странникъ. Лицо у него стало какое-то свѣтлое и вдохновенное, голосъ проникалъ въ душу. Кругомъ всѣ молчали. Солнце сѣло. Никита смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ фотографію и не могъ оторвать отъ нея глазъ: высокій, худой и изможденный, стоялъ угодникъ на бревенчатомъ срубѣ; всклокоченная, сѣдая борода спускалась ниже пояса, щеки осунулись, лицо было блѣдное и мертвенное; потухшіе, бѣлесые, какъ у трупа, глаза смотрѣли въ небо.

И странное что-то творилось съ Никитой. Онъ слушалъ вдохновеннаго разсказчика и забылъ, что передъ нимъ не больше, какъ „стрѣлокъ“, и все смотрѣлъ на фотографію, и она оживала подъ его взглядомъ: въ старческомъ, трупномъ лицѣ угодника, въ его невидящихъ, устремленныхъ въ небо глазахъ горѣла какая-то глубокая, страшная жизнь; казалось, ко всему земному онъ сталъ совсѣмъ чуждъ и нечувствителенъ, и духъ его въ безконечномъ покаянномъ ужасѣ рвался и не смѣлъ подняться вверхъ, къ далекому небу...

Никита поднялъ голову и, подперевъ щеку кулакомъ, задумчиво смотрѣлъ на затихавшую степь. По этой степи онъ скитался два мѣсяца, злобный отъ голода и униженій, полный однимъ собою. Все пережитое имъ, вся злоба и страданія казались ему теперь мелкими, и онъ стыдился ихъ; онъ стыдился, что муки эти онъ переносилъ для самого себя, и что онѣ такъ малы и ничтожны, и что въ нихъ нѣтъ ничего, что уносило бы его вверхъ, прочь отъ земли, какъ этого угодника.

IV.

Темнѣло. Странникъ и Никита оставили за собою деревню и ли по степи. Никита ковылялъ на больныхъ ногахъ и, молча, ъ пристальнымъ вниманіемъ косился на своего спутника: лицо

странника казалось ему чуждымъ-чуждымъ и страшнымъ въ своей чуждости. А странникъ шелъ рядомъ, беззаботно посвистывая, и дышалъ прохладой.

Далеко на югѣ темнѣли черныя, неподвижныя тучи, оттуда шло какъ будто непрерывное глухое ворчаніе. Кругомъ еще сильнѣе пахло некошеннымъ сѣномъ. Вѣтеръ слабо дулъ, шурша сухою травою.

— Ну, поглядимъ, сколько нынче Богъ послалъ!—заговорилъ странникъ.—Э-эхъ, коробушка-матушка, валиҫь на травушку!..

Онъ скинулъ котомку на земь и опустился на траву. Никита стоялъ, молча глядя на него.

Странникъ вытащилъ изъ кармана деньги и сталъ считать; оказалось семьдесятъ три копѣйки; было тутъ и отъ продажи „святого припасу", были и деньги, данныя бабами на свѣчи угодникамъ въ Соловкахъ, куда будто бы направлялся странникъ. Потомъ онъ вытащилъ изъ котомки холсты, яйца, бутылку съ водкой.

— Что-жъ, Никита, давай дѣлиться! — ласково произнесъ странникъ.

Никитѣ что-то сдавило горло; онъ стоялъ, разставивъ ноги, и въ упоръ смотрѣлъ на странника.

— Знаешь, что?—проговорилъ онъ срывающимся голосомъ.—Тебѣ одна дорога, мнѣ другая... Прощай, братъ! — И онъ махнулъ рукою.

Странникъ изумленно вытаращилъ глаза и вскочилъ на ноги.

— Что ты?.. Господи помилуй, чего ты?—оторопѣло спросилъ онъ и сталъ вглядываться въ Никиту.—Ду-ура ты, дура деревенская!—неожиданно расхохотался онъ и весело всплеснулъ руками.

Никита исподлобья оглядѣлъ странника—и вдругъ, закусивъ губу, съ размаху ударилъ его своимъ тяжелымъ кулакомъ въ лицо,—ударилъ больно, крѣпко, съ дикою радостью ощущая, какъ хрястнулъ подъ кулакомъ носъ его спутника...

Странникъ, съ залитымъ кровью лицомъ, сидѣлъ на землѣ и испуганно-плачущимъ голосомъ ругался. А Никита, не оглядываясь, шелъ впередъ, въ темнѣвшую степь.

---

2. На холоду.

Изъ лѣтнихъ встрѣчъ.

Вечерѣло. На церковной колокольнѣ, надъ береговымъ обрывомъ, пробило ужъ семь часовъ, а парохода сверху, изъ Вятки,

все не было: должно быть, застрялъ гдѣ-нибудь на перекатѣ и Богъ-вѣсть, когда придетъ. Я сидѣлъ съ гоньщиками на кормовомъ плотѣ длиннаго „самосуда“ *); на очагѣ горѣлъ огонь и закипалъ котелокъ.

Было холодно, съ запада дулъ ровный, сильный вѣтеръ; крупныя бревна подъ ногами вздымались и опускались вмѣстѣ съ волнами, истрепанная мочала на мачтѣ билась по вѣтру; ели и пихты надъ обрывомъ гудѣли сухимъ, мрачнымъ шумомъ. Третій день дулъ боковой вѣтеръ, плоты стояли на сошилахъ, и гоньщики томились въ бездѣйствіи.

Ихъ было четверо. Одинъ, закутавшись, лежалъ на соломѣ въ досчатой шалашкѣ, и я видѣлъ только его ноги; другой съ продолговатымъ, скуластымъ лицомъ, съ жесткою и рѣдкою черно-сѣдою бородкою, молча и сосредоточенно подкладывалъ подъ котелокъ хворостъ. Двое остальныхъ были сильно подвыпивши, поэтому оживлены и говорливы: ихъ угостилъ возвращавшійся изъ Казани землякъ-боцманъ. Они-то, разговорившись со мною на берегу, и затащили на плотъ. Одного изъ нихъ звали Илюхой, другого Арсентіемъ.

Арсентій съ пьяно-серьезнымъ лицомъ сидѣлъ рядомъ со мною на мокромъ бревнѣ и курилъ взятую у меня папиросу, сплевывая на бревна. Илюха,—мягкій мужикъ съ круглою, рыжею бородою и блаженнымъ лицомъ,—стоялъ предо мною, босой и распоясанный, въ надувавшейся отъ вѣтра кумачной рубашкѣ; широко размахивая руками, онъ разсказывалъ мнѣ о привольной жизни гоньщиковъ въ низовыхъ городахъ, о крупныхъ заработкахъ, о сказочно-богатыхъ и великодушныхъ хозяевахъ; онъ разсказывалъ съ восторгомъ, блаженно уносясь въ яркій и веселый міръ фантазіи. А кругомъ было холодно и сыро, мошки, несмотря на вѣтеръ, неистово и назойливо впивались въ лицо и руки. Скуластый гоньщикъ, кутаясь въ рваный полушубокъ, угрюмо смотрѣлъ въ огонь; онъ былъ трезвъ и отъ пьяной счастливости товарищей, казалось, особенно тяжело чувствовалъ свою трезвость и скуку.

— Добѣжали мы до Самары,—разсказывалъ Илюха, балансируя на колебавшихся бревнахъ,—получили расчетъ, взялись гулять. Недѣлю цѣлую гуляли, вотъ и онъ скажетъ!—Илюха кивнулъ на Арсентія.—А было это въ холерный годъ. И схватила меня холера. Стащили въ байракъ, мѣсяцъ пролежалъ; вышелъ,—еле на ногахъ стою. Пришелъ къ хозяину. Вошелъ, вотъ такъ плечомъ къ косяку уперся,—значитъ, отъ слабости! „Здравствуй, говорю, Никандра Степанычъ!“—„Здравствуй, Илюха!

*) *Самосудами* на Вяткѣ и Камѣ называются плоты-однорядки.

Какъ живешь?" И сейчасъ лѣзетъ въ карманъ: „на, говоритъ, тебѣ двадцать пять рублей добѣжать до дому!.." Ей-Богу! Спрашиваетъ меня: „не мало тебѣ? Ты скажи, Илюха!"—„Нѣтъ, говорю, будетъ! Много доволенъ тобою, Никандра Степанычъ!.." Есть ли другой такой хозяинъ? Двадцать пять рублей! Сейчасъ, значитъ, лѣзетъ въ карманъ,—вотъ такъ! На тебѣ, говоритъ...

— Сядь, не махай руками!—вдругъ строго произнесъ Арсентій.

— Я человѣку разсказываю!—обиженно возразилъ Илюха.

— Я понимаю, а только сядь!

— Что ты? Я разсказываю по совѣсти! Я по честности человѣку разсказываю!

— Ты языкомъ разсказывай... Сядь!—отрывисто повторилъ Арстентій.

Илюха сѣлъ.

— Вы на какой ваканцыи?—такимъ же строгимъ тономъ обратился Арсентій ко мнѣ.

— Я? Я въ Петербургѣ служу, докторомъ.

— При царскомъ дворцѣ?—отрывисто спросилъ Арсентій. Онъ спрашивалъ, какъ судья, строгій и нелицепріятный, но которому его дѣло сильно надоѣло.

— Нѣтъ.

— Гм!.. А у насъ землякъ одинъ въ царскомъ дворцѣ служитъ, поваромъ, по тридцать рублей въ день получаетъ... Тобишь... По семьдесятъ рублей! По семьдесятъ за день.

— На царя готовитъ?

— Нѣтъ, не на царя.—Арсентій подумалъ.—Не на царя, а на тлѣ... тѣль... тѣло... охранителей его!

— А другой землякъ въ Москвѣ,—вмѣшался Илюха,—Унтеръ-офицеръ на старшемъ окладѣ, жандармой служитъ на вокзалѣ...

— Почто сюда пріѣхали?—продолжалъ Арсентій свой допросъ.

— Къ голодающимъ ѣздилъ.

Арсентій неопредѣленно крякнулъ. Илюха стремительно рванулся съ мѣста.

— Вотъ—они, голодающіе!—объявилъ онъ, предупредительно указывая мнѣ обѣими руками на скуластаго гоньщика.—А другой вонъ въ шалашкѣ второй день лежитъ, застылъ отъ сырости!

— Ну, да!—подтвердилъ Арсентій.—Мы, значитъ, съ нимъ всегда въ плавѣ работаемъ, природные гоньщики, а этихъ бѣдность завлекатъ.

— Вы откуда сами?—спросилъ я гоньщика, копошившагося у огня.

Онъ поднялъ на меня свое худое, скуластое лицо.

— Слышь, человѣкъ тебя спрашиватъ: отколѣ самъ?—вполголоса передалъ ему мой вопросъ Арсентій.

Гоньщикъ сказалъ.

— Пособіе выдаютъ у васъ?

— Выдаютъ... По полфунта выдаютъ на человѣка. . А работникамъ и ребятамъ до пяти лѣтъ ничего.—Онъ вдругъ оживился и заволновался.—А много ли въ полуфунтѣ мозгу? Это надобно понять. Неурождай у насъ два года подрядъ, скотъ весь палъ, ждать нечего никому...

Онъ заставлялъ себя говорить, стараясь выяснить передо мною положеніе дѣлъ, видимо предполагая, что въ моей власти лежитъ его измѣнить.

— Вотъ изъ-за этого и пошли они на сплавъ, — прервалъ его Арсентій.—Голодомъ маются, а не изъ какой-либо причины... А мы вотъ на вольной службѣ работаемъ, не тужимъ хлѣбомъ; лѣтомъ заработаемъ,—имѣемъ зимою себѣ на воспитаніе.

— А почемъ вы гоните?—спросилъ я.

Скуластый гоньщикъ при моемъ вопросѣ съежился и сталъ усерднѣе подкладывать на очагъ сучья. Илюха сорвался съ бревна, на которомъ сидѣлъ.

— „Почемъ"!.. По восемь копѣекъ!—крикнулъ онъ и остановился передо мною, подперевъ бокъ кулакомъ.

— Ну, да!—произнесъ Арсентій, качнувъ головою.—Раньше всегда по двадцать пять, по тридцать гоняли, а теперь, значитъ, по восемь копѣекъ даютъ за дерево.

— Сколько же вы за все выработаете?

— Ничего!—отрѣзалъ Илюха, рѣшительно махнувъ рукою по воздуху.—Вода высокая, а вѣтры, видишь, какіе? Сколько стоимъ! Изъ восьми-то копѣекъ! Все по дорогѣ проѣшь! Всю ряду потеряешь, и назадъ выбѣжать будетъ не на что!

— Значитъ, и на выбѣжку не хватитъ! — объяснилъ мнѣ Арсентій.

— Во-отъ!..—Илюха мрачно покосился на скуластаго гоньщика.—Раньше, бывало, за три недѣли четвертной билетъ домой привезешь, а ныньче, изъ восьми-то копѣекъ,—поди—привези! А вонъ въ Кукаркѣ спрашивали,—ужъ по пять копѣекъ грузятъ!.. Все отъ нихъ вотъ!

Я сталъ разспрашивать подробнѣе,—получалось нѣчто удивительное: выходило, дѣйствительно, такъ, что гоньщики ѣдутъ какъ-будто за одно лишь удовольствіе прокатиться, и было весьма вѣроятно, что назадъ имъ придется идти пѣшкомъ. И чѣмъ больше я разспрашивалъ, тѣмъ ярче выступала эта нелѣпость и передо мною, и передъ самими разсказчиками, и все больше съеживался скуластый гоньщикъ.

— Все изъ-за нихъ, изъ-за подлецовъ!—возмутился Илюха.— Чего не въ свое дѣло лѣзешь? Что ты понимаешь въ сплавѣ?.. Въ воду тебя надо бросить!—неожиданно закончилъ онъ.

Скуластый гоньщикъ угрюмо молчалъ.

— Можешь ли ты идти противъ насъ?.. Вездѣ голодающій поперекъ горла сталъ, всѣмъ дорогу заслонилъ!

— Ну, да!.. Ну, да!..—повторялъ совсѣмъ опьянѣвшій Арсентій, кивая головою.

Илюха начиналъ волноваться все больше. Я всталъ.

— Мнѣ ѣхать пора, сейчасъ пароходъ придетъ,—сказалъ я.— Спасибо, оставайтесь здоровыми!

— Ступай съ Богомъ!—отвѣтилъ Илюха.

Мнѣ хотѣлось дать заработать скуластому гоньщику, и я попросилъ его доставить меня на лодкѣ прямо къ пароходной конторкѣ. Мы сѣли въ лодку и отчалили.

Гоньщикъ усердно работалъ веслами, неуклюжая черная лодка быстро двигалась вдоль берега по теченію. Волны набѣгали сбоку на глинистый береговой откосъ и разбивались объ него, взбрасывая высоко вверхъ фонтаны бѣло-коричневыхъ брызгъ.

— Часто они такъ корятъ васъ?—спросилъ я гоньщика.

— Такъ вѣдь съ чего-жъ идешь-то? Не съ радости,—отвѣтилъ онъ, исподлобья взглянувъ на меня.—Идешь, чтобъ дома не сидѣть, не глядѣть, какъ ребята сохнутъ... Полфунта выдаютъ на человѣка,—много ли въ немъ пищи? Чѣмъ сытъ будешь?

Своимъ медленнымъ, скрипучимъ голосомъ онъ опять заговорилъ о малыхъ размѣрахъ пособія. И все больше меня стало охватывать то чувство бессилія, чувство полнѣйшей безвыходности и безнадежности, которое я вывезъ изъ всей своей поѣздки по округѣ.

Гоньщикъ пристально оглядѣлъ меня сбоку.

— Вы отколѣ къ намъ посланы?—осторожно спросилъ онъ.

— Ни откуда. Такъ, самъ отъ себя ѣздилъ.

Онъ замолчалъ и сталъ усердно работать веслами.

— А въ этомъ году, кажется, урожай у васъ будетъ хорошій,—сказалъ я, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Да-а, похоже,—неохотно отвѣтилъ онъ и снова замолчалъ.—„Хорошій"... Что-жъ, что хорошій?—про себя проговорилъ онъ.

— Какъ, „что-жъ, что хорошій"? Богъ дастъ, поправитесь теперь.

Гоньщикъ молчалъ, работая веслами, и какъ будто думалъ.

— Не поправишься, купецъ, и съ урождаю!—медленно произнесъ онъ.—Время не то. Плохо стало жить теперь: тѣсно! Земли мало, людей много. Всѣмъ задолжали, подать дорогая... Лѣса

сведѐны, протопиться нечѣмъ, жердей негдѣ нарѣзать, поскòтину огородить. Прежде время-то было,—скотина одна по поскòтинѣ ходитъ, сама знаетъ, гдѣ ѣду найти; про пастуховъ мы и не слыхали. А нынче жердей нѣту, луга огородить нечѣмъ, наймай пастуха. А пастухъ что? Пастухъ—батракъ: солнышко садится,—онъ веселится, солнышко всходитъ,—онъ съ ума сходитъ. Только бы спать ему. Чтобъ въ хлѣбъ не зашла скотина, сгонитъ ее въ одно мѣсто и стоитъ; скотина сгруживается и не бываетъ сыта... Плохо, куда ни глянь,—плохо! А главное дѣло—народу расплодилось, простора нѣтъ человѣку...—Онъ помолчалъ.—А что, говорятъ, хворь по нашимъ мѣстамъ пошла, кровью человѣкъ исходитъ... Правдà-а?—спросилъ онъ, по-вятски странно растягивая послѣдній звукъ.

— Правда.

— Можетъ, почиститъ народъ, свободнѣе жить станетъ...—задумчиво произнесъ онъ.

Я дрогнулъ и поднялъ голову: не ослышался я? Нѣтъ, онъ продолжалъ говорить тѣмъ же равнодушнымъ, спокойнымъ голосомъ,—говорить о „чисткѣ“ народа цынгой, какъ о единственной надеждѣ стать на ноги!..

Гоньщикъ повернулъ лодку къ берегу и врѣзался носомъ въ глину. Я расплатился съ нимъ, простился и пошелъ на конторку.

О пароходѣ все еще не было слышно. Солнце садилось въ тучи, береговыя сосны мрачно шумѣли подъ холоднымъ вѣтромъ. За конторкою, въ небольшомъ затонѣ, грузили бревна, слышался однообразный, протяжный напѣвъ:

Впередъ давай,—еще!.. еще!..
Тащи!.. Тащи!..

Разорванныя, клочковатыя тучи бѣжали по болѣзненно-блѣдному небу, напѣвъ грузчиковъ звучалъ какимъ-то тупымъ, сосредоточеннымъ надсадомъ, и все вокругъ смотрѣло такъ вяло, уныло и безнадежно... Я долго ходилъ по пристани. Душу охватывала тоска. Казалось,—никогда, никогда не можетъ случиться, чтобъ подъ этимъ небомъ вдругъ стало тепло, чтобъ береговыя сосны зашумѣли веселымъ шумомъ, чтобъ доносящійся съ затона напѣвъ зазвучалъ дерзкимъ и сильнымъ вызовомъ холодной судьбѣ...

Я пошелъ наверхъ, къ постоялому двору, высившемуся надъ обрывомъ. Навстрѣчу мнѣ невѣрнымъ шагомъ спускалась по тропинкѣ низенькая, темная фигура. Это былъ скуластый гоньщикъ, „согрѣвшійся“ въ трактирѣ на полученныя отъ меня деньги. Его шапка съѣхала на ухо, онъ шелъ, качаясь, поднявъ брови, и съ блаженно-скорбнымъ видомъ моталъ головою.

На постояломъ дворѣ было безлюдно. Только въ углу за некрашеннымъ столомъ сидѣло за чаемъ двое посѣтителей, дожидавшихся парохода. Я сѣлъ около и спросилъ себѣ пару чаю. Они перестали разговаривать и съ любопытствомъ смотрѣли на меня.

— Парохода изволите дожидаться? — съ любезною улыбкою обратился ко мнѣ одинъ нихъ, — плотный, толстый мужчина съ рыжею бородкою, въ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ; когда онъ улыбнулся, верхняя губа его поднялась и обнажила блѣдныя десны, въ которыхъ два переднихъ зуба отсутствовали. По виду онъ походилъ на деревенскаго лавочника.

— Да, жду парохода сверху.

— Сильно запоздалъ пароходъ. Вотъ и мы тоже, который часъ ждемъ... А отколѣ изволите ѣхать? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Такъ, по округѣ проѣхался.

— По голодающимъ?

— Да.

— Угу!..—лавочникъ сочувственно мигнулъ бровями.—Сильно народъ бѣдствуетъ!—вздохнулъ онъ.

— „Бѣдствуетъ"... Которые бѣдствуютъ, а которые лодырничаютъ! — рѣзко произнесъ его сосѣдъ, худой и загорѣлый, съ быстрыми движеніями и энергичной складкой подъ рѣдкими черными усами; одѣтъ онъ былъ въ сѣрое бумазейное пальто на ватѣ, черезъ шею по жилету вилась серебряная цѣпочка отъ часовъ.—Бѣдствуй, не бѣдствуй,—все равно накормятъ. Зачѣмъ работать? Не нужно! И такъ все дадутъ... У насъ тутъ не бѣдный нынче бѣдствуетъ, а зажиточный. Зажиточный, — онъ старается, подати платитъ справно, въ общественную магазею свою долю ссыпаетъ. А пришелъ неурожай,—„онъ, говорятъ, можетъ жить, у него еще двѣ лошади есть, ему не надо"!.. Значитъ, разоряйся!

— А тутъ еще круговая порука сдѣлалась,—осторожно вставилъ лавочникъ.

— Обязательно!—подхватилъ человѣкъ въ ватномъ пальто.—Взыскивать станутъ,—съ кого? Съ бѣднаго ничего не возьмешь, взыскиваютъ опять — съ богатаго!.. Нѣтъ, вся эта кормежка — одни пустяки, развратъ!—отрѣзалъ онъ, враждебно покосившись на меня.—Это все корреспонденты выдумали, буквоѣды! Буквой питаются... Прекратить нужно, больше ничего! Ничего не давать!

— Что-жъ имъ, все-таки, не съ голоду же помирать!— благодушно возразилъ лавочникъ.—Не собаки.

— Не собаки?.. Хуже собаки! — желчно произнесъ его сосѣдъ.—Собака лаетъ, свое дѣло дѣлаетъ, а онъ... Зовешь его на

работу, жать, — „ты полтинникъ даешь; давай семьдесятъ копеекъ, — пойду!“ А зажиточный не спрашиваетъ, прямо идетъ: ты, говоритъ, не обидишь... А лодырь-то этотъ, негодяй,—возьметъ удочку и идетъ... удить!.. Позови-ка его овинчикъ обмолотить! Пять копеекъ даешь денегъ,—„нѣтъ, говоритъ, не пойду!..“ А въ Слободскомъ вонъ по три копейки платятъ! А онъ за пятакъ не хочетъ!

— Не знаю, конечно, какъ у васъ; но вотъ я сейчасъ былъ внизу на плотахъ, — сказалъ я. — По пять копѣекъ гонятъ съ бревна. Вы понимаете, какая это цѣна?

— Словъ не говоря, есть-и у насъ смирные!—поспѣшно поправился человѣкъ въ пальто. — Такихъ я жалѣю, такимъ надо помогать. Семья у него въ тринадцать-четырнадцать человѣкъ, даешь цѣну,—не торгуется, идетъ... А этотъ,—чего ему? Сидитъ себѣ, пьетъ чай. Заработалъ гдѣ двадцать копѣекъ, и ладно: на чай-сахаръ хватитъ, а хлѣба даромъ дадутъ... Ты пройдись по деревнѣ въ одиннадцать часовъ ночи, у кого огонь горитъ? У богатаго, у меня! А бѣдный ужъ спитъ. Утромъ рано богатый идетъ на работу, а бѣдный... чай пьетъ! У насъ чаи теперь пошли. Солнце ужъ вонъ гдѣ, позавтракали люди, а онъ выѣзжаетъ...— Что, Михайло, поздно? — Да баба проспала: самоваръ долго не закипалъ, углей не было... А?! Не надо его выпороть хорошенько? Солнце ужъ вонъ гдѣ, а онъ...

— Чаевничаетъ!—со смѣхомъ докончилъ лавочникъ, обнажая свои верхнія беззубыя десны.

— Чайничаетъ, да!.. И вотъ такихъ-то бѣдныхъ преимущественно много!

Человѣкъ въ пальто всталъ изъ-за стола и быстро заходилъ по комнатѣ.

— Ежели кто бѣденъ, тотъ отъ своей вины бѣденъ! Я тотъ же мужикъ, такой же надѣлъ имѣю, — а почему у меня теперь сорокъ десятинъ? Почему вотъ цѣпочка серебряная черезъ шею при часахъ?.. Позвольте вамъ сказать: милости я ни отъ кого не видалъ, что добылъ, добылъ вотъ этимъ своимъ горбомъ!.. Мнѣ давай помочь, я не приму! Не надо мнѣ! У меня вотъ голова есть, руки есть,—чего мнѣ еще?

— Нѣтъ, Трифонъ Иванычъ, ты все-таки... того... — возразилъ лавочникъ.—Есть, которые бѣдствуютъ,—жалко. Какъ его не накормишь? Христіанская душа, тоже пить-ѣсть проситъ.

Трифонъ Ивановичъ остановился у стола и слушалъ, нетерпѣливо сдвинувъ брови, словно пережидая, что послѣдуетъ послѣ этихъ глупыхъ словъ, на которыя возражать не стоитъ.

— Круто не гни!—продолжалъ лавочникъ, помолчавъ.—Къ тебѣ же въ амбаръ залѣзетъ. А попадется, — что ему острогъ?

Тамъ хлѣбомъ кормятъ. Видалъ? Какъ говорится: собаку не дразни... Не дразни собаку, укуситъ!

— Э, вотъ оно что!—презрительно разсмѣялся Трифонъ Ивановичъ.—Нѣтъ, братъ! Треску бояться,—въ лѣсъ не ходить!

— Онъ скажетъ: дай хлѣбца!—Не дамъ.—Не да-ашь?—Не дамъ.—Та-акъ! Ну, жди, разсчитаемся съ тобою!

— Это что подожжетъ-то?.. Эка! А ты сейчасъ свидѣтелей, да въ волостномъ и засвидѣтельствуй. Самъ сторожить станетъ, какъ бы кто другой тебя не поджогъ!..

Онъ сѣлъ къ столу, налилъ изъ чайника въ стаканъ чаю и сталъ быстро прихлебывать изъ него.

— А что, конечно, для богатаго прискорбно,—вздохнулъ лавочникъ.—Онъ старается, работаетъ, ночей не спитъ,—а отвѣчай за бѣднаго. Ну, конечно, удумываетъ, какъ дѣлу своему помочь. У насъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ сосѣднемъ селѣ общественную магазею разнесли мужички. Три раза у земскаго начальника просили подѣлить,—нѣтъ, не дозволяетъ. Ну, ладно! Богатые и начали подбивать общество: разнесемъ магазею! Богатый-то всегда посмыслеяистѣе: весною все бы изъ магазеи бѣднымъ бы пошло, а тутъ каждый свое возьметъ поровну. А бѣдные—дураки; ему шепни: „вотъ, братцы, по четыре пудовки муки выйдетъ на душу",—онъ и радъ... Значитъ, и говорятъ старостѣ: „ты уѣзжай, какъ будто не знаешь ничего!" Двери бревномъ выломали и подѣлили ровно по душамъ. Староста поѣхалъ къ земскому; такъ, молъ, и такъ! Пріѣхалъ земскій: кто разнесъ?—Мы! Ругался, а что подѣлаешь? Ничего никому не было.—Онъ лукаво засмѣялся.

— Было!—коротко возразилъ Трифонъ Ивановичъ.—У насъ въ Дубровкахъ пятерыхъ въ Сибирь угнали за это самое дѣло. Разсуждали: хлѣбъ-то нашъ, чего-жъ ему лежать? Подѣлимъ! А разъясненіе вышло, что хлѣбъ-то не нашъ, а все равно, что поданъ...

Далеко за горами раздался заунывный свистокъ приближавшагося парохода. Всѣ поднялись и стали собираться.

Черезъ четверть часа нашъ пароходъ быстро бѣжалъ внизъ по Вяткѣ. Была ночь,—сѣверная, бѣлая,—стало еще холоднѣе. На западѣ, надъ нависшими черными тучами, свѣтилась длинная, ярко-огненная полоска заката; волны рѣки тускло переливались, не отражая полосы. Тучи на западѣ все сгущались, все плотнѣе и тяжелѣе налегали на ясную полоску, и все мрачнѣе становились и рѣка, и берегъ.

На встрѣчныхъ плотахъ, подъ обрывами, сонно и тускло мигали огоньки... Тамъ, облѣпленные мошками, стынутъ въ сырости обезсиленные, обезнадежившіеся люди. А между тѣмъ есть же, есть и въ этихъ мѣстахъ сила, бодрость и способность по-

стоять за себя; но почему же ими такъ богаты одни лишь двуногіе волки, съ волчьими душами и волчьими стремленіями?.. Надъ обрывами мрачно и сухо шумѣли черные боры, холодныя волны вяло и безсильно плескались о берега.

---

3. Исправилась.

(Изъ лѣтнихъ встрѣчъ).

Я спалъ крѣпко. Сквозь сонъ во мнѣ вдругъ начало подниматься что-то тоскливое и досадливое; чувствовалось, что гдѣ-то вблизи происходитъ нѣчто, во что необходимо вмѣшаться, и что вмѣшательство это по всегдашнему окажется безполезнымъ и безцѣльнымъ.

Сознаніе все больше пробивалось сквозь сонный туманъ. Я открылъ глаза. Дверь изъ клѣти, гдѣ я спалъ, была открыта, и съ деревенской улицы тянуло въ сѣнцы запахомъ цвѣтущей черемухи и слабою прохладою вечерѣющаго дня. Кругомъ было тихо и душно. Въ избѣ слышался однообразный, ноющій плачъ ребенка.

— Ну, замолчи! — повторялъ женскій голосъ. — Голоденъ былъ бы, что-ли! А то нѣтъ! Кричитъ,—дай, что не надо!.. Молчи, молчи!.. „Бо-ольно"? Не балуйся!.. Замолчи! А то еще пойду, прутъ выберу... капризный какой, злющій,—со зла совсѣмъ пропалъ!.. Замолчи!..

Это былъ голосъ Пелагеи. Я третій день жилъ въ Ненашевѣ у Липатовыхъ; ночи я проводилъ на Окѣ съ моимъ пріятелемъ Ѳедькою Липатовымъ, страстнымъ рыболовомъ, а днемъ отсыпался. Пелагея была жена старшаго Ѳедькинаго брата, печника, который вмѣстѣ съ ихъ отцомъ, тоже печникомъ, почти круглый годъ проводилъ въ Москвѣ. Въ деревнѣ жили только холостой еще Ѳедька, Пелагея съ ребенкомъ и старуха—мать Ѳедьки, Матрена.

Пелагея производила на меня странное впечатлѣніе. Это была молодая, красивая баба, удивительно крѣпкая и здоровая; но въ ея сѣрыхъ глазахъ было что-то загадочно-чуждое, и когда я разговаривалъ съ нею, мнѣ казалось, что ее отгораживаетъ отъ людей невидимое облако, сквозь которое невозможно никакое общеніе; сколько я могъ замѣтить, такою же чуждою и отдаленною она являлась и для Ѳедьки, и для свекрови. Ея сынъ, полуторагодовалый Васька, былъ крѣпкій, здоровый мальчишка, совсѣмъ, какъ мать. Пелагея сѣкла его безпрестанно и безпощадно. Я стыдилъ ее, уговаривалъ; Матрена и Ѳедька,—больше,

впрочемъ, изъ вѣжливости,—поддерживали меня. Пелагея слушала, глядя своимъ чуждымъ взглядомъ, ничего не возражая, и сейчасъ же, какъ будто ничего не было, продолжала дѣлать свое.

Теперь она была въ избѣ одна.

— Будешь орать ай нѣтъ?—угрожающе шипѣла Пелагея.— Ну, бай, бай, бай!.. Замолчи! Господи, что за безпутина такой! Замолчать!.. Я съ тобой, съ тобой!—успокоительно говорила она.—Замолчи... замолчи-и!—грозно повысила она голосъ.—Ну замолчи, просятъ тебя!

— Ой-ой-ой-ой-ой! — нылъ Васька сиплымъ, протяжнымъ басомъ.

— Замолчи, а то уйду сейчасъ!.. Ах-хъ ты!

Раздался тонкій свистъ прута и его удары по голому тѣлу.

— Ай-ай-ай-ай!—заплакалъ Васька быстро и громко, тонкимъ голосомъ.

— Замолчи!.. Замолчи!.. Замолчи!..— отрывисто повторяла Пелагея, и прутъ хлесталъ по тѣлу.—Замолчать!.. Да замолчи, Господи!.. Ни ночь, ни день покою нѣтъ!.. Замолчи-и!!.

Васька плакалъ все сильнѣе и быстрѣе.

— Ну, замолчи, замолчи! Ну, я тебя подъ березку отнесу!.. Бай, бай, бай!..

Понемногу Васька сталъ, всхлипывая, затихать.

— Больно?.. А-а! Ну, посмѣй орать!—говорила Пелагея.— Больно? А кто тебѣ велѣлъ орать? Ну, бай, ба-ай, ба-ай!..

Васька слабо, чуть слышно нылъ. Кругомъ было жарко и душно, мухи однообразно жужжали въ воздухѣ, пропитанномъ томительно-сладкимъ запахомъ черемухи.

— Ба-ай, ба-ай, ба-ай!..—повторяла Пелагея, и въ ея голосѣ звучала странная нѣга.

Васька нылъ тягучимъ басомъ все сильнѣе.

— Ты перестанешь орать? Нѣтъ?—вдругъ рѣшительно спросила Пелагея.

— Ай-ай-ай-ай-ай!—закатился Васька.

— Ахъ ты, орало!—сорвалась Пелагея.—Ложись!.. Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! Замолчи! Замолчи! Замолчи!.. Э-э!.. Э!.. Э!..

Я вскочилъ. Въ голосѣ Пелагеи, сливавшемся съ хлясканьемъ прута, ясно звучало острое, безудержное наслажденіе. Я быстро вошелъ въ избу. Васька съ завороченной рубашенкой, лежалъ на лавкѣ, его крѣпкія, голыя ножонки бились подъ хлеставшимъ его гибкимъ прутомъ.

— Брось сейчасъ прутъ!—крикнулъ я Полагеѣ.—Ахъ, ты, безстыдница! а?

Она остановилась, подняла на меня мутные глаза и выронила прутъ.

— Безстыдница ты, безстыдница эдакая!—повторялъ я, въ упоръ глядя на Пелагею.

Она вдругъ густо покраснѣла, и въ ея глазахъ мелькнулъ растерянный испугъ.

— Положи мальчика въ зыбку!—командовалъ я.— И посмѣй его еще хоть пальцемъ тронуть!

Пелагея, все такая же красная и растерянная, покорно положила ребенка въ зыбку, медленно подошла къ окну и, надвинувъ платокъ на глаза, стала смотрѣть на улицу. Она стояла ко мнѣ спиною. Отъ ея крѣпкихъ плечъ подъ тонкими ситцевыми рукавами, отъ раскраснѣвшихся щекъ, отъ всей ея фигуры несло какою-то животною, темною и раздражающею силою.

Я молча ходилъ по избѣ. Пелагея, какъ окаменѣлая, стояла у окна, спиною ко мнѣ, и не шевелилась. Прошло минутъ пять. Я взялъ фуражку и вышелъ вонъ.

До вечера я пробродилъ по окрестностямъ, по бору, тянущемуся вдоль Оки. Солнце садилось, когда я воротился въ Ненашево. Былъ Духовъ день, на улицѣ водили хороводъ. Въ этихъ мѣстахъ хороводы странны и скучны,—ихъ водятъ однѣ дѣвки и молодыя бабы, парней не видно: вся мужская молодежь почти круглый годъ „мастеряетъ" въ Серпуховѣ и Москвѣ, дома хозяйствуютъ одни старики; мой пріятель Ѳедька былъ единственный парень на всю деревню, да и то парень былъ неважный,—худой и длинный, какъ хлыстъ, съ добрымъ и робкимъ, дѣтскимъ лицомъ.

Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Все спокойно въ ночной тишинѣ,—

неслась голосистая пѣсня, звучащая въ настоящее время по всей широкой Руси,—въ петербургскихъ портерныхъ и на волжскихъ плотахъ, въ донскихъ рудникахъ и средь степныхъ косарей.

Когда я подходилъ къ хороводу, пѣсня начала обрываться и таять. Голоса одинъ за другимъ отпадали, пѣсня становилась напряженнѣе и обрывистѣе.

Только видѣть тебя безконечно..—

затянулъ уже одинокій голосъ и тоже смолкъ. Всѣ спѣшили внизъ по улицѣ, оживленно и взволнованно переговариваясь. У избы Липатовыхъ виднѣлась большая толпа.

Ѳедька,—босой, съ оборваннымъ воротомъ рубахи,—стоялъ у дверей съ жалкимъ, испуганнымъ лицомъ; его мать Матрена, сухая и высокая, съ крючковатымъ носомъ, металась передъ избою, ломая руки.

— Глядите, избу подожжетъ! Ба-атюшки, да что же дѣлать теперь?!—выла она.

Толпа робко заглядывала въ окна и жалась другъ къ другу.

— Что такое случилось?—спросилъ я Өедьку.

— Опять рехнулась Пелагея,—отвѣтилъ онъ дрожащими губами.—Сидѣли, пили чай, тебя поджидали; она на печи лежитъ. Вдругъ завопила, забилась, начала кирпичи выворачивать; какъ запульнетъ въ насъ кирпичомъ, всѣ чашки перебила!.. Вона, слышишь? Что она тамъ дѣлаетъ!

Изъ избы доносился глухой трескъ и шумъ.

— Какъ же вы ее одну оставили? Нужно къ ней пойти,— сказалъ я.

— Сунься, — она тебя попотчуетъ! — замѣтилъ кто-то изъ толпы. —Вонъ какъ Өедора саданула!

Къ толпѣ подошелъ работникъ съ барскаго двора Климентій, отставной драгунъ, въ бѣлой съ желтымъ околышемъ, грязной фуражкѣ.

— Нужно ее на воздухъ вывести, — продолжалъ я. — Климентій, если что,—подсоби!

Я вошелъ въ избу. Въ душной полутьмѣ, на нарахъ около печки, сидѣла Пелагея; когда дверь отворилась, она быстро отшатнулась въ уголъ; вытянувшись и опираясь сзади руками о деревянную настилку, она слѣдила за мною изъ угла горящими глазами; и ненависти же было въ этихъ глазахъ!.. Я сдѣлалъ шагъ впередъ. Пелагея быстро взмахнула рукою,—и мимо самой моей головы съ силою пролетѣлъ тяжелый безменъ. Я бросился къ Пелагеѣ и схватилъ ее за руки. Клементій и Өедька поспѣшили мнѣ на помощь.

Мы понесли ее на рукахъ; Пелагея молча рвалась и изгибалась, стараясь вцѣпиться зубами въ наши руки; въ дверяхъ она ухватилась за косякъ и чуть было не вырвалась. Съ большимъ трудомъ мы, наконецъ, вынесли ее изъ избы и положили на траву.

— Ну, баба!—произнесъ Климентій, переводя дыханіе; онъ провелъ рукою по вспотѣвшему лбу, съ смѣшаннымъ чувствомъ страха и удовольствія глядя на Пелагею.

Она продолжала биться и на травѣ; все ее сильное тѣло извивалось и корчилось, въ разстегнувшемся сарафанѣ трепалась полная, крѣпкая грудь. Толпа стояла въ отдаленіи.

Понемногу Пелагея стала затихать; она прижалась круглой, загорѣлой щекой къ травѣ и замерла.

— Погоди, погоди!—громко заговорила Матрена, осторожно оправляя на Пелагеѣ заворотившуюся юбку.—Погоди, я бабку приведу! Пусть почитаетъ, узнаетъ,—вправду ли ты порчена, или работать не хочешь?

Толпа окружила лежавшую Пелагею и съ тупымъ страхомъ глядѣла на нее.

— Будетъ! Нашла время! — тихонько обратился я къ Матренѣ.—Оставь ее, не говори.

— Какъ такъ—„не говори“?—громко возразила Матрена.— Пришла пора навозъ возить, вотъ она и задурила! Не впервой это съ нею! И подъ молотьбу то же было, и въ овсяную пору лѣтошній годъ... Какъ работать, такъ и зачинаетъ... Погоди, погоди, милая! Вонъ она, бабка-то идетъ! Она сейчасъ все узнаетъ!

Пелагея дрогнула, впилась пальцами въ траву и забилась снова. Толпа въ испугѣ шарахнулась прочь.

Народу прибывало все больше. Черная, сморщенная старушка поспѣшно протолкалась сквозь толпу и подошла къ Пелагеѣ.

— Выпей, касатка, водицы святой!—грубымъ старушечьимъ голосомъ произнесла она, поднимая голову Пелагеи. Положивъ ей подъ голову небольшой образокъ, она поднесла къ губамъ Пелагеи лампадный стаканчикъ съ водою.

Пелагея, съ мутными, бѣгающими глазами, отшатнулась, вскочила на колѣни, вцѣпилась обѣими руками въ образокъ и, нѣсколько разъ ударивъ его объ землю, швырнула въ сторону. Образокъ черною точкою мелькнулъ на розовомъ фонѣ догоравшей зари и упалъ въ крапиву.

Въ толпѣ раздался глухой ропотъ. А Пелагея съ размаху ударилась головою въ землю и начала биться.

— Въ три бы кнута ее хорошенько, все бы прошло! — съ негодованіемъ сказалъ какой-то старикъ и, сердито плюнувъ, пошелъ прочь.

Смутный, таинственный ужасъ распространялся въ толпѣ. Пелагея опять замерла, лежа ничкомъ и быстро, тяжело дыша. Темнѣло.

— Въ сердцѣ, значитъ, волненіе у нея происходитъ!—проговорилъ Климентій, съ любопытствомъ глядя на Пелагею.

— Что же это,—святой воды не можетъ выпить!—боязливо вздохнула Донька, стройная дѣвка съ продолговатымъ, задумчивымъ лицомъ.

Воцарилось молчаніе.

— Уйди отъ меня, змѣя!—вдругъ тихо произнесла Пелагея. Всѣ насторожились и подвинулись къ ней.

— Уйди!.. Уйди, косоглазая!..

— Кто такая? Про кого говоришь?—громко спросила Матрена, наклонившись къ Пелагеѣ.

— Уйди, Ганька!—тихо сказала Пелагея, и мнѣ показалось, что по ея щекѣ промелькнула скрытая улыбка.

— „Ганька“...—зашептались бабы.—Слыхали? Ганьку поминаетъ...

— Какая Ганька?—кричала надъ ухомъ Пелагеи Матрена.— Гаврилова?

— Ересова,—отвѣтила Пелагея странно-обычнымъ голосомъ.

— О-о, Господи-Батюшка! Да что же это такое?!—вдругъ взвыла Парашка, дочь Агаѳьи Ересовой. Она закрыла лицо фартукомъ и, рыдая, поспѣшила домой.

Черезъ минуту прибѣжала Агаѳья Ересова.

— Что такое? Гдѣ она?—задыхаясь, спросила она, проталкиваясь сквозь толпу.—Ты что такое на меня взводишь, а? Я тебя испортила? Я тебя испортила?

Пелагея лежала ничкомъ, словно ничего не слыша.

— Ну, грызи, грызи меня!—въ неистовствѣ кричала Агаѳья, подступая къ ней.—А-а!.. Я испортила?.. Смотрите, православные, будьте свидѣтелями!.. Ну, что же, ну?.. Грызи, грызи меня!

Пелагея рванулась и снова молча забилась на землѣ.

Ее поднимало кверху и снова ударяло объ землю, и казалось, — кто-то невидимый въ жуткихъ сумеркахъ трепалъ и билъ ее.

— Не своя сила ею владѣетъ!—робко и увѣренно произнесла Донька.

— Но, ступай прочь!—вдругъ свирѣпо гаркнулъ Климентій; онъ схватилъ Агафью за плечо и оттолкнулъ ее въ сторону.

— Въ волость пойду жаловаться! У меня двѣ дѣвки невѣсты! Я присягу приму!—крикнула Агаѳья и, воя, пошла къ своей избѣ.

Пелагея, наконецъ, утихла и заснула. Ей подложили подъ голову подушку и оставили лежать на волѣ. Народъ сталъ расходиться. Ѳедька и Матрена остались стеречь спящую.

Заря гасла, стоялъ теплый вечеръ. Отъ густого барскаго сада несло росистою свѣжестью, запахомъ черемухи и цвѣтущихъ яблонь. На Окѣ слышались свистки пароходовъ. Спать еще не ложились; дѣвки и бабы стояли кучками и переговаривались.

— Что же это такое,—святой водицы не смогла испить!— повторяла Донька, прижимая руки къ груди и задумчиво глядя въ темноту.

— Какъ она съ печки-то шарахнулась!—разсказывала широколицая Варька.—Торчмя головой на полъ! Горстями и зубами вонъ какую яму въ полу выгрызла!

У избы Ересовыхъ слышался заунывный вой дѣвокъ, ославленныхъ дочерями колдуньи.

Всю ночь Матрена и Ѳедька провели на воздухѣ около Пелагеи. Она спала спокойно. Утромъ поднялись, стали пить чай. Пелагея пошла въ клѣть чесаться. Вдругъ, съ распущенными волосами, въ одной рубашкѣ, она быстро вошла въ избу, взяла изъ божницы большой мѣдный крестъ и выбѣжала вонъ.

— Ѳедька, бѣги слѣдомъ!—испуганно крикнула Матрена.

Ѳедька вскочилъ и бросился изъ избы. Мы съ Матреною выбѣжали также. Пелагея, полунагая, съ бьющимися по вѣтру волосами, быстро бѣжала росистыми огородами къ рѣкѣ; она бѣжала, какъ очумѣлая, зигзагами, по всходамъ картофеля и по коноплѣ. Блѣдный Ѳедька въ развѣвающейся рубашкѣ мчался низами ей наперерѣзъ. Мы видѣли, какъ Пелагея споткнулась о борозду, грохнулась на-земь и снова забилась, какъ подстрѣленная птица.

— Разступись, расколись, сыра-земля, возьми ты меня!—завыла Матрена, упавъ на дорогу.

Прошло мѣсяца три. Я жилъ въ деревнѣ верстъ за шесть отъ Ненашева. На поляхъ возили рожь и начинали косить овесъ. Дни были душные и тихіе, какая-то молочно-бѣлая пелена окутывала небо, и солнце свѣтило сквозь нее блѣднымъ пятномъ; слегка парило; мошкара непрерывно и однообразно звенѣла въ липахъ, на дворахъ напряженно кричали пѣтухи. Къ вечеру по западу шли черныя облака странныхъ причудливыхъ очертаній, и поднимался легкій вѣтеръ. Наступала ночь. Тучи исчезали, вѣтеръ падалъ, и въ душной, черной темнотѣ устанавливалась полная тишь; казалось, ночь, затаивая жизнь, съ жаднымъ любопытствомъ чутко прислушивается къ чему-то.

Былъ вечеръ. Мнѣ не сидѣлось дома; что-то томило и куда-то тянуло,—тянуло вдаль, въ эту тихую темь, которая лежала надъ землею. Я вышелъ бродить. Росы не было, теплый вѣтеръ дулъ мнѣ въ лицо. Я шелъ по дорогѣ, средь душной тьмы, наполненной запахомъ спѣлой ржи и полыни, подъ этимъ страннымъ, загадочно - туманнымъ небомъ, на которомъ неподвижно стояли тусклыя, немигающія звѣзды. Чего нужно, чего хочется?—не скажешь, но чего-то хочется страстно, жадно. И обидно становится, что у человѣка такъ мало радостей, что много у него запросовъ и стремленій,—смутныхъ, но неодолимо-властныхъ,—и нѣтъ имъ въ жизни удовлетворенія.

За оврагомъ, у опушки ненашевскаго лѣса, темнѣли большія черныя пятна, слышалось лошадиное фырканье, жеваніе и унылые переливы дудки. Я перебрался черезъ оврагъ. Лѣсъ глухо и ровно шумѣлъ подъ вѣтромъ, и шумъ его ни усиливался, ни ослабѣвалъ. Подъ кустомъ ракитника, на зипунѣ, сидѣлъ парень, стерегшій ночное. Переливы дудки смолкли, парень окликнулъ меня по имени. Это былъ Ѳедька Липатовъ.

Я присѣлъ къ нему подъ кустъ на сухую траву.

— Гуляешь?—спросилъ онъ.

— Гуляю. Ночь какая хорошая!

— Теплая ночь...

Мы закурили.

— Ну, что, какъ у васъ тамъ дѣла дома?—спросилъ я.

— Ничего, слава Богу, помаленьку,—скороговоркою отвѣтилъ онъ.

— Пелагея что?

— Пелагея?—Ѳедька съ широкою улыбкою обратилъ ко мнѣ свое худое, дѣтское лицо.—Что, братъ, такое сдѣлалось съ нею, я и не пойму. Послѣ того раза, какъ былъ ты, все, какъ рукой, сняло! Дурить перестала, всю работу тяжелую работаетъ, не капризится, про корчи и думать перестала... Не иначе должно быть, какъ молитва чья-нибудь дошла.

Онъ помолчалъ.

— Вѣдь два года цѣлыхъ маялись съ нею! Придетъ время, поутихнетъ, а тамъ опять зачнетъ дурить. Въ самую горячую пору вдругъ заартачится, на дыбки,—„не пойду!..“ Что хочешь, дѣлай. Съ дѣвками пойдетъ на поденку,—жалится на насъ, худо, говоритъ, жить. „Провалиться бы мнѣ, чортъ бы, говоритъ, меня измялъ! Загубила я себя!..“ Плачетъ. Со мной тоже,—ничего не поймешь. То ласковая такая, хоть отбавляй, то вся вдругъ задрожитъ, затрясется: „сопливый ты, паршивый, не могу я на тебя глядѣть! Я тебя зарѣжу или удушу!..“ Мѣсяца не пройдетъ, чтобъ чего не натворила.

— А мужъ ея что?

— Серега-то? Онъ что же,—пріѣдетъ на три дня на Святки, на Пасху, на Тройцу. Съ нимъ она ничего, тиха. А уѣдетъ онъ,— и начнетъ колобродить... Ну, а теперь тишь у насъ. Съ чего такое случилось, невозможно и понять.

— Лѣчили вы ее?

— Ну, пора тамъ,—„лѣчили!..“ Это отъ порчи было, а не отъ болѣзни... А помнишь, ты все обижался на нее, зачѣмъ Ваську бьетъ?—прибавилъ онъ съ улыбкою.—Тоже перестала!

Мы поговорили еще съ четверть часа. Я пошелъ дальше.

Среди скошенныхъ луговъ вилась рѣчка Ненаша. Чистая, не подернутая туманомъ, она слабо сверкала въ темнотѣ, впадая въ Оку. На горѣ надъ рѣчкою темнѣлъ густой ненашевскій барскій садъ; тропинка сбѣгала по косогору къ досчатой купальнѣ. Сѣрыя, мокрыя внизу доски купальни заросли зеленою плесенью, у мостковъ торчала корма лодки. Я сѣлъ на берегъ, заросшій плакуномъ и мать-мачихою.

Попрежнему томило, было тепло и душно. Гигантская старая береза глухо шепталась сзади, и ей сбоку мягко отвѣчалъ шорохъ прибрежныхъ лозинокъ. Я долго сидѣлъ на берегу. Вѣтеръ стихъ,

съ нимъ стихли всѣ шорохи, и ночь опять замерла,—чуткая, какъ будто прислушивающаяся къ чему-то...

На косогорѣ раздались человѣческіе голоса. Сдержанно переговариваясь, къ рѣкѣ спускались двѣ фигуры. Я узналъ голосъ барскаго работника Климентія. Въ заломанной на бекрень бѣлой фуражкѣ онъ шелъ, обнимая за плечи женщину въ красномъ платочкѣ; она тѣсно и счастливо прижималась къ нему всѣмъ тѣломъ. Эти крѣпкія круглыя плечи подъ кисейными рукавами, круглая щека подъ платочкомъ... Да, это Пелагея!

Они сѣли въ лодку. Климентій нѣсколькими сильными взмахами вывелъ ее на середину рѣки. Потомъ онъ бросилъ весла и пересѣлъ на корму къ Пелагеѣ. Она снова порывисто приникла къ нему. Лодка, не управляемая веслами, медленно плыла по теченію. Теплая, темная тишь покрывала рѣку.

---

4. Въ пути.

(Изъ лѣтнихъ встрѣчъ).

„40 человѣкъ—8 лошадей"... Въ нашемъ вагонѣ четвертаго класса лошадей не было, но людей, если считать ребятъ, было много больше сорока. Въ маленькія оконца подъ потолкомъ свѣтило вечернее солнце, и золотые столбы лучей перерѣзали наискось пыльный полумракъ закупореннаго переселенческаго вагона; лучи медленно двигались и захватывали то обсаленный уголъ наръ, то дѣтскую голову, то кучу грязныхъ, яркихъ тряпокъ. Вагонъ тяжело гремѣлъ и колыхался, пахло махоркою, лукомъ и дѣтскими пеленками.

Переселенцы были большею частью изъ Черниговской губерніи, но были и туляки. Черниговцы, въ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ и бѣлыхъ свитахъ, сидѣли и лежали на нарахъ, молча слушая старика-бѣлевца,—низенькаго и лохматаго, съ рѣдкою, мочальнаго цвѣта бороденкою. У него, видимо, много накипѣло въ душѣ; рѣчь его лилась безъ перерыву; такъ какъ вагонъ грохоталъ, старикъ говорилъ громкимъ, напряженнымъ голосомъ, и казалось, что онъ держитъ рѣчь передъ большимъ собраніемъ.

— Тридцать лѣтъ тому назадъ нашему селу было двадцать три двора,—говорилъ онъ,—а нынче—шестьдесятъ пять, и въ каждомъ по два, по три мужика, а то и по пяти. Вотъ! На́роду-то все больше родится, а земля отъ земли не родится, все столько же, что на пять душъ, что на пятьдесятъ. Какъ жить? Вертишься какъ ворона на колу, а для чего, неизвѣстно. Ребята чуть под-

росли,—учуждаются въ дальнюю сторону, хоть не ворочайся ко двору; а воротились,—ѣсть нечего никому.

Такъ и бьешься вдвоемъ со старухой... Пугаютъ: замерзнешь въ Сибири, климатъ худой!..—Э!—Онъ махнулъ рукою.—Ну, климатъ у насъ хорошій, это нечего говорить. Климатъ хорошій, а земледѣліе скудное! Съ землею не стоитъ дѣла дѣлать! Вотъ и иди на сторону. А что же намъ на сторонѣ мотаться? Мы природные мужики!

Черниговцы сочувственно поддакивали. Старикъ чиркнулъ сѣрною спичкою по нарамъ и раскурилъ потухшую папироску.

— Намъ на сторону ходить не къ чему, хорошаго дѣла тамъ не сдѣлаешь!—продолжалъ онъ.—Хочется жить хорошо? Эка ты какой! Намъ, голубчикъ, этого не надобно. Живемъ мы безъ нѣги, воспитаніе получаемъ сѣрое. Намъ, чтобы хлѣбушка хватало,—больше намъ ничего не нужно. А ты что?—обратился онъ къ какому-то невидимому слушателю.—„Чай мало пьете! Жена зачѣмъ въ сарафанѣ ходитъ! Зачѣмъ каблучковъ нѣту у нея?..“ Э-э, братъ!

Онъ махнулъ рукою.

— А я, отецъ, вотъ что тебѣ скажу,—обратился онъ ко мнѣ.—Мы сами, о себѣ самихъ!.. Нынче народъ вотъ какой бѣдовый сталъ! Раньше былъ смирнѣе. Раньше изъ земли да въ землю, ничего не видѣвши... А теперь жить съ нимъ нельзя. Невозможно! Отъ дому отбился, жительства настоящаго не имѣетъ... Выдалъ я дочку въ село на бѣлую дорогу, какъ изъ Тулы ѣхать. Парень—слесарь, въ Москвѣ работаетъ, шибкую деньгу зашибаетъ; на это и польстились. А вышло дѣло горше горькаго. Пожилъ онъ съ нею недѣлю,—уѣхалъ въ Москву, живетъ тамъ. Онъ—тамъ, она—тутъ, при свекорѣ. Деньги подавалъ, какъ слѣдуетъ, а пріѣдетъ когда на праздникъ,—и не смотри, что дѣлаетъ! На Покровъ полѣномъ голову ей расшибъ,—съ ведро крови печенками вышло... Смотрѣть, говоритъ, мнѣ на тебя, на деревенщину, тошно! Хоть бы сдохла поскорѣй!.. И стали намъ люди говорить, что связался онъ въ Москвѣ съ другою, живетъ, дѣтей приживаетъ. Пошла дочка въ Москву и накрыла ихъ. Ну, нечего ему дѣлать, прогналъ полюбовницу, пріѣхалъ домой. Пьянствуетъ съ утра до ночи, жену бьетъ смертнымъ боемъ. Потомъ вдругъ какъ будто притихъ, сталъ смирный...

Старикъ докурилъ папиросу, раздавилъ огонь между корявыхъ пальцевъ и бросилъ окурокъ.

— Вотъ разъ на Троицу легъ онъ съ женою на кровать,—продолжалъ онъ,—обнялъ, сталъ возиться.—„Буде, говоритъ, намъ съ тобою худо жить! Вотъ я у бабки заговоренной водки досталъ, выпьемъ! Только ты раньше пей...“ А она забоялась: напьется,

опять бить станетъ.—„Сейчасъ, говоритъ, мнѣ неможется, утромъ выпью...“ Немножко пойла этого пролилось на тулупъ. Утромъ, какъ свѣтать стало, смотритъ она,—всю шерсть на тулупѣ прожгло. Была это, братецъ мой, ложная водка... Вотъ какой звѣрина мужикъ!.. Ну, а послѣ этого дѣла пошелъ онъ съ нею въ лавку, новыя ботинки ей купилъ, платокъ, свелъ въ кузницу и повѣсилъ. Пришелъ народъ,—виситъ она на веревкѣ, и ботинки около стоятъ, какъ-будто, значитъ, шла къ родителямъ, т. е. къ намъ... Судили его, насъ всѣхъ вызывали въ окружной, къ присягѣ приводили. Онъ говоритъ: „знать ничего не знаю!“ Спрашиваютъ насъ: „худо жили?“—„Худо“.—„Ну, говорятъ, значитъ, сама повѣсилась“. Присудили его на шесть мѣсяцевъ въ острогъ и сколько-то еще времени молиться. А тутъ царь, что-ли, померъ, али наслѣдникъ родился у него,—всѣхъ невольниковъ и простили. Такъ что онъ сейчасъ же и пришелъ назадъ, нигдѣ не сидѣвши,—опять въ Москву уѣхалъ, къ полюбовницѣ своей; говорятъ, женился на ней... Вотъ какое дѣло!

Старикъ погладилъ по головѣ сидѣвшую на нарахъ крѣпкую, румяную дѣвочку лѣтъ восьми, въ красномъ платочкѣ, завязанномъ на головѣ по-бабьи, на затылкѣ.

— Вотъ еще дочка у меня! Пущай же она за природнаго мужика идетъ, чтобъ земледѣльствомъ занимался настоящимъ!—продолжалъ онъ смѣясь, а голосъ его дрожалъ отъ слезъ.—Не то что, какъ у насъ: старый съ малымъ да съ бабой вокругъ земли ковыряются, а люди всѣ въ отлетѣ... Будетъ онъ учить ее по хорошему, по справедливому, а не зря... Дочка, хочешь за мужика замужъ?

— Хочу,—отвѣтила дѣвочка, потупившись.

— Ну, во-отъ!..—Старикъ добродушно захохоталъ.—„Климàтъ худой...“ Эка! Вездѣ люди живы бываютъ! Это для насъ ничего не значитъ. Намъ бы только, чтобъ жить по справедливому, а разносоловъ намъ не надо. А въ Рассеѣ-матушкѣ мужику приходитъ конецъ; ненадобенъ онъ сталъ никому... Ну, прощайте,—можетъ, и сами тамъ лучше заживемъ, спасеніе себѣ сдѣлаемъ... Правильно я сказалъ?

Онъ побѣдоносно подмигнулъ, поспѣшно утеръ рукавомъ носъ и глаза и весело разсмѣялся.

— Конецъ мужику приходитъ, это вѣрно,—сказалъ одинъ изъ черниговцевъ, бородатый, съ высокимъ лбомъ и печальными, умными глазами.—Невозможно стало жить дома. Кто хочетъ, обижай, а ничего не подѣлаешь, силы нема. У насъ панскую землю закупилъ Тарашко, богачъ кіевскій,—извѣстнѣйшій: въ степу за Кіевомъ имѣній у него,—конца берегу нѣту! Выгонъ совсѣмъ прекратилъ, скотину выгнать некуда. Приказчикъ усло-

вія даетъ, такія условія,—все равно, какъ крѣпостные, работай на него даромъ все лѣто. Стали условіе писать,—самъ писарь волостной говоритъ: „да этакую услугу невозможно отслужить!..“ А мы безъ выгона не можемъ жить,—покосу у насъ немного, часть малая. Что же дѣлать?.. Ни жалости, ни милости нѣтъ у нихъ.

— Одно только остается,—утикать!—съ медленною улыбкою проговорилъ молодой, смуглый парень съ черными усиками.

— И вездѣ, гдѣ онъ землю закупитъ,—вездѣ народъ утикаетъ... Невозможно жить!..

Мнѣ бросился въ глаза сидѣвшій на парахъ старый-старый „дідъ“. Съ длинной, лохматой бородой, выцвѣтшими глазами и отвисшими, красными нижными вѣками, онъ слушалъ, полуоткрывъ беззубый ротъ, и, словно въ полудремѣ, подтверждающе кивалъ головою.

— Раньше восемь лѣтъ нѣмцы у насъ хозяйствовали,—продолжалъ бородатый черниговецъ,—и то легче было.

— Судьями тоже были вонъ какіе; а все же легче!—добавилъ лысый, усатый мужикъ съ бритымъ, щетинистымъ подбородкомъ.

— А пытались вы сами купить имѣніе?—спросилъ я.

— Купить имѣніе,—нужно сто рублей взятки дать приказчику. Нѣмецъ или еврей это скорымъ обычаемъ въ руку сунетъ, и готово. А у насъ, чтобъ съ міру сто рублей собрать,—раньше весь свѣтъ дрыганется!.. Нѣтъ, утикать, утикатъ,—одна намъ дорога...

— Тамъ, братъ, въ Сибири—просторъ!—вдругъ бодро заговорилъ бѣлевецъ.—Тамъ мѣста всѣмъ хватитъ, прижимокъ не будетъ, жизнь вольная!..

И его бодрый голосъ сразу повернулъ разговоръ на другую колею, и томившая всѣхъ великая земельная тоска стала утихать подъ свѣтлыми надеждами на ея удовлетвреніе.

— Тамъ мѣста много, это вѣрно,—подтвердилъ бородатый черниговецъ.—Намъ въ Маріинскомъ уѣздѣ по пятнадцать десятинъ отведено земли,—земля хорошая, рѣчка есть, житье вотъ какое, пшеница вызрѣваетъ!

— Тамъ живутъ не по нашему,—добавилъ другой.—Нашъ ходокъ разсказывалъ: дядя у него въ Сибири,—девять лошадей у него, восемь коровъ, свиньи, овцы, пшеницы тысяча пудовъ; и дочки одѣваются, какъ паняночки. Поѣхали они всѣ вмѣстѣ въ гости,—надѣнь, говорятъ, нашу шубу, а то совѣстно сказать людямъ, что ты намъ племянникъ.

— А говорятъ: „климатъ худой!..“—воскликнулъ бѣлевецъ.—Э, въ томъ климатѣ, можетъ, еще лучше жить крестьянину!..

И лица всѣхъ оживились, глаза смотрѣли весело, Только старый дѣдъ съ отвисшими красными вѣками по прежнему качалъ головою, полураскрывъ ротъ и глядя въ пространство тусклыми глазами, и, казалось, ничего онъ не видѣлъ впереди, кромѣ мутнаго, тяжелаго и холоднаго мрака...

Поѣздъ остановился у станціи. Я простился съ собесѣдниками и слѣзъ. Солнце садилось. По ту сторону рельсовъ высилась дубовая роща, съ ярко-зеленыхъ полянокъ тянуло крѣпкою, бодрящею свѣжестью; лѣсные сверчки наполняли чащу чистыми и мягкими, какъ будто стригущими звуками. Поѣздъ постоялъ недолго; раздался звонокъ, и онъ покатилъ дальше по волнистымъ пензенскимъ равнинамъ. Громъ его стихъ.

Я выѣхалъ на телѣжкѣ на гору. Далеко среди полей ползъ поѣздъ,—длинный, окутанный пылью и дымомъ. Я долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Поѣздъ ползъ на востокъ, пыхтя и спѣша, какъ будто и онъ самъ тоже „утикалъ“ отъ кого-то...

В. Вересаевъ.

АНТРОПОЛОГІЯ, КАКЪ НАУКА И ПРЕДМЕТЪ ПРЕПОДАВАНІЯ.

Вступительная лекція профессора Цюрихскаго университета,
д-ра **Рудольфа Мартина**.

Необыкновенное расширеніе нашего географическаго горизонта въ послѣднія десятилѣтія, обусловленное ростомъ міровой торговли, многочисленными экспедиціями съ научной цѣлью и колоніальными стремленіями современныхъ великихъ державъ, обратило вниманіе образованныхъ людей на антропологическую науку, которая до тѣхъ поръ влачила спокойное существованіе въ кабинетахъ и въ ученыхъ обществахъ. Вмѣстѣ съ интересомъ къ чужимъ краямъ возрасло также стремленіе ознакомиться съ ихъ обитателями, и всякое повременное изданіе, которое мы возьмемъ въ руки, указываетъ намъ, насколько это стремленіе стало живо, по крайней мѣрѣ, если можно судить о спросѣ по предложенію.

Возвышенію антропологіи способствовало также усилившееся изученіе доисторической эпохи и развитіе зоолого-анатомическихъ наукъ, ибо всѣ вопросы біологіи въ послѣдней инстанціи приводятъ къ человѣку. Часто и много удивлялись тому, что антропологія появилась такъ поздно среди нашихъ наукъ, между тѣмъ какъ ничто не можетъ быть ближе человѣку, чѣмъ изученіе своего собственнаго рода.

Причины такого явленія весьма разнообразны. Прежде всего нужна была болѣе прочная основа въ видѣ эмпирическихъ свѣдѣній, которыхъ не могла намъ дать средневѣковая наука; они являются плодомъ начинающихся въ XV столѣтіи великихъ путешествій и открытій. Далѣе, надо было преодолѣть то порожденное религіозною традиціею настроеніе умовъ, которое запрещало намъ подвергать видъ «Homo» такому же точно изслѣдованію, которое мы давно привыкли примѣнять къ другимъ группамъ органическаго міра.

Преодолѣніемъ этой антропоцентрической точки зрѣнія, свободой и объективностью нашего мышленія въ вопросахъ антропологіи мы прежде всего обязаны навсегда достойному удивленія труду *Дарвина*, который научилъ насъ, что и къ человѣку нужно примѣнять тотъ же критическій методъ естествознанія, не отступая ни передъ какими

выводами. Важно и необходимо повторять это, потому что въ наше реакціонное время легко могутъ попытаться, подъ предлогомъ опасности для религіи, зажать въ тискахъ свободное антропологическое изслѣдованіе.

Въ качествѣ третьяго момента, долгое время задерживавшаго правильное развитіе антропологіи, я могъ бы указать на отсутствіе точнаго опредѣленія и границъ нашей науки. Кто знаетъ, какой вредъ принесъ антропологіи недостатокъ подобнаго точнаго опредѣленія, тотъ пойметъ почему я считаю необходимымъ остановится нѣсколько на выясненіи вопроса, что такое антропологія. Въ самомъ дѣлѣ, сколько превращеній претерпѣлъ терминъ «антропологія», какъ разнообразно было содержаніе, которое въ него вкладывали! Для многихъ медиковъ и естествоиспытателей, (*Магнусъ*, *Гендтъ*, *Керкинъ*, *Куперъ*, *Тейхмайеръ* и др.). «Антропологія» была синонимомъ «описательной анатоміи», между тѣмъ какъ философы (*Кантъ*, *Фихте*, *Шульце*, *Фризъ* и др.) вплоть до середины XIX столѣтія выпускали подъ этимъ заглавіемъ общепсихологическіе или педагогическіе труды. Въ дѣйствительности, антропологія стоитъ въ вполнѣ опредѣленныхъ отношеніяхъ какъ къ наукамъ анатомическаго характера, такъ и къ философскимъ, но именно вслѣдствіе этого она и не можетъ быть отожествляема съ ними.

Впервые *Поль Брока* въ началѣ 60-хъ годовъ опредѣлилъ антропологію, какъ естественную исторію вида «Homo». *Итакъ антропологія есть естественная исторія человѣчества* — (не человѣка), какъ орнитологія — естественная исторія птицъ, и энтомологія — естественная исторія насѣкомыхъ. Но и это опредѣленіе *Брока* можно понимать и болѣе широко и болѣе узко, и поэтому не слѣдуетъ удивляться, что и теперь относительно объема нашей науки между учеными различныхъ странъ нѣтъ полнаго согласія.

Согласно моему воззрѣнію «Антропологія въ обширномъ смыслѣ» естественно распадается на двѣ тѣсно связанныя науки: на *физическую антропологію*, называемую также морфологіей или соматологіей человѣческихъ расъ, и на *психическую антропологію*, извѣстную также подъ названіемъ этнологіи или народовѣдѣнія. Хотя это раздѣленіе напрашивается само собой, легко понятно и точно опредѣлено терминологически, однако оно проводится не повсюду.

По своему содержанію обѣ дисциплины коротко могутъ быть охарактеризованы слѣдующимъ образомъ. Физическая антропологія занимается физической природой, тѣломъ человѣка въ его морфологическомъ однообразіи, въ его развитіи и во всѣхъ его жизненныхъ проявленіяхъ. Она разсматриваетъ человѣка, какъ особь зоологическаго вида «Homo» и обнимаетъ весь циклъ формъ этого вида въ протяженіи, во времени и въ пространствѣ.

Именно этимъ физическая антропологія и отличается отъ описательной анатоміи человѣка, хотя на нее смотрятъ какъ бы на про-

долженіе послѣдней. Но физическая антропологія стремится не только открыть морфологическія различія въ человѣческомъ родѣ, но также изслѣдовать причины ихъ возникновенія. Различныя отношенія формъ становятся понятными либо при изученіи функціи и внѣшнихъ условій существованія, либо при свѣтѣ ихъ онтогенетическаго и филогенетическаго развитія. Морфологія расъ безъ физіологіи, безъ исторіи развитія и генеалогіи была бы полной безсмыслицей. Итакъ, физическая антропологія заключаетъ также физіологію, пожалуй и патологію человѣческихъ расъ, такъ какъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя опредѣленныя формы болѣзней связаны съ опредѣленными, измѣняющимися по расамъ отношеніями тканевой структуры органовъ. Такъ какъ циклъ формъ человѣческаго рода охватываетъ не только нынѣ живущіе, но и вымершіе типы, то поэтому наша наука не ограничивается только характеристикой и классификаціей современныхъ формъ, но ищетъ также отвѣта на важные вопросы о возрастѣ и происхожденіи человѣчества и старается на основаніи сравнительнаго изученія опредѣлить мѣсто человѣка въ зоологической системѣ.

Вторая вѣтвь нашей науки, *психическая антропологія*, которой я здѣсь касаюсь вкратцѣ, только ради полноты, обращается къ психическимъ проявленіямъ отдѣльныхъ человѣческихъ группъ, т.-е. къ духовной жизни и ея произведеніямъ. Психика, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не психика отдѣльной человѣческой личности, а народная душа, та духовная сила, которая развилась только при совмѣстной жизни людей и благодаря ей. Этнологія смотритъ на человѣческую особь, не какъ на часть морфологической разновидности, а какъ на принадлежащую къ опредѣленной общественной или культурной группѣ; ея предметъ—изученіе этихъ культурныхъ группъ и слѣдствій, происшедшихъ изъ обобществленія, другими словами, изученіе всѣхъ продуктовъ ихъ духа и промышленности. При этомъ психическая антропологія ограничивается, главнымъ образомъ, группами съ первобытной культурой, такъ какъ исторія высшихъ культуръ, особенно западно-европейскаго міра разрабатывается другими науками.

Помимо своей собственной цѣли, этнологія даетъ также матеріалъ для построенія индуктивной соціологіи, къ которой, какъ мнѣ кажется, стремится наше время. Развитіе формъ общественной жизни, возникновеніе семьи изъ первобытной материнской группы, образованіе правовыхъ состояній, присоединившихся къ экономическимъ отношеніямъ и внѣшнимъ условіямъ состоянія, изученіе этихъ и подобныхъ вопросовъ обезпечиваетъ психической антропологіи широкій интересъ и даетъ ей возможность оказывать глубокое вліяніе на другія науки о духѣ.

Въ рамки этнологіи входитъ также, по моему мнѣнію, *доисторическая археологія*, которую по содержанію и методу слѣдуетъ причислять не къ исторіи, а къ антропологіи, хотя она и изслѣдуетъ первобытное развитіе культуры доисторическаго человѣка, начала техники и искус-

ства и перебрасываетъ этимъ мостъ между доисторическими временами человѣчества и современными намъ дикими народами съ ихъ аналогичными формами жизни. То обстоятельство, что первобытная исторія съ теченіемъ времени разрослась въ самостоятельную науку и въ особый предметъ преподаванія, нисколько не мѣшаетъ ей логически принадлежать къ этнологіи. Чѣмъ большую самостоятельность пріобрѣтаютъ отдѣльныя дисциплины какой-нибудь обширной области знанія, тѣмъ больше выгоды для цѣлаго.

Этимъ опредѣленно очерчиваются задачи, какъ физической, такъ и психической антропологіи—и тѣмъ болѣе надо сожалѣть о томъ, что обѣ науки долго враждовали и препирались о мѣстничествѣ. Если мы признаемъ ихъ взаимное положеніе въ указанномъ смыслѣ, то и рѣчи не можетъ быть о вторженіи одной науки въ область другой. У той и у другой своя особая точка зрѣнія, своя особая постановка вопросовъ, та и другая различными путями выводятъ свои заключенія, и именно поэтому работаютъ одна для другой.

Намъ слѣдуетъ разъ навсегда пріучиться строго раздѣлять понятія *«раса»*, т.-е. физическая разновидность съ одной стороны и *«народъ»* или нація, семейство языковъ или эргологическій типъ—съ другой стороны и не смѣшивать ни въ какомъ терминѣ и ни въ какой классификаціи. По правдѣ говоря, также нелѣпо говорить объ арійскомъ черепѣ, какъ если бы мы захотѣли говорить о короткоголовомъ языкѣ. У первобытныхъ, географически долго изолированныхъ формъ человѣчества можетъ, пожалуй, и теперь существовать извѣстный параллелизмъ между физическимъ типомъ и отраслью языка, но въ большинствѣ случаевъ этотъ параллелизмъ утратился вслѣдствіе многочисленныхъ скрещиваній отдѣльныхъ человѣческихъ группъ между собою. Гдѣ имѣли мѣсто переселенія—а это было почти повсемѣстно, тамъ возникаютъ затрудненія какъ для антрополога, такъ и для этнолога, потому что, съ одной стороны, проникающія другъ въ друга разновидности почти постоянно скрещиваются, а съ другой—языкъ и культура часто незамѣтно переходятъ отъ одного народа къ другому. Поэтому тамъ, гдѣ идетъ дѣло о генеалогическихъ вопросахъ, о происхожденіи и принадлежности къ той или другой человѣческой группѣ, тамъ физическая антропологія и этнологія должны приложить старанія независимо другъ отъ друга,—и только отъ особыхъ отношеній каждаго отдѣльнаго случая будетъ зависѣть, какая наука можетъ дать лучшія заключенія.

Въ связи со сказаннымъ мнѣ слѣдуетъ еще вкратцѣ напомнить о важнѣйшихъ отношеніяхъ антропологіи къ другимъ областямъ знанія.

Я уже указывалъ на то обстоятельство, что *физическая* антропологія близко примыкаетъ къ анатоміи,—но не менѣе тѣсны ея отношенія къ исторіи развитія, сравнительной анатоміи и палеонтологіи, ибо только рука объ руку съ этими науками могутъ быть разрѣшены

ранѣе упомянутые вопросы о возрастѣ и происхожденіи человѣческаго рода. Знакомство съ этими науками образуетъ также фундаментъ для *научныхъ* занятій физической антропологіей. Само собой понятно, что при этомъ нельзя пренебрегать также геологіей, географіей и исторіей.

Психическая антропологія, наоборотъ, тѣсно связана съ психологіей, языкознаніемъ, соціологіей и исторіей культуры, и то обстоятельство, что эти науки все болѣе и болѣе становятся на этнологическую почву, указываетъ, что это отношеніе ничуть не одностороннее. Этика, исторія права и философія религій также начинаютъ усваивать себѣ результаты психической антропологіи, между тѣмъ какъ обратно экспериментальная психологія вынуждена распространить свои изслѣдованія и на человѣческія расы.

Къ сожалѣнію, нельзя отрицать, что въ многочисленности указанныхъ отношеній лежитъ большая опасность для антропологіи. Это привлекаетъ къ ней такія спекулятивныя головы, которыя охотнѣе топчутся на паровомъ полѣ, чѣмъ старательно, съ мужествомъ самоотреченія, обрабатываютъ участокъ пахоты. Въ этихъ головахъ возникли бóльшею частью обширныя гипотезы и преждевременныя обобщенія, которыми мы такъ богаты и на опровергавіе и искорененіе которыхъ потрачено много драгоцѣннаго времени. Поэтому въ интересахъ нашей науки мы должны на будущее время называть «антропологомъ» только того, кто высказалъ себя такимъ своей подготовкой и своими научными трудами. Чего особенно не достаетъ еще *физической* антропологіи,—это бóльшаго числа спеціалистовъ, прошедшихъ строгую анатомическую и естественно-научную школу, научная спеціализація которыхъ давала бы ручательство надежности ихъ изслѣдованій.

Обратимся теперь къ нѣкоторымъ спеціальнымъ задачамъ физической антропологіи. Въ послѣдніе годы наша наука подверглась многочисленнымъ нападкамъ частью постороннихъ, частью изъ своего лагеря. Нападки эти направлены, съ одной стороны, противъ метода, съ другой—противъ оцѣнки добытыхъ результатовъ.

Что касается антропологическаго метода, то онъ тотъ же самый, который мы находимъ во всѣхъ естественныхъ наукахъ, въ особенности въ зоологіи, только съ тою разницей, что въ немъ большее значеніе сравнительно съ описаніемъ получило измѣреніе. И вотъ, такъ какъ числа и математическія формулы дѣйствуютъ вообще гораздо убѣдительнѣе и увлекательнѣе, чѣмъ простое описаніе, то не слѣдуетъ удивляться, что постепенно значеніе измѣренія было сильно преувеличено. Забывали, что относительно большимъ численнымъ различіямъ соотвѣтствуютъ часто лишь слабыя, еле замѣтныя форменныя различія, не обращали вниманія на то, что предѣлы чиселъ—только искусственныя линіи для оріентированія, и не хотѣли знать того, что вычисленный, такъ наз., средній человѣкъ существуетъ только на бумагѣ, а не на самомъ дѣлѣ.

Мнѣ кажется, что измѣреніе умѣстно только тамъ, гдѣ описаніе не позволяетъ подмѣтить достаточно рѣзкихъ различій. Поэтому систематическая зоологія, которой преимущественно приходится имѣть дѣло съ качественными *видовыми* признаками, можетъ обходиться почти безъ всякихъ данныхъ измѣренія, между тѣмъ какъ для того, чтобы подмѣтить болѣе тонкія *расовыя* различія—будь это въ человѣческомъ родѣ или въ одной изъ высшихъ зоологическихъ группъ — измѣреніе становится неизбѣжнымъ. Чѣмъ тоньше наблюдаемыя и сравниваемыя отношенія, тѣмъ менѣе нашъ глазъ въ состояніи ихъ подмѣтить, а нашъ языкъ описать. Тутъ мы *должны* взяться за измѣрительный приборъ, и было бы глупо выкидывать за бортъ весь методъ измѣреній потому только, что могутъ быть злоупотребленія имъ. Этимъ я не хочу вступаться за повальное измѣреніе, потому что масса измѣреній, которыхъ нельзя себѣ наглядно ни представить, ни изобразить, является, по моему мнѣнію, никуда негоднымъ балластомъ. Но тамъ, гдѣ не могутъ справиться ни глазъ, ни языкъ, тамъ измѣреніе представляетъ цѣнное техническое вспомогательное средство. Абсолютныя и относительныя измѣренія и отношенія передаютъ то, для чего не хватаетъ словеснаго выраженія,—краткую характеристику опредѣленныхъ отношеній между величинами.

Затѣмъ возникаетъ дальнѣйшее требованіе. Для того, чтобы сравнивать между собою результаты, добытые путемъ измѣреній отдѣльными учеными, нужно согласованіе методовъ. На что годятся измѣренія тысячъ череповъ, если каждый наблюдатель беретъ для измѣренія другія точки и пользуется различными инструментами? Поэтому вполнѣ законны были старанія объединить антропологическую технику. Такія попытки объединенія методовъ были санкціонированы даже прежде, чѣмъ сами методы были достаточно разработаны.

Соглашеніе относительно *принципіальныхъ* точекъ зрѣнія техники представляетъ, во всякомъ случаѣ, настоятельную необходимость, такъ какъ результаты нашихъ изслѣдованій въ гораздо большей степени, чѣмъ обыкновенно принимаютъ, зависятъ отъ метода. Но, съ другой стороны абсолютное однообразіе методовъ и техники изслѣдованія, никогда не можетъ быть достигнуто въ антропологіи, какъ и во всякой другой наукѣ, такъ какъ каждый отдѣльный изслѣдователь желаетъ и имѣетъ право вводить новые методы, если существующіе кажутся ему недостаточными для его спеціальныхъ свѣдѣній. Вѣровать въ одну всеспасительную технику равнялось бы полному застою. Какъ наши инструменты съ теченіемъ времени подверглись усовершенствованіямъ, такъ и наши методы измѣреній могутъ и должны постоянно подвергаться улучшенію и постепенной разработкѣ. Необходимое же единство въ *принципіальныхъ* основахъ техники придетъ само собой, если мы разъ навсегда заведемъ во всѣхъ нашихъ университетахъ систематическое преподаваніе антропологіи и когда каждый занимаю-

щійся будетъ получать въ руководимыхъ спеціалистами лабораторіяхъ ту техническую подготовку, которую ему до сихъ поръ приходилось большею частью почерпать изъ книгъ.

Переходимъ теперь къ нападкамъ на случайную оцѣнку антропологическихъ результатовъ, на ложное значеніе добытыхъ численныхъ данныхъ. И этимъ нападкамъ нельзя отказать въ извѣстномъ оправданіи. Когда *Петръ Камперъ* вычислилъ лицевой уголъ, когда *Ретціусъ* для характеристики формы черепа предложилъ число, выражающее отношеніе (показатель) между наибольшей длиной и наибольшей шириной черепной коробки, тогда стали убаюкивать себя надеждой, что можно подобными отдѣльными признаками вполнѣ характеризовать и по нимъ классифицировать человѣческія расы. Къ сожалѣнію, эта обманчивая надежда еще не вполнѣ исчезла, и безучастіе, съ которымъ въ ученыхъ антропологическихъ кругахъ смотрятъ на дилетантскую забаву длинными и короткими головами, причинило достоинству нашей науки серьезный вредъ.

Своей высшей точки это неправильное примѣненіе показателя длины-ширины, который часто называютъ просто показателемъ черепа, достигаетъ въ такъ называемой соціальной или политической антропологіи. Въ противоположность представителямъ этого направленія надо неустанно громко заявлять, что черепъ человѣка никогда не выражаетъ его національности: предъ лицомъ физической антропологіи нѣтъ ни нѣмцевъ, ни швейцарцевъ, ни французовъ, а есть просто морфологическіе типы. Каждый народъ, каждая нація есть всегда только этническая единица, а въ смыслѣ физической антропологіи представляетъ, наоборотъ, множество. Вторженіе антропологіи въ политику, въ борьбу политическихъ партій должно осуждать со всею строгостью, какъ ненаучное и ведущее къ заблужденіямъ. Впрочемъ тотъ, кто вспомнитъ про курьезный споръ о формѣ головы Бисмарка, тотъ навсегда покончитъ съ этимъ сортомъ антропологіи, который господствуетъ, главнымъ образомъ, въ ежедневной печати.

Именно такая наука, какъ антропологія, которая особенно подвержена преждевременнымъ гипотезамъ и торопливой популяризаціи со стороны непризванныхъ, должна блюсти свой щитъ чистымъ и обезпечить себѣ спокойное научное развитіе.

Взглядъ на методъ систематической зоологіи научилъ бы насъ, что для характеристики животной формы нужно нѣсколько, а иногда даже множество признаковъ, что только на основаніи совокупности характерныхъ чертъ возможно помѣщеніе даннаго индивида въ то или иное мѣсто системы. То же самое, вполнѣ естественно, относится и къ антропологіи. Для діагноза расы не достаточно одной части тѣла, мы нуждаемся для этого въ разсмотрѣніи всѣхъ доступныхъ намъ признаковъ всего человѣческаго тѣла. Какія характерныя черты при этомъ болѣе, а какія менѣе важны, покажетъ размышленіе и опытъ.

Въ этомъ направленіи намъ предстоитъ еще большая работа, и мнѣ представляется настоятельнѣйшей задачей нашей науки, прежде всего, научно и точно изучить возможно большее число нынѣ живущихъ человѣческихъ типовъ согласно изложеннымъ воззрѣніямъ. Обнадеживающія начинанія уже теперь налицо, но только тогда, когда мы будемъ располагать большимъ, равномѣрно обработаннымъ матеріаломъ, мы будемъ въ состояніи установить въ формѣ классификаціи взаимныя отношенія кровнаго родства отдѣльныхъ человѣческихъ расъ. Только такимъ путемъ мы достигнемъ научной систематики вида «Homo», и я питаю надежду, что именно усиленная разработка нашей науки въ *университетахъ* привлечетъ къ намъ необходимыхъ сотрудниковъ для рѣшенія этой задачи. Пока мы находимся при началѣ этой работы, всякое отдѣльное наблюденіе, сдѣланное съ научной точностью и критикой, можно только привѣтствовать; какъ бы незначительно оно ни казалось, оно пріобрѣтаетъ значеніе благодаря взаимной связи, которую оно вноситъ въ наше мышленіе. Изъ отдѣльныхъ, старательно занесенныхъ фактовъ создается мозаичная картина нашего знанія. Теперь самое время приняться за эту работу, такъ какъ первобытныя формы человѣческой организаціи, какъ онѣ нынѣ еще представлены многими дикими народами, постепенно исчезаютъ передъ наступающей европейской культурой; этого процесса уничтоженія первобытныхъ типовъ и культуръ намъ не удержать. Не будемъ же ждать, чтобы все уравнивающія наслоенія европейской культуры, въ которой предстоитъ расплыться индивидуальнымъ свойствамъ народовъ, распространились по землѣ; легче доставать теперь, еще съ поверхности, чѣмъ впослѣдствіи выкапывать изъ глубокихъ слоевъ. Впрочемъ, призывъ *Бастіана* къ накопленію этнографическихъ матеріаловъ не остался неуслышаннымъ. Теперь уже собираютъ, записываютъ и зарисовываютъ остатки исчезающей исторіи развитія человѣчества, и наши внуки будутъ намъ благодарны за то, что мы не отступили передъ сизифовымъ трудомъ собиранія мелочей.

Также какъ спасеніе мертваго матеріала, необходимо и *физическое* изслѣдованіе живого человѣка. При этихъ изслѣдованіяхъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, которое многихъ все еще смущаетъ, что во всякой человѣческой группѣ, какъ бы она ни была мала, встрѣчаются индивидуальныя различія физической формы. Это явленіе имѣетъ свою причину въ особомъ способѣ размноженія и въ наслѣдственности. Благодаря соединенію данной пары родительскихъ зачатковъ для образованія новаго недѣлимаго, является широкая возможность для измѣненія формъ, и для каждаго недѣлимаго обезпечивается постоянно новая, никогда одинаковымъ образомъ не повторяющаяся комбинація признаковъ. Никогда ребенокъ не бываетъ вполнѣ похожъ на одного изъ своихъ родителей или на одного изъ своихъ братьевъ и сестеръ, хотя его индивидуальность проявляется всегда

только въ предѣлахъ извѣстнаго семейнаго или расоваго отпечатка, который характеризуется типическими соотношеніями и комплексами признаковъ.

Единственно реальны только индивидуальныя особенности, по которымъ только мы и конструируемъ наши типы. Поэтому установленіе величины индивидуальныхъ измѣненій для отдѣльныхъ признаковъ представляетъ для нашей науки особую важность, такъ какъ за эти индивидуальныя измѣненія принимаются процессы отбора, и такъ какъ, только исходя изъ нихъ, будутъ намъ понятны процессы образованія расъ. Между тѣмъ какъ раньше старались по возможности сглаживать индивидуальныя различія въ ариѳметическихъ среднихъ числахъ, мы должны какъ разъ наоборотъ подчеркивать величины индивидуальной измѣнчивости, какъ вообще, такъ и для отдѣльныхъ человѣческихъ группъ. Исчезаютъ великолѣпныя картины расъ, составленныя при помощи вычисленій, и каждый народъ распадается теперь на рядъ естественныхъ морфологическихъ типовъ съ опредѣленными комплексами признаковъ и съ опредѣленными границами измѣненій. Рѣшить, слѣдуетъ ли намъ смотрѣть на такіе морфологическіе типы, какъ на расы или подърасы въ зоологическомъ смыслѣ, или какъ на продукты скрещиванія различныхъ разновидностей, можно только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Рѣшеніе будетъ вообще зависѣть отъ географическаго распространенія даннаго типа, отъ доисторическаго и историческаго развитія даннаго народа, также какъ и отъ эргологическихъ моментовъ.

Установить географическое распространеніе отдѣльныхъ типическихъ комплексовъ признаковъ—вотъ, по моему мнѣнію, единственный путь, которымъ мы можемъ раскрыть родство расъ, ибо сперва намъ слѣдуетъ узнать область распространенія какой-нибудь формы, а затѣмъ уже приступать къ вопросу объ области ея возникновенія. Сперва типы, которые мы разберемъ анатомически на основаніи извѣстныхъ комбинацій признаковъ, представятъ только теоретическій интересъ, и только изслѣдованія, которыя распространятся на болѣе обширную область, будутъ въ состояніи показать, дѣйствительно ли наши типы отвѣчаютъ естественнымъ группамъ въ зоологическомъ смыслѣ.

Нужно предупредить еще, что не слѣдуетъ всякую человѣческую группу, которая не представляется однородной, безъ дальнихъ разсужденій считать смѣшанной. Это очень удобно, но смѣшеніе только одно изъ многихъ возможныхъ толкованій и, прежде всего, вовсе не объясненіе положенія вещей. Наоборотъ, мы должны остерегаться болѣе однородныя группы тотчасъ принимать за болѣе чистыя и болѣе первоначальныя, такъ какъ, какъ учатъ мѣстные и семейные типы, подобная однородность можетъ образоваться и вторично вслѣдствіе пространственнаго или физіологическаго раздѣленія въ теченіе ряда поколѣній.

Этимъ мы уже касаемся тѣхъ много обсуждавшихся вопросовъ наслѣдственности и вліянія среды, которые, по моему мнѣнію, могутъ быть разрѣшены только тогда, когда антропологи будутъ больше, чѣмъ теперь, обращаться къ вопросамъ генеалогіи, т.-е. къ изученію родословныхъ. Здѣсь, въ нѣдрахъ семьи, лежитъ ключъ къ пониманію причинъ многихъ антропологическихъ фактовъ, которые теперь еще не разъяснены. Только при помощи индивидуальныхъ рядовъ развитія можемъ мы изучить образованіе отдѣльныхъ комбинацій формъ и признаковъ, только при помощи тщательнаго сравненія ребенка съ его родителями и болѣе отдаленными предками можно установить, *что* и *какъ* наслѣдуется и насколько внѣшнія обстоятельства содѣйствуютъ образованію формы нашего тѣла. Тогда наступитъ убѣжденіе и въ томъ, что процессы органическаго превращенія совершаются съ необыкновенной медленностью, что наши форменныя отношенія суть равнодѣйствующія древнѣйшихъ наслѣдственныхъ стремленій и что для того, чтобы раскрыть зачатки и причины большей части образованій, мы должны возвратиться къ истокамъ филогенетическаго ряда.

Эти соображенія выводятъ уже насъ изъ круга формъ человѣческаго рода и заставляютъ насъ обратиться къ стоящей наиболѣе близко къ человѣку животной группѣ. Попадаемъ ли мы въ этомъ направленіи всегда на вѣрную дорогу, — это еще вопросъ. Стало почти традиціей присоединять человѣка къ современнымъ человѣкоподобнымъ обезьянамъ, энергично отыскивали и даже создавали посредствующіе промежуточные члены. Новыя изслѣдованія учатъ насъ, что для уразумѣнія отдѣльныхъ системъ органовъ человѣка намъ слѣдуетъ искать точекъ соприкосновенія, лежащихъ гораздо дальше, пожалуй обратиться назадъ вплоть до полуобезьянъ (лемуровъ).

Вслѣдствіе этого мѣняется картина генеологіи приматовъ. Наше родословное древо въ будущемъ, вѣроятно, не будетъ уже походить на цѣльный стволъ, отъ котораго идутъ далеко простирающіяся вѣтви, а скорѣе на кустъ, изъ корней котораго развивается богатая поросль самостоятельно тянущихся побѣговъ.

Съ этой точки зрѣнія большинство нынѣ живущихъ видовъ приматовъ представитъ собой высшія формы, т.-е. конечные члены самостоятельно развѣтвляющихся рядовъ развитія. Возрастъ человѣческаго рода становится гораздо значительнѣе, чѣмъ принимали раньше. Для того, чтобы раскрыть происхожденіе вида «Homo», намъ придется обратиться назадъ вплоть до начала третичной эпохи и къ корнямъ генеалогическаго дерева приматовъ. Точное познаніе всей группы приматовъ, и притомъ какъ вымершихъ, такъ и нынѣ живущихъ родовъ, является такимъ образомъ единственнымъ основаніемъ, на которомъ можетъ быть построена научная физическая антропологія. Безъ этого сравнительно-анатомическаго основанія всѣ теоріи относительно возник-

новенія человѣческаго рода и человѣческихъ расъ, по моему мнѣнію, витаютъ въ воздухѣ.

Я привелъ вамъ наиболѣе важныя задачи нашей науки и могу еще вкратцѣ коснуться ея роли, какъ предмета университетскаго преподаванія. Здѣсь, прежде всего. возникаетъ вопросъ, куда намъ помѣстить физическую антропологію по ея сущности и содержанію. Этотъ вопросъ не такой напрасный, какимъ онъ могъ бы показаться, потому что, пока наши университеты придерживаются издавна существующаго дѣленія на факультеты, каждой наукѣ, въ силу вещей, приходится приноровляться къ господствующей системѣ. Изъ сказаннаго, я думаю, само собою понятно, что антропологія, какъ естественная исторія, тѣсно примыкаетъ къ сравнительной анатоміи, такъ что ей мѣсто на математически-естественномъ отдѣленіи философскаго факультета *).

Ясно, что быстро развивающуюся науку не легко заключить въ рамки учебныхъ плановъ, и поэтому, естественно, преподаваніе антропологіи будетъ нѣкоторое время носить болѣе или менѣе личный оттѣнокъ. Значительная часть преподаванія антропологіи должна быть перенесена въ лабораторію, такъ какъ здѣсь, какъ и во всякой другой естественной наукѣ, только непосредственное разсматриваніе и самостоятельная работа можетъ вызвать правильныя представленія.

Упражненіе нашихъ чувствъ въ наблюденіи тонкихъ деталей, которое влекутъ за собой практическія занятія физической антропологіей, представляется мнѣ цѣннымъ для всякаго занимающагося естественными науками, также какъ и для будущаго врача. Вслѣдствіе измѣренія, наблюденіе подвергается постоянной провѣркѣ, и, благодаря ему, мы до извѣстной степени получаемъ способъ измѣрить остроту и степень развитія нашей наблюдательной способности. Этой выгоды антропологической методики мы не можемъ оцѣнивать слишкомъ низко, такъ какъ наши студенты, кончающіе классическія гимназіи, обыкновенно приносятъ съ собой въ университетъ совершенно заглохшую способность къ наблюденію и здѣсь должны сперва заново постепенно усвоить себѣ утраченную способность къ наблюденію и представленію конкретныхъ вещей.

Тотъ, кто научился въ университетѣ хорошо наблюдать и методически думать, вынесетъ оттуда для своей жизни и своего будущаго призванія больше, чѣмъ тотъ, котораго университетъ превратилъ только въ ходячій учебникъ. Первый способенъ самостоятельно преодолѣвать новое и неизвѣстное, между тѣмъ какъ мудрость послѣдняго кончается на послѣдней страницѣ его брульона.

Физическая антропологія—наука, которая еще не сдѣлалась предметомъ призванія. Поэтому ея задача, какъ и многихъ другихъ уни-

---

*) Соотвѣтствуетъ, хотя и не совсѣмъ, нашему физико-математическому факультету. *Ред.*

верситетскихъ дисциплинъ, будетъ состоять въ томъ, чтобы содѣйствовать подготовкѣ къ другимъ родамъ карьеры.

Ближайшимъ образомъ я имѣю здѣсь въ виду естественниковъ, какъ будущихъ учителей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ занятіе антропологическими вопросами явится дополненіемъ къ ихъ занятіямъ зоологіей, затѣмъ медиковъ, которые, благодаря антропологіи, не порываютъ связи съ біологическими науками и которыхъ она знакомитъ съ различными патологическими состояніями отдѣльныхъ человѣческихъ расъ.

Что съ антропологіей приходиться имѣть дѣло также географу, историку культуры, соціологу и представителямъ многихъ другихъ спеціальностей, какъ съ подготовительнымъ предметомъ, это вытекаетъ изъ того, что я раньше говорилъ объ отношеніяхъ этихъ дисциплинъ къ нашей наукѣ.

Далѣе, преподаваніе антропологіи имѣетъ значеніе для всѣхъ тѣхъ, кто изъ научныхъ или практическихъ видовъ желаетъ поселиться во внѣ-европейскихъ странахъ. Путешественники, врачи и всякаго рода должностныя лица въ колоніяхъ должны быть освѣдомлены относительно природы и быта посѣщаемыхъ и управляемыхъ ими народностей, и можно смѣло утверждать, что значительная часть безчисленныхъ колоніальныхъ золъ могла бы быть избѣгнута, если бы чиновники обладали лучшими знаніями по антропологіи. Между тѣмъ, какъ для всякой другой карьеры требуется сдать экзаменъ, чтобы обнаружить извѣстныя познанія, въ колоніи посылали юристовъ и офицеровъ, которые часто при своемъ назначеніи въ первый разъ слышали названіе области своихъ будущихъ дѣйствій. Между тѣмъ, управленіе народомъ, стоящимъ на болѣе низкой степени культуры, только тогда можетъ сопровождаться успѣхомъ, когда принимаются въ соображеніе его физическія и психическія особенности, особыя соціальныя и религіозныя привычки и традиціи. Знаніе ихъ является поэтому однимъ изъ важнѣйшихъ требованій, которыя мы должны предъявлять къ чиновникамъ въ колоніяхъ. Правильно понимая положеніе дѣлъ, нѣмецкое колоніальное общество постановило поэтому въ прошломъ году заключеніе—настоятельно требовать отъ германскаго имперскаго правительства учрежденія каѳедръ антропологіи, такъ какъ лишь при лучшей и болѣе отвѣчающей требованіямъ подготовкѣ чиновниковъ можно справиться съ многочисленными колоніальными злоключеніями.

О другихъ сторонахъ практическаго примѣненія антропологіи я упомяну только вкратцѣ. Къ существу нашей науки, пожалуй, не относится, что ея результаты и методы находятъ также и практическое примѣненіе, но въ наше время ей послужитъ на выгоду, если она докажетъ возможность подобной примѣнимости. Наиболѣе извѣстно примѣненіе, которое *Бертильонъ* сдѣлалъ изъ антропологическаго метода для удостовѣренія личности преступниковъ, и такъ называемая «Си-

стема Бертильона» введена теперь во всѣхъ большихъ городахъ большей части культурныхъ государствъ и выказала себя съ отличной стороны. Антропологическія изслѣдованія въ школахъ, университетахъ, на фабрикахъ и въ войскахъ познакомили насъ съ законами роста человѣческаго тѣла и показали намъ, насколько среда, экономическое положеніе, воспитаніе, родъ занятій и климатъ вліяютъ на наше тѣлесное развитіе. Тотъ, кто занимается такими и имъ подобными вопросами и задачами, тотъ не можетъ обойтись безъ антропологической подготовки.

Но къ предмету университетскаго преподаванія можно предъявлять еще другое требованіе, имѣющее болѣе широкое значеніе. Съ давнихъ поръ цѣлью нашихъ университетовъ было наряду со спеціальнымъ образованіемъ удовлетворять болѣе общимъ образовательнымъ задачамъ. Именно поэтому университеты сдѣлались важными факторами нашего культурнаго развитія. Эту вторую задачу въ послѣднее время, пожалуй, нѣсколько упускали изъ виду вслѣдствіе чрезмѣрнаго накопленія спеціальныхъ свѣдѣній. Все стремится къ постоянно суживающемуся спеціальному изученію, и нельзя отрицать, что, по крайней мѣрѣ для научнаго изслѣдованія, спеціализація нашихъ интересовъ стала однимъ изъ требованій, обусловливающихъ успѣхъ.

И однако, болѣе, чѣмъ когда либо, мы теперь нуждаемся на ряду съ нашимъ спеціальнымъ знаніемъ и въ общемъ образованіи, такъ какъ только при его помощи соціальныя отношенія отдѣльныхъ лицъ и различныхъ классовъ общества другъ къ другу могутъ найти удовлетворительное рѣшеніе.

Подъ общимъ образованіемъ я понимаю не пестрый калейдоскопъ свѣдѣній, а истинную, внутреннюю культуру, которая отвѣчаетъ міровоззрѣнію, пріобрѣтенному серьезнымъ умственнымъ трудомъ. Къ этому роду образованія относятся, по моему мнѣнію, прежде всего двѣ вещи: во-первыхъ, широкій взглядъ на все, что касается жизни, и, во-вторыхъ, терпимость къ новому, чуждому, непривычному и иначе сложившемуся. Эти основы истинной культуры наши гимназіи могутъ, конечно, подготовить, но не вполнѣ развить, потому что зрѣлое міросозерцаніе можетъ обитать только въ зрѣломъ тѣлѣ. Поэтому надежда на это выпадаетъ на долю университета; трудъ надъ ея осуществленіемъ должны дѣлить отдѣльныя спеціальности, и мнѣ кажется, что и антропологія, какъ физическая, такъ и психическая, должна этому содѣйствовать.

Благодаря ширинѣ ея кругозора, она возвышаетъ насъ надъ тѣснымъ культурнымъ кругомъ, въ которомъ мы выросли, она показываетъ намъ различныя формы организацій и состояній человѣка и этимъ дѣлаетъ насъ внутренно свободными и независимыми, даже по отношенію къ нашимъ собственнымъ формамъ жизни. Какъ до сихъ поръ къ образованному человѣку предъявляли требованіе, чтобы онъ воспринялъ въ себя считающійся образцовымъ идеалъ классической культуры,

такъ скоро знанія объ удаленныхъ отъ насъ въ пространствѣ и времени ступеняхъ культуры будутъ считать основой истиннаго образованія. Именно потому, что эти отдаленныя сферы частью первобытной, частью болѣе высокой культуры часто являются совершенно отличными отъ нашего собственнаго культурнаго идеала, изученіе ихъ оказываетъ воспитательное вліяніе. Мы убѣждаемся, что человѣческая жизнь возможна въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и благодаря сравненію мы получаемъ мѣрку для нашего собственнаго культурнаго развитія. Далѣе, антропологія освѣщаетъ великія проблемы относительно возникновенія и развитія человѣчества, она научаетъ насъ видѣть тѣсную взаимную связь между человѣкомъ и всей органической природой и, завершая такимъ образомъ циклъ нашихъ естественно-научныхъ знаній, дѣлаетъ для насъ возможной ту цѣльность міросозерцанія, которую въ прошлые вѣка могла дать только религія.

Поэтому, чѣмъ болѣе мы будемъ стремиться положить научное основаніе организаціи нашей личной и общественной жизни, тѣмъ болѣе должно возрасти значеніе антропологіи.

И на самомъ дѣлѣ, на что годится намъ все знаніе, если мы его не примѣняемъ, если мы не превращаемъ его въ живую, бьющую жизнь! Какъ болѣе чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ греческая наука тѣсно сливалась съ дѣйствительностью, съ жизнью, такъ и въ современномъ человѣкѣ мысль и жизнь не должны раздвояться. Скоро наступитъ время, когда во всеобщее сознаніе проникнетъ та истина, что наши научныя знанія и убѣжденія должны вліять на организацію нашей жизни и что въ насъ должно явиться чувство отвѣтственности за будущее нашего рода, что для этого будущаго не все равно, что мы дѣлаемъ и какъ мы живемъ.

Я заканчиваю пожеланіемъ: пусть антропологія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи постепенно приближается къ тѣмъ цѣлямъ, которыя я пробовалъ вамъ указать, пусть она содѣйствуетъ разрѣшенію великихъ вопросовъ человѣчества и пусть она помогаетъ созданію той внутренней культуры, которой мы напутствуемъ въ жизнь нашу молодежь, какъ самымъ цѣннымъ даромъ образованія.

Перев. П. Раевскій.

ЗИМНІЙ СОНЪ.

МАКСА ДРЕЙЕРА.

ДРАМА ВЪ 3-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Переводъ О. ЧЮМИНОЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Лѣсничій Аренсъ.
Труда, дочь его.
Госпожа Герлофъ, ея тетка.
Францъ Фойхтъ, помощникъ лѣсничаго, женихъ Труды.
Гансъ Мейнке.
Лиза, служанка Аренса.

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

(Комната въ домѣ лѣсничаго. Старая тяжеловѣсная мебель. Громадная кафельная печь. У дверей большіе, громко тикающіе стоячіе часы. На очагѣ шумитъ котелокъ для чая. На широкомъ кожаномъ диванѣ лежитъ лѣсничій и равномѣрно храпитъ. Въ креслѣ сидитъ г-жа Герлофъ, она слегка сгорбилась и дремлетъ, вязанье упало ей въ колѣни. У окна въ глубинѣ, въ которое виденъ безпрерывно падающій густыми хлопьями снѣгъ, сидитъ Труда. Она только что вышивала, а теперь прикрываетъ рукою глаза).

Явленіе I.

Тетка (*просыпается и снова берется за вязанье, затѣмъ, посмотрѣвъ въ сторону Труды говоритъ тихо*). Что, Труда, также заснула?

Труда (*отрицательно качаетъ головою*).

Тетка (*шопотомъ*). Такъ что же съ тобою?

Труда. У меня глаза болятъ.

Тетка. Нѣтъ ничего удивительнаго. Нужно же было тебѣ вышивать въ сумеркахъ! Снѣгъ все еще идетъ?

Труда. Не переставая.

Тетка. Все такъ же сильно?

Труда. Да.

Тетка (*покачивая головою*). Онъ идетъ уже со вчерашняго вечера.

Труда (*глядя въ окно*). Мнѣ кажется даже, какъ будто хлопья ложатся все чаще и гуще.

Тетка (*зѣвая*). Да-а?

Труда. Самый воздухъ сталъ снѣгомъ.

Тетка. Вотъ именно! Въ подобную погоду такъ и дремлется, такъ славно тебя убаюкиваетъ.

Труда. Если бы только...

Тетка. Что такое?

Труда. Вся эта бѣлая масса не подкрадывалась такъ предательски-незамѣтно, словно желая засыпать все окружающее!

Тетка. Вотъ вздоръ!

Труда. Нехорошо, что міръ становится тѣснѣе. (*Пауза*).

Тетка. Слышишь, отецъ начинаетъ посвистывать. Не приготовишь ли ты кофе?

(*Труда медленно поднимается, лѣниво подходитъ къ очагу и начинаетъ заваривать кофе. Лѣсничій продолжаетъ свистѣть, затѣмъ заканчиваетъ громкимъ храпомъ и просыпается*).

Лѣсничій (*потягиваясь*). А-ахъ! Который часъ, Труда?

Труда. Только что пробило три.

Лѣсничій. Кофе готовъ?

Труда. Сейчасъ, отецъ.

Лѣсничій (*встаетъ сгорбившись и потираетъ спину*). Силы небесныя! (*выпрямляется и дѣлаетъ ковыляя нѣсколько шаговъ*). Если бы я только зналъ, какая, охъ! какая вѣдьма влюбилась въ меня? Ужъ не ты ли, тетка Ида?

Тетка (*бросаетъ на него злобно-насмѣшливый взглядъ*).

Лѣсничій (*подходя къ окну*). Чортъ возьми! Все еще идетъ снѣгъ! Куда только все это дѣнется? Опять насядетъ вплотную на деревьяхъ.

Тетка (*насмѣшливо*). На такомъ холоду не насядетъ.

Лѣсничій. Много ты смыслишь! Такія крупныя тяжелыя хлопья облѣпятъ все, какъ тѣстомъ, особенно теперь, когда третьягодній мокрый снѣгъ примерзъ на деревьяхъ. (*Смотритъ въ окно*). Притомъ похоже на то, что поднимется вѣтеръ—сѣверо-восточный...

Тетка. Вѣтеръ! Смотри, какъ тихо падаютъ хлопья!

Лѣсничій. Чортъ побери! Покуда вѣтеръ не поднялся, разумѣется вѣтра нѣтъ! Нечего мнѣ съ тобою спорить. Или, можетъ быть, ты сама дѣлаешь погоду, такъ тебѣ лучше знать? Тутъ не было бы ничего удивительнаго.

Тетка (*радуясь, что разсердила его*). Пусть поднимается вѣтеръ! Вѣдь ты боишься снѣжныхъ обваловъ, а вѣтеръ сбрасываетъ снѣгъ съ вѣтвей.

Лѣсничій. Да, да, ты права, совершенно права! Порывъ вѣтра сначала осторожно отряхнетъ снѣгъ съ деревьевъ... «Извините пожалуйста, вы запачкались въ бѣломъ»... вотъ именно, а потомъ уже... Нечего болтать чепуху! Не пора ли пустить женщинъ въ лѣсное вѣдомство? Господи, что же кофе?

Труда. Я подаю, отецъ. (*Всѣ садятся за столъ*).

Лѣсничій. Гдѣ Францъ?

Труда. Онъ сказалъ, что хочетъ осмотрѣть дровяную площадь.

Лѣсничій. Ну, конечно! Я самъ туда собирался. Я говорю: съ тѣхъ поръ какъ ты нейдешь у него изъ головы, онъ сталъ человѣкомъ только вполовину.

Тетка. Отсюда и пошла поговорка про лучшую половину.

Лѣсничій (*наливая кофе*). Ему слѣдовало сходить къ Чортовой ямѣ—посмотрѣть, какъ лежитъ снѣгъ на деревьяхъ. Тамъ навѣрно опять что нибудь случится, такая ужъ почва. А въ лѣсномъ вѣдомствѣ еще удивляются, что тамъ обыкновенно бываютъ у меня главные обвалы. Слѣдовало бы имъ разумнѣе взглянуть на дѣло. Но съ тѣхъ поръ, какъ назначенъ новый совѣтникъ, ихъ девизомъ стало: думать и не видѣть. Ахъ, да! Мнѣ еще нужно писать отчетъ (*кивнувъ головою по направленію къ столу*). Не можешь ли ты мнѣ привести все это въ порядокъ? Проклятое розыскиванье перьевъ!

Тетка. Должно быть трудновато составлять эти отчеты?

Лѣсничій. Для настоящаго лѣсничаго это не работа. А впрочемъ занимайся лучше твоимъ собственнымъ хламомъ. (*Трудѣ*). Газета не получена?

Труда. Нѣтъ, отецъ, почтальонъ еще не былъ.

Тетка. Само собою понятно—нѣтъ. По такой погодѣ онъ, конечно, придетъ позже.

Труда (*давая другое направленіе разговору*). Да, хороши теперь дороги! Вездѣ ли такая же погода, какъ у насъ?

Тетка (*колко*). Вездѣ ли? Въ Австраліи конечно не такая.

Труда. Въ Австраліи! Господи, кому придетъ въ голову такая даль? Тутъ не знаешь даже что дѣлается въ окрестностяхъ.

Лѣсничій. И знать незачѣмъ.

Труда. Здѣсь въ лѣсу—мы словно взаперти.

Лѣсничій. Если для тебя тутъ слишкомъ уединенно—ты могла бы... Впрочемъ и безъ того ты не долго здѣсь пробудешь.

Труда. Перемѣны большой не будетъ. Другой домъ лѣсничаго, а въ сущности—тотъ же самый.

Тетка. Но ты будешь замужемъ.

Труда (*пожимаетъ плечами*).

Лѣсничій (*выпивая изъ чашки остатки кофе*). Ну, не моя вина, что ты все время торчала дома. Могла бы оглядѣться, узнать свѣтъ... Почему ты не взяла тогда другого мѣста только потому, что тебѣ на пер-

вомъ не повезло? Я не сталъ бы тебя удерживать, по мнѣ—отправляйся хоть сегодня. Но съ тѣхъ поръ, какъ ты помолвлена, я уже не въ правѣ распоряжаться тобою.

Труда. А если бы... я сама собою распорядилась, что было бы?..

Лѣсничій. Ты? Женщинамъ располагать собою по ихъ усмотрѣнію? Ну, этого лучше не заводить (*встаетъ изъ-за стола и садится за конторку*). Дай-ка мнѣ трубку и табакъ разумѣется тоже. Тамъ въ шкафу (*набиваетъ трубку*). Огня! Не надо спичекъ, дай трутъ! (*закуриваетъ*). Вамъ женщинамъ дѣлать нечего, отъ этого—и всѣ ваши горести.

Тетка (*убираетъ посуду, за исключеніемъ чашки и молочника, оставленныхъ для Франца*). Мы только не кричимъ такъ много о своей работѣ (*уходитъ. Труда ставитъ кофейникъ на очагъ, затѣмъ достаетъ изъ комода бѣлье для починки и садится къ окну*).

Лѣсничій (*ищетъ*). Милліонъ чертей! Куда опять дѣвались мои очки? Прибрать и запрятать—для васъ, женщинъ, одно и то же!

Труда (*встаетъ и сейчасъ же находитъ очки въ одномъ изъ ящиковъ конторки*). Вотъ они, отецъ. (*Снова садится у окна. Пауза*).

Лѣсничій (*перечитываетъ написанное, обдумываетъ какое-то слово и безпомощно останавливается*). *Дѣйствительно* ѣ или е?

Труда. ѣ.

Лѣсничій (*продолжая медленно писать*). *Цѣна дровамъ* или *цѣна дровъ*?

Труда. Цѣна дровъ.

Лѣсничій. *Въ виду*—два слова или одно?

Труда. Два.

Лѣсничій (*съ досадой*). Господи! Что за перо! Дай другое... (*Труда подходитъ къ конторкѣ, беретъ ручку и вставляетъ другое перо, между тѣмъ какъ онъ громко перечитываетъ написанное*).

Тетка (*снова входитъ*). Брр! Вотъ такъ холодъ! (*берется за печь*). Надо еще протопить (*подкладываетъ пару полѣньевъ*). Какъ разгорѣлось!

Лѣсничій (*прислушивается*). Я говорилъ, что будетъ вѣтеръ (*встаетъ и подходитъ къ окну*). Конечно... Хлопья начинаютъ кружиться. Славная пойдетъ пляска!

Явленіе II.

Францъ (*входитъ, таща за заднія лапы лису. Онъ взмахиваетъ ею и говоритъ, поглаживая усы*). Попалась. Одиннадцатая счетомъ...

Лѣсничій. Что такое? Откуда она у тебя? Я узнаю ее! Это старая лиса, которую я подстрѣлилъ въ сентябрѣ. Видишь знакъ?

Францъ. Та самая. Она сидѣла въ капканѣ у большого дуба. Плутовка глубоко зарылась въ снѣгъ, но это ей не помогло, я раздробилъ ей палкою черепъ. Погляди, Труда (*показываетъ добычу*). Славная лиса (*бросаетъ лису, подходитъ къ Трудѣ и цѣлуетъ ее*).

Труда. Бѣдное животное!

Францъ. И это дочь лѣсничаго, которая будетъ женою лѣсничаго!

Труда. И все же скажу: бѣдное животное! Сначала—голодъ, а потомъ мученіе въ капканѣ...

Францъ. Воровское отродье, сокровище мое! Понимаешь ли ты, что это значитъ?

Лѣсничій. Что касается ловушекъ—она отчасти права. Я тоже никогда не одобрялъ ихъ.

Францъ. Какъ и здѣсь, напримѣръ. Вѣдь твоя пуля даромъ пропала, а я изловилъ лису. Ружье, капканъ—пускай звѣрье такъ и знаетъ—мнѣ все едино! Я произведу очистку въ нашемъ участкѣ *(садится и продолжаетъ значительно)*. Кстати, рѣчь зашла о западняхъ,—я всегда удивлялся, почему ты не ставишь капкановъ?

Лѣсничій. И удивляйся. Я не палачъ.

Францъ. Розеновскій лѣсничій имѣетъ отъ нихъ ежегоднаго доходу отъ шести сотъ до семи сотъ марокъ.

Лѣсничій. Пускай его. Лучше имѣть меньше...

Тетка *(полугромко)*. И пыхтѣть! *(лѣсничій бросаетъ на нее взбѣшенный взглядъ)*.

Францъ *(покуда Труда наливаетъ ему кофе, вынимаетъ записную книжку)*. Еще я поймалъ двоихъ людей, воровавшихъ лѣсъ.

Лѣсничій. Господи! Этого давно уже не бывало!

Францъ *(ударяя себя въ грудь)*. Стоитъ только *мнѣ* показаться...

Лѣсничій. Гдѣ это было?

Францъ. Близъ торфяной ямы, по дорогѣ въ Грейфсхагенъ.

Лѣсничій. Кто они?

Францъ. Жена деревенскаго портного—Грюумахеръ зовутъ ее—съ мальчишкой и дѣвчонкой.

Труда. Они брали только валежникъ?

Францъ. Да. Развѣ этого не довольно?

Труда. Въ такую суровую зиму, при такой дороговизнѣ, у бѣдняковъ нечѣмъ было топить.

Францъ *(попивая кофе)*. По всей вѣроятности.

Труда. И теперь ихъ накажутъ.

Францъ. Конечно!

Труда. Денегъ у нихъ нѣтъ, значитъ придется сидѣть въ тюрьмѣ?

Францъ. Разумѣется.

Труда. Отецъ, скажи самъ, бѣднякамъ и безъ того приходится много видѣть горя...

Лѣсничій. Красть нельзя.

Труда. Да вѣдь они не сознаютъ, что это—кража.

Лѣсничій. Лѣсъ, дрова—все принадлежитъ казнѣ.

Труда. Но они берутъ только то, что деревья сами отбрасываютъ—валежникъ, который даромъ сгніетъ.

Лѣсничій. Все это—различія, понятныя уму, но не дѣйствительныя передъ закономъ. Право должно оставаться правомъ

Труда. И ты подашь на нихъ жалобу?

Лѣсничій. Долженъ.

Труда. Отецъ, я внесу за нихъ штрафъ.

Лѣсничій. Что ты хочешь сдѣлать?

Труда. Заплатить штрафъ изъ моей копилки.

Лѣсничій. Гмъ! Твое дѣло.

Францъ (*лѣсничему*). Но ты этого не позволишь?

Лѣсничій. Если она желаетъ—пусть!

Тетка. Такъ, такъ, Францъ! Вѣдь это убытокъ для приданаго. Лови воровъ, а затѣмъ самъ расплачивайся за воровство. (*Францъ, недовольный, отворачивается. Труда отходитъ къ окну. Пауза*).

Труда. Вотъ идетъ почтальонъ. (*Выходитъ за дверь*).

Лѣсничій (*Францу*). Что дѣлается на дровяной площади?

Францъ. Все въ порядкѣ.

Лѣсничій. Незачѣмъ было тебѣ ходить туда, я самъ долженъ все равно быть тамъ. Тебѣ слѣдовало отправиться къ Чортовой ямѣ.

Францъ. Что я долженъ тамъ дѣлать?

Лѣсничій. Собирать подснѣжники! Вотъ вопросъ! Надо присмотрѣть, какъ лежитъ снѣгъ на деревьяхъ, не случилось ли тамъ чего-нибудь? Завтра утромъ мнѣ нужно отправить отчетъ.

Францъ. Напиши, что дѣло обстоитъ не важно; если впослѣдствіи окажется, что оно не такъ плохо—тѣмъ лучше.

Лѣсничій. Написать не видя! Да ты съ ума сошелъ!

Тетка (*злобно шепчетъ*). Лѣсничій не слукавитъ.

Труда (*возвращается съ газетою подъ мышкой и съ открытымъ письмомъ, отъ котораго не можетъ оторваться, въ рукѣ. Она опускаетъ письмо въ карманъ и протягиваетъ газету лѣсничему*). Не хочешь ли, отецъ?

Лѣсничій. Ахъ, нѣтъ. Потомъ... Вѣдь ничего особеннаго тамъ нѣтъ?

Тетка (*Трудѣ, присѣвшей у окна съ газетою*). Ты что же это? Все себѣ оставила?

Труда (*отдаетъ ей приложеніе и снова углубляется въ чтеніе. Пауза. Порывъ вѣтра потрясаетъ раму*).

Лѣсничій (*прислушивается*). Ну вотъ! Каково-то теперь на дворѣ? Все ли въ порядкѣ? (*Встаетъ и уходитъ*).

Францъ (*идетъ къ Трудѣ*). Труда!

Труда (*не глядя*). Сейчасъ.

Францъ (*сдерживаясь*). Развѣ это такъ важно? (*Труда, кивнувъ головою, спокойно дочитываетъ до конца. Тетка, многозначительно взглянувъ на Франца, беретъ посуду и уходитъ*).

Францъ (*съ прорвавшимся волненіемъ*). Послушай, Труда...

Труда (*указывая ему на одно мѣсто въ газетѣ*). Понимаешь ты это?

Францъ. Нѣтъ. Такая ученая тарабарщина—не для меня.

Труда. Ахъ, да! Зачѣмъ я только спрашиваю! Мы всѣ здѣсь одинаковы глупы.

Францъ. Тѣмъ лучше. Значитъ мы подходимъ другъ къ другу. Было бы плохо если бы ты была умнѣе.

Труда. Но тебѣ бы слѣдовало быть умнѣе.

Францъ. Умнѣе? Вздоръ! Если я не ученый и не понимаю толку въ такой тарабарщинѣ—что изъ того? За то я знаю свое дѣло и прокладываю себѣ дорогу. (*Беретъ стулъ, садится рядомъ съ нею и обнимаетъ рукою ея станъ*). Ты сама знаешь, что́ ты пріобрѣла въ моемъ лицѣ. Я лучшій служащій во всемъ правительственномъ округѣ. (*Труда едва замѣтно киваетъ головою, онъ ближе привлекаетъ ее къ себѣ*). Мнѣ стоило постучать въ любую дверь...

Труда. Да, да, я знаю...

Францъ. И Анна Фидлеръ изъ Гёделица, и Марія Вингстъ...

Труда (*коротко*). Оставь это!

Францъ (*пораженный ея тономъ*). Что такое?

Труда. Я нахожу очень некрасивымъ, что ты такъ часто объ этомъ разсказываешь.

Францъ. Разсказываю? Да вѣдь я говорю только тебѣ—потому что я хочу тебѣ показать, какъ ты мнѣ дорога и еще оттого, что ты недотрога, словно принцесса какая. Развѣ ты меня не любишь?

Труда. Люблю, Францъ.

Францъ. Такъ поцѣлуй меня разочекъ. Ты—меня.

Труда. Ахъ, Францъ, ты знаешь, я не люблю этихъ поцѣлуевъ.

Францъ. Но ты должна, прямо таки должна... Что за супротивное маленькое созданіе! (*быстро ее поднимаетъ и беретъ на руки*). Ну, что ты теперь станешь дѣлать?

Труда (*барахтаясь и вырываясь*). Нѣтъ, Францъ, пусти меня!

Францъ. Такъ ужъ устроилъ Господь Богъ, что мы—сильнѣе васъ, и потому вы обязаны повиноваться намъ. И въ концѣ концовъ вы повинуетесь очень охотно—стоитъ только вамъ убѣдиться насколько послушаніе пріятно.

Труда. Теперь пусти меня, Францъ.

Францъ. Прежде ты должна меня поцѣловать.

Труда (*упираясь руками въ его плечи*). Принужденіе? Нѣтъ, я не позволю принудить себя!

Францъ (*носитъ ее по комнатѣ*). Въ такомъ случаѣ я до тѣхъ поръ буду носить тебя на рукахъ, покуда ты меня не поцѣлуешь. Не думай, что ты утомишь меня. Я радуюсь, что могу держать тебя такимъ образомъ: я ощущаю твою близость...

Труда (*наклоняясь къ нему*). Ну, вотъ тебѣ! (*Слегка цѣлуетъ его*).

Францъ. Вотъ я и получилъ то, что мнѣ слѣдуетъ по праву. Еще разъ! (*Она вторично протягиваетъ ему губы, онъ страстно цѣлуетъ ихъ и затѣмъ опускаетъ ее на землю*). Такъ-то, сокровище мое!

Тетка (*возвратившись оглядываетъ обоихъ, затѣмъ становится у печки*). Что? Слышали вы какъ я вошла? По такому холоду я не могла принять большихъ предосторожностей. Не схватить же мнѣ насморка изъ-за вашей любви! (*Грѣется*). Ну, тотъ, у кого, кромѣ теплой печки есть еще пылкая возлюбленная, можетъ считать себя сегодня счастливымъ человѣкомъ!

Лѣсничій (*возвращается*). Проклятая погода! Теперь надо отправляться къ Чортовой ямѣ. Ты идешь со мною, Францъ.

Францъ. Да, но вѣдь отъ моего присутствія ничто не измѣнится.

Лѣсничій. Ты идешь со мной, хотя ты и любишь дѣлать по своему. Собирайся. (*Труда снова сѣла у окна и углубилась въ газету*). Труда помоги мнѣ надѣть пальто, это—получше чѣмъ корпѣть въ углу. (*Она помогаетъ ему одѣться, онъ беретъ палку и мѣховую шапку*).

Труда. Прощай, отецъ.

Лѣсничій. Сегодня къ ужину сдѣлайте мнѣ картофельный пуддингъ.

Труда. Хорошо.

Францъ (*хочетъ нѣжно проститься съ Трудой*). Прощай, сокровище мое.

Явленіе III.

Лѣсничій (*тащитъ его*). Нечего прохлаждаться... Пошелъ!

Труда (*становится у окна и снова достаетъ открытое письмо. Пауза*).

Тетка (*садится у печи*). Брось же, наконецъ, свое чтеніе. Испортишь глаза.

Труда. Зажжемъ огонь.

Тетка. Нѣтъ еще. Въ сумеркахъ такъ уютно. (*Слышенъ вой вѣтра*). Вотъ погода!

Труда (*смотря въ окно*). Теперь уже совсѣмъ ничего не видно. Громадное, бѣлое, мерцающее ничто.

Тетка. Снова начинаешь скулить! Такой ужъ у тебя сегодня день. И надо же было тебѣ именно сегодня получить открытку! Она отъ той кривляки?

Труда (*съ непривычнымъ волненіемъ*). Тетя, я запрещаю тебѣ такъ говорить.

Тетка. Дѣвчонка, которая учится и посылаетъ только открытыя письма, какъ мужчина.

Труда. Открытое письмо отъ нея—для меня въ сто разъ содержательнѣе, чѣмъ...

Тетка (*прерывая*). Ахъ, пустяки! Она и ея мать отвѣтятъ за тебя Господу Богу. Не попади ты въ школу къ ея матери, ты осталась бы благоразумной.

Труда. Тебѣ все это непонятно, и я не выношу, когда ты говоришь

*

такимъ образомъ о ней и о ея матери. Ея матери должна я быть признательна за то что у меня открылись глаза. Она сдѣлала изъ насъ, дѣвушекъ, современныхъ людей.

Тетка. Современныхъ, современныхъ! Къ чему тебѣ современность, когда ты помолвлена.

Труда. Я говорю: ты—изъ другого міра.

Тетка. Объ одномъ я не стану спорить съ тобою. Здѣсь немножко однообразно, особенно зимою.

Труда. И лѣтомъ также.

Тетка. Ну ужъ ты, видитъ Богъ, не можешь жаловаться. Прежде всего у тебя—куча книгъ.

Труда. Да, но чтеніе мнѣ ничего больше не даетъ. Я вижу слова, буквы, но нѣтъ жизни, содержанія—не достаетъ. Мы здѣсь—въ сторонѣ отъ жизни. Сюда никто не заглядываетъ.

Тетка. Тра-та-та! Все это болѣе, чѣмъ преувеличено.

Труда. Да, черезъ день приходитъ почтальонъ, и разъ въ мѣсяцъ—трубочистъ. Я охотно поговорилабы съ ними, но имъ нельзя. Почтальонъ спѣшитъ всегда убѣжать, словно онъ боится меня.

Тетка. У него больше дѣла.

Труда. А трубочистъ, молчаливый, скрытный, застылъ подъ слоемъ сажи, какъ подъ корою.

Тетка. Ты не умѣешь разговаривать съ людьми.

Труда. Конечно, виновата я, но это не измѣняетъ дѣла. 27 сентября, за день до рожденія отца, произошло событіе. Зашелъ точильщикъ.

Тетка. Котораго расчитали?

Труда (*киваетъ со слабою усмѣшкой*). Это былъ препротивный старикашка, отъ него несло водкою, и онъ болталъ всякій вздоръ. И все же я долго съ нимъ разговаривала. Съ тѣхъ поръ—вотъ уже прошло четыре мѣсяца—ни одна живая душа къ намъ не заглянула.

Тетка (*качая головою*). Что ты за дѣвушка!

Труда. Ничего... Никакихъ новыхъ впечатлѣній... Рѣшительно ничего. Все, что было во мнѣ духовной жизни—постепенно угасаетъ, какъ лампада безъ масла. Вы всѣ въ этомъ домѣ...

Тетка. Ну что же мы?

Труда. Вы не имѣете понятія о томъ, чего мнѣ недостаетъ.

Тетка (*усмѣхаясь*). Положимъ, я хорошо знаю, доченька, чего тебѣ недостаетъ.

Труда. Вы оба съ отцомъ стары, а я молода, у васъ есть пережитое, есть воспоминанія. Большаго и не нужно вамъ. Вы равнодушны ко всему, происходящему въ мірѣ—къ тѣмъ вѣяніямъ, которыя приноситъ въ нашу пустыню газета, къ тому, что меня занимаетъ, къ тому, что пишетъ мнѣ Анна...

Тетка. Въ открыткахъ!

Труда. Все равно! Тогда я вижу жизнь—что она даетъ и чего требуетъ. Я вижу Анну, которая, по мѣрѣ того, какъ она выростаетъ умственно, становится все сильнѣе, свободнѣе и счастливѣе въ своихъ стремленіяхъ и творчествѣ. И рядомъ съ нею я вижу себя въ моей все возрастающей печали.

Тетка. Перестань говорить вздоръ.

Труда. Покуда я еще чувствую разницу, но кто знаетъ? Быть можетъ, скоро я перестану ощущать ее. И это приводитъ меня въ ужасъ. Почему я не могу найдти здѣсь для себя путнаго дѣла? Какую пользу я приношу? Что я такое здѣсь? Помогаю отцу по части правописанія, вотъ и все.

Тетка. Если бы даже и такъ, вѣдь это не продлится цѣлую вѣчность. Какъ только ты выйдешь замужъ—у тебя на душѣ будетъ совсѣмъ иначе.

Труда (*отворачивается, пожавъ плечами*). Да, да, оставимъ этотъ разговоръ.

Тетка (*съ многозначительнымъ видомъ*). Если бы ты, дѣйствительно, была умною дѣвушкой, какою желаешь быть, ты не стала бы жаловаться на то, что все для тебя здѣсь черезчуръ мало и тѣсно. Ты знала бы тогда, что нигдѣ человѣкъ не можетъ быть такъ счастливъ, какъ именно въ небольшомъ, тѣсномъ кругу. Во всѣхъ книжкахъ ты можешь прочесть объ этомъ: міръ даетъ одни только желанія.

Труда. Желанія? Да вѣдь въ нихъ-то и заключается счастье! Но желаніямъ долженъ быть открытъ свободный путь, они должны соприкасаться съ жизнью. Не слѣдуетъ, чтобы глаза были завязаны, а руки скованы.

Тетка (*покачивая головою*). Занеслась ты сегодня въ мечтаніяхъ, нечего сказать! Это невѣроятно! Дѣвчонка недовольна и скулитъ... Ты должна бы плясать отъ радости. Тебѣ ли еще плохо живется? Не каждый отецъ позволитъ жениху поселиться подъ одною кровлей.

Труда. Не вижу въ этомъ особеннаго счастья. Да отецъ объ этомъ и не думаетъ.

Тетка. Ты хочешь сказать, что онъ не думаетъ о тебѣ?

Труда. Я не это хотѣла сказать. Отецъ, безъ сомнѣнія, любитъ меня. Если бы только въ лѣсу не было такъ много деревьевъ.

Тетка. Что еще за фантазія?

Труда. На мою долю немного остается. Притомъ я—только женщина.

Тетка. Конечно, женщина и тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Но ты принадлежишь къ числу немногихъ счастливыхъ женщинъ...

Труда. Почему?

Тетка. Къ числу немногихъ счастливицъ, имѣющихъ жениха.

Труда. Ахъ, будетъ объ этомъ!

Тетка. Можешь себя поздравить съ такимъ женихомъ, какъ Францъ.

Труда. Да, конечно.

Тетка. Вѣдь онъ же тебѣ нравится?

Труда (*устало*). Нравится. Иначе я не дала бы ему слова. А теперь зажжемъ лампу.

Тетка. Мнѣ хотѣлось бы еще немного посумерничать. (*Вѣтеръ стучится въ стекла, Труда вздрагиваетъ*). Вотъ такъ погодка! Поди сюда. Тутъ тепло. (*Труда садится на диванъ, новый сильный порывъ вѣтра. Обѣ пугаются*). Брр! Даже страшно.

Труда (*послѣ паузы, во время которой вѣтеръ шумитъ за окномъ*). Подобной мятели я и не запомню.

Тетка. Было года два тому назадъ.

Труда. Каково теперь бѣднякамъ, не имѣющимъ крова и пріюта!

Тетка. Да, кого непогода захватитъ на дорогѣ...

Труда. Завтра, навѣрно прочтемъ въ газетѣ о замерзшихъ людяхъ.

Тетка. Навѣрно. Если сегодня кто сбился съ пути и усталъ—тому не спастись.

Труда. Всѣ ближайшія дороги, безъ сомнѣнія, занесло.

Тетка. Въ окрестностяхъ—да.

Труда. Это ужасно. (*Внезапно*). Съ отцомъ ничего не можетъ случиться?

Тетка. Вздоръ! Ихъ двое, и они знаютъ каждое мѣстечко въ участкѣ. Притомъ они пообѣдали и напились горячаго кофе. А вотъ если кому случится идти въ одиночку, на пустой желудокъ, да кто притомъ не знаетъ дорогъ—тотъ можетъ себя поздравить!

Труда. Да, бываютъ, кажется, и худшія положенія нежели сидѣнье здѣсь взаперти.

Тетка. Вотъ видишь! А если еще сидишь взаперти съ тѣмъ, кто всего дороже...

Труда. Ты опять возвращаешься къ тому же.

Тетка. Ну, да! Я хочу внушить тебѣ другія мысли. Съ какой стати ты вѣшаешь голову? Даже я—старуха радуюсь, глядя на твоего Франца. Сколько въ немъ силы, сколько огня! Ты не можешь пожаловаться на недостатокъ нѣжности съ его стороны.

Труда. Я предпочла бы даже, чтобы ее было менѣе.

Тетка. Недурно! Послушай, съ твоей любовью...

Труда. Въ его нѣжность проглядываетъ часто что-до деспотическое. А для меня всякое насиліе... Въ сущности, къ чему оно?

Тетка (*невозмутимо вяжетъ*). Современемъ узнаешь. Его необузданность тебѣ понравится. Эдакій молодецъ! Немного найдется такихъ красивыхъ парней. Какой у него ростъ, и при этомъ, какъ онъ силенъ, крѣпокъ и статенъ. По правдѣ говоря, это—легкомысліе...

Труда. Что такое?

Тетка. Что вы, будучи женихомъ и невѣстою, живете подъ единой кровлей.

Труда. Въ нашей пустынѣ! Кому объ этомъ забота?

Тетка. Я не то хотѣла сказать. Тутъ кроется опасность для васъ самихъ: молодая кровь играетъ. Въ концѣ концовъ, оно, пожалуй, и все равно. Вы помолвлены, ждать недолго, можно и свадьбу сыграть... (*Понизивъ голосъ, усмѣхаясь*). Скажи же мнѣ, Труда...

Труда. Скоро ли ты кончишь?

Тетка. Сейчасъ! Скажи мнѣ, Трудочка, развѣ вамъ никогда не приходило въ голову...

Труда (*досадливо*). Не понимаю въ сущности: что̀, тебѣ надо?

Тетка. Ну, отъ тебя ничего не добьешься. (*Пауза. Снова порывъ вѣтра. Труда наклоняетъ голову и прислушивается*).

Труда. Сейчасъ мнѣ показалось...

Тетка. Что такое?

Труда. Что я слышу сквозь шумъ вѣтра чей-то зовъ...

Тетка. Тебѣ пригрезилось.

Труда. Вотъ и опять. (*Подходитъ къ окну*). Ты ничего не слышала?

Тетка. Нѣтъ.

Труда. Это голосъ отца. Ну, конечно. (*Издали глухо доносится зовъ*).

Тетка. Теперь и я какъ будто... (*Уже ближе слышится*: *Труда*!)

Труда. Отецъ! Это онъ зоветъ.

Тетка (*подходитъ къ окну*). Что такое стряслось?

Труда. Боже! Они кого-то несутъ! *Она распахиваетъ окно. Слышно, какъ на дворѣ лѣсничій повелительнымъ тономъ говоритъ съ Лизою*).

Тетка. Замерзшаго? Да?

Труда. Кажется. (*Бѣжитъ къ двери*). Надо зажечь огонь. (*Входятъ лѣсничій и Францъ, несущіе Ганса. Онъ безпомощно лежитъ у нихъ на рукахъ. За ними входитъ Лиза*).

Явленіе IV.

Лѣсничій. Огня! Скоро ли?.. Давайте сюда одѣялъ, матрацъ и водки! (*Всѣ помогаютъ. Труда возвращается съ одѣялами. Она смотритъ безжизненно лежащему человѣку въ лицо*).

Труда. Какой молодой!

Лѣсничій (*съ помощью Франца снимаетъ съ него сапоги*). Растирайте ему ноги! Сильнѣе! Это не поможетъ. (*Лизѣ*). Неси снѣгу! (*Разстегиваетъ ему сюртукъ, жилетъ и рубашку. Лиза возвращается, они растираютъ ему грудь снѣгомъ*).

Труда (*жалобно*). Онъ ничего не чувствуетъ!

Лѣсничій. Растирайте.

Труда. Ты думаешь?..

Лѣсничій. Трите, говорю.

Францъ. Все напрасно.

Тетка. Должно быть, слишкомъ онъ промерзъ

Труда. Отецъ!

Лѣсничій. Что?

Труда. У него руки вздрагиваютъ... Видишь?

Лѣсничій. Стало быть, онъ еще живъ.

Труда. Слава Богу!

Гансъ *(дѣлаетъ движеніе, слабый стонъ слетаетъ съ его губъ).*

Труда. Слышишь, отецъ?

Лѣсничій *(беретъ со стола бутылку, подноситъ ее ко рту Ганса и заставляетъ его сдѣлать глотокъ).* Вотъ, вотъ... Выпейте!..

Гансъ. А... А... Ахъ! *(приподнимаетъ голову и на короткое время открываетъ глаза).*

Труда. Онъ открылъ глаза.

Лѣсничій Да. Теперь ужъ онъ перевалилъ черезъ гору. Ну-ка, еще глотокъ! *(Подноситъ къ его рту бутылку).* На доброе здоровье!

Гансъ *(слабымъ голосомъ).* А... а! Благодарю! Какъ славно!.. Какъ.. *(Голова его безсильно опускается).*

Лѣсничій. Теперь остается только держать его въ теплѣ, и все будетъ ладно.

Труда. Есть-ли еще опасность, отецъ, какъ ты думаешь?

Лѣсничій. Не думаю. *(Беретъ его руку).* Пульсъ явственно слышенъ. Позаботьтесь только, чтобы онъ былъ тепло укрытъ, и давайте ему время отъ времени чего-нибудь теплаго.

Труда. Все будетъ сдѣлано.

Лѣсничій *(посмотрѣвъ въ сторону больного, съ довольнымъ видомъ киваетъ головою).* Пойдемъ Францъ, теперь надо предоставить дѣло женщинамъ. *(Францъ, видимо, не въ силахъ оторваться).* Впередъ! Маршъ! Служба остается службой. Часа черезъ полтора вернемся. Прощайте. *(Уходитъ съ Францемъ).*

Явленіе V.

Труда. Прощайте! *(Снова оборачивается сейчасъ же къ Гансу, затѣмъ говоритъ теткѣ).* Сейчасъ заваримъ ему чаю. Рука его все еще холодна, и онъ дрожитъ.

Тетка. Да, чай самое лучшее. *(Подходитъ къ очагу, гдѣ кипитъ чайникъ. Труда достаетъ изъ шкафа чай).*

Труда *(озабоченно).* Теперь уже нечего бояться?

Тетка. Нечего. Жизнь возвратилась. Теперь онъ только нуждается въ теплѣ и отдыхѣ.

Труда *(подходитъ и наблюдаетъ за нимъ).* Кажется, онъ крѣпко и спокойно заснулъ.

Тетка *(также подходитъ).* Отъ усталости. Красивое лицо.

Труда. Да. Такое одухотворенное! *(Наклоняется къ нему и прислушивается къ его дыханію).* Теперь... *(Гансъ дѣлаетъ движеніе, губы его шевелятся, онъ открываетъ глаза и съ изумленіемъ смотритъ ей въ

лицо, затѣмъ инстинктивно протягиваетъ руки къ ея головѣ, какъ будто бы желая убѣдиться въ томъ, что онъ не грезитъ. Она невольно отступаетъ, руки его опускаются).

Гансъ. Что... что такое собственно случилось со мною?

Труда. Васъ застигла непогода, вы были занесены снѣгомъ, а теперь вы спасены. Васъ перенесли сюда, въ домъ лѣсничаго.

Гансъ. Да, да... Въ домъ лѣсничаго... Занесло снѣгомъ... *(Встряхивается).* Какъ холодно въ домѣ лѣсничаго! Въ снѣгу было такъ тепло...

Тетка *(приноситъ чай).* Вотъ! Пусть онъ выпьетъ.

Труда *(держитъ передъ нимъ чашку).* Согрѣйтесь! *(Дуетъ на чай, затѣмъ подноситъ чашку къ его рту).*

Гансъ *(пьетъ).* Благодарю, искренно благодарю... *(Снова пьетъ).* Вы такъ... добры... Вы дочь лѣсничаго, не такъ ли?

Труда. Да.

Гансъ. Но какъ же я... попалъ сюда?

Труда. Мой отецъ и его помощникъ нашли васъ.

Гансъ *(оглядывается).* Такъ... такъ. А ихъ здѣсь нѣтъ?

Труда. Они снова ушли... по службѣ.

Гансъ *(указывая движеніемъ головы на тетку).* Это ваша мать?

Труда. Нѣтъ, это тетя Ида.

Гансъ *(съ внезапно вспыхнувшей веселостью).* Добрый вечеръ, тетя Ида!

Тетка *(глубоко оскорбленная, холодно).* Добрый вечеръ! *(Беретъ вязанье и садится у стола, откуда наблюдаетъ за ними).*

Гансъ *(хочетъ подняться).* Такъ не годится... Я хотѣлъ бы...

Труда. Нѣтъ, пожалуйста. Лежите спокойно. Прежде вамъ необходимо отдохнуть и оправиться.

Гансъ. У меня въ ногахъ такое забавное ощущеніе, словно ихъ щекочетъ и мнѣ хочется пуститься въ плясъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, они какъ будто отнялись.

Труда. Это скоро пройдетъ.

Гансъ. Конечно, пройдетъ, должно пройти. Но я буду вамъ въ тягость.

Труда. Нѣтъ, нѣтъ, нисколько.

Гансъ. Надолго это не затянется.

Труда. А почему же нѣтъ?

Гансъ *(тихо смѣясь).* Весьма человѣколюбиво!

Труда. Я подразумѣвала... Я думала въ данномъ случаѣ... только о насъ.

Гансъ. О! *(Пробуетъ поклониться).* Но вѣдь вы даже не знаете, что я за человѣкъ.

Труда. Мы живемъ такъ уединенно... сюда никто не заглядываетъ.

Гансъ. И потому вы не слишкомъ требовательны?

Труда. О, какъ вы можете?..

Гансъ (*продолжаетъ шутить*). Вотъ что называется: и обласкать, и отхлестать.

Труда. Я была слишкомъ навязчива?

Гансъ. Неужели у васъ не понимаютъ шутокъ, mademoiselle?

Труда. Должно быть—нѣтъ.

Гансъ. Такъ вамъ слѣдуетъ этому научиться. (*Его снова охватываетъ слабость и онъ съ дрожью опускается на подушку*).

Труда (*озабоченно*). Вамъ опять хуже?

Гансъ. Это... пройдетъ.

Труда. Не могу ли я чего-нибудь предложить вамъ? Можетъ быть, вы желаете покушать?

Гансъ. Я думаю—да.

Труда. Такъ я сейчасъ...

Гансъ. Нѣтъ, вы должны остаться... Не попросите ли вы тетю Иду?

Тетка (*ворчитъ*). Это ужъ совсѣмъ безстыдство!

Труда. Тетя, не будешь ли ты такъ добра? (*Гансу*). Чего бы вы хотѣли?

Гансъ. Пожалуйста все-равно... Чтò у васъ найдется.

Труда. Что-нибудь теплое, не такъ ли? (*Теткѣ*). Тамъ еще осталось мясо. Не будешь ли ты такъ добра? Или я сама?

Тетка (*рѣзко*). Оставь! (*Беретъ свой платокъ*).

Гансъ (*Трудѣ*). Вы остаетесь со мною?

Труда. Если вы желаете...

Гансъ. Очень. Мы кое-что разскажемъ другъ другу.

Труда (*радостно возбужденная*). Да, да! Мы займемъ другъ друга разсказами. (*Она беретъ стулъ и садится возлѣ Ганса. Тетка уходитъ, бросивъ на нихъ сбоку долгій испытующій взглядъ*).

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

(*Та же декорація. Вечеръ слѣдующаго дня. Зажжена висячая лампа, у стола подъ нею сидитъ Труда съ работою въ рукахъ, но глаза ея почти не отрываются отъ Ганса, который въ большихъ туфляхъ лѣсничаго шагаетъ по комнатѣ взадъ и впередъ*).

Явленіе I.

Гансъ. Теперь я снова могу шагать, какъ слѣдуетъ, не правда ли, mademoiselle Труда?

Труда. Безъ сомнѣнія. И притомъ еще—въ большихъ туфляхъ отца.

Гансъ. А я опасался, не отозвалось бы это на ногахъ.

Труда. Какъ хорошо, что ваше опасеніе оказалось напраснымъ.

Гансъ. Да, оно очень угнетало меня. Вѣдь мои ноги—лучшіе друзья мои.

Труда. Вотъ какъ!

Гансъ. Именно. Я прямо-таки страстный пѣшеходъ.

Труда. Но при подобной погодѣ вамъ не слѣдовало пускаться въ такой далекій путь.

Гансъ. Меня какъ разъ и заманила мятель. Притомъ будь иначе—я не попалъ бы сюда. Развѣ вы не довольны?

Труда. Какъ можете вы спрашивать?

Гансъ (*продолжая ходить*). Путешествія! Но вѣдь только благодаря имъ можно увидѣть, пережить нѣчто настоящее. А затѣмъ—сознаніе своей самостоятельности! Кто ѣдетъ, тотъ слуга, кто идетъ пѣшкомъ, тотъ—баринъ.

Труда. Обыкновенно говорятъ наоборотъ.

Гансъ. Конечно, такъ какъ большинство смотритъ на міръ съ точки зрѣнія ѣдущихъ въ экипажѣ. Но отъ подобныхъ взглядовъ я свободенъ. Вы также?

Труда. Конечно, если вообще я могу говорить о міровоззрѣніи.

Гансъ. Почему же вы не могли бы?

Труда. Я живу въ такомъ уединеніи.

Гансъ. Да, но вѣдь и это—міръ.

Труда. Хорошо вамъ говорить! Вы сами не знаете, насколько вы достойны зависти.

Гансъ (*садится къ столу*). Положимъ, дѣло еще не такъ плохо. Но скажите-ка мнѣ: всю ли жизнь вы здѣсь прожили?

Труда. Нѣтъ. Года два я провела въ школѣ, въ главномъ городѣ нашей провинціи. Что это было за чудное время!

Гансъ. Пора мечтаній и любви на одинъ мигъ.

Труда. По этой части я немного знаю.

Гансъ. Но все же кое-что знаете?

Труда. Такъ, самую чуточку. Но не въ этомъ суть. У насъ была чудная учительница, начальница школы. У меня тепло становится на сердцѣ каждый разъ, какъ я только вспомню о ней.

Гансъ. Развѣ вы не поддерживаете съ нею сношеній?

Труда. Она умерла. Достаточно тяжелою люди сдѣлали ея жизнь. Подъ конецъ въ городѣ поднялась противъ нея цѣлая буря, ее называли передовою женщиной, революціонеркой, Богъ знаетъ чѣмъ. Бюргеры взяли своихъ дѣтей изъ школы—ей пришлось уложиться и странствовать. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ она умерла. Дочь ея, единственная моя подруга, теперь студентка въ Цюрихѣ.

Гансъ. А васъ не влекло туда?

Труда. Очень. Но вѣдь они, Господи Боже, прямо-таки убили бы меня. И потомъ я думаю, что изъ этого ничего бы не вышло. У меня нѣтъ такихъ способностей, какъ у Анны.

Гансъ. И по окончаніи ученья вы все время жили дома?

Труда. Около года. Затѣмъ я взяла мѣсто бонны, но это было невыносимо. Жена недостойно обращалась со мною, но еще недостойнѣе было обращеніе мужа. Я вернулась домой. Меня совсѣмъ запугало то, что мнѣ пришлось испытать.

Гансъ. А васъ не привлекала борьба, стремленіе пробиться?

Труда Я... я казалась сама себѣ такою безпомощной, покинутой. У меня никого не было, ни одной близкой души. Тутъ потеряешь и остатокъ мужества. Если бы я была мужчиной!

Гансъ. Вотъ желаніе, о которомъ теперь почти не приходится слышать.

Труда. Неужели?

Гансъ. Нѣтъ. Съ этимъ вопросомъ уже покончено. Женщины начинаютъ выше цѣнить себя. И, мнѣ думается, онѣ имѣютъ на то право.

Труда. А мнѣ... вы ставите въ укоръ недостатокъ гордости?

Гансъ. Я этого не скажу. Мнѣ вполнѣ понятна ваша робость. Но, говоря откровенно, она не вполнѣ извиняетъ васъ. Мужчина ли, женщина ли—никто не долженъ заглушать живущихъ въ немъ силъ. И если бы вы знали, какъ міръ нуждается въ силахъ...

Труда. Да, я знаю... хорошо знаю...

Гансъ. Въ женскихъ силахъ—въ особенности. Онѣ-то, главнымъ образомъ, и нужны для великаго общественнаго дѣла любви. Я знаю, что вы подъ словами *дѣло любви* не подразумѣваете того, что подразумѣваетъ громадное большинство молодыхъ дѣвушекъ...

Труда. Что такое?

Гансъ. Замужество.

Труда. О, нѣтъ! Конечно, нѣтъ.

Гансъ (*смотритъ на ея руку*). Насколько я слышалъ и вижу, вы—помолвлены.

Труда (*истинктивно прячетъ руку*). Да, но до свадьбы еще много времени осталось, она еще не скоро будетъ... (*Спѣша перемѣнить разговоръ*). Что я хотѣла сказать? Да! Я не приношу здѣсь никакой пользы, ни малѣйшей... Вы правы, дѣйствительно во мнѣ умираетъ какая-то сила. Вы говорили о женщинахъ, что онѣ призваны къ особой дѣятельности?

Гансъ. Безъ сомнѣнія. Гдѣ нужно помочь—онѣ, во всякомъ случаѣ, дѣлаютъ больше насъ. А помощь такъ нужна! Наша мужская помощь—чисто головная. Мы слишкомъ увлекаемся рядами статистическихъ вычисленій и погруженіемъ въ глубочайшія бездны философскихъ теорій, вмѣсто того чтобы дѣйствительно и успѣшно бороться съ нищетою. Мужчина задаетъ слишкомъ много вопросовъ, у женщинъ же всегда отвѣтъ наготовѣ. Языкъ ея и рука дѣйствуютъ быстрѣе. (*Шутливо*). Спросите-ка объ этомъ у мужей! (*Снова становясь серьезнымъ*). Женщина практичнѣе и въ то же время воспріимчивѣе въ своихъ ощущеніяхъ. И эта практическая наука сердца должна соединиться съ нашею теоретическою работою для того, что бы получились ощутительные результаты.

Труда (*которая слушала каждое слово, широко раскрывъ глаза*). Такимъ образомъ еще никто при мнѣ не говорилъ о женщинахъ и я вамъ очень благодарна...

Гансъ. За что?

Труда. За то, что вы поднимаете меня въ моихъ собственныхъ глазахъ,—пробуждается то, что во мнѣ заснуло.

Гансъ. Развѣ я дѣлаю это?

Труда. Да, и я желала бы, я такъ желала бы еще о многомъ услышать отъ васъ... (*Входитъ тетка съ ужиномъ*).

Явленіе II.

Тетка. Ты что же, Труда, еще и стола не накрыла? (*Труда встаетъ*). Чѣмъ же ты все время была занята?

Гансъ (*добродушно-шутливо*). Мы разговаривали. И знаете ли—о чемъ? О призваніи женщины.

Тетка (*Трудѣ*). Вмѣсто того, чтобы дѣлать то, что нужно. Вотъ это правильно.

Труда (*съ несвойственною ей рѣшительностью*). Будь покойна, тетя. Я знаю, что мнѣ нужно дѣлать.

Тетка (*смотритъ на нее съ изумленіемъ, затѣмъ, уходя, говоритъ рѣзко*). И безъ того уже ты была вся навыворотъ.

Гансъ (*равнодушно*). Тетушка любезна. Я думаю, она меня не переноситъ.

Труда. Она не переноситъ никого, кто умнѣе ее.

Гансъ. А я умнѣе?

Труда. Ну, конечно.

Гансъ. Такіе отзывы я люблю. И въ благодарность за нихъ, я хочу помочь вамъ.

Труда. Но это не мужское дѣло.

Гансъ. Что изъ того? Вы знаете, я стою за совмѣстную дѣятельность. (*Помогаетъ ей разостлать скатерть. Тетка возвращается*).

Тетка. Нечего сказать: накрыли! Совсѣмъ криво. (*Поправляетъ скатерть*).

Гансъ (*добродушно*) Кажется, на этотъ разъ совмѣстная дѣятельность пошла вкривь и вкось. Но что за бѣда? Первый блинъ—комомъ. (*Входитъ лѣсничій*).

Явленіе III.

Лѣсничій (*раздѣваясь*) Добрый вечеръ, господинъ Мейнке!

Гансъ. Добрый вечеръ, господинъ лѣсничій!

Лѣсничій. Ну, какъ дѣла? Чувствуете ли вы себя сколько-нибудь молодцомъ?

Гансъ Да, благодарю васъ. Я выкарабкался. Завтра попрошу, въ качествѣ выздоровѣвшаго, отпустить меня.

Лѣсничій. Ну, дѣло не къ спѣху!

Гансъ. Каково у васъ въ участкѣ?

Лѣсничій. Недурно. Со свѣжими обвалами обстоитъ лучше, нежели я предполагалъ.

Гансъ. Это меня радуетъ.

Лѣсничій (*потирая руки*). Такъ! Теперь мы подкрѣпимъ наше внутреннее я (*садится*). Занимайте мѣсто, господинъ Мейнке. Я полагаю, ты приготовишь намъ грогъ, тетя Ида? Или нѣтъ. Сдѣлай лучше ты, труда. Ты—добрѣе.

Явленіе IV.

Францъ (*входитъ, не здороваясь. Не обращая вниманія на Ганса, онъ подходитъ къ Трудѣ*). Добрый вечеръ, сокровище мое! (*Онъ хочетъ обвить ея станъ рукою, она схватываетъ его руку, здоровается съ нимъ краткимъ рукопожатіемъ и идетъ къ печкѣ чтобы достать кипятку для грога*).

Лѣсничій. Садись, Францъ, и оставь дѣвочку въ покоѣ. У нея ничего не осталось для тебя: грогъ слѣдуетъ приготовлять съ любовью. (*Гансу*). У насъ уютно, не такъ ли? (*Гансъ киваетъ съ видимымъ сочувствіемъ, лѣсничій продолжаетъ, косясь на тетку Иду, которая держится поодаль, нахмуренная и злая*). Есть, конечно, непріятныя стороны... Но, Господи Боже мой, гдѣ же на свѣтѣ не бываетъ такихъ сторонъ!

Гансъ (*улыбаясь*). Такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ.

Лѣсничій. Ну, а теперь за ѣду! (*Онъ снимаетъ крышку съ миски, поставленной по серединѣ. Тетка и Труда садятся, первая разливаетъ. Всѣ ѣдятъ. Лѣсничій между ѣдою пробуетъ грогъ*). Славный грогъ! (*Трудѣ*). Я всегда говорилъ, что ты женщина съ большими способностями. Францъ, поздравляю тебя.

Францъ (*сумрачно*). Благодарю.

Лѣсничій. Выпейте же и вы, господинъ Мейнке. (*Гансъ поднимаетъ стаканъ и чокается съ нимъ. Онъ хочетъ также чокнуться съ Францемъ, но тотъ, словно не замѣтивъ его движенія, быстро подноситъ стаканъ къ губамъ*).

Труда (*замѣтивъ это, чокается съ Гансомъ*). За ваше здоровье!

Лѣсничій (*еще разъ чокаясь съ нимъ*). Къ этому и я присоединяюсь. Но за ваше здоровье вамъ слѣдуетъ также и ѣсть. Можно еще прибавить вамъ?

Гансъ. Нѣтъ, право достаточно. Благодарю васъ.

Лѣсничій. Да вы ничего не кушаете. Вамъ слѣдуетъ ѣсть основательно, нельзя остаться навѣкъ такимъ поджарымъ, какъ охотничій песъ. Головной трудъ—не пустяки, а щеки вѣдь также составляютъ часть головы.

Гансъ (*смѣется*). Великолѣпно сказано. Это—неоспоримый фактъ.

Лѣсничій (*продолжая неторопливо ѣсть*). Не совсѣмъ ужъ мы здѣсь дураки (*кончаетъ вторую тарелку*). А теперь я хотѣлъ кое-что сказать вамъ... Такъ вы окончательно отказываетесь ѣсть?

Гансъ. Благодарю. Я совершенно сытъ.

Лѣсничій (*наливая себѣ третью порцію*). Такъ вотъ... Вы знаете, у древнихъ народовъ было въ обычаѣ, когда къ нимъ въ домъ являлись незнакомцы, не требовать отъ нихъ сразу паспорта. Имъ давали выпить и закусить, и уже послѣ того какъ они насытились, ихъ начинали осыпать вопросами. Это называлось гостепріимствомъ. Вы слыхали объ этомъ, не правда ли?

Гансъ. О, да!

Лѣсничій (*ѣстъ*). Я считаю такой обычай вполнѣ разумнымъ. Таково и мое понятіе о гостепріимствѣ; не слѣдуетъ у незнакомца, упавшаго къ вамъ вмѣстѣ со снѣгомъ на голову, спрашивать: кто онъ? ранѣе чѣмъ вы со спокойной совѣстью можете снова высадить его за дверь.

Гансъ (*смѣясь*). Итакъ, вамъ желательно теперь узнать: кто я?

Лѣсничій (*отирая губы*). Именно! Вы поняли мои деликатные намеки. Итакъ, что вы за человѣкъ? Что вы ученый—это я сообразилъ, но мнѣ хотѣлось узнать побольше. Откуда вы явились?

Тетка (*вполголоса Францу*). Сдается мнѣ, онъ не скажетъ болѣе того, что захочетъ.

Гансъ (*съ веселымъ непринужденнымъ взоромъ*). Откуда явился я? Видите ли, это дѣло особаго рода. Я выхожу изъ тюрьмы.

Францъ. Что такое?..

Лѣсничій (*пораженный*). Ка...акъ? Изъ настоящей тюрьмы?

Гансъ. Да.

Лѣсничій. Вотъ такъ штука!

Гансъ. Ничего съ этимъ не подѣлаешь.

Лѣсничій. Силы небесныя! Изъ-за чего же вы тамъ сидѣли?

Гансъ. Вы узнаете и это. Итакъ, я—писатель...

Лѣсничій. Развѣ имъ запрещено нынче гулять на свободѣ?

Труда. Отецъ!

Лѣсничій. Ну, продолжайте.

Гансъ. Въ общемъ меня считаютъ за безобидно-довольнаго европейца. По своему, пожалуй, я и дѣйствительно таковъ. Но въ духѣ довольства я никогда не писалъ, въ моихъ писаніяхъ я всегда занимался изнанкою жизни. Вотъ на одномъ изъ такихъ изслѣдованій я и попался.

Лѣсничій. Ну?

Гансъ (*сдѣлавшись совсѣмъ серьезнымъ*). Я пробылъ мѣсяца два въ Гамбургѣ, гдѣ основалось нѣчто вродѣ убѣжища для безпріютныхъ. Мнѣ хотѣлось ближе съ нимъ ознакомиться. Я одѣлся по-нищенски и

присоединился къ отверженнымъ. Три дня и три ночи провелъ я вмѣстѣ съ ними.

Тетка (*Францу*). Если только это правда—вотъ сумасшедшій!

Гансъ. Ночью отправился я въ убѣжище. Всего, что тамъ я увидѣлъ—было черезчуръ достаточно даже для меня, съ которымъ бѣдность всегда шла одною дорогой. Однажды вечеромъ—тутъ-то бѣда и приключилась,—я увидѣлъ, какъ одинъ изъ смотрителей грубо обошелся со старикомъ: ударилъ его. Старикъ былъ виноватъ, положимъ, но все во мнѣ закипѣло. Я потребовалъ у смотрителя отчета, онъ толкнулъ меня въ грудь... Возбужденный, я снова сталъ наступать на него... Тогда онъ ударилъ меня въ лицо...

Францъ. Подѣломъ.

Гансъ. Разумѣется я отвѣтилъ тѣмъ же. На помощь мнѣ подскочили другіе—словомъ произошелъ маленькій бунтъ. Затѣмъ насъ забрали. А потомъ дѣло пошло въ судъ и насъ присудили къ тюремному заключенію—меня на меньшій срокъ, нежели другихъ, хотя на меня указывали, какъ на главнаго зачинщика. Судъ допустилъ по отношенію ко мнѣ какія-то смягчающія обстоятельства. У нѣкоторыхъ это вызвало даже неудовольствіе. Какой-то анархистскій листокъ зашелъ настолько далеко, что увидалъ во мнѣ агента-подстрекателя.

Лѣсничій. Фу, чортъ! Что это за штука?

Гансъ. Человѣкъ, умышленно подстрекающій людей на противузаконныя дѣла.

Лѣсничій (*качая головою*). Да, да, вотъ что значитъ попасть не въ свою компанію!

Францъ. Кто братается съ оборвышами, тотъ и самъ прослыветъ за оборвыша: въ моемъ мнѣніи также.

Труда. Кто не похожъ на всѣхъ и потому идетъ своимъ путемъ, тотъ легко можетъ зайти туда, туда... гдѣ пониманіе другихъ людей кончается.

Тетка (*Францу*). Ей необходимо вставить свое слово.

Францъ (*дрожа отъ возбужденія*). Да. (*Трудѣ*). Послушай, я долженъ...

Лѣсничій (*водворяя спокойствіе*). Стой во фронтъ! На плечо! (*Гансу*). Дѣло обстоитъ такъ: серебряныхъ ложекъ, во всякомъ случаѣ, вы не воровали. Правильно ли вы поступили—не берусь утверждать, но мы не будемъ ссориться изъ-за этого. Труда! Еще стаканчикъ грогу! (*Труда наливаетъ*). Ну и сумасбродный же вы человѣкъ! Путается съ ночлежниками. Часто ли вы продѣлываете подобныя штуки?

Гансъ. И всегда—съ любовью.

Лѣсничій. Но вѣдь это...

Тетка. Бродяжничество!

Гансъ. Пускай! Бродяга такъ бродяга! Вѣроятно, во мнѣ есть частица цыганской крови.

Лѣсничій. А каково жилось вамъ подъ замкомъ?

Гансъ. Первое время было ужасно, но я преодолѣлъ себя. Впослѣд-

ствія же мнѣ стало казаться, что міръ, лежащій по ту сторону рѣшетки, находится въ заточеніи, а я—на свободѣ.

Лѣсничій. Вотъ такъ штука!

Гансъ. И все же я безгранично обрадовался, придя снова въ общеніе съ міромъ, и сейчасъ же—давай Богъ ноги! Я хотѣлъ добраться до Берлина пѣшкомъ.

Лѣсничій. Теперь ужъ вамъ придется отложить объ этомъ попеченіе.

Гансъ. Пожалуй.

Лѣсничій. Но, скажите-ка мнѣ; если вы такъ любите скитаніе, вѣдь вы не успѣваете путемъ работать?

Гансъ. Наоборотъ. Въ скитаніяхъ я нахожу отвѣты на всѣ мои вопросы.

Лѣсничій (*покуривая трубку*). Какіе такіе вопросы?

Гансъ. Видите-ли, всегда является нѣчто новое, требующее кореннаго изслѣдованія. Многое приходится изучать. Кто говоритъ, что мы ничему не можемъ научиться—тотъ лжетъ и лжетъ! Можно многому научиться, стоитъ только приняться какъ слѣдуетъ.

Лѣсничій. Прекрасно. А когда вы получите отвѣтъ?

Гансъ. Я принимаюсь за писанье.

Лѣсничій. На ходу?

Гансъ. Не всегда же я валяюсь подъ заборомъ. Зимою у меня есть постоянное жилище—въ Берлинѣ. Тамъ-то я и работаю; конечно, и тутъ безъ бѣготни не обходится. За то по веснѣ—я снова въ путь, по горамъ и доламъ! Въ большинствѣ случаевъ—пѣшкомъ, и тогда уже со мною говоритъ природа.

Труда. Чудная жизнь!

Францъ (*свирѣпо*). Презрѣнное тунеядство!

Гансъ (*не обращая вниманія, Трудѣ*). Еще бы!

Лѣсничій. Все же это—безалаберная жизнь. По моему, порядочному человѣку слѣдуетъ гдѣ-нибудь основаться.

Гансъ. Согласенъ—когда пора скитаній останется позади. Но для меня она далеко еще не миновала. Притомъ у меня она, вѣроятно, продлится значительно долѣе, чѣмъ у другихъ.

Лѣсничій. Чудакъ вы—да и только! Не совсѣмъ я разберу васъ, но несмотря на это, вы мнѣ нравитесь. (*Хлопаетъ его по плечу и смотритъ ему въ лицо*).

Гансъ (*спокойно выдерживаетъ взглядъ*). Радуюсь этому, господинъ лѣсничій. (*Пауза*).

Труда. Значитъ теперь вы возвращаетесь въ Берлинъ?

Гансъ Да, mademoiselle Труда.

Труда. И пробудете тамъ всю зиму?

Гансъ. Если ничто не помѣшаетъ—да.

Труда. Вы что нибудь пишете теперь? (*онъ молчитъ*). Простите, это навязчивый вопросъ?

Гансъ. Нѣтъ, но вообще я неохотно говорю...

Труда (*краснѣя*). Пожалуйста простите.

Гансъ. Нѣтъ, я не въ томъ смыслѣ... Если вы желаете знать... (*подвигается къ ней такимъ образомъ, что оба они образуютъ группу, противоположную другой*). Вамъ я охотно скажу. Я работаю надъ романомъ, который называется «Голодные».

Труда. Голодные?

Гансъ. Вамъ не нравится заглавіе?

Труда. Очень нравится. Это трудная задача.

Гансъ. Пожалуй, слишкомъ трудная для нашего брата. Для этого надо быть Данте. Но и добрая воля кое-что значитъ. Быть можетъ, мнѣ удастся встряхнуть одного-другого...

Труда. Встряхнуть сытыхъ?

Лѣсничій (*ухмыляясь, поглаживаетъ себя по животу*). Ого!

Гансъ. Сытыхъ и лѣнивыхъ.

Труда. Да, лѣнь и пресыщеніе почти всегда идутъ рука объ руку. Мнѣ то же было бы полезнѣе, если бы я не всегда наѣдалась досыта.

Тетка. Господи Владыка! (*показываетъ Францу на лобъ. Тотъ мрачно слѣдитъ за обоими*).

Труда (*Гансу*). Вамъ, конечно, приходилось?...

Гансъ. Зачастую голодать, хотите вы сказать? Будьте покойны. Мнѣ приходилось достаточно скверно. Но все же я, въ концѣ-концовъ, пробился, хотя, конечно, и въ моей судьбѣ голодовка играетъ не послѣднюю роль, но рѣчь идетъ о другомъ, и эта исторія—весьма печальная...

Труда. Пожалуйста разскажите!

Гансъ (*очень серьезно*). У меня не выходитъ изъ головы судьба друга.

Труда. Что же онъ?

Гансъ. Попросту умеръ съ голоду.

Труда. Боже!

Гансъ. Онъ былъ человѣкомъ болѣе крупнымъ и свободнымъ, чѣмъ остальные—кажется, такихъ людей называютъ непрактичными. Онъ не могъ примириться, не могъ лгать и пресмыкаться, а потому бѣдствовалъ. Подумайте сами, какой-то писатель, претендующій на особое пониманіе! Онъ не умѣлъ клянчить и пристраивать свои произведенія. Дѣло дошло до того, что ему буквально нечего было ѣсть.

Труда (*потрясенная*). Какъ ужасно!

Гансъ. Мы слишкомъ поздно все узнали. Съ его гордостью и упрямствомъ, онъ держался въ сторонѣ отъ всѣхъ. Когда мнѣ удалось проникнуть къ нему, онъ уже былъ смертельно боленъ отъ истощенія. И конецъ вскорѣ наступилъ. (*Труда утираетъ глаза*). Много, хотя все же не достаточно, писалось о тѣхъ, кого нужда заставляетъ голодать. Теперь мнѣ хотѣлось бы воспѣть тѣхъ, кто голодаетъ изъ гордости и кому, вслѣдствіе чрезмѣрной стыдливости ихъ, міръ дозволяетъ гибнуть. Покуда возможно, чтобы величайшая

душевная чистота, благороднѣйшая, тончайшая чувствительность—были обречены у насъ на нищету и голодную смерть, покуда условія жизни ненормальны, мы должны бороться изо всѣхъ силъ...

Труда (*увлеченная*). Да, бороться...

Францъ (*потерявъ самообладаніе, вскакиваетъ*). И тебѣ не стыдно тянуть ту же канитель?

Труда. Стыдно? Всего готова я стыдиться, только не этого! У меня..

Францъ. У тебя извращены понятія, ты забываешь о своихъ обязанностяхъ, если можешь быть заодно съ голодающими...

Труда (*возбужденно*). Ты... ты можешь думать, что тебѣ угодно.

Францъ. Съ голодающими по собственной винѣ! Если бы они разумно работали, имъ не пришлось бы голодать.

Тетка. Совершенно вѣрно.

Гансъ (*Францу*). Вы не понимаете, въ чемъ дѣло.

Францъ. Съ вами я не говорю. Я слишкомъ себя уважаю. Но я не хочу, чтобы моя невѣста... Я запрещаю тебѣ...

Труда. Что же ты запрещаешь мнѣ?

Францъ (*кипя гнѣвомъ*). Я не хочу, чтобы ты распространялась, чтобы ты говорила съ нимъ—съ тунеядцемъ, съ острожникомъ...

Труда. Францъ!

Лѣсничій (*стукнувъ по столу*). Клянусь силами небесными—довольно! Кто хозяинъ здѣсь въ домѣ? Кто здѣсь распоряжается—ты или я? И какъ ты посмѣлъ оскорбить гостя, моего гостя? Проси у него прощенія!

Францъ. Нѣтъ!

Гансъ (*стараясь успокоиться*). Не нужно, господинъ лѣсничій, право не нужно. Онъ не обидѣлъ меня.

Лѣсничій (*Францу*). Чертовски горячая у тебя голова! (*вставая*). Не мѣшаетъ прохладить ее. Пойдемъ-ка со мною къ снѣжнымъ заваламъ.

Францъ. Сейчасъ?

Лѣсничій. Да, сейчасъ. Именно сейчасъ. Не подождать ли оттепели, покуда погребъ снова наполнится водою? Маршъ!

Францъ (*который неохотно одѣлся, оборачивается къ Трудѣ*). Труда!

Труда. Что?

Францъ. Мы поговоримъ съ тобой послѣ.

Труда. Хорошо, хорошо.

Гансъ. Не подсобить ли, господинъ лѣсничій?

Лѣсничій. Отлично. Ну, не скучайте безъ насъ. Идемъ, Францъ. (*Уходятъ. Тетка убираетъ со стола*).

Явленіе V.

Труда (*Гансу*). Вы все-таки обижены... всѣмъ этимъ, не такъ ли?

Гансъ. Увѣряю васъ—нѣтъ. Въ первую минуту я былъ взволнованъ, но я легко отдѣлываюсь отъ подобныхъ впечатлѣній. Теперь я

*

уже совсѣмъ объ этомъ не думаю. Боже мой, не могу же я требовать, чтобы всѣ люди видѣли во мнѣ достойнаго согражданина! (*Тетка уходитъ, бросивъ на него сбоку презрительный взглядъ*).

Труда. Это зависитъ отъ человѣка.

Гансъ. Конечно.

Труда. И если немногіе могутъ оцѣнить по достоинству васъ и вашъ трудъ...

Гансъ. То нѣкоторые все же оцѣнятъ?

Труда. Да!

Гансъ. Вы сказали это такъ рѣшительно. Значитъ я могу порадоваться?

Труда. Чему?

Гансъ. Могу порадоваться, что вы не совсѣмъ чужды моимъ стремленіямъ?

Труда. Развѣ я могу быть имъ чуждой?

Гансъ (*горячо*). Вотъ это славно!

Труда. Какъ все ожило во мнѣ отъ вашихъ словъ. Никогда я не смогу достаточно отблагодарить васъ... И вы глубоко меня пристыдили.

Гансъ. Пристыдилъ?

Труда. Да. Вы знаете, я здѣсь бездѣльничаю, а въ мірѣ такъ много дѣла.

Гансъ. Такъ это измѣнится?

Труда. Должно. Скажите сами, могли бы вы уважать меня, если бы я продолжала сидѣть за печкой? И могла ли бы я сама уважать себя? Нѣтъ и нѣтъ! Я должна чему-нибудь научиться, должна что-нибудь сдѣлать.

Гансъ (*раздумывая*). Если вы серьезно хотите...

Труда. Да, хочу.

Гансъ. Тогда вамъ слѣдуетъ помочь.

Труда. У васъ есть что-нибудь подходящее?

Гансъ. Да, я могъ бы предложить вамъ поле дѣятельности.

Труда. Гдѣ же оно?

Гансъ. У меня въ Берлинѣ есть сестра, старшая сестра. Она—вдова и завѣдуетъ дѣтскимъ садомъ. Не часто встрѣчается такая свѣтлая голова и горячее сердце, какъ у нея. Она указала бы вамъ настоящій путь. При своихъ большихъ связяхъ, она, несомнѣнно, нашла бы для васъ подходящее мѣсто.

Труда (*со сверкающимъ взоромъ*). Если бы это могло осуществиться!

Гансъ. У нея составился большой, интересный кругъ знакомыхъ. Въ ея скромной квартирѣ собираются выдающіеся люди среди нихъ есть писатели, художники, люди практическаго дѣла. Много образованныхъ, развитыхъ женщинъ, между прочимъ—и женщины, посвятившія себя наукѣ. Тамъ вы найдете всегда новыя вѣянія, новую пищу для души и ума.

Труда. Вотъ бы мнѣ туда попасть!

Гансъ (*запнувшись*). Охотно я помогъ бы вамъ, ничего не сдѣлалъ бы я охотнѣе... но...

Труда (*опасливо*). Что вы хотите сказать?

Гансъ (*твердо*). Ни за какія блага я не желалъ бы внести разладъ въ этотъ домъ! Конечно, у васъ есть собственная воля и вы стремитесь идти своимъ путемъ, но что, если окружающіе васъ будутъ огорчены или оскорблены вашимъ уходомъ?

Труда. Какъ вы думаете могла бы я это сдѣлать тайно?

Гансъ. Нѣтъ.

Труда. Или пойти противъ ихъ желанія?

Гансъ. Послѣднее—скорѣе.

Труда. Нѣтъ, и это не годится. Я должна поговорить съ ними. Прямо сказать имъ всю правду.

Гансъ. Ну, понятно.

Труда. Не совсѣмъ легко мнѣ это будетъ.

Гансъ. Почему?

Труда. Изъ этого вы можете видѣть, какъ я малодушна, когда мнѣ нужно чего-нибудь требовать.

Гансъ. Ну, тогда...

Труда. Нѣтъ, нѣтъ, вы не должны сомнѣваться въ первомъ проявленіи моей воли. Мнѣ надо вырваться изъ этой безполезной жизни и я предъявлю свои требованія. Мои близкіе должны будутъ согласиться; вѣдь ясно, что здѣсь я извожусь. А этого они менѣе всего могутъ желать. Я выскажу открыто все, что у меня на душѣ.

Гансъ. Вотъ и хорошо. Ничего невыясненнаго не можетъ и не должно быть.

Труда (*смотря въ даль*). Нѣтъ, нѣтъ, не будетъ.

Гансъ. Ну, а какъ только вы придете къ соглашенію съ родными— я готовъ, съ величайшею радостью, быть вашимъ проводникомъ. И вы увидите: моя сестра вамъ понравится, я увѣренъ, что вы близко сойдетесь съ нею. У насъ будутъ общія стремленія, общій трудъ.

Труда. Какъ прекрасно можетъ сложиться жизнь!

Гансъ. Завтра послѣ обѣда я буду уже въ Берлинѣ. Въ тотъ же вечеръ я пойду къ сестрѣ и все ей скажу.

Труда. Завтра? Вы уже хотите уѣхать?

Гансъ (*рѣшительно*). Да; вѣдь я здоровъ.

Труда. Такъ я сегодня же вечеромъ все выясню.

Гансъ. Отлично. Такимъ образомъ я буду знать завтра ваше рѣшеніе.

Труда. Да.

Гансъ. Затѣмъ вы извѣстите меня о пріѣздѣ и я встрѣчу васъ на вокзалѣ.

Труда. Правда?

Гансъ. Конечно. Вотъ вы раскроете глаза! Берлинъ... Большіе дома, толпа людей, яркое освѣщеніе...

Труда. Электрическое, не правда ли?

Гансъ. Да.

Труда. Подумайте, вѣдь я еще не видѣла электрическаго свѣта.

Гансъ. Что вы?

Труда. Только въ классѣ, во время физическихъ опытовъ, а въ жизни—ни разу.

Гансъ. Вамъ предстоитъ со многимъ ознакомиться.

Труда. Безъ сомнѣнія.

Гансъ *(долго смотритъ на нее).* Найдется ли еще другая такая затерянная въ глуши, завороженная дѣвушка со сказочными волосами?.. Ничего подобнаго имъ я не видывалъ. Вотъ такъ косы! Онѣ, пожалуй, достанутъ до земли.

Труда. Нѣтъ, онѣ не такъ уже длинны.

Гансъ. Знаете, чего бы мнѣ хотѣлось? Что бы вы распустили волосы. Мнѣ хочется взглянуть, достанутъ ли они до полу?

Труда, Я право...

Гансъ. Пожалуйста.

Труда *(колеблется, потомъ вынимаетъ шпильки).* Ну, вотъ.

Гансъ Великолѣпно! Изумительно! *(Беретъ одну косу въ руку).* Вы позволите? До чего густа и при этомъ какъ мягка и какъ тяжела!

Труда. Въ сущности онѣ—порядочное бремя. *(Закалываетъ волосы).* Отъ нихъ головѣ—не легче.

Гансъ. Значитъ, не безъ основанія утверждаютъ, будто женщины съ особенно длинными волосами склонны къ меланхоліи?

Труда. Именно. Длинные волосы—долгія думы... Женщины съ длинными волосами плетутъ безконечную сѣть мечтаній и окутываются ею. Какъ видите, длинныя косы—даръ сомнительнаго достоинства.

Гансъ *(шутя).* Слѣдовало бы ихъ обрѣзать.

Труда *(смѣясь).* Да, но не слѣдуетъ быть неблагодарной. Волосы мои спасли мнѣ однажды жизнь.

Гансъ. Какимъ образомъ?

Труда. Я провалилась въ полынью и меня вытащили за косы.

Гансъ. Боже!

Труда. Вотъ они—длинные волосы! Наоборотъ, теткѣ моей, младшей сестрѣ моей матери, они послужили орудіемъ смерти.

Гансъ. Она удавилась ими?

Труда. Да. До чего, однако, мы договорились!

Гансъ. Дѣйствительно.

Труда. Изъ этого вы можете видѣть, каковы бываютъ долгія думы. Но теперь вамъ пора отдохнуть.

Гансъ. Это правда, я немного усталъ.

Труда. Въ такомъ случаѣ, идите пожалуйста спать. Наверху все въ порядкѣ.

Гансъ. Иду. Итакъ, очарованная жизнь въ лѣсу кончается?

Труда. Должна кончиться. И какъ будетъ чудно, если ваша сестра пожелаетъ принять меня! Теперь я прямо не могу понять, какъ я могла такъ долго усидѣть здѣсь? *(Протягиваетъ руки).* Теперь пойдетъ по другому. Начну работать, буду приносить пользу.

Явленіе VI.

Гансъ *(беретъ ее за обѣ руки; тѣмъ временемъ входитъ тетка, но онъ ничуть этимъ не смущается).* Знаете ли, я совсѣмъ горжусь моею находкою въ лѣсной глуши? *(Труда опускаетъ глаза, тетка подозрительно наблюдаетъ за ними).* Мы будемъ добрыми товарищами.

Труда. Будемъ.

Гансъ. А теперь я пойду наверхъ. Итакъ—до завтра. Спокойной ночи.

Труда. Спокойной ночи. Добраго сна.

Гансъ. Благодарю васъ. *(Теткѣ).* Спокойной ночи.

Тетка *(коротко и сухо).* И вамъ.

Гансъ. Пожалуйста, m-lle Труда, передайте вашему отцу мой сердечный привѣтъ.

Труда. Благодарю. *(Они киваютъ другъ другу головою. Гансъ уходитъ, она растерянно смотритъ ему вслѣдъ).*

Тетка. Вы очень подружились.

Труда. Очень.

Тетка. Ну, да *(показываетъ на лобъ).* Вы подходите другъ къ другу. Но что-то скажетъ на это Францъ?

Труда. Ужъ это моя забота.

Тетка. Вотъ какъ! Сразу въ принцессы попала. Что значитъ благородное обхожденіе! Этотъ господинъ, какъ бы его назвать?..

Труда *(прерывая).* Пожалуйста! Не суди о людяхъ, которыхъ ты не понимаешь. Оставь господина Мейнке въ покоѣ. *(Входитъ лѣсничій).*

Явленіе VII.

Лѣсничій. Такъ! *(Снимаетъ пальто).* Ну и поработалъ же сегодня Францъ! Мы были у Чортовой ямы. Для сегодняшняго дня—будетъ. Туфли!

Труда *(подаетъ).* Отецъ, я хотѣла бы поговорить съ тобою...

Лѣсничій *(снимаетъ сапоги).* Что такое? Силы небесныя! Да помоги ты мнѣ сначала... *(Она помогаетъ ему).* Ну, что тамъ приключилось?

Труда. Я хотѣла бы говорить съ тобою наединѣ.

Лѣсничій. Вотъ какъ? Развѣ дѣло—такой большой важности? Трубку! Мейнке ушелъ спать?

Труда *(приноситъ трубку и зажигаетъ ее съ помощью фитиля).* Да, отецъ. Онъ просилъ очень тебѣ кланяться.

Лѣсничій. Гм!.. *(Садится въ уголъ дивана и вытягиваетъ ноги)*. Ну, въ чемъ же дѣло?

Труда. Тетя, будь добра, оставь насъ на минуту однихъ.

Тетка *(ворчливо)*. Часъ отъ часу не легче. *(Уходитъ)*.

Труда *(колеблясь)*. Отецъ, ты опять говорилъ вчера, что ты ничего не имѣешь противъ того, чтобы я поступила на мѣсто.

Лѣсничій *(пуская дымъ)*. Конечно.

Труда. Ну, а если бы мнѣ вздумалось теперь?

Лѣсничій. Теперь, когда ты скоро должна выйдти замужъ? Да ты съ ума сошла!

Труда. До замужества еще далеко—болѣе года... А ты знаешь, отецъ, я часто говорила, какъ я стремлюсь къ опредѣленной дѣятельности, я хочу работать...

Лѣсничій. Работы и здѣсь вволю. Стоитъ только приняться. Съ разведеніемъ овощей у насъ такъ ничего и не вышло.

Труда. Вѣдь ты же самъ говорилъ, что при нашихъ путяхъ сообщенія работа не окупается.

Лѣсничій. Конечно такъ, но, тѣмъ не менѣе, зарабатываютъ же на этомъ другіе лѣсничіе...

Труда. У нихъ больше способностей къ торговлѣ, чѣмъ у насъ.

Лѣсничій. По всей вѣроятности. Но это плохо. Будь все иначе—не пришлось бы намъ няньчится съ тетушкой-процентщицей. Вотъ зелье! Итакъ, ты говоришь, что желаешь поступить на мѣсто? Такъ сразу! А для чего? Для заработка?

Труда. И съ этой цѣлью также. Тебѣ порядочно пришлось истратить на меня, когда я была въ школѣ.

Лѣсничій. Да, пришлось-таки раскошелиться. Но милая тетушка была такъ добра: выручила. Зато съ тѣхъ поръ она такъ къ намъ привязалась...

Труда. А если бы мнѣ удалось вернуть деньги?

Лѣсничій. Чортъ возьми! Тогда можно было бы выставить старую каргу за порогъ. Силы небесныя! Вотъ было бы наслажденіе! Но жаль, что хорошая мысль поздно явилась у тебя. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ изъ этого ничего не выйдетъ. Ты—невѣста.

Труда. Отецъ, неужели же это значитъ, что я—плѣнница?

Лѣсничій. Какой вздоръ! Конечно, нѣтъ. Но теперь и другой имѣетъ на тебя права.

Труда. Ты уже говорилъ мнѣ это вчера... Итакъ, по твоему, вы оба,—онъ и ты можете располагать мною?..

Лѣсничій. А по твоему, это не такъ?

Труда. Нѣтъ, я не спорю... И съ Францемъ я поговорю потомъ... Теперь же я хочу просить тебя, отецъ... Я давно ни о чемъ тебя не просила...

Лѣсничій. Что-жъ тутъ хорошаго?

Труда. Не просила потому, что не о чемъ было... Ты, по добротѣ своей, давалъ мнѣ все нужное для моей здѣшней жизни. Но теперь, отецъ, дай мнѣ то, въ чемъ я нуждаюсь болѣе, чѣмъ въ остальномъ, иначе я сдѣлаюсь нравственной калѣкой, я умру, меня ожидаетъ гибель... Дай мнѣ увидѣть свѣтъ! Позволь мнѣ учиться и работать! Когда я вернусь,—я буду совсѣмъ другая, не такая сонная и вялая, и тебѣ я доставлю больше радости, отецъ.

Лѣсничій. Слушай, дочурка, ты говоришь съ такимъ волненіемъ и увѣренностью, какъ будто уже имѣешь въ виду нѣчто опредѣленное? Или все это—воздушные замки?

Труда. Да, отецъ, я имѣю нѣчто въ виду. Сестра господина Мейнке...

Лѣсничій. Какъ? Что такое?

Труда. У нея въ Берлинѣ дѣтская школа и большія связи.

Лѣсничій. Гм!.. А ты ее знаешь?

Труда. Нѣтъ, но я знаю это отъ господина Мейнке.

Лѣсничій *(спокойно)*. Такъ. Во всякомъ случаѣ, прежде необходимо навести точныя справки.

Труда. Ты не думаешь, отецъ...

Лѣсничій. Что Мейнке выдумываетъ? Нѣтъ. Но что вѣрно, — то вѣрно. Итакъ, вы переговорили между собой? Труда, я хочу задать тебѣ вопросъ. Изволь отвѣчать честно. Онъ—причиною того, что ты желаешь уѣхать?

Труда *(преодолѣвая смущеніе)*. Онъ, — причиною? Онъ обнадежилъ меня относительно мѣста, а затѣмъ... его взгляды, онъ самъ—подѣйствовали на меня оживляющимъ образомъ... Но вѣдь, ты знаешь, это стремленіе всегда было во мнѣ...

Лѣсничій. Довольно! Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга. Скажи мнѣ: говоря съ Мейнке, забыла ты о томъ, что ты—невѣста?

Труда (*съ безпокойно-робкимъ взоромъ*). Нѣтъ, нѣтъ, отецъ... Этого я не забывала.

Лѣсничій (*настойчиво*). Ты не вбила ли чего-нибудь себѣ въ голову? Не стремишься ли ты уйти отсюда ради него?

Труда Ради него? (*Овладѣвъ собою*). Нѣтъ, о нѣтъ! (*Судорожно выдерживаетъ его взглядъ, затѣмъ отворачивается*).

Лѣсничій. Хорошо. Теперь, по крайности, можно объ этомъ потолковать. Ты чувствуешь себя здѣсь несчастной?

Труда (*послѣ недолгаго колебанія*). Да, отецъ.

Лѣсничій. Ничего нѣтъ непонятнаго. Дѣла у тебя мало, а радостей — и того меньше. Я—старый ворчунъ...

Труда. Не это...

Лѣсничій. Оставь! Мы по своему все же любимъ другъ друга. А тутъ еще и тетка Ида въ домѣ. Труда! Дѣвчурка! Вотъ если бы намъ ее сплавить! (*Щелкаетъ языкомъ*). Въ сущности, если хорошенько все сообразить—твоя помолвка не можетъ быть помѣхою..

Труда. Не правда ли, отецъ?

Лѣсничій. Для васъ, помолвленныхъ, будетъ даже хорошо, если вы на время разстанетесь. Слѣдовательно, если найдется вѣрное и хорошее мѣсто и тебѣ захочется пожить на людяхъ—что-жъ? Съ моей стороны препятствій не будетъ.

Труда. Благодарю тебя, отецъ.

Лѣсничій. Остается сообразить еще одно: женихъ твой имѣетъ право голоса. Я не хочу, чтобы между вами произошелъ разладъ. Вѣдь у васъ все по прежнему, не такъ ли?

Труда (*киваетъ головою, отводя глаза*). Конечно, конечно.

Лѣсничій. Хорошо. Итакъ, съ моей стороны помѣхи нѣтъ. Если онъ также согласится—съ Богомъ. Да вотъ и онъ самъ. Можешь поговорить съ нимъ.

Явленіе VII.

Францъ (*входитъ, молчаливый и мрачный*).

Лѣсничій (*Францу*). Садись; Труда желаетъ поговорить съ тобою. (*Трудѣ*). Говори же.

Труда. Я... я уже говорила объ этомъ съ отцомъ...

Францъ (*рѣзко*). Вижу.

Лѣсничій (*примирительно*). Полегче!

Труда. Ты часто слышалъ отъ меня о моемъ желаніи учиться...

Францъ. Но къ чему? По моему, ты знаешь достаточно...

Труда. А по моему—нѣтъ. Это дѣлаетъ меня несчастной, но страдаете отъ этого и вы.

Францъ. Погоди, я вылѣчу тебя.

Труда. Для меня есть только одно лѣкарство.

Францъ. Какое же?

Труда. Мнѣ необходима правильная дѣятельность. Я хочу поступить на мѣсто.

Францъ. Поступить на мѣсто? Превосходно! И при этомъ, само собою, ты поступаешь такъ, какъ будто бы меня не существовало, или въ крайнемъ случаѣ, я имѣю право кивнуть головою въ знакъ согласія.

Лѣсничій. Смирно! Не бунтуйся понапрасну. Теперь тебя и спрашиваютъ: согласенъ ли ты?

Францъ. На подобное безуміе со стороны моей невѣсты? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Невѣста мнѣ ты, или не невѣста?

Труда. Да, Францъ...

Францъ. Хорошо. Такъ я не желаю, чтобы моя невѣста трепалась по мѣстамъ. Ужъ это послѣднее дѣло. И хотя бы тебѣ сто разъ хотѣлось этого—раньше надо было думать—теперь уже поздно (*Все громче и возбужденнѣе*). Теперь ты принадлежишь мнѣ и станешь дѣлать то, что̀ мнѣ угодно... Моя воля—твоя воля, собственной воли у тебя нѣтъ...

Ты должна повиноваться мнѣ. А я говорю: ты остаешься здѣсь. И дѣлу конецъ!

Лѣсничій (*стукнувъ по столу*). Силы небесныя! По твоему, кто кричитъ—тотъ и правъ? Тебѣ этого хочется. Нѣтъ, голубчикъ, такъ далеко мы еще не зашли. Во-первыхъ, надо взять въ разсчетъ—меня. Затѣмъ, если ты думаешь, что Труда—твоя служанка, ты сильно ошибаешься. А то, что ты говоришь насчетъ трепанія—ужъ совсѣмъ глупо. Дочь моя не треплется. И вовсе она не сумасшедшая отъ того, что захотѣла уѣхать отсюда. Въ пользу этого можно сказать многое, очень многое. Потому я и далъ ей мое согласіе, ну, да; я далъ его (*Вставая, спокойнымъ тономъ*). А если я согласился—то можешь согласиться и ты. Безъ твоего согласія дѣло, конечно, не обойдется, объ этомъ и рѣчи нѣтъ. Все должно идти своимъ порядкомъ, но для этого необходимо спокойствіе. Такъ-то! А теперь потолкуйте объ этомъ по хорошему. Я прошу васъ поладить такъ или иначе. Покойной ночи, Труда,

Труда (*беретъ его руку*). Покойной ночи отецъ. Еще разъ благодарю отъ души.

Лѣсничій. За что же? Покойной ночи, Францъ.

Явленіе VIII.

Францъ. Покойной ночи. (*Лѣсничій уходитъ*).

Францъ. Я знаю, знаю: кто вбилъ тебѣ въ голову такія мысли... Это тотъ молодчикъ, котораго мы вытащили изъ снѣгу: онъ, и никто другой. Я спасаю ему жизнь, а онъ вотъ какъ отплачиваетъ мнѣ! Если бы я это зналъ—я не пошевелилъ бы пальцемъ. Пусть бы чортъ побралъ его!

Труда. Францъ!

Францъ. Ты не станешь отрицать, что онъ—тому виною?

Труда. Отрицаю. Это—мое собственное рѣшеніе, я цѣлыми годами мечтала объ этомъ.

Францъ. И куда же ты думаешь ѣхать. Также въ Берлинъ?

Труда. Да.

Францъ. Конечно! Ну развѣ все не подстроено? Но этому не бывать..

Труда (*кладетъ руку на его руку*). Францъ! (*Онъ вздрагиваетъ*). По чему бы намъ не поговорить спокойно? Прошу тебя.

Францъ (*схвативъ ея руку*). Если онъ... если онъ хочетъ отнять тебя у меня—онъ не выйдетъ изъ дому живымъ.

Труда. Францъ, прошу тебя, будь сдержаннѣе. Какъ можешь ты воображать что-нибудь подобное? Какъ ты можешь?

Францъ. Онъ не намекалъ тебѣ о любви?

Труда. Нѣтъ, никогда!

Францъ. А съ твоей стороны?..

Труда (*неувѣренно*). Съ моей?.. Вѣдь ты знаешь, что я—твоя невѣста...

Францъ (*выпрямляясь*). Ну, да, конечно, все это вздоръ, если обдумать хорошенько... Какой-то молодецъ, праздношатающійся, да еще посидѣвшій въ тюрьмѣ, и—я. И къ подобному человѣку я ревную. Смѣшно!

Труда (*сохраняя спокойствіе*). Оставимъ его въ покоѣ. Дѣло идетъ обо мнѣ, обо мнѣ одной, о мѣстѣ, о дѣятельности для меня... Итакъ, я прошу тебя, Францъ, позволь, позволь мнѣ уѣхать...

Францъ. Нѣтъ, я не хочу, чтобы ты уѣзжала, не хочу разстаться съ тобою, не хочу...

Труда (*дрожа*). Францъ, не доводи меня до крайности.

Францъ. Что еще такое? Что ты хочешь сказать?

Труда (*съ возрастающею рѣшимостью*). Я... не позволю запереть себя... Отецъ уже сказалъ, что я тебѣ не служанка...

Францъ. Но ты невѣста мнѣ. Понимаешь ли ты, что это значитъ?

Труда. Если ты полагаешь, что имѣешь право попросту приказывать мнѣ—то мы не понимаемъ другъ друга. Вѣдь я существую сама по себѣ. (*Все возбужденнѣе*). Обдумай еще одно: въ качествѣ жениха и невѣсты, мы не навѣки связаны.

Францъ (*отступаетъ. Онъ не сразу можетъ придти въ себя*). И это.. ты говоришь мнѣ... теперь? Съ этою мыслью ты хочешь уѣхать отсюда?..

Труда (*полуотвернувшись*). Если ты не будешь противиться моему желанію, все останется по прежнему.

Францъ. А если я не допущу?..

Труда (*задыхаясь*). Тогда я ни за что не отвѣчаю.

Францъ. Ты могла бы разстаться со мною?

Труда. Въ такомъ случаѣ—да.

Францъ (*страстно*). Труда, развѣ ты больше не любишь меня?

Труда (*хрипло и поспѣшно*). Да, люблю, и если ты любишь меня согласись на мой отъѣздъ.

Францъ. (*хватается за воротъ*). Если такъ—можешь... ѣхать...

Труда. Благодарю тебя, Францъ. Ты увидишь: такъ лучше. Лучше для насъ обоихъ. (*Пауза*).

Францъ. (*медленно поднимаетъ на нее глаза*). Какъ ты блѣдна!

Труда. Я такъ устала... я падаю отъ усталости. Мнѣ хотѣлось бы лечь. Покойной ночи, Францъ. (*Даетъ ему руку*).

Францъ. Только и всего?

Труда. Мнѣ нездоровится. Покойной ночи. (*На ходу, съ закрытыми глазами подставляетъ ему губы. Онъ страстно цѣлуетъ ее*).

Францъ. Ты принадлежишь мнѣ. Иначе не можетъ быть. Можешь ты представить себѣ, чтобы все было по другому?

Труда. Нѣтъ, Францъ, нѣтъ.

Францъ. Скажи мнѣ правду: все ли по прежнему?

Труда. Конечно... да...

Францъ. Ну, разумѣется... Ты—моя навѣки. Ты вся, вся принад-

лежишь мнѣ... между нами не можетъ быть разлуки... И ты никогда не думала иначе, никогда?

Труда (*машинально качая головою*). Къ чему вопросы?

Францъ. (*съ дрожью*). Никогда я не откажусь отъ тебя, не отступлюсь отъ моихъ правъ на тебя... Никогда я этого не сдѣлаю.

Труда (*успокоительно*). Этого и не надо. А теперь—покойной ночи, Францъ. (*Онъ еще разъ страстно цѣлуетъ ее. Она идетъ въ свою комнату, въ которую ведетъ дверь направо. Онъ смотритъ ей вслѣдъ сверкающими глазами и дѣлаетъ движеніе, какъ будто желая удержать ее или послѣдовать за нею. Сейчасъ же входитъ тетка, съ зажженною свѣчею въ рукѣ*).

Явленіе IX.

Тетка. Одинъ?

Францъ. Да.

Тетка. Всѣ легли?

Францъ. Да.

Тетка. Лампа тускло горитъ. (*Осматриваетъ резервуаръ*). Нѣтъ больше керосину. Я думаю, и намъ пора. (*Гаситъ лампу*). Ты остаешься здѣсь?

Францъ. Я еще не могу спать.

Тетка (*подходитъ къ нему. Они въ полумракѣ, со двора слышно завываніе вьюги. Разговоръ ведется шепотомъ*). У тебя вышло что-нибудь съ Трудою?

Францъ. Почему ты думаешь?

Тетка. Такъ. (*Пауза*). Тутъ не было бы ничего удивительнаго.

Францъ. Что ты хочешь сказать?

Тетка. Послушай-ка... Труда... и этотъ молодчикъ, Мейнке...

Францъ (*возбужденно*). Что же они?

Тетка. Во всякомъ случаѣ, они очень сдружились.

Францъ. Развѣ ты что-нибудь замѣтила?

Тетка. Я вошла въ ту минуту, какъ она подала ему обѣ руки. Полагаю, и одной было бы достаточно?

Францъ. Ты это видѣла?..

Тетка. Въ сущности тутъ ничего такого нѣтъ, но хорошо, что онъ завтра отправляется во-свояси.

Францъ (*озлобленно*). Это его счастье.

Тетка. Видѣться имъ, конечно, больше не придется.

Францъ (*хватаясь за голову*). Да... Вотъ оно что! Онъ ѣдетъ въ Берлинъ и ей тоже нужно въ Берлинъ. (*Онъ сжимаетъ кулаки*).

Тетка. Вотъ какъ! Тоже въ Берлинъ! Гм!.. Вотъ почему ей понадобилось говорить по секрету съ отцомъ. И онъ позволилъ?

Францъ. Да.

Тетка. А ты?

Францъ (*глухо*). Я тоже согласился.

Тетка. Что—о?..

Францъ. Принудила она меня... Угрожала нарушить помолвку...

Тетка. Если ты ее не отпустишь? Невѣроятно!

Францъ. Она прямо заявила, что женихъ съ невѣстою не связаны навѣки...

Тетка. Конечно, нѣтъ, но могутъ быть и связаны.

Францъ. Если бы я не былъ такъ увѣренъ въ ея честности! Вѣдь она никогда не лжетъ. Она не можетъ меня обманывать. А она сама сказала, что между нами все остается по старому.

Тетка. Ну, если сама сказала...

Францъ. Ты слышишь, она дала мнѣ слово.

Тетка. Слышу.

Францъ. Не своди меня съ ума своими словами... Если я долженъ усомниться въ ней, то прежде чѣмъ потерять ее—я скорѣе рѣшусь на убійство...

Тетка. Зачѣмъ убійство?

Францъ (*все горячѣе*). Не таковскій я человѣкъ, что бы позволить играть собою. Что мое—то мое навсегда. И право мое остается моимъ правомъ. Кто не воспользуется своимъ правомъ, покуда еще не поздно—тотъ остается въ дуракахъ и нечего ему плакаться на другихъ. А я не дуракъ...

Тетка (*успокоительно*). Нѣтъ, но зачѣмъ тебѣ поднимать крикъ въ ночную пору. (*Подходитъ къ двери, отворяетъ ее и заглядываетъ въ комнату Труды*). Ну, ее мы не потревожимъ. Спитъ какъ убитая. Послушай-ка, вѣдь это все пустое. Но дѣвочка размечталась не въ мѣру. И знаешь, отчего это у нея?

Францъ. Отчего?

Тетка (*съ двусмысленной улыбкой*). Помолвка волнуетъ ее. Вотъ и все. (*Многозначительно*). И если ты не дуракъ...

Францъ. Что у тебя за мысли? Чего тебѣ вообще надо отъ меня? Развѣ я спрашивалъ у тебя совѣта? Мои дѣла касаются меня одного. Такой человѣкъ, какъ я, самъ сумѣетъ во всемъ разобраться.

Тетка. Конечно. Не сердись. (*Беретъ свѣчу и хочетъ идти*). Идешь, что ли?

Францъ. Неужели ты не найдешь дороги одна? (*Онъ смотритъ тупо въ одну точку, грудь его волнуется, затѣмъ глаза его останавливаются на двери, ведущей въ комнату Труды*).

Тетка. Въ такомъ случаѣ—доброй ночи. (*Уходитъ и запираетъ за собою дверь. На сценѣ—полный мракъ, не позволяющій ничего видѣть. На дворѣ воетъ буря. Затѣмъ слышенъ стукъ двери. Занавѣсъ быстро падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ 3-е.

(Та же декорація, какъ и въ первыхъ двухъ актахъ. Утро слѣдующаго дня. Печь только что затоплена. Лиза убираетъ комнату, она открыла окно. На столѣ горитъ кухонная лампа, блѣдный свѣтъ ея борется съ сумерками. Тетка приноситъ кофейный приборъ и ставитъ его на столъ. Ее лихорадитъ и она плотнѣе кутается въ платокъ).

Явленіе I.

Тетка (*закрывая окно*). Нужно же было такъ долго держать окно открытымъ! Въ такую туманную погоду... Это еще хуже, чѣмъ вчерашній холодъ.

(**Лиза** *ворчитъ про себя*).

Тетка (*смотритъ на дверь въ комнату Труды*). Труда еще не встала?

Лиза (*продолжаетъ работу*). Почемъ я знаю?

Тетка (*подходитъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ къ двери и тихо зоветъ:* Труда! *Она прислушивается, но не получивъ отвѣта, стоитъ въ нерѣшимости, рука ея опускается на ручку двери. Затѣмъ она оборачивается, возвращается къ столу и начинаетъ разставлять чашки*). Зачѣмъ горитъ лампа? На дворѣ совсѣмъ свѣтло. Вонъ ее!

Лиза (*гаситъ лампу*).

Тетка. Не здѣсь. Какой запахъ! Вынеси ее вонъ.

Лиза (*хладнокровно*). Ну, теперь ужъ поздно. (*Продолжаетъ уборку*).

Тетка. Вотъ безтолковая-то! Скоро ли ты кончишь?

Лиза. Сейчасъ. (*Не спѣша кончаетъ уборку, затѣмъ уходитъ. Тѣмъ временемъ входитъ Францъ, онъ бросаетъ мимолетный, робкій и сумрачный взглядъ на дверь, затѣмъ, не говоря ни слова, становится у стола, спиною къ двери*).

Явленіе II.

Тетка. Съ добрымъ утромъ, Францъ.

Францъ (*киваетъ головою*).

Тетка (*наливаетъ ему кофе*). Ты не хочешь сѣсть?

Францъ. Нѣтъ.

Тетка. Ты уходишь?

Францъ. Да.

Тетка. Такую рань и по такому туману?

Францъ. Ну, да. (*Наливаетъ горячій кофе на блюдечко*).

Тетка. Не хочешь ли закусить?

Францъ. Нѣтъ. (*Слышенъ голосъ лѣсничаго, говорящаго съ Лизою. Францъ берется за шляпу*).

Тетка. Ты не выпилъ и половины кофе.

Францъ. Больше не хочу.

Явленіе III.

Лѣсничій (*входитъ; видимо у него болитъ нога*).

Тетка и Францъ. Добрый день! (*Францъ идетъ къ двери*).

Лѣсничій. (*Францу*). Куда тебя несетъ спозаранку?

Францъ. Осмотрѣть силки. Не попалось ли какое-нибудь воровское отродье... (*Не прощаясь, поспѣшно уходитъ*).

Лѣсничій (*вслѣдъ*). Францъ! Куда тебѣ! Словно съ цѣпи сорвался! (*Сердито ковыляетъ къ столу и садится*).

Тетка (*попивая кофе, наблюдаетъ за нимъ*). Что съ тобою, нездоровится?

Лѣсничій (*третъ ногу*). Чертовски скверно спалъ, если хочешь знать. Проклятая ломота... И все это—изъ-за перемѣны погоды. (*Пьетъ*) Фу! Какая бурда!

Тетка. Ужъ не понимаю, почему сегодня кофе недостаточно крѣпокъ.

Лѣсничій. Ты, конечно, и нынче хорошо спала?

Тетка. Ничего себѣ.

Лѣсничій. Кто приготовляетъ такой кофе—тому хорошо спится, а вотъ порядочный человѣкъ долженъ мучиться... Какъ только вспомню я нынѣшнюю ночь! И чего, чего, только не слышится...

Тетка (*насторожась*). Что же такое?

Лѣсничій. Вѣроятно вѣтеръ завывалъ въ трубѣ, а казалось по временамъ, что плачетъ и всхлипываетъ человѣкъ... (*Пьетъ*). А гдѣ же Труда?

Тетка. Еще не выходила изъ своей комнаты.

Лѣсничій. Спитъ? Вѣрно опять читала до поздней ночи.

Тетка. Не знаю. (*Послѣ нѣкоторой нерѣшимости идетъ къ двери*). Посмотрю, что съ ней? (*Нажимаетъ ручку*). Заперлась.

Лѣсничій. Что такое? Этого обыкновенія у нея не бывало. Вѣроятно, она уклоняется отъ твоихъ утреннихъ посѣщеній. Ну, оставь ее. Налей-ка мнѣ еще этого пойла.

Гансъ (*входитъ*). Съ добрымъ утромъ!

Лѣсничій. А! Здравствуйте, господинъ Мейнке. Хорошо спали?

Гансъ (*откровенно*). Не могу этого сказать.

Лѣсничій. Тоже дурно спали? Значитъ вы—порядочный человѣкъ.

Гансъ. Вѣтеръ такъ жалобно завывалъ...

Лѣсничій. Я тоже слышалъ. Садитесь же и выпейте нашего такъ называемаго кофе.

Гансъ (*садится*). Благодарю васъ. (*Тетка подаетъ ему чашку*). Благодарю. А теперь, господинъ лѣсничій, могу я просить васъ просвѣтить меня относительно дороги? Какая ближайшая отсюда станція?

Лѣсничій. Анкерсхагенъ.

Гансъ. Далеко ли до нея?

Лѣсничій. Часа четыре ходьбы. Развѣ отъѣздъ назначенъ на сегодня?

Гансъ. Безотлагательно.

Лѣсничій. Но вѣдь вамъ не дойти пѣшкомъ. Вы еще не можете ходить попрежнему.

Гансъ. Могу; я снова способенъ пуститься въ путь. Дорогу не трудно найти?

Лѣсничій. Не трудно, хотя поднимается туманъ. Видите, какъ все заволокло? (*Встаетъ*). Выйдя отсюда, возьмите направо, тутъ заблудиться нельзя. По дорогѣ, обсаженной ветлами, вы дойдете прямо до шоссе.

Гансъ. Отлично. По дорогѣ встрѣтится какой-нибудь трактиръ?

Лѣсничій. На разстояніи двухъ съ половиною часовъ ходьбы, не ранѣе.

Гансъ. Это будетъ какъ разъ во-время. Нельзя ли поговорить съ m-lle Трудой?

Лѣсничій. Не понимаю, что такое съ дѣвочкой? Она еще не показывалась. Неужели до сихъ поръ она валяется въ постели? (*Хочетъ встать*).

Гансъ (*дотрогивается рукою до его руки*). Позвольте, господинъ лѣсничій... Говорила ли съ вами вчера дочь ваша о своихъ планахъ?

Лѣсничій. О поѣздкѣ въ Берлинъ и о поступленіи на мѣсто? Сначала я какъ-то не могъ взять этого въ толкъ, но теперь это не кажется мнѣ такимъ невозможнымъ. А разъ она забрала себѣ это въ голову—такъ, по мнѣ, пусть ѣдетъ.

Гансъ. Значитъ вы сами привезете m-lle Труду въ Берлинъ, не правда ли?

Лѣсничій. Я? Зачѣмъ?

Гансъ. А почему бы нѣтъ? Вы остановитесь, конечно, у меня. Мѣсто найдется, хотя отдѣльной комнаты я не могу вамъ предложить. Вы получите въ свое распоряженіе кровать, а я лягу на диванѣ. Не качайте головою, господинъ лѣсничій. Великолѣпно все устроится. Днемъ мы не будемъ бывать дома, а ночью—лишь отчасти. Осмотримъ Берлинъ и повеселимся. Какъ вы насчетъ этого полагаете?

Лѣсничій. Да, все это прекрасно, безъ сомнѣнія, но для нашего брата... какъ обсидишься на мѣстѣ...

Гансъ. Надо встряхнуться.

Лѣсничій (*потирая ногу*). Вотъ еще если бы кости были помоложе...

Гансъ. Ревматизмъ? Мы прогонимъ его. Словомъ, вы должны пріѣхать, господинъ лѣсничій.

Лѣсничій. Вѣдь не сегодня же.

Гансъ (*пишетъ*). Вотъ вамъ адресъ моей сестры. Черкните туда пару словъ, когда все наладится.

Лѣсничій. Посмотримъ.

Гансъ (*встаетъ*). А теперь—пора надѣвать ранецъ. Къ тому времени какъ я соберусь, m-lle Труда, вѣроятно, уже будетъ здѣсь? (*Уходитъ*).

Лѣсничій. Надѣюсь. (*Смотритъ на часы*). Уже восемь. Да когда же наконецъ?.. (*Подходитъ къ двери въ комнату Труды*). Что такое съ дѣвчонкой? (*Тетка уходитъ*). Труда! (*Стучитъ въ дверь*). Скоро ли ты?

Труда. (*изнутри, утомленнымъ голосомъ*). Сейчасъ, отецъ.

Явленіе IV.

Лѣсничій. Вотъ лѣность! Нечего сказать. (*Снова садится и набиваетъ трубку; слышенъ стукъ отодвигаемой задвижки, входитъ Труда. Лицо ея смертельно блѣдно, глаза опущены. Она хватается безсильно за косякъ двери руками и, подавляя рыданіе, прислоняется къ нему. Лѣсничій, который сидитъ къ ней спиною, продолжаетъ ворчать, набивая трубку*). Наконецъ-то! Мыслимо ли это... Ты хочешь завести новую моду. (*Оборачивается при ея приближеніи*). Труда! Дѣвчурка? На что ты похожа?.. (*Она закрываетъ лицо руками и всхлипываетъ*). Труда... Что же это? Что случилось? Да говори ты, Бога ради!

Труда (*рыдая*). Отецъ! Милый, милый отецъ!

Лѣсничій. Какъ? Ты не можешь сказать: что съ тобою? (*Она продолжаетъ плакать, качаетъ отрицательно головою*). Поди сюда, ближе... Отцу ты все можешь сказать. (*Она отнимаетъ руки отъ лица*). Погляди-ка на меня... (*Она опускаетъ голову и тяжело дышетъ*). Что же случилось? Почему ты внѣ себя? Я хочу знать.

Труда (*съ неудержимымъ рыданіемъ*). Францъ... (*глухо*) сегодня ночью...

Лѣсничій (*отшатнувшись*). Какъ? Что ты сказала?.. Францъ?! Невозможно!.. (*Она падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо руками. Рыданія потрясаютъ ея тѣло*). Чортъ возьми! Это... это... Мерзавецъ! (*Ласково гладитъ Труду по головѣ*).

Труда. Теперь... все... кончено...

Лѣсничій. Труда! Дѣвчурка! Труда!

Труда (*сжимаетъ его руку*). Отецъ... очень это... было дурно, что я... солгала? Что у меня не достало мужества сказать правду? Я солгала, отецъ, тебѣ солгала... и ему... Вы всѣ говорили правду, я одна оказалась лгуньей...

Лѣсничій. Что это значитъ, дочурка?

Труда. Если бы я хотя тебѣ сказала правду! Ты спрашивалъ меня... не забыла ли я, что я—невѣста?.. Я забыла это, отецъ... Я должна была сказать и тебѣ, и ему... Боже, Боже мой...

Лѣсничій. Надо найти выходъ, Труда. (*Она снова съ рыданіемъ закрываетъ лицо*). Въ сущности, выходъ—одинъ. (*Она громко стонетъ*). Труда, вѣдь ты моя дѣвочка! Но прежде я долженъ перевѣдаться съ нимъ, иначе я самого себя видѣть не могу... Это—самое первое. Онъ не отвертится, онъ долженъ держать отвѣтъ... Сейчасъ, сію минуту подавай мнѣ его сюда! (*Уходитъ. Труда остается неподвижной, опустивъ голову на руку. Затѣмъ входитъ Гансъ*).

—

Явленіе V.

Гансъ (*пораженный, видя ее въ этомъ положеніи*). M-elle Труда! (*Подходитъ*). Что съ вами? (*Она поднялась, лицо ея обращено въ другую сторону, она борется съ собою*).

Гансъ. (*протягиваетъ руку*). Вы не хотите подать мнѣ руки? (*Она подаетъ медленно, безсильно*). Не намѣрены ли вы заболѣть?..

Труда. (*слабо улыбаясь*). Нѣтъ... проходитъ... пройдетъ.

Гансъ. На васъ погода повліяла.

Труда. Вѣроятно.

Гансъ. (*стараясь развеселить ее*). Постойте, m-elle Труда, вотъ попадете вы въ Берлинъ... Ужъ тамъ хворать не полагается... На это нѣтъ времени. Я слышалъ отъ вашего отца, что онъ далъ свое согласіе. По всей вѣроятности, онъ самъ привезетъ васъ. Онъ почти обѣщалъ мнѣ это. Вамъ нужно только поправиться. (*Она молчитъ, видимо борясь съ собою. Онъ смотритъ на нее съ недоумѣніемъ, затѣмъ, какъ бы стряхивая съ себя всякую озабоченность и поднявшіеся въ умѣ вопросы, непринужденно прощается*). А теперь, m-elle Труда, я желалъ бы съ вами проститься. Сердечно благодарю васъ за все.

Труда. (*съ усиліемъ держась на ногахъ*). Вы хотите?.. Вы думаете?..

Гансъ. Да, если я хочу быть сегодня въ Берлинѣ, то не долженъ опаздывать. (*Смотритъ на часы*).

Труда. А какою дорогою?..

Гансъ. Я иду на Анкерсхагенъ.

Труда. Пѣшкомъ? Нѣтъ, это слишкомъ далеко... Вы не можете, не должны...

Гансъ. Что вы! Какихъ-нибудь два часа! Пустяки... Я радуюсь ходьбѣ.

Труда. Но въ такой туманъ... Если вы снова заблудитесь...

Гансъ. Невозможно! Путь прямой. Да, окрестность имѣетъ печальный видъ. Но за туманомъ скрывается завѣтная цѣль, и мы достигнемъ ея, не такъ ли? А теперь...

Труда (*почти безсознательно, мысли ея путаются*). Такой далекій путь... а вамъ ничего не дали съ собою на дорогу—никакой провизіи.

Гансъ. Не нужно, милая барышня, по дорогѣ есть трактиръ.

Труда (*поднимается*). Нѣтъ, нужно... Отецъ ни о чемъ не думаетъ, а тетка...

Гансъ. (*кладетъ ей руки на плечи и она вздрагиваетъ*). Пожалуйста! Сидите! Вамъ совсѣмъ нехорошо. Думайте о томъ, что вамъ необходимо какъ можно скорѣе поправиться. Я сейчасъ встрѣтилъ вашего отца—ему было не до прощанія—онъ заявилъ поспѣшно и сердито, что гонится за дикимъ звѣремъ (*Труда вздрагиваетъ*), и при этомъ такъ пожалъ мнѣ руку, что я буду чувствовать это пожатіе до самаго Анкерсхагена. (*Подаетъ руку*). Еще разъ сердечно благодарю за все. Вы

скоро получите отъ меня извѣстіе. Поправляйтесь скорѣе... Прощайте, m elle Труда, до свиданія! (*Жметъ ей руку, затѣмъ быстро уходитъ. Труда съ тоскою поднимается и опять опускаетъ голову на руку. Черезъ минуту она снова встаетъ, подходитъ къ окну и прижимается лбомъ къ стеклу. Затѣмъ, громко зарыдавъ, она падаетъ грудью на подоконникъ; при этомъ движеніи косы ея распускаются. За сценою слышны громкіе голоса, можно разобрать брань лѣсничаго и короткіе, дерзкіе отвѣты Франца. Труда прислушивается, она вскакиваетъ и, хватаясь за голову, бѣжитъ въ свою комнату. Слышенъ стукъ задвижки. Сцена остается нѣкоторое время пустою*).

Явленіе VI.

Лѣсничій (*распахиваетъ входную дверь и входитъ вмѣстѣ съ Францемъ. Гнѣвъ его нѣсколько улегся*). Если бы я не успѣлъ одуматься—влетѣло бы тебѣ здорово! (*Сжимаетъ кулакъ*). Животное же ты послѣ этого! (*Ходитъ волнуясь по комнатѣ*).

Францъ (*вспыхнувъ*). Это...

Лѣсничій. Да, животное... Что за чортъ въ тебя вселился?.. (*Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, подходитъ къ двери*). Труда! (*отвѣта нѣтъ, нажимаетъ ручку*). Труда! (*стучитъ кулакомъ*). Тамъ ли ты? Силы небесныя! Что я долженъ думать? (*Дергаетъ ручку изо всѣхъ силъ, замокъ не подается*). Если такъ—(*Напираетъ плечомъ на дверь, она растворяется*). Боже! Что это?.. (*Кидается въ комнату Труды*).

Францъ. Труда! (*Также бросается туда. Входитъ крадучись тетка, которая съ возбужденнымъ видомъ и горящими глазами заглядываетъ въ комнату и затѣмъ пораженная падаетъ на стулъ у стола*).

Лѣсничій (*за сценою, жалобно*). Труда!.. Дѣвчурка... Труда!..

(*Занавѣсъ быстро падаетъ*).

КОНЕЦЪ

ПЕРЕДЪ ОСЕНЬЮ.

День цѣлый сегодня я не работаю,
Мыслей собрать не могу;
Рядъ образовъ смутныхъ, полныхъ заботою,
Вижу на каждомъ шагу.

Долго стою предъ раскрытыми окнами,
Въ садъ мой заглохшій смотрю...
Тѣни бѣгутъ въ немъ, сплетаясь волокнами
И погашая зарю.

Съ шумомъ глухимъ надъ зелеными купами
Вѣтеръ холодный бѣжитъ...
Полнъ я слезами какими-то глупыми,
Грудь отъ тревоги дрожитъ.

Близится осень... Ужъ въ воздухѣ чуется
Холода первый набѣгъ;
Садъ мой—еще не отцвѣтшій—волнуется,
Словно живой человѣкъ...

Смутныя тѣни бѣгутъ и сгущаются,
Глохнетъ прерывистый шумъ...
Грустные образы вновь возвращаются,
Полонъ безсилія умъ.

Жалобно стонетъ тоскливою нотою
Вѣтромъ взволнованный садъ...
Я же—угрюмый—весь день не работаю,
Я позабыться бы радъ...

Осень, ты, осень моя одинокая—
Какъ ты пугаешь меня!
Правда житейская, правда жестокая,
Не зажигаетъ огня;

Тѣни да тѣни... громадою сѣрою
Станутъ на стражѣ кругомъ,
И побѣдить ихъ настойчивой вѣрою
Я не сумѣю потомъ...

Я не сумѣю—затѣмъ, что заранѣе
Холодъ меня леденитъ,
Что прожитого тоска и страданіе—
Съ міромъ меня единитъ...

Цѣлую ночь передъ окнами выстою:
Буду съ тревогою ждать—
Можетъ быть, ночью осеннею, мглистою
Въ грудь снизойдетъ благодать...

Ночь, а еще не охваченъ дремотою
Садъ, мой запущенный садъ...
Глядя въ окно на него, не работаю,
Мыслямъ унылымъ не радъ.

Грудь наполняется новыми звуками;
Ищутъ исхода они,
Чтобы воспрянуть надъ общими муками
Въ наши суровые дни.

Ахъ, если бы яркою пѣснью призывною
Глушь пробудить и нужду...
Мучусь и думаю... Пѣснь заунывную
Вѣтеръ слагаетъ въ саду.

П. Блиновскій.

НОВАЛИСЪ, ПОЭТЪ ГОЛУБОГО ЦВѢТКА*).

1772—1801.

Dans l'abstraction, le rêve et le symbole.
Taine.

Сто лѣтъ тому назадъ сошелъ въ могилу молодой нѣмецкій писатель, почти юноша, который, благодаря особенностямъ своей натуры, соединилъ, какъ бы въ фокусѣ, умственныя тенденціи своего поколѣнія и во многихъ случаяхъ высказалъ идеи, обнаружилъ настроенія, не только господствовавшія среди пережившихъ его сверстниковъ, но и до нашихъ дней выплывающія нерѣдко въ той или иной своеобразной формѣ. Печаль, въ которую повергла смерть Новалиса его друзей, въ значительной степени усиливалась еще мыслью, что писательская дѣятельность этого юнаго мечтателя казалась едва начавшеюся. Внѣ тѣсныхъ рамокъ литературныхъ союзниковъ имя его ничего не говорило читателямъ. Когда его ближайшіе пріятели, Тикъ и Фр. Шлегель, тотчасъ послѣ его смерти, приступили къ изданію его сочиненій, то оказалось, что при жизни онъ успѣлъ напечатать всего нѣсколько стихотвореній, или скорѣе стихотвореній въ прозѣ, одну статью, да нѣсколько сотенъ философскихъ афоризмовъ. Въ его рукописяхъ не наш-

*) Весьма кстати къ столѣтнему юбилею смерти Новалиса вышло новое, весьма значительно дополненное изданіе его сочиненій: „Novalis Schriften“ kritische Neuausgabe auf Grund des handschriftlichen Nachlasses von *Ernst Heilborn*. Berlin 1901, въ двухъ частяхъ и трехъ томахъ. Тотъ же Хейльборнъ издалъ одновременно біографію Новалиса, составленную также на основаніи всего матеріала въ значительной степени до сихъ поръ необнародованнаго. Этою работою мы и будемъ пользоваться во всемъ, что касается событій жизни Новалиса. На русскій языкъ, насколько намъ извѣстно, не переведено ничего изъ произведеній разсматриваемаго писателя, а также нѣтъ ни одной оригинальной критической работы о немъ. Изъ переводныхъ изслѣдованій можно указать только соотвѣтственныя главы въ извѣстныхъ сочиненіяхъ Геттнера, Гайма и Брандеса. Изданная недавно статья Карлейля о Новалисѣ весьма мало содержательна; она написана въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка и имѣла цѣлью лишь указать англійской публикѣ на интереснаго и неизвѣстнаго ей писателя; главный интересъ статьи въ обширныхъ цитатахъ изъ сочиненій самого Новалиса.

лось также ни одного законченнаго произведенія: два начатыхъ романа, задуманныхъ по очень широкому философскому плану и много другихъ менѣе объемистыхъ отрывковъ,—вотъ все, чѣмъ обогатилось посмертное изданіе Новалиса. И все таки есть основаніе думать, что смерть на этотъ разъ не особенно жестоко ограбила потомство, что Новалисъ, какъ писатель, поэтъ и философъ, высказался вполнѣ и едва ли бы оставилъ намъ что-нибудь законченное, если бы и прожилъ въ два раза дольше, чѣмъ ему было положено судьбой. Отрывочность, разбросанность были коренными чертами литературной физіономіи Новалиса, какъ это съ осужденіемъ подчеркиваетъ Шеллингъ (письмо къ Авг. Шлегелю): «Я не могу выносить,—пишетъ онъ,—этого легкомысленнаго отношенія (Frivolität) къ предметамъ,—все обнюхать и ни во что не углубиться». Впрочемъ, незаконченность съ внѣшней стороны была свойственна не одному Новалису. Въ противоположность французамъ нѣмцы пренебрегали архитектоническою стройностью въ угоду содержанію. Вѣскій примѣръ показывалъ никто иной, какъ самъ Гёте, который не стѣснялся предавать публичности фрагменты, соединять отрывки самого разнообразнаго характера, поражать читателя скачками и неожиданными поворотами фантазіи. Но образцомъ пренебреженія къ закругленности формы можетъ служить болѣе близкій къ Новалису писатель, Людвигъ Тикъ: начиная разсказъ, онъ никогда не знаетъ, чѣмъ онъ кончитъ; онъ прерываетъ эпическое изложеніе, чтобы вступить въ непосредственную бесѣду съ читателемъ, онъ вплетаетъ въ фантастическую сказку черту или событіе изъ современной жизни, онъ проводитъ своихъ героевъ безъ всякаго плана черезъ самыя сложныя комплликаціи, чтобы, въ концѣ концовъ, оборвать повѣсть замѣчаніемъ, что ему, какъ, вѣроятно, и читателю, надоѣли эти глупыя приключенія, и такъ какъ кончить когда-нибудь нужно, то онъ ставитъ точку. Правда, Новалисъ не былъ зараженъ подобнымъ капризнымъ геніальничаніемъ,—онъ, напротивъ, не любилъ ни крутыхъ поворотовъ, ни скачковъ, но замыслы его всегда были такъ громадны и такъ отвлеченны, что у него не хватало ни реализаціоннаго таланта, чтобы дать имъ поэтическую форму, ни систематичности, чтобы развить свою мысль съ логической полнотой. Эта неуравновѣшенность между порывами и средствами, «частичная геніальность», какъ потомъ принято было говорить, принадлежитъ къ характернымъ особенностямъ времени. Если мы не имѣемъ цѣльныхъ произведеній Новалиса, то врядъ ли также онъ унесъ въ могилу много невысказанныхъ мыслей. Онъ имѣлъ обыкновеніе записывать всѣ приходившія ему въ голову идеи, не заботясь о приведеніи ихъ въ какую-нибудь связь между собой. Весьма часто онъ вносилъ въ свою тетрадь даже не мысль, не сужденіе, а только тему для размышленія, подлежащее безъ сказуемаго. Записи эти, составляющія иногда два-три слова, иногда нѣсколько строкъ, изрѣдка страницу, занимаютъ двѣ трети всего, что вообще написано Новали-

сомъ. Далеко не всегда читатель ясно понимаетъ, что хочетъ выразить авторъ: современные Новалису создатели философскихъ системъ прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы дать имя вводимымъ новымъ понятіямъ, придавая общеупотребительнымъ словамъ условное значеніе, сочиняя неологизмы, вводя латинскіе и греческіе термины. Новалисъ, который питался всѣми этими системами и присоединялъ къ нимъ еще старыхъ мистиковъ, а также современныхъ натуралистовъ, бралъ термины отовсюду, не давая имъ опредѣленія; отъ этого его афоризмы нерѣдко похожи скорѣе на криптограммы и приводятъ въ недоумѣніе самыхъ внимательныхъ изслѣдоватетей. Тѣмъ не менѣе можно смѣло сказать, что міровоззрѣніе Новалиса, во многихъ частностяхъ противорѣчивое и несистематичное, можетъ быть изучено съ достаточною полнотою. Но яснѣе всего вырисовывается складъ этой любопытной личности, когда возстановишь въ памяти условія его личной жизни и общественную атмосферу, которая его окружала.

Корифеи нѣмецкой литературы второй половины XVIII вѣка всѣ были въ полномъ смыслѣ слова разночинцы. Это объясняетъ въ значительной степени ихъ юношескіе идеалы. Только одинъ Гёте, хотя и не былъ аристократомъ, но принадлежалъ къ зажиточной буржуазіи; всѣ остальные прошли тяжелую школу жизни или, по крайней мѣрѣ, близко наблюдали благодѣтельность патріархальнаго строя. Освобожденіе личности стало ихъ девизомъ. Новалисъ въ этомъ отношеніи является исключеніемъ: онъ принадлежалъ къ старинному роду бароновъ фонъ-Гарденбергъ. Хотя та вѣтвь, изъ которой происходилъ будущій писатель, уже утратила богатство, но сохраняла еще и фамильный замокъ въ графствѣ Мансфельтъ и феодальные нравы, и вѣковыя традиціи. Позднѣйшій псевдонимъ Георга-Фридриха фонъ-Гарденберга былъ взятъ имъ изъ семейныхъ документовъ XII и XIII вѣковъ, гдѣ предки его именовались по-латыни de Novali, по одному изъ своихъ помѣстій. Такимъ образомъ нашъ романтикъ въ своей молодости не сталкивался ни съ сословнымъ, ни съ соціальнымъ гнетомъ. Только при такомъ привилегированномъ положеніи могли образоваться его наивно-средневѣковые взгляды, съ которыми намъ придется впослѣдствіи познакомиться. Но если онъ не чувствовалъ себя подавленнымъ, какъ членъ общества, то, какъ членъ семьи, онъ зналъ очень хорошо, что значитъ семейный деспотизмъ. Отецъ его былъ типичный представитель своей среды, разгульный въ молодости, піэтистъ подъ старость лѣтъ, грубо навязывающій свою волю всѣмъ, кто отъ него зависѣлъ. Добродушная, но запуганная и безвольная мать не составляла никакого противовѣса произволу главы семейства, и въ домѣ царила тяжелая атмосфера требовательности съ одной стороны и безпрекословнаго подчиненія съ другой. Эти отношенія не исключали обоюдной привязанности, но она мало скрашивала ежедневный обиходъ. Отецъ требовалъ отъ дѣтей повиновенія не только въ поступкахъ, но и въ мысляхъ; такъ, онъ навя-

зывалъ имъ со всею своею непреклонною настойчивостью тѣ религіозныя настроенія, которымъ онъ самъ предался по реакціи послѣ бурной юности. Эти внушенія для молодого Новалиса не остались безплодными и играли большую роль въ его позднѣйшей религіозности, но въ отроческомъ возрастѣ деспотическое воздѣйствіе отца внушало ему глухой протестъ. Конечно, онъ былъ слишкомъ мягокъ и податливъ отъ природы, чтобы оказать какое-нибудь фактическое противодѣйствіе, и робко пряталъ свои наклонности и вкусы. Онъ и тогда уже былъ впечатлительнымъ, жизнерадостнымъ, необыкновенно общительнымъ и склоннымъ къ фантастикѣ. Всѣ эти черты проявились съ полной силой, когда Новалисъ былъ, наконецъ, предоставленъ самому себѣ: онъ покинулъ свой родной домъ сначала, чтобы поступить въ послѣдній классъ гимназіи, гдѣ уже сталъ писать въ изобиліи стихи, а затѣмъ въ качествѣ студента Іенскаго университета (1790).

Въ Іенѣ въ то время читалъ лекціи Шиллеръ, развивавшій на основѣ Кантовской системы свои морально-эстетическіе взгляды. Новалисъ не былъ бы сынъ своего времени, если бы не видѣлъ въ Шиллерѣ идеала всего прекраснаго. Обаяніе личнаго знакомства съ великимъ писателемъ, который со снисходительной привѣтливостью отнесся къ восторженному юношѣ, еще усилило это поклоненіе. Любопытно при этомъ, что Новалисъ, подчиняясь господствовавшему кругомъ настроенію, видѣлъ въ Шиллерѣ прежде всего автора маркиза Позы, поэта свободы. Шиллеръ же былъ отцомъ благороднаго разбойника Карла Моора, съ которымъ охотно отожествлялъ себя каждый нѣмецкій юноша того времени. Какъ въ концѣ 40-хъ годовъ XIX вѣка у насъ въ Россіи, такъ въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII вѣка въ Германіи молодое поколѣніе съ волненіемъ прислушивалось къ отдаленнымъ раскатамъ оживляющей грозы, доносившимся изъ Франціи. Рудинъ погибъ на парижскихъ баррикадахъ 1848 г. О подобной же участи мечтали нѣмецкіе студенты временъ коалиціонныхъ войнъ. «О, быть во Франціи,—восклицалъ будущій другъ Новалиса, Тикъ,—какое это должно быть великое чувство! Сражаться подъ командой Дюмурье (который кстати какъ разъ замышлялъ произвести монархическую контреволюцію) и обращать въ бѣгство рабовъ, да и умереть, — что жизнь безъ свободы? Я съ восторгомъ привѣтствую геній Греціи котораго я вижу парящимъ надъ Галліей: единственная моя мысль теперь днемъ и ночью—Франція». Новалисъ выражался въ такомъ же родѣ: «Мнѣ тяжело на сердцѣ, что уже теперь не падутъ цѣпи, какъ іерихонскія стѣны. Такъ легокъ прыжокъ, такъ силенъ размахъ и такъ сильно бабское малодушіе». Современемъ многіе ярые противники тиранніи стали отъявленными проповѣдниками политической реакціи. Теперь же пламенныя гражданскія чувства не мѣшали имъ проводить очень оживленно время въ своихъ патріархальныхъ нѣмецкихъ городкахъ.

Кромѣ посѣщенія лекцій Шиллера и еще одного-двухъ профессоровъ, Новалисъ мало времени отдавалъ обязательнымъ университетскимъ занятіямъ. Мечтая о гражданской свободѣ, онъ старался какъ можно шире воспользоваться личной свободой. Онъ отдавался всѣмъ приманкамъ веселой жизни нѣмецкаго студенчества, въ первый годъ имѣлъ нѣсколько дуэлей, любовь открылась ему не какъ всепоглощающее влеченіе души, а какъ легкое удовлетвореніе внѣшнихъ чувствъ. Въ этомъ отношеніи онъ, конечно, не выдѣлялся изъ толпы сверстниковъ, но необходимо отмѣтить, что чувственность осталась на всю жизнь одною изъ коренныхъ чертъ его натуры. Мы увидимъ дальше, что эта нота явственно звучитъ у него даже въ экстазѣ самой трансцендентальной любви, даже въ религіозныхъ гимнахъ. Отецъ, не перестававшій зорко слѣдить за эволюціей эмансипирующагося юноши, нашелъ, что времяпрепровожденіе его мало соотвѣтствуетъ практическимъ цѣлямъ, которыя онъ ставилъ университетскому образованію сына, и объясняя это неподходящими свойствами того общества, въ которое попалъ въ Іенѣ молодой Новалисъ, убѣдилъ его перейти въ Лейпцигъ. Юноша призналъ резоны отца справедливыми и отправился въ новый университетъ съ твердымъ намѣреніемъ отнынѣ придаться исключительно изученію юриспруденціи. Эти добрыя намѣренія однако не имѣли особенно серьезныхъ результатовъ. Поведеніе Новалиса не стало солиднѣе, а профессорскія лекціи не могли удовлетворять запросовъ развивающейся пытливости молодого ума, и онъ искалъ имъ пищи въ общеніи съ одинаково настроенными сверстниками. Здѣсь онъ нашелъ себѣ по душѣ товарища въ своемъ сверстникѣ Фридрихѣ Шлегелѣ, дружеская связь съ которымъ, не считая нѣкоторыхъ временныхъ охлажденій, продолжалась до послѣдняго, столь недалекаго впрочемъ дня жизни Новалиса. Въ этомъ дружескомъ союзѣ, основанномъ на обоюдномъ исканіи отвлеченной истины, Фр. Шлегель игралъ повидимому роль руководителя; во всякомъ случаѣ онъ тогда успѣлъ уже больше узнать, передумать, повидать и наслышаться. Острота критическаго чувства, влеченіе къ памятникамъ искусства и склонность къ философскому обоснованію своихъ взглядовъ уже тогда обнаруживались въ немъ съ полною ясностью.

Политическій анархизмъ Карла Моора въ настроеніи нѣмецкой молодежи, современной Новалису, получаетъ своеобразное видоизмѣненіе: оно понемножку переходитъ въ нравственный анархизмъ. Разрушать законы общественнаго строя было трудно, но очень легко, безопасно и пріятно было переступать правила личнаго поведенія, признанныя патріархальной традиціей. Главныя усилія молодыхъ революціонеровъ, конечно, направлялись на подрывъ буржуазныхъ отношеній между полами. Тикъ первый воплотилъ эти тенденціи въ литературномъ образѣ. Его «Вильямъ Ловель» сталъ такимъ же образцомъ для двадцатилѣтнихъ юношей, какъ въ свое время Карлъ Мооръ или Вертеръ, а этотъ

новый герой такъ формулируетъ свою житейскую философію: «Я самъ единственный законъ всей природы... До сихъ поръ я боязливо взиралъ на міръ и на его наслажденія, какъ на закрытую для моихъ глазъ книгу: теперь я смѣло раскрываю эту книгу для этого, чтобъ перелистать ее и отыскать въ ней то, что мнѣ нравится». Но этотъ переходъ къ легкой морали имѣлъ бы слишкомъ прозаическій, будничный характеръ, если бы не искалъ философскаго обоснованія. Сомнѣніе во всемъ порождало извѣстное настроеніе «міровой скорби». «Что есть истина?»—восклицали эти юноши, страстно изливали другъ другу свои сомнѣнія, плакали, когда имъ говорили объ ихъ преувеличенной чувствительности и даже принимали позы самоубійцъ, но до смерти дѣло никогда не доходило. Одни, какъ, напр., Фр. Шлегель, долго и съ болью переживали этотъ кризисъ, другіе, какъ Новалисъ, преодолѣвали его замѣчательно скоро и легко. Онъ вообще имѣлъ способность во всемъ видѣть только хорошую сторону. Въ своихъ произведеніяхъ онъ почти никогда не изображалъ тѣневыхъ сторонъ жизни. Въ тотъ періодъ, который мы теперь разсматриваемъ, Фр. Шлегель, сообщая своему старшему брату характеристику своего новаго знакомаго, съ удивленіемъ отмѣчалъ убѣжденіе Новалиса, что «на свѣтѣ вообще нѣтъ никакого зла и что все приближается опять къ золотому вѣку». При такомъ складѣ характера неудивительно, что модная философская печаль не пустила глубокихъ корней въ міровоззрѣніи Новалиса.

Однако, университетскія занятія все еще шли настолько плохо, что потребовалось новое переселеніе по настоянію отца. На этотъ разъ выбранъ былъ совсѣмъ захолустный Виттенбергскій университетъ, и выборъ оказался удачнымъ. Новалисъ не только сдалъ успѣшно экзаменъ (1794), но окончательно отдѣлался отъ всѣхъ вѣяній, которымъ онъ раньше подчинялся подъ вліяніемъ среды. Здѣсь наединѣ со своими университетскими тетрадями и съ самимъ собою, онъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности: сентиментальнымъ, добрымъ нѣмецкимъ юношей, который, послѣ обязательнаго періода разнузданности (это называется sich austoben), мечталъ о тихомъ семейномъ счастьи. «О! я вполнѣ чувствую сладость призванія быть опорой семьи, писалъ онъ матери,—и поэтому меня часто мучитъ мой дикій, страстный темпераментъ, мое неискоренимое легкомысліе...» «Дикій темпераментъ»—это была реминисценція изъ пережитыхъ годовъ, хотя легкомысліе еще дѣйствительно не совсѣмъ было искоренено. Своему брату Новалисъ писалъ около того же времени: «Быть филистромъ восхитительно *).. Эксцентричныя юношескія идеи тогда сами собой упадаютъ до уровня опредѣленнаго занятія и дѣятельности». Въ этомъ настрое-

*) Надо замѣтить, что слово «филистръ» въ нѣмецкомъ языкѣ не имѣетъ того ругательнаго значенія, какъ въ русскомъ: оно обозначаетъ просто человѣка, окончившаго университетъ и обзаведшагося семьей.

ніи Новалисъ приступилъ къ практической жизни. Послѣ нѣсколькихъ спеціальныхъ занятій, онъ принялъ мѣсто при казенныхъ солеваренныхъ заводахъ въ глухомъ саксонскомъ городкѣ, гдѣ до смерти весьма добросовѣстно исполнялъ свои, повидимому, несложныя служебныя обязанности и умеръ ассессоромъ. Его матримоніальныя намѣренія очень скоро указали ему его судьбу. На одной изъ служебныхъ поѣздокъ онъ встрѣтилъ въ патріархальной помѣщичьей семьѣ дѣвочку, которой не было еще тринадцати лѣтъ, но она показалась ему воплощеніемъ всѣхъ поэтическихъ мечтаній. Едва ей стукнуло тринадцать лѣтъ, она уже считалась невѣстой Новалиса. На основаніи восторженныхъ отзывовъ, которыми онъ впослѣдствіи наполнялъ свои произведенія, и идеализированныхъ описаній его пріятелей, смотрѣвшихъ его глазами, къ потомству перешелъ образъ сверхъестественно-совершеннаго созданія, которое въ своей дѣтской душѣ хранило величайшія сокровища, доступныя развѣ только ангеламъ на небеси. Неподкупные документы, только недавно использованные,—ея дневникъ, письма, замѣтки самого Новалиса, изображаютъ Софію фонъ-Кюнъ (такъ ее звали) весьма обыкновеннымъ существомъ: едва грамотная, неразвитая ни умомъ, ни сердцемъ, безъ всякихъ возвышенныхъ интересовъ и влеченій, но со всѣми недостатками, присущими ребенку, собирающемуся стать женщиной, она ни въ какомъ отношеніи не отвѣчала тому романтическому идеалу, который создалъ себѣ Новалисъ. Такъ какъ до супружества приходилось еще долго ждать, то онъ, повидимому, имѣлъ время распознать истину, и его чувство, первоначально такое восторженное, мало-по-малу охладѣвало. Во всякомъ случаѣ оно не мѣшало ему увлекаться другими, даже въ присутствіи невѣсты. Въ ревности она проявила полную женскую зрѣлость, а онъ не стѣснялся рѣзко отстранять ея навязчивость. Словомъ, нельзя предсказать, чѣмъ бы окончилась эта скороспѣлая любовь: быть можетъ, она постепенно угасла бы окончательно, но весьма вѣроятно также, что послѣ многихъ лѣтъ ожиданія молодые люди соединились бы брачными узами и провели бы вмѣстѣ жизнь не хуже и не лучше, чѣмъ тысячи другихъ заурядныхъ супружествъ. Въ томъ и другомъ случаѣ исторія нѣмецкой литературы, конечно, не была бы заинтересована. Но судьба судила иначе. Софія фонъ-Кюнъ умерла, едва достигнувъ пятнадцати лѣтъ, послѣ долгой мучительной болѣзни (1797). Ея смерть сдѣлала изъ нея святую, а изъ Новалиса крупнаго романтическаго писателя. Вся литература Новалиса сводится къ стремленію туда, по ту сторону смерти, гдѣ ждетъ его возлюбленная, она же премудрость (Софія), она же душа искусства, она же разгадка вопроса о жизни и смерти, она же мистическій «голубой цвѣтокъ», въ будущемъ символъ всей романтической поэзіи.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты, Новалисъ принялъ твердое рѣшеніе послѣдовать въ могилу за своею невѣстою. Мысль о само-

убійствѣ, впрочемъ, была скоро оставлена и замѣнилась увѣренностью, что скорбь сама сведетъ его въ гробъ,—нужно только пріучить себя къ мысли встрѣтить смерть, какъ друга и избавителя, нужно также, во что бы то ни стало, поддержать скорбь въ ея первоначальной интенсивности. Но это было весьма трудно и несогласно съ человѣческой природой, особенно съ жизнерадостной природой Новалиса. Сохранился любопытный дневникъ Новалиса, въ цѣломъ своемъ видѣ увидѣвшій свѣтъ впервые только въ настоящемъ году. Изъ него явствуетъ, какихъ усилій стоило автору поддержать въ собственныхъ глазахъ свое романтическое достоинство. Мы приведемъ изъ него нѣсколько отрывковъ, такъ какъ ничего не можетъ быть краснорѣчивѣе подобныхъ человѣческихъ документовъ для характеристики людей и времени. Вмѣстѣ съ датою Новалисъ отмѣчаетъ и число дней, протекшихъ послѣ смерти Софіи.

«20-е (апрѣля). 33-й (день). Сегодня много думалъ о С(офіи). Съ утра былъ не особенно расположенъ, къ обѣду лучше. Послѣ обѣда опять также, не особенно веселъ, но съ бо́льшимъ чувствомъ, чѣмъ обыкновенно. Сопатоге писалъ воспоминанія...

«21-е. 34-й. Утромъ чувственныя фантазіи. Затѣмъ въ довольно философскомъ настроеніи. Пріѣхала семья Рокентинъ (мать и отчимъ Софіи). Цѣлый день я оставался въ равнодушномъ, но довольно общительномъ настроеніи. Временами я чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Послѣ обѣда читалъ внизу кое-что изъ «Вильгельма Мейстера», причемъ мнѣ пришло въ голову много интереснаго о моемъ образованіи до сихъ поръ. О С. думалъ часто, но не сердечно, объ Эразмѣ (недавно умершій братъ автора) холодно. Сегодня опять слишкомъ много ѣлъ.

«23-е. 36-й. Сегодня съ утра гораздо разумнѣе, чѣмъ вчера. Много хорошаго записалъ (дѣло идетъ, вѣроятно, о философскихъ «фрагментахъ»). Послѣобѣденный кофе въ саду. Порядочное затишье во мнѣ. Часто думалъ о С. и о рѣшеніи (умереть). Вечеромъ перелистывалъ «Ночныя мысли» Юнга. Много размышлялъ по поводу «В. Мейстера». Въ остальномъ обычное общительное настроеніе. Въ общемъ я сегодня гораздо болѣе доволенъ собою, чѣмъ вчера.

«24-е. 37-й. Голова была у меня не особенно свѣжа, но все-таки утромъ я имѣлъ *блаженный* часъ. Моя фантазія, правда, была временами немного чувственна, но все-таки я былъ сегодня довольно хорошъ. Послѣ обѣда голова была свѣтла. «Мейстеръ» занималъ меня цѣлый день. Моя любовь къ Софіи представилась мнѣ въ новомъ свѣтѣ. Вечеромъ я, правда, много говорилъ, но по временамъ я думалъ о своихъ намѣреніяхъ (быть молчаливымъ). Рѣшеніе стояло очень твердо, Софіи будетъ идти все лучше. Я долженъ только все больше въ ней жить. Только въ памяти о ней мнѣ дѣйствительно хорошо.

«25-е. 38-й. Сегодня мужественно и хорошо. Утромъ ничего кромѣ «Мейстера». Много думалъ о Софіи, мужественно и свободно. Внизу,

правда, много говорилъ, но иногда одумывался. Въ общемъ я могу быть сегодня доволенъ...

«26-е. 39-й. Утромъ кое-что (думалъ или писалъ) о «Мейстерѣ». Затѣмъ выписки. Послѣ обѣда работалъ по службѣ (такіе случаи отмѣчены очень рѣдко). Въ общемъ я могу быть доволенъ, правда, я трогательно не думалъ о ней, я былъ почти веселъ; но въ извѣстной степени не недостоинъ ея,—япорой мужественно о ней думалъ. Утромъ у меня было ужасное, гнетущее, наводящее страхъ ощущеніе наступающаго насморка. Рѣшеніе стояло крѣпко. Умѣренность и болтливость хромали».

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ варіируются однѣ и тѣ же темы. Мы нарочно привели не отдѣльныя фразы, а цѣлыя дневныя записи сплошь, чтобы читатель могъ яснѣе видѣть, какой человѣкъ былъ авторъ на самомъ дѣлѣ, и какимъ онъ желалъ быть: простой, веселый, въ высшей степени общительный, болтливый, любящій покушать, съ неутолимою жаждою физической любви, онъ презиралъ въ себѣ всѣ эти свойства съ точки зрѣнія романтическаго идеала; романтикъ долженъ былъ имѣть скорбный, меланхолическій видъ человѣка не отъ міра сего, чуждаться чужихъ разговоровъ, воодушевляясь только для вдохновенныхъ монологовъ о высокихъ предметахъ, онъ долженъ отречься отъ мелкихъ радостей жизни и находить чувственное наслажденіе только въ духовныхъ экстазахъ. Не надо упускать изъ виду, что Новалисъ вовсе не былъ лицемѣромъ: онъ искренно желалъ быть, а не только казаться такою идеальною фигурой, и можно только удивляться, сколько силъ было потрачено имъ на исковерканіе своей природы. То, чего ему никогда не удалось достигнуть въ дѣйствительности, онъ съ замѣчательною послѣдовательностью провелъ въ своей литературѣ. Но прежде чѣмъ перейти къ ней, намъ нужно еще досказать біографію автора. Это можно сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ, во первыхъ, потому, что она весьма небогата фактами, а во-вторыхъ, потому, что они не имѣли уже вліянія на его писательство. Черезъ годъ послѣ смерти Софіи, Новались былъ уже опять женихомъ. Неискоренимая жажда стать «опорой семьи» вступила въ конфликтъ съ романтической страстью къ умершей. Впрочемъ, конфликтъ этотъ получилъ удовлетворительное разрѣшеніе. На новую любовь Новалисъ смотрѣлъ, какъ на самоотверженное рѣшеніе посвятить свою постылую жизнь «прекраснѣйшему существу», но «все-таки лучше бы я былъ въ могилѣ»,—прибавлялъ онъ въ одномъ письмѣ; въ своей же записной тетради онъ отмѣчаетъ: «то, что я чувствую къ Софіи (Söfchen), есть не любовь, а религія». Но бѣдному экзальтированному юношѣ такъ и не удалось устроить свой домашній очагъ. Съ двадцати четырехълѣтняго возраста у него обнаружились признаки чахотки, а безъ малаго въ двадцать девять лѣтъ онъ былъ уже въ могилѣ, которая казалась ему такой заманчивой. Дѣйствительно, до послѣдняго вздоха

онъ не проявилъ страха передъ новымъ фазисомъ бытія. Надо прибавить, впрочемъ, что онъ до конца заблуждался относительно серьезности своей болѣзни.

Если оставить въ сторонѣ юношескія совершенно незначительныя стихотворенія Новалиса, изъ которыхъ нѣсколько снисходительно были напечатаны Виландомъ въ его «Меркуріѣ», то истинная связь его съ литературой установилась черезъ посредничество Фр. Шлегеля. Еще изъ Лейпцига, какъ мы видѣли, писалъ онъ своему брату объ открытомъ имъ интересномъ юношѣ. Затѣмъ, когда Новалисъ бывалъ въ Іенѣ, что случалось нерѣдко, онъ былъ принятъ, какъ свой, въ кружкѣ Шлегелей и ихъ друзей. Это было время, когда литературная жизнь Германіи была въ полномъ расцвѣтѣ. Въ Веймарѣ сосредоточивалось старшее поколѣніе уже опредѣлившихся и прославленныхъ писателей, но далеко еще не переживщихъ своей славы. А за нѣсколько часовъ ѣзды, въ Іенѣ, уже образовалась цѣлая группа молодыхъ силъ, которыя стремились сказать свое новое слово, и хотя съ благоговѣніемъ относились къ Гёте, но съ высокомѣрной ироніей третировали остальныхъ, даже Шиллера, — онъ казался имъ слишкомъ разсудочнымъ и тенденціознымъ. Любопытно ближе взглянуть на составъ этой молодой группы, на ихъ интересы и вкусы, на ихъ отношеніе къ жизни и литературѣ. Ядро составляли два брата Шлегеля и ихъ жены, извѣстная «dame Lucifer», жена Авг.-Вильг. Шлегеля, и не менѣе извѣстная Доротея Фейтъ, подруга Фридриха. Творческими способностями не обладалъ ни тотъ, ни другой изъ Шлегелей, но за то обоихъ можно назвать геніями диллетантизма. Никто не умѣлъ такъ наслаждаться искусствомъ, какъ они, и это наслажденіе они возвели въ законъ, распространивъ его изъ литературы на дѣйствительную жизнь. Авг.-Вильгельмъ, неподражаемый переводчикъ, продолжалъ дѣло Гердера, присвоивая нѣмцамъ шедевры всѣхъ временъ и народовъ: Шекспира, Кальдерона, Данте, индійскія Веды. Фридрихъ по слѣдамъ Винкельмана весь погрузился въ красоту эллинскаго міра. Первый имѣлъ болѣе широкій вкусъ, второй былъ одностороннѣе, но критическій взглядъ его былъ острѣе, сужденія рѣзче и попадали всегда въ точку. Каролина Шлегель, жена старшаго брата, вполнѣ подходила къ характеру кружка по своимъ умственнымъ интересамъ и равнодушію къ буржуазной морали, но при этомъ ея рѣзкій характеръ и перемѣнчивость вкусовъ вносили элементъ раздора. Доротея, менѣе блестящая, но болѣе умная, сердечная и мягкая, была настоящею душою компаніи. Краткія, но замѣчательно мѣткія характеристики окружающихъ, сохранившіяся въ ея письмахъ, показываютъ, какъ тонко она понимала людей. Къ этому обществу черезъ нѣкоторое время присоединился и Тикъ, писатель замѣчательнаго художественнаго таланта, съ геніальными порывами, но, какъ истый романтикъ, неспособный ничего закончить, невыдержанный, разбросанный, вѣчно колеблющійся между

поэзіей и пошлостью. Къ этому нужно прибавить трехъ философовъ романтизма, Фихте, Шеллинга и Шлейермахера, которые временами жили въ Іенѣ и сохраняли постоянныя сношенія съ Шлегельскимъ кружкомъ. Впрочемъ, для умственной жизни Іены имѣли значеніе не столько ихъ личности, сколько ихъ сочиненія.

Что объединяло этотъ кружокъ литераторовъ? Конечно, не общее дѣло, потому что они въ принципѣ были противъ дѣятельности: лѣнь считалась наиболѣе подходящимъ состояніемъ для развитія тонкаго ума и чувства. Исканіе истины? Пожалуй, но не столько содержанія ея которое было предрѣшено ихъ вкусами, сколько остроумной ея формы. Главнымъ нервомъ ихъ жизни было стремленіе къ наслажденію, однимъ изъ средствъ котораго было искусство. На окружающую жизнь они смотрѣли свысока и брезгливо сторонились отъ нея. Ихъ сектантская замкнутость была гораздо рѣзче, чѣмъ въ веймарскомъ кружкѣ, хотя и тамъ профановъ не очень-то любили. Непрестанное совмѣстное времяпрепровожденіе пріятелей наполнялось нескончаемыми бесѣдами и спорами. Однимъ изъ пагубнѣйшихъ догматовъ этой маленькой церкви было то, что лишь разговаривая можно мыслить. Новалисъ въ одномъ изъ «фрагментовъ» задается вопросомъ, возможно ли мышленіе безъ языка. Эти «фрагменты», отрывочные, часто остроумные, но нерѣдко противорѣчивые, несомнѣнно, въ значительной степени могутъ служить отраженіемъ бесѣдъ іенскихъ друзей. Какія темы дебатировались тутъ главнымъ образомъ? «Здѣсь нельзя шагу ступить, чтобы не услышать про «Вильгельма Мейстера», про трансцендентальную философію, про долготу и краткость слоговъ». Такъ писала Доротея Фейтъ. Фридрихъ Шлегель около того же времени писалъ, что постоянными предметами ихъ разговоровъ были «три главныя тенденціи вѣка»: основоначала науки, «Вильгельмъ Мейстеръ» и французская революція. Относительно послѣдней темы можно сказать съ увѣренностью, что никто изъ собесѣдниковъ уже не проявлялъ намѣренія сражаться за свободу подъ командой французскаго генерала и разбивать цѣпи, какъ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Французскія событія служили конечно только точильнымъ камнемъ, на которомъ заострялись философскія идеи романтическихъ резонеровъ. Почему «Вильгельмъ Мейстеръ» такъ задѣлъ ихъ за живое, какъ мы видѣли уже изъ дневника Новалиса, мы укажемъ далѣе, когда перейдемъ къ главному роману послѣдняго. Его разсказъ «Ученики въ Саисѣ», гдѣ въ сущности нѣтъ никакого разсказа, а только безконечные діалоги объ отношеніи человѣка къ природѣ, можетъ дать нѣкоторое понятіе о характерѣ философскихъ бесѣдъ автора и его друзей. Одною изъ главныхъ чертъ этихъ діалоговъ является ихъ продолжительность; мы должны ограничиться, однако, возможно краткой выпиской, чтобы не утомить читателя. Тогда это были животрепещущіе вопросы, теперь они кажутся только предлогами для словоизверженія.

«На все, за что человѣкъ берется, онъ долженъ направить все свое нераздѣльное вниманіе или свое Я,—сказалъ, наконецъ, одинъ,—и когда онъ сдѣлалъ это, то вскорѣ въ немъ удивительнымъ образомъ возникаютъ мысли или новый способъ познаванія, которое кажется ничѣмъ инымъ, какъ тонкими движеніями окрашивающаго или стучащаго штифтика, или удивительными сгущеніями и конфигураціями какой-то эластической жидкости. Они распространяются съ живою подвижностью во всѣ стороны отъ того пункта, гдѣ онъ закрѣпилъ свое впечатлѣніе... Въ высшей степени замѣчательно, что лишь въ этой игрѣ человѣкъ познаетъ свое свойство, свою специфическую свободу и ему кажется, будто онъ просыпается отъ глубокаго сна, будто онъ только теперь дома среди вселенной, будто только теперь дневной свѣтъ распространяется на его внутренній міръ... Сумма всего того, что насъ трогаетъ, называется природой, а слѣдовательно природа стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ органамъ нашего тѣла, которые мы называемъ чувствами...

«Слишкомъ смѣло, быть можетъ,—сказалъ другой,—желать составить природу изъ ея внѣшнихъ силъ и явленій и выдавать ее то за необыкновенный огонь, то за водопадъ удивительной формы, то за двойственность или тройственность, или за какую-бы то ни было другую силу. Было бы болѣе мыслимо, что она есть порожденіе непостижимаго соглашенія безконечно различныхъ существъ, чудесная связь міра духовъ, точка соединенія и соприкосновенія безчисленныхъ міровъ.

«Пусть это будетъ смѣло, — сказалъ третій: — чѣмъ произвольнѣе сплетена сѣть, которую забрасываетъ отважный рыбакъ, тѣмъ счастливѣе ловъ (?). Надо ободрять всякаго продолжать свой путь какъ можно дальше; привѣтъ всякому, кто охватитъ предметы сѣтью новой фантазіи. Не кажется ли тебѣ, что будущій географъ природы именно изъ хорошо проведенныхъ системъ возьметъ данныя для своей великой карты природы? Онъ эти системы будетъ сравнивать, и только это сопоставленіе позволитъ намъ узнать эту удивительную страну...»

Если бы совлечь съ этихъ умозрѣній покровъ метафоръ, сравненій и метонимій, то, быть можетъ, получилась бы своего рода теорія познанія. Съ другой стороны, если бы эти фигуры приложить не къ обрывкамъ философской системы Фихте, а къ живымъ явленіямъ внѣшняго или внутренняго міра, то можно было бы разсматривать ихъ, какъ элементы поэтическаго творчества. Но при данномъ соотношеніи содержанія и формы, можно только удивляться тому времени, когда въ подобныхъ произведеніяхъ находили и поэзію, и философію.

Изумительный интересъ, какой проявляли друзья Шлегелей къ вопросамъ отвлеченнаго мышленія, невольно напоминаютъ подобное же явленіе лѣтъ сорокъ позднѣе въ Россіи. Не такъ ли страстно дебатировались, комментировались и развивались положенія Гегеля у Станкевича, какъ положенія Фихте у Шлегелей? Феноменологія духа была

для нашихъ увлеченныхъ литераторовъ такою же теоріею откровенія, какъ для нѣмецкихъ романтиковъ творческая роль единственно реальнаго Я. Причины такихъ своеобразныхъ историческихъ явленій въ томъ и другомъ случаѣ довольно сходны. Всякое соприкосновеніе молодого чувства съ внѣшнимъ міромъ порождало неизмѣнно только боль и стыдъ. Зло казалось такимъ всеобъемлющимъ и непобѣдимымъ, что отдѣльный человѣкъ казался передъ нимъ, какъ песчинка передъ Везувіемъ. Но песчинка эта обладала способностью мыслить, а для мысли нѣтъ предѣла. Надо было во что бы то ни стало воздвигнуть такую, хотя бы воображаемую, систему, которая обратила бы это торжествующее и всесильное зло въ прахъ, въ ничто, болѣе чѣмъ въ ничто,—въ призракъ. И вотъ Бѣлинскій убѣждаетъ себя, что Сквозникъ-Дмухановскій, Фамусовъ и Молчалинъ имѣютъ только призрачное существованіе, ибо дѣйствительно только то, что является однимъ изъ моментовъ развивающагося всемірнаго духа; а Новалисъ съ своей стороны радуется, что весь внѣшній міръ существуетъ только постольку, поскольку его Я мыслитъ его, какъ свое ограниченіе, или, чтобы говорить словами Новалиса, а не Фихте,— внѣшній міръ есть результатъ произвольной игры человѣческой мысли, которая можетъ во всякій моментъ прервать эту игру. При указанномъ сходствѣ между поколѣніемъ Бѣлинскаго и поколѣніемъ Новалиса, между ними есть неизгладимая разница. Витая въ области трансцендентныхъ сущностей, Бѣлинскій и его друзья не теряли и не желали терять изъ виду землю; философская система должна была служить имъ лишь аріадниной нитью въ темномъ лабиринтѣ реальной жизни; они ночи напролетъ спорили объ отвлеченныхъ понятіяхъ, а въ глубинѣ души примѣряли свои выводы къ крѣпостному праву, цензурѣ и будочнику. Въ то же время нѣмецкіе романтики приспособляли идеи благороднаго Фихте для того, чтобы, какъ на воздушномъ шарѣ, подняться надъ этою юдолью плача въ междумировое пространство и тамъ предоставить своему автономному Я полную свободу наслажденія. Одни хотѣли внести свѣтъ въ гнетущій мракъ, окружающій землю, другіе бѣжали отъ солнца и пѣли гимны ночи.

«Гимны къ ночи»—лучшее изъ всего, что написано Новалисомъ, единственное произведеніе, гдѣ онъ не резонируетъ въ формахъ поэтизированной рѣчи, а изображаетъ то, что онъ чувствуетъ, по крайней мѣрѣ онъ убѣжденъ, что онъ это чувствуетъ. Всѣ живущіе любятъ день, говоритъ онъ звучною ритмическою прозою, «я же прочь иду къ святой, невыразимой, таинственной ночи. Міръ лежитъ далеко, погруженный въ глубокую яму,—какъ пустынно, заброшено мѣсто его! Глубокая скорбь вѣетъ по струнамъ души. Даль воспоминаній, желанія юности, дѣтскія грезы, всей долгой жизни короткія радости и надежды напрасныя встаютъ въ одеждахъ сѣрыхъ, какъ вечерній туманъ послѣ захода солнца... Но что это льется по сердцу прохладой

живительной, пробуждая предчувствія, и поглощаетъ мягкій воздухъ скорби? Есть и у тебя, человѣчное сердце, темная ночь... Въ сладкомъ опьяненіи раскрываешь ты тяжкія крылья души и даришь намъ радости, темныя и невыразимыя, таинственныя, какъ ты сама, въ этихъ радостяхъ мы предвкушаемъ небо. Какимъ бѣднымъ и дѣтскимъ кажется мнѣ свѣтъ съ его пестротой, какимъ радостнымъ и благословеннымъ—конецъ дня... Хвала царицѣ міра, великой провозвѣстницѣ священнаго мира, покровительницѣ блаженной любви. Ты приходишь, возлюбленная,—уже ночь,—восторгъ мою душу объемлетъ, земной путь остался позади, и ты опять моя. Я гляжу въ твои темныя, глубокія очи, и не вижу ничего, кромѣ любви и блаженства. Мы опускаемся на алтарь ночи, на мягкую постель—покровъ ниспадаетъ, и возгораясь отъ теплаго пожатія, пламенѣетъ сладостной жертвы чистый огонь».

Читатель видитъ, что гамма тоновъ, которыми оперируетъ Новалисъ, небогата. Все одни и тѣ же слова повторяются: міръ, небо, святой, таинственный, сладостный, невыразимый. Эти слова не заключаютъ опредѣленныхъ понятій, напротивъ, назначеніе ихъ сгладить, затушевать всѣ контуры, изобразить безформенность и однотонность ночной тьмы, и цѣль автора въ значительной степени достигается. Разнообразіе предметовъ днемъ разсѣиваетъ мысли поэта, поэтому онъ любитъ ночь, когда ничто не мѣшаетъ фантазіи его своею игрою создавать новый міръ, который ему нравится. Впрочемъ, и въ этомъ мірѣ чувственность не теряетъ своихъ правъ. Можетъ быть, большой грѣхъ обращать въ смѣшную сторону такое святое чувство, какъ любовь къ умершей невѣстѣ, но велико искушеніе припомнить пѣсенку граціозной грѣшницы Филины (изъ «Вильг. Мейстера»), которая очень наглядно изображаетъ преимущества ночи передъ днемъ. «Не пойте въ грустныхъ тонахъ объ одиночествѣ ночи,—говоритъ она;—нѣтъ, ночь, красавицы, создана для пріятнаго времяпрепровожденія (Geselligkeit). Какъ женщина дана мужчинѣ въ видѣ прекраснѣйшей половины, такъ и ночь составляетъ прекраснѣйшую половину жизни». Далѣе описываются приносимыя ночью радости, того же характера, что и въ гимнѣ Новалиса, но безъ содѣйствія воображенія. «Поэтому, — поучительно заканчиваетъ Филина,—замѣть себѣ, сердце: каждый день имѣетъ свои непріятности, а ночь свои радости».

Далѣе Новалисъ расширяетъ понятіе о ночи: ночь—это все, что затемняетъ нашъ разсудокъ, опьяняетъ чувства. Только глупцы, говоритъ онъ, не цѣнятъ этихъ благодѣяній ночи. «Они не чувствуютъ тебя въ золотой струѣ винограда, въ дивномъ маслѣ миндальнаго дерева (?), въ темномъ сокѣ мака. Они не знаютъ, что это ты витаешь вкругъ нѣжной дѣвичьей груди и дѣлаешь небо изъ ея лона (все тѣ же картины смущаютъ поэта); они не имѣютъ понятія, что ты выступаешь изъ старыхъ разсказовъ, раскрывая небеса, и прино-

сишь ключъ отъ жилищъ блаженныхъ, ты, безконечныхъ таинствъ молчаливый вѣстникъ». Эту подробность надо замѣтить: искусству приписывается роль наркотическаго средства, оно есть опіумъ, доставляющій блаженные сны.

Въ первомъ гимнѣ ночь внушаетъ поэту чувство близости возлюбленной. Далѣе, наоборотъ, пылкая фантазія поэта преодолѣваетъ ощущеніе земного бытія, и на него днемъ нисходитъ блаженство ночи. Онъ стоитъ у могилы, и сила его любви совершаетъ чудо: чувство дѣйствительности исчезло, на него находитъ «воодушевленіе ночи, небесная дремота». «Мѣстность тихо возвысилась, и надъ нею рѣялъ мой духъ, возродившійся, разрѣшенный отъ земныхъ путъ. Могильный холмъ обратился въ облако пыли, и сквозь облако увидѣлъ я просвѣтленныя черты моей возлюбленной. Въ ея глазахъ покоилась вѣчность,—я взялъ ея руки, и слезы обратились въ сверкающую, неразрывную ленту. Тысячелѣтія проносились вдаль, какъ грозы. На ея груди плакалъ я восторженными слезами навстрѣчу новой жизни,—это было первое сновидѣніе въ ней. Оно минуло, но его отблескъ остался, вѣчная непоколебимая вѣра въ ночное небо и въ его солнце—возлюбленную». Вѣроятно, путемъ упражненія фантазіи въ одномъ направленіи Новалису и въ дѣйствительности удавались такія обманчивыя представленія, по крайней мѣрѣ, въ его замѣткахъ находимъ повтореніе описаннаго здѣсь происшествія мѣстами въ тѣхъ же словахъ. Лирика Новалиса здѣсь имѣетъ фактическую основу. Очевидно, и романтическая поэзія, которая такъ настаивала на своей абсолютной творческой свободѣ, нуждалась въ поддержкѣ со стороны дѣйствительности.

Наконецъ, представленіе о ночи еще расширяется: ей принадлежитъ благодѣтельная роль въ исторіи человѣчества. Нѣкогда былъ на землѣ золотой вѣкъ, «жизнь была вѣчнымъ праздникомъ боговъ и людей. И всѣ племена по дѣтски чтили нѣжное, чудное пламя, какъ высшее благо земли». Но одно ужасное бѣдствіе отравляло всѣ радости и пугало человѣка своею непонятностью—смерть. Тщетно старался человѣкъ разукрасить эту страшную силу, представляя ее въ образѣ юноши, который гаситъ огонь и засыпаетъ: «но неразгаданною оставалась вѣчная ночь, суровый знакъ далекой власти». Когда человѣчество состарилось, явилось обновленіе въ христіанствѣ. Въ мукахъ, на крестѣ Спаситель умеръ, т.-е. сошелъ въ этотъ ночной мракъ. Но воскресеніе его освѣтило эту ночь неугасимымъ свѣтомъ, узы смерти распались, тайна ея разгадана. Отнынѣ, кто вѣритъ любя, уже не плачетъ страдая ни на чьей могилѣ. Смерть стала «ночью сплошного блаженства,—и лицо Божье для насъ всѣхъ солнце». Въ философскихъ «фрагментахъ» Новалисъ дѣлаетъ такое построеніе въ доказательство преимуществъ смерти передъ жизнью: наше Я вѣчно и, конечно, не матеріально; его физическая ограниченность въ этой земной

жизни есть какъ бы моментъ болѣзни, а смерть возращеніе къ первоначальному блаженному состоянію. Изъ этого авторъ приходитъ къ вѣрѣ въ возможность переселенія душъ.

Мы видимъ, какъ лирика Новалиса постепенно переходитъ въ церковную пѣсню. Теперь, послѣ смерти своей невѣсты, онъ всецѣло погрузился въ религіозность, которой въ дѣтствѣ отъ него требовалъ отецъ. Его «духовныя пѣсни» пользуются большою популярностью. Насъ хотятъ увѣрить даже, что онѣ принадлежатъ къ самымъ цѣннымъ произведеніямъ нѣмецкой лирики, доказывая это тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ включены въ протестантскіе сборники. Мы убѣждены, что это объясняется ихъ правовѣрностью, а не поэтическими достоинствами. Стихотворенія, наполняющія эти сборники, за немногими исключеніями, полны общихъ мѣстъ и прописныхъ истинъ. Однако, мы вовсе не думаемъ, что церковная лирика вообще не можетъ заключать поэтическихъ элементовъ. Реформаціонная пѣсня можетъ доставить много прекрасныхъ образцовъ, въ которыхъ глубокое, искреннее чувство соединяется съ безыскусственной, строгой формой. Но между «духовными пѣснями» Лютера и Новалиса нѣтъ ничего общаго. Нѣкоторыя мѣста у Новалиса сопоставляютъ съ произведеніями извѣстнаго піэтиста, главы гернгутерской общины, Цинцендорфа; сочиненія послѣдняго были близко знакомы Новалису (отецъ его принадлежалъ къ гернгутерамъ) и принадлежали къ тѣмъ книгамъ, которыя онъ всегда имѣлъ подъ рукой. Но у Новалиса не трудно было бы отыскать еще больше родственныхъ чертъ съ тою ужасною «силезскою школою» поэтовъ XVII вѣка, религіозность которыхъ доходитъ до кощунства. Такъ, напр., Гофманъ фонъ-Гофмансвальдау отъ избытка чувства къ Іисусу Христу позволяетъ себѣ фамильярность, которая непонятна и оскорбительна даже съ невѣроисповѣдной точки зрѣнія. «Du süsser Kringel, du tolles Dingel», — такъ персонифицируетъ онъ рану отъ копья на боку Христа, которая вообще была предметомъ особаго культа. Новалисъ, конечно, не доходитъ до такихъ геркулесовыхъ столповъ, но въ достаточной степени безвкусны, напр., подобные пассажи: «Я также скончался вмѣстѣ съ Нимъ (Христомъ),—если бы мнѣ въ мирѣ лежать съ Нимъ подъ землей. Ты, Отецъ его и мой, собери же скорѣй мои кости и положи къ Его костямъ». Не слишкомъ ли это кокетливая наивность? Въ другихъ случаяхъ Новалисъ не выходитъ изъ самой заурядной банальности. Такъ, въ одной изъ пѣсенъ онъ изображаетъ суету міра сего: «Одинъ думаетъ — вотъ онъ схватилъ кладъ, но то, что онъ имѣетъ, только золото; другой хочетъ объѣхать цѣлый свѣтъ,—въ награду ему пустое имя. Тотъ гонится за вѣнцомъ побѣды, тотъ за лавровымъ вѣнкомъ, и такимъ образомъ каждаго обманываетъ какой-нибудь блескъ, но никто не становится богатымъ». Надо сказать, что средневѣковые латинисты имѣли болѣе яркія краски для характеристики бренности земного счастья. Далѣе поэтъ настав-

ляетъ людей на путь истинный. «Развѣ Онъ не благовѣствовалъ вамъ? Развѣ вы забыли, Кто за васъ погибъ? Кто изъ любви къ намъ умеръ, въ мукахъ, осмѣянный? Развѣ вы ничего про Него не читали, не слышали ни одного словечка?..» Это напоминаетъ педагоговъ, которые провинившемуся ребенку говорятъ: «Развѣ ты не помнишь, что тебѣ велѣно вести себя хорошо?» Конечно, всѣ читали, всѣ слышали, и эти слова никому не могутъ сказать болѣе того, что каждый съ дѣтства наизусть знаетъ. Приведемъ еще отрывокъ изъ одной «духовной пѣсни» Новалиса, гдѣ, по нашему мнѣнію, дѣйствительно, есть поэтическое чувство: «Бываютъ времена, полныя боязни, бываетъ такое тоскливое настроеніе, когда все издалека кажется, какъ привидѣніе. Дикіе страхи потихоньку, робко подкрадываются, и глубокія тѣни тяжелымъ гнетомъ давятъ душу. Надежныя опоры колеблются, довѣрію не на чемъ остановиться; смятенная мысль не повинуется волѣ. Приближается безуміе и манитъ непреодолимо, пульсъ жизни останавливается, и каждое чувство притупляется». Хотя во всемъ этомъ и нѣтъ реальныхъ, осязательныхъ образовъ, но самое настроеніе реально, и благодаря такому началу эта пѣсня, конечно, никогда не попадетъ въ протестантскіе сборники. Къ сожалѣнію, дальше, въ поучительной части опять та же реторика: «Кто подъялъ крестъ въ защиту всякаго сердца? Кто живетъ тамъ на небѣ и помогаетъ въ тоскѣ и горѣ?..» Всякій наводящій вопросъ, къ разряду которыхъ надо отнести всѣ эти вопросы Новалиса, долженъ приближать вопрошаемаго на одну ступень къ неизвѣстной истинѣ, каждый отвѣтъ долженъ быть извѣстнымъ пріобрѣтеніемъ. Но зачѣмъ же спрашивать, кто живетъ на небѣ? Кому этотъ вопросъ можетъ внушить новый поворотъ мысли?

На шестнадцать лѣтъ позже Новалиса родился нѣмецкій писатель, который еще гораздо больше былъ поглощенъ религіозными идеями; это былъ баронъ Эйхендорфъ. Онъ былъ страстный католикъ, на все смотрѣлъ съ узко-вѣроисповѣдной точки зрѣнія! Но при всемъ томъ это былъ истинный поэтъ. Онъ, между прочимъ, очень цѣнилъ Новалиса за его симпатіи къ католицизму (мы съ ними вскорѣ познакомимся) и даже въ одномъ изъ своихъ «духовныхъ стихотвореній», изображающемъ переходъ отъ античнаго міра къ христіанскому («Götterdämmerung»), по нашему мнѣнію, несомнѣнно, повторяетъ приведенный выше мотивъ изъ «гимновъ къ ночи». Эйхендорфъ, какъ и всѣ романтики, тоже любитъ ночныя картины, но за то какъ онъ умѣетъ ихъ рисовать! Возьмемъ для примѣра одно изъ его «духовныхъ стихотвореній»; въ переводѣ, къ сожалѣнію, мы должны лишить его ритмическаго благозвучія, какое умѣлъ достигать въ такой мѣрѣ еще только Гейне: «Вдали глубоко уходящія, блѣдныя, тихія поля,—о какъ меня радуетъ это чудное безлюдье надъ всѣми долами и лѣсами! Лишь изъ города по-надъ верхушками доносятся колокола, дикая коза испуганно подняла голову и задремала сейчасъ же опять. Во снѣ лѣсныя макушки

колышатся надъ скалистымъ обрывомъ, — это Господь идетъ по вершинамъ и благословляетъ тихую землю». Если бы надо было пропагандировать вѣру, то эти двѣнадцать стиховъ, конечно, были бы болѣе дѣйствительнымъ миссіонерскимъ средствомъ, чѣмъ катехизическіе вопросы Новалиса. Желаніе перейти въ тотъ лучшій міръ также часто вдохновляетъ Эйхендорфа, но и тутъ онъ не расплывается въ сверхчувственныхъ идеяхъ, а ограничивается немногими образами изъ жизни природы, изъ которыхъ ясенъ генезисъ даннаго настроенія. Изъ романса Мендельсона, вѣроятно, многимъ извѣстно его прелестное стихотвореніе «На чужбинѣ»: «Облака, краснѣющія отъ молній, плывутъ изъ родной мнѣ стороны. Отецъ и мать умерли давно, больше никто меня тамъ не знаетъ. Но скоро, скоро придетъ молчаливое время, когда и я буду лежать въ покоѣ, надо мной будетъ шумѣть прекрасное лѣсное одиночество, и никто не будетъ меня знать и здѣсь». Разница между обоими поэтами въ ихъ стремленіи къ могилѣ заключается въ томъ, что одинъ видитъ въ ней мѣсто упокоенія, а другой палаты, гдѣ его ожидаетъ нескончаемый брачный пиръ.

Той близости къ природѣ, той пластики въ ея воспроизведеніи, какую мы видимъ у позднѣйшихъ романтиковъ, мы напрасно стали бы искать у Новалиса и его сверстниковъ. Погруженные въ созерцаніе своей собственной духовной сущности, они не могли удѣлить достаточно вниманія окружающимъ явленіямъ. Міръ былъ отдѣленъ отъ нихъ завѣсой тумана, и они этого не замѣчали. Напротивъ, они были увѣрены, что любятъ природу, это слово не сходитъ съ ихъ языка, но они шли къ познанію ея дедуктивнымъ путемъ: вмѣсто того, чтобы наблюдать съ любовью и интересомъ близкіе, доступные чувствамъ факты, они носились съ мечтой конструировать природу изъ основныхъ ея законовъ, и ихъ досадовала назойливость, съ какою природа тыкала имъ въ глаза лишь конкретныя формы. «Мы ищемъ вездѣ безусловное (das Unbedingte) и находимъ всегда только предметы (Dinge)», разочарованно замѣчаетъ Новалисъ. Точно также относятся они и къ человѣку: они не перестаютъ искать тайну его души. «До сихъ поръ невозможно было описывать людей потому, что неизвѣстно было, что такое человѣкъ, — читаемъ мы у того же Новалиса. — Лишь когда узнаютъ, что такое человѣкъ, можно будетъ описывать и индивидуумовъ дѣйствительно генетическимъ способомъ». Именно благодаря такому способу, во всей ихъ литературѣ нѣтъ ни одного психологически живого человѣка; все это фантомы, которые насъ, потомковъ, интересуютъ лишь постольку, поскольку сквозь ихъ блѣдныя черты, прозрачныя отъ духовности, просвѣчиваютъ живыя лица ихъ авторовъ. Наконецъ, ничего не было въ ихъ глазахъ выше искусства; художникъ — это идеалъ человѣка, священный сосудъ, товарищъ божества. Они сами себѣ присваивали это званіе и не скупились награждать его прерогативами сравнительно съ простыми смертными. А, между тѣмъ, нѣтъ ничего печальнѣе, какъ ихъ собственныя попытки творчества.

Гете, заставивъ своего Вильгельма Мейстера разочароваться въ артистической карьерѣ и сдѣлаться прозаическимъ хирургомъ, задалъ надолго работы іенскимъ друзьямъ. Преклоняясь передъ техническимъ мастерствомъ веймарскаго олимпійца, они приняли тенденцію его романа почти за личное себѣ оскорбленіе. Мы видѣли, какое большое мѣсто занималъ онъ во вниманіи романтиковъ: въ Іенѣ только и дѣло о немъ говорили, Новалисъ въ своемъ одиночествѣ читаетъ его каждый день, и даже усиленный трауръ по невѣстѣ, умершей нѣсколько недѣль назадъ, не отвлекаетъ его отъ этой книги. Въ одномъ изъ своихъ афоризмовъ онъ говоритъ, что это романъ въ истинномъ значеніи слова, «безъ всякаго прилагательнаго». И несмотря на это, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія книги, когда впечатлѣнія были уже окончательно переварены, Новалисъ даетъ такую рецензію: «Учебные годы Вильгельма Мейстера» въ извѣстномъ смыслѣ совершенно прозаическая и современная книга. Романтическое въ ней гибнетъ, также какъ и поэзія природы, и все чудесное. Она трактуетъ исключительно объ обычныхъ человѣческихъ вещахъ, природа и мистицизмъ совсѣмъ забыты. Это поэтизированная буржуазная и домашняя исторія. Все чудесное тамъ съ подчеркиваніемъ изображается, какъ поэзія и мечтательность. Художественный атеизмъ—духъ этой книги. Очень много экономіи; поэтическій эффектъ достигнутъ посредствомъ прозаическаго, дешеваго матеріала». Въ другомъ мѣстѣ высказывается общее сужденіе о Гете, гдѣ очевидно, что Новалисъ видитъ въ немъ только автора «Вильг. Мейстера»: «Гете вполнѣ практичный писатель. Его произведенія похожи на англійскіе товары: они въ высшей степени просты, милы, удобны и прочны. Онъ совершилъ въ нѣмецкой литературѣ то, что Уеджвудъ совершилъ въ англійской промышленности. У него, какъ у англичанъ, естественно-экономный, разсудкомъ выработанный вкусъ... Изъ его физическихъ этюдовъ становится вполнѣ ясно, что онъ склоненъ скорѣе совершенно закончить что-нибудь незначительное, сообщить своему предмету высшую отдѣлку и удобство, чѣмъ взяться за цѣлый міръ и производить что-нибудь, о чемъ впередъ можешь знать, что не выполнишь до конца своего плана, что работа останется неискусной и что мастерского совершенства въ ней никогда не достигнешь... Какъ Гете-физикъ относится къ другимъ физикамъ, такъ Гете-художникъ относится къ другимъ художникамъ. Широтою, разносторонностью, глубиною (!) его превосходитъ то тотъ, то другой; но по искусству реализаціи (Bildungskunst)—кто смѣлъ бы равняться съ нимъ? У него все—поступки, какъ у другихъ все—только стремленія»...

Вотъ съ какими ограниченіями и оговорками преклонялся Новалисъ передъ Гете. Пластичность и гармонія послѣдняго рѣзали романтическій глазъ, какъ несовершенства. «Гете будетъ и долженъ быть превзойденъ,—заключаетъ строгій критикъ,—но только въ томъ смыслѣ,

какъ древніе могутъ быть превзойдены,—въ содержаніи и силѣ, въ разносторонности и глубокомысліи, но не какъ артистъ»...

Такой попыткой превзойти Гете глубокомысліемъ и былъ «Генрихъ фонъ-Офтердингенъ» Новалиса,—произведеніе, которое по своему историко-литературному значенію едва ли менѣе значительно, чѣмъ «Вертеръ». Если въ «Мейстерѣ», какъ впрочемъ уже раньше въ «Торквато Тассо», пылкой фантазіи артиста приходится пассовать передъ суровой прозой обыденной жизни, то Новалисъ задумалъ изобразить постепенное шествіе поэта къ высшему совершенству, просвѣтленію и побѣдѣ, не надъ жизненною пошлостью, которая слишкомъ ничтожна, чтобы даже противостать генію художника, а надъ предѣлами земного существованія, надъ законами матеріи. Замыселъ дѣйствительно настолько грандіозенъ, что могъ бы дать матеріалъ новому Данте для новой «Божественной комедіи». Въ рукахъ Новалиса онъ остался только порывомъ. Романъ Гете былъ поставленъ въ обстановку современности,—онъ находилъ, что «жизнь интересна всюду, гдѣ ее ни схватить». Новалисъ, конечно, не могъ рѣшиться на такое безвкусіе: онъ выбираетъ своимъ героемъ миннезингера изъ эпохи Гогенштауфеновъ. Тогда уже начиналось среди романтиковъ то увлеченіе средневѣковымъ искусствомъ и бытомъ, которое впослѣдствіи породило великую школу германистики, сравнительной филологіи и этнографіи. Лишь въ этой области романтизмъ можетъ гордиться положительными результатами. Но въ концѣ XVIII вѣка изученіе нѣмецкой старины было еще въ зародышѣ. Правда, Тикъ, вслѣдъ за своимъ умершимъ другомъ Вакенродеромъ, съ восторгомъ погрузился въ сокровища Манесской рукописи (нынѣ называемой Гейдельбергской), заключающей почти полный сводъ средне-верхне-нѣмецкой лирики, но одинъ Августъ-Вильгельмъ Шлегель имѣлъ правильный, въ современномъ смыслѣ, научный взглядъ на то, какъ нужно относиться къ поэтическимъ памятникамъ старины, тогда какъ Тикъ съ легкимъ сердцемъ исправлялъ и передѣлывалъ старыхъ поэтовъ по своему вкусу. Тикъ же указалъ и Новалису, съ которымъ въ то время былъ весьма друженъ, на средневѣковую поэзію. Какъ много романтическихъ красотъ можно извлечь изъ жизни старинныхъ нѣмецкихъ художниковъ, Тикъ показалъ въ своемъ «Штернбальдѣ». Положимъ, герой этого романа ученикъ Дюрера, но въ представленіи Тика и Новалиса XIII и XVI вѣка не имѣли замѣтныхъ различій: національный костюмъ, патріархальность и культъ искусства казались имъ одинаково характерными признаками для современниковъ крестовыхъ походовъ и реформаціи. Впрочемъ, Новалисъ и не имѣлъ въ виду изслѣдовать и изображать историческую дѣйствительность, тогда бы, пожалуй, не было большого выигрыша отъ средневѣковой бутафоріи. Романтики смотрѣли на отдаленную вѣками эпоху, какъ первые завоеватели на Америку: это были страны, въ разсказахъ о которыхъ можно было не стѣснять свою фантазію, куда можно было переносить все, что казалось заманчивымъ и идеально-прекраснымъ.

Такимъ образомъ, Генрихъ фонъ-Офтердингенъ не историческій миннезингеръ, о которомъ Новалисъ, конечно, ничего не зналъ, а идеальный юноша, чувствующій въ себѣ призваніе быть поэтомъ. Призваніе это открывается ему въ символическомъ сновидѣніи: непреодолимое влеченіе ведетъ его среди необыкновенной обстановки, черезъ гроты, мимо каскадовъ и садовъ, пока его глазамъ не предстаетъ великолѣпный «голубой цвѣтокъ». Онъ чувствуетъ всѣмъ своимъ существомъ, что это и была цѣль его стремленія, но сорвать цвѣтокъ ему не удалось. Этотъ голубой цвѣтокъ—единственный образъ, который остался послѣ Новалиса. Для нѣсколькихъ поколѣній онъ служилъ знаменемъ литературнаго направленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и символомъ всего прекраснаго, совершеннаго, недостижимаго на землѣ; въ немъ тотъ неопредѣленный идеалъ полнаго блаженства, чаяніе котораго вноситъ неудовлетворенность во всѣ преходящія радости жизни сей.

У Лабуле есть прелестная арабская сказка о томъ, какъ одному доблестному юношѣ у колыбели предсказано было счастье тогда, когда онъ найдетъ четырехлистый трилистникъ. И вотъ постепенно подвигами труда, долга, доблести и великодушія онъ набираетъ одинъ листокъ за другимъ. Одинъ, мѣдный листокъ онъ нашелъ на днѣ колодца, который онъ вырылъ въ пустынѣ, упорно преслѣдуя свою цѣль, несмотря на то, что всѣ отчаялись въ ея достиженіи. Второй, серебрябряный листокъ достался ему тогда, когда онъ, вѣрный взятому на себя обязательству, доставилъ калифу караванъ и вмѣстѣ красавицу, которую полюбилъ дорогой и могъ похитить. Третій, золотой листокъ онъ заслужилъ, когда принялъ какъ гостя своего врага и затѣмъ пошелъ безоружный проводить его, хотя зналъ, что онъ замышляетъ его убить. Наконецъ четвертый, алмазный листокъ онъ получилъ, когда во время бури въ пустынѣ онъ отдалъ своего коня смертельному врагу, а самъ остался на вѣрную смерть. Этотъ послѣдній листокъ достался ему уже послѣ смерти, въ преддверіи рая. Здѣсь мы имѣемъ тоже цвѣтокъ, какъ символъ блаженства и цѣль стремленій. Высокая цѣль наполняетъ всю жизнь дѣятельною любовью и самоотверженіемъ. Какіе же этапы проходитъ юный рыцарь голубого цвѣтка? Что онъ долженъ совершить ради своего идеала? Онъ ничего не совершаетъ, онъ только мечтаетъ. Его состояніе выражается нѣмецкимъ словомъ Sehnsucht; за неимѣніемъ соотвѣтствующаго русскаго выраженія мы передаемъ его обыкновенно словомъ стремленіе, но это весьма неточно. Стремленіе заключаетъ въ себѣ рядъ сознательныхъ поступковъ, освѣщенныхъ одною цѣлью, оно обозначаетъ не только желаніе, но и волю. Между тѣмъ Sehnsucht походитъ скорѣе на болѣзненное (Sucht - болѣзнь) состояніе тоски, какое испытываетъ узникъ за рѣшеткой, жаждущій воли и сознающій безполезность всякаго дѣйствія. Это также состояніе человѣка, который хотѣлъ бы взлетѣть къ звѣздамъ, воскресить мертваго или придумать perpetuum mobile. Лучше всего такое

разслабленное мечтаніе изображено у Шиллера въ стихотвореніи, которое и названо «Sehnsucht»: «Ахъ, если бы я могъ найти выходъ изъ этой глубокой долины, которую давитъ холодный туманъ, ахъ, какъ я былъ бы счастливъ! Тамъ я вижу прекрасные холмы, вѣчно молодые и вѣчно зеленые! Если бы мнѣ крылья, полетѣлъ бы я къ тѣмъ холмамъ». Оттуда къ нему доносятся сладкіе звуки, чудные ароматы, его манятъ золотые плоды и никогда не вянущіе цвѣты. Если бы въ ихъ числѣ одинъ еще былъ голубого цвѣта, то это была бы настоящая обѣтованная страна романтиковъ. Но путь туда прегражденъ бушующимъ потокомъ, и въ челнокѣ, который качается у берега, нѣтъ веселъ. «Смѣло бросайся въ него!»—совѣтуетъ Шиллеръ.—«Нужно вѣрить, нужно дерзать, ибо боги не дадутъ тебѣ залога удачи. Лишь чудо можетъ тебя привести въ ту прекрасную чудесную страну». Это говоритъ человѣкъ, который самъ боролся съ судьбой и знаетъ, что вздыхать безполезно и расчитывать не на кого, кромѣ какъ на самого себя. Романтики же подымали глаза къ небесамъ, а руки безсильно опускали. Какъ будто прямымъ возраженіемъ Шиллеру звучитъ одно мѣсто изъ «Учениковъ въ Саисѣ»: юноша приближается къ цѣли своихъ стремленій, къ разгадкѣ таинства природы. «Въ дыханіи неземныхъ ароматовъ онъ задремалъ, ибо только сновидѣніе могло привести его въ святая святыхъ». Видѣть сны на яву—вотъ средство быть счастливымъ. Какъ ни безплотенъ Генрихъ фонъ-Офтердингенъ, онъ чрезвычайно напоминаетъ своего автора. Пассивность и рефлексія ихъ основные признаки. Офтердингенъ не совершаетъ ни одного поступка. Правда, онъ путешествуетъ, но не по своей иниціативѣ, а по опредѣленію родителей и въ сопутствіи матери. Штернбальдъ у Тика былъ значительно самостоятельнѣе, но времяпрепровожденіе ихъ одно и то же: они мечтаютъ, философствуютъ, влюбляются и... безконечно разговариваютъ, совершенно какъ компанія іенскихъ друзей. Офтердингенъ ведетъ длинныя бесѣды сначала самъ съ собой, затѣмъ съ родителями, затѣмъ съ купцами, которые его сопровождаютъ въ дорогѣ, съ восточною дѣвушкою, плѣнницею крестоносцевъ, съ рудокопомъ, который открываетъ ему поэзію природы, съ отшельникомъ, со своей возлюбленной Матильдой и особенно много съ ея отцомъ—поэтомъ Клингсоромъ, который постепенно посвящаетъ его въ секреты искусства. Діалоги прерываются только тогда, когда кто-нибудь изъ партнеровъ Офтердингена разсказываетъ сказку или поетъ пѣсню. Такова внѣшняя форма романа, но ей авторъ сознательно не придаетъ никакого значенія: онъ рисуетъ вѣдь не дѣйствительную жизнь въ ея пластическихъ формахъ,—это онъ предоставляетъ техническимъ талантамъ, какъ Гете,—а внутренній міръ героя, его Gemüth, понятіе, которое тоже не имѣетъ названія ни на одномъ языкѣ, кромѣ нѣмецкаго. Кромѣ путешествія изъ Эйзенаха въ Аугсбургъ, въ романѣ происходятъ только два факта: любовь Офтердингена къ Матильдѣ и ея смерть. Правда,

въ дальнѣйшемъ развитіи повѣсти предполагалось направить героя въ Италію, на востокъ, затѣмъ возвратить къ императорскому двору, заставить участвовать въ состязаніи пѣвцовъ и т. д. Но все это осталось лишь планомъ, потому что у автора хватило силъ изобразить только то, что онъ самъ пережилъ. Изъ набросанныхъ эскизовъ къ этой невыполненной части романа, мы узнаемъ, что другая дѣвушка привлекаетъ вниманіе безнадежно грустнаго поэта своимъ участіемъ къ нему. Въ концѣ концовъ эта другая должна была оказаться никѣмъ инымъ, какъ Матильдой. Все это въ высшей степени поучительно: писатель хочетъ совсѣмъ отрѣшиться отъ земли и даетъ своей фантазіи волю возноситься въ безбрежный просторъ внѣматеріальнаго бытія, а на самомъ дѣлѣ эти гигантскіе порывы приводятъ только къ тому, что авторъ разсказываетъ намъ собственную біографію.

Новалисъ заставляетъ своего героя пройти какъ бы курсъ всего того, что онъ считаетъ необходимымъ для поэта высшей школы. Клингсоръ, котораго Офтердингенъ беретъ себѣ въ наставники, резюмируетъ то, что его ученикъ пріобрѣлъ до встрѣчи съ нимъ слѣдующимъ образомъ: «Разсказъ о вашемъ путешествіи (которое нужно считать символомъ пройденнаго имъ жизненнаго пути) доставилъ мнѣ вчера, вечеромъ, пріятное развлеченіе. Я замѣтилъ, что духъ искусства дружески сопровождаетъ васъ. Ваши спутники незамѣтно сдѣлались голосами этого духа (т.-е. опять это были не настоящіе люди, а символы). Близъ поэта всюду возникаетъ поэзія. Страна поэзіи, романическій востокъ привѣтствовалъ васъ своею сладкою грустью; война говорила съ вами въ своей дикой красотѣ (Генрихъ переночевалъ въ рыцарскомъ замкѣ и слушалъ разсказы о крестовыхъ походахъ), а природа и исторія повстрѣчались вамъ въ образѣ рудокопа и отшельника». «Вы забываете самое лучшее, дорогой учитель, небесное появленіе любви», добавляетъ ученикъ. Вотъ всѣ ингредіенты романтическаго искусства. Ежедневной прозѣ тутъ мѣста нѣтъ. Но еще недоставало философіи творчества. Этотъ предметъ преподаетъ самъ Клингсоръ. «Языкъ—сказалъ Генрихъ—есть въ самомъ дѣлѣ цѣлый маленькій міръ знаковъ и звуковъ. Какъ человѣкъ распоряжается языкомъ, такъ онъ хотѣлъ бы распоряжаться великимъ міромъ и свободно въ немъ выражаться. И именно въ удовольствіи давать видимое выраженіе тому, что лежитъ внѣ міра, въ удовольствіи чувствовать силу, дѣлать то, что собственно есть коренная потребность нашего существованія, заключается генезисъ поэзіи». Т.-е. поэтъ создаетъ міръ, а самъ отъ него не зависитъ. На это учитель возражаетъ еще болѣе смѣлою гипотезою. «Очень плохо,—сказалъ—Клингсоръ, что поэзія имѣетъ особое имя, и что поэты составляютъ особый цехъ. Ничего особеннаго тутъ нѣтъ. Это свойственный вообще человѣческому духу способъ дѣйствія. Развѣ каждый человѣкъ въ каждую минуту не поэтъ и мыслитель?—Матильда какъ разъ вошла въ ком-

нату, когда Клингсоръ говорилъ: Возьмемъ хотя-бы любовь. Нигдѣ такъ, какъ въ ней, не выясняется необходимость поэзіи для существованія человѣчества». Здѣсь конечно не принято во вниманіе, что поддержаніе человѣческаго рода очень часто обходится безъ всякой поэзіи. Но въ общемъ можно было бы признать мысль Клингсора вѣрною, если ее вывернуть на изнанку: творчество есть въ такой же степени органическій процессъ матеріальнаго міра, какъ и самая жизнь, и поэтому люди, получившіе свойства, необходимыя для художественнаго творчества, не имѣютъ никакого основанія ставить себя на недосягаемую высоту сравнительно съ прочимъ человѣчествомъ, какъ дѣлали романтики. Затѣмъ Клингсоръ высказываетъ еще очень много рувоводящихъ правилъ, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма здравы. «Смыслъ искусства не въ его содержаніи, а въ выполненіи. Ты самъ увидишь, какія пѣсни будутъ тебѣ лучше всего удаваться, навѣрное тѣ, предметы которыхъ тебѣ болѣе всего знакомы и близки. Поэтому можно сказать, что поэзія всецѣло покоится на опытѣ. Я знаю самъ, что въ молодые годы я охотнѣе всего воспѣвалъ предметы, наиболѣе далекіе и неизвѣстные мнѣ. Что же выходило?—пустой, жалкій шумъ словъ, безъ искры истинной поэзіи». Это очень хорошо, но почему же онъ раньше указывалъ Генриху на войну, востокъ, природу и исторію, какъ на самые подходящіе сюжеты? Вѣдь они были ему всего дальше, онъ зналъ ихъ только со словъ другихъ. Эта любовь къ отдаленнымъ и невѣдомымъ предметамъ и была однимъ изъ главныхъ недостатковъ романтической поэзіи. Въ другомъ мѣстѣ наставникъ говоритъ опять о необходимости для поэта знать, какъ и что на свѣтѣ дѣлается. «Я не могу съ достаточною похвалою подчеркнуть въ васъ желаніе усердіемъ и трудолюбіемъ развить свой разумъ, свое естественное стремленіе знать, какъ все происходитъ и связывается между собою законами слѣдствія. Нѣтъ ничего болѣе необходимаго для писателя, какъ пониманіе природы каждаго занятія, знакомство съ тѣмъ, какими средствами каждая цѣль достигается, и присутствіе чутья въ выборѣ въ каждомъ случаѣ средствъ, соотвѣтствующихъ времени и обстоятельствамъ. Воодушевленіе безъ разума безполезно и опасно...». Но какъ было достичь такого всесторонняго знанія писателямъ, взоры которыхъ были направлены исключительно внутрь, на созерцаніе своего я? Поэтому Новались очень ограничивалъ силу наставленія Клингсора, считая совершенно достаточнымъ для развитія поэта знакомства въ различныхъ сферахъ общества. Въ другомъ мѣстѣ авторъ отъ своего собственнаго лица говоритъ, что «крупныя и разнообразныя событія мѣшали бы имъ (поэтамъ). Ихъ жребій—простая жизнь, и лишь изъ разсказовъ и сочиненій они должны знакомиться съ богатымъ содержаніемъ и безчисленными явленіями вселенной». Вотъ это настоящій рецептъ для романтической поэзіи. Интересно было бы знать, какъ можно было

бы чему-нибудь научиться изъ книгъ, если бы всѣ авторы знали дѣйствительность также только изъ книгъ?

Что заставляло это первое поколѣніе романтиковъ замыкаться отъ внѣшняго міра? Въ то время они еще не были разочарованными, ни мизантропами, какими стали ихъ позднѣйшіе потомки. «Не считайте меня человѣконенавистникомъ, — говоритъ отщельникъ въ романѣ Новалиса,—на томъ основаніи, что вы находите меня въ пустынѣ. Я не бѣжалъ отъ міра, я только искалъ для себя покоя, гдѣ я могъ бы безъ помѣхи предаваться своимъ размышленіямъ... Въ моей молодости было время, когда горячая мечтательность влекла меня сдѣлаться отшельникомъ. Темныя предчувствія занимали мою юношескую фантазію. Я надѣялся найти въ одиночествѣ полную пищу своему сердцу. Источникъ моей внутренней жизни казался мнѣ неисчерпаемымъ. Но я скоро замѣтилъ, что для этого нужно принести съ собою цѣлый запасъ опыта, что молодое сердце не можетъ быть одно, что человѣкъ даже не иначе можетъ достигнуть извѣстной самостоятельности, какъ посредствомъ многократнаго общенія со своими ближними». Да, полнаго одиночества они не выносили, но ихъ инстинктъ общенія съ людьми вполнѣ удовлетворялся тѣсными рамками дружескаго кружка, не связаннаго никакимъ общимъ «дѣломъ». Это не было одиночество, а отшельническая община. Имъ было съ кѣмъ дѣлиться мыслями и настроеніями, но по отношенію къ внѣшнему міру они оставались за такою же высокою стѣной. Они даже интересовались тѣмъ, что происходитъ тамъ, за стѣной, но не жили одною жизнью съ этими чуждыми имъ людьми, не чувствовали на себѣ ихъ страданій. Погруженные въ свои ощущенія и въ высшія умозрѣнія, они не умѣли разглядѣть даже то, что было у нихъ непосредственно передъ глазами. Такъ, напр., Новалисъ, по обязанностямъ службы имѣвшій постоянно передъ глазами жизнь горнорабочихъ, представлялъ ее себѣ въ какомъ-то совершенно романтическомъ видѣ. Онъ находилъ, что горное дѣло особенно способствуетъ дѣтской невинности сердца. «Рудокопъ родится бѣднымъ и уходитъ изъ міра бѣднымъ. Онъ довольствуется знаніемъ, гдѣ родится металлическая сила, и добываніемъ ея на свѣтъ Божій; но ея ослѣпительный блескъ не имѣетъ власти надъ его чистымъ сердцемъ. Не разгоряченный опаснымъ безуміемъ, онъ радуется больше удивительнымъ образованіямъ металловъ, странностямъ ихъ происхожденія и мѣстопребыванія, нежели всеобѣщающимъ ихъ обладаніемъ. Послѣ того, какъ они дѣлаются товаромъ, они теряютъ для него заманчивость, и онъ предпочитаетъ искать ихъ въ твердыняхъ земли при тысячахъ трудовъ и опасностей, чѣмъ слѣдовать за ними въ міръ и стараться добыть ихъ на земной поверхности обманными, коварными уловками...» И это вовсе не лицемѣрное ребячество. Онъ создалъ себѣ апріорное, философское представленіе о человѣкѣ и считалъ вполнѣ правильнымъ конструировать отсюда частные случаи, а что дѣйстви-

тельность не соотвѣтствовала его «философемѣ», онъ не умѣлъ разглядѣть. Такой же затуманенный взглядъ Новалисъ проявляетъ по отношенію къ жизни всего человѣчества. Весьма образно онъ такъ рисуетъ свое пониманіе исторіи; здѣсь излагаются мысли Офтердингена, но мы безъ малѣйшей погрѣшности можемъ отнести ихъ къ автору: «Слова старика открыли въ немъ какъ бы потайную дверь. Ему представилось, что его маленькая каморка пристроена къ грандіозному собору, изъ-подъ каменнаго пола котораго подымался серьезный образъ минувшаго, тогда какъ свѣтлая, веселая будущность спускалась къ ней изъ купола въ видѣ золотыхъ, поющихъ ангельчиковъ». Всѣ грандіозные соборы, какъ извѣстно, принадлежатъ или принадлежали католичеству. И Новалисъ, несмотря на свой протестантскій піэтизмъ, славословитъ католичество. Тутъ опять Новалису принадлежитъ первенство въ движеніи, которое вскорѣ послѣ его смерти захватило многихъ изъ его друзей и имѣло впослѣдствіи много отдаленныхъ отголосковъ.

«То было прекрасное, блестящее время, — читаемъ мы въ изумительномъ разсужденіи Новалиса «Христіанство и Европа», — когда Европа была единою христіанскою страною, гдѣ единый христіанскій народъ населялъ эту человѣкоподобную часть свѣта; одинъ великій общій интересъ связывалъ отдаленнѣйшія провинціи этого обширнаго духовнаго государства. Не обладая большими свѣтскими владѣніями, единая глава направляла и соединяла великія политическія силы. Многочисленное сословіе, къ которому каждый имѣлъ доступъ, непосредственно подчинялось ей, повиновалось ея мановенію и ревностно стремилось укрѣпить ея благодѣтельную власть»... «Они не проповѣдывали ничего, кромѣ любви къ святой, дивно прекрасной госпожѣ христіанства (церкви), которая, будучи одарена божественною силою, готова была спасти каждаго вѣрующаго изъ ужаснѣйшихъ опасностей». Онъ говоритъ объ «оживляющемъ» воздѣйствіи картинъ въ церквахъ и о католическихъ чудотворцахъ. Въ этомъ сказывается романтическая любовь къ искусству и ко всему сверхъестественному, чему лютеранство не давало пищи. «Мудрый глава церкви, — говорится далѣе, — справедливо противился дерзкимъ извращеніямъ человѣческихъ дарованій въ ущербъ святой мудрости и несвоевременнымъ опаснымъ открытіямъ въ области знанія. Такъ онъ запретилъ смѣлымъ мыслителямъ открыто утверждать (не только утверждать, но и думать), что земля есть незначительная блуждающая звѣзда, ибо онъ хорошо зналъ, что люди, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ своей земной родинѣ, потеряли бы уваженіе и къ небесному отечеству и его населенію, предпочли бы безконечной вѣрѣ ограниченное знаніе и привыкли бы презирать все великое и достойное удивленія и видѣть во всемъ этомъ лишь мертвую закономѣрность». Въ своей «святой простотѣ» Новалисъ готовъ подбросить хворосту на костры всѣхъ великихъ проповѣдниковъ истины,

которыхъ замучила любвеобильная церковь. Лютеранство онъ считаетъ признакомъ того, что культура вредна для вѣры въ невидимое; оно, по его мнѣнію, рядомъ со многими справедливыми принципами провозгласило массу вредныхъ положеній, но главное его преступленіе заключается въ томъ, что оно «раздѣлило недѣлимую церковь и кощунственно отторгнулось отъ общей христіанской общины. Оно подчинило религіозный интересъ государственному, увѣковѣчило какую-то странную революціонную власть. Лютеръ совершенно произвольно понялъ и толковалъ христіанство; онъ устранилъ посредствующее звено между откровеніемъ и вѣрующими, «провозгласилъ абсолютную популярность библіи, и тѣмъ замѣтнѣе давила недостаточная содержательность, грубо, отвлеченно набросанная религія этихъ книгъ». И вотъ, на защиту великой страдалицы, католической церкви, поднимается геніальная личность Игнатія Лойолы, который съумѣлъ поддержать падающую святыню до нашихъ дней. Но, на помощь протестантизму явилась также новая сила—наука, которая, начавъ съ «личной ненависти къ католической вѣрѣ» (за инквизицію, вѣроятно), перешла постепенно въ ненависть къ библіи, а затѣмъ къ религіи вообще. Отсюда порча нравовъ, гибель искусства; «творческая музыка вселенной замѣнена однообразнымъ стукомъ огромной мельницы, движимой силой случайности, безъ строителя, безъ мельника». Шатобріану, если бы ему было извѣстно сочиненіе его нѣмецкаго единомышленника, нечего было бы прибавлять къ нему; онъ просто перевелъ бы эту статью и избавилъ бы французскую литературу отъ одной гадкой книги. Новалисъ въ заключеніе указываетъ на разгорающуюся борьбу европейскихъ народовъ, какъ на слѣдствіе потери религіи, и пророчествуетъ, что только религія, новый церковный союзъ распавшихся по милости реформаціи исповѣданій «можетъ вновь пробудить Европу и примирить народы и водворить видимымъ образомъ христіанство съ новою пышностью въ его исконной умиротворяющей роли на землѣ». Черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того, какъ эти слова были написаны, клерикальная реакція держала въ своихъ рукахъ бразды всей Европы, народы были дѣйствительно умиротворены, іезуиты вскорѣ водворились во Франціи, самонадѣянная скептическая наука на всѣхъ языкахъ замолчала, но идиллія, которая смѣнила кровавую драму, была такого удручающаго свойства, что умиротворенные народы стонали, какъ узники въ подземельи.

Теократическая статья Новалиса была написана для «Атенеума» Шлегелей, но Гете, къ которому обратились за совѣтомъ, указалъ неудобство ея напечатанія, и статья осталась въ портфелѣ редакціи. Даже въ посмертномъ изданіи Тикъ рѣшился дать только нѣкоторые отрывки изъ нея. Лишь въ 4-мъ изданіи сочиненій Новалиса (1826 г.) Фр. Шлегель помѣстилъ наконецъ всю статью, справедливо разсуждая, что реакціонное движеніе достаточно созрѣло, чтобы оцѣнить одного

изъ своихъ прекраснодушнѣйшихъ пророковъ. Нѣтъ никакой надобности отмѣчать всѣ тѣ вопіющія погрѣшности противъ исторической правды и здраваго смысла, изъ которыхъ состоитъ все разсужденіе увлекающагося романтика. Для насъ можетъ быть интересенъ только вопросъ объ искренности автора. На этотъ вопросъ не можетъ быть другого отвѣта, кромѣ утвердительнаго. Въ жизни и личности Новалиса не было ничего, что могло бы развить въ немъ человѣконенавистничество. Всѣ испытанныя имъ горести имѣли причины, лежавшія внѣ общества. Люди ни сознательно, ни безсознательно не сдѣлали ему никакого зла. За что же онъ предавалъ ихъ на истязаніе? Нѣтъ, недостаточно поэту читать книги, чтобы знать, какъ связываются между собою жизненныя явленія, недостаточно составить себѣ представленіе о сущности человѣка, чтобы приписывать ему рецептъ благоденствія. Кто хочетъ понимать жизнь человѣчества, долженъ чувствовать свою органическую связь съ нимъ, а не уходить въ пещеру отшельника, не уноситься въ надзвѣздное пространство.

У Новалиса есть еще одно разсужденіе на общественныя темы подъ заглавіемъ «Вѣра и любовь или король и королева». Оно было написано по поводу восшествія на прусскій престолъ Фридриха-Вильгельма III (1797 г.) и тогда появилось въ спеціальномъ органѣ для восхваленія прусской монархіи. Мы не будемъ утомлять читателя изложеніемъ этой статьи и длинными выписками изъ нея. Тутъ мы встрѣчаемъ ту же наивно патріархальную точку зрѣнія на явленія внутренней политики, какъ прежде на событія міровой исторіи. Онъ, впрочемъ самъ заранѣе отказывается отъ фактовъ и не желаетъ слушать возраженій, основанныхъ на фактахъ. Доказывая, что прирожденный король лучше чѣмъ сдѣланный, что рожденіе есть примитивный выборъ и что въ свободѣ и единогласіи этого выбора могутъ сомнѣваться только тѣ, «кто не чувствуютъ въ себѣ жизни(?)», онъ вспоминаетъ вѣроятно, что и французскіе Людовики были избраны такимъ примитивнымъ способомъ, и нѣмецкіе недостойнѣйшіе герцоги, курфюрсты и просто фюрсты также свободно и единогласно были призваны владѣть судьбами людей, но это его не смущаетъ. «Кто здѣсь будетъ соваться со своимъ историческимъ опытомъ,—говоритъ онъ,—тотъ совсѣмъ не знаетъ, о чемъ я говорю и на какой точкѣ зрѣнія я стою; для того я говорю по-арабски, и онъ сдѣлалъ бы лучше всего, если бы шелъ своей дорогой и не вмѣшивался бы въ число слушателей, нарѣчіе и обычаи которыхъ ему совершенно чужды». Словомъ, какъ говоритъ Брандесъ по другому поводу, авторъ становится на колѣни, чтобы молиться, но забываетъ (или не хочетъ) открыть глаза, чтобы видѣть, чему онъ молится.

Кто приводитъ доводы разума, тотъ говоритъ на чужомъ языкѣ и не знаетъ нашей подоплеки. Не пахнула ли на читателя знакомая,

родная струя? Не мелькнули ли передъ нимъ фигуры нашихъ пошехонскихъ философовъ, которые десятки лѣтъ твердили:

Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
У ней особенная стать,—
Въ Россію можно только вѣрить.

И это не случайный унисонъ. У Новалиса сплошь и рядомъ попадаются страницы, которыя какъ будто списаны имъ у Аксакова, Хомякова или Достоевскаго. Вотъ вамъ національное самодовольство: «Цвѣтущая страна было бы болѣе достойное произведеніе королевскаго искусства, чѣмъ паркъ. Изящный паркъ — англійское изобрѣтеніе. Страна, которая удовлетворяетъ умъ и сердце, могла бы быть нѣмецкимъ изобрѣтеніемъ». Вотъ культъ Иванушки-дурачка: «Нѣмецъ долго былъ Иванушкой. Скоро, пожалуй, онъ сдѣлается всѣмъ Иванамъ Иванъ. Съ нимъ происходитъ то, что бываетъ со многими глупыми дѣтьми—онъ будетъ жить и будетъ умнымъ, когда его скороспѣлые братья давно сгніютъ, а онъ будетъ одинъ господинъ въ домѣ». Мечты о третьемъ Римѣ также не чужды Новалису: «Наша древняя національность, какъ мнѣ кажется, истинно римская, ибо мы произошли такимъ же путемъ, какъ римляне(?), и такимъ образомъ названіе Римское царство пожалуй дѣйствительно удачный, остроумный случай... Инстинктивно универсальная политика и тенденція римлянъ присуща также и нѣмецкому народу. Лучшее, что французы пріобрѣли революціей, есть извѣстная доля германизма». Противоположеніе нѣмецкой патріархальности западной, т.-е. въ данномъ случаѣ французской цивилизаціи: «Здѣсь благоговѣніе къ старинѣ, привязанность къ историческимъ основамъ государственнаго строя, любовь къ памятникамъ праотцевъ и древней достославной государственной семьѣ (династіи?) и радость повиновенія; тамъ восторженное чувство свободы» и пр. Какъ извѣстно, славянофилы приписывали русскому народу монополію на всѣ тѣ черты, которыми Новалисъ характеризуетъ своихъ соотечественниковъ. «Германія,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—идетъ медленною, но вѣрною поступью впереди остальныхъ европейскихъ странъ. Въ то время, какъ послѣднія заняты войнами, спекуляціями и партійными раздорами, нѣмецъ прилежно вырабатываетъ въ себѣ гражданина высшей культурной эпохи». Достоевскій увѣрялъ, что русскій не только русскій, какъ французъ только французъ,—онъ всечеловѣкъ, и поэтому Пушкинъ—универсальный поэтъ. Новалисъ думаетъ, что нѣмцы «могутъ навѣрняка расчитывать, что среди нихъ возникнутъ великолѣпнѣйшія произведенія искусства, ибо никакая нація не можетъ съ нами соперничать въ энергической универсальности».

Любопытно, что въ обоихъ случаяхъ такая пышная національная самовлюбленность расцвѣла какъ разъ при особенно мрачныхъ условіяхъ народной жизни. Нѣмецкія государства въ 90-хъ годахъ XVIII

столѣтія, а Россія въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX столѣтія приближались къ тому моменту, когда внѣшній ударъ долженъ былъ обнаружить съ очевидною даже для слѣпыхъ ясностью всю ветхость ихъ внутренняго строя. Но пока громъ не грянулъ, благодушные мечтатели, у которыхъ не было стимула заглядывать глубже гладкой поверхности, могли баюкать себя патріотическими миѳами. Симпатіи нѣмецкихъ романтиковъ и русскихъ націоналистовъ къ старинѣ имѣли въ значительной степени эстетическія основанія, и они радовались, когда могли любоваться остатками этой любимой эпохи воочію. Что старинка имѣла весьма тяжелую сторону для тѣхъ, кого она держала въ своихъ когтяхъ, они не видѣли и не хотѣли видѣть.

Какъ въ отношеніи своемъ къ явленіямъ общественной жизни Новалисъ можетъ служить типическимъ представителемъ извѣстной культурной формаціи, такъ и въ чисто литературной сферѣ онъ имѣетъ много сородичей на всемъ протяженіи минувшаго вѣка. Если подсчитать дѣйствительную сумму оставленныхъ имъ въ наслѣдство художественныхъ элементовъ, то она будетъ не велика, и мы совершенно не раздѣляемъ высокаго мнѣнія большинства нѣмецкихъ изслѣдователей о поэтическихъ достоинствахъ Новалиса. Монографистамъ свойственно преувеличивать значеніе своего героя, но даже такой пристальный изслѣдователь, какъ Гаймъ, имѣя передъ глазами всю современную Новалису группу писателей, видитъ въ немъ единственное поэтическое дарованіе изъ всего перваго поколѣнія романтиковъ. Намъ кажется, что его нельзя ставить рядомъ даже съ Тикомъ, который, несмотря на хаотичность и негармоничность, несмотря на многія просто смѣшныя аберраціи вкуса, имѣлъ дѣйствительные задатки творческаго генія; не говоря уже про Гельдерлина, который, не обладая разносторонностью, по силѣ и искренности поэтическаго чувства и по безукоризненной чистотѣ формы можетъ выдержать сосѣдство Гете. Значеніе Новалиса другого характера. Говоря его собственными словами, его произведенія не поступки, а только тенденціи. И тенденціямъ этимъ не суждено было заглохнуть. Новалисъ посѣялъ сѣмена, которыя впослѣдствіи дали пышный цвѣтъ. Правда, въ большинствѣ случаевъ это оказались не питательные злаки, а лишь махровые цвѣты, которые не даютъ плода. Наслѣдники Новалиса по прямой и боковымъ линіямъ очень часто стоятъ неизмѣримо выше его, какъ художники, но тѣмъ крупнѣе, слѣдовательно, его роль въ исторіи литературы. Въ нашъ планъ не входитъ подробно слѣдить за ростомъ того движенія, которое восходитъ къ голубому цвѣтку; это значило бы написать добрую часть исторіи нѣмецкой литературы. Мы ограничимся нѣсколькими примѣрами, показывающими, что нѣкоторыя черты поэзіи Новалиса стали прочною традиціею. Мы имѣли уже случай дѣлать очную ставку между Новалисомъ и Эйхендорфомъ. Тогда намъ нужно было показать, въ какую изящную форму можетъ выливаться религіозное чувство подъ пе-

ромъ истиннаго поэта. Теперь мы приведемъ цитату изъ того же писателя, исключительно съ цѣлью отмѣтить преемственность идей между ними. Совершенно въ духѣ «Гимновъ къ ночи» Эйхендорфъ также призываетъ отраду тьмы: «Приди, тихая ночь, отрада міра!.. Отрада міра, тихая ночь! День такъ утомилъ меня, далекое море уже темнѣетъ; дай мнѣ отдохнуть отъ веселья и горя, пока вѣчная заря не пробьется искрами сквозь тихій лѣсъ». У Гейне постоянно встрѣчаются отзвуки изъ Новалиса, особенно въ «Книгѣ пѣсенъ», гдѣ господствующій тонъ еще вполнѣ романтическій. Голубой цвѣтокъ подъ вліяніемъ Индіи, открытой Авг. Вильг. Шлегелемъ, переродился въ мечтательный лотосъ. Когда поэтъ приглашаетъ свою возлюбленную летѣть къ берегамъ Ганга на крыльяхъ его пѣсенъ, онъ рисуетъ ей садъ въ лунномъ свѣтѣ, гдѣ «цвѣты лотоса ждутъ свою милую сестрицу». Вѣдь Матильда приходилась также близкой родней голубому цвѣтку. Въ одной изъ юношескихъ пѣсенъ онъ разсказываетъ о блѣдномъ цвѣткѣ, который продолжаетъ цвѣсти даже зимой и походитъ на больную невѣсту; поэтъ сначала ищетъ яркокраснаго цвѣтка, но блѣдный цвѣтокъ напрашивается самъ къ нему въ руки, и когда поэтъ сорвалъ его наконецъ, «вдругъ сердце его перестало сочиться кровью, его внутренній взоръ просвѣтлѣлъ и тихая ангельская радость наполнила его израненную грудь». Другой крупный поэтъ, Ленау, изображаетъ свое пробужденіе отъ романтическихъ мечтаній къ суровой дѣйствительности. Онъ въ ужасѣ зоветъ любимую женщину: «Назадъ, назадъ... бѣжимъ туда, гдѣ цвѣтетъ чудесный цвѣтокъ! Мы набожно преклонимъ колѣни передъ нимъ,—быть можетъ, тамъ твой взоръ опять загорится, быть можетъ, красота, разбуженная его чудотворнымъ дыханіемъ, опять распустится на твоихъ щекахъ». Новалисъ считалъ дѣйствительную жизнь за нѣчто нереальное, а единственно реальными только загробную жизнь, а также сонъ, созданіе фантазіи; Ленау вращается въ томъ же мірѣ идей, когда надѣется, что чудесный цвѣтокъ пробудитъ его отъ дѣйствительности.

Но, помимо прямого литературнаго вліянія, любопытно видѣть, какъ однѣ и тѣ же идеи и настроенія возрождаются при совершенно различныхъ, повидимому, условіяхъ времени и мѣста. Въ этомъ отношеніи весьма интересныя аналогіи наблюдаются между раннимъ нѣмецкимъ романтизмомъ и тѣмъ направленіемъ искусства, которое вотъ уже лѣтъ двадцать господствуетъ во Франціи. Тутъ дѣло идетъ уже не объ отдѣльныхъ поэтическихъ образахъ, а о цѣломъ умственномъ теченіи эпохи. Мы не можемъ съ достаточною подробностью останавливаться здѣсь на этомъ въ высшей степени интересномъ вопросѣ, который не разъ въ послѣднее время затрагивался и въ нѣмецкой литературѣ, но считаемъ необходимымъ намѣтить, хотя бы въ общихъ чертахъ, важнѣйшіе пункты сходства и высказать свои соображенія о причинахъ такого страннаго явленія.

Мы приводили выше сентенцію Клингсора о томъ, что неправильно выдѣлять поэтовъ въ особый отъ остальныхъ людей классъ, такъ какъ каждый человѣкъ есть поэтъ, творецъ своей жизни; всѣ поступки суть продукты свободной дѣятельности человѣческаго духа: «судьба и внутренній міръ (Gemüth) служатъ названіями одного и того же понятія», говоритъ Новалисъ въ другомъ мѣстѣ. Оставляя совершенно въ сторонѣ философскую проблему о независимости и творческой роли души, мы укажемъ только, что никогда еще писатели не обособлялись въ такую замкнутую группу, какъ это дѣлали нѣмецкіе романтики. Правда, въ концѣ XVIII вѣка они еще не были такими ненавистниками толпы, какими стали послѣ; они еще признавались въ томъ, что творятъ ради одобренія публики: «Публика,—говоритъ Новалисъ,—представляетъ собою безконечную по величинѣ, разнообразную, интересную личность—таинственную личность безконечнаго значенія—въ ней собственно и лежитъ безусловный стимулъ дѣятельности художника». Но ихъ образъ жизни, ихъ спеціализація въ сферѣ умственныхъ и эстетическихъ интересовъ создали между ними и публикой стѣну, которая вскорѣ совершенно прекратила взаимное пониманіе обѣихъ сторонъ. Гораздо реальнѣе, чѣмъ философскія размышленія Клингсора, слѣдующее мѣсто изъ того же «Офтердингена», гдѣ авторъ говоритъ уже отъ собственнаго имени: «Люди, рожденные для дѣйствія, для практическихъ занятій, не могутъ достаточно рано все сами разсмотрѣть и пережить... Они не имѣютъ права поддаваться приманкѣ тихаго созерцанія. Ихъ душа не имѣетъ права обращать свой взоръ внутрь, она должна непрестанно быть обращена наружу и помогать разсудку въ качествѣ усердной, быстро принимающей рѣшеніе слуги... Иначе дѣло обстоитъ съ тѣми спокойными, невѣдомыми людьми, міръ которыхъ сосредоточивается въ ихъ душѣ, дѣятельность которыхъ есть созерцаніе, а жизнь—медленное развитіе собственныхъ силъ. Никакое безпокойство не гонитъ ихъ наружу. Ихъ удовлетворяетъ безшумная собственность, и неизмѣримое зрѣлище внѣ ихъ не побуждаетъ ихъ самихъ выступать въ немъ актерами, но оно кажется имъ настолько значительнымъ и достойнымъ удивленія, чтобы посвятить свой досугъ его созерцанію. Стремленіе постигнуть духъ этого зрѣлища удерживаетъ ихъ вдали, и онъ-то и заставляетъ ихъ принять на себя таинственную роль души (Gemüth) въ этомъ человѣческомъ мірѣ, тогда какъ другіе представляютъ внѣшніе члены и органы чувствъ, и исходящія изъ нихъ силы... Это художники, тѣ рѣдкія пролетныя птицы человѣчества, которыя иногда держатъ путь черезъ наши селенія и возобновляютъ всюду древнее, почтенное поклоненіе человѣка его божествамъ—созвѣздіямъ, веснѣ, любви, счастью, плодородію, здоровью и веселью»... Тутъ ужъ нѣтъ и слѣда сліянія поэтовъ съ толпой; напротивъ, дифференціація функцій доведена до той степени, какъ въ извѣстной баснѣ Мененія Агриппы. Въ истекшемъ вѣкѣ во Франціи, въ силу извѣстныхъ историческихъ процессовъ, дифференціація эта обострилась до того, что

слабѣйшей группѣ пришлось опять удалиться на Священную гору, но слабѣйшею стороною оказались на этотъ разъ не плебеи, а высшій классъ жрецовъ. Отсюда съ ихъ стороны такое крайнее озлобленіе. Мы, впрочемъ, не будемъ подчеркивать теперь эту послѣднюю черту, а остановимся только на бездѣятельности современныхъ художниковъ, на ихъ исключительно созерцательныхъ интересахъ. Прочтите, напр., прелестную статью Метерлинка о «Трагедіи обыденной жизни» (Le tragique quotidien): всякая драма, основанная на внѣшнемъ дѣйствіи, на событіяхъ матеріальнаго характера, его не интересуетъ и оставляетъ холоднымъ. «Теперь,—говоритъ онъ,—хорошій художникъ не будетъ больше писать побѣду Марія надъ кимврами или убійство герцога Гиза, потому что психологія побѣды или убійства элементарна и исключительна, потому что безполезный грохотъ насилія заглушаетъ болѣе глубокій, но нерѣшительный и тихій голосъ живыхъ существъ и не живыхъ вещей. Онъ изобразитъ домъ, затерянный въ деревенской глуши, открытую дверь въ концѣ корридора, лицо или руки въ состояніи покоя; и эти простые образы будутъ въ состояніи прибавить что-нибудь къ нашему познанію жизни; а это есть благо, которое уже невозможно потерять». «Я удивляюсь Отелло,—говоритъ онъ далѣе,—но мнѣ кажется, что онъ не живетъ тою величественною обыденною жизнью, какъ Гамлетъ, который имѣетъ время жить, потому что онъ не дѣйствуетъ». Совершенно въ томъ же смыслѣ понималъ жизнь Новалисъ.

Созерцательная жизнь имѣетъ извѣстныя, почти неизбѣжныя психологическія послѣдствія. Религіозность людей, поглощенныхъ физическою «дѣятельностью», часто обращается въ простое соблюденіе вѣроисповѣднаго ритуала; тогда какъ религіозность отшельника большею частью переходитъ въ мистицизмъ, визіонерство, магію. Новалисъ дошелъ отъ религіи къ мистицизму, онъ старался всѣми силами развить въ себѣ способность общенія съ загробнымъ міромъ и былъ совершенно убѣжденъ въ существованіи магіи. «Да, Матильда,—говоритъ убѣжденно Офтердингенъ,—высшій міръ ближе къ намъ, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ. Уже здѣсь мы въ немъ живемъ, и мы видимъ, что онъ самымъ тѣснымъ образомъ переплетается съ земною природой». Здѣсь высказанъ коренной догматъ мистицизма. Непосредственная связь матеріальнаго и сверхестественнаго міровъ ощутительна, кромѣ влюбленныхъ, особенно для поэтовъ. «Всякая книга, вдохновенная Святымъ Духомъ, становится библіей», а Св. Духъ вдохновляетъ всякое поэтическое произведеніе. Одинъ изъ наиболѣе выразительныхъ манифестовъ новѣйшей французской литературы говоритъ то же самое: «Въ ожиданіи того, что наука рѣшительно завершится мистицизмомъ, вдохновенія фантазіи опережаютъ науку въ этомъ направленіи и празднуютъ эстетическое празднество будущаго, но уже окончательнаго союза религіознаго и научнаго духа». Этими словами Ш. Морисъ начинаетъ главу, называемую имъ «комментарій будущей книги», не предполагая, что онъ комментируетъ девяностолѣтнюю книгу. Если бы

онъ зналъ это, то наврядъ-ли онъ могъ бы говорить объ «окончательномъ» торжествѣ мистицизма. Метерлинкъ, единственный во французской литературѣ конца вѣка, который непосредственно знакомъ съ произведеніями Новалиса—онъ даже перевелъ его «учениковъ въ Саисѣ» и часть «Фрагментовъ»—постоянно стучится въ дверь невѣдомаго, и ему кажется, также какъ Новалису, что она иногда поддается его усиліямъ; Метерлинкъ также считаетъ только мистическія произведенія истинно великими: «Мистическія истины,—говоритъ онъ,—имѣютъ странное преимущество передъ обыкновенными истинами; онѣ не могутъ ни состарѣться, ни умереть»... «Литературное произведеніе старится лишь постольку, поскольку оно антимистично». Метерлинкъ также предсказываетъ близкое торжество мистическаго міропониманія; онъ указываетъ на «магнитизмъ, телепатію, левитацію (?), на невѣдомыя свойства иррадіирующей матеріи», которыя, по его мнѣнію, потрясаютъ «оффиціальную науку». «Эти явленія всѣмъ знакомы и легко констатируются. Но они, вѣроятно, еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что происходитъ въ дѣйствительности (Метерлинкъ, также считаетъ дѣйствительнымъ только то, что происходитъ за предѣлами видимаго міра), ибо душа подобна спящему человѣку, который, объятый сновидѣніями (т. е. условіями матеріальной жизни), дѣлаетъ огромныя усилія, чтобы двинуть рукой или поднять вѣки». Увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ естественно влечетъ за собою желаніе ощутить міръ духовъ своими органами чувствъ. «Въ силу моей вѣры въ то, что Соня (Söfchen) находится близъ меня и можетъ появиться, въ силу того, что я поступаю сообразно этой вѣрѣ, она дѣйствительно находится близъ меня и навѣрное явится мнѣ наконецъ». Мы видѣли уже, какъ Новалисъ старался внушить себѣ галлюцинаціи надъ могилой своей невѣсты. Вызывать души умершихъ—это уже магія (теперь, впрочемъ, это называется спиритизмомъ). Новалисъ вполнѣ вѣровалъ въ ея возможность: только тотъ, по его мнѣнію, можетъ сомнѣваться въ магіи, кто забылъ впечатлѣніе перваго взгляда своей возлюбленной, первое пожатіе ея руки, первый поцѣлуй. Это можно было бы считать весьма недурной поэтической фигурой, но Новалисъ вовсе не играетъ здѣсь словами, а говоритъ совершенно серьезно. Извѣстно, что французская литература имѣетъ въ своей средѣ не мало маговъ и волшебниковъ, изъ которыхъ, можетъ быть, не всѣ сознательные плуты.

Психіатры увѣряютъ, что религіозная манія всегда сопровождается эротическими идеями. Въ этомъ отношеніи Новалисъ, какъ и французскіе новѣйшіе поэты, могутъ доставить врачамъ обильный матеріалъ. Мы приводили уже примѣръ того, какъ религіозность Новалиса переходитъ въ тонъ интимной фамильярности, въ стремленіе къ физическому соприкосновенію съ божествомъ. Но онъ идетъ гораздо дальше. Предсказывая возрожденіе въ европейскомъ обществѣ религіознаго духа, онъ рисуетъ себѣ начало этой новой эры въ видѣ «сладчайшаго объятія юной, удивленной церкви и любящаго Бога и таинственнаго

зачатія новаго мессіи въ каждомъ изъ тысячи членовъ ея (церкви). Кто со сладкимъ стыдомъ не ощущаетъ въ себѣ добраго обѣтованія?» Такимъ образомъ ему знакомо было ощущеніе беременной женщины. Но и это еще не все, чѣмъ можетъ воспользоваться психопатологія. Какъ наиболѣе страшные душевно-больные, Новалисъ подмѣчаетъ связь между насиліемъ, жестокостью и сладострастіемъ,—болѣе того, онъ соединяетъ это съ религіознымъ чувствомъ. «Странно,—говоритъ онъ,—что ассоціація сладострастія, религіи и жестокости давно уже не обратила вниманіе людей на ихъ внутреннее родство и общее стремленіе». Для него эта ассоціація, очевидно, не подлежитъ сомнѣнію, какъ и «общее стремленіе» людей удовлетворить этимъ страстямъ. Но пусть не пугаются: въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ лишь о жестокомъ насиліи надъ самимъ собою, о сладострастіи преодолѣнія своихъ грѣховныхъ попозновеній. Вообще мы должны оговориться, что мы вовсе не считаемъ Новалиса прирожденнымъ психопатомъ. Мы разсматриваемъ его извращенныя идеи исключительно какъ результатъ извѣстнаго образа жизни, извѣстной ненормальной антиобщественной умственной и душевной діэты. Религіозность французскихъ неоромантиковъ также идетъ параллельно съ эротическими позывами. Извѣстно, что католицизмъ имѣетъ между ними рьяныхъ прозелитовъ, какъ Гюисманъ, Верленъ и др. Извѣстно также, какими «языческими гекатомбами» прерываются часто ихъ серафическіе экстазы. Къ сожалѣнію, мы не можемъ привести соотвѣтствующихъ образчиковъ: для русской печати они слишкомъ картинны.

Въ области литературы мистицизмъ совершенно послѣдовательно долженъ приводить къ символизму. Высшія силы не могутъ выражаться обычнымъ человѣческимъ языкомъ, онѣ могутъ проявляться лишь особыми таинственными знаками, мимо которыхъ толпа проходитъ равнодушно, но которые глубоко запечатлѣваются въ душѣ поэта, знающаго языкъ безтѣлесныхъ идей. Такъ какъ весь видимый міръ есть лишь извѣстная форма невидимыхъ сущностей, то все есть только символъ. «Большинство,—говоритъ Новалисъ, причисляя, конечно, и себя къ этому числу, видитъ кругомъ себя только аллегорическія фигуры. Дѣти—надежды, дѣвушки—желанія и просьбы». Онъ старается разсматривать даже математическія величины, какъ символы нематеріальныхъ понятій; такъ онъ давалъ ариѳметическую формулу Бога. Литературныя произведенія Новалиса, какъ мы уже знаемъ, полны символическими персонажами, и если они въ большинствѣ случаевъ такъ безжизненны и абстрактны, то тѣмъ не менѣе они были носителями весьма глубокомысленныхъ идей. Какое распространеніе получилъ символизмъ во французской литературѣ, отчасти въ истинно-поэтическихъ образцахъ, разсказывать нечего. Всѣмъ, вѣроятно, извѣстенъ сонетъ Бодлера, съ котораго эта литературная теорія ведетъ свое лѣтосчисленіе. «Природа—это храмъ, гдѣ живыя колонны издаютъ порою неясныя слова; человѣкъ здѣсь проходитъ сквозь лѣсъ символовъ, которые гля-

дять на него дружелюбными глазами». Эта, быть можетъ, случайная идея разрослась къ концу вѣка и создала художественныя произведенія замѣчательной силы. Перечитайте драмы Метерлинка, и вы неизбѣжно подпадете на нѣкоторое время подъ внушеніе навязчивой мысли автора. Мы для простоты опять воспользуемся собственными словами Метерлинка, гдѣ онъ высказывается не при помощи образовъ. «Есть тысячи и тысячи истинъ,—говоритъ онъ въ статьѣ о «Мистической морали»,—которыя, какъ царицы подъ покрываломъ, управляютъ нами на пути существованія, и о которыхъ намъ не удается ничего сказать. Едва мы выскажемъ какое-нибудь понятіе, мы страннымъ образомъ суживаемъ его значеніе». «Мы чувствуемъ въ извѣстные моменты, быть можетъ, глубже, чѣмъ наши отцы, что мы находимся въ присутствіи не только самихъ себя. Тѣ, которые не вѣрятъ ни въ какого бога, также какъ и другіе, внутренно дѣйствуютъ не такъ, какъ если бы они были увѣрены, что они одни. Есть высшій надзоръ, который производится въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ въ снисходительномъ туманѣ совѣсти каждаго отдѣльнаго человѣка. Дѣйствительно ли духовные сосуды уже не такъ тщательно запечатаны, какъ раньше? Дѣйствительно ли колебанія внутренняго моря стали сильнѣе?» Припомнимъ, что и Новалису казалось, будто голоса того невѣдомаго міра въ его время стали явственнѣе слышаться, или, по крайней мѣрѣ, къ нимъ стали съ большимъ вниманіемъ и пониманіемъ прислушиваться.

Изъ идеи объ единствѣ міровой гармоніи и о художникѣ, какъ ея истолкователѣ, возникла у Новалиса мысль о несущественности границъ между отдѣльными родами искусства. Онъ не развилъ этой мысли до окончательныхъ выводовъ, но у него уже ясно сказывается стремленіе къ объединенію разнородныхъ группъ эстетическихъ эмоцій. «Поэты,—говоритъ онъ устами Клингсора,—должны какъ можно больше учиться у музыкантовъ и живописцевъ. Въ этихъ искусствахъ бросается въ глаза, какъ экономно нужно обходиться со вспомогательными средствами искусства и какъ важны удачныя отношенія. Въ свою очередь, конечно, и тѣ художники могли бы съ благодарностью принять отъ насъ поэтическую свободу и внутренній духъ, присущій каждому поэтическому произведенію, каждому вымыслу, вообще каждому произведенію искусства. Они должны сдѣлаться поэтичнѣе, а мы музыкальнѣе и живописнѣе, то и другое сообразно роду нашего искусства». Иногда Новалисъ самъ дѣлаетъ робкія попытки объяснять зрительныя ощущенія красоты слуховыми, напр., когда Офтердингенъ въ пылу ухаживанія за Матильдой говоритъ, что ея «образъ возвѣщаетъ небесную музыку». Верленъ развилъ этотъ скромный намекъ до полнаго аккорда, когда сравнивалъ глаза своей возлюбленной съ «мистическою баркароллой, съ романсомъ безъ словъ», или дальше:

tout ton être;
Musique qui pénètre.
Nimbes d'anges défunts,
Tons et parfums...

Онъ же позднѣе требовалъ, чтобы поэзія совершенно слилась съ музыкой, и за нимъ въ этомъ направленіи послѣдовала цѣлая группа французскихъ поэтовъ. Если это объясняется, быть можетъ, только индивидуальными склонностями, то критика старалась обосновать теоретически необходимость «синтеза искусства». Такъ, упомянутый уже Ш. Морисъ мечтаетъ о наступленіи «великой, новой и послѣдней эпохи, когда, въ противоположность анализу, который извратилъ искусства, синтезъ возвратитъ искусство къ первобытному и центральному единству». Правда, онъ предвидитъ затрудненія со стороны матеріальныхъ условій, въ которыя поставлено все существующее: трудно себѣ представить сліяніе пространственныхъ искусствъ, живописи, архитектуры и скульптуры, съ поэзіей и музыкой, основанныхъ на принципѣ времени, но, по крайней мѣрѣ, внутри каждой изъ этихъ кардинальныхъ группъ сближеніе кажется ему возможнымъ и необходимымъ.

Намъ остается указать еще, что Новалисъ однажды прекрасно формулировалъ наиболѣе парадоксальный принципъ новѣйшей французской литературы: онъ представлялъ себѣ «разсказы безъ связи, но съ ассоціаціями, какъ сны. Стихотворенія, только благозвучныя и полныя красивыхъ словъ, но также безъ всякаго смысла и связи — въ крайнемъ случаѣ, отдѣльныя строфы могутъ быть понятны—какъ обломки самыхъ разнообразныхъ предметовъ». Самъ Новалисъ не умѣлъ приложить на практикѣ этой новой эстетической теоріи, его произведенія, даже когда онъ хочетъ отдаваться чистой поэзіи, всегда остаются только «лирическими философемами», но за то Малларме, Мореасъ, Монтескіу де-Фезансакъ съ полною ясностью обнаружили, до какой абсурдности можно довести искусство, если культивировать его въ ущербъ всѣмъ отраслямъ дѣятельности человѣческой психики.

Если бы нужно было формулировать въ немногихъ словахъ смыслъ всѣхъ произведенныхъ нами сопоставленій, то мы считали бы правильнымъ придти къ слѣдующему заключенію: романтизмъ не былъ законченнымъ явленіемъ въ границахъ литературной эволюціи; въ своихъ основныхъ чертахъ оно повторяется, съ необходимостью вытекая изъ извѣстной констелляціи соціальныхъ элементовъ, при которой искусство не чувствуетъ на себѣ отвѣтственности въ качествѣ активнаго фактора общественнаго процесса. Свобода, несомнѣнно, есть одно изъ коренныхъ условій художественнаго творчества, однако свобода эта относится лишь къ сознанію художника, но во всемъ мірѣ нѣтъ ни одного явленія, которое не было бы связано неразрывною цѣпью съ прошедшимъ и будущимъ; фактически искусство никогда не могло сбросить съ себя зависимость отъ категорій существованія всего земного, и чѣмъ свободнѣе оно мнило себя отъ условій времени и мѣста, тѣмъ болѣе послушнымъ орудіемъ оно оказывалось въ рукахъ темныхъ силъ, поработителей человѣчества.

Евгеній Дегенъ.

ИЗЪ ГИМНАЗИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

(ОЧЕРКИ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

(*Окончаніе* *).

XVII.

Въ наказаніи, которому подвергли Трубчевскаго за инцидентъ съ „историкомъ", самымъ тягостнымъ былъ не выговоръ изъ устъ директора и даже не карцеръ, а занесеніе въ штрафной журналъ и тройка изъ поведенія. Эти два обстоятельства, съ одной стороны, ограничивали его въ правахъ, лишая возможности посѣщать театры, концерты и пр., а съ другой—какъ бы налагали обязанность быть тише воды, ниже травы. Согласно гимназическому „уложенію о наказаніяхъ", малѣйшій проступокъ, совершенный „штрафованнымъ", считался доказательствомъ неисправимости и вызывалъ усиленную репрессію. Въ тѣ времена важный вопросъ педагогической техники—школьныя наказанія—былъ вообще до послѣдней степени не разработанъ: многія наказанія носили, какъ говорятъ юристы, „осрамительный" характеръ, другія были ненужны и безцѣльны, третьи вредны для здоровья учащихся, четвертыя просто нелѣпы. Подстать „уложенію о наказаніяхъ" былъ и „уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій". Этотъ „уставъ" съ поразительной подробностью регламентировалъ какъ классную, такъ и внѣклассную жизнь учениковъ и вносилъ столько ненужныхъ мелочей, столько ритуальнаго педантизма, что гимназисты чувствовали себя всегда связанными по рукамъ и ногамъ и, конечно, не исполняли, да и не могли исполнять и десятой доли всѣхъ безчисленныхъ правилъ.

Не могъ ихъ исполнять и Трубчевскій. При всемъ его искреннемъ желаніи „дотерпѣть до конца гимназіи", онъ постоянно „нарывался", какъ говорили гимназисты, и нечувствительно для самого себя попадалъ въ исторіи.

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1901 г.

— Чортъ его знаетъ, — недоумѣвая говорилъ онъ и даже руками разводилъ. — Куда ни ступи, непремѣнно напорешься, какъ на рогатину, на какое-нибудь правило. Единственный способъ не нарушать этихъ правилъ — это лечь въ гробъ, сложить на животѣ руки и смежить очи на вѣки.

Все новыя и новыя нареканія, которыя вызывалъ Трубчевскій со стороны учителей, очень безпокоили его мать. Она даже хотѣла взять съ сына честное слово вести себя вполнѣ такъ, какъ требовали педагоги и ни въ чемъ не нарушать правилъ, но Трубчевскій по совѣсти не могъ дать такого обѣщанія и обѣщалъ лишь не попадаться. Но и это ему не удавалось: живость темперамента, способность къ быстрымъ увлеченіямъ, ненасытное желаніе смѣяться и вышучивать все, что попадется подъ руку и вообще ключомъ бившая въ этомъ юношѣ жизнь—мѣшали ему ходить по веревочкѣ. Къ тому же дома онъ пользовался полнѣйшей свободой, такъ какъ выросъ въ просвѣщенной семьѣ, которая съ дѣтскихъ лѣтъ старательно развивала въ немъ чувство собственнаго достоинства и нравственной порядочности и которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно осмѣивала все узенькое, мелочное, мѣщанское. Все это, вмѣстѣ взятое, было причиной того, что Трубчевскій не могъ сдержать обѣщанія, даннаго матери, и постоянно попадался: то у него пальто оказывалось не застегнуто, то его видѣли на улицѣ въ лѣтнихъ панталонахъ и зимней курткѣ, то онъ въ кондитерской мороженное ѣлъ, то на бульварѣ гулялъ съ хлыстикомъ, то въ его „записной тетради" оказывались за полгода незаписанными уроки, то, наконецъ, онъ пѣлъ въ концертѣ, не испросивъ разрѣшенія начальства. Всѣ эти „нарушенія законовъ", какъ говорили въ гимназіи, влекли за собой систематическія „дисциплинарныя воздѣйствія" въ видѣ карцера, выговоровъ, оставленій безъ обѣда и пр. Наказанія, къ которымъ Трубчевскій въ прежнія времена относился такъ легко, теперь, когда онъ со всею искренностью старался „быть паинькой", раздражали и злили его. Онъ нервничалъ, говорилъ рѣзкости даже Чеботаеву, огрызался съ учителями, рисовалъ на нихъ каррикатуры, сочинялъ эпиграммы. Но все-таки ученіе кое-какъ шло, пока не замѣшались въ дѣло театральныя исторіи.

Какъ „штрафованный", Трубчевскій не имѣлъ права ходить въ театръ и всякій разъ, когда, согласно правиламъ, онъ приносилъ Харченкѣ записочки отъ отца съ просьбой выдать установленное разрѣшеніе на право быть въ театрѣ, Харченко отказывалъ. Для Трубчевскаго эти отказы были хуже всякихъ выговоровъ и карцеровъ: большой любитель музыки, онъ чуть не плакалъ, когда его домашніе ѣхали въ оперу, оставляя дома его одного. Онъ нылъ, брюзжалъ и раскисалъ на цѣлыя недѣли.

— Чортъ знаетъ, что такое,—твердилъ онъ капризно, точно обиженный ребенокъ, — что я испорчусь, что ли, если „Аиду“ послушаю?

Отецъ очень близко къ сердцу принималъ огорченіе сына, къ тому же онъ всѣми мѣрами поддерживалъ страсть мальчика къ музыкѣ и вообще удѣлялъ большое вниманіе его музыкальному образованію. Поэтому запрещеніе посѣщать театръ раздражало его не меньше, чѣмъ сына, и только настоянія жены, трепетавшей, что сына выключатъ изъ гимназіи, заставляло его смиряться. Однако, онъ все-таки сдѣлалъ попытку снять эпитимію, наложенную на гимназиста, и написалъ Харченкѣ письмо, въ которомъ излагалъ свой взглядъ на дѣло и просилъ разрѣшить сыну посѣщать не только гимназію, „но и другую, столь же развивающую и полезную школу, т.-е. театръ“.

На это письмо Харченко очень сухо и сдержанно отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что не онъ, Харченко, вводилъ эти правила и не въ его власти ихъ отмѣнять, но что „ученикъ Трубчевскій“ во всякомъ случаѣ, долженъ соблюдать всѣ правила, наряду съ другими, такъ какъ въ противномъ случаѣ „съ ученикомъ Трубчевскимъ“ будетъ поступлено согласно параграфу такому-то примѣнительно къ пункту такому-то правилъ, утвержденныхъ тогда-то.

Содержаніе этого письма старый адмиралъ никому изъ домочадцевъ не сообщилъ, но, прочитавъ его, немедленно послалъ вѣстового въ театръ за ложей, а вечеромъ, когда и онъ, и жена его были совсѣмъ готовы ѣхать въ театръ, онъ какъ бы невзначай сказалъ сыну.

— Пошелъ одѣвайся, поѣдешь съ нами въ ложу.

— Илья Петровичъ, — запротестовала жена, — ты развѣ забылъ?

— Я беру отвѣтственность на себя. Бѣги одѣвайся!

Сынъ весь зардѣлся отъ восторга и, какъ пуля, полетѣлъ въ свою комнату.

— Послушай, Илья Петровичъ,—серьезно, даже строго сказала адмиральша,—ты хочешь, чтобъ мальчика выключили? Развѣ ты не знаешь, что онъ наказанъ?

Адмиралъ, до сихъ поръ сдерживавшійся, почувствовалъ вдругъ приливъ раздраженія, и расхаживая большими шагами по комнатѣ, нервно воскликнулъ:

— Да что это, матушка, за наказанія такія, объясни, сдѣлай милость! Музыкальный мальчикъ — и вдругъ не смѣй слушать музыку! Я не понимаю такихъ наказаній и не хочу понимать!— И адмиралъ раздражительно махнулъ биноклемъ, бывшимъ у него въ рукѣ.

— Но, Илья Петровичъ, вѣдь разъ они такъ рѣшили, такъ...

— Да что такое „они“? И почему, скажи на милость, я долженъ подчиняться ихъ рѣшенію, если я его считаю нелѣпымъ! Своя-то голова у меня на плечахъ есть?

Адмиральша поджала губы и, подчеркивая свое спокойствіе, сдержанно возразила:

— Я не знаю, чего ты раздражаешься, но вѣдь имъ предоставлена власть и они въ правѣ...

— А мнѣ не предоставлена? А я не въ правѣ? Что я, по твоему, отецъ—или дядька, приставленный къ моему сыну? И что такое вообще мой сынъ — сынъ это въ дѣйствительности, или преступникъ, только отданный мнѣ на поруки?

Адмиральша снова поджала губы и, нахмуривъ брови, раздѣльно сказала:

— Колю могутъ выключить.

— Не выключатъ! — махнувъ биноклемъ, сказалъ мужъ. — Я жаловаться стану, не можетъ быть, чтобы такія наказанія поощрялись! Славное наказаньице, чортъ возьми: лишить мальчика на цѣлый годъ театра. Да что такое театръ—леденцы это, пирожное, сладкое блюдо, или же это такая же школа, какъ и гимназія и, можетъ быть, во сто разъ лучшая, чѣмъ гимназія?— И размахивая своимъ биноклемъ, возмущенный адмиралъ продолжалъ, вскинувъ плечами.—Я не понимаю ихъ логики, совсѣмъ не понимаю! Да послѣ этого они *въ наказаніе* запретятъ ему изучать русскую литературу, русскую исторію, не позволятъ заниматься французскимъ языкомъ! Ты, дескать „штрафованный“, такъ быть же тебѣ безъ французскаго!

Адмиральша, терпѣливо слушавшая раздраженнаго мужа, дождалась, когда онъ замолчалъ и еще разъ настойчиво сказала:

— Я все-таки повторяю, что Колю могутъ выключить.

Но дѣло обошлось на этотъ разъ вполнѣ благопріятно: Трубчевскіе прослушали спектакль „безъ особыхъ приключеній“, какъ выражался адмиралъ, и только адмиральша сидѣла все время какъ на иголкахъ и поминутно говорила, что ей отравили удовольствіе. Она то и дѣло заставляла сына смотрѣть въ бинокль, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли въ театрѣ учителей и когда сынъ, успокаивая ее, говорилъ, что нѣтъ никого, она все-таки не вѣрила ему и, вооружившись биноклемъ, сама оглядывала весь партеръ, хотя никого изъ учителей никогда не видала въ глаза.

— Да полно тебѣ, матушка, успокойся, наконецъ,—съ улыбкой глядя на жену, говорилъ адмиралъ. Но жена не успокаивалась и весь вечеръ глядѣла не столько на сцену, сколько на партеръ. Замѣчая что-нибудь, по ея мнѣнію, подозрительное, она наклонялась къ сыну и тихонько шептала:

— Коля, посмотри, вонъ въ четвертомъ ряду сидитъ госпо-

динъ съ лысиной: онъ уже четыре раза наводилъ бинокль на нашу ложу. Это не твой Харченко?

— Нѣтъ, мама,—едва сдерживая улыбку, говорилъ сынъ.— Харченко безъ лысины.

А старый адмиралъ смѣялся и, наклоняясь къ женѣ, шепталъ:

— Ужъ не боишься ли ты, матушка, что и тебя посадятъ въ карцеръ? Ха-ха... А что ты думаешь, по нынѣшнимъ временамъ тутъ мудренаго нѣтъ. Прикажутъ: посадить адмиральшу Трубчевскую на 12 часовъ за самовольное посѣщеніе „Гугенотовъ",—и конецъ! А?

Жену раздражали шутки, и она серьезно просила оставить ее въ покоѣ. Но старый адмиралъ не унимался и не пропускалъ ни одного антракта, чтобы не подтрунить надъ адмиральшей.

— Посмотри, ma chère,—шепталъ онъ, придавая лицу трагическое выраженіе,— вонъ въ проходѣ стоитъ Харченко! Мы пропали!..

Счастливо избѣжавъ опасности, Трубчевскіе и еще разъ взяли сына въ театръ, причемъ адмиральша уже не трусила такъ, какъ на „Гугенотахъ". На третій же разъ она уже совсѣмъ не боялась и даже разрѣшила сыну ходить въ театръ одному. Этимъ правомъ сынъ пользовался очень широко и, желая вознаградить себя за прошлый постъ, бывалъ въ оперѣ почти ежедневно. Но счастье длилось не долго: на десятый разъ его замѣтили въ театрѣ и въ качествѣ „штрафованнаго" онъ долженъ былъ отсидѣть 24 часа въ карцерѣ.

Старый адмиралъ, узнавъ объ этой неудачѣ, только языкомъ прищелкнулъ да крякнулъ.

— Чортъ возьми, девятый валъ!

Но адмиральша опять заволновалась и такъ энергично запротестовала, что сынъ цѣлыхъ двѣ недѣли высидѣлъ дома. На третью недѣлю онъ, однако, не утерпѣлъ и, переодѣвшись въ штатское платье, какъ воръ, котораго преслѣдуютъ, пробрался въ театръ на бенефисъ Мазини.

Этотъ опытъ, какъ онъ думалъ, прошелъ вполнѣ благополучно, за весь спектакль онъ не видѣлъ никого изъ гимназическаго начальства и въ самомъ блаженномъ настроеніи явился домой, твердо рѣшивъ и въ послѣдующіе разы переодѣваться. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ другое: гимназистъ, дѣйствительно, никого не видѣлъ, но его видѣли и узнали, и черезъ два дня старикъ Трубчевскій получилъ пригласительную записку отъ директора, вызывавшаго его въ гимназію.

Гимназическая пріемная представляла собой очень большую, въ два свѣта, комнату съ рядами стульевъ у стѣнъ и съ единственнымъ маленькимъ столикомъ, незамѣтно пріютившимся въ узень-

комъ простѣнкѣ. Эта комната съ прекраснымъ навощеннымъ паркетомъ, блестѣвшимъ, какъ ледяной катокъ, очень бы походила на танцъ-классъ, если бы по стѣнамъ не висѣли внушительные портреты въ массивныхъ золотыхъ рамахъ, изъ которыхъ строго глядѣли статскіе генералы, украшенные лентами черезъ плечо и безчисленными орденами и звѣздами. Это были все заслуженные дѣятели на педагогическомъ поприщѣ, и было ихъ такъ много, что въ пріемной не оставалось ни одного простѣнка, откуда на рабѣющихъ посѣтителей не глядѣло бы суровое лицо титулованнаго старца. По странной случайности, между двумя старцами затесался портретъ Пушкина.

Но поэтъ, казалось, чувствовалъ себя не по себѣ въ этой титулованной компаніи. Сосѣди его, два тучные генерала съ лентами черезъ плечо, отвернулись отъ него въ разныя стороны, и морщинистыя, обрюзгшія лица ихъ, казалось, вотъ-вотъ фыркнуть, вотъ-вотъ заговорятъ и начнутъ брюзжать, что ихъ помѣстили рядомъ съ неимѣющимъ чина parvenu.

Оттого ли, что всѣ стѣны были увѣшаны сановниками, или потому, что въ гимназію родителей вызывали только съ цѣлью говорить съ ними о недостаткахъ ихъ сыновей, но ожидающіе въ пріемной всегда вели себя словно на панихидѣ: здѣсь говорили только въ полголоса, здѣсь никогда нельзя было услышать живой человѣческой рѣчи, никогда нельзя было увидѣть улыбки. Но зато въ пріемные часы здѣсь всегда кто-нибудь плакалъ.

Когда старикъ Трубчевскій въ парадной формѣ и въ орденахъ вошелъ въ гимназическую пріемную, тамъ ужъ было нѣсколько человѣкъ, терпѣливо и, видимо, давно ожидавшихъ выхода начальниковъ. Всѣ они съ завистью посматривали, когда швейцаръ, взявъ карточку адмирала, сію же минуту побѣжалъ о немъ докладывать не въ примѣръ прочимъ.

По внѣшности адмиралъ былъ чрезвычайно спокоенъ. Заложивъ руки за спину, онъ разсѣянно принялся ходить изъ угла въ уголъ и отъ нечего дѣлать сталъ разглядывать посѣтителей. Ихъ было четверо. У порога стоялъ въ сторонѣ старикъ-еврей, одѣтый въ сильно поношенный длинный сюртукъ. Онъ держалъ въ рукахъ бархатный картузъ и почтительно съ затаеннымъ испугомъ въ черныхъ глазахъ глядѣлъ, на величественнаго плечистаго адмирала и его пышные эполеты. Противъ еврея, отвернувъ лицо къ окну, тихонько плакала дама-старушка, одѣтая въ глубокій трауръ. Она поминутно подносила къ глазамъ свой совсѣмъ мокрый отъ слезъ платокъ и то и дѣло сморкалась. А неподалеку отъ дамы нервной походкой бѣгалъ изъ угла въ уголъ сухощавый господинъ съ интеллигентнымъ умнымъ лицомъ, на которомъ явственно читались слѣды сильнѣйшаго раздраженія.

Посасывая папироску и ежеминутно сдувая съ нея пепелъ, господинъ то и дѣло бросалъ нетерпѣливые взгляды на входную дверь.

— Однако,--подумалъ адмиралъ, глядя на плачущую даму и нервничающаго господина,—сюда, какъ видно, не для удовольствія люди ходятъ. Не желая глядѣть на слезы дамы, которая всхлипывала все громче и громче, адмиралъ перевелъ глаза на четвертаго посѣтителя, который, повидимому, былъ совершенно спокоенъ. Это былъ студентъ, по всей вѣроятности репетиторъ, пришедшій толковать объ успѣхахъ своего ученика. Положивъ мохнатую, большую голову на руку, онъ сидѣлъ за столикомъ, и на лицѣ его было такое спокойствіе и вмѣстѣ такая апатія, какія бываютъ только у переселенцевъ, недѣлю дожидающихъ на вокзалѣ поѣзда.

Вбѣжавшій швейцаръ почтительно доложилъ Трубчевскому, что его просятъ въ кабинетъ, и распахнулъ предъ адмираломъ дверь.

Старикъ Трубчевскій, и прежде не обнаруживавшій никакихъ признаковъ тревоги, сдѣлался какъ-то вдругъ еще спокойнѣе и, не теряясь, увѣренной походкой человѣка, знающаго себѣ цѣну, прошелъ въ кабинетъ директора.

Чеботаевъ встрѣтилъ адмирала съ изысканной любезностью.

— Я убѣдительно прошу, ваше превосходительство, извинить меня, что такъ долго заставилъ васъ ждать.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—благодушно отвѣчалъ адмиралъ,—у насъ стариковъ какія же дѣла—не въ тягость и подождать четверть часа.

Хотя Трубчевскій сказалъ это съ учтивой, свѣтской улыбкой, но директоръ почувствовалъ здѣсь маленькій камешекъ, брошенный въ его огородъ и, подвигая адмиралу тяжелое кожаное кресло, опять съ тою же учтивостью сказалъ:

— Я еще разъ прошу извиненія у вашего превосходительства.

Усадивъ посѣтителя и усѣвшись противъ него въ свое рабочее кресло, директоръ слегка нахмурился и разсматривая свои длинные точеные ногти, началъ въ строго оффиціальномъ тонѣ, поминутно титулуя адмирала „превосходительствомъ“.

— Я позволилъ себѣ обезпокоить ваше превосходительство и просилъ пожаловать сюда для того, чтобы серьезно поговорить о вашемъ сынѣ.

Старикъ Трубчевскій слегка наклонилъ свою сѣдую красивую голову.

— Къ моему сожалѣнію, я не могу вашему превосходительству сообщить ничего утѣшительнаго: вашъ сынъ очень посредственно учится, хотя говорятъ, онъ способенъ и могъ бы учиться превосходно,—а что касается его поведенія, то я не скрою отъ

вашего превосходительства—во ввѣренной мнѣ гимназіи нѣтъ ученика, который бы велъ себя столь непозволительно дурно, какъ вашъ сынъ.

— Ваше превосходительство пугаете меня: мой сынъ сдѣлалъ что нибудь недостойное?

— Все поведеніе вашего сына есть сплошное, систематическое нарушеніе правилъ. Для него совершенно не существуетъ той дисциплины, которой онъ обязанъ подчиняться. Онъ хочетъ жить внѣ дисциплины, внѣ правилъ, внѣ законовъ.

Директоръ проговорилъ это со свойственной ему твердостью тона, но съ замороженнымъ спокойствіемъ.

— Ваше превосходительство, быть можетъ, не откажете мнѣ болѣе опредѣленно указать проступки моего сына?

— Весьма охотно.

Чеботаевъ нажалъ пуговицу звонка и въ дверяхъ въ тотъ же мигъ выросла почтительная фигура „Именинника".

— Кондуитный журналъ за два года,—не взглянувъ на него, ровнымъ разговорнымъ тономъ приказалъ директоръ.

„Именинникъ" исчезъ, а Чеботаевъ расправилъ свои бакенбарды, подъ которыми блестѣла у него „Анна", выпрямился всей своей эффектной картинной фигурой и сказалъ:

— Я сейчасъ буду имѣть честь представить вашему превосходительству полную картину поведенія вашего сына, а пока могу сообщить, что главнымъ недостаткомъ его считаю глубоко укоренившуюся въ немъ привычку ко лжи. Я прошу извиненія у вашего превосходительства, что называю вещи своими именами, но откровенность—мое правило. Вашъ сынъ никогда не говоритъ правды: и мнѣ, и инспектору, и классному наставнику, и учителямъ онъ ежедневно, на каждомъ шагу лжетъ. Онъ до того изолгался...

— Я позволю себѣ на минуту прервать ваше превосходительство,—сдвинувъ сѣдыя брови, сказалъ адмиралъ.—Даю вамъ честное слово стараго человѣка, что мой сынъ ни разу въ жизни не солгалъ ни мнѣ, ни своей матери. Ни одного разу!

Директоръ пожалъ плечами.

— Я не смѣю не вѣрить вашему превосходительству, но, въ свою очередь, могу дать вамъ слово, что намъ, своимъ наставникамъ, вашъ сынъ ни разу не сказалъ правды.

Старый адмиралъ хотѣлъ было замѣтить что-то по поводу столь неожиданнаго стеченія обстоятельствъ, но какъ разъ въ эту минуту вошелъ „Именинникъ" съ двумя толстыми книгами канцелярскаго формата въ рукахъ. Поклонившись, онъ подалъ книги директору.

— Вотъ, ваше превосходительство, извольте сами взглянуть,—

пригласилъ директоръ. Трубчевскій привсталъ и молча сталъ слѣдить за страницами, перекидываемыми выхоленной, бѣлой рукой Чеботаева.

— Вотъ извольте-съ.— „Трубчевскій курилъ на улицѣ.—Трубчевскій курилъ въ стѣнахъ гимназіи.—Трубчевскій въ присутствіи учителя назвалъ товарища „скотиной“ и „доносчикомъ“.—Трубчевскій въѣхалъ верхомъ на своемъ товарищѣ на урокъ Закона Божія.—Трубчевскій сказалъ дерзость классному наставнику, и когда былъ по этому поводу приглашенъ къ инспектору, то сказалъ дерзость и инспектору“.

— Ваше превосходительство изволите сами видѣть, что въ этомъ прошлогоднемъ журналѣ на каждой почти страницѣ можно видѣть фамилію Трубчевскаго. А вотъ не угодно ли взглянуть на новый журналъ. И директоръ опять сталъ перекидывать своей холеной рукой страницы кондуита и перечитывать прегрѣшенія гимназиста.

„Трубчевскій отказался исполнить приказаніе учителя исторіи.—Трубчевскій былъ въ театрѣ безъ установленнаго разрѣшенія и въ антрактахъ громко апплодировалъ и вызывалъ артистовъ.—Трубчевскій нарисовалъ оскорбительную каррикатуру на своего класснаго наставника, изображающую этого педагога въ видѣ слуги, подающаго г. директору калоши.—Трубчевскій нарисовалъ еще одну каррикатуру, изображающую г. директора въ видѣ Юпитера, примѣривающаго мундиръ околодочнаго надзирателя.—Трубчевскій еще разъ былъ въ театрѣ безъ установленнаго разрѣшенія и на этотъ разъ въ штатскомъ платьѣ“, и пр.

— Я не буду затруднять ваше превосходительство чтеніемъ всѣхъ записей,—захлопнувъ журналъ,—промолвилъ директоръ,—скажу только, что за полтора года ученикъ Трубчевскій былъ занесенъ въ кондуитъ около пятидесяти разъ. Всякій другой на его мѣстѣ, безъ малѣйшаго колебанія, былъ бы уволенъ, и только во вниманіе къ заслугамъ отца ему все сходило съ рукъ.

— Я очень благодаренъ вашему превосходительству за столь лестное обо мнѣ мнѣніе,—съ легкимъ поклономъ, проговорилъ адмиралъ,—но позволю себѣ замѣтить, что, за исключеніемъ дерзости и каррикатуры, я не вижу ничего серьезнаго въ поведеніи моего сына. Что же касается такихъ прегрѣшеній, какъ посѣщеніе театра, то, при всемъ моемъ желаніи, я не нахожу возможнымъ усвоить на этотъ счетъ точку зрѣнія вашего превосходительства. Мой сынъ много занимается музыкой и театръ для него не только развлеченіе, но и школа, которой я не могу его лишать. Притомъ же согласитесь, ваше превосходительство, что такого рода запретъ даже въ глазахъ гимназистовъ подрываетъ авторитетъ школьныхъ правилъ.

Чеботаевъ величественно откинулся на спинку своего кожанаго кресла и, играя своимъ золотымъ пенснэ, сухо отчеканилъ:

— Я не позволю себѣ вдаваться на этотъ счетъ въ споръ съ вашимъ превосходительствомъ. Но могу замѣтить, что гимназисты не должны входить въ оцѣнку своихъ правилъ—ихъ дѣло свято соблюдать эти правила и ничего больше.—И вѣжливо улыбнувшись, директоръ прибавилъ:—Быть можетъ въ морскомъ уставѣ, который, несомнѣнно, близко извѣстенъ вашему превосходительству, точно такъ же найдутся свои шероховатости и спорные пункты, но не дѣло матросовъ критиковать эти недочеты: отъ нихъ требуется только повиновеніе.

Старый адмиралъ съ своей стороны съ изысканной вѣжливостью улыбнулся и, слегка склонивъ голову, промолвилъ:

— Ваше превосходительство изволили сдѣлать прекрасное сравненіе, которое убѣдило бы меня въ полной мѣрѣ, если бы я не видѣлъ нѣкоторой разницы между солдатами и гимназистами.

Эти слова заставили Чеботаева сдѣлаться еще суше и онъ совсѣмъ ужъ ледянымъ тономъ прибавилъ:

— Я еще разъ повторяю, что не позволю себѣ затруднять ваше превосходительство споромъ на эту тему, тѣмъ болѣе, что для родителей, считающихъ гимназическія правила неудобными, всегда остается выходъ: въ каждый данный моментъ они могутъ взять своихъ сыновей изъ гимназіи. Дѣло, впрочемъ, не въ этомъ, мы нѣсколько уклонились въ сторону. Я позволилъ себѣ пригласить ваше превосходительство для того, чтобы сообщить, что поведеніе вашего сына давеча разсматривалось на педагогическомъ совѣтѣ, а вчера я лично докладывалъ о томъ же предметѣ г-ну попечителю учебнаго округа. Г. попечитель приказалъ мнѣ уволить вашего сына и, только снисходя на мою просьбу, далъ разрѣшеніе уволить его по прошенію.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ стараго моряка. Спокойно, не спѣша, поднялся онъ съ кресла и ровнымъ голосомъ съ прежней учтивостью спросилъ:

— Когда ваше превосходительство прикажете мнѣ подать это прошеніе?

— Когда вашему превосходительству будетъ угодно, хоть завтра, напримѣръ.

Адмиралъ поклонился, директоръ съ своей стороны съ чопорной вѣжливостью шаркнулъ ножкой и сдѣлалъ шагъ, чтобы подать руку, но Трубчевскій намѣренно не замѣтилъ этого движенія и вышелъ.

XVIII.

Переваливши въ восьмой классъ, Дорошенко и его товарищи переживали чувство, хорошо знакомое всѣмъ заключеннымъ, от-

бывающимъ послѣдній годъ наказанія. Бремя полусвободнаго существованія, черезъ какихъ-нибудь десять мѣсяцевъ, должно было скатиться съ плечъ и на смѣну гимназичскому режиму должно было придти привольное студенческое житье, о которомъ столько лѣтъ грезилось и во снѣ, и на яву. Это предчувствіе свободы до такой степени овладѣвало воображеніемъ гимназистовъ, что они считали не только дни, но даже часы, которые предстояло имъ провести въ „осточертѣвшей“ гимназіи.

Одинъ Варшавчикъ ходилъ довольно хмурый. Варшавчикъ по успѣхамъ всегда былъ изъ среднихъ. Но это происходило не отъ недостатка способностей или лѣни, а просто потому, что съ пятаго класса у него начался періодъ страстнаго увлеченія книгой. Тутъ предъ нимъ встала дилемма: или съ головой погрузиться въ темную пучину школьной премудрости, или цѣликомъ отдаться книгамъ и жить жизнью разумнаго существа. Въ сущности, Варшавчикъ не избралъ ни того, ни другого пути: на протяженіи цѣлаго курса онъ метался изъ стороны въ сторову, то съ проклятіемъ, почти со слезами хватаясь за греческіе словари, то съ наслажденіемъ, со страстью отдаваясь книгѣ. Однако, раздвоеніе все-таки не замедлило принести свои плоды: по древнимъ языкамъ Варшавчикъ не получалъ больше тройки, такъ какъ чехъ Бѣлоглавекъ, преподававшій эти языки, былъ страстный филологъ-любитель и требовалъ отъ учениковъ, кромѣ знанія курса, еще „доказательствъ любви къ дѣлу“ въ видѣ приватныхъ работъ, поглощавшихъ уйму времени.

Тройка по главнымъ предметамъ, каковыми считались древніе языки, создавала почву, на которой въ семьѣ Варшавчика происходили частыя сцены.

— Тебѣ слѣдуетъ помнить,—твердила ему мать,—что ты долженъ учиться лучше всѣхъ! Куда ты пойдешь со своими тройками? Тебя и на порогъ университета не пустятъ!

Сынъ очень хорошо понималъ, что мать права, но все-таки старался оправдать себя.

— А развѣ хорошо будетъ, если я поступлю въ университетъ дуракомъ?—спрашивалъ онъ и виновато моргалъ при этомъ своими огромными темными глазищами.—Вѣдь согласись, мама, что гимназія мнѣ ничего, рѣшительно ничего не дастъ, и если я самъ не позабочусь о себѣ, такъ обо мнѣ никто не позаботится. Неужели же мнѣ идти въ университетъ болваномъ?

— Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ты корпишь въ гимназіи, зачѣмъ вся эта восьмилѣтняя каторга, эти страданія? Не для того же, чтобы дойти до университета и повернуть назадъ?..

Послѣ такихъ разговоровъ у сына начинался обыкновенно періодъ прилежанія: со скрежетомъ зубовнымъ набрасывался онъ

на классиковъ, „выбиралъ“ слова, переводилъ, зубрилъ, хватался за „приватныя“ работы, но кончалъ тѣмъ, что черезъ недѣлю чувствовалъ какое-то припадочное отвращеніе ко всей этой классической мудрости и, положивъ поверхъ греческаго словаря, томикъ Добролюбова, „освѣжался“. А чехъ Бѣлоглавекъ тѣмъ временемъ удивлялся неровности успѣховъ Варшавчика и не рѣшался выставлять ему больше тройки.

Въ концѣ-концовъ эта вѣчная борьба съ самимъ собою и постоянный страхъ не попасть въ университетъ несказанно тяжело отразились на состояніи духа Варшавчика: всегда озабоченный, всегда съ мыслью о „чехѣ“ и о его неизмѣнной тройкѣ, бѣдный юноша ходилъ, какъ потерянный.

— Ахъ, господа,—говорилъ онъ своимъ друзьямъ, Савицкому и Дорошенкѣ,—какіе вы счастливые!

Друзья при этихъ словахъ обыкновенно избѣгали смотрѣть въ глаза Варшавчику: имъ было стыдно за свое положеніе. Но все-таки они не отказывали ему въ утѣшеніи и, какъ могли, ругали Бѣлоглавека.

— Вѣдь этакой „утопленникъ“ треклятый: мало ему курса, такъ еще „приватными“ работами людей душитъ!

— Этакая „пепайдевка“ анафемская!

И „утопленникъ“ и „пепайдевка“ были равно употребительныя клички Бѣлоглавека. Послѣдняя въ смыслѣ словопроизводственномъ представляла даже явную нелѣпость, такъ какъ „пепайдевка“ по-гречески значитъ „я воспиталъ“. Но гимназистамъ казалось, что въ русскомъ произношеніи это слово содержитъ въ себѣ „нѣчто гнусное“, и потому, не долго думая, они поспѣшили его пришпилить къ нелюбимому учителю.

Хотя Дорошенко и Савицкій произносили обѣ эти клички съ какимъ-то клокочущимъ презрѣніемъ и ненавистью, но они понимали, что это не можетъ измѣнить существа дѣла и что одинъ изъ любимѣйшихъ ихъ товарищей и сочленовъ по кружку все-таки рискуетъ не попасть въ университетъ „изъ-за паршивой пепайдевки“. Это казалось и обиднымъ, и нелѣпымъ и, главное, несправедливымъ, такъ какъ приватныя работы, на которыхъ споткулся Варшавчикъ, отнюдь не были обязательны, по крайней мѣрѣ министерскія программы ни единымъ словомъ о нихъ не упоминали. Это сознаніе, что учитель открыто нарушаетъ законы, возстановляло противъ Бѣлоглавека не только восмиклассниковъ, но и всю гимназію: даже малыши ненавидѣли его и вставляли ему въ кресло булавки и перья. Старшіе же классы, не зная, какъ выразить свой протестъ, прибѣгли къ мести подневольныхъ людей—къ заборной литературѣ. Каждый день, приходя на уроки Бѣлоглавекъ могъ прочитать о себѣ что-нибудь новенькое. Еще

приближаясь къ гимназіи, онъ обыкновенно видѣлъ на воротахъ колоссальную надпись мѣломъ: „*Пепайдевка—подлецъ*". На стѣнахъ корридоровъ онъ постоянно замѣчалъ такія же громадныя надписи углемъ: „*Что можетъ быть гнуснѣе Пепайдевки?*". Даже въ классахъ на доскахъ и на всѣхъ до одной каѳедрахъ было вырѣзано перочиннымъ ножемъ: „*Пепайдевка—поганецъ*". Директоръ зналъ, кого ученики называли „пепайдевкой", и принималъ самыя жестокія мѣры противъ заборныхъ литераторовъ, обѣщая перваго пойманнаго исключить изъ гимназіи. Но угроза не достигала цѣли, и гимназическіе сторожа сбились съ ногъ, выскабливая и счищая обильныя надписи.

Только восьмиклассники сравнительно рѣдко прибѣгали къ этому сорту гласности—они избрали другой путь. Какъ-то послѣ довольно бурнаго объясненія съ Бѣлоглавекомъ по поводу приватныхъ работъ, Дорошенко подалъ мысль пойти и всѣмъ классомъ пожаловаться на учителя директору. Свое предложеніе Дорошенко, какъ водится, развилъ съ бѣшеной горячностью, доказывая, что гимназисты *обязаны* жаловаться и что „дружному стаду и волкъ не страшенъ". Рѣчь Дорошенки попала въ давно наболѣвшее мѣсто и гимназисты такъ увлеклись, что, не откладывая дѣла, сразу же, не медля ни минуты, всей гурьбой повалили вонъ изъ класса прямо къ директору.

У дверей директорскаго кабинета толпу встрѣтилъ надзиратель „Именинникъ", очень встревоженный, даже перепуганный необычнымъ сборищемъ.

— Мы хотимъ видѣть г. директора,—вибрирующимъ голосомъ обратился къ нему Дорошенко.—Будьте добры, пригласите его къ намъ.

Именинникъ, повидимому, растерялся окончательно.

— Но позвольте, я не имѣю права... по какому же дѣлу вы хотите видѣть его превосходительство?

— Мы хотимъ видѣть г. директора по дѣлу, о которомъ доложимъ ему лично,—настойчиво повторилъ Дорошенко.

„Именинникъ" нѣсколько секундъ помялся, вздернулъ плечами, но, видя, что гимназисты стоятъ, тихонько откашлялся въ руку и, вѣжливо, безшумно пріотворивъ дверь, какъ-то бокомъ юркнулъ въ кабинетъ директора.

Какъ только закрылась за нимъ такъ же безшумно дверь, гимназисты многозначительно переглянулись и подбадривая другъ друга зашептались.

— Смотри же, ребята, не подгадь!

— Говорить смѣло и прямо!

— Пусть Дорошенко говоритъ!

— Какого чорта въ самомъ дѣлѣ бояться?

Но едва лишь зашевелилась ручка директорскаго кабинета, какъ всѣ перешептыванья сами собой погасли. Гимназисты впились глазами въ дверь и застыли, когда изъ кабинета показалась величественная внушительная фигура Чеботаева.

— Мнѣ сейчасъ доложили, что вы хотите меня видѣть, — подходя къ гимназистамъ вплотную, началъ директоръ своимъ сочнымъ баритономъ.—Но прежде, чѣмъ выслушать, въ чемъ дѣло, я долженъ объявить вамъ всѣмъ строгій выговоръ: вы явились сюда скопомъ, толпой, что не допускается въ благоустроенномъ учрежденіи. Вы уже не дѣти и должны знать существующій порядокъ. Ступайте всѣ на мѣста и пусть трое изъ васъ останутся, чтобы объяснить, въ чемъ дѣло.—И отобравъ Харламова, Мельникова и Варшавчика, директоръ еще разъ строго прибавилъ:

— Маршъ въ классъ всѣ остальные!

Пристыженные, злые гимназисты гуськомъ побрели во-свояси, не переставая шопотомъ ругаться. Они никакъ не ожидали такого оборота дѣла и теперь готовы были смѣяться надъ собой за то, что „захотѣли искать правды у „халдеевъ". Особенно упалъ духомъ Дорошенко: онъ даже не ругался, а только шелъ и то и дѣло безнадежно махалъ рукой.

— Лопнуло наше дѣло, трясця его матери,—неизвѣстно почему по-малороссійски выругался Савицкій и хлопнулъ по плечу Дорошенку.—Ожидалъ ты, гетманъ, такого оборота? Ты къ нему подходишь какъ къ человѣку, а онъ съ тобой какъ частный приставъ...

Дорошенко еще разъ все также молча и безнадеждно махнулъ рукой.

Однако, упавшее настроеніе класса опять однимъ скачкомъ поднялось до температуры кипѣнія, когда черезъ десять минутъ въ классъ какъ угорѣлые влетѣли депутаты—Мельниковъ, Варшавчикъ и толстый Харламовъ.

— Ура! Наша взяла!

— Приватныя работы къ чорту!

— Сегодня же велитъ „утопленнику" отмѣнить!..

— Ур-р-ра!..—раскатистымъ радостнымъ крикомъ вырвалось изъ тридцати молодыхъ грудей.

Однако, когда прошло пять минутъ радостнаго бѣснованія и гимназисты способны были критически отнестись къ словамъ выборныхъ, выяснилось, что депутаты взглянули на дѣло слишкомъ оптимистически и что директоръ отнюдь не предрѣшалъ вопроса объ отмѣнѣ приватныхъ работъ, а только обѣщалъ переговорить съ преподавателемъ.

— Да ты, шутъ гороховый, изъ чего же заключаешь, что директоръ на нашей сторонѣ?—накинулись товарищи на Мельникова.—Онъ далъ это понять, говорилъ что-нибудь?

— Говорить онъ, положимъ, не говорилъ, но я по харѣ догадался.

— Слышите! Онъ по харѣ догадался! Ахъ, ты чучело!..

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, директоръ дѣйствительно принялъ участіе,—вмѣшался Варшавчикъ.—Разспрашивалъ, сколько часовъ мы тратили въ день на приватныя работы, остается ли время для другихъ предметовъ и вообще ясно, что онъ на нашей сторонѣ!

— Да гдѣ же факты? Факты подайте, черти!

Но „черти" не успѣли подать факты, такъ какъ въ классъ влетѣлъ Савицкій и закричалъ:

— „Пепайдевку" позвали къ директору!

Гимназисты какъ одинъ человѣкъ шарахнулись въ корридоръ и дѣйствительно замѣтили, что преподаватель древнихъ языковъ, худой, тонкій и длинный, какъ вечерняя тѣнь, человѣкъ, прошелъ въ директорскій кабинетъ.

— Н-ну, будетъ дѣло подъ Полтавой!..—потирая руки, радостно говорили гимназисты.—Настоящій бой крокодила съ гремучей змѣей!

Тонкій знатокъ и пламенный любитель классической старины, чехъ Бѣлоглавекъ былъ извѣстенъ за лучшаго преподавателя древнихъ языковъ во всемъ учебномъ округѣ. По единодушному свидѣтельству всѣхъ ревизоровъ, попечителя и наѣзжавшаго изъ Петербурга учебнаго начальства, ученики Бѣлоглавека настолько выдѣлялись своими знаніями, что составляли предметъ общаго удивленія. Правда, тѣ же ученики еще больше поражали своимъ невѣжествомъ по части новыхъ языковъ, родной литературы, исторіи и пр., но всѣ эти предметы считались второстепенными и во всякомъ случаѣ не могли идти въ сравненіе съ классическими языками. Поэтому Бѣлоглавекъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ гордостью гимназіи, его учениками кичились и въ глазахъ начальства онъ былъ то, что называется „persona grata".

Но зато ученики терпѣть не могли чеха, не смотря на то, что этотъ человѣкъ далеко не сплошь состоялъ изъ недостатковъ. Гимназисты, главнымъ образомъ, не выносили въ немъ сухого, изнурительнаго педантизма и убивающей односторонности; они даже за человѣка его не считали, а называли машиной, всегда ровной, спокойной, всегда одинаковой. Послѣднее мнѣніе не было лишено основаній, такъ какъ Бѣлоглавекъ и на самомъ дѣлѣ имѣлъ много общаго съ машиной. Онъ сердился разъ въ годъ, но зато и смѣялся разъ въ два года. Онъ никогда не былъ грубъ съ учениками, но и ласковъ никогда не былъ. Онъ былъ замѣчательно, совсѣмъ по-нѣмецки справедливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ такой же мѣрѣ и безжалостенъ. Онъ никогда не поддѣлы-

вался подъ вкусы власть имущихъ, но въ то же время самъ по себѣ превосходилъ самыя смѣлыя ожиданія начальства. Вообще же это былъ засохшій, окаменѣлый педантъ, какая-то безплодная смоковница, выросшая на развалинахъ слѣпого увлеченія классицизмомъ.

Вѣчно погруженный въ міръ мертвой старины, онъ, казалось, даже думалъ по-латыни. Во всякомъ случаѣ, онъ искренно не понималъ, какъ это можно увлекаться англійской, французской и всякой другой литературой въ то время, когда на свѣтѣ существуетъ греческая и римская.

Русской литературы Бѣлоглавекъ не признавалъ въ особенности и съ легкимъ сердцемъ говорилъ русскимъ ученикамъ своимъ вычурнымъ и въ то же время рѣзко неправильнымъ языкомъ съ чешскимъ произношеніемъ:

— За одно стихотвореніе Горація можно отдать всю русскую „лытэратуру".

Когда же ему ставили на видъ, что о русской литературѣ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія, чехъ съ высокомѣріемъ невѣжды отвѣчалъ:

— Когда имѣешь возможность поддерживать знакомство съ аристократомъ, нѣтъ надобности вести дружбу съ „вулгарнымъ простолудиномъ".

Это открытое, грубо-невѣжественное и въ то же время нахальное пренебреженіе къ иноземной цивилизаціи и чужой литературѣ злило учениковъ Бѣлоглавека и усугубляло ихъ ненависть къ его предмету. Но педантъ - „братушка" даже не замѣчалъ, какое впечатлѣніе производятъ его слова: онъ, какъ каретная лошадь съ наглазниками, шелъ къ своей цѣли прямо, не оборачиваясь по сторонамъ и съ какимъ-то фанатизмомъ безжалостно, безпощадно душилъ своихъ учениковъ классиками и такъ называемыми „древностями".

Прямо изъ кабинета директора Бѣлоглавекъ прошелъ въ восьмой классъ, гдѣ у него долженъ былъ быть урокъ латинскаго языка. Ученики, вскочившіе при его появленіи, какъ хорошо выдресированные солдаты, затаили дыханіе и впились глазами въ лицо преподавателя, стараясь угадать по немъ содержаніе директорскаго разговора. Но лицо Бѣлоглавека было не изъ тѣхъ, на которыхъ можно было что-нибудь прочитать. Безстрастное, окаменѣлое, съ остеклѣвшими, какъ у уснувшей рыбы, глазами, это лицо скорѣе походило на маску, снятую съ усопшаго. Да и весь Бѣлоглавѣкъ походилъ на живого мертвеца: казалось, стоило только снять съ него вицъ-мундиръ съ золотыми пуговицами и обернуть въ саванъ, и получился бы подлинный трупъ—хоть отпѣвай его: до такой степени ни въ походкѣ, ни въ глазахъ, ни

въ лицѣ, въ голосѣ этого человѣка не было жизни. Только по неопрятной, мочалистой бородѣ можно было догадаться, что онъ не совсѣмъ умеръ и продолжаетъ принимать пищу (ученики увѣряли, что въ бородѣ Бѣлоглавека всегда можно было найти прошлогодніе макароны).

Едва кивнувъ на привѣтственное вставаніе учениковъ, учитель методически прослѣдовалъ къ каѳедрѣ, положилъ на нее журналъ и, приподнявъ фалдочки вицъ-мундира, аккуратненько положилъ себя въ кресло. Затѣмъ, сдѣлавъ перекличку и спросивъ, что задано, онъ вызвалъ отвѣчать Варшавчика.

Варшавчикъ, всегда относившійся къ урокамъ Бѣлоглавека съ затаенной робостью, на этотъ разъ даже нѣсколько измѣнился въ лицѣ и, усиленно заморгавъ своими большими, какъ у совы, глазами, неувѣреннымъ шагомъ пошелъ каѳедрѣ.

— Не робѣй,—ободряли его по пути товарищи, дѣлая какіе-то знаки.

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.

Варшавчикъ приблизился къ каѳедрѣ и расшаркался передъ учителемъ по всѣмъ правиламъ гимназическаго устава.

— Вы приготовились, Варшавчикъ? Отвѣчайте слова.

Варшавчикъ подалъ книжку съ латинскими словами и сталъ отвѣчать. Учитель спросилъ его слова, заставилъ перевести заданное мѣсто изъ Горація, предложилъ разобрать это мѣсто грамматически, предложилъ еще перевести отрывокъ изъ „Энеиды“ и остался весьма доволенъ.

— Недурно, Варшавчикъ. А древности римскія вы усвоили себѣ?

— Усвоилъ.

— Скажите, какое бѣлье носили римляне въ эпоху тріумвировъ?

Варшавчикъ вскинулъ къ потолку свои глазища, наморщилъ лобъ, но все-таки побѣдоносно вышелъ изъ затрудненія.

— Недурно, Варшавчикъ. А скажите, какъ была поставлена интендантская часть въ легіонахъ Цезаря?

Варшавчикъ снова вскинулъ глаза къ потолку, подумалъ, напрягъ память и опять отвѣтилъ, хотя съ натугой, но вѣрно, по крайней мѣрѣ первый ученикъ Дорошенко одобрительно закивалъ ему головой и беззвучно зааплодировалъ.

— Недурно, Варшавчикъ,—опять одобрилъ Бѣлоглавекъ.—А не можете ли сказать, какъ была организована наружная полиція въ древнемъ Римѣ?

Варшавчикъ и тутъ вышелъ побѣдителемъ.

— Весьма недурно, Варшавчикъ, я вижу, что вы начинаете развиваться,—одобрилъ его учитель и затѣмъ, слегка изогнувъ

голову, какъ ни въ чемъ не бывало спросилъ:—А что вы сдѣлали приватно?

Этотъ вопросъ точно шиломъ укололъ гимназистовъ. По классу пронесся сдержанный гулъ ропота и послышались негодующія восклицанія шопотомъ. Но Бѣлоглавекъ, казалось, даже не замѣтилъ этого волненія и тѣмъ же спокойнымъ голосомъ продолжалъ:

— Что же вы сдѣлали приватно, Варшавчикъ? Не поинтересовались ли вы какимъ-нибудь стихотвореніемъ Горація, не перевели ли, быть можетъ, какую-нибудь главу изъ Ливія, не заглянули ли „доброволно“ въ творенія какого-нибудь другого любимаго вами классика?

Варшавчикъ стоялъ, понуривъ голову, и не зналъ, что отвѣчать „этой пепайдевкѣ“: онъ видѣлъ, что надежда, которую возлагали всѣ на директора, разсыпалась въ прахъ и что теперь пропала его пятерка, а съ нею и университетъ. Убитый этой мыслью, онъ стоялъ, потупивъ голову, и не отвѣчалъ ни слова. Но за него вступился Дорошенко. Какъ всегда неистовый, гдѣ дѣло шло о протестѣ и борьбѣ, онъ вскочилъ и съ загорѣвшимися глазами, съ выступившимъ на щекахъ румянцемъ, вибрирующимъ голосомъ торжественно произнесъ:

— Конрадъ Карловичъ!

Бѣлоглавекъ перевелъ на него свои остеклѣвшіе глаза, чуть-чуть поднялъ брови и, махнувъ карандашомъ, спокойно бросилъ:

— Сѣсть!

Хотя гимназисты менѣе всего были расположены къ смѣху, но при видѣ каменнаго спокойствія учителя, не могли подавить улыбку. Не улыбнулся одинъ только Дорошенко: за минуту передъ тѣмъ красное лицо его сразу побѣлѣло, какъ воскъ, и только большіе каріе глаза горѣли, какъ двѣ свѣчи,—обращеніе учителя его видимо взорвало.

— Мы сегодня говорили о приватныхъ работахъ съ г. директоромъ,—отчеканивая слова, настойчиво и упрямо докладывалъ онъ „пепайдевкѣ“,—и г. директоръ, насколько мы могли понять, высказался противъ приватныхъ работъ, какъ излишняго притѣсненія учениковъ...

— Сѣсть!—съ прежней невозмутимостью уронилъ Бѣлоглавекъ и снова махнулъ карандашомъ.

— Кромѣ того, приватныя работы,—озлобляясь и не думая садиться, отчеканивалъ Дорошенко,—являются плодомъ единоличнаго усмотрѣнія и нигдѣ не практикуются, кромѣ нашей гимназіи.

— Нигдѣ! нигдѣ! нигдѣ!—дружнымъ хоромъ загудѣли гимназисты, поддерживая своего оратора.

— Благодаря имъ, т.-е. приватнымъ работамъ по древнимъ языкамъ,—съ прежней настойчивостью рѣзалъ Дорошенко,—мы

лишены возможности заниматься другими предметами и, кромѣ того, многіе изъ насъ не попадутъ по той же причинѣ въ университетъ, такъ какъ только приватныя работы обезпечиваютъ высшій баллъ по вашимъ предметамъ.

— Вы кончили, Дорошенко?—ни на іоту не измѣняя своему спокойствію спросилъ учитель.

— Кончилъ.

— Сѣсть!

Ученики опять не могли подавить улыбку, а Дорошенко вскинулъ плечами и опустился на скамью.

— Такъ что же вы, Варшавчикъ, сдѣлали приватно?—какъ ни въ чемъ не бывало обратился Бѣлоглавекъ къ молча стоявшему Варшавчику.

— Я ничего не сдѣлалъ: г-нъ директоръ объяснилъ намъ, что приватныя работы не обязательны.

Бѣлоглавекъ удивленно приподнялъ брови и методически, точно взвѣшивая слова на гомеопатическихъ вѣсахъ, проговорилъ:

— Какъ я вижу, вы до сихъ поръ не усвоили себѣ, въ чемъ состоитъ, такъ сказать, существо и характеръ приватныхъ работъ. Вы даже позволили себѣ безпокоить по-пустому г. директора, хотя могли спросить объясненія у меня. Чтобы разъ навсегда усвоили себѣ, я объясню еще разъ: приватныя работы не суть правило, но суть полезное обыкновеніе; онѣ не обязательны, но желательны; онѣ не оцѣниваются баллами, но принимаются во вниманіе, какъ матеріалъ для вашей характеристики. Короче сказать, онѣ суть удостовѣреніе, предъявляемое вами, какъ доказательство вашей любви къ дѣлу. По этому удостовѣренію учитель всегда можетъ судить, насколько вы искренній классикъ. Вы поняли, Варшавчикъ?

— Понялъ,—замогильнымъ голосомъ, сдвинувъ брови, пробурчалъ Варшавчикъ.

— Сѣсть.

Варшавчикъ прослѣдовалъ на мѣсто, а Бѣлоглавекъ обратилъ свои безжизненные глаза къ классу и тѣмъ же ровнымъ, какъ палка, голосомъ продолжалъ:

— Чтобы и всѣмъ было ясно, я дамъ примѣръ: всѣ воины должны быть храбры, но кто хочетъ быть георгіевскимъ кавалеромъ, тотъ долженъ дать особенную храбрость. Точно также всѣ ученики должны знать курсъ, но кто хочетъ быть искреннимъ классикомъ, тотъ долженъ дать приватную работу.

— Ну что ты сдѣлаешь съ этимъ уродомъ!—согнувшись къ Савицкому, съ какой-то бѣшеной злобой отчаянія тихонько шепталъ Дорошенко,—что ты подѣлаешь съ такимъ олухомъ, съ такимъ дохлымъ дьяволомъ? Развѣ этотъ сухой чортъ можетъ по-

нять что-нибудь, можетъ сообразить, что онъ губитъ людей, что по его милости другіе, можетъ быть, плачутъ?.. Вѣдь ничего, ничего не соображаетъ дохлая дубина!

XIX.

Когда выяснилось, что съ Бѣлоглавека взятки гладки, Варшавчикъ понялъ, что для него навсегда потеряна надежда попасть въ разрядъ „искреннихъ классиковъ", и что, такимъ образомъ, всѣ мечты его объ университетѣ надо навсегда похоронить. Правда, „необязательно-обязательныя" приватныя работы не представляли собой непреоборимой трудности—въ концѣ концовъ ихъ можно было и одолѣть, но дѣло въ томъ, что Варшавчикъ въ старшихъ классахъ гимназіи настолько предпочиталъ Добролюбова Кюнеру и Ходобою, что въ восьмомъ классѣ долженъ былъ почти все свое время отдавать древнимъ языкамъ, чтобы убѣдить Бѣлоглавека въ своей „искренности". Въ распоряженіи юноши оставалось едва ли больше двухъ часовъ въ сутки на всѣ другіе предметы гимназической премудрости. А, между тѣмъ, нельзя было оставлять въ пренебреженіи и этихъ другихъ предметовъ, такъ какъ Варшавчикъ не могъ имѣть въ аттестатѣ зрѣлости ни одной тройки.

— Подымешь голову—хвостъ увязъ, хвостъ вытащишь—голова застряла,—печально резюмировалъ бѣдняга свое положеніе.

Полная невозможность найти какой-бы то ни было выходъ изъ этого положенія послужила причиной того, что Варшавчикъ совсѣмъ пересталъ заниматься.

— На кой чортъ? Вѣдь, въ университетъ все равно не влѣзешь.

Утвердившись въ этой мысли, онъ не раскрывалъ больше ни одной книги и, приходя изъ гимназіи, съ брезгливой злостью швырялъ свой ранецъ на полъ, чтобы потомъ пинкомъ ноги толкнуть его подъ кровать. Такъ и оставался тамъ ранецъ не раскрытымъ вплоть до слѣдующаго утра, когда надо было опять тащить въ гимназію этотъ „горбъ классицизма", какъ называли гимназисты свои ранцы.

Нечего и говорить, что учителя очень скоро замѣтили перемѣну, происшедшую въ Варшавчикѣ, и на несчастнаго юношу посыпался цѣлый дождь единицъ. Но онъ теперь не обращалъ на нихъ никакого вниманія: все, весь міръ подернулся для него какимъ-то сѣрымъ, грустнымъ флеромъ—точно онъ любимаго человѣка похоронилъ. На душѣ у него образовалась какъ бы ссадина—колючая и ноющая, къ которой нельзя было дотронуться. До такой степени нельзя, что даже пустяки вызывали чувство острой боли: услышать разговоръ товарищей объ универ-

ситетѣ, увидѣть студенческую фуражку, прочитать въ газетной хроникѣ извѣстіе о возобновленіи университетскихъ лекцій, даже просто наткнуться на отдѣльное слово въ родѣ: „семестръ“, „аудиторія“, „факультетъ“—значило то же, что на открытую рану посыпать соли. Въ такихъ случаяхъ Варшавчикъ, мягкій и кроткій отъ природы, всегда съ злыми слезами шепталъ:

— Не для тебя, не тебѣ все это предназначено—это все для другихъ, для счастливыхъ!..

Эти неотвязныя, мрачныя мысли нечувствительнымъ образомъ вырабатывали изъ 18-ти-лѣтняго Варшавчика отъявленнаго, непримиримаго пессимиста. Глядя на его осунувшееся, похудѣвшее лицо, на которомъ въ углахъ губъ залегла складка скорби, глядя на его большіе, темные глаза, переполненные выраженіемъ боли и грусти, всякій легко могъ бы подумать, что это не мальчикъ, едва вступающій въ жизнь, а человѣкъ, уже помятый судьбой, человѣкъ, который уже потерпѣлъ аварію, и не малую аварію.

XX.

Трубчевскій чрезвычайно быстро освоился съ положеніемъ исключеннаго гимназиста. Когда первое острое чувство обиды улеглось, онъ даже радъ былъ, что „расплевался“ съ гимназіей и что теперь „халдейское иго“ перестала для него существовать.

— Я переживаю такое чувство,—говорилъ онъ товарищамъ,—какъ будто меня выкупили изъ рабства: семь лѣтъ я былъ невольникомъ, семь лѣтъ халдеи водили меня на веревкѣ, въ ошейникѣ и въ колодкахъ, а теперь вдругъ полная свобода—какъ будто всѣ халдеи въ одинъ прекрасный день „повыздыхали“!

Быть можетъ, нѣсколько бравируя, Трубчевскій завелъ даже на часовой цѣпочкѣ брелокъ въ видѣ серебряной пластинки, на одной сторонѣ которой было написано: „изгнанъ 12 ноября“, а на другой—„хвалю Господа моего“.

Почти также легко относился къ исключенію сына и отецъ Трубчевскаго. Посмѣиваясь въ бороду, старый адмиралъ все повторялъ малороссійскую поговорку: „горбатаго до стѣнки не притулишь“.

— Но я, въ концѣ концовъ,—резюмировалъ адмиралъ положеніе дѣлъ,—все-таки радъ, что мой Коля вышелъ „горбатый“ и что къ халдейской стѣнкѣ его никакъ нельзя было прислонить: такой „горбъ“ чего-нибудь да стоитъ.

За то адмиральша не только была огорчена, но даже часто плакала и въ глубинѣ души считала сына „погибшимъ“.

— Это все ты, Илья, все ты надѣлалъ,—со слезами укоряла

она мужа.—Если бы тогда ты меня послушалъ, если бъ ты не взялъ Колю на „Гугеноты“, онъ бы и до сихъ поръ учился, а теперь что мы съ нимъ будемъ дѣлать—въ юнкера его отдавать или въ актеры?..

Бѣдную старушку особенно пугало, что ея сынъ можетъ поступить въ актеры. Къ этому сословію она вообще относилась нѣсколько скептически и потому чуть не каждый день со слезами на глазахъ говорила сыну:

— Коля, дай мнѣ честное слово, что ты не пойдешь на сцену, не окончивъ университета, что ты будешь учиться.

Сынъ очень близко къ сердцу принималъ горе матери и, ласкаясь къ ней, говорилъ съ молодымъ энтузіазмомъ.

— Мамочка! да неужели же ты не вѣришь въ меня нисколько? Неужели я такой тупица, что не выдержу экзаменъ на аттестатъ зрѣлости? Увидишь, мама, вотъ увидишь, что я поступлю въ университетъ вмѣстѣ со своими товарищами. Даю тебѣ слово, что не отстану отъ нихъ ни на полвершка!

Трубчевскій давалъ это обѣщаніе съ полной искренностью и съ твердой увѣренностью, что онъ сдержитъ слово. Ему даже казалось, что это не потребуетъ съ его стороны значительныхъ усилій, такъ какъ еще въ гимназіи онъ, ровно ничего не дѣлая, всегда считался по успѣхамъ изъ среднихъ и никогда не оставался въ одномъ и томъ же классѣ. Теперь же, послѣ изгнанія, онъ смотрѣлъ на аттестатъ зрѣлости, какъ на вопросъ чести, и потому навалился на учебники такъ ретиво, что родители даже останавливали его. Онъ даже къ театру охладѣлъ и выходилъ изъ дому только для того, чтобы нанести визитъ своей „пассіи“ или забѣжать къ товарищамъ узнать, что они „прошли“ въ гимназіи. Такое усердіе не могло остаться безъ результатовъ и Трубчевскій въ какихъ-нибудь два мѣсяца настолько опередилъ товарищей, что Дорошенко только руки потиралъ отъ удовольствія и все повторялъ.

— Здорово, Трубка. Молодчага, ей-Богу молодчага! Навѣрное утрешь носъ халдеямъ!

Довольный похвалой, а главное сознаніемъ, что онъ ее заслужилъ, Трубчевскій въ какомъ-то порывѣ молодого задора говорилъ:

— Знаешь, я рѣшилъ держать экзаменъ непремѣнно въ нашей гимназіи! Хоть халдеи навѣрное и попробуютъ подложить мнѣ свинью, но за то это въ сто тысячъ разъ интереснѣе!

Дорошенко вполнѣ раздѣлялъ этотъ взглядъ.

— Разумѣется, въ нашей! Если такъ будешь заниматься, такъ наплевать на всѣхъ халдеевъ, ничего они съ тобой не сдѣлаютъ: меня вѣдь тоже они ненавидятъ, а меньше пятерки не смѣютъ поставить—руки коротки.

Увлеченный идеей „утереть носъ“ халдеямъ, Трубчевскій еще плотнѣе принимался за учебники и чувствовалъ такой подъемъ духа и такой приливъ силъ, какихъ никогда не испытывалъ въ гимназіи.

— Знаете, черти,—говорилъ онъ друзьямъ, сверкая глазами,— мнѣ все кажется, что цѣлая тысяча пожарныхъ трубъ вливаютъ въ меня энергію! Мнѣ кажется, что всю гимназическую премудрость я бы одолѣлъ въ два-три года! Безъ всякаго напряженія одолѣлъ бы!

Товарищи понимали, что Трубчевскій не хвастаетъ и что курсъ гимназіи, при извѣстной усидчивости и при хорошихъ способностяхъ, и дѣйствительно можно пройти въ этотъ срокъ. Особенно чувствовалъ это Дорошенко: онъ всегда думалъ, что гимназія отняла у него совершенно непроизводительно, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пять и потому только шепталъ съ какимъ-то скрежетомъ досады:

— О халдеи, халдеи! отдайте мнѣ мои годы, мои даромъ погибшіе годы!..

Прилежанія Трубчевскаго хватило почти на цѣлый учебный годъ и только когда товарищи его перешли въ восьмой классъ и разъѣхались на каникулы, онъ почувствовалъ, что учебники опротивѣли ему до послѣдней степени и что даже задѣтое самолюбіе не въ силахъ теперь приковать его къ рабочему столу.

— Нѣтъ, шабашъ!—рѣшилъ онъ самъ съ собой, и запирая въ сундукъ всѣ ученическія принадлежности, съ тѣмъ, чтобы не видѣть ихъ цѣлое лѣто, все повторялъ гимназическую поговорку:— „умнѣе Иловайскаго все равно не будешь“.

Лѣто семейство Трубчевскихъ проводило на дачѣ, въ одномъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ черноморскаго побережья. Но проводило, сверхъ всякаго ожиданія, довольно скучно и уединенно. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Трубчевскому-сыну, который, по собственному его выраженію, остался совсѣмъ одинъ, какъ мѣсяцъ въ небѣ. Обыкновенно у нихъ на дачѣ каждое лѣто жилъ Савицкій (адмиралъ хорошо зналъ, что Савицкій всю зиму бѣгаетъ по урокамъ и что лѣтомъ ему негдѣ отдохнуть и потому всегда приглашалъ юношу на цѣлый сезонъ къ себѣ на дачу; но приглашалъ не черезъ сына, а собственнолично, для чего каждую весну наносилъ гимназисту визитъ и пилъ чай въ его „кабинетѣ для чтенія“). Но въ нынѣшнемъ году Савицкій соблазнился приглашеніемъ Дорошенки и пѣшкомъ ушелъ съ нимъ на Волгу путешествовать, или, какъ говорилъ Дорошенко, „присматриваться къ быту приволжскихъ рабочихъ“. Мысль о путешествіи очень улыбалась и Трубчевскому. но, въ качествѣ человѣка влюбленнаго, онъ не принадлежалъ самому себѣ и съ

болью въ сердцѣ отклонилъ предложеніе друзей въ томъ разсчетѣ, что его повелительница будетъ жить на дачѣ по сосѣдству. Однако, и этотъ разсчетъ не оправдался; повелительница въ этомъ году окончила гимназію и родители ея, не взирая ни на просьбы, ни на слезы, почти насильно увезли ее за границу, „подальше отъ глупаго увлеченія". Трубчевскій, такимъ образомъ, остался совершенно одинъ и проводилъ, по его словамъ, самое скверное лѣто въ своей жизни. Печальный, разсѣянный, съ осунувшимся лицомъ, бродилъ онъ по саду и окрестнымъ полямъ или садился въ свою парусную лодку и уѣзжалъ на цѣлый день въ море. Морскія прогулки составляли его единственное утѣшеніе, такъ какъ напоминали ему прошлое лѣто, когда въ этой же бѣлой, какъ лебедь, лодочкѣ, онъ, распустивъ паруса, весь охваченный восторгомъ, смѣющійся, одурѣвшій отъ молодого счастья, каталъ свою повелительницу по морю. Трубчевскій и теперь почти безсознательно направлялъ лодку въ свое „завѣтное мѣстечко", гдѣ въ прошедшемъ году повелительница подарила ему первый стыдливый и робкій поцѣлуй. Это было отмѣнное мѣстечко. Двѣ скалы высокими гранитными коллонами отвѣсно подымались вверхъ среди открытаго моря. Съ берега они походили на великановъ-монаховъ, закутавшихся въ капюшоны и склонившихся впередъ, какъ бы въ просительной позѣ. Казалось, эти великаны только что оставили землю и по колѣна ушли въ море, чтобъ, склонившись передъ грозной стихіей, умилостивить ее и вымолить прощеніе для тихихъ зеленыхъ береговъ, мирно дремавшихъ на солнцѣ...

Подъѣзжая къ гранитнымъ монахамъ, Трубчевскій каждый день здоровался съ ними и еще издали съ грустнымъ привѣтомъ кричалъ:

— Здравствуйте вы, свидѣтели моего счастья!—Потомъ, подъѣхавъ къ скаламъ вплотную, онъ подымалъ весла и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ не шевелясь въ своей маленькой и хорошенькой какъ игрушка, лодочкѣ. Зеленыя, какъ изумрудъ, прозрачныя и тяжелыя воды моря въ какой-то сонной истомѣ нѣжились на солнцѣ и лѣниво едва замѣтно пухли отъ мертвой зыби. Трубчевскому казалось, что онъ со своей лодкой остановился на груди у спящаго титана и что эта грудь живетъ и дышетъ и дыханіемъ своимъ то опускаетъ, то подымаетъ его скорлупу-лодочку.

— Вотъ точно также колыхалась море и тогда...—беззвучно, однѣми губами шепталъ Трубчевскій и переводилъ полные грусти глаза на обрывистые, крутые берега, гдѣ яркая южная зелень словно подчеркивалась красной, жирной глиной, которую обнажило море въ послѣднюю бурю. И здѣсь, на этихъ берегахъ,

все знакомо Трубчевскому. Вонъ стоитъ старый кудрявый дубъ, словно оплѣшивѣвшій отъ возраста, съ рѣдкой сухой листвой и съ корнями вылѣзшими изъ земли наружу. Какъ черныя набухшія жилы, переплелись эти толстые корни и издали кажется, что это извиваясь ползутъ длинныя змѣи. А вотъ веселой толпой сбѣгая по зеленому косогору, виднѣются молодыя стройныя березки—ни дать ни взять кучка институтокъ въ бѣлыхъ передникахъ и пелеринахъ. Сквозь толпу этахъ березокъ красной лентой протянулась глинистая тропинка и убѣжала въ густые зеленые кусты сирени и шиповника. И дубъ, и березки, и тропинка все вызывало въ сердцѣ юноши цѣлый рой счастливыхъ воспоминаній: сколько разъ, сидя подъ этимъ дубомъ, онъ высматривалъ, не идетъ ли по тропинкѣ „она", его повелительница, такая же стройная, тонкая и гибкая, какъ эти молодыя бѣлыя березки; сколько разъ встрѣчалъ онъ ее здѣсь взволнованную, робкую, но счастливую и любящую, сколько разъ цѣловалъ онъ здѣсь ея трепещущія милыя ручки!

Трубчевскій съ наслажденіемъ цѣликомъ отдавался этимъ дорогимъ для него воспоминаніямъ и кончалъ обыкновенно тѣмъ, что тихо, въ какомъ-то грустномъ раздумьѣ пѣлъ свою любимую арію:

Мнѣ все здѣсь на память приводитъ былое
Юности свѣтлой привольные дни...

Только къ обѣду возвращался домой одурѣвшій отъ любви Трубчевскій, да и то лишь затѣмъ, чтобы спроситъ, нѣтъ ли на его имя писемъ. Но писемъ не было цѣлое лѣто—очевидно родители „повелительницы" взялись за нее серьезно. Трубчевскій не зналъ даже ея адреса и то мучился ревнивыми подозрѣніями, воображая, что его пассія влюбилась въ итальянца, то проклиналъ насиліе родителей, то просто плакалъ съ отчаянія. Особенно острые припадки грусти были у него по вечерамъ, и чѣмъ красивѣе были эти вечера и ночи, тѣмъ тяжелѣе было на сердцѣ. Отъ этой щемящей, ноющей грусти юноша спасался только тѣмъ, что садился за рояль и пѣлъ всегда одинъ и тотъ же романсъ:

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю,
Я боюсь, что подслушавши повѣсть мою,
Легкій вѣтеръ въ кустахъ вдругъ въ веселіи пьяномъ
Полетитъ надъ землей ураганомъ!..
Я боюсь разсказатъ, какъ тебя я люблю,
Я боюсь, что подслушавши повѣсть мою,
Звѣзды станутъ недвижно средь темнаго свода
И висѣть будетъ ночь безъ исхода...

Трубчевскій мастерски пѣлъ этотъ романсъ. Подъ окнами адмиральской дачи обыкновенно собиралась даже густая толпа дач-

никовъ, сбѣгавшихся послушать „феноменальный“ голосъ молодого пѣвца. Слушалъ этотъ романсъ и отецъ Трубчевскаго и, улавливая въ голосѣ сына нотки тоски и отчаянія, только качалъ сѣдой головой и говорилъ женѣ:

— Дѣло дрянь: слышишь, какъ влюбленъ? Положительно, нужно принимать мѣры.

— Но какія мѣры?—тревожно спрашивала адмиральша.

— А извѣстно какія—велосипедъ надо купить: въ его возрастѣ это незамѣнимое средство отъ любви—какъ рукой сниметъ.

И адмиралъ, дѣйствительно, въ ближайшую же поѣздку въ городъ купилъ сыну щегольской и, какъ онъ увѣрялъ, „вполнѣ антилюбовный велосипедъ“.

Но и велосипедъ не поправилъ дѣла: Трубчевскій, хоть и катался на немъ довольно усердно, но по вечерамъ въ гостиной адмиральской дачи по прежнему раздавалось страстное и сильное „Я боюсь разсказать“...

Только осенью, уже по переѣздѣ въ городъ, тоска какъ-то сразу схлынула съ юноши и уступила мѣсто бурной, неистовой радости: повелительница возвратилась изъ-за границы и Трубчевскій получилъ такое нѣжное, такое любящее письмо, что совсѣмъ потерялъ голову. Начался прежній любовный угаръ, посыпались взаимныя записки, открылась длинная серія свиданій (справедливость требуетъ отмѣтить, что на эти свиданія Трубчевскій чаще всего ѣздилъ на „антилюбовномъ“ велосипедѣ, такъ какъ и его повелительница любила этотъ спортъ).

Нечего и говорить, что съ возвращеніемъ предмета своей страсти Трубчевскій совсѣмъ не заглядывалъ въ учебники: объ экзаменахъ онъ какъ-то не позволялъ себѣ думать, и если мысль о нихъ подчасъ залетала въ его одурѣвшую отъ любви голову, то онъ спѣшилъ ее прогнать, какъ врага, отравяющаго ему счастье жизни.

— Успѣю, еще впереди есть время,—успокаивалъ онъ себя и, какъ очумѣлый, летѣлъ на свиданіе.

Такое отношеніе къ дѣлу очень волновало домашнихъ Трубчевскаго, тѣмъ болѣе, что адмиралъ на всю осень уѣхалъ по дѣламъ службы въ Лондонъ. Оставшись одна, адмиральша совсѣмъ потеряла голову и рѣшительно не знала, что дѣлать съ „сумасшедшимъ Колей“. Писать мужу въ Лондонъ и огорчать его она не хотѣла, хотя и знала, что никто, кромѣ адмирала, не умѣлъ такъ легко и незамѣтно укрощать ея живого, какъ ртуть, увлекающагося, „сумасшедшаго“ сына.

Дѣло кончилось тѣмъ, что, сбитая съ толку, адмиральша написала записочку Дорошенкѣ, прося его придти „поговорить о Колѣ“.

Получивъ записку, Дорошенко безъ труда догадался въ чемъ дѣло и, по свойственной ему привычкѣ все рѣшать коллегіально, хотѣлъ было представить вопросъ о Трубчевскомъ на усмотрѣніе всей „артели", но подумавъ, ограничился тѣмъ, что надѣлъ фуражку и полетѣлъ къ Савицкому.

Дорошенко до глубины души былъ возмущенъ поведеніемъ Трубчевскаго. Самъ онъ ни разу въ жизни не былъ влюбленъ и не понималъ, какимъ образомъ его товарищъ, „неглупый человѣкъ и славный малый", могъ забыть все, даже своего милаго, обаятельнаго отца изъ-за „юбки", изъ-за „паршивой дѣвчонки".

Савицкаго Дорошенко засталъ за дѣломъ: снявъ свою гимназическую блузу и сапоги, онъ задралъ ноги въ черныхъ чулкахъ на столъ и повторялъ Иловайскаго. Но повторялъ совершенно оригинальнымъ способомъ, „по методѣ Савицкаго", прославившейся на всю гимназію. Эта метода состояла въ томъ, что каждую прочитанную страницу Савицкій вырывалъ, комкалъ и брезгливо, словно что-нибудь гнилое или вонючее, бросалъ въ сторону. Объясненіе такого рода „методы" надо было искать въ удивительной памяти Савицкаго: онъ читалъ разъ навсегда и все прочитанное точно гвоздями прибивалось въ его памяти.

— Послушай, Савицкій!—влетая въ „кабинетъ", съ мѣста въ карьеръ началъ Дорошенко.—Мы съ тобой въ сущности страшные скоты: мы совсѣмъ не обращаемъ вниманія на Трубчевскаго, а, между тѣмъ, онъ влюбленъ, какъ послѣдній подлецъ.

Привыкшій къ скоропалительности своего друга, Савицкій едва замѣтно улыбнулся и, не снимая ногъ со стола, спокойно промолвилъ:

— Сними калоши, повѣсь пальто и садись.

— Дѣло не въ калошахъ,—нетерпѣливо продолжалъ Дорошенко.—Я говорю, что мы, какъ товарищи, должны вмѣшаться въ дѣло, должны прекратить эту „адскую страсть молодого теленка!" Это позоръ, это стыдъ и срамъ—интеллигентный человѣкъ и ни о чемъ кромѣ юбки не думаетъ!

Савицкій видѣлъ, что пріятель его порядкомъ-таки взвинченъ, и потому рѣшилъ, наконецъ, снять свои ноги со стола. Онъ насильно усадилъ Дорошенку въ кресло, подробно разспросилъ о положеніи дѣлъ, прочиталъ письмо адмиральши и, ни разу не измѣнивъ своему хохлацкому спокойствію, снова поднялъ ноги на столъ.

— Итакъ, адмиральшѣ помочь необходимо,—тономъ юрисконсульта резюмировалъ онъ положеніе дѣлъ.—Но что же ты намѣренъ сдѣлать?

— Я тебѣ говорилъ—прекратить эту „пылкую любовь въ корридорѣ".

Савицкій снова едва замѣтно, одними глазами, улыбнуся.

— Какимъ образомъ ты думаешь это сдѣлать?

— Да думаю просто поѣхать къ этой „сиренѣ“ и поговорить съ ней на чистоту: коего чорта съ ней церемониться!

— А я тебѣ не совѣтую это дѣлать. Ты такъ говоришь оттого, что не знаешь ее. Она, въ сущности, очень славная, очень неглупая и милая барышня. А ужъ хорошенькая такая,— хитро улыбнувшись, прибавилъ Савицкій,—что чего добраго и ты врѣжешься—настоящая „принцесса Грёза“!..

Дорошенко обидѣлся.

— Оселъ! Я съ тобой серьезно говорю, а ты зубы скалишь!

Предположеніе, что и самъ онъ можетъ когда-нибудь влюбиться, казалось Дорошенкѣ чудовищной нелѣпостью и въ то же время неумѣстной шуткой со стороны товарища. Поэтому онъ такъ насупился, что Савицкій снова долженъ былъ снимать ноги со стола и успокаивать его.

Черезъ десять минутъ они, однако, пришли къ соглашенію и хитрый Савицкій придумалъ даже цѣлый планъ кампаніи противъ влюбленнаго Трубчевскаго.

— Садись къ столу,—предложилъ онъ Дорошенкѣ,—письмо писать будешь.

— Кому?

— „Принцессѣ Грёзѣ“.

— Ей?

— Ну, да.

— Дуракъ!

Савицкій терпѣливо долженъ былъ объяснить, что надъ Трубчевскимъ имѣютъ власть только два человѣка—старый адмиралъ и „принцесса“ и что такъ какъ адмиралъ въ Лондонѣ, то остается прибѣгнуть къ принцессѣ и написать ей отъ имени товарищей письмо съ просьбой повліять на Трубчевскаго и заставить его заниматься.

— Изъ этого ничего не выйдетъ!—категорически рѣшилъ Дорошенко. Но тутъ ужъ взъерепенился Савицкій.

— Да что ты понимаешь въ женщинахъ? Ты знаешь ихъ сердце, знаешь, какъ онѣ любятъ? Туда же, лѣзетъ съ заключеніями, какъ будто что-нибудь смыслитъ. Ты разъ и навсегда долженъ признать, что въ любви ты понимаешь столько же, сколько одна барыня въ апельсинахъ! Садись и пиши, я буду диктовать!

По зрѣломъ размышленіи, Дорошенко долженъ былъ признать, что по части любви онъ, дѣйствительно, слабоватъ, и потому, пожавъ плечами, усѣлся къ столу.

Менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ они составили слѣдующее письмо:

„Многоуважаемая

„Татьяна Александровна!

„Хотя мы знаемъ о Васъ только по наслышкѣ, но тѣмъ не менѣе позволяемъ себѣ обратиться къ Вамъ съ убѣдительной просьбой, зная, что никто, кромѣ Васъ, не можетъ намъ помочь.

„Нашъ товарищъ, Н. И. Трубчевскій, котораго всѣ мы искренно любимъ, въ послѣднее время до такой степени разлѣнился, что несомнѣнно не выдержитъ экзамена на аттестатъ зрѣлости и долженъ будетъ потерять годъ, если теперь же не начнетъ серьезно и много заниматься. Его положеніе осложняется еще тѣмъ, что онъ никогда не пользовался расположеніемъ учителей, и что, поэтому, на экзаменахъ къ нему будутъ предъявлены особенно строгія требованія. По всей вѣроятности, онъ и самъ это хорошо знаетъ, но тѣмъ не менѣе до сихъ поръ не можетъ взяться за дѣло. Съ своей стороны, мы не одинъ разъ пробовали убѣждать его, но къ сожалѣнію это ни къ чему не приводило, и теперь мы обращаемся къ Вамъ: помогите намъ повліять на него. Мы знаемъ, что Вы не меньше насъ желаете ему добра и что одного Вашего слова будетъ достаточно, чтобы Трубчевскій образумился и сталъ заниматься.

„Еще разъ очень, очень просимъ Васъ помочь намъ.

„Уважающіе Васъ Савицкій и Дорошенко".

— Ты думаешь, эта „цидулка" поможетъ дѣлу? — скептически спросилъ Дорошенко, когда письмо было окончено.

— Разумѣется! Ты, братъ, совсѣмъ не знаешь женскаго сердца!—тономъ знатока женскаго сердца увѣрялъ Савицкій.— Во-первыхъ, „принцесса" будетъ очень польщена, что мы ее просимъ, во-вторыхъ, ей будетъ пріятно, что мы признаемъ ея вліяніе на Трубчевскаго, въ-третьихъ, ей еще пріятнѣе будетъ доказать намъ это вліяніе. Да, впрочемъ, что тебѣ толковать, вѣдь ты въ любовныхъ дѣлахъ ни уха, ни рыла не смыслишь!

Отправивъ письмо, пріятели оба поѣхали успокаивать адмиральшу, а черезъ недѣлю они убѣдились, что письмо имѣло самое благотворное дѣйствіе: Трубчевскій сталъ ходить на свиданія разъ въ недѣлю и налегъ на учебники съ такимъ прилежаніемъ, какого у него никогда не было. Дорошенко, однако, не вѣрилъ въ эту метаморфозу и перетащилъ его на жительство къ себѣ, чтобы имѣть постоянный и неослабный надзоръ за занятіями своего друга.

— Ты у меня, животное, выдержишь экзаменъ, чортъ тебя возьми!—говорилъ онъ, грозя кулакомъ Трубчевскому.

XXI.

Чѣмъ ближе подходило дѣло къ экзаменамъ, тѣмъ чаще въ гимназическомъ клубѣ совѣщались восьмиклассники о необходимости украсть экзаменаціонныя темы и тѣмъ какъ бы дать послѣднее и самое рѣшительное сраженіе „халдеямъ“.

Мысль о возможности такого рода кражи первый бросилъ Кривцовъ. Въ погонѣ за модистками и горничными, онъ нахваталъ въ восьмомъ классѣ двоекъ и, боясь экзаменовъ, мечталъ ликвидировать свои дѣла при помощи подобраннаго ключа или подкупа. Но какъ человѣкъ опытный, онъ началъ свою пропаганду не сразу, а исподволь, постепенно разжигая воображеніе товарищей самыми соблазнительными разсказами. Такъ, напримѣръ, онъ передавалъ, что гимназистъ N-ской гимназіи за два мѣсяца до экзаменовъ вошелъ въ любовную связь съ горничной директора и съ ея помощью пробрался въ директорскій кабинетъ и выкралъ темы.

— И если бы вы видѣли, — прибавлялъ Кривцовъ,—что за рожа была у этой „горняшки“! т.-е. въ семь дней не оплюешь! А, между тѣмъ, человѣкъ два мѣсяца цѣловалъ эту харю для пользы общаго дѣла!

Въ другой разъ Кривцовъ передавалъ незамысловатую повѣсть о томъ, какъ гимназисты ихъ же гимназіи лѣтъ пять тому назадъ подкупили директорскаго камердинера и при его просвѣщенномъ содѣйствіи подобрали ключи, вскрыли потайной ящикъ стола, вскрыли печати и, узнавъ темы, опять все привели въ порядокъ и незамѣченные ушли во-свояси.

Справедливость требуетъ замѣтить, что разсказы Кривцова почти ни въ комъ изъ его товарищей не вызывали чувства брезгливости: кража темъ разсматривалась только съ точки зрѣнія возможной удачи и неудачи, нравственная же сторона вопроса совершенно не существовала, такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь шла о кражѣ у „халдеевъ“, а въ отношеніи къ нимъ все считалось позволеннымъ и поступковъ безчестныхъ не было вовсе. Но за то вопросъ о безопасности этой кражи очень занималъ гимназистовъ, и всѣ большія перемѣны посвящались именно этой сторонѣ дѣла. Меньшинство высказывалось за полную „нераціональность“ кражи.

— Вспомните, что если хоть одинъ изъ насъ влопается— начнется слѣдствіе, допросы, очныя ставки и дѣло кончится тѣмъ, что добрый десятокъ товарищей, вмѣсто аттестата, получитъ волчій билетъ!

— Правда! Правда!

— Не стоитъ красть! Не стоитъ!

— Разсчета нѣтъ!

Противники кражи, желая окончательно провалить вопросъ и привлечь на свою сторону большинство, предлагали даже суррогатъ кражи, для чего рекомендовали „на раціональныхъ началахъ“ организовать систему списыванья. Но имъ горячо возражали сторонники кражи.

— Ослы! какъ вы будете списывать, когда насъ разсадятъ за отдѣльными столиками, на сажень другъ отъ друга, и когда вмѣсто одного „халдея“ будутъ слѣдить директоръ, инспекторъ, классный наставникъ, учитель и надзиратель? Пять чертей уставятъ на васъ глаза—и вы думаете при этихъ условіяхъ спасать? Чорта пухлаго спишете!

— Ничего не значитъ, — въ свою очередь горячились иниціаторы списыванья,—нѣтъ такихъ условій, когда нельзя было бы списать. Отдѣльные столики—это дѣтскія игрушки. Еслибъ каждаго изъ насъ въ гробъ на экзаменѣ заколотили — все равно, и въ гробахъ лежа, списали бы!

Сторонники списыванья предлагали даже испытанный методъ, съ помощью котораго можно было списать при всякихъ обстоятельствахъ. Этотъ методъ состоялъ въ притворномъ обморокѣ: одинъ изъ учениковъ долженъ былъ раньше всѣхъ окончить свою работу подать экзаменаціонные листы учителямъ и затѣмъ, уходя домой, тутъ же на глазахъ начальства зашататься и грохнуться всѣмъ тѣломъ ò-земь. Во время естественнаго въ такихъ случаяхъ переполоха лучшіе ученики должны во мгновеніе ока передать заранѣе заготовленныя „шпаргалки“ слабѣйшимъ товарищамъ и всячески раздувать и увеличивать общее смятеніе и суету.

— Чѣмъ это не способъ!—увлекаясь собственнымъ планомъ, побѣдоносно вопрошали сторонники этой идеи. — Развѣ все это нельзя разыграть какъ по нотамъ? Развѣ у насъ мало актеровъ? Да тотъ же Кривцовъ падаетъ въ обморокъ лучше Сарры Бернаръ и никакой чортъ его не заподозритъ въ обманѣ: онъ и башкой о землю стучится, какъ настоящій эпилептикъ, и слюну пускаетъ и все, что вамъ угодно!..

Прислушиваясь ко всѣмъ этимъ разговорамъ, Кривцовъ намѣренно не желалъ высказывать собственнаго мнѣнія, ожидая, что дѣло выяснится само собой, но въ рѣшительную минуту, когда исходъ преній о кражѣ или списываньи явнымъ образомъ склонялся въ сторону списываній, онъ выступилъ передъ товарищами съ цѣлой рѣчью. Взгромоздившись на клубный подоконникъ и вертя своей острой лисьей мордочкой во всѣ стороны, онъ началъ рѣчь, какъ адвокатъ, который ни одного слова не броситъ зря.

— Господа! Я согласенъ съ вами, что обморокъ въ извѣст-

ныхъ случаяхъ—прекрасная вещь. Но по отношенію къ намъ онъ непримѣнимъ. Прежде всего, нельзя же на каждомъ экзаменѣ падать въ обморокъ, такъ какъ и дуракъ пойметъ, что это обмороки не настоящіе, а экзаменаціонные. Во-вторыхъ, далеко не все можно списать: какъ, напримѣръ, вы спишите русское сочиненіе? Въ-третьихъ, тотъ выборный товарищъ, который упадетъ въ обморокъ, долженъ же будетъ, прежде чѣмъ упасть, подумать и о себѣ, т.-е. тоже списать, а какъ же онъ спишетъ при усиленномъ надзорѣ? Такимъ образомъ, господа, вы видите, что идея списыванья есть не болѣе, какъ соломинка, за которую хватается утопающій. Настоящее же, единственно раціональное средство есть кража темъ.

Далѣе Кривцовъ очень обстоятельно развилъ преимущества кражи передъ списываніемъ и въ заключеніе предложилъ основательно разработанный проектъ хищенія.

— Вы знаете, господа, что относительно темъ существуетъ такой порядокъ: каждый учитель представляетъ директору три темы. Директоръ отправляетъ ихъ попечителю, а попечитель утверждаетъ одну и по почтѣ присылаетъ директору обратно. Такимъ образомъ, предъ нами открывается дилемма: мы должны или достать темы непосредственно изъ директорскаго стола, или прибѣгнуть къ помощи почтоваго чиновника. Первый путь немыслимъ, такъ какъ, по наведеннымъ мной справкамъ, чеботаевская прислуга совершенно терроризована и трепещетъ своего барина больше, чѣмъ чорта. Остается, значитъ второй способъ, т.-е. почтовый чиновникъ. Это способъ, господа, испытанный: въ прежнія времена, когда темы присылались однѣ и тѣже на весь учебный округъ, всѣ гимназіи округа складывались и составляли подчасъ капиталъ въ пять-шесть тысячъ, съ помощью котораго и обдѣлывали дѣло. Намъ, конечно, такой суммы не собрать но будетъ достаточно, если мы соберемъ только 300 р. Эту цифру, господа, назначилъ мнѣ одинъ пьянчуга-чиновникъ, котораго я уже вторую недѣлю пою водкой и который обѣщаетъ выкрасть не только пакеты, но и самого почмейстера.

Рѣчь Кривцова была покрыта одобрительными возгласами и даже аплодисментами.

— Конечно, красть!

— О чемъ еще и разговаривать!

— Триста рублей соберемъ шутя!

— Въ два дня соберемъ!

— Я одинъ сейчасъ же готовъ дать пятьсотъ!—выскочилъ милліонеръ и красавецъ Хіонаки и даже вынулъ изъ бумажника сторублевый билетъ. Но его тотчасъ же осадили.

— А ты своими рублями не форси!

— Спрячь деньги, свинья, чего расхвастался!

— Да вѣдь я на общее дѣло, господа!—обиженно промолвилъ Хіонаки. Но на него опять фыркнули.

— На общее дѣло и деньги нужны общія, а не только твои!

— Спрячь, тебѣ говорятъ, свой билетъ, что ты носишься съ нимъ, какъ лабазникъ!

Хіонаки небрежно сунулъ деньги въ карманъ брюкъ и, вскинувъ плечами, съ истиннымъ негодованіемъ процѣдилъ:

— Ослы!..

А Кривцовъ тѣмъ временемъ поставилъ на баллотировку вопросъ о подкупѣ чиновника и когда предложеніе было принято большинствомъ голосовъ, испросилъ у собранія полномочіе вести переговоры съ чиновникомъ отъ имени всѣхъ и быть кассиромъ „рептильнаго фонда".

И то, и другое ему разрѣшили.

Это былъ первый случай за всю гимназическую жизнь Кривцова, когда весь классъ оказалъ ему такое довѣріе и поставилъ во главѣ такого отвѣтственнаго и опаснаго дѣла. И Кривцовъ умѣлъ это цѣнить, изо всѣхъ силъ стараясь выполнитъ порученіе такъ, чтобы удивить всѣхъ и заслужить всеобщую благодарность. По цѣлымъ начамъ онъ возжался со своимъ пьяненькимъ чиновникомъ, ухаживалъ за нимъ, поилъ его, развлекалъ словно знатнаго иностранца. А на утро, приходя въ классъ съ болью во всѣмъ тѣлѣ, Кривцовъ усталымъ голосомъ съ горечью говорилъ товарищамъ.

— Вы меня не цѣните, подлецы! Ради васъ я цѣлый мѣсяцъ пьянствую, хотя мнѣ докторъ воспретилъ и подходить къ водкѣ. Вы всѣ, небось, зубрите, къ экзаменамъ готовитесь, а я, какъ проклятый, каждую ночь по трущобамъ шляюсь съ чиновникомъ. Да еще по какимъ трущубамъ-то! Кажется, насчетъ всякихъ притоновъ я и самъ не мальчишка, но такихъ, куда ходитъ чиновникъ, я въ жизни моей не видѣлъ—волосы дыбомъ встаютъ при одномъ воспоминаніи.

Почти до самыхъ экзаменовъ восьмиклассники не переставали надѣяться на чиновника, но недѣли за двѣ до конца учебнаго года всѣ мечты ихъ разбились впрахъ, и притомъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Однажды Кривцовъ явился въ классъ блѣдный, разстроенный, убитый и потребовалъ, чтобы товарищи сейчасъ же приняли отъ него отчетъ по „рептильному фонду", такъ какъ „мерзавецъ подковалъ" его съ такой наглостью, которой даже отъ него нельзя было ожидать.

— Представьте, онъ совсѣмъ даже не чиновникъ: полгода тому назадъ его выгнали за пьянство, и онъ только носилъ форму, потому что другой одежды не имѣлъ.

Кривцовъ былъ такъ потрясенъ обманомъ, что говорилъ товарищамъ сущую правду, безъ обычныхъ прикрасъ и отступленій въ сторону невѣроятнаго. Даже лицо его, распухшее и пожелтѣвшее отъ пьянства, носило слѣды неподдѣльнаго отчаянія.

— Когда я узналъ, что насъ подковали,—передавалъ онъ свою печальную повѣсть,—на меня напала такая злость, такое бѣшенство, что я совсѣмъ не помню, какъ схватилъ палку, какъ взялъ потомъ извозчика и полетѣлъ къ нему. Лечу и думаю: ну дамъ же я тебѣ лупку, прохвостъ, навсегда помнить будешь, два мѣсяца я тебя развлекалъ, а теперь я себѣ развлеченіе сдѣлаю. Но что же, вы думаете, вышло? Прилетаю я къ нему и отъ квартирной хозяйки узнаю, что его посадили въ острогъ: вчера ночью пришли полицейскіе и увели. За что—ничего не могъ узнать. Выяснилось только, что его давно искали.

Глядя на убитое лицо Кривцова, товарищи дали ему снисхожденіе, несмотря на то, что онъ, при благосклонномъ участіи „мерзавца“, издержалъ большую половину „рептильнаго фонда“. Классъ только слегка пожурилъ своего „выборнаго“.

— Эхъ, ты пирей не нашелъ дверей!

— А еще выдаешь себя за большого негодяя!

— Ничего, господа, онъ подрастетъ, онъ подрастетъ!—саркастически кричали враги Кривцова.

Осыпаемый градомъ добродушныхъ насмѣшекъ, Кривцовъ не находилъ въ себѣ смѣлости огрызаться и отмалчивался. Притомъ же его сердили не столько насмѣшки, сколько потеря той позиціи, которую завоевалъ онъ въ классѣ, благодаря „мерзавцу“: изъ центральной фигуры, приковавшей къ себѣ общее вниманіе, онъ снова попалъ въ задніе ряды. Это и злило его и болѣзненно отражалось на его всегда опухшемъ, воспаленномъ самолюбіи.

Впрочемъ, дней за пять до экзамена Кривцовъ опять заинтересовалъ одноклассниковъ. Явившись въ классъ, онъ съ побѣдоноснымъ видомъ заявилъ, что „укралъ темы по русскому языку“.

— Черти! вы меня не цѣните!—началъ онъ съ своей обычной фразы и тутъ же побѣдоносно прибавилъ:—Записывайте, вамъ говорятъ, темы! Первая тема: „Значеніе монастырей“.

— Да откуда ты взялъ?

— Правда ли?—посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы. Но Кривцовъ даже не отвѣтилъ или, точнѣе говоря, не удостоилъ отвѣтомъ—онъ слишкомъ сознавалъ свое значеніе въ эту минуту.

— Вторая тема,—надменно поднявъ свою острую мордочку, продолжалъ онъ,—„Обычай—деспотъ межъ людей“.

— Да постой, погоди, чортъ! Ты скажи, откуда ты узналъ?

— Третья тема: „Державинъ—отецъ русской поэзіи“,—невозмутимо продолжалъ Кривцовъ, но его тотчасъ же осадили.

— Ты что же, рыжій дьяволъ, не отвѣчаешь, когда тебя спрашиваютъ? Говори, откуда взялъ?

— Да вамъ-то что? Не все ли вамъ равно?

Полдюжины рукъ протянулись къ затылку Кривцова и при ихъ энергичномъ содѣйствіи, упрямый и заносчивый Кривцовъ долженъ былъ разсказать, что темы онъ нашелъ въ карманѣ вицъ-мундира своего ментора, у котораго жилъ на квартирѣ. Темы были записаны въ классной книжечкѣ, въ которой выставлялись отмѣтки, причемъ первая тема: „Значеніе монастырей“— была подчеркнута карандашомъ, очевидно, какъ главная.

XXII.

Насталъ день экзаменовъ. Въ корридорѣ, у дверей актоваго зала, сбившись въ кучу, толпились выбритые, выстриженные восьмиклассники въ куцыхъ стареньких мундирчикахъ, которые имъ велѣли надѣть для пущаго торжества. Въ центрѣ группы стоялъ Кривцовъ и разсказывалъ про строгости предстоящихъ экзаменовъ, запугивая наиболѣе робкихъ товарищей. Нѣсколько въ сторонѣ другая группа въ пять-шесть человѣкъ оживленно совѣщалась о томъ, какимъ бы образомъ организовать „систему передачи шпаргалокъ“.

— Черти,—раздавался шопотъ изъ этой группы,—въ клубѣ мы вынули гвозди изъ одной половицы, такъ что всю половицу можно приподнять и прятать тамъ что угодно: одинъ отпросится выйти и спрячетъ, другой—придетъ и возьметъ.

— Дура, да вѣдь въ клубъ будутъ водить по-арестантски, ты попросишься выйти, а коммиссія халдеевъ пошлетъ съ тобой надзирателя и занесетъ въ протоколъ: такой-то воспитанникъ въ два часа двѣнадцать минутъ выходилъ для отправленія естественныхъ нуждъ, причемъ нужды отправлялъ столько-то минутъ въ присутствіи такого-то надзирателя.

— Ничего не значитъ!—протестовалъ чей-то энергическій шопотъ: надзирателю будетъ стыдно стоять надъ тобой все время: онъ выйдетъ, а ты половицу поднялъ и сунулъ шпаргалку.

— Ничего ему не будетъ стыдно,—какой у надзирателя стыдъ—никуда онъ не выйдетъ.

— Дуракъ, ты, съ психологіей совсѣмъ не считаешься!..

Въ сторонѣ отъ другихъ, беззаботно заложивъ руки за спину, расхаживалъ взадъ-впередъ Савицкій и тихонько напѣвалъ:

Я обожа-а-ю
Я обожа-а-а-ю.

Савицкій сочиненія писалъ лучше всѣхъ и не только всегда получалъ за нихъ полный баллъ, но даже обращалъ на себя вни-

маніе всей учительской, какъ изъ ряду вонъ выходящій ученикъ и, по всей вѣроятности, „будущій писатель". Не мудрено, что Савицкій на экзаменъ русскаго языка смотрѣлъ, какъ на шутку, и распѣвалъ свое „я обожаю" съ болѣе чѣмъ независимымъ видомъ. Издали на него съ чувствомъ зависти поглядывали послѣдніе ученики, и въ особенности одинъ изъ нихъ—Снигиревъ, туповатый малый, хуже всѣхъ писавшій классныя сочиненія, несмотря на то, что самъ былъ сыномъ небезызвѣстной писательницы.

— Вѣдь вотъ счастливецъ!—съ завистью кивая въ сторону Савицкаго, говорилъ бѣдняга.—Ему написать сочиненіе все равно, что папиросу выкурить...

— А ты его попроси, онъ и тебѣ напишетъ.

Снигиревъ пропустилъ этотъ совѣтъ мимо ушей, но черезъ пять минутъ, наслушавшись „страшныхъ" разсказовъ Кривцова, не утерпѣлъ и вступилъ съ Савицкимъ въ переговоры.

— Слушай, Савицкій, я хотѣлъ тебя просить, но, по правдѣ сказать, какъ-то не рѣшаюсь...

Савицкій сверкнулъ своими бѣлыми и ровными, какъ нитка жемчуга, зубами.

— А ты рѣшись... Насчетъ сочиненія, что ли?

— Да. Видишь ли, если Кривцовъ совралъ, и сочиненія будутъ другія, то я безъ труда могу провалиться...

— Ну, зачѣмъ же и провалиться: я съ своей стороны охотно руку помощи... во всякое время.

— Т.-е. какъ руку помощи?

— Да насочиняю тебѣ, все что нужно, и отнесу въ клубъ подъ половицу: ты придешь возьмешь и потомъ съ Божьей помощью спишешь.

Лицо Снигирева вспыхнуло радостью.

— Мнѣ бы хоть на три съ минусомъ... Но, впрочемъ, можетъ, тебѣ трудно будетъ два сочиненія писать. Я боюсь, что ты, поэтому, свое хуже напишешь и поставишь, такимъ образомъ, на карту свою пятерку.

— А чортъ ли мнѣ въ ней, въ пятеркѣ? Мнѣ въ высокой степени наплевать...

Савицкій не договорилъ своей фразы, такъ какъ среди гимназистовъ произошло движеніе и отовсюду послышались веселые возгласы:

— Трубчевскій! Трубчевскій пришелъ!..

По корридору дѣйствительно шелъ, какъ всегда, веселый, улыбающійся Трубчевскій. Въ новенькомъ съ иголочки сюртукѣ, стройный, изящный, съ засѣявшейся черной бородкой и усиками онъ возбужденно кивалъ товарищамъ и еще издали громко кричалъ:

— Здорово, мальчишки!

Его сейчасъ же обступили и двѣ-три остроты общаго любимца сразу разогнали напряженное и подавленное настроеніе класса.

— Что это вы, черти, словно подсудимые у дверей окружного суда? Неужто мы о монастыряхъ не насочиняемъ?

Черезъ пять минутъ, когда гимназистовъ впустили, наконецъ, въ актовый залъ, всѣ были поражены чрезмѣрной торжественностью обстановки.

У одной стѣны стоялъ колоссальный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, съ толстыми, лежавшими на полу, кистями. У стола пять креселъ съ высокими спинками для членовъ коммиссіи и на столѣ зерцало. Весь залъ былъ уставленъ маленькими столиками, устроенными такъ, чтобы ноги сидящаго за нимъ были видны цѣликомъ и чтобы ни одно движеніе, ни одинъ поворотъ туловища не могъ ускользнуть отъ глазъ наблюдателей. Столики стояли на сажень другъ отъ друга, а на нихъ лежали заранѣе приготовленные проштемпелеванные листы бѣлой бумаги съ клеймами и проштемпелеванные же листы пропускной бумаги тоже съ клеймами. Своей бумаги, точно также какъ своихъ перьевъ, ручекъ и чернилъ гимназисты ни подъ какимъ видомъ не могли приносить во избѣжаніе возможнаго мошенничества.

— Смотри, братъ, и въ самомъ дѣлѣ на окружной судъ похоже,— шепнулъ Трубчевскій Дорошенкѣ.—Кресла для гг. судей, мѣста для подсудимыхъ, зерцало... Нѣтъ только солдатъ съ саблями на голо.

— Господа! Коммиссія идетъ, попрошу встать!—вдругъ, влетая въ залъ, крикнулъ надзиратель.

— А вотъ и судебный приставъ,—улыбаясь шепнулъ Трубчевскій,—влетѣлъ и гаркнулъ: „судъ идетъ“.

Тѣмъ временемъ швейцаръ Трифонъ торжественно распахнулъ обѣ половинки дверей и въ залъ вплыла коммиссія. Впереди плылъ еще болѣе величественный, чѣмъ всегда, Чеботаевъ съ портфелемъ въ рукахъ, за нимъ, словно журавль, выступалъ длинный, худой инспекторъ съ своей библейской бородой и въ застегнутомъ вицъ-мундирѣ. За инспекторомъ съ перевальцемъ катился кругленькій, сытенькій Харченко; за Харченкой учитель словесности, унылый, мрачный мужчина, котораго гимназисты называли „сенъ-бернаромъ“, и, наконецъ, въ самомъ концѣ процессіи почтительно, на цыпочкахъ шелъ надзиратель „Именинникъ“. Лишь только коммиссія вплыла въ залъ, швейцаръ Трифонъ набожно широкимъ крестомъ осѣнилъ „своихъ“ гимназистовъ и беззвучно заперъ дверь.

— Трифонъ-то нашъ, голубчикъ, какъ онъ боится за насъ,—растроганнымъ голосомъ шепнулъ Дорошенко Трубчевскому. Трубчевскій тоже замѣтилъ Трифона, его молитвенно поднятые глаза и все его бородатое, доброе лицо, на которомъ

отразился и страхъ, и боль за тѣхъ, кого разсадили за этими маленькими квадратными столиками и сейчасъ начнутъ мучить. Но Трубчевскій ничего не успѣлъ отвѣтить Дорошенкѣ, такъ какъ въ этотъ моментъ директоръ расправилъ баки и громко, на весь залъ, произнесъ:

— Господа! Чтобы вы не могли отговариваться незнаніемъ закона, я прочту вамъ правила, обязательныя для всѣхъ, подвергающихся испытаніямъ на аттестатъ зрѣлости.—И открывъ уставъ, директоръ методично, внятно прочиталъ всѣ параграфы, регламентирующіе поведеніе экзаменующихся, и перечислилъ кары, полагающіяся за разговоры, за перешоптыванье и, вообще, за малѣйшую попытку къ списыванію. Онъ читалъ уставъ такъ долго, что подъ конецъ ученикамъ просто тошно стало, а Трубчевскій не утерпѣлъ, чтобы не шепнуть Дорошенкѣ:

— Однако, обвинительный актъ разработанъ основательно.

Добрыхъ десять минутъ ушло на перечень преступленій и положенныхъ за нихъ каръ. Но Чеботаевъ не ограничился этимъ и, захлопнувъ, наконецъ, уставъ, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи произнести краткую, но сильную рѣчь все на ту же тему о карахъ, за попытки списывать.

— Вы хорошо знаете, господа,—закончилъ онъ свою рѣчь,—что я въ полной мѣрѣ исполню предписаніе закона и что ни просьбы, ни мольбы, ни слезы не заставятъ меня уклониться съ пути моего долга!.. Малѣйшее нарушеніе устава съ вашей стороны повлечетъ за собой немедленное удаленіе съ экзамена!

И эффектно сверкнувъ начальственными очами, директоръ, вслѣдъ за тѣмъ, вынулъ изъ портфеля запечатанный пакетъ съ темами и, священнодѣйственно держа его передъ собой на вытянутыхъ рукахъ, показалъ сначала учителямъ, потомъ ученикамъ, какъ бы приглашая всѣхъ убѣдиться въ цѣлости печатей, и затѣмъ торжественно вскрылъ и вынулъ бумагу съ темой.

— „Значеніе монастырей!“—громко, на весь залъ, прочиталъ онъ тему.

Ни одинъ мускулъ на лицахъ учениковъ не дрогнулъ, ни одной улыбки не пробѣжало по ихъ губамъ, не видно было ни одной пары перемигивающихся глазъ. Всѣ точно въ первый разъ услышали эту тему и, откинувшись на спинки стульевъ, сосредоточенно принялись обдумывать предложенное сочиненіе.

Одинъ только Трубчевскій не совладалъ со своимъ сангвиническимъ темпераментомъ и, покосившись въ сторону Дорошенки, тихонько, такъ что его никто, кромѣ Дорошенки, не слышалъ, едва уловимымъ шопотомъ игриво пропѣлъ:

Если женщина захочетъ,
Такъ поставитъ на своемъ...

На это Дорошенко точно такимъ же шопотомъ буркнулъ:

— Молчи, дуракъ!

XXIII.

Три недѣли, назначенныя на производство выпускныхъ экзаменовъ, пролетѣли съ какой-то во-истину головокружительной быстротой. Гимназисты зубрили дни и ночи, желтѣли и худѣли до неузнаваемости и къ послѣднему экзамену нѣкоторые изъ нихъ выглядѣли словно послѣ ряда кутежей: глаза красные, воспаленные, лицо отекшее отъ отсутствія движеній и воздуха, общій видъ угнетенный, подавленный, словно у неврастениковъ. Въ день послѣдняго экзамена гимназисты чувствовали себя настолько задерганными и нервно-разбитыми, что, вопреки давно установившемуся обычаю, не устроили даже веселой пирушки: всѣ хотѣли прежде всего выспаться и „отдохнуть отъ Чеботаева", который въ качествѣ предсѣдателя экзаменаціонной коммиссіи, или, какъ говорили гимназисты, „іезуитской коллегіи", создалъ изъ экзаменовъ нѣчто вродѣ инквизиторскаго судилища.

Только ко дню выдачи аттестатовъ гимназисты, какъ говорится, отошли.

Въ этотъ день всѣ они собрались въ гимназію уже въ штатскихъ костюмахъ, съ палками и тросточками въ рукахъ, въ студенческихъ фуражкахъ, котелкахъ, панамахъ и даже въ цилиндрахъ. Уже по однимъ лихо заломленнымъ на бекрень фуражкамъ безъ ошибки можно было сказать, что настроеніе у всѣхъ было болѣе чѣмъ праздничное, такъ какъ это былъ послѣдній и, слѣдовательно, самый счастливый день за восемь лѣтъ пребыванія въ гимназіи. Въ ожиданіи, пока „халдеи" заблагоразсудятъ позвать ихъ за аттестатами, бывшіе гимназисты расположились на дворѣ, на кучѣ сложенныхъ бревенъ и досокъ, и оживленно бесѣдовали о предполагавшемся въ этотъ день пиршествѣ.

— Вообще, господа, нашъ исходъ изъ Египта надо отпраздновать съ трескомъ, — вразумительно говорилъ Савицкій, раскуривая сигару (курить въ такой день папиросу ему казалось недостаточно).—Вмѣсто обычнаго ресторана, я предлагаю нанять яхту и на цѣлый день уйти кутить въ море. Это, во всякомъ случаѣ, и поэтичнѣе, и интереснѣе, чѣмъ въ проплеванномъ кабакѣ!

Яхта очень улыбнулась созрѣвшимъ гимназистамъ и предложеніе Савицкаго было покрыто шумнымъ одобреніемъ.

— Блестящая мысль!

— Именно яхту!

— И музыку нанять.

— И повара взять.

— И фотографа пригласить!

— Не надо фотографа! — послышались протесты. — Очень нужно сниматься въ пьяномъ видѣ.

— Снимемся въ городѣ!

— Но только безъ халдеевъ!

— Дуракъ! Само собой—зачѣмъ поганить фотографію!

Случайно брошенное слово о „халдеяхъ“ измѣнило теченіе общей мысли и вчерашніе гимназисты не упустили случая, чтобы не воздать должное своимъ врагамъ.

— И какой это подлецъ напомнилъ о „халдеяхъ“? — съ брезгливой гримасой спрашивали они.

Одинъ только Кривцовъ относительно учителей оставался при особомъ мнѣніи: ему очень хотѣлось, чтобы товарищи пригласили сняться съ собой „сенъ-бернáра“. (Такъ называли ученики учителя словесности).

— Господа!—рискнулъ предложить свою идею Кривцовъ,—а что вы имѣете противъ „сенъ-бернара“: почему бы его не пригласить сняться съ нами? Вѣдь „сенъ-бернаръ“ въ сущности не подлецъ и никому пакостей не дѣлалъ.

Но Кривцовъ сейчасъ же увидѣлъ, что не разсчиталъ момента и сдѣлалъ безтактность: товарищи набросились на него съ ожесточеніемъ.

— Ты говоришь „не дѣлалъ пакостей“—а добро отъ твоего „сенъ-бернара“ видѣлъ кто-нибудь?

— А путное слово слышалъ?

— А заступился онъ за кого-нибудь?

— Протестовалъ онъ когда-нибудь?

— Проявилъ себя чѣмъ-нибудь?

Общее неудовольствіе было такъ велико, что товарищи тутъ же общимъ собраніемъ постановили предложеніе Кривцова отклонить и выразить ему „порицаніе за глупость“.

— Ужъ если на то пошло,—распѣтушившись, кричалъ Дорошенко,—то я предлагаю пригласить сняться съ нами не учителей, а швейцара Трифона: онъ одинъ насъ любилъ, одинъ видѣлъ въ насъ людей!

Это предложеніе въ первую минуту показалось страннымъ, но потомъ гимназисты ухватились за него съ жаромъ.

— Чортъ возьми, это выйдетъ страшно эффектно!—возбужденно кричалъ Трубчевскій.—Выпускъ гимназистовъ и въ центрѣ сидитъ бородатый швейцаръ въ ливреѣ и ни одного вицъ-мундира!

— Пригласить Трифона!—послышались дружныя восклицанія.

— Непремѣнно!

— На зло халдеямъ!

— Въ насмѣшку!

*

— Обязательно Трифона!

Оригинальная мысль Дорошенки такъ увлекла всѣхъ, что не поддался общему энтузіазму одинъ только Савицкій. Покуривая свою толстую и достаточно вонючую сигару, онъ молча смотрѣлъ на товарищей и въ глазахъ его свѣтился хохлацкій, добродушный и лѣнивый юморъ. Повидимому онъ имѣлъ вѣское возраженіе, но до времени держалъ его про себя и только, когда увлеченіе товарищей стало остывать, онъ съ улыбкой спокойно сказалъ, не выпуская изо рта сигары:

— Такъ, значитъ, господа, вы безповоротно рѣшили выгнать Трифона съ мѣста?

— Какъ выгнать?

— Да такъ, развѣ „халдеи" хоть полчаса будутъ держать его на службѣ, если узнаютъ про вашу штуку? Вѣдь они изъ него подстрекателя, демагога сдѣлаютъ. Право, господа, можно подумать, что вы совсѣмъ не знаете „халдеевъ"!

Замѣчаніе Савицкаго сразу отрезвило гимназистовъ, словно на нихъ ушатъ воды вылили. А Дорошенко даже хлопнулъ себя по лбу и воскликнулъ:

— Экій я идіотъ!..

Однако, отказавшись отъ мысли сниматься со швейцаромъ, гимназисты все-таки хотѣли такъ или иначе выказать ему свою симпатію и рѣшили заказать серебряный портсигаръ съ золотой монограммой и съ надписью: „отъ выпуска 189... года".

Чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, Трубчевскій тутъ же, съ мѣста въ карьеръ, открылъ подписку, но долженъ былъ на серединѣ оборвать свое дѣло, такъ какъ въ воротахъ показалась фигура Харченки, торопившагося къ раздачѣ аттестатовъ. Появленіе стариннаго, многолѣтняго врага точно шиломъ укололо гимназистовъ: они какъ-то въ одинъ мигъ подтянулись, сжались и приняли оборонительную позу.

— Господа, не кланяться!

— Чтобы ни одинъ подлецъ не снялъ шапки!—зашептались бывшіе ученики и, развалившись на бревнахъ въ самыхъ независимыхъ позахъ, исподлобья, тяжелымъ взглядомъ ненавидящихъ людей смотрѣли на того самаго человѣка, котораго судьба на цѣлыхъ восемь лѣтъ дала имъ въ учителя и наставники и который сумѣлъ отравить ихъ молодыя души непримиримой ненавистью и зажечь въ ихъ молодомъ сердцѣ одну только злобу и презрѣніе.

А Харченко, сразу почуявъ демонстрацію, едва замѣтно усмѣхнулся своей кривой улыбочкой и пристально поглядѣлъ на бывшихъ учениковъ своими острыми, стальными глазами. Повидимому, онъ разсчитывалъ, что гимназисты не устоятъ предъ его взглядомъ и что хоть одинъ да встанетъ и сниметъ шляпу. Но ни

одна рука не потянулась къ фуражкѣ и гимназисты сидѣли, какъ пришитые. Поровнявшись съ ними, Харченко еще разъ въ упоръ поглядѣлъ на нихъ и съ прежней кривой усмѣшкой прошелъ было дальше, но потомъ вдругъ круто повернулся и направился прямо къ гимназистамъ.

— Здравствуйте, господа!

Нѣсколько ближайшихъ учениковъ встали и, покраснѣвъ, схватились за фуражки, но другіе еще больше развалились на бревнахъ и съ дѣланнымъ равнодушіемъ глядѣли въ сторону или чертили тросточками по землѣ.

— Здравствуйте, г. Варшавчикъ!—продолжалъ тѣмъ временемъ Харченко и протянулъ ученику руку.

Варшавчикъ, побагровѣвшій отъ конфуза, сорвалъ съ головы фуражку, какъ-то совсѣмъ нелѣпо шаркнулъ ногой и пожалъ протянутую руку.

— Вы, кажется, хотѣли меня обидѣть, господа?—уже ко всѣмъ обратился учитель.—Но вы меня не обидѣли.—И не сводя съ гимназистовъ пристальнаго пронизывающаго взгляда, Харченко помоталъ головой и снова повторилъ: — Нисколько, господа, не обидѣли.

Еще два-три изъ продолжавшихъ сидѣть учениковъ приподнялись и на бревнахъ оставалось не больше десяти гимназистовъ, въ центрѣ которыхъ съ сигарой въ зубахъ невозмутимо, какъ изваяніе, сидѣлъ Савицкій. Его поза и все лицо его дышало такимъ уничтожающимъ спокойствіемъ, что даже направленный въ упоръ стальной взглядъ учителя не могъ разбить этого хохлацкаго затвердѣлаго равнодушія. Повидимому, и Харченко понялъ, что тутъ и пушкой ничего не подѣлаешь, и потому вѣжливо приподнявъ шляпу, съ прежней кривой усмѣшечкой процѣдилъ:

— Я все-таки желаю вамъ всего хорошаго, господа!

Какъ только фигура учителя скрылась въ дверяхъ гимназической прихожей, среди учениковъ поднялся невообразимый галдежъ.

— Такъ ему и надо!

— Долженъ быть благодаренъ, что не побили!

— Но онъ отомститъ.

— Поздно!

— Нѣтъ не поздно: вы забыли, что халдеи посылаютъ въ университетъ наши „характеристики"?

— Ужъ теперь онъ охарактеризуетъ!

— Ужъ удружитъ!

— Начихать!

— Наплевать!

Среди возбужденныхъ товарищей растерянно метался обезкураженный Варшавчикъ и у всѣхъ спрашивалъ:

— Но почему онъ именно мнѣ протянулъ свое копыто?

Аттестаты раздавалъ одинъ директоръ, хотя въ гимназіи былъ и инспекторъ и нѣкоторые изъ учителей—гимназисты, по крайней мѣрѣ, видѣли ихъ въ корридорѣ. Но учителя, при первомъ появленіи выпускныхъ учениковъ, какъ-то спѣшили стушеваться и незамѣтно ретировались, кто въ учительскую, кто въ инспекторскую. Имъ точно совѣстно и неловко было встрѣчаться съ этой ватагой учениковъ теперь, когда оборвалась ихъ власть надъ ними. Они привыкли, что вся эта толпа всегда сдерживалась въ рамкахъ строгой субординаціи, — теперь же, когда дисциплины больше не было, когда передъ ними стояли не дрессированные гимназисты, а свободные люди, учителя чувствовали себя совсѣмъ лишними, чувствовали, что имъ нечего сказать этимъ людямъ, — что у нихъ и словъ такихъ нѣтъ, и потому съ какимъ-то конфузомъ спѣшили куда-нибудь скрыться. Поспѣшность, съ которой они исчезали въ дверяхъ учительской, до нельзя смѣшила и забавляла гимназистовъ.

— Смотрите, смотрите, какъ улепетываютъ!

— Какъ зайцы!

— Они думаютъ, что мы ихъ бить пришли!..

Громче всѣхъ смѣялся Трубчевскій и, указывая на учителя исторіи, юркнувшаго въ инспекторскую, почти вслухъ сказалъ:

— Бѣгаетъ нечестивый, ни единому же гонящу.

При раздачѣ аттестатовъ директоръ имѣлъ настолько такта, что воздержался отъ всякихъ напутственныхъ рѣчей. Но за то раздача вышла замѣчательно сухая: директоръ выкликалъ фамилію и молча вручалъ аттестатъ. Со стороны можно было подумать, что это разсчитываютъ поденщиковъ: вызовутъ, сунутъ паспортъ въ руки—и маршъ на всѣ четыре стороны. Еще суше вышло прощаніе. Директоръ просто кивнулъ головой и лаконически промолвилъ:

— До свиданія, господа!

— Прощайте!—нехотя бросили ему гимназисты и, высыпавъ въ корридоръ, тутъ же при директорѣ дружнымъ хоромъ хватили:

Gaudeamus igitur
Juvenes dum summus!..

Это была тоже демонстрація и притомъ обдуманная заранѣе. Но директоръ и на этотъ разъ умѣлъ проявить много такта и не только не сдѣлалъ гимназистамъ никакого замѣчанія, но съ дѣланнымъ добродушіемъ усмѣхнулся въ свои восхитительные бакенбарды и плавно прослѣдовалъ въ кабинетъ.

А гимназисты, не встрѣчая отпора, пѣли свое „gaudeamus“ во всю мочь и торжествующіе, смѣющіеся, счастливые, съ особенной отчетливостью выкрикивали:

Vivant omnes virgines,
Pereat gimnasia!..

Только на улицѣ прекратилось пѣніе, да и то потому, что Савицкій потребовалъ вниманія и скомандовалъ всѣмъ построиться въ одну шеренгу!

— Черти! Строй-ся!..

Возбужденные, до послѣдней степени расшалившіеся, хохочущіе „черти" покорно построились, предвидя, что Савицкій имѣетъ какой-нибудь особый планъ, выкинетъ какую-нибудь штуку.

— Господа! Мы въ послѣдній разъ переступаемъ порогъ этого заведенія!—гаркнулъ Савицкій и широкимъ жестомъ руки указалъ на зданіе гимназіи.—Отрясемъ же прахъ отъ ногъ своихъ. Тряси, ребята, лѣвую!..

Взрывъ дружнаго, единодушнаго хохота встрѣтилъ это оригинальное предложеніе и тридцать ногъ, точно по командѣ, поднялось и замелькало въ воздухѣ.

— Пра-авую!—командовалъ дальше Савицкій.

Проходившая публика съ изумленіемъ останавливалась вокругъ странныхъ молодыхъ людей, старательно отряхавшихъ свои ноги, и долго не могла понять, въ чемъ дѣло.

А. Яблоновскій.

Конецъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(*Продолженіе* *).

V.

Фурье.

Давно замѣчено, что геніальные люди сплошь и рядомъ кажутся современникамъ дураками. И это прискорбное недоразумѣніе, отъ котораго страдаютъ обѣ стороны, объясняется не только тупостью и ограниченностью людей золотой середины, создающихъ общественное мнѣніе. Геніальные люди нерѣдко обладаютъ крайне неуравновѣшенными натурами; ихъ мысль не горитъ яснымъ и спокойнымъ пламенемъ, какъ у простыхъ талантливыхъ людей, не владѣющихъ высшимъ, небеснымъ даромъ вдохновенія, а дрожитъ и трепещетъ, то вспыхиваетъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, а затѣмъ гаснетъ и обволакивается дымомъ. Отличительной чертой генія является безстрашная смѣлость мысли, дерзновеніе, не отступающее ни передъ какими трудностями. Это дерзновеніе открываетъ геніальному уму великія тайны бытія; но оно же можетъ завести въ такія дебри нелѣпости, въ которыя никогда не попадутъ люди здраваго смысла, не мудрствующіе лукаво и идущіе проторенной дорогой. Замѣтить эти нелѣпости не трудно— а такъ какъ ничто такъ не радуетъ ограниченнаго пониманія, прикованнаго къ землѣ, какъ неудачи смѣлыхъ попытокъ могучей мысли взлетѣть, подняться вверхъ, то здравый смыслъ хохочетъ надъ нелѣпостью генія и торжествуетъ побѣду.

Такимъ геніемъ, давшимъ пищу остроумцамъ многихъ поколѣній, и былъ Фурье. Высмѣять его не трудно. Онъ достигалъ предѣла нелѣпости, за которымъ уже начинается настоящая болѣзнь, безуміе. Онъ совершенно серьезно утверждалъ, что черезъ нѣкоторое время морская вода превратится въ пріятный напитокъ въ родѣ лимонада, что на землѣ появятся новыя животные—антильвы и антитигры, которые замѣнятъ людямъ лошадей и будутъ въ нѣсколько часовъ перевозить сѣдоковъ

---

*) См. «Міръ Божій», іюль.

изъ Парижа въ Ліонъ, антикиты, которые будутъ тащить на буксирѣ корабли по морю, и т. п. Онъ высчитывалъ, что въ будущемъ соціальномъ строѣ можно будетъ погасить весь огромный англійскій государственный долгъ половиной куриныхъ яицъ, ежегодно производимыхъ въ фаланстерахъ. Всѣ работы по ассенизаціи и очисткѣ отъ грязи помѣщеній фаланстера Фурье возлагалъ на «маленькія орды» (petites hordes) дѣтей, которыя подъ предводительствомъ «маленькихъ хановъ» будутъ добровольно, изъ любви къ грязи и пачкотнѣ, исполнять эти обязанности, представляющіяся столь мало привлекательными современному человѣку. Но нашъ чудакъ или безумецъ заходилъ еще дальше. Не довольствуясь новымъ устройствомъ этого міра, онъ стремился улучшить и міръ «по ту сторону», за предѣлами жизни и проектировалъ фаланстеры для умершихъ и пр., въ томъ же родѣ.

Самымъ простымъ объясненіемъ всего этого было бы признаніе Фурье сумасшедшимъ. Но нѣтъ никакихъ основаній предполагать у него психическую болѣзнь—во всякомъ случаѣ, она не проявлялась у него ни въ чемъ иномъ, кромѣ сочинительства указаннаго рода. Все заставляетъ думать, что авторъ всѣхъ этихъ небылицъ былъ въ медицинскомъ смыслѣ человѣкомъ вполнѣ здоровымъ.

Но если такъ, то не былъ ли онъ просто «идіотомъ», какимъ его рѣшительно объявляетъ извѣстный Евгеній Дюрингъ въ своей «Исторіи національной экономіи»? Но такой приговоръ о писателѣ, могущественно повліявшемъ на общественныя движенія своего времени, создавшемъ огромную школу, относившуюся къ своему учителю съ благоговѣніемъ, остающемся и понынѣ, черезъ много десятковъ лѣтъ послѣ смерти, однимъ изъ самыхъ славныхъ соціальныхъ мыслителей всего міра, — не можетъ тронуть Фурье, и свидѣтельствуетъ лишь о легкомысліи или дурномъ вкусѣ самого Дюринга. Только сильный умъ можетъ подчинять себѣ умы другихъ людей—а этотъ «идіотъ» владѣлъ, какъ никто, умами многихъ и многихъ тысячъ людей—и не просто людей толпы, а лучшихъ и талантливѣйшихъ представителей человѣческаго рода не только на своей родинѣ, но и всюду, гдѣ шевелилась мысль человѣка и гдѣ жизнь выдвигала тѣ же вопросы, которые волновали и великую душу Фурье.

Намъ остается одно: не смущаться странностями и нелѣпостями, которыя мы можемъ найти на страницахъ Фурье, и твердо помнить одно: писателя слѣдуетъ судить не потому, чего онъ не далъ, а потому, что онъ далъ. Космогонія Фурье—его разсужденіе о морскомъ лимонадѣ и антильвахъ никуда не годится. Много слабаго, а подчасъ и дѣтски-наивнаго, смѣшного содержанія и въ его соціальной доктринѣ. Но все это не мѣшаетъ послѣдней быть, на ряду съ ученіемъ Сенъ-Симона, однимъ изъ самыхъ поразительныхъ созданій человѣческаго генія, какія мы только знаемъ. Знаменитый германскій ученый, Лоренцъ Штейнъ, никакъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ

особомъ пристрастіи къ соціальному утопизму. И тѣмъ не менѣе, Штейнъ даетъ слѣдующую характеристику историческаго значенія Фурье. «Ни въ одной странѣ—говоритъ Штейнъ,—не появлялось сразу двухъ такихъ замѣчательныхъ людей въ исторіи общества, какъ Сенъ-Симонъ и Фурье. Оба они не были поняты своимъ временемъ, оба стремились съ непоколебимой вѣрой къ своей цѣли, оба умерли безъ всякой другой награды за работу своей жизни, кромѣ внутренняго удовлетворенія. Имъ обоимъ принадлежитъ слава стоять на порогѣ новаго времени, сущность и противорѣчія котораго они одни, среди всего своего народа, поняли вполнѣ ясно и заявили объ этомъ съ полной опредѣленностью. Имъ обоимъ нѣтъ мѣста въ обычной исторіи, но когда будетъ понята исторія общества, они займутъ въ ней болѣе почетное мѣсто, чѣмъ кто-либо иной».

Жизнь Фурье (1772—1837) также скудна и лишена яркихъ красокъ, какъ богата красками жизнь Сенъ-Симона. О ней совсѣмъ нечего разсказать. Вся біографія его исчерпывается нѣсколькими анекдотами, которые всегда пристаютъ къ памяти великихъ людей и, по большей части, ничего не характеризуютъ. Достовѣрнаго мы знаемъ о Фурье только то, что онъ происходилъ изъ купеческой семьи, былъ очень бѣденъ, жилъ скуднымъ заработкомъ приказчика въ лавкѣ и не былъ женатъ. Быть можетъ, именно вслѣдствіе безсодержательности, однообразія и сѣраго тона его собственной скучной и неинтересной жизни, онъ съ такой поразительной яркостью рисовалъ прелести будущаго соціальнаго порядка, красоту фаланстера, гармоничную организацію въ немъ работъ, сопровождаемыхъ музыкой, пѣніемъ, красивыми процессіями, не могущихъ никогда наскучить и дающихъ все новую и новую пищу уму и воображенію. Читая эти описанія, легко понять, что давало Фурье силу выносить въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ монотонное существованіе за купеческимъ прилавкомъ; его духъ былъ далеко отъ этого прилавка—отъ ничтожнаго міра, въ который помѣстила его судьба, и онъ жилъ въ созданномъ имъ самимъ и блещущемъ всей радугой цвѣтовъ прекрасномъ мірѣ будущаго.

Первая работа Фурье, «Théorie des quatre mouvements» (1808), была посвящена, главнымъ образомъ, его космогоническимъ мечтаніямъ, образчики которыхъ мы видѣли. Тѣмъ не менѣе, уже въ этой работѣ были намѣчены нѣкоторыя мысли относительно новаго устройства общества на началахъ ассоціаціи, болѣе полно развитыя во второмъ и главномъ трудѣ Фурье «Traité de l'association domestique agricole» (1822). Новая доктрина получила свое завершеніе въ вышедшей черезъ нѣсколько лѣтъ его послѣдней большой книгѣ «Nouveau monde industriel (1829). Въ «Трактатѣ о домашней земледѣльческой ассоціаціи» Фурье подробно, до мельчайшихъ деталей, изложилъ планъ организаціи производительно-потребительной ассоціаціи, ячейки будущаго соціальнаго строя. Для устройства фаланстера (такъ назвалъ Фурье

зданіе, въ которомъ должна найти помѣщеніе эта ассоціація будущаго) требовалась сущая бездѣлица—милліонъ франковъ. Наивный мечтатель напечаталъ приглашеніе богатымъ людямъ, располагающимъ деньгами, доставить ему этотъ милліонъ. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Фурье оставался въ опредѣленный часъ дома и ждалъ миѳическаго капиталиста, долженствовавшаго превратить мечты въ дѣйствительность и дать деньги для постройки перваго соціальнаго дворца.

Этотъ капиталистъ, увы! не явился. Но все же такая горячая вѣра и такой пламенный призывъ не остались безъ отклика. Вокругъ Фурье стали группироваться поклонники и ученики. Среди нихъ нашлись люди достаточные, не располагавшіе, впрочемъ, требуемымъ милліономъ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ большое имѣніе и предложилъ его для устройства фаланстера. Началась постройка зданія, но по недостатку средствъ дѣло не было доведено до конца. Эта неудачная попытка осуществленія на опытѣ идеи Фурье была далеко не единственной. Въ Америкѣ возникло довольно много общинъ послѣдователей нашего утописта, просуществовавшихъ, впрочемъ, недолго, и имѣвшихъ такой же конецъ, какъ и знаменитая «Новая Гармонія» Оуэна.

Впрочемъ, если до фаланстера дѣло и не дошло, то идея устройства огромной производительной ассоціаціи, живущей въ одномъ зданіи и сообща регулирующей свое потребленіе, не осталась безъ нѣкотораго практическаго осуществленія. Въ одномъ изъ сѣверныхъ департаментовъ Франціи процвѣтаетъ уже многіе десятки лѣтъ замѣчательное предпріятіе такого рода—знаменитый «фамилистеръ» въ Гизѣ, устроенный богатымъ фабрикантомъ Годеномъ, горячимъ поклонникомъ Фурье, владѣвшимъ крупнымъ металлургическимъ заводомъ. Годенъ построилъ для рабочихъ зданіе, нѣсколько напоминающее по плану фаланстеръ, и передалъ на льготныхъ условіяхъ заводъ и всѣ постройки ассоціаціи рабочихъ. Опытъ оказался, до извѣстной степени, удачнымъ: правда, большая часть рабочихъ на заводѣ въ настоящее время не принадлежитъ къ ассоціаціи и работаетъ по найму. Но все же нѣсколько сотъ рабочихъ входитъ въ составъ ассоціаціи (всего на заводѣ рабочихъ около двухъ тысячъ), и заводъ идетъ, въ коммерческомъ смыслѣ, вполнѣ хорошо, постоянно расширяя свои обороты *).

Разумѣется, все это безконечно далеко отъ проектированныхъ Фурье фаланстеровъ—еще дальше, чѣмъ современныя потребительныя общества отъ кооперативныхъ общинъ Оуэна. Жизнь безжалостно урѣзываетъ и искажаетъ утопію. Но даже въ такомъ искаженномъ видѣ утопія не проходитъ безслѣдно въ жизни, а возвышаетъ и облагораживаетъ ее.

*) См. подробности о немъ въ «Недѣлѣ», дек. 1900 г., ст. А. Шеллера, а также «М. В.», 1901 г., февр., статья Л. Давыдовой, изложеніе Фурье, гдѣ есть описаніе фамилистера Годена.

Но сила фурьеризма, какъ общественнаго движенія, заключалась не въ подобныхъ, въ общемъ, все же неудачныхъ опытахъ. Фурьеризмъ сталъ пріобрѣтать значеніе въ политической жизни Франціи въ концѣ 30-хъ годовъ, послѣ окончательнаго крушенія сенъ-симонизма. Во главѣ школы, послѣ смерти учителя, сталъ талантливый и энергичный Викторъ Консидеранъ. Его книга «Destinée Sociale», выдержавшая 3 изданія, является безспорно лучшимъ изложеніемъ соціальной доктрины Фурье, освобожденной отъ мистическаго бреда и космогоническихъ и иныхъ нелѣпостей, присущихъ сочиненіямъ этого послѣдняго. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ фурьеристы имѣли нѣсколько довольно распространенныхъ періодическихъ органовъ. Фурьеризмъ былъ самымъ вліятельнымъ направленіемъ во Франціи въ эпоху февральской революціи, когда, хотя и на короткое время, парижскіе рабочіе стали господами положенія. Революція доставила кратковременное торжество одному изъ основныхъ правовыхъ требованій, выдвинутыхъ школой Фурье—такъ называемому праву на работу. Право на работу и организація труда — вотъ два наиболѣе по-пулярныхъ лозунга 40-хъ годовъ. Что касается до права на работу, то эта идея, безъ сомнѣнія, всецѣло принадлежитъ Фурье, причемъ выдающуюся роль въ распространеніи ея въ массахъ сыграла книга Консидерана «Théorie du droit de propriété, et du droit au travail». Вторая идея—организаціи труда—исходила отъ сенъ-симонистовъ и была воспринята въ 40-хъ годахъ многими писателями, въ томъ числѣ и Луи-Блαномъ, замѣчательнымъ ученымъ, историкомъ и общественнымъ дѣятелемъ, любимцемъ парижскихъ рабочихъ и однимъ изъ членовъ временнаго правительства, въ руки котораго перешла власть послѣ крушенія трона Луи-Филиппа.

Однимъ изъ первыхъ актовъ временнаго правительства было торжественное провозглашеніе права на работу.

Черезъ нѣсколько дней этотъ декретъ былъ опубликованъ въ «Монитёрѣ». Естественнымъ послѣдствіемъ его была организація временнымъ правительствомъ «національныхъ мастерскихъ» и разнаго рода общественныхъ работъ въ обширныхъ размѣрахъ, для исполненія взятаго государствомъ на себя обязательства—доставить занятіе безработнымъ, число которыхъ, подъ вліяніемъ промышленнаго кризиса и застоя въ дѣлахъ, было громадно. Мы не будемъ останавливаться на исторіи національныхъ мастерскихъ, которыя всего менѣе могутъ считаться простымъ опытомъ государственной организаціи промышленныхъ работъ. Какъ извѣстно, большинство членовъ временнаго правительства относилось крайне враждебно къ нимъ и, только подъ вліяніемъ страха передъ парижскими рабочими, признало право на работу и организовало національныя мастерскія, имѣя при этомъ тайную цѣль доказать неудачей послѣднихъ неосуществимость подобныхъ требованій. Около сотни тысячъ парижскихъ рабочихъ находили небольшой заработокъ въ національныхъ мастерскихъ, въ кото-

рыхъ не производилось никакой серьезной работы; дѣло свелось къ тому, что парижскій пролетаріатъ просто-на-просто получалъ содержаніе изъ средствъ государственнаго казначейства, какъ бы состоялъ на государственной пенсіи. Подобное положеніе вещей не могло долго продолжаться и, какъ только правительство окрѣпло, оно поспѣшило распустить мастерскія, что, въ свою очередь, повело къ страшнымъ іюньскимъ днямъ, безнадежному и тѣмъ болѣе отчаянному возстанію парижскихъ рабочихъ, которое было подавлено со свирѣпостью, исключительной даже для гражданскихъ войнъ. Наступила реакція, унесшая всѣ соціальныя завоеванія февральской революціи, въ томъ числѣ и право на работу,—обязательство, принятое на себя въ трудную минуту республиканскимъ правительствомъ, не придававшимъ этой вынужденной словесной уступкѣ серьезнаго значенія, никогда не думавшимъ объ исполненіи своего обязательства, да и не имѣвшимъ возможности его исполнить, ибо дѣйствительное осуществленіе права на трудъ потребовало бы глубочайшей реформы всего капиталистическаго хозяйства, для чего время—въ эпоху революціи 1848 г.—еще далеко не созрѣло.

Въ кратковременную революціонную весну 1848 г. идеи Фурье были главнымъ ферментомъ соціальнаго броженія. Луи-Бланъ проектировалъ даже нѣчто подобное фаланстерамъ—устройство въ Парижѣ, въ рабочихъ кварталахъ, на государственный счетъ 4 обширныхъ зданій, въ которыхъ могло бы помѣститься въ каждомъ до 400 рабочихъ семействъ. Въ этихъ зданіяхъ, устроенныхъ не только съ комфортомъ, но даже съ роскошью, рабочіе должны были бы пользоваться выгодами потребленія въ крупныхъ размѣрахъ—общественной организаціи приготовленія пищи, отопленія, освѣщенія, стирки бѣлья и пр. Проектъ этотъ не былъ осуществленъ.

Точно также вліянію фурьеристскихъ идей слѣдуетъ приписать и энергичное движеніе того же времени, къ учрежденію разнаго рода производительныхъ ассоціацій—организаціи рабочихъ, предпринимающихъ за свой счетъ, безъ участія хозяина, производство на продажу или для собственнаго потребленія тѣхъ или иныхъ продуктовъ. Въ 1848 г. возникло среди французскихъ рабочихъ нѣсколько сотъ подобныхъ ассоціацій, большинство которыхъ распалось, но нѣкоторыя сохранились и до настоящаго времени и процвѣтаютъ, утративъ, правда, свой первоначальный характеръ и только тѣмъ отличаясь отъ обыкновенныхъ капиталистическихъ товариществъ, что большинство пайщиковъ принимаетъ участіе въ работѣ. Вообще, какъ показываетъ опытъ, производительныя ассоціаціи рабочихъ только въ томъ случаѣ могутъ, не превращаясь въ капиталистическія товарищества, имѣть успѣхъ, если онѣ связаны съ потребительными обществами. Въ этомъ случаѣ производительное предпріятіе принадлежитъ потребительному обществу, которое располагаетъ имъ, какъ своей собственностью. Рабочіе работаютъ по найму общества, являющагося ихъ предпринимателемъ и хо-

зяиномъ. Поэтому, въ строгомъ смыслѣ слова, такія ассоціаціи, напр., мастерскія потребительныхъ обществъ (бельгійскіе кооперативныя булочныя и пр.), не могутъ считаться производительными ассоціаціями, характернымъ признакомъ которыхъ является отсутствіе хозяина и работы по найму. Что же касается до собственно производительныхъ ассоціацій, то въ развитыхъ капиталистическихъ странахъ жизнь приводитъ ихъ къ одному изъ двухъ: или крушенію предпріятія, или же превращенію его въ замкнутую компанію пайщиковъ-хозяевъ, имѣющихъ наемныхъ рабочихъ, и слѣдовательно уже не составляющихъ производительной ассоціаціи въ чистомъ видѣ.

Послѣ февральской революціи фурьеризмъ быстро сходитъ со сцены. Посмотримъ же, въ чемъ заключалось это ученіе, обаяніе котораго чувствовалось далеко за предѣлами Франціи и отзвуки котораго доходили даже до нашей родины *).

Мы оставимъ въ сторонѣ всѣ тѣ части доктрины Фурье, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ соціальному вопросу, напр., его космогонія, а также и его хотя и менѣе фантастическое, но все же не представляющее въ настоящее время серьезнаго научнаго интереса ученіе о страстяхъ и движущихъ силахъ человѣческой души. Самъ авторъ, а также и его ближайшіе ученики и послѣдователи, рѣдко бываетъ правильнымъ цѣнителемъ своего дѣла. Нерѣдко болѣе слабое, но своеобразное и эксцентрическое, заслоняетъ въ глазахъ школы болѣе сильныя стороны новаго ученія, менѣе бьющія въ глаза, но имѣющія несравненно большую цѣнность передъ судомъ исторической критики.

На надгробномъ памятникѣ Фурье его вѣрные ученики помѣстили два изреченія учителя, которыя въ ихъ глазахъ резюмировали всю его жизнь и его ученіе:

Les Attractions sont proportionelles aux Déstinées.
La Série distribue les Harmonies.
(Влеченія пропорціональны своимъ назначеніямъ.
Серія распредѣляетъ гармонію).

Это кажется чѣмъ-то вродѣ кабалистики. Неужели, дѣйствительно, фурьеризмъ сводится къ тому, что «серія распредѣляетъ гармонію»? Конечно, нѣтъ—не этими мистическими и неясными тезисами, содержаніе которыхъ, въ концѣ концовъ, довольно скудно (объяснять его мы не будемъ, такъ какъ это завело бы насъ въ самыя дебри психологическаго ученія Фурье), этотъ своеобразный учитель вызывалъ въ теченіе многихъ десятилѣтій столько энтузіазма, столько благородныхъ чувствъ, столько негодованія противъ соціальныхъ золъ и столько вѣры въ лучшее будущее человѣческаго рода. Насъ интересуетъ не историческая оболочка фурьеризма, не странная и крайне неуклюжая форма въ которой это ученіе появилось на свѣтъ—не «серіи», «нивотальныя

*) Въ дѣлѣ, напр., Петрашевскаго въ 1849 г.

и кардинальныя движенія», «композитныя, кабалистическія и мотыльковыя страсти» и пр., пр. излюбленныя, но непонятныя безъ длинныхъ разъясненій формулы Фурье. Для насъ важно соціальное ядро этого ученія, и мы постараемся это ядро освободить отъ твердой скорлупы, въ которую оно заключено самимъ авторомъ.

Въ соціальномъ ученіи Фурье одинаково замѣчательна, какъ критическая, такъ и положительная часть. Обѣ части неразрывно связаны между собой и исходятъ изъ одного общаго положенія: человѣкъ созданъ для счастья и задача общественнаго устройства сводится къ обезпеченію ему возможно большей суммы счастья. Несчастье, которое мы видимъ вокругъ себя, зависитъ не отъ натуры человѣка, не отъ природы, а отъ недостатковъ того, что Фурье презрительно называетъ цивилизаціей.

Мы созданы для счастья и гармоничное удовлетвореніе всѣхъ нашихъ потребностей—какъ ума, такъ и тѣла—должно доставить намъ это счастье. Но удовлетвореніе потребностей невозможно безъ внѣшнихъ средствъ—иначе говоря, невозможно безъ *богатства*. Богатство служитъ не только для чувственныхъ наслажденій, оно есть необходимое условіе, матеріальная основа для осуществленія самыхъ высокихъ стремленій нашего духа. Богатство—это досугъ, владычество надъ природой, свобода дѣлать то, что считаешь самымъ важнымъ и нужнымъ. Бѣдность не только причиняетъ человѣку физическія страданія, но она унижаетъ его морально, пригибаетъ къ землѣ, приковываетъ къ отупляющимъ умъ и изсушивающимъ сердце повседневнымъ заботамъ о кускѣ хлѣба, уничтожаетъ чрезмѣрнымъ физическимъ трудомъ всякую возможность упражнять свои высшія способности. Бѣдность— самое ужасное проклятіе человѣчества, и пока люди не побѣдятъ бѣдности, до тѣхъ поръ они не достигнутъ и счастья. «Богатство есть первый источникъ счастья и матеріальная свобода есть основа всякой иной свободы».

Какъ же относится Фурье съ этой точки зрѣнія къ цивилизаціи? Освободила ли цивилизація человѣчество отъ бѣдности? Мы знаемъ, что нѣтъ; огромное большинство человѣчества страдаетъ отъ бѣдности, которая не уменьшается, а увеличивается, по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи. Первобытный человѣкъ былъ свободнѣе и богаче современнаго рабочаго.

Но не коренится ли причина бѣдности въ условіяхъ внѣшней природы, въ недостаточности предметовъ потребленія, которыми можетъ располагать общество? Дѣйствительно, національное богатство даже самыхъ богатыхъ странъ, сравнительно, очень невелико. Если бы весь національный доходъ раздѣлить поровну между всѣми жителями страны, на долю каждаго пришелся бы доходъ весьма незначительный. Теперь богато лишь меньшинство, а при равномъ раздѣленіи дохода не будетъ никого богатаго — наступитъ общее равенство бѣдности. Это доказы-

вается статистикой даже самыхъ богатыхъ странъ. Такъ, если равномѣрно распредѣлить національный доходъ Франціи, то на долю каждаго француза придется въ день 55 сантимовъ (22 копѣйки). Это — настоящая бѣдность. Не слѣдуетъ ли отсюда, что причины бѣдности заключаются не въ общественномъ устройствѣ, а въ условіяхъ самой природы?

Отнюдь нѣтъ. Дѣйствительно, цивилизація способна обезпечить обществу только весьма скудный національный доходъ. Но это зависитъ лишь отъ недостатковъ цивилизаціи, которая частью не утилизируетъ имѣющихся уже общественныхъ производительныхъ силъ, частью прямо разрушаетъ ихъ. Цивилизація не удовлетворяетъ «первому требованію, которое слѣдуетъ предъявить къ хорошей организаціи—требованію созданія возможно большей суммы богатства». Посмотримъ же, въ чемъ заключаются «пороки цивилизаціи» приводящія къ тому, что общественный продуктъ такъ ничтожно малъ.

Прежде всего, при господствующей организація общества огромное количество человѣческой рабочей силы или пропадаетъ безъ всякой пользы обществу, или же прямо направляется къ разрушенію богатства. Цивилизованное общество состоитъ въ своей большей части изъ непроизводительныхъ элементовъ. Такими паразитами являются:

1) *Домашніе непроизводительные элементы* — женщины, дѣти и прислуга. «Три четверти городскихъ женщинъ и половина деревенскихъ должны считаться непроизводительными, такъ какъ рабочая сила ихъ утилизируется крайне недостаточно домашнимъ хозяйствомъ». То же слѣдуетъ сказать «о трехъ чатвертяхъ дѣтей, совершенно безполезныхъ въ городахъ и мало полезныхъ въ деревнѣ», и «трехъ четвертяхъ домашней прислуги, работа которой въ сущности безполезна».

2) *Соціальные непроизводительные элементы.* а) «добрая половина промышленныхъ рабочихъ, признаваемыхъ полезными, но относительно непроизводительныхъ, въ виду плохого качества изготовляемыхъ ими продуктовъ»; б) «$^9/_{10}$ торговцевъ и служащихъ у нихъ»; в) «$^2/_3$ участвующихъ въ транспортѣ по сушѣ и морю»; е) не имѣющіе занятій или работы, по какой бы то ни было причинѣ; ж) «софисты и пустые болтуны»; з) люди праздные, «такъ называемые comme il faut, проводящіе жизнь въ ничего недѣланьи; сюда же входятъ и лакеи такихъ людей и вся ихъ прислуга». Заключенные въ тюрьмахъ представляютъ собой классъ людей вынужденной праздности; и) и, наконецъ, всѣ выброшенные современнымъ обществомъ и находящіеся въ открытой враждѣ съ нимъ—мошенники, игроки, публичныя женщины, нищіе, воры, грабители, разбойники и другіе враги, общества, «число которыхъ нисколько не уменьшается и борьба съ которыми требуетъ содержаніе полиціи и администраціи».

Къ числу непроизводительныхъ общественныхъ элементовъ слѣдуетъ отнести и рабочихъ «отрицательнаго производства», служащаго не

для удовлетворенія естественныхъ потребностей человѣка, а вызываемаго несовершенствомъ господствующей соціальной организаціи. Такимъ отрицательнымъ производствомъ является устройство нѣсколькихъ конкурирующихъ предпріятій, когда одного достаточно для удовлетворенія данной общественной потребности и пр., и пр.

Итакъ, большую часть населенія современнаго государства Фурье относитъ къ числу непроизводительныхъ классовъ, нисколько не содѣйствующихъ, а иногда и препятствующихъ созданію общественнаго богатства. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе, что непроизводительными Фурье признаетъ почти всѣхъ служителей торговли. Что же это значитъ, неужели нашъ авторъ не понималъ необходимости товарнаго обмѣна въ развитомъ хозяйствѣ? Нѣтъ, Фурье отлично понималъ эту необходимость, но его отрицательное отношеніе къ торговлѣ объяснялось тѣмъ, что въ капиталистическомъ обществѣ торговля изъ подчиненнаго хозяйственнаго элемента по отношенію къ производству и потребленію, каковой она должна была бы быть, становится элементомъ господствующимъ. Торговецъ, на ряду съ ростовщикомъ, воплощаетъ въ себѣ самыя отрицательныя стороны капиталистическаго строя. Торговецъ ничего не производитъ, не создаетъ никакой новой цѣнности, онъ только покупаетъ и продаетъ; но, тѣмъ не менѣе, господствуя надъ рынкомъ, онъ держитъ въ своей власти дѣйствительнаго производителя. Такъ какъ торговля даетъ возможность легкой наживы и не требуетъ тяжелаго физическаго труда, необходимаго для производства, то торговля притягиваетъ къ себѣ всѣ худшіе общественные элементы, избѣгающіе производительнаго труда и жаждущіе денегъ и богатства. Поэтому, торговая армія повсемѣстно быстро растетъ насчетъ производительной части общества. Торговля, конечно, исполняетъ полезную общественную функцію, но плата, которую она требуетъ и получаетъ за это отъ общества, совершенно чрезмѣрна. Улицы всякаго большого города пестрятъ вывѣсками всевозможныхъ лавокъ и магазиновъ; центральные кварталы, почти сплошь застраиваются помѣщеніями для торговли. Но есть ли какая-нибудь выгода для общества отъ того, что рядомъ съ однимъ моднымъ магазиномъ выростаетъ другой, торгующій тѣми же товарами и за ту же цѣну и разоряющій первый.

Одинъ магазинъ также хорошо удовлетворялъ общественной потребности, какъ и два—второй былъ не нуженъ, гипертрофія торговли есть необходимое слѣдствіе свободной конкурренціи и составляетъ крупное общественное зло, приводя къ торговымъ и промышленнымъ кризисамъ.

Исторически, торговля выросла изъ грабежа и разбоя. Морской торговецъ античнаго міра, напр., у древнихъ грековъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пиратомъ. И до настоящаго времени ни у одного класса населенія не существуетъ такихъ растяжимыхъ понятій о чести, доз-

воленномъ и недозволенномъ, какъ среди торговцевъ. Обманъ составляетъ и понынѣ почти неизбѣжную принадлежность торговли, показывающую, что и цивилизованный коммерсантъ нашего времени сохранилъ многія черты духовнаго родства со своимъ отдаленнымъ предкомъ.

Что касается до отверженцевъ современнаго общества — преступниковъ всякаго рода—то существованіе этого класса, по мнѣнію Фурье, должно быть поставлено въ вину цивилизаціи. «Кто рѣшится утверждать, что эти несчастныя созданія вышли бы такими, каковы они теперь, если бы они были поставлены въ благопріятныя условія жизни, если бы общество пребывало, по отношенію къ нимъ, съ самаго ихъ дѣтства, нѣжной и предусмотрительной матерью; если бы они нашли воспитаніе, достатокъ и интересную работу? Развѣ надъ этими существами тяготѣетъ проклятіе? Развѣ они рождены разбойниками, негодяями, проститутками? Но если такъ, то въ чемъ же ихъ вина; а если это не такъ, то слѣдуетъ согласиться, что хорошая соціальная организація могла бы сдѣлать этихъ людей полезными обществу. Нужно не кричать противъ порока преступленія, зла—уже много тысячъ лѣтъ мы слышимъ эти крики, и добродѣтель могла бы отъ нихъ охрипнуть. Нужно найти корень зла, открыть общественныя причины пороковъ, преступленій, и уничтожить эти причины».

Такимъ образомъ, «первая порочная черта цивилизаціи — это колоссальная потеря человѣческой рабочей силы... созданіе безчисленныхъ легіоновъ непроизводительныхъ или разрушительныхъ общественныхъ элементовъ». Этого, однако, мало: цивилизація не умѣетъ утилизировать и тѣхъ немногихъ рабочихъ, которые заняты производительнымъ трудомъ.

Всѣмъ извѣстны выгоды, которыя проистекаютъ изъ производства въ крупныхъ размѣрахъ,—выгоды, зависящія, главнымъ образомъ, отъ раздѣленія труда, болѣе полнаго утилизированія рабочей силы и капитала, и примѣненія машинъ. Но мелкое производство все еще существуетъ даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. Особенно страдаетъ отъ этого земледѣліе. Во Франціи большая часть территоріи принадлежитъ мелкимъ хозяевамъ-крестьянамъ. Какую страшную растрату человѣческой силы представляетъ мелкое, раздробленное крестьянское хозяйство!

Раздробленность хозяйства крайне затрудняетъ всякія общія предпріятія, которыя нерѣдко необходимы для земледѣлія, какъ, напр. ирригація, дренированіе почвы, осушеніе болотъ и пр.

Если бы эти сотни мелкихъ участковъ были соединены въ одно крупное помѣстье, если бы вмѣсто этихъ сотенъ жалкихъ хижинъ было построено одно огромное зданіе, если бы вся земля обрабатывалась сообща, по одному общему плану и за общій счетъ, всѣми этими сотнями производителей, то можно ли сомнѣваться, что количество со-

бираемыхъ продуктовъ возрасло бы въ огромной степени и что та же площадь земли доставила бы несравненно больше богатства своему населенію?

Еще очевиднѣе выгоды крупнаго производства въ промышленности; а такъ какъ и здѣсь мелкое производство еще далеко не исчезло, то, значитъ, во всѣхъ областяхъ хозяйства мы наблюдаемъ неспособность цивилизаціи утилизировать наилучшимъ образомъ производительныя силы общества.

Но раздробленность производства далеко не единственный недостатокъ господствующей организаціи хозяйства. Не меньшимъ зломъ является самый характеръ хозяйственной работы въ настоящее время. Она совершенно лишена привлекательности, человѣкъ соглашается исполнять ее только подъ вліяніемъ необходимости, нужды, голода, и, разумѣется, исполняетъ крайне плохо. Мы такъ привыкли къ этому, что считаемъ хозяйственный трудъ по самому существу чѣмъ-то тягостнымъ и непріятнымъ. Причина нашего отвращенія къ нему коренится, однако, не въ самомъ существѣ этого рода дѣятельности, а въ тяжелой обстановкѣ хозяйственнаго труда при господствѣ цивилизаціи. Не видимъ ли мы, что люди добровольно, ради наслажденія дѣятельностью, берутъ на себя труды, далеко превосходящія затратой силы самый упорный хозяйственный трудъ. Охотникъ-любитель часто утомляетъ себя болѣе, чѣмъ любой наемный рабочій; однако, онъ не тяготится этимъ трудомъ. Почему же? Потому что трудъ соотвѣтствуетъ его влеченію, начинается и кончается по желанію человѣка. Всякая работа непріятна, если она исполняется по принужденію; и, наоборотъ, всякій трудъ, въ томъ числѣ и хозяйственный, можетъ доставлять наслажденіе, если онъ не слишкомъ продолжителенъ, исполняется добровольно и соотвѣтствуетъ вкусамъ и способностямъ человѣка.

Непривлекательность хозяйственнаго труда при господствѣ цивилизаціи зависитъ, слѣдовательно, отъ плохой организаціи хозяйства. Рабочій, работающій изъ-подъ палки, произведетъ, конечно, гораздо меньше, чѣмъ человѣкъ, наслаждающійся самымъ процессомъ труда и работающій съ увлеченіемъ. Итакъ, вотъ еще одинъ «порокъ цивилизаціи», приводящій къ уменьшенію общественнаго продукта.

Но перечень «пороковъ цивилизаціи» еще далеко не исчерпанъ. Всѣмъ извѣстно, насколько энергичнѣе трудъ собственника труда наемнаго рабочаго. Цивилизація стоитъ передъ альтернативой: или трудъ собственника и мелкое производство, не дающее возможности пользоваться завоеваніями техники, или крупное производство и плохая, небрежная работа по найму. Соединить выгоды крупнаго производства съ преимуществами работы не по найму, а для себя, въ свою пользу, цивилизація оказалась не въ силахъ.

Затѣмъ, посмотримъ на весь хозяйственный организмъ цивилизаціи, въ его цѣломъ. Единственною связью между отдѣльными хозяйствами

*

является товарный обмѣнъ, въ области котораго царитъ такъ называемая свободная конкуренція. Никакого общаго плана общественнаго производства не существуетъ; каждый заботится только о себѣ и не заботится объ остальныхъ. Въ результатѣ получается не гармонія интересовъ, какъ утверждаютъ экономисты, а ожесточенная война всѣхъ противъ всѣхъ, обогащеніе однихъ насчетъ другихъ, разореніе неудачныхъ предпринимателей, банкротства, принимающія массовый характеръ во время торговыхъ и промышленныхъ кризисовъ, когда фабрики закрываются одна за другой и рабочіе терпятъ неслыханныя лишенія.

Все это даетъ право придти къ заключенію, что «господствующая форма цивилизаціи противорѣчитъ общимъ интересамъ, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и народовъ; она истощаетъ и убиваетъ общественный организмъ... И однако, дѣло не въ недостаткѣ средствъ для достиженія лучшаго: земля, капиталы, промышленность, могучая сила машинъ, искусствъ и наукъ, мускулистыхъ рукъ и мысли человѣка находятся въ распоряженіи общества. Весь вопросъ сводится къ лучшей организаціи производства. Нужно ее найти, эту организацію, и испробовать на опытѣ. Это великій вопросъ судебъ человѣчества, вопросъ спасенія или гибели, богатства или нищеты, быть можетъ, жизни или смерти современнаго человѣчества!»

Какой же выходъ изъ этого безотраднаго положенія вещей? Фурье находитъ выходъ въ созданіи новой соціальной организаціи, планъ которой выработанъ имъ во всѣхъ деталяхъ. Но прежде чѣмъ перейти къ положительному рѣшенію соціальнаго вопроса у Фурье, остановимся на философіи исторіи этого своеобразнаго мыслителя.

Жизнь общества, говоритъ Фурье, подобна жизни отдѣльнаго человѣка. Человѣчество также переживаетъ дѣтство, достигаетъ зрѣлости, потомъ клонится къ упадку и смерти. До сихъ поръ человѣчество еще не пережило дѣтства и далеко отъ зрѣлости. Даже періодъ дѣтства еще не законченъ. Этотъ первый фазисъ развитія человѣчество—фазисъ дѣтства—слагается изъ 7-ми періодовъ:

1—эденизма.

2—дикаго состоянія.

3—патріархата.

4—варварства.

5—цивилизаціи.

6—гарантизма.

7—простой ассоціаціи, зари счастья.

О первомъ періодѣ, эденизмѣ, у всѣхъ народовъ сохранились воспоминанія, какъ объ утраченномъ золотомъ вѣкѣ. Въ этомъ періодѣ земельная собственность еще не существуетъ, природа въ изобиліи даетъ человѣку свои дары, и потому въ человѣческомъ обществѣ господствуетъ согласіе, отсутствуютъ внутренніе раздоры и войны. Образ-

цомъ такого состоянія человѣчества можетъ служить жизнь таитянъ и др. туземцевъ, населяющихъ Полинезійскіе острова. Человѣкъ въ этомъ періодѣ счастливъ, но это состояніе не можетъ долго длиться. Увеличеніе народонаселенія мало-по-малу приводитъ къ тому, что первоначальное изобиліе смѣняется голодомъ. Гармонія интересовъ исчезаетъ, развиваются противуобщественныя страсти и первобытная община распадается. Только то чувство, которое необходимо для продолженія человѣческаго рода, именно семейныя привязанности, переживетъ общее крушеніе. Это-то чувство и становится узкимъ и ограниченнымъ основаніемъ общества въ послѣдующіе періоды.

Изобрѣтается оружіе и человѣчество вступаетъ во второй фазисъ—фазисъ дикости. Начинается война. Отдѣльныя семьи соединяются, чтобы увеличить силу своего сопротивленія и нападенія и такимъ образомъ создается племя. Промышленность въ этомъ періодѣ ограничивается охотой, рыбной ловлей и изготовленіемъ оружія. Женщина дѣлается рабой, но частной собственности на землю въ этомъ періодѣ все еще нѣтъ. Всѣ члены племени свободно добываютъ себѣ пропитаніе и пользуются «естественными правами», обезпечивающими имъ существованіе. Эти естественныя права суть: право свободной охоты, свободной ловли рыбы, свободнаго собиранія плодовъ и свободной пастьбы скота. Безъ нихъ невозможна была бы жизнь человѣка въ этомъ фазисѣ исторіи.

Права эти могутъ, поэтому, разсматриваться, какъ естественное достояніе человѣческаго рода. Что же сталось съ этими правами теперь, въ цивилизованномъ состояніи общества? Пользуются ли ими всѣ члены общества? Нѣтъ! Но «если соціальная организація лишаетъ этихъ правъ часть всѣхъ членовъ, то оно должно гарантировать имъ въ обмѣнъ нѣкоторый эквивалентъ, каковымъ является *право на работу*».

Извѣстно, что дикари не выносятъ скуки и монотонности цивилизованной жизни, между тѣмъ какъ матросы цивилизованныхъ націй, попавшіе къ островитянамъ Полинезіи, не хотятъ возвращаться къ себѣ на родину.

Переходъ къ 3-му и 4-му періодамъ—патріархату и варварству—вызывается изобрѣтеніемъ новаго орудія производства плуга. Охота перестаетъ давать достаточно средствъ къ жизни, возникаетъ земледѣліе, и вмѣстѣ съ тѣмъ частная собственность на землю, которой до этого времени человѣчество не знало. Человѣкъ прикрѣпляется къ землѣ, образуется государство, земледѣліе и обрабатывающая промышленность дѣлаютъ первые успѣхи. Но надъ всѣмъ господствуютъ люди меча, владычество грубой силы достигаетъ своего апогея. Болѣе слабые находятся въ рабствѣ у болѣе сильныхъ. Пріобрѣтаетъ большое вліяніе и классъ жрецовъ, которые сосредоточиваютъ въ своей средѣ всѣ знанія и искусства своего времени и начинаютъ изслѣдовать при-

роду. Храмы являются колыбелью науки. Развитіе науки приводитъ къ новому періоду исторіи человѣчества, цивилизаціи.

Въ этомъ періодѣ мы находимся въ настоящее время. Рабство сначала замѣняется крѣпостнымъ правомъ, а затѣмъ рабочій получаетъ личную свободу, женщины выходъ изъ гарема и ея гражданскія права все болѣе и болѣе приравниваются къ правамъ мужчины.

«Историческая задача цивилизаціи — созданіе наукъ, искусствъ и крупной промышленности». Цивилизація преобразовала технику производства, поставивъ ее на научную почву. Естествознаніе становится, благодаря цивилизаціи, базисомъ промышленности. Но вслѣдствіе вышеуказанныхъ коренныхъ пороковъ, присущихъ цивилизаціи, какъ особой формѣ соціальной организаціи, успѣхи наукъ и промышленности покупаются крайне тяжелой цѣной—цѣной счастья большинства населенія.

Цивилизація—не конечный фазисъ исторіи человѣчества, а лишь промежуточный между варварствомъ и ассоціаціей. Можно замѣтить два періода въ движеніи цивилизаціи—восходящій и нисходящій. Мы находимся въ нисходящимъ періодѣ цивилизаціи. Отличительной чертой цивилизаціи является господство частной собственности, единоличнаго предпринимательства и свободной конкуренціи. Но что мы видимъ теперь? Вездѣ растутъ ассоціаціи капитала, подъ названіемъ акціонерныхъ компаній. Вездѣ мелкая собственность, мелкое производство экспропріируются крупнымъ капиталомъ и создаются новыя монополіи. Свободная конкуренція становится пустымъ звукомъ. «Могущество крупныхъ капиталовъ, умноженное сліяніемъ ихъ въ акціонерныя компаніи, раздавливаетъ, при помощи машинъ и пріемовъ крупнаго производства, среднихъ и мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ. Пролетаріатъ и пауперизмъ идутъ впередъ гигантскими шагами. И такъ какъ капиталисты живутъ въ городахъ, то въ городахъ раньше всего и достигаетъ господства, промышленный феодализмъ и обнаруживаются раньше всего его гибельныя послѣдствія; въ городахъ скопляются массы пролетаріевъ, живущихъ изо дня въ день безъ всякой связи съ хозяиномъ, соединявшей въ былыя времена сеньера и вассала. Батальоны нищеты угрожаютъ цивилизаціи».

«Капиталы неудержимо слѣдуютъ закону взаимнаго притяженія. Тяготѣя другъ къ другу, пропорціонально своимъ массамъ, общественныя богатства все болѣе концентрируются въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Иначе и быть не можетъ, при общей раздробленности интересовъ, потому что мелкая мануфактура, мелкая фабрика, не могутъ бороться съ крупной мануфактурой, крупной фабрикой; потому что мелкое земледѣліе, все болѣе и болѣе раздробляясь, не можетъ бороться съ крупнымъ земледѣліемъ, съ его орудіями производства, капиталами, объединеннымъ производствомъ; потому что всѣ открытія наукъ и искусствъ суть, фактически, монополія богатыхъ классовъ и

постоянно увеличиваютъ могущество этихъ классовъ; потому что, наконецъ, капиталы увеличиваютъ силу того, кто обладаетъ ими, и раздавливаютъ того, кто ими не обладаетъ».

Такова, по истинѣ, геніальная (несмотря на свои преувеличенія) характеристика Фурье соціальнаго развитія нашего времени. Правда, исторія не оправдала этихъ мрачныхъ предсказаній, и темныя краски наложены въ этой замѣчательной картинѣ слишкомъ густо и общая концепція развитія слишкомъ схематична. Жизнь частью опровергла эту схему, частью усложнила ее. Но какъ мало осталось Марксу прибавить къ схемѣ Фурье, чтобы создать свое знаменитое ученіе о законахъ развитія капиталистическаго хозяйства!

Важнѣйшей задачей всякой общественной организаціи является созданіе богатствъ матеріальной основы прогресса. Соціальный вопросъ сводится къ такой организаціи коммуны, при которой возможно было бы наибольшее производство богатства. Для этого требуется достигнуть гармоническаго соединенія трехъ факторовъ производства — земли, труда и капитала.

Если мы обратимъ вниманіе на организацію хозяйства въ современномъ обществѣ, то мы увидимъ, что въ немъ имѣются два различныхъ вида хозяйства:—крупное—при помощи наемнаго труда и мелкое, при помощи труда собственника. И тотъ и другой видъ хозяйства имѣютъ и недостатки, и достоинства. Крупное хозяйство выше въ техническомъ отношеніи, но зато въ немъ рабочій не заинтересованъ въ результатахъ труда и работаетъ плохо. Мелкое хозяйство не удовлетворяетъ техническимъ требованіямъ, но зато въ немъ человѣкъ трудится самъ для себя.

Задача въ томъ, чтобы воспользоваться преимуществами крупнаго производства и не утерять выгодъ мелкаго. Образцовая организація должна удовлетворять, поэтому, слѣдующимъ требованіямъ: 1) собственность въ ней не должна быть раздроблена; 2) всѣ земельные участки коммуны и всѣ отрасли промышленности должны эксплуатироваться подъ руководствомъ одной власти; 3) система наемнаго труда, при которой рабочій не заинтересованъ въ продуктахъ своего труда, должна быть замѣнена системою общаго участія всѣхъ въ общемъ продуктѣ пропорціонально участію каждаго въ производствѣ.

Нужно создать ассоціацію нѣсколькихъ сотъ семей (Фурье беретъ цифру 400), которая могла бы совмѣстно вести хозяйство. Для этого не требуется экспропріировать кого-бы то ни было. Собственникъ не лишается своей собственности, отдавая ее такой ассоціаціи, такъ какъ взамѣнъ своей собственности, онъ получаетъ акціи, доходъ которыхъ, по разсчетамъ Фурье будетъ несравненно выше, чѣмъ доходъ съ собственности при индивидуальномъ владѣніи.

Такую организацію Фурье называетъ фалангой, а соціальный дворецъ, который предназначенъ для жизни членовъ фаланги,—фаланстеромъ.

Мы не будемъ останавливаться надъ описаніями прелести жизни въ фаланстерѣ, которыя такъ увлекали самого Фурье и его учениковъ. Нашъ утопистъ рисуетъ эту жизнь, какъ постоянный праздникъ, въ которомъ отсутствуютъ всякія темныя стороны. И все это будетъ достигнуто благодаря тому, что организація производства и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ энергіи труда, благодаря его привлекательности, дадутъ человѣчеству столько богатства, что оно не будетъ испытывать ни въ чемъ недостатка.

Какъ только возникнетъ первая фаланга, гармоничность и прелесть устройства ея подѣйствуютъ такъ завлекательно на остальное населеніе, что мало-по-малу, безъ всякаго насилія и принужденія, сами собою начнутъ возникать новыя и новыя фаланги. Постепенно онѣ покроютъ весь міръ, сдѣлаютъ плодородной Сахару и заселятъ пустыни Сибири. Настанетъ земной рай — и человѣкъ благословитъ свою судьбу; и люди убѣдятся на опытѣ, что ихъ удѣлъ на землѣ—счастье, полное, глубокое, ничѣмъ не омрачаемое, лишенное всякаго диссонанса, ибо несчастье, горе, зло коренятся не въ человѣческой природѣ, а въ несовершенствахъ соціальной организаціи...

Таково было рѣшеніе соціальнаго вопроса въ ученіи Фурье. Разумѣется, фаланстеры, фаланги, и всякія прелести будущаго, рисуемыя этимъ глубокимъ, но наивнымъ мыслителемъ, были не болѣе, какъ мечтой и самой обыкновенной утопіей, къ которой было бы странно относиться съ серьезной научной критикой. Но безъ мечты чѣмъ была бы жизнь? И гдѣ найти границу между дѣйствительностью и мечтой?..

Научное значеніе этой утопіи заключается въ томъ, что Фурье въ яркой и выпуклой формѣ показалъ, въ какихъ огромныхъ размѣрахъ возможно увеличеніе общественнаго богатства при планомѣрной организаціи производительныхъ силъ общества. Фурье сдѣлалъ популярной идею широкой производительной и потребительной ассоціаціи, охватывающей всѣ стороны человѣчески жизни. Въ своей утопіи Фурье выше Сенъ-Симона и его школы. Сенъ-симонисты не могли выработать опредѣленнаго плана устройства новаго соціальнаго міра, а планъ Фурье былъ такъ тщательно разработанъ въ деталяхъ, казался такимъ практичнымъ и осуществимымъ, обѣщалъ такъ много, что общественное вліяніе Фурье не могло не быть болѣе глубокимъ, чѣмъ вліяніе Сенъ-Симона. Первый былъ скорѣе творцомъ, второй — изслѣдователемъ. Фурье вліялъ на массы, а Сенъ-Симонъ на избранныхъ. Что касается до чисто критической части ученія Фурье, то и она заключала въ себѣ много глубокаго и прямо геніальнаго. Въ ней замѣчается много общаго со взглядами Сенъ-Симона, хотя, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію, что оба великіе соціологи выработали свои системы совершенно независимо другъ отъ друга.

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТРИ ЖЕНСКИХЪ ХАРАКТЕРА.

РОМАНЪ БРУНО СПЕРАНИ *).

Съ итальянскаго, переводъ **В. А. Москалевой**.

Глава I.

Въ Валь-Мишіа.

Солнце скрылось и надъ остывшей и влажной землей поднимался легкій туманъ.

Подавленные неожиданнымъ горемъ, крестьяне молча и угрюмо возвращались съ полевыхъ работъ. Въ группѣ женщинъ, работавшихъ

---

*) *Бруно Сперани* псевдонимъ молодой итальянской писательницы Биче Сперазъ (Bice Speraz), далматинки по происхожденію, выступившей на поприще литературы лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ и сразу обратившей на себя вниманіе критики, признавшей въ ней недюжинный талантъ. Къ первому ея роману «Nell'Ingranagio», напечатанному въ 1885 году, итальянская критика отнеслась съ восторгомъ, хотя и нашла въ немъ нѣкоторое несовершенство формы, но сразу поставила автора на ряду съ лучшими итальянскими беллетристами. Несовершенство формы и слога и теперь составляетъ самый крупный недостатокъ писательницы,—она далеко не стилистка, хотя пишетъ ясно, рѣзко, искренно, выраженія ея сильны, она заботится не о слогѣ, а о томъ, чтобы ясно передать свои глубокія, стойкія, точныя мысли. Говоря о вышеупомянутомъ романѣ, критика замѣчаетъ, что Бруно Сперани, несмотря на неудачное заглавіе, написала книгу мученій и истины, что она изображаетъ упорную борьбу за истину и честность жизни и ея формъ, за освобожденіе ея отъ нездороваго опутыванія, будто желѣзною сѣтью, преданіями, условностью, приличіями, ложью, лицемѣріемъ, малодушіемъ, что она не проповѣдуетъ, а поучаетъ примѣромъ.

Чтобы очертить Бруно Сперани какъ можно короче, достаточно сказать, что она вся чувство, истина, жизнь. Въ ея сочиненіяхъ особенно поражаетъ безпристрастное отношеніе къ людямъ. Существуетъ общее мнѣніе, что женщина, говоря о мужчинѣ, относится къ нему или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, но никогда не отдаетъ ему справедливости. Но Сперани именно видитъ въ немъ только *человѣка*. Лица, которыхъ она описываетъ, прежде всего люди реальные, они живутъ, чувствуютъ, движутся. Они входятъ въ нашу жизнь и дѣлаются намъ

въ отдѣленіи, гдѣ обрабатывалась конопля, шелъ глухой и негромкій разговоръ, часто прерывавшійся рыданіями и оханіями.

Жена Сандро Рамполди, Марія Скарамелли, молодая женщина лѣтъ двадцати двухъ, говорила, заливаясь слезами:

— Бѣдная Джулія! Она это предчувствовала. Сегодня утромъ ей не хотѣлось идти на работу!... У нея болѣла голова и она хотѣла остаться дома, отдохнуть нѣсколько часовъ. Невѣстка напомнила ей, что сегодня ея очередь идти на машину, что хозяинъ непремѣнно пришлетъ за ней и такъ или иначе она должна будетъ идти, а то ее оштрафуютъ или ей придется нанимать кого нибудь за себя, что выйдетъ одно и то же. Она неохотно одѣлась и вышла, что-то бормоча. По обыкновенію, какъ и всякое утро, я ждала ее, чтобы идти вмѣстѣ. Всю дорогу она не переставала жаловаться. Бѣдная Джулія! .. Она предчувствовала, бѣдная дѣвочка!... Слава Богу по крайней мѣрѣ, я не видѣла, какъ она упала...

— Да, можно благодарить Господа!—замѣтила немолодая женщина съ исхудалымъ лицомъ. — Я, наоборотъ, видѣла, какъ она упала, и во всю мою жизнь никогда этого не забуду. Все произошло

близкими, будто мы съ ними Богъ знаетъ какъ давно знакомы. Всякое лицо, всякій фактъ, изображаемый писательницей, видимо написанъ—кровью, слезами, стоилъ отчаянія. Объ ней можно смѣло сказать, что она наблюдательница и мыслительница, качества довольно рѣдкія у писателей послѣдняго времени. Но несмотря на полную объективность, ея произведенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы фотографическими снимками — напротивъ, это настоящія картины, изображающія истину художественными чертами.

Вмѣсто того, чтобы слѣдовать по стопамъ французскаго псевдо-натурализма, Сперани предпочла способъ писанія великихъ мастеровъ литературы—русскихъ и англійскихъ, который, главнымъ образомъ, заключается въ достиженіи сильныхъ эффектовъ при помощи самыхъ скромныхъ средствъ. Писательница преимущественно прибѣгаетъ къ анализу и разсказу, благодаря этому она производитъ впечатлѣніе силы и смѣлости художественнаго мышленія, какими обладаютъ весьма немногіе писатели.

Разбирая «Numeri e Sogni», одинъ изъ итальянскихъ критиковъ говоритъ, что нужно быть слишкомъ близорукимъ и не имѣть сердца, чтобы не понять укрѣпляющаго значенія этого романа, въ которомъ писательница поднялась до высшихъ и великодушныхъ альтруистическихъ идеаловъ Толстого, то-есть—помогать страждущимъ и прощать ихъ заблужденія, которыми они безсознательно причиняютъ намъ боль.

Другой критикъ приравниваетъ ее къ Достоевскому, еще и потому, что, какъ славянка по происхожденію, она должна имѣть много общаго съ русскими писателями. Въ доказательство своего мнѣнія онъ приводитъ выдержку изъ прекрасной статьи о Достоевскомъ Депаниса, помѣщенной въ «Gazzetta Letteraria:—«Что касается русскихъ писателей вообще, то для нихъ... романъ представляетъ не цѣль, а средство; ихъ стремленія чисто соціальныя, а не эстетическія». Дѣйствительно эти слова могутъ быть отчасти отнесены и къ Бруно Сперани. Тотъ же самый Депанисъ отзывается о ней, что въ своихъ описаніяхъ она соединяетъ мужскую силу изображенія съ глубиной женской наблюдательности. *Пр. Пер.*

такъ скоро, не опомниться! Вотъ,—работаю я на моемъ обыкновенномъ мѣстѣ, не далеко отъ Джуліи, стоя къ ней спиною. Машина дьявольски стучала, будто черти въ аду. Мнѣ показалось, что еще никогда она не производила такого шума и треска. Я хотѣла подняться и идти посмотрѣть, что такое, какъ раздался крикъ, страшно меня испугавшій...

— Всѣ его слышали!—вскричала другая пожилая женщина и перекрестилась.

— Да, но я была тамъ, на мѣстѣ, и слышала его всѣмъ своимъ нутромъ. Я вскочила и закричала: «Джулія! Джулія!...» и вдругъ вспомнила о полномъ передникѣ хлѣба. Должно быть машина, зацѣпила за конецъ передника!.. Я бросилась впоредъ, надѣясь чѣмъ-нибудь помочь, и, насколько хватало духа, звала на помощь... Іисусе мой!.. Я подоспѣла только для того, чтобы увидать ея лицо—о! какое лицо!.. Затѣмъ я услышала еще крикъ, заглушенный... Она была уже тамъ!... И двѣ ноги въ воздухѣ сдѣлали такъ... О! кто не видалъ этихъ двухъ ногъ, тотъ не можетъ вообразить себѣ всего ужаса!..

Женщины слушали ее, оцѣпенѣвъ. Наступила минута молчанія. Одна молодая дѣвушка, возмущенная до глубины души, прервала его:

— Эхъ! Если бы мужчины поторопились остановить машину, Джулія была бы спасена.

— Какъ же!.. Какъ же!.. Они сейчасъ прибѣжали, несчастные!—рѣшительно возразили ей ея слушательницы.

— Сейчасъ же!—подтвердила старуха.

Нашлись и еще женщины, печально подтверждавшія, что все это правда, что мужчины сдѣлали все, чтобы спасти Джулію. Но Кристина Скарамелли, меньшая сестра Маріи, жены Сандро, выходила изъ себя и кричала, что она не видала ни одного мужчины; что вообще пора покончить съ этой исторіей, что объ ней уже достаточно говорено весь божій день, и что она уже больше не въ силахъ. Къ сожалѣнію, и она видала и потому не можетъ слышать, когда объ этомъ говорятъ. Хотѣла бы забыть! Можетъ быть, имъ это нравится, но ей нѣтъ. Она не въ состояніи жить съ такимъ ужасомъ передъ глазами.

— Уйду я съ этого проклятаго мѣста! Какъ Богъ святъ, который меня слышитъ, больше не хочу вести подобную жизнь!...

Женщины посмотрѣли на нее съ удивленіемъ, нѣкоторыя насмѣшливо улыбались, потому что эта бунтовщица Кристина была красивая дѣвушка, на которую заглядывались хозяева и даже молодой куратъ изъ Джела, донъ Джорджіо Кастеллани.

Но ея сестра, жена Рамполди, сказала печально и нѣсколько обиженно:

— Съ ума ты сошла, что ли?! Какую же другую жизнь ты можешь вести если не работать?... Бѣдные на то родились. Даже мой Сандро,

который жилъ и съ нѣмцами и піемонтцами, говоритъ, вездѣ то же самое.

— О, работать!.. О... будетъ! Нѣкоторыхъ словъ не слѣдуетъ даже произносить. Поручимъ себя Господу, чтобы Онъ простеръ надъ нами Свою святую руку.

Старшія одобрительно склонили головы и всѣ молча поспѣшили домой.

Ломбардская долина мало имѣетъ мѣстъ болѣе жалкихъ, болѣе печальныхъ, чѣмъ эта куча домишекъ, брошенная на этомъ подобіи островка, образуемаго двумя рѣчками, Вергонца и Мишіа, и прозваннаго обитателями—Валь-Мишіа. Два мостика служили сообщеніемъ для пѣшеходовъ, а животныя и всякаго рода сооруженія на колесахъ всегда должны были искать броду. Сообщеніе прерывалось при высокой водѣ и долина Мишіи оказывалась въ блокадѣ.

Въ сущности здѣсь былъ только *поселокъ*. Ни церкви, ни лавчонки, даже хлѣба негдѣ было спечь.

Крестьяне и крестьянки, съ утра до вечера на работѣ, едва имѣли время сварить поленту *), какую-нибудь похлебку или что-нибудь спечь на горячихъ угольяхъ. Нѣсколько разъ въ недѣлю булочникъ приносилъ имъ хлѣбъ изъ Казората или Джела.

Еще не такъ давно, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они имѣли предубѣжденіе противъ спѣлыхъ помидоровъ, воображая, что они вредны и потому старались съѣдать ихъ зелеными, выбрасывая ихъ вонъ, едва они начинали краснѣть, и тѣмъ лишали себя возможности повкуснѣе приправлять свою похлебку.

Какъ нарочно, въ этотъ вечеръ обитателей островка ждалъ весьма непріятный сюрпризъ, булочникъ забылъ принести имъ хлѣба. Это иногда случалось, когда онъ очень уставалъ или когда ему удавалось распродать свой товаръ раньше, чѣмъ онъ достигалъ ихъ пустыни.

Извѣстіе быстро распространилось по всему поселку.

— Мы остались безъ хлѣба!

Ребятишки орали во все горло: хлѣба!... хлѣба!...

Но всѣ были уже до того подавлены случившимся раньше несчастіемъ; что этотъ случай прошелъ, не вызвавъ особеннаго шума. Нѣсколько глухихъ проклятій, кое-гдѣ бранное слово удовлетворили самыхъ голодныхъ и успокоили гнѣвъ самыхъ недовольныхъ. Они поспѣшили варить поленту, проклиная этотъ собачій день.

У Рамполди похлебка уже была сварена. Ее приготовила Вирджинія, жена Піетро, старшаго брата, нанимавшаго небольшой клочокъ земли, почему у нихъ всегда былъ порядочный запасъ риса, бобовъ и сала.

*) Полента—каша изъ кукурузы.

Отведя лошадей въ конюшню и сложивъ рабочіе инструменты, оба брата пришли къ Вирджиніи, блѣдной и изнѣженной женщинѣ, которая никогда не ходила работать ни въ поле, ни на обработку конопли. Братья обращались съ ней, какъ крестьяне рѣдко обращаются съ женщинами,—насколько умѣли, они всегда были съ ней любезны.

Отъ вылитой въ миску похлебки шелъ аппетитный запахъ и братья осыпали похвалами прекрасную хозяюшку, снисходительно улыбавшуюся.

Всѣмъ было извѣстно, что у Рамполди всегда очень вкусная похлебка, потому что Вирджинія, прислуживавшая у богатыхъ арендаторовъ, научилась тамъ стряпать. Но въ то же время всѣ знали, что Рамполди не терпѣли такой нужды, какъ другіе. Семья состояла изъ двухъ здоровыхъ мужчинъ, работавшихъ исключительно на себя, почему они могли вести хозяйство безъ чужой помощи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Сандро женился на Маріи Скарамелли и у нихъ явилась даровая работница, работавшая если не въ полѣ, такъ на обработкѣ конопли, а вернувшись домой послѣ трудового дня, исполнявшая въ домѣ всѣ самыя тяжелыя работы, стараясь поберечь болѣзненную родственницу—она такая слабенькая, не въ силахъ работать.

Многіе подсмѣивались надъ этой слабостью. Всѣ знали, что Сандро женился на дочери Марко Скарамелли не по своей охотѣ, а повинуясь старшему брату, видѣвшему хорошо, что въ домѣ нужна работница. Всѣ знали, что Сандро никогда не смотрѣлъ на нее, какъ на жену, что съ первыхъ же дней она сдѣлалась вьючнымъ осломъ Рамполди,—женою была Вирджинія, какъ одного, такъ и другого брата, — какъ Піетро, такъ и Сандро. Разсказывались всевозможные анекдоты по поводу связи родственниковъ, а Марія, законная жена Сандро, слыла у всѣхъ за вьючнаго осла Рамполди.

Сестра Маріи, пылкая Кристина, наслышалась достаточно на этотъ счетъ и выходила изъ себя отъ гнѣва, но у нея не хватало смѣлости высказать своей сестрѣ все, что она думала. Это не принесло бы притомъ никакой пользы, Марія была не изъ тѣхъ, которыя мстятъ.

Оба брата Рамполди и прекрасная Вирджинія сидѣли вокругъ стараго стола въ полутемной кухнѣ и ѣли похлебку, закусывая хорошимъ хлѣбомъ, который Сандро привезъ изъ Казората, гдѣ онъ, по своей обязанности конюха, пробылъ цѣлый день. Ни на одну секунду никому не пришло въ голову подождать Марію, еще не успѣвшую наносить воды въ хлѣвъ и въ домъ.

Когда, наконецъ, она вошла, всѣ уже кончили ѣсть и встали изъза стола, на которомъ не было и слѣда не только бѣлаго хлѣба, но и другого. Она не была ни удивлена, ни оскорблена, что ее не подождали. Такъ дѣлалось всякій день и она успѣла къ этому привыкнуть.

Взявъ миску съ похлебкой, она, по обыкновенію, сѣла на по-

рогъ двери на улицу. Она любила ѣсть на свѣжемъ воздухѣ и въ это время перебрасываться словами съ проходящими. Теперь она ѣла не спѣша, безъ всякаго аппетита, у нея на сердцѣ было такъ тяжело. Она думала объ ужасной смерти этой несчастной Джуліи, и кровавый образъ, отъ котораго она никакъ не могла избавиться, напоминалъ ей полныя горечи слова Кристины.

На порогѣ угловой хижины рядомъ показалась старая женщина, ѣвшая поленту. Это была Аннунціата Мерони. Обѣ женщины поздоровались и Марія подошла къ старухѣ.

— Итакъ, похороны сегодня вечеромъ?

— Да. Теперь мы можемъ проводить ее, а завтра это невозможно.

— Священникъ будетъ?

— Не думаю. Кажется, онъ прислалъ сказать, что не можетъ придти, а будетъ ждать въ церкви. Я видѣла Тоніо изъ Мора и другого могильщика, они шли заколачивать гробъ... Вашъ отецъ понесетъ крестъ.

— Знаю. Видѣли вы мою сестру Кристину?

— Больше часа тому назадъ. Пошла варить себѣ поленту.

Марія вздохнула, но не сказала ни слова. Она подумала, что могла бы взять сестру къ себѣ, въ домъ своего мужа, если бы Кристина не была такъ непривѣтлива и такъ капризна.

— Если бы моя сестра была на меня похожа,—проговорила она, помолчавъ минуту,—я бы не оставалась одна.

— О! Такъ лучше. Ваша сестра похожа на отца, между тѣмъ какъ вы совсѣмъ, какъ ваша бѣдная мама.

— Что вы хотите сказать?

— Что вы слишкомъ добры. И притомъ вы слышали? Вашей сестрѣ опротивѣла эта мужицкая жизнь и работа.

— О!.. Что же ей дѣлать другого?

— Найдется что! Можетъ идти въ Джелъ и поступить въ услуженіе къ священнику.

Марія вспыхнула до корня волосъ.

— Ему достаточно услугъ нашего отца.

— Онъ можетъ уйти и уступить мѣсто дочери.

— О Нунціата, не говорите ничего подобнаго!... Моя сестра хорошая дѣвушка. Мы дочери одной матери, вы это знаете.

— Хорошо; но она всегда говоритъ, что вы работаете свыше вашихъ силъ; что вы... извините меня!... что вы глупы, что служите этой гримасницѣ, вашей невѣсткѣ.

— Я ей не служу. Я такая же хозяйка въ домѣ, какъ и она. Я работаю больше, потому что я сильна и здорова, слава Богу, между тѣмъ какъ она едва-едва жива, болѣетъ отъ пустяковъ...

— Удобно болѣть, когда только вздумается!

Сраженная этой насмѣшкой, жена Сандро примолкла на минутку и проглотила нѣсколько ложекъ похлебки, что ей дало возможность стоять, отвернувъ лицо.

Вся ея фигура мягко выдѣлялась на сѣроватомъ свѣтѣ сумерокъ. Марія была красивая крестьянка, высокаго роста, съ широкими плечами, руками, сильными какъ у мужчины, но красивыми, круглыми и полными. Красивыя, правильныя черты лица, слегка загорѣвшаго отъ солнца и отъ непогодъ, имѣли мягкое выраженіе, въ которомъ соединялись доброта и сила.

Не спускавшая съ нея глазъ старуха снова заговорила:

— И подумать только, что Сандро, съ его головой адвоката и съ его набожностью, не умѣетъ заставить уважать свою жену...

Марія быстро обернулась.

— Что же ему дѣлать? Ссориться?.. Дѣлиться?.. Ой, ой! Нечего сказать, хорошо будетъ! Вмѣстѣ все идетъ прекрасно; если же мы захотимъ дѣлиться, земля останется за Піетро... Въ домѣ добра такъ мало, что не изъ чего дѣлать двѣ части... Все пойдетъ хуже, да при томъ еще и ссора въ семьѣ.. Конечно, я много работаю, но разъ въ домѣ есть дѣло, оно должно быть сдѣлано. Притомъ я работаю у себя въ домѣ. И развѣ Сандро мало работаетъ?..

— О немъ никто ничего не говоритъ. Говорятъ только, что ваша невѣстка держитъ себя какъ барыня, и что вся тяжелая работа лежитъ на васъ, что вы несете ярмо...

Марія поблѣднѣла при этомъ зломъ намекѣ: она вдругъ сразу вспомнила различныя улыбки, полуслова, намеки, смыслъ которыхъ былъ ей не совсѣмъ понятенъ. Вьючный оселъ Рамполди! Какъ-то вечеромъ она слышала это прозваніе отъ сына Моники и подумала, что онъ говоритъ объ ихъ настоящемъ ослѣ... Но мальчишка какъ - то странно засмѣялся!.. А теперь старая Нунціата говоритъ, что она несетъ ярмо. Слѣдовательно, это оскорбленіе? Слѣдовательно, ей во что бы то ни стало хотятъ доказать, что она ничто въ домѣ своего мужа, что она только работница и больше ничего? Она стиснула зубы и покачала своей темноволосой и сильной головой.

— Послушайте, Нунціата, зачѣмъ вы говорите, что я ношу ярмо? Что вы хотите этимъ сказать?

— О Боже! Не сердитесь такъ!.. Только то, что вы слишкомъ много работаете, что вы слишкомъ добры...

— Слишкомъ добра, слишкомъ добра!.. Я не вижу причины, почему мнѣ не слѣдуетъ быть доброй. Когда моя мама умирала, она наказывала мнѣ быть всегда доброй и исполнять мои обязанности всегда и вездѣ; я дѣлаю то, что она мнѣ совѣтовала. Я только что вышла замужъ, какъ она умерла, вы помните?

— Конечно, помню. Вѣдь это она уговорила васъ взять вашего Сандро. Вы о немъ даже и не думали.

— Ваша правда, она. Она говорила мнѣ, что онъ хорошій человѣкъ, работящій; такой человѣкъ, который больше ходитъ въ церковь, чѣмъ въ кабакъ... На что же лучшее могла я надѣяться, не имѣя ни-

чего за душой... Я все время отказывалась... потому что онъ меня страшно стѣснялъ своимъ серьезнымъ видомъ... Но когда моя мама стала просить, я не знала, что сказать ей, и оставила все на ея волю. И только когда я съ нимъ обвѣнчалась, я увидала, что онъ хорошій человѣкъ, что въ кабакъ онъ никогда не ходитъ, а работаетъ всегда. Людей подобныхъ Рамполди трудно найти. И потому если вы меня сожалѣете, то вы дурная женщина. Что же до того, чтобы говорить мнѣ любезности... онъ на это неспособенъ, хотя и побывалъ на чужой сторонѣ и видалъ достаточно людей. Съ другой стороны, ему уже тридцать шесть лѣтъ, въ немъ нѣтъ уже того жара... Притомъ мнѣ стыдно даже думать объ этомъ. Я довольна тѣмъ, что есть, разъ я довольна, должны быть всѣ довольны.

— Вы хорошая женщина,—рѣшила старая Мерони. — Кстати, не можете ли вы одолжить мнѣ ломотокъ хлѣба? Я завтра утромъ отдамъ вамъ...

— Хлѣба?! Мы вѣдь остались безъ хлѣба!.. Я не ѣла его и даже не видала...

— Какъ!.. Вашъ мужъ ѣздилъ съ хозяиномъ въ Казоратъ и не привезъ хлѣба?.. Мнѣ казалось даже, что я видѣла *крошку* бѣлаго хлѣба...

— О нѣтъ! Слышите, въ Джелѣ звонятъ къ Ave Maria; скорѣе скажемъ «Angelus».

Онѣ опустились на колѣни на приступокъ у дверей.

— Отецъ Джуліи!..—проговорила Аннунціата, толкая локтемъ свою сосѣдку.

И обѣ съ ужасомъ смотрѣли на старика Мелика, длиннаго и блѣднаго будто призракъ; онъ прошелъ мимо, держа шапку въ рукѣ, плача и шепча молитвы, ничего не сознавая кромѣ своего горя.

Прочтя короткую молитву, Марія поклонилась старухѣ и ушла; ей хотѣлось поскорѣе убраться въ домѣ и идти провожать покойницу въ Джелъ.

Нунціата минуту постояла на порогѣ, смотря ей вслѣдъ; она думала:

— Должно быть, у нея есть свои выгоды, чтобы притворяться непонимающей. Пусть такъ! Довольные могутъ наслаждаться.

Глава II.

Рамполдіевскій вьючный оселъ.

Въ большой кухнѣ у Рамполди было уже совсѣмъ темно. Только въ низкомъ и широкомъ очагѣ тлѣло сырое полѣно и давало больше дыму, чѣмъ огня. У очага стояли скамейки. Войдя въ кухню, Марія невольно взглянула на лучъ свѣта, шедшій изъ печки, и окаменѣла.

На передней скамейкѣ, спиною къ дверямъ, Сандро и Вирджинія сидѣли близко другъ къ другу, до такой степени близко, что казалось будто они слились въ одномъ объятіи. Онъ обнялъ ее за талію, а она положила голову ему на плечо. Вѣроятно они въ эту минуту цѣловались.

Марія сразу почувствовала чрезвычайную слабость во всѣхъ членахъ и смертельный холодъ заставилъ ее содрогнуться. Она не вскрикнула, потому что, парализованная ужасомъ, была не въ силахъ.

Какъ она только что говорила Нунціатѣ, она никогда не любила Сандро особенно сильно. Конечно, она даже не знала, что значить любить страстно, и потому въ настоящую минуту пришибли ее не отчаянное горе, не мученія ревности, а только одинъ ужасъ,—ужасъ живого человѣка, который чувствуетъ, что у него отняли его вѣрованія и оставили его ни съ чѣмъ. Она готова была бѣжать, готова была жизнью заплатить за милость ничего этого не видѣть; испытывая то же самое чувство, которое нѣсколько часовъ тому назадъ, когда говорили о Джуліи, заставило ее сказать: «Благодарю Господа, что я этого не видала».

Но теперь она не могла оторвать ногъ отъ пола и такъ дрожала, что ложка стучала о стѣнки миски, бывшей у нея въ рукахъ, производя сухой трескъ, на который тѣ двое обернулись.

— О, наконецъ-то вы пришли!—вскричала Вирджинія, вскакивая съ мѣста, какъ ни въ чемъ не бывало. — Гдѣ вы пропадали? Видали вы Піетро?..

Марія не отвѣчала. Потрясеніе было слишкомъ сильно, чтобы она была въ состояніи скрыть его такъ быстро. Притомъ въ душѣ ея возникла новая борьба между ожесточеннымъ негодованіемъ, вызваннымъ такимъ наглымъ лицемѣріемъ, и страстнымъ мучительнымъ желаніемъ не вѣрить своимъ собственнымъ глазамъ.

— Вы его не видали?

— Нѣтъ,—проговорила жена Сандро глухимъ голосомъ.

— Понимаю. Онъ должно быть отправился спать на сѣновалъ. Онъ такъ усталъ! Мы тоже тутъ въ теплѣ задремали и свалились другъ на друга, какъ два пустыхъ мѣшка. Вѣрно оттого, что, благодаря Господа, мы поѣли.

И она улыбнулась, но ея улыбка быстро застыла.

Сандро всталъ и зажегъ огонь. Онъ такъ растерялся, что не могъ говорить. Марія принялась мыть посуду, и когда мужъ подошелъ къ ней, заставила себя спросить у него позволенія идти на похороны; ей казалось, что она замѣчаетъ въ немъ нѣкоторое опасеніе, высказавшееся въ томъ пристальномъ взглядѣ, которымъ онъ хотѣлъ узнать, что она видѣла.

Она почувствовала, что краснѣетъ и склонила голову. Она испытывала острое чувство стыда, будто она сама провинилась. Такъ ужъ она была создана!

Сандро вышелъ, проговоривъ: «Мы значитъ тамъ увидимся», и обѣ женщины остались однѣ. Не прерывая молчанія, Марія спѣшила кончить свое дѣло, — присутствіе родственницы камнемъ ложилось ей на сердце.

Но это молчаніе раздражало Вирджинію. Она предпочла бы ссору, только бы знать, о чемъ та думаетъ. Съ обычною своею дерзостью она искала средства, чтобы заставить ее говорить.

Приведя все въ порядокъ, Марія вытерла руки, и повязавъ платкомъ голову, собралась уйти.

— Куда вы идете?—сердито закричала Вирджинія.—Почему вы молчите?.. Что съ вами случилось?.. Скрытная!..

При этомъ нападеніи, жена Сандро обернулась съ такимъ возмущеннымъ лицомъ, что Вирджинія была поражена. Но Марія уже больше не въ силахъ была скрыть свою обиду. Она бросилась на свою соперницу и, ухвативъ ее за руки своими сильными рабочими пальцами, будто клещами, съ силою отбросила къ стѣнѣ и, задыхаясь отъ гнѣва, закричала ей:

— Стыдись!... Стыдись!...

Потомъ вдругъ, охваченная тѣмъ глубокимъ ужасомъ, который внушала ей эта женщина, она оставила ее и ушла, не оборачиваясь.

Ночь была темная и холодная.

Куча домишекъ казалось заснула, но гдѣ-то въ сторонѣ слышались смутные голоса, которые удалялись. На тропинкѣ виднѣлись огоньки.

Марія сдѣлала нѣсколько шаговъ ощупью, ничего не видя въ этой темнотѣ. Она не чувствовала даже рѣзкаго холода. Холодный воздухъ только слегка освѣжалъ ея пылавшую голову. Она ни о чемъ не думала.

Она была слишкомъ проста и мало развита, чтобы разобраться въ томъ, что съ ней случилось. Но она смутно чувствовала, что въ ея жизни все готово рушиться и распасться. Ей казалось, будто она летитъ въ пропасть, и въ тоже время она содрогалась отъ жгучаго чувства стыда и ужаса, испытаннаго ею съ первой минуты.

Только теперь она поняла все значеніе этихъ, полныхъ горечи словъ, вьючный оселъ Рамполди!.. Да, она была осломъ. Несомнѣнно, любовь между Сандро и Вирджиніей была уже давнишняя. Какая гадость, между родными!... А она ничего не замѣчала за эти десять мѣсяцевъ; вотъ дура-то... Тутъ она сразу вспомнила различныя обстоятельства, которыя должны были бы раскрыть ей глаза. Но она была убѣждена, что ея мужъ честный и религіозный человѣкъ... у котораго въ головѣ не можетъ быть никакой дури!..

Ее позвали. Она громко вскрикнула.

— Марія, ты съ ума сошла, что такъ кричишь!.. Развѣ ты меня не узнала?

— Нѣтъ!...

— Ты больна?... У тебя такой голосъ!... О! Ты упадешь, ради Бога!..

Марія пошатнулась; но постаралась оправиться.

— Нисколько... Я наплакалась.

— Тебя обидѣли?..

Кристина, знавшая о любовной связи между зятемъ и невѣсткой и постоянно ожидавшая какого-нибудь взрыва, угадывала истину. Марія поняла это и чувствовала, что обязана лгать, и потому сказала довольно спокойно:

— Меня? Нисколько. Мнѣ жаль бѣдную Джулію!

— Джулія не страдаетъ больше... Но если мы хотимъ поспѣть на похороны, мы должны поторопиться.

— Уже отправились?..

— Да, видишь тамъ. Пойдемъ, здѣсь мы какъ разъ выйдемъ.

И они пошли кратчайшимъ путемъ—черезъ поле.

Мягкій свѣтъ расплывался въ туманномъ воздухѣ. Слышалось шуршаніе ногъ о песокъ и чтеніе заупокойныхъ молитвъ. Чей-то степенный голосъ затянулъ литанію святымъ и всѣ, мужчины и женщины, хоромъ отвѣчали:

— Ora pro ea! Ora pro ea! («Молись за нее»)!

Высокіе и низкіе голоса соединялись въ чудную и простую гармонію, которую ночной вѣтерокъ относилъ далеко среди мрачнаго молчанія осенней природы.

Обѣ сестры быстро нагнали похоронное шествіе. Жалкіе похороны! Впереди шелъ мальчикъ съ фонаремъ, за нимъ старикъ Скарамелли несъ крестъ; затѣмъ четыре молодыхъ человѣка несли на плечахъ гробъ, едва прикрытый какимъ-то чернымъ лоскутомъ; ни цвѣтовъ на немъ, никакихъ другихъ украшеній.

Мужчины и женщины, слѣдовавшіе за гробомъ, шли какъ попало и изрѣдка кто-нибудь освѣщалъ дорогу, зажигая свѣчу, фонарь или факелъ.

Первый, на комъ остановился взглядъ Маріи, былъ именно Сандро; онъ шелъ, поднявъ голову и какъ-то порывисто молясь.

Конюхъ Рамполди былъ красивый мужчина; несомнѣнно онъ былъ красивый солдатъ,—у него еще осталась солдатская выправка и ловкая осанка, выдѣлявшія его среди всѣхъ его спутниковъ.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она его знала, Марія была поражена этимъ относительнымъ изяществомъ, этой мужественной красотой, и въ первый разъ почувствовала, что была бы счастлива, если бы вмѣсто постоянной холодности, онъ выказалъ бы ей хоть немного нѣжности, подобной той, которая выростала теперь въ ея бѣдномъ сердцѣ, вмѣсто гнѣва и негодованія. Подъ вліяніемъ новаго чувства, заставлявшаго ее страдать еще мучительнѣе, она остановилась на краю дороги, не спуская глазъ съ человѣка, который, хотя и былъ ея мужемъ, былъ отъ нея такъ же далекъ, какъ и всякій чужой человѣкъ.

— Что съ тобой?—вскричала Кристина, видя, что Марія не двигается.—Иди же съ нами.

Она машинально позволила увлечь себя, и рыдая, пошла дальше.

Глава III.

Весна.

Крестьяне неутомимо работали отъ зари до зари. Они затѣяли еще до праздниковъ покончить съ посѣвомъ кукурузы. Также нужно было успѣть скосить и собрать сѣно, драгоцѣнное апрѣльское сѣно. Передъ праздниками у женщинъ было много дѣла, онѣ должны были разрываться между домашними работами, говѣніемъ и чисткой дома. Мужчины по просту хотѣли быть свободными, чтобы посвятить нѣсколько часовъ своему небольшому огороду и другимъ подобнымъ дѣламъ. Слѣдовательно, нужно было торопиться, тѣмъ болѣе, что въ этомъ году все шло хорошо и прекрасная погода продолжалась довольно долго. И дождь будетъ тогда въ самую удобную минуту, когда посѣвъ кончатъ и будетъ сѣно. Нѣкоторыя облака и кое-какіе порывы вѣтра давали знать, что онъ близко. Слѣдовательно, скорѣй, скорѣй! И косцы точили свои большія, сверкавшія, какъ зеркало, косы, а женщины разбрасывали сѣно деревянными граблями, весело напѣвая, возбужденныя одуряющимъ запахомъ мяты, тимьяна, буквицы, розовыхъ колокольчиковъ и множествомъ другихъ душистыхъ травъ.

На поляхъ, назначенныхъ подъ сорго *), плуги проводили борозды взадъ и впередъ, разрывая нѣдра черной, теплой земли, жаждущей оплодотворенія. Погонщики воловъ и погонщики лошадей шли быстрыми шагами рядомъ со своими животными, по временамъ подбодряя ихъ крикомъ.

Вся долина Мишіи была въ движеніи. Братья Рамполди руководили работами. Піетро, всегда занимавшійся земледѣліемъ и владѣвшій самымъ большимъ участкомъ земли, распоряжался волами, а Сандро управлялъ лошадьми.

Впрочемъ Піетро былъ вездѣ. Едва какое-нибудь поле было вспахано, какъ онъ подвязывалъ себѣ къ поясу полный мѣшокъ сѣмянъ и полными горстями бросалъ золотыя зерна въ разрытую землю. Также и Сандро дѣлалъ всего понемногу, пока какой-нибудь другой крестьянинъ отводилъ на другое поле плугъ, запряженный волами, Сандро впрягалъ своихъ лошадей въ борону и проводилъ ею по посѣянной землѣ.

Надежда, которую осень могла такъ легко обмануть, приподнимала всѣ склоненныя головы. Урожай обѣщалъ быть хорошимъ.

---

*) Индѣйская рожь.

И подъ золотыми лучами апрѣльскаго солнца, подъ молочно-бѣлымъ небомъ, имѣющимъ такой мягкій оттѣнокъ сравнительно съ металлическимъ блескомъ южнаго неба, таинственная радость святой недѣли успокоительно проникала въ простыя души бѣдныхъ поселянъ.

Большія работы были закончены во вторникъ вечеромъ на страстной недѣлѣ, какъ это и говорили братья Рамполди. Въ среду мужчины цѣлый день возили сѣно въ сараи, что бы покончить въ тотъ же вечеръ. На горизонтѣ уже собирались грозныя тучи, ночью, несомнѣнно, будетъ ливень, а можетъ быть и буря. Женщины тѣмъ временемъ пробѣгали по засѣяннымъ полямъ и слѣдили, чтобы ни одно зерно не пропало безъ пользы. Вооруженныя длинными жердями, обитыми желѣзомъ, онѣ продѣлывали ими ямку въ землѣ, едва замѣчали какое-нибудь зернышко, ушедшее отъ дѣйствія бороны и катка, и быстро прятали его туда.

Марія Скарамелли, работящая жена Сандро Рамполди, была незамѣнима въ этой работѣ. Ея опытный глазъ быстро замѣчалъ маленькое желтое зернышко и ея увѣренная рука немедленно его скрывала. Но сегодня она была не такъ внимательна, уже не разъ ей приходилось возвращаться, чтобы зарыть забытыя зерна. И по временамъ она останавливалась будто утомленная и опиралась на свою палку, воткнутую въ землю. Глаза ея ничего не замѣчали, что дѣлалось вокругъ нея, погруженные въ печальное созерцаніе внутри себя.

Кристина Скарамелли и Нунціата Мерони, старуха съ желтымъ и исхудалымъ лицомъ, съ сосѣдняго поля видѣли, какъ она проходила вдоль еще совсѣмъ голыхъ деревьевъ.

— Она на себя не похожа!—проговорила Кристина, подавляя вздохъ.

— Она никакъ не можетъ оправиться послѣ несчастной смерти этой бѣдной Джуліи.

— Бѣдной Джуліи?.. Ахъ, да! Она ее очень любила; но если бы тутъ не было чего-то другого... она не была бы въ такомъ состояніи!

Старуха посмотрѣла на нее; затѣмъ, закопавъ своимъ шестомъ два зерна, она проговорила:

— Чего другого?.. Она не вѣритъ этому.

— Полагаю, что вѣритъ!..

— Въ такомъ случаѣ она мнѣ не довѣряетъ. Въ тотъ вечеръ когда хоронили Джулію, я заговорила съ Маріей объ ея родственницѣ и о томъ, что ей приходится выносить въ домѣ. Я говорила не изъ любопытства, вы знаете, я вовсе не любопытна, и ничего злого у меня на умѣ не было. И что мнѣ за дѣло до Вирджиніи и до ея глупостей!.. Я говорила изъ дружбы къ Маріи, чтобы дать ей возможность кому-нибудь высказаться; тяжело не высказываться. И что-же, она разсердилась, какъ фурія!.. Если бы вы только видѣли ее тогда. Еще немного и она назвала бы меня лгуньей.

Кристина подумала минуту и сказала:

— Тогда она, несомнѣнно, еще ничего не знала. Но въ тотъ же самый вечеръ, должно быть, что-нибудь случилось, что открыло ей глаза. Притомъ она такая тихая, покоряется и скрываетъ все въ себѣ. Говорю вамъ она святая, будь я на ея мѣстѣ, посмотрѣли бы!

— И вы были бы правы. Слабаго всегда накроютъ.

— Конечно. Однако овца не станетъ волкомъ. А она настоящая овца. Тоже болѣзнь своего рода. Любитъ своего Сандро и не смѣетъ ему слова сказать. Боится разсердить его и потому молчитъ и переноситъ притѣсненія той.

Нунціата пожала плечами и подумала про себя:

«У нея свои выгоды!»

Помолчавъ немного, Кристина продолжала:

— Обратите вниманіе, когда наступитъ полдень и Вирджинія принесетъ обѣдъ мужчинамъ. Увидите, какое сдѣлается лицо у моей бѣдной сестры, тогда поймете, какъ она страдаетъ.

Жена Сандро продолжала работать съ тѣмъ же видомъ усталости и растерянности, будто лунатикъ, и не задолго до полудня она очутилась на краю поля, близъ насыпи, возвышавшейся надъ канавой окаймленной рядомъ тополевыхъ и ивовыхъ деревьевъ. Вмѣсто того, чтобы повернуть назадъ и продолжать свое дѣло, она поднялась на насыпь, и пошла по тропинкѣ вдоль ряда деревьевъ и вышла къ участку земли, превращенному въ лугъ. Тутъ она остановилась и, держа надъ глазами руку въ видѣ зонтика, пристально всматривалась въ мужчинъ, ворочавшихъ сѣно подъ палящими лучами полуденнаго солнца. Въ тепломъ воздухѣ поднимался запахъ молодой травы, недавно скошенной; она полною грудью вдыхала эти возбуждающія испаренія, а сердце ея сжималось отъ любви и ревности.

Она безпокойно высматривала своего Сандро. Гдѣ онъ?.. Почему она не можетъ его найти? Ни одинъ работникъ не можетъ съ нимъ сравниться; ни у кого изъ нихъ нѣтъ такой ловкой и величественной фигуры, замѣтной даже въ городѣ, когда онъ ѣздилъ туда въ качествѣ господскаго кучера.

Въ Джелѣ пробило двѣнадцать!.. А! онъ пошелъ на встрѣчу Вирджиніи, которая должна была принести обѣдъ мужчинамъ. Онъ никогда не чувствовалъ усталости, чтобы видѣть ее, чтобы быть съ нею; онъ никогда не чувствовалъ пресыщенія въ этой любви!.. Марія вдругъ похолодѣла. Онъ провожалъ ее.

Они медленно шли рядомъ по широкой тропинкѣ, составлявшей границу другого поля по ту сторону канавы въ глубинѣ луга. Сандро взялъ котелокъ изъ рукъ своей родственницы и несъ его, а она блаженно улыбалась.

— О! Проклятая! Проклятая!..

Мужчины сложили вилы и грабли, посмѣиваясь про себя. И этотъ дуракъ Піетро ничего не замѣчаетъ. Вотъ оселъ-то! Въ порывѣ гнѣва

Марія воткнула въ затвердѣлую землю дорожки свой окованный желѣзомъ шестъ. Какой-то шумъ заставилъ ее вздрогнуть. Она опасалась, чтобы ее не увидали другія работницы, осторожно повернулась и, дѣйствительно, увидала ихъ, сидѣвшихъ на межѣ и обѣдающихъ. Всѣ на нее смотрѣли.

— Иди сюда, — закричала ей Кристина, — иди, поѣшь съ нами!

Марія минуту сосредоточилась, провела рукою по глазамъ и покачала головою, но, наконецъ, двинулась съ мѣста, медленно подошла къ женщинамъ и безсильно опустилась подлѣ сестры. Съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ она безсознательно думала о томъ, что только что видѣла и что повторялось ежедневно, и о своей несчастной судьбѣ.

Неужели такъ будетъ всегда?.. Всегда... Но она умретъ отъ горя!.. Вирджинія стала еще спѣсивѣе съ тѣхъ поръ, какъ несчастная Марія узнала объ ея связи; за всякій пустякъ бранила ее и даже дошла до того, что стала ей грозить. Піетро на Марію смотрѣлъ косо, а Сандро даже не говорилъ съ нею. Когда Піетро и его жена осыпали ее бранью, какъ будто за то, что она ничего не дѣлаетъ, хотя она ни минуты не отдыхала, Сандро молчалъ и уходилъ изъ дома. Вирджинія, разряженная, какъ барыня, въ новомъ передникѣ и шелковомъ платкѣ, вѣчно сидѣла у очага или на порогѣ кухни и только приказывала, а бѣдная работница трепетала, когда ей приходилось, износивъ пару деревянныхъ башмаковъ, просить о другой.

Неужели всегда такъ будетъ, всегда... Тутъ не обошлось безъ колдовства... какая-нибудь старуха сглазила ее... Не Мерони ли?.. Или...

Съ этими мыслями, напрасно отыскивая въ своей памяти какой-нибудь фактъ, какія-нибудь данныя, Марія сидѣла будто ошалѣлая, повторяя про себя одни и тѣ же слова. Подлѣ нея говорили о наступающей Пасхѣ, объ исповѣди, о торжественномъ богослуженіи, о домашней чисткѣ и уборкѣ...

— Чего только не наслушается донъ Джорджіо!—вскричала молодая круглолицая дѣвушка, плутовски подмигивая. — Тѣмъ болѣе, что ему первый разъ придется сидѣть за рѣшеткой.

Но старуха Мерони со своимъ обычнымъ лукавствомъ быстро возразила.

— Пустяки! Ничего нѣтъ, что могло бы привести его въ ужасъ! Что вы на это скажете, Кристина?

Кристина весело засмѣялась и сказала:

— Развѣ вы думаете, что онъ придетъ ко мнѣ и станетъ мнѣ разсказывать подобныя вещи?

— Когда онъ начнетъ исповѣдывать? — спросила Моника, бѣдная женщина, изможденная лихорадкой и вѣчно все забывавшая, что касалось церкви.

— Сегодня вечеромъ послѣ вечерни, какъ и всякій годъ, — спокойно отвѣчала Кристина. — Завтра утромъ отъ пяти до девяти онъ

будетъ ждать въ ризницѣ. Затѣмъ будетъ служить обѣдню и причащать. Пріѣдутъ еще два священника изъ Казората, донъ-Бортоло и еще одинъ; мой старикъ ворчалъ сегодня, что ему придется приготовлять комнаты.

— Вашему отцу будетъ довольно работы въ эти дни.

— Да, но онъ не обращаетъ на это вниманія.

— Донъ Джорджіо будетъ исповѣдывать только сегодня вечеромъ и завтра утромъ?—спросила дѣвушка съ пухлыми щеками.

— Онъ будетъ исповѣдывать въ пятницу и субботу всѣхъ желающихъ причащаться въ Свѣтлый праздникъ.

Марія слушала разговоръ, сначала разсѣянно, а потомъ стала внимательнѣе и новая мысль зародилась у нея въ мозгу. Сандро живетъ въ смертномъ грѣхѣ... Какъ онъ поступитъ на Пасху? Пойдетъ ли онъ исповѣдываться, раскается ли?.. О! Дай Богъ!.. А если онъ скроетъ?.. Если онъ совершитъ святотатство... и будетъ осужденъ на вѣчную муку, какъ нераскаянный грѣшникъ?!.

Она содрогнулась при этой мысли и холодный потъ выступилъ у нея на головѣ. Но одно предположеніе вернуло ей надежду. Весьма возможно, что донъ Джорджіо можетъ что-нибудь сдѣлать для нея, и спасти одну душу... нѣтъ двѣ души... потому что при такой жизни и она сдѣлается окаянной грѣшницей... Но если Сандро скроетъ свой грѣхъ, тогда донъ Джорджіо ничего не можетъ сдѣлать! Ничего... Ничего...

Растерявшись въ виду вновь открывшейся передъ нею пропасти, готовой поглотить ее, она покорно склонила голову. Но упорная надежда не сдавалась. Можетъ быть, донъ Джорджіо знаетъ объ этой связи... о ней говорятъ всѣ!.. И зная, онъ спроситъ его, вынудитъ его покаяться. Сандро не осмѣлится отречься... Если бы донъ-Джорджіо захотѣлъ, онъ могъ бы тронуть его сердце... Сандро добръ, религіозенъ... Онъ вернулся бы къ ней и они отправились бы работать далеко, далеко, въ другую страну... переселились бы въ Америку!.. Она на все готова...

А если донъ Джорджіо не знаетъ или въ эту минуту забудетъ и Сандро совершитъ святотатство?!. Она снова поблѣднѣла и содрогнулась.

Нужно предупредить дона Джорджіо. Это единственное средство. Сама она не осмѣлится, но Кристина можетъ это сдѣлать. Кристина умѣетъ говорить и донъ Джорджіо выслушаетъ ее.

Она вдругъ вскочила съ мѣста.

— Пора приниматься за работу! Нужно торопиться... если мы хотимъ кончить во время и идти въ церковь!

Марія подняла брошенный ею шестъ и съ новымъ рвеніемъ отправилась работать, какъ то бывало въ дни ея наибольшей дѣятельности. Удивленныя такимъ неожиданнымъ превращеніемъ, остальныя молча послѣдовали за ней.

Глава IV.

На исповѣди.

Наступилъ Страстной четвергъ. Черное сукно и черный коленкоръ, полинявшіе отъ долгаго употребленія, придавали печальный оттѣнокъ маленькой церковкѣ, обыкновенно полной свѣта, воздуха и деревенскаго веселья. Погода стояла чудесная; кузнечики жужжали, воробушки весело щебетали, сидя на гнѣздахъ подъ церковной кровлей; недавно прилетѣвшія съ дальнихъ береговъ ласточки суетились и, казалось, имѣли многое что сообщить одна другой и подѣлиться многочисленными впечатлѣніями и наблюденіями.

Въ церкви раздавался тихій шопотъ, бормотаніе молитвъ, смѣшанное съ оханіями. Женщины, исповѣдывавшіяся наканунѣ, ждали обѣдни. Кое-кто изъ духовенства въ боковомъ придѣлѣ убиралъ гробъ Господень. Другіе одѣвались въ ризницѣ и вмѣстѣ съ двумя священниками, прибывшими изъ сосѣдняго городка, чтобы помогать донъ Джорджіо и заработать малую толику, приготовляли все нужное для предстоящаго богослуженія.

Въ самомъ отдаленномъ уголкѣ донъ Джорджіо, въ бѣломъ стихарѣ и вышитой епитрахили, надѣтыхъ на черный длинный кафтанъ, кончалъ исповѣдывать мужчинъ. Два битыхъ часа находился онъ, почти не шевелясь, въ этой плохо освѣщенной комнаткѣ, въ этомъ тяжеломъ воздухѣ, испорченномъ дыханіемъ множества людей и гарью свѣчей. Непреодолимая тоска ослабила его нервы, и молодое лицо, еще свѣжее, съ правильными чертами, казалось утомленнымъ и печальнымъ. Красныя пятна выступили подъ его маленькими, сѣрыми, глубоко сидящими глазами и вокругъ полныхъ, чувственныхъ губъ. Нѣсколько преждевременныхъ морщинъ покрывали его бѣлый лобъ. При движеніяхъ головы его тонзура свѣтилась между густыми черными волосами, будто кругъ изъ слоновой кости.

По временамъ, послѣ долгаго слушанія, при чемъ онъ едва произносилъ слово, донъ Джорджіо, казалось, вдругъ оживлялся и начиналъ говорить ласково и снисходительно, склонясь къ кающемуся грѣшнику, колѣнопреклоненному у его ногъ. Онъ говорилъ горячо и просто, сообразуясь съ развитіемъ слушателей, и дѣйствуя подъ вліяніемъ глубокой жалости. Говорилъ ли онъ съ каѳедры или во время исповѣди, въ его словахъ всегда заключалось утѣшеніе, рѣдко упрекъ. Но онъ чувствовалъ безполезность своей горячности и смертельная слабость, недовѣріе, сомнѣніе въ самомъ себѣ овладѣвало всѣмъ его существомъ, несмотря на всю силу воли.

Донъ Джорджіо родился въ деревнѣ, былъ молодъ, физически силенъ, отличался цвѣтущимъ здоровьемъ, и особенно страдалъ отъ физической бездѣятельности. Онъ бывалъ счастливъ, когда могъ рабо-

тать мотыкой и лопатой въ церковномъ огородѣ, или когда обязанности его сана заставляли его въ суровую зиму или въ жаркое лѣто переѣзжать изъ одной мызы въ другую, изъ одного мѣстечка въ другое. Душный воздухъ церкви, пропитанный ладономъ и человѣческими испареніями, разслаблялъ его. У него являлась непонятная вялость, смѣнявшаяся внезапнымъ возбужденіемъ. Мало по малу ему казалось, что кровь останавливается у него въ жилахъ, и его силы, его жизнь уходятъ прочь, а спустя минуту кровь неслась быстрымъ потокомъ и грозила прорваться наружу.

Никто лучше этого священника не былъ способенъ понимать недостатки и нужды поселянъ; но въ то же время никто не былъ убѣжденъ больше его, что исправлять ихъ и дѣлать ихъ лучшими, значитъ только терять время и трудъ.

— Слишкомъ большая бѣдность!—обыкновенно говорилъ онъ, пожимая широкими плечами.—И слишкомъ много упорнаго, застарѣлаго невѣжества!

Всю свою жизнь онъ дѣлалъ все, что могъ дѣлать, потому что жалость была велика въ его сердцѣ. Крестьяне, хотя не понимали его, но любили, и открывъ въ немъ нѣкоторыя слабости, относились къ нимъ такъ же снисходительно, какъ и онъ къ ихъ слабостямъ.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ, почти съ первой недѣли назначенія его на должность въ этотъ приходъ, большою слабостью дона Джорджіо Кастеллани была Кристина Скарамелли, та красивая дѣвушка, пылкая и искренняя, способная чувствовать и понимать гораздо тоньше окружавшихъ ее людей. Изъ расположенія къ ней, онъ взялъ къ себѣ на службу ея отца, стараго Марко, большого лѣнтяя, способнаго скорѣе опорожнить винный погребъ, чѣмъ присмотрѣть за домомъ и огородомъ. Но Кристина по временамъ приходила и помогала пьяному старику, и молодой куратъ имѣлъ удовольствіе съ ней видѣться. Но ни однимъ словомъ онъ не выдалъ своей страсти. На его устахъ лежала мистическая печать. Изрѣдка глаза говорили смѣло, бросая пылкіе влюбленные взгляды.

Кристина понимала языкъ этихъ взглядовъ, потому что и она была увлечена непреодолимой силой. Однако, если кто-нибудь позволялъ себѣ черезчуръ... деревенскую шутку, черезчуръ вольный намекъ, она выходила изъ себя и страшно сердилась.

— Донъ Джорджіо?.. Возможно ли!.. Онъ святой!..

А если слова не дѣйствовали, здоровыя рабочія руки поднимались, чтобы самымъ энергическимъ образомъ доказать истину ея словъ.

На часахъ старой колокольни пробило уже восемь, а донъ Джорджіо еще не кончилъ исповѣдывать мужчинъ. Три битыхъ часа! Какъ ему самому хотѣлось, чтобы это скорѣе кончилось! Онъ механически пересчитывалъ ожидавшихъ. Была минута, когда, выслушавъ одного, на мѣсто котораго опустился на колѣни другой и обычнымъ грубымъ

голосомъ, сталъ разсказывать свои старые грѣхи, старыя ошибки, донъ Джорджіо почувствовалъ, что теряетъ силы и что тоска его усиливается. Онъ дѣлался разсѣяннымъ. Поднявъ глаза, онъ вглядывался сквозь дверь ризницы въ церковь и между колѣнопреклоненными женщинами искалъ Кристину, печально вспоминая то, что она наканунѣ сказала ему на исповѣди.

О! Въ какое опасное положеніе она его поставила!

— Я люблю человѣка,—говорилъ дрожащій и полный слезъ голосъ дѣвушки, горячее дыханіе которой онъ чувствовалъ сквозь рѣшетку,— я люблю человѣка, который не можетъ на мнѣ жениться... Я люблю его такъ сильно, что вѣнчаться съ нимъ не имѣетъ для меня никакого значенія... Это великій грѣхъ, я знаю... и онъ никогда не захочетъ... онъ святой... И потому... я не въ силахъ больше страдать... Я рѣшила уѣхать отсюда... въ Америку...

Она задыхалась, голосъ ея прерывался отъ стыда и горя, но она говорила, потому что хотѣла высказаться. Боже мой! Боже мой! Какое мученіе, что онъ не могъ обхватить ее руками и цѣловать ее, пока она говорила!..

У него хватило мужества сказать ей, что она сдѣлаетъ хорошо, если уѣдетъ, что Господь вознаградитъ ее и возвратитъ миръ ея душѣ!.. По его членамъ вдругъ пробѣжалъ и жаръ, и холодъ. Никогда еще ему не приходилось такъ страдать... Всю ночь онъ не сомкнулъ глазъ; онъ выносилъ неимовѣрныя муки... И въ настоящую минуту онъ чувствовалъ, будто всѣ его кости переломаны; во рту была какая-то ядовитая горечь; мозгъ застылъ.

Не милосердно насылать такія мученія!.. Зачѣмъ Господь наградилъ его такимъ темпераментомъ?.. Нѣтъ, все зло заключается вотъ въ этой одеждѣ! Онъ не Богъ и не святой. Но вѣдь дѣло идетъ о бѣдной дѣвушкѣ, которая потеряетъ свою репутацію... Внезапно другая мысль возникла въ его смущенной душѣ, — весьма возможно, что ея репутація погибла уже, вслѣдствіе того, что онъ привлекалъ эту дѣвушку къ себѣ въ домъ, не спускалъ съ нея глазъ... Крестьяне подмѣтили его страсть... въ этомъ онъ не сомнѣвался... не могли предполагать... но!..

Онъ продолжалъ искать Кристину и отпускать грѣхи кающимся. Онъ отпустилъ всѣмъ, частью изъ чувства братской жалости, частью по разсѣянности.

Но гдѣ же Кристина? Неужели она не пришла къ причастію?.. Онъ сказалъ ей, если она будетъ продолжать думать о своей любви, и не будетъ спать ночь, она не можетъ идти къ причастію... Зачѣмъ ему было говорить ей такія вещи, когда онъ самъ не переставалъ думать о своей любви и грезилъ съ открытыми глазами?.. Да, зачѣмъ?.. Въ надеждѣ, въ которой онъ не смѣлъ самому себѣ сознаться, что

сегодня утромъ она еще разъ придетъ исповѣдываться и скажетъ ему, что она плакала, грезила, бредила... какъ и онъ самъ!..

— Mea culpa .. mea culpa...—говорилъ хриплый голосъ новаго кающагося, стоявшаго на колѣняхъ у его ногъ.

Это былъ человѣкъ маленькаго роста, съ трясущимися ногами, загорѣлымъ лицомъ, съ потухшими глазами,—Марко Скарамелли, отецъ Маріи и Кристины. Донъ Джорджіо зналъ его грѣхи отъ перваго до послѣдняго.

— Еще вчера вечеромъ, да, батюшка, да, господинъ куратъ... еще вчера вечеромъ!.. Я не могъ удержаться... Не могъ...

— И пилъ водку?..

— Да... Я вошелъ въ табачную... Меня угостили...

— Слѣдовало бы вамъ, по крайней мѣрѣ, довольствоваться виномъ изъ моего погреба, чѣмъ пить потихоньку въ другихъ мѣстахъ.

— О!.. Господинъ куратъ, я думалъ...

— Не забывайте, что вы исповѣдуетесь... по крайней мѣрѣ, не грѣшите еще.

И духовникъ принялся увѣщевать этого несчастнаго, частью рѣзко, частью добромъ, вполнѣ убѣжденный, что ничего не добьется, и что тотъ по прежнему будетъ опьянять себя тѣми алкогольными ядами, которыми кабатчики угощаютъ бѣдный народъ. Не то ли же дѣлаетъ онъ самъ?.. Развѣ онъ не опьяняетъ себя ежедневно своею страстью?.. Развѣ онъ не опьянялъ себя съ юности, бросая страстные взгляды на всѣхъ женщинъ?.. А теперь, когда онъ желаетъ обладать только одной, стало еще хуже!.. Онъ безвозвратно опустился... его душа будетъ осуждена на вѣчныя мученія... все его существованіе разрушено.

Морозъ вдругъ пробѣжалъ у него по кожѣ; всѣ его мысли сосредоточились на одномъ предметѣ, онъ забылъ пьяницу и печальныя размышленія, вызванныя имъ, потому что замѣтилъ Кристину. Она стояла на колѣняхъ подлѣ гробницы Господней, закрывъ лицо руками, склонивъ голову; она казалась въ большомъ горѣ. Можетъ быть, плакала.

Донъ Джорджіо поспѣшилъ покончить со старикомъ Скарамелли, отпустивъ ему грѣхи черезчуръ снисходительно, можетъ быть потому, что самъ чувствовалъ себя виноватымъ.

Подлѣ Кристины на колѣняхъ стояла жена Сандро и усердно молилась.

— А!—подумалъ куратъ,—нужно еще заняться этой!.. Кристина просила о ней,—и онъ поискалъ глазами Сандро Рамполди, стоявшаго между послѣдними кающимися.

Еще одно любовное преступленіе,—кровосмѣсительное прелюбодѣяніе! Къ сожалѣнію, весьма частое среди крестьянъ.

Донъ Джорджіо слѣдилъ за влюбленными, пока какой-то полуидіотъ,

занявшій мѣсто Марко, въ длинномъ разсказѣ повѣствовалъ ему о своихъ грѣхахъ, и составилъ о нихъ вѣрное понятіе. Сандро всегда ему казался хорошимъ человѣкомъ.

Нельзя было думать, чтобы онъ подчинялся чувственной страсти... Но за то Вирджинія показалась дону Джорджіо хитрой особой, встрѣчи съ которой нужно было остерегаться. Никакое нравственное средство не могло имѣть вліянія на этотъ характеръ, изнѣженный, коварный, изворотливый. Не она была жертвой, наоборотъ, она соблазнила Сандро и довела его до измѣны брату; вѣроятно, едва выйдя замужъ, она дѣйствительно не чувствовала страстной привязанности, и съ открытыми глазами, имѣя лишь въ виду цѣль, повелѣвать двумя мужчинами, а не однимъ, отдалась ему; благодаря этому весь заработокъ обоихъ оставался въ ея рукахъ и она могла удовлетворять своимъ главнымъ порокамъ крестьянки: скряжничеству и обжорству. Это была эгоистическая натура, только и думавшая о томъ, какъ бы воспользоваться всѣми удобствами жизни, даже насчетъ близкихъ и окружавшихъ ее, не прибѣгая для этого къ насилію, а при помощи ласки, кокетства, притворства. Только силой можно было ее заставить отступиться. Необходимо усмирить ее. Но какъ?.. Предупредить Піетро? Онъ, какъ бѣшеный быкъ, растопчетъ ее!.. Но она, пожалуй, сумѣетъ успокоить его, притворится невинной, даже обвинитъ своего соумышленника, чтобы спасти себя. И тогда пострадаетъ одинъ Сандро, и Марія выплачетъ свои глаза. Нужно придумать что-нибудь другое. Разсказать Сандро объ его бѣдной женѣ, растрогать его сердце. У него характеръ податливый, но подлѣ Вирджиніи онъ снова впадетъ въ прежній грѣхъ, слѣдовательно, его необходимо удалить отъ нея.

Въ сущности, радуясь этой новой заботѣ, отвлекшей его хоть на время отъ своихъ собственныхъ страданій, донъ Джорджіо окинулъ взглядомъ крестьянъ, ожидавшихъ своей очереди. Ихъ оставалось всего двое, юноша, ухаживавшій за всѣми дѣвушками околодка, и Сандро Рамполди.

Сандро стремился остаться послѣднимъ,—признакъ боязливой нерѣшительности. На его красивомъ загорѣломъ лицѣ, со строгими и правильными чертами, виднѣлось смутное безпокойство, указывавшее на сильную внутреннюю борьбу.

Этихъ поверхностныхъ наблюденій было достаточно для духовника, чтобы догадаться, что не будь вліянія привычки, опасенія скандала, этотъ человѣкъ, всегда такой религіозный, ни за что бы не вошелъ въ церковь, а скорѣе бы бѣжалъ отъ нея.

Конюхъ изъ Валь-Мишіа подошелъ серьезно, выдаваясь своей осанкой бывшаго солдата, и опустился на колѣни у ногъ священника, не будучи, однако, въ силахъ скрыть легкую дрожь всѣхъ членовъ.

Онъ далъ Вирджиніи клятву ничего не говорить. Какому-нибудь другому духовнику, какому-нибудь старому добряку, который бы только

слегка поругалъ его, онъ не побоялся бы разсказать все. Съ донъ Джорджіо другое дѣло. Кто знаетъ, какое наказаніе могъ бы наложить на него этотъ покровитель Скарамелли.

— Что касается до меня,—сказала Вирджинія,—я никогда въ этомъ не каялась на исповѣди и никогда не буду... Не доставало бы!..

Но въ ту минуту, какъ несчастный собирался совершить такое неслыханное для него дѣло, какъ святотатство, его душа возмутилась и передъ нимъ возстали всѣ его вѣрованія, религіозныя и суевѣрныя. И когда донъ Джорджіо сталъ ему строго выговаривать, что онъ дурной мужъ, что онъ довелъ свою жену до того, что изъ статной женщины, какою она была, она обратилась въ такую блѣдную и худую, и далъ ему понять, что если Марія умретъ, онъ будетъ виновнымъ въ ея смерти, что грѣхъ будетъ на его душѣ, Сандро не могъ больше выдержать. Онъ забылъ обѣщаніе, данное Вирджиніи, и волнуясь, дрожа, подавленный страшною тоскою, сознался во всемъ, почти радуясь возможности снять эту тяжесть со своей совѣсти, охваченный новымъ неожиданнымъ желаніемъ, чтобы священникъ помогъ ему выйти изъ этого тяжелаго положенія, между женой, которая изнывала отъ ревности, любовницей, которая владѣла имъ посредствомъ своего кошачьяго сладострастія, и братомъ, который не сегодня, такъ завтра могъ открыть все.

Тѣмъ временемъ Марія и Кристина изъ глубины церкви не сводили безпокойнаго взгляда съ ризницы. Онѣ могли видѣть только спинку кресла, на которомъ сидѣлъ куратъ, и изрѣдка, благодаря случайнымъ движеніямъ, часть его лица. И только послѣ того, когда всѣ мужчины, кромѣ Сандро, вышли, онѣ угадали, что онъ исповѣдывался послѣднимъ. Сердце Маріи забилось, какъ будто хотѣло выскочить.

На сосѣдней скамьѣ сидѣла Вирджинія и казалось была погружена въ усердную молитву. Скромное лицо, съ нѣжными чертами, спокойнымъ выраженіемъ, яснымъ взглядомъ, сразу свидѣтельствовало о спокойной совѣсти, о душѣ, на которой не можетъ быть грѣховъ. Обѣ сестры изрѣдка поглядывали на нее съ какимъ-то ужасомъ, сраженныя такимъ лицемѣріемъ. Она тоже исподтишка поглядывала на нихъ и сквозь гармоническую нѣжность бѣлаго лица Мадонны на одно мгновеніе сверкала ненависть, а ясные глаза омрачались тайнымъ страхомъ.

Сандро все еще исповѣдывался. Клирики уже кончали убирать гробъ Господень; и все уже было готово для аллегорическаго положенія тѣла Спасителя во гробъ; свѣчи были зажжены; цвѣты лежали въ красивомъ порядкѣ. Уже заблаговѣстили къ торжественной обѣднѣ. Священники уже облачились; кадила были наполнены ладономъ, главный алтарь тоже убранъ, а донъ Джорджіо все продолжалъ исповѣдывать Сандро.

Какъ бились сердца обѣихъ соперницъ, сколько въ нихъ было на-

дежды, страху, ненависти. Марія молилась порывисто; она надѣялась и надежда приподнимала ея настроеніе. Вирджинія блѣднѣла все болѣе и болѣе и не спускала со своей невѣстки сверкающихъ глазъ. Слѣдовательно она хочетъ добиться своего, хочетъ? Эти ехидны, отродье этого Скарамелли, сговорились съ попомъ, чтобы отнять у нея любовника, чтобы затоптать ее!.. И этотъ трусъ Сандро навѣрно во всемъ покаялся!..

Наконецъ донъ Джорджіо поднялъ руку, благословилъ и отправилъ съ миромъ и этого послѣдняго кающагося. Побѣда была полная,— Сандро обѣщалъ все, но донъ Джорджіо зналъ очень хорошо, что если онъ не заставитъ его какъ можно скорѣе раздѣлиться съ братомъ, всѣ его прекрасныя обѣщанія разлетятся по воздуху, и потому онъ только вполовину радовался. Наконецъ онъ могъ встать съ этого кресла; снявъ стихарь и епитрахаль, онъ надѣлъ пышное бѣлое облаченіе употребляемое при торжественныхъ богослуженіяхъ.

Органистъ, утомленный ожиданіемъ, заигралъ обычный молитвенный мотивъ, неимовѣрно прибѣгая къ помощи педалей, и звуки стараго разбитаго инструмента наполнили церковь. Началась обѣдня.

Кристина увидала донъ Джорджіо, окруженнаго облаками душистаго дыма, сердце ея забилось и она не могла оторвать глазъ отъ чудеснаго явленія. Наступило нѣсколько свѣтлыхъ, упоительныхъ минутъ ея любви. Рядомъ сильныхъ впечатлѣній, въ которыхъ трудно было разобраться, она соединяла въ одномъ высшемъ восторгѣ волненіе влюбленной женщины и экстазъ безсознательно мистической души,—нѣжность и глубокое уваженіе; желаніе и восхищеніе; любимаго человѣка и человѣка-бога.

Наконецъ и Сандро Рамполди вышелъ изъ ризницы, какъ всегда держась прямо и спокойно, и обѣ женщины, такъ страстно его ожидавшія, со страхомъ смотрѣли на него. Но онъ взглянулъ только на жену и улыбнулся ей. Вирджинія видѣла это, поняла и стиснула зубы, чтобы не закричать. Затѣмъ, нѣсколько справившись съ собою, она взглянула на свою невѣстку и въ ея сверкавшихъ глазахъ можно было ясно прочесть:

— Не радуйтесь! Я отомщу!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Измѣненія идеала образованія въ связи съ измѣненіями соціальнаго строя.

(Рѣчь, произнесенная профессоромъ Берлинскаго университета Ф. Паульсеномъ на засѣданіи 10-го евангелическо-соціальнаго конгресса въ Килѣ).

Предметомъ настоящей бесѣды служитъ вопросъ, который я формулирую такъ: «Измѣненія идеала образованія въ связи съ измѣненіями въ общественномъ строѣ».

Я попрошу слушателей прежде всего бросить бѣглый взглядъ на исторію образованія въ Германіи. Затѣмъ мы попытаемся уяснить себѣ главныя характерныя черты настоящаго времени въ его образовательныхъ стремленіяхъ и такимъ образомъ подойдемъ къ тому, что̀ всего интереснѣе для насъ—къ обоснованному предположенію относительно дальнѣйшаго хода развитія образованія среди нашего народа, о будущемъ, которое ставитъ задачи и настоящему.

Начнемъ съ двухъ общихъ положеній, представляющихся всякому, кто обозрѣваетъ историческія судьбы образованія. Первое: идеалъ образованія въ каждую данную эпоху создается не отдѣльными лицами, не теоретиками или практиками педагогіи — они имѣютъ свою долю вліянія, но въ сущности идеалъ образованія каждой эпохи выростаетъ самъ собою на почвѣ жизни и чувствъ этого времени. Можно выразить это такъ: народъ, какъ цѣлое, самъ создаетъ себѣ образъ собственнаго совершенства. Въ своемъ идеалѣ воспитанія онъ объективируетъ этотъ образъ своего совершенства, чтобы сдѣлать его для себя ясно видимымъ. Второе положеніе, само собою напрашивающееся тому, кто занимается исторіей образованія, я формулирую такъ: образовательный идеалъ даннаго времени всегда отражаетъ въ себѣ черты господствующаго общественнаго класса. Правящій классъ воспитываетъ народъ, образовываетъ массу по своему подобію, по своему идеалу. И этому образовательному вліянію сверху идетъ навстрѣчу снизу добровольное стремленіе массы стать причастной культурѣ правящаго класса. Глядя на дѣло не съ возвышенной его стороны, его можно представить такъ: всѣ хотятъ перенять образованіе, которымъ обладаетъ знать, всѣ хотятъ подняться въ правящій классъ, усвоивъ себѣ его образованіе. Такъ встрѣчаются теченіе, идущее сверху, желаніе образовать

народъ по своему идеалу, и теченіе, идущее снизу, жажда массы принимать участіе въ высшихъ вопросахъ народной жизни.

Намѣтивъ эти двѣ руководящія точки зрѣнія для нашего обзора, очертимъ теперь общій ходъ интересующаго насъ развитія двумя, тремя крупными штрихами. Три различные идеала образованія послѣдовательно царили у нашего народа. Мы опредѣлимъ ихъ такъ: 1) *клерикальный* идеалъ образованія или, иначе выражаясь, *церковно-латинскій*; затѣмъ 2) *придворный* идеалъ образованія, иначе выражаясь, *ново-французскій*. Наконецъ, 3) въ XIX столѣтіи этотъ идеалъ смѣняется новымъ, *буржуазнымъ*; по его содержанію мы можемъ назвать его *гуманистически-эллинистическимъ*. При этомъ само собою разумѣется, что эти типы человѣческаго образованія вовсе не являются безусловно несовмѣстимыми. Напротивъ, при непрерывности хода историческаго развитія, основныя черты отживающаго свой вѣкъ идеала обычно привходятъ въ являющійся ему на смѣну новый. Итакъ, подъ указанными названіями мы будемъ разумѣть только преобладающія въ каждую эпоху тенденціи. Можно выразить это и такъ: идеалъ образованія нѣмецкаго народа находился поочередно въ зависимости отъ идеала образованія перваго сословія, духовенства, потомъ второго сословія, дворянства, и, наконецъ, отъ идеала третьяго сословія, буржуазіи.

Я дамъ краткую характеристику отдѣльныхъ фазисовъ этого развитія. Возьмемъ сперва клерикальный, церковно-латинскій идеалъ. Онъ господствуетъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ и до XVII столѣтія, находясь въ связи со всѣмъ укладомъ тогдашней жизни нашего народа. Какъ извѣстно, въ средніе вѣка первымъ, руководящимъ сословіемъ является несомнѣнно духовенство. Оно воспитываетъ народъ соотвѣтственно своему идеалу образованія. Церковь была великой воспитательницей нѣмецкаго народа, какъ и всѣхъ западныхъ народовъ. Все умственное образованіе въ средніе вѣка носитъ церковный характеръ: наука служитъ церкви, господствующей наукой является богословіе. Латинскій языкъ, языкъ церкви, служитъ языкомъ общественной жизни. Церковь это великая, универсальная, всеобъемлющая форма, въ которую заключается вся жизнь. Само собою разумѣется, въ подобную эпоху весь строй образованія носитъ церковную печать. Предметы преподаванія всѣ церковные. Въ средніе вѣка даже начатки образованія, то, что̀ теперь мы называемъ элементарной грамотностью, чтеніе и письмо, считаются церковными искусствами: artes clericales, такъ ихъ тогда именуютъ. Соотвѣтственно этому и въ области нравственности нормою служитъ vita religiosa, совершеннѣйшую форму которой представляетъ монашеская жизнь. Это всѣми признанный идеалъ, предъ которымъ преклоняются всѣ, хотя и не всѣ по нему живутъ, какъ то всегда бываетъ. Идеалъ есть нѣчто такое, что̀ стоитъ выше насъ, и никогда не проводится въ жизнь сполна.

Впрочемъ, наряду съ этимъ уже и въ средніе вѣка обнаруживаются

первые зачатки свѣтскаго идеала образованія. Напомню о рыцарскомъ образованіи, какъ образованіи новаго владѣтельнаго сословія, возникшаго во второй половинѣ XII вѣка. Напомню объ университетахъ, которые съ XII вѣка распространяются по всей Европѣ и по крайней мѣрѣ прокладываютъ пути свѣтской наукѣ, если еще и не представляютъ ея: сами они носятъ тогда глубоко-церковный характеръ. Напомню объ эпохѣ Возрожденія, когда передъ нами впервые появляется чисто свѣтскій идеалъ образованія, навѣянный изученіемъ античной древности. Напомню о реформаціи съ ея двойственнымъ отношеніемъ и къ католицизму, и къ гуманизму. Съ одной стороны, реформаторы уничтожаютъ противоположность между мірской и религіозной жизнью, нѣкоторымъ образомъ секуляризуя всю нашу жизнь. Съ другой стороны, особенно въ началѣ, реформація возстаетъ и противъ Возрожденія, противъ попытки воскресить язычески-классическій идеалъ образованія, которымъ увлекались тогда высшіе слои общества. Левъ X является представителемъ высшаго и утонченнѣйшаго свѣтскаго образованія своего времени; Лютеръ—человѣкомъ изъ народа, полагавшимъ главную свою цѣль въ томъ, чтобы въ корень обновить религіозную жизнь общества, а вовсе не въ томъ, чтобы сдѣлать жизнь и образованіе свѣтскими. Что реформація и Возрожденіе являются движеніями совершенно различнаго характера—это мы можемъ видѣть и по тому дѣйствію, какое реформація оказала на строй учебно-воспитательнаго дѣла въ Германіи. Конецъ XVI вѣка является торжествомъ не Возрожденія—отъ него уцѣлѣла лишь формальная сторона, лишь латинскій и греческій языки, но новой религіозной жизни, которая распространяетъ свое владычество и на школу. Главнымъ предметомъ преподаванія во всѣхъ школахъ становится теперь Законъ Божій—явленіе, совершенно чуждое среднимъ вѣкамъ. Итакъ, мы можемъ сказать: направленіе образованія, заимствующее свой характеръ отъ церковной, отъ религіозной жизни, оставалось господствующимъ до глубины XVII вѣка.

Затѣмъ наступаетъ перемѣна: второй идеалъ образованія, придворный, проникаетъ къ намъ съ Запада. Это находится въ ясной связи съ глубокими измѣненіями въ общественной жизни, начавшимися въ XVII вѣкѣ. Государство выступаетъ на первое мѣсто, оно оттѣсняетъ церковь на второй планъ. Государство становится теперь такимъ же универсальнымъ, всеобъемлющимъ учрежденіемъ, какимъ раньше была церковь. Церкви предоставляется отнынѣ лишь узкая сравнительно область проповѣди и духовныхъ попеченій—по крайней мѣрѣ, въ протестантскихъ странахъ. Съ этими перемѣнами связана перемѣна въ соціальныхъ отношеніяхъ. Придворная знать дѣлается въ XVII вѣкѣ господствующимъ сословіемъ, чего еще не было въ XVI вѣкѣ: тогда руководящимъ классомъ являлась буржуазія, или, по крайней мѣрѣ, она занимала вполнѣ самостоятельное положеніе на ряду съ дворянствомъ. Съ XVII вѣка дворянство пріобрѣтаетъ значеніе аристократіи:

оно образуетъ теперь общество, откуда горожане уже исключаются. Вмѣстѣ съ тѣмъ и умственное образованіе теперь подвергается глубокому вліянію этого соціальнаго переворота, или, иначе сказать, глубоко отражаетъ въ себѣ этотъ соціальный переворотъ. Возьмемъ науки. Господствующей дисциплиной въ средніе вѣка было богословіе. Теперь оно отступаетъ на задній планъ передъ новыми науками, науками свѣтскими, математикой и естествознаніемъ. Онѣ становятся съ XVII вѣка руководящими науками, философія изъ нихъ почерпаетъ свои важнѣйшія идеи. Все мірозданіе разсматривается теперь подъ угломъ зрѣнія новой космологіи. И если мы заглянемъ въ сферу искусства и литературы, то встрѣтимъ и здѣсь такую же секуляризацію умственной жизни, какъ и въ наукѣ. Вспомните о живописи и о ваяніи. Въ XVII вѣкѣ въ нихъ начинаютъ преобладать свѣтскіе сюжеты. Въ средніе вѣка искусство занималось почти исключительно высокими религіозными предметами. Въ XVII вѣкѣ мѣсто изображенія святыхъ заступаютъ изображенія коронованныхъ особъ и другихъ знатныхъ персонъ, мѣсто изображенія Страстей Христовыхъ изображеніе охотничьихъ сценъ и морскихъ баталій. Школьный строй также начинаетъ секуляризоваться. XVII вѣкъ создалъ новый видъ школы—такъ называемыя рыцарскія академіи. Въ нихъ мы встрѣчаемъ благородное юношество, которое получаетъ здѣсь образованіе, соотвѣтствующее своему общественному положенію. Если мы ближе разсмотримъ это образованіе, то передъ нами обрисовывается обликъ новаго дворянскаго класса. Что касается предметовъ преподаванія, то здѣсь на первомъ планѣ стоятъ точныя науки, математика и естествовѣдѣніе, съ ихъ примѣненіями въ техникѣ. Латинскій языкъ, сравнительно съ новыми языками, теряетъ тамъ всякое значеніе; необходимою принадлежностью образованія дѣлается французскій языкъ, многіе учатся также и итальянскому. Къ этому присоединяются искусства, дающія право быть принятымъ въ высшій свѣтъ въ качествѣ образованнаго человѣка. Въ рыцарскихъ академіяхъ преподаются танцы, фехтованіе, вольтижированье, придворные обычаи и манеры и, наконецъ, conduite, то-есть, умѣнье вести себя въ жизни, какъ принято при дворахъ. Эта эпоха создала и новый терминъ для того образовательнаго идеала, которому служили новыя учебныя заведенія. Вполнѣ образованный человѣкъ—это galant homme, безупречный кавалеръ, который по своему обхожденію, привычкамъ, знаніямъ и навыкамъ является приспособленнымъ къ службѣ при дворѣ государей и прочихъ владѣтельныхъ особъ, къ занятію гражданскихъ и военныхъ должностей въ современномъ ему государствѣ.

Такое образованіе высшаго общества даетъ тонъ въ XVIII вѣкѣ. Подъ этимъ вліяніемъ и университеты испытали существенныя измѣненія. Вновь возникшіе въ XVIII столѣтіи университеты—въ Геттингенѣ и въ Галле—являются великосвѣтскими заведеніями. Они воспи-

тываютъ свѣтскихъ людей, юридическій факультетъ стоитъ на первомъ мѣстѣ, студентъ разыгрываетъ изъ себя кавалера: въ средневѣковыхъ университетахъ онъ ходилъ, какъ священникъ, въ длинномъ таларѣ; теперь, напротивъ, онъ является въ кафтанѣ съ галунами, со шпагою на боку. «Латинская» школа тоже мало-по-малу преобразуется подъ такимъ вліяніемъ. Съ начала XVIII вѣка въ гимназіи начинаютъ проникать новые предметы преподаванія. Ранѣе тамъ преподавалась исключительно латынь, теперь вводятся оба новые образовательные предмета—французскій языкъ и математика.

Новый переворотъ происходитъ на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ. Буржуазный идеалъ образованія начинаетъ заступать мѣсто придворно-дворянскаго. И это опять-таки стоитъ въ связи съ переворотомъ въ общественной и политической жизни. Буржуазія, съ которой въ XVII и въ XVIII вѣкахъ совсѣмъ было перестали считаться, теперь громко о себѣ заявляетъ, прежде всего въ мірѣ духовныхъ интересовъ, въ литературѣ: этотъ переворотъ отмѣченъ именами Гёте, Шиллера, Клопштока и Лессинга. Люди, вышедшіе изъ среды буржуазіи и глубоко проникнутые ея идеями, создаютъ теперь новую нѣмецкую литературу, въ противоположность старой, придворно-французской. Въ XVIII вѣкѣ ихъ имена сіяютъ яркимъ блескомъ. А въ связи съ этимъ переворотомъ въ умственномъ мірѣ или, если угодно, параллельно съ нимъ, идетъ и переворотъ въ общественной и политической жизни. Я могу здѣсь только намекнуть на него. Города, разоренные великой войной, снова возвышаются, городская промышленность снова расцвѣтаетъ, городское сословіе богатѣетъ и въ XIX вѣкѣ пріобрѣтаетъ мало-по-малу политическое вліяніе. Къ половинѣ столѣтія оно достигло того, что сдѣлалось преобладающимъ факторомъ и въ политической жизни. Этотъ переворотъ въ Германіи находится въ тѣсной связи съ аналогичными событіями въ Англіи и Франціи. Въ Англіи развитіе дворянства не дошло до обособленія его отъ остальнаго населенія. Англія и англійская литература оказали свое вліяніе одновременно съ литературой, которая въ періодъ «бурныхъ стремленій» подчинила себѣ умственную жизнь въ Германіи. Шекспиръ явился прообразомъ всей новой литературы. Затѣмъ надо напомнить о французской революціи съ ея тенденціей сдѣлать буржуазію руководящимъ факторомъ общественной жизни.

Этому соотвѣтствуетъ и новое измѣненіе образовательнаго идеала. Въ XIX вѣкѣ господствуетъ буржуазный идеалъ образованія, опредѣляемый терминомъ *гуманитарное образованіе*. Выраженіе это создано *Гердеромъ*. Оно означаетъ развитіе всѣхъ внутреннихъ силъ человѣка, доводящее человѣческій образъ до полной гармоніи и красоты. Смыслъ этого выраженія станетъ для насъ яснѣе, если мы опредѣлимъ его путемъ двухъ противоположеній — противопоставивъ его, съ одной стороны, идеалу образованія, господствовавшему въ придворномъ обществѣ, идеалу galant homme, а съ другой—старому церковному идеалу

образованія, который все еще заявлялъ о себѣ въ піетизмѣ XVIII вѣка. Учебныя заведенія въ XIX вѣкѣ находятся безусловно подъ вліяніемъ этого новаго направленія. Мы можемъ утверждать это относительно всѣхъ типовъ школы. Школой, которая ставитъ себѣ прямою задачею осуществленіе именно этого гуманистически-эллинистическаго идеала образованія, является гимназія. Въ ея основу положенъ такой принципъ: въ Греціи воплотилась идея человѣка, и по этому образцу гимназія стремится теперь образовывать своихъ воспитанниковъ, развивая въ нихъ всѣ умственныя и нравственныя силы, а прежде всего тѣ эстетическіе задатки, которые заложены въ человѣческой природѣ. Народная школа, подъ вліяніемъ Песталоцци, тоже вступаетъ на схожій путь: она также ставитъ себѣ задачею полное развитіе всѣхъ природныхъ силъ и способностей человѣка съ цѣлью придать его существу совершенство и законченность формы. Идеалъ этотъ и здѣсь опредѣляется по контрасту съ двумя предшествовавшими идеалами. Въ XVII и въ XVIII вѣкахъ народнымъ училищамъ ставится такая задача: образовывать дѣльныхъ членовъ государства и хорошихъ подданныхъ. Ради этого государство и принимаетъ участіе въ школьномъ дѣлѣ. А на ряду съ этимъ остается въ силѣ и старое требованіе—образовывать вѣрныхъ членовъ церкви. Теперь народная школа ставитъ себѣ задачею образовывать человѣка ради него самого, гармонически развивать въ немъ всѣ стороны человѣческаго существа, всѣ данныя человѣку тѣлесныя, умственныя и нравственныя силы. Въ университетахъ новая буржуазная струя выразилась въ извѣстномъ «движеніи буршей», поднятомъ въ началѣ XIX вѣка студенческими союзами демократическаго характера.

Я позволю себѣ обратить ваше вниманіе еще на одну сторону дѣла: XIX столѣтіе выработало экзаменаціонную систему. Экзамены—это буржуазное учрежденіе, имѣющее цѣлью, какъ утверждаютъ, отборъ умственной аристократіи для занятія общественныхъ должностей. Въ XVIII столѣтіи экзаменовъ еще не было: тогда при поступленіи на службу главную роль играли связи въ высшемъ свѣтѣ, протекція. Въ XIX вѣкѣ на мѣсто этого становится иной способъ отбора—государственныя испытанія. Сначала человѣкъ проходитъ черезъ испытаніе зрѣлости, введенное въ цѣляхъ предварительнаго отбора умственной аристократіи изъ среды юношей, получавшихъ свое образованіе въ гимназіи. А затѣмъ слѣдуетъ система государственныхъ испытаній на занятіе должностей разнаго рода.

Таковъ былъ въ общихъ, рѣзкихъ чертахъ ходъ развитія въ прошедшемъ. Обратимся теперь къ будущему. Какія перемѣны принесетъ будущее? Въ томъ,что оно принесетъ съ собой перемѣны, никто не сомнѣвается. Можно съ увѣренностью сказать: эллинистическо-гуманистическій идеалъ образованія, который блестяще выступилъ на сцену въ началѣ XIX вѣка, теперь вовсе уже не такъ привлекаетъ къ себѣ

умы и сердца, какъ было сто лѣтъ тому назадъ. Въ какую же сторону направится будущее? Явится ли теперь на смѣну идеаламъ образованія перваго, второго и третьяго сословій идеалъ, который придется признать созданіемъ четвертаго сословія? Или же дѣло пойдетъ такъ: четвертое сословіе не будетъ уже отдѣльнымъ сословіемъ, и новый идеалъ образованія, обнимающій всѣ слои населенія, возникнетъ, какъ созданіе всей совокупности нашего народа? Можетъ быть, мѣсто сословной или классовой аристократіи образованія заступитъ личная аристократія образованія, какъ къ тому нѣкогда уже пробовала стремиться буржуазія?

То, что принесетъ будущее, должно уже имѣть свои задатки въ настоящемъ. Для того, чтобы угадать дальнѣйшій ходъ развитія нашего образовательнаго строя, у насъ есть только одно средство—уяснить себѣ господствующія тенденціи нашего времени. Если я не ошибаюсь, въ ближайшемъ прошломъ можно замѣтить три крупныхъ преобладающихъ тенденціи, обусловливающихъ ходъ развитія образованія. Я назову ихъ: 1) *національная* тенденція, 2) тенденція къ *популяризаціи* и 3) *реалистическая* тенденція. Вы позволите мнѣ въ двухъ словахъ пояснить смыслъ этихъ выраженій.

Подъ національной тенденціей я разумѣю двѣ вещи: съ одной стороны, стремленіе заимствовать матеріалъ для образованія юношества преимущественно изъ самостоятельной національной культуры, и съ другой,—стремленіе привлечь къ участію въ единствѣ національной культуры всѣхъ членовъ даннаго народа. Мнѣ представляется безспорнымъ, что эта тенденція въ послѣдней половинѣ XIX-го вѣка стала сказываться очень сильно и что ее опять-таки нетрудно привести въ связь съ условіями нашей общественной и въ частности политической жизни. Политическая жизнь XIX-го вѣка характеризуется стремленіемъ къ созданію національныхъ государствъ, игравшемъ особенно важную роль въ исторіи двухъ странъ—Германіи и Италіи. Господствующая въ политикѣ національная тенденція проникаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все духовное развитіе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ концѣ XIX-го вѣка умственная жизнь является уже гораздо болѣе національною, чѣмъ то было еще въ концѣ XVIII-го вѣка. Строго говоря, только въ XIX-мъ вѣкѣ національные языки въ государствахъ средней и восточной Европы получаютъ всѣ права литературныхъ языковъ. Въ концѣ XVIII-го вѣка языкомъ общества, литературы и международныхъ сношеній служилъ французскій, какъ въ средніе вѣка латинскій. Этимъ стремленіямъ, направленнымъ къ национализаціи всей общественной жизни, соотвѣтствуетъ и національная тенденція въ дѣлѣ воспитанія. Особенно ясно она заявила о себѣ въ двухъ пунктахъ. Въ области народной школы она отчетливо сказалась въ томъ, что народная школа прямо привлечена была на служеніе національной идеѣ. Народная школа должна воспитывать во всѣхъ членахъ націи патріотическій духъ—это требо-

ваніе предъявляется теперь и у насъ, и во всемъ свѣтѣ, и въ другихъ странахъ, можетъ быть, еще настойчивѣе, чѣмъ въ Германіи. Во Франціи культъ націи заступилъ теперь мѣсто того, что прежде являлось главнымъ въ народной школѣ—мѣсто религіи; la France стала тамъ на мѣсто Господа Бога. Во французскихъ народныхъ учебникахъ нѣтъ ничего выше отечества. Конечною задачею начальной школы является во Франціи развитіе подрастающей молодежи, какъ будущей служительницы этой высшей изъ всѣхъ идей—идеи отечества. Мы нѣмцы, сохранили еще немного больше почтенія къ Тому, Кто выше всѣхъ націй, и я думаю, что нѣмецкій народъ долженъ этому только радоваться.

Та же тенденція въ области народнаго образованія проявляется еще въ другомъ пунктѣ—въ томъ, что народной школѣ ставится задача ассимилировать съ господствующей національностью вошедшіе въ составъ государства обломки иныхъ націй. Не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ Европы мы находимъ тенденцію вести все школьное преподаваніе на языкѣ господствующей части населенія и такимъ образомъ посредствомъ школы прививать этотъ языкъ всѣмъ связаннымъ въ одно государство народностямъ. Я не могу не заявить, что на мой взглядъ подобное стремленіе является въ значительной степени пагубнымъ для чисто человѣческихъ цѣлей воспитанія. Не подлежитъ спору, что для успѣшности чисто человѣческаго образованія дѣтей преподаваніе на ихъ родномъ языкѣ является очень существеннымъ условіемъ. Самостоятельную духовную дѣятельность ребенка не приведешь въ движеніе, обращаясь къ нему на чуждомъ для него языкѣ. Только сложившемуся человѣку чужой языкъ и литература могутъ служить къ обогащенію его умственной жизни, къ пріобрѣтенію новыхъ цѣнныхъ идей. Народная масса, которой чужой языкъ навязывается въ начальной школѣ, неизбѣжно утрачиваетъ при этомъ часть того, что въ преподаваніи должно считаться главнымъ: подобное насиліе никакъ не можетъ не причинить ущерба развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ воспитанниковъ. Здѣсь нечего себя обманывать. Конечно, бываютъ случаи, когда необходимость заставляетъ жертвовать этими ближайшими интересами и понуждаетъ вводить государственный языкъ въ начальную школу. Но чтобы наше отечество было въ подобномъ положеніи—этого я не думаю. Я того мнѣнія, что намъ не слѣдовало бы навязывать нашимъ датскимъ землямъ нѣмецкій языкъ въ народной школѣ. Гимназіи—дѣло другое, но народная школа отъ этого страдаетъ. И если датское населеніе видитъ здѣсь гоненіе на свою народность, то подобную реакцію нельзя не признать вполнѣ естественной.

Въ иной формѣ та же самая тенденція обнаруживается передъ нами и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Древніе языки все больше и больше отступаютъ тамъ передъ языкомъ родного народа. Въ пер-

вый разъ недовольство господствомъ латинскаго языка рѣзко сказалось у насъ въ эпоху революціи 1848—1849 года. Учебное начальство не сдѣлало тогда никакихъ уступокъ, и только съ 1870 года новая тенденція стала замѣтно проникать въ жизнь. Въ учебныхъ планахъ 1882 года и затѣмъ въ явившихся имъ на смѣну планахъ 1882 года древнимъ языкамъ пришлось уступить свое первенство нѣмецкому: родной языкъ провозглашается теперь важнѣйшимъ предметомъ, а латинскій и греческій мало-по-малу сводятся къ такому незначительному объему, что становится сомнительнымъ, можно ли отъ нихъ ждать впредь для умственнаго развитія воспитанниковъ такихъ плодовъ, какіе они приносили въ былое время, когда все преподаваніе ими почти и ограничивалось. Можетъ статься, что мы здѣсь попали на ложную дорогу. Я склоненъ думать, что намъ слѣдовало бы избрать другой путь — не «реализировать» гимназію, а на ряду съ старыми классическими школами поставить равноправныя имъ учебныя заведенія новаго реальнаго типа. Намъ слѣдовало бы вполнѣ открыть двери университета для воспитанниковъ реальныхъ училищъ, чтобы сила новой тенденціи не исказила гимназію въ самомъ ея существѣ. Съ этимъ новымъ теченіемъ въ области средняго образованія можетъ быть связана еще и другая опасность: увлеченіе національнымъ, можетъ быть, иногда идетъ черезъ край и въ средней школѣ. Приходится признать долю справедливости въ такомъ замѣчаніи. Старыя гимназіи, ограничивавшіяся изученіемъ древняго міра, древнихъ языковъ и литературы, стояли благодаря этому на совершенно нейтральной почвѣ, свободной отъ всякихъ современныхъ треволненій, и могли на ней превосходно вести свое дѣло. Теперь же, когда школа втянулась въ современную жизнь, является и гораздо больше риска, что ее начнутъ гнуть и коверкать различныя наши страсти и наша борьба партій.

Второй тенденціей является стремленіе къ *популяризаціи* образованія. Здѣсь довольно указать на ростъ народной школы, на учительскія семинаріи, которымъ мы обязаны тѣмъ, что элементы научнаго знанія начинаютъ становиться всеобщимъ достояніемъ; на всевозможныя дополнительныя и профессіональныя школы, пробуждающія и удовлетворяющія потребность въ продолженіи образованія; на различныя частныя и общественныя предпріятія, организующія для взрослыхъ библіотеки, лекціи, спектакли; наконецъ, на широкое распространеніе газетъ, которыя всѣмъ и каждому даютъ теперь возможность читать и размышлять. Не подлежитъ сомнѣнію, что за послѣднюю половину нашего столѣтія образованность разлилась чрезвычайно широко.

Третья тенденція, которую, какъ мнѣ кажется, можно подмѣтить въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ—это тенденція *реалистическая*. Она также находится, очевидно, въ связи съ ходомъ развитія нашей общественной, политической и соціальной жизни. Тонъ нашей политической

жизни дали два великихъ реалиста-политика—въ первой половинѣ столѣтія Наполеонъ, во второй—Бисмаркъ. Что государство есть сила, это въ первый разъ стало ясно для нѣмцевъ очень печальнымъ образомъ благодаря Наполеону. Потомъ Бисмаркъ во второй половинѣ столѣтія повторилъ намъ тѣ же внушенія: государство есть сила и можетъ обезпечить за собой достойное мѣсто въ мірѣ лишь путемъ развитія всѣхъ требующихся для борьбы средствъ. Государство зиждется не на умозрѣніяхъ и идеяхъ, а на реальныхъ факторахъ, опредѣляющихъ силу его среди другихъ народовъ. Соотвѣтственное развитіе произошло и въ области экономической жизни. Прогрессъ техники подчинилъ природу человѣка въ такой степени, въ какой сто лѣтъ тому назадъ это показалось бы совершенно невѣроятнымъ и невозможнымъ. Наука тоже увлекается этимъ теченіемъ, въ ней тоже ясно сказывается дѣйствіе отмѣченной нами тенденціи. Изъ наукъ во второй половинѣ XIX вѣка господствующее положеніе заняли тѣ, которыя соприкасаются съ техникой и помогаютъ человѣку расширять свою власть надъ природой. Естествознаніе и медицина стоятъ теперь на первомъ мѣстѣ. Въ началѣ столѣтія мѣсто это занимали философія и филологія, науки чисто созерцательныя. Соотвѣтственно этому человѣческое мышленіе въ концѣ нашего столѣтія носитъ совсѣмъ иную печать, нежели въ его началѣ. Тогда всѣхъ увлекали и надъ всѣмъ царили идеи. Въ концѣ столѣтія по извѣстному опредѣленію Ницше—этого философа, котораго приходится цѣнить не какъ руководителя, а какъ блестящаго выразителя своей эпохи — господствующимъ теченіемъ становится рѣшимость добиться силы: идеи уступаютъ мѣсто волѣ, стремящейся къ власти. Подъ такими вліяніями развивалось у насъ и дѣло воспитанія за послѣднее поколѣніе. Я укажу на нѣсколько характерныхъ для этого развитія чертъ. На ряду съ старой гимназіей возникли школы реальнаго типа—реальныя гимназіи, реальныя училища, всевозможныя техническія школы; на ряду съ гуманистическими дисциплинами все болѣе и болѣе широкое мѣсто стало отводиться точнымъ наукамъ. И въ народной школѣ мы видимъ такую же перемѣну. Реальныя науки выдвигаются въ ней впередъ въ ущербъ учебнымъ предметамъ идеальнаго характера. Въ прошломъ столѣтіи преподаваніе Закона Божія господствовало тамъ надъ всѣмъ обученіемъ; въ настоящее время уже совсѣмъ не то: реальнымъ наукамъ, естествознанію, ариѳметикѣ, географіи отводится обширное мѣсто. Такимъ образомъ повсюду наблюдается ростъ реальнаго элемента за счетъ созерцательнаго, идеальнаго. И нѣтъ сомнѣнія, что молодежь наша сама идетъ этому навстрѣчу. Молодежь наша—здѣсь нечего себя обманывать—теперь совсѣмъ не та, какой она была въ предшествующемъ поколѣніи. Она обладаетъ живымъ интересомъ ко всему, что даетъ силу, но интересъ къ идеальному идетъ у нея на убыль. Не такъ-то легко встрѣтить теперь мальчика, который увлекался бы Клопштокомъ, или проливалъ слезы надъ

Вертеромъ. Сентиментальное отношеніе къ античной древности, представлявшее собой обычное явленіе въ гимназіяхъ начала XIX вѣка, теперь становится рѣдкостью. Наша молодежь интересуется не странствованіями старика Одиссея, а послѣдними путешествіями по центральной Африкѣ, экспедиціями къ сѣверному полюсу, судьбой Андре. Ей дѣла нѣтъ теперь до техники у древнихъ грековъ, до одиссеевой стрѣльбы изъ лука, которая прежде ее занимала: послѣдній всемірный рекордъ для нея гораздо важнѣе, вниманіе ея поглощается броненосцами и электрическими двигателями. Недавно появилась книга, характерная для этого переворота—небольшая книжка Генриха Шредера о нѣмецкомъ флотѣ. Въ приложеніи сообщается, что въ нѣсколько недѣль ея разошлось не менѣе 16.000 экземпляровъ, причемъ во многія учебныя заведенія было выписано больше, чѣмъ по сту экземпляровъ. Во главѣ стоитъ старинная Schulpforta *) со 132 экземплярами. Сто лѣтъ тому назадъ въ Пфортѣ интересовались латинскими стихами, нѣмецкій же флотъ считался такой невѣроятной вещью, что о немъ ни у кого не было даже отдаленнаго помышленія.

Возвратимся теперь къ нашему вопросу. Какое дальнѣйшее развитіе предвѣщаютъ эти тенденціи? Можно ли представлять себѣ, что всѣ эти три теченія увлекаютъ насъ къ одной цѣли, намѣтившейся уже предъ нами при нашемъ историческомъ обзорѣ различныхъ стадій развитія образованія—къ созданію такой формы образованія, которая охватитъ всю націю, всѣхъ ея членовъ, пріобщивъ этимъ путемъ и такъ называемое четвертое сословіе къ единству духовной національной жизни? Я думаю, что это такъ и есть, что всѣ указанныя тенденціи клонятся именно къ этой единой цѣли. Прежде всего популяризація знанія поднимаетъ массу до участія въ общемъ народномъ образованіи: это даетъ себя чувствовать повсюду. Но и національная тенденція дѣйствуетъ въ томъ же духѣ. Можно сказать, національное образованіе есть образованіе народное, тогда какъ сословное—международное: образованіе аристократическаго класса, возвышающагося надъ массой, всегда стремится принятъ международный характеръ. Въ прошломъ столѣтіи придворно-французское образованіе было международнымъ; международнымъ являлся въ извѣстной мѣрѣ и заступившій его мѣсто буржуазный эллинистическій типъ образованія; новѣйшій же идеалъ, къ которому мы стремимся, въ силу своей національной окраски, является вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ: онъ преслѣдуетъ единство народнаго образованія, привлеченіе всѣхъ членовъ народа къ участію въ единствѣ народной культурной жизни. И реалистическая тенденція клонится опять къ тому же. Нѣтъ сомнѣнія, что образованіе, носящее практическій, дѣятельный характеръ, ближе

---

*) Одна изъ старѣйшихъ и знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ гимназій, основанная еще въ 1543 г. курфюрстомъ Морицомъ Саксонскимъ.

для народной массы, чѣмъ эстетическое, умозрительное образованіе начала XIX вѣка. Итакъ, мы имѣемъ право сказать: всѣ отмѣченныя нами направленія стремятся къ созданію такихъ формъ образованія, въ которыхъ оно являлось бы обще-народнымъ, которыя заимствовали бы образовательный матеріалъ изъ собственной культуры нѣмецкой націи и стремились бы поднять всю совокупность членовъ нашего народа до дѣятельнаго участія въ нашей умственной жизни.

Какъ должны мы отнестись къ подобному образовательному идеалу будущаго? Какъ долженъ къ нему отнестись евангелически-соціальный конгрессъ? Мнѣ кажется, тутъ нѣтъ мѣста сомнѣніямъ: несмотря на нѣкоторыя сопряженныя съ такимъ развитіемъ опасности, въ цѣломъ мы должны считать его вещью безусловно желательной. Мы должны его поддерживать, защищать, усиливать. Евангелически - соціальный конгрессъ не носитъ соціально-демократическаго характера, но съ другой стороны, ему чужды въ соціальномъ вопросѣ и аристократическія тенденціи. Евангелически - соціальный конгрессъ стремится помочь всѣмъ слоямъ населенія подняться до участія въ благахъ умственной жизни, доставшихся въ удѣлъ нашему народу. Его основная тенденція: помогать распространенію образованія, которое въ началѣ по необходимости является принадлежностью лишь узкаго круга лицъ, внѣдрить образованіе въ народную среду, заполнить пропасть, отдѣляющую образованное общество отъ народа.

Конгресъ именуется евангелическимъ. Какъ согласуется съ этимъ данная тенденція? Я думаю, что и Евангеліе указываетъ намъ на тотъ же путь. Евангеліе не носитъ соціально - демократической печати, но это и не религія господъ. «Благая вѣсть» принесена была бѣднякамъ, съ ней христіанство вступило въ міръ. Для евангелія не существуетъ сословныхъ различій: всѣ призываются въ немъ одинаково, бѣдняки на ряду съ богачами, и даже, можетъ быть, бѣдняки впередъ, такъ какъ богачи полагаютъ, что съ нихъ довольно той жизни, какая есть, что имъ Евангеліе ни къ чему. Христіанство прежде всего печется о низшихъ классахъ, стремясь избавить ихъ отъ чувства давящаго гнета и вдохнуть въ нихъ чувство человѣческой свободы, или даже свободы сверхчеловѣческой: сдѣлать людей дѣтьми Божіими — вотъ его цѣль. Такимъ образомъ, Евангеліе или евангелическое направленіе нашего конгресса въ томъ особенномъ смыслѣ, который получило это слово со времени реформаціи, по моему мнѣнію, не только не противорѣчитъ выясненному нами идеалу, но само приводитъ къ нему. Суть реформаціоннаго движенія въ томъ и заключалась, чтобы изъ всѣхъ членовъ народа сдѣлать взрослыхъ, полноправныхъ людей, полноправныхъ членовъ церкви. Вывести народную массу изъ вавилонскаго плѣненія, въ которомъ она до тѣхъ поръ томилась, уничтожить разницу между свѣтскими и духовными людьми, между пасомымъ стадомъ и его владыками—вотъ въ чемъ заключалась главная цѣль стремленій Лютера:

отнынѣ всѣ члены церкви должны были стать людьми самостоятельными, самостоятельно мыслящими, съ сознаніемъ личной отвѣтственности. Итакъ, я полагаю, что евангелически-соціальный конгрессъ долженъ привѣтствовать указанное направленіе въ развитіи нашей народной жизни: оно стоитъ въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ самыми глубокими, коренными нашими стремленіями.

Среди нашего народа есть, однако, и такіе круги, которые враждебно противостоятъ этому развитію. Вы помните, что прошлой зимой въ нашемъ собраніи народныхъ представителей обсуждался вопросъ о народномъ образованіи. Представители народа слышали рѣчи, въ которыхъ школьное управленіе обвинялось передъ народомъ въ томъ, что оно слишкомъ высоко поднимаетъ уровень преподаванія въ начальныхъ школахъ, что оно доводитъ ихъ до такой высоты, которая несовмѣстима съ интересами, съ истинными интересами народа. Сознаюсь, съ глубокой краской стыда въ лицѣ читалъ я объ одобреніи, которое встрѣчали подобныя нападки. Что это были за люди, которымъ казалось, будто народъ нашъ учится слишкомъ много? Я полагаю, то были представители привилегированныхъ сословій, почувствовавшіе, что поднятіе уровня народнаго образованія не безопасно для ихъ привилегій. Крупные землевладѣльцы, крупные фабриканты и рядомъ съ ними клерикалы опасаются, что участіе народной массы въ національномъ образованіи можетъ стать угрозою для ихъ теперешняго положенія. Я думаю, что если при этомъ чему-нибудь и грозитъ опасность, то развѣ только слишкомъ близоруко и себялюбиво понятымъ интересамъ. Повышеніе уровня народнаго образованія никоимъ образомъ не можетъ быть пагубно для народа въ его совокупности: отъ этого можетъ пострадать лишь исключительное положеніе отдѣльныхъ немногочисленныхъ его група. Но интересы этихъ группъ вовсе не совпадаютъ съ интересами нашего народа и нашего прусскаго государства. Безъ сомнѣнія, для нѣмецкаго народа въ высшей степени важно, чтобы всѣ его члены, всѣ его дѣти возвысились до участія въ его умственной жизни, чтобы всѣ заложенныя въ немъ духовныя силы получили возможность развиваться. Я не приглашаю при этомъ гнаться за ложнымъ идеаломъ — за полнымъ равенствомъ образованія для всѣхъ. Было бы заблужденіемъ думать, что можетъ настать время, когда между людьми не будетъ больше разницы въ степени образованности. Лишь одного желаемъ мы достигнуть—именно того, чтобы всѣмъ членамъ нашего народа, насколько дозволяютъ обстоятельства, была дана возможность развитія всѣхъ ихъ природныхъ силъ, чтобы всѣмъ талантамъ, выпавшимъ на долю вашей націи, были предоставлены условія, необходимыя для ихъ расцвѣта. И нація не можетъ къ этому не стремиться въ силу очень вѣскихъ причинъ. Это подсказывается ей чувствомъ національнаго самосохраненія: отъ этого зависитъ ея положеніе среди другихъ живущихъ на землѣ народовъ

Могущество даннаго общежитія зависитъ отъ того, есть ли у всего юношества возможность развивать свои умственныя и нравственныя способности. Непосредственно это даетъ себя знать въ *военной* области. Боевая сила народа въ крупной мѣрѣ обусловливается развитіемъ нравственнаго характера и интеллигентности у его членовъ. Пруссія поняла это прежде всѣхъ другихъ государствъ. Всеобщая воинская повинность и обязательное посѣщеніе школъ тѣсно связаны въ ней другъ съ другомъ. Когда въ 1830 году французъ *Кузенъ* посѣтилъ нашу страну, то онъ выразился о ней такъ: Пруссія страна школъ и казармъ. Пруссія страна разума, говоритъ Гегель. Пруссія никогда не должна забывать, что тѣмъ высокимъ положеніемъ, какое ей удалось занять въ различныхъ областяхъ, что всѣми своими успѣхами она прежде всего обязана своей сознательной работѣ надъ развитіемъ народныхъ силъ. Первое двадцатипятилѣтіе, послѣдовавшее за Вѣнскимъ конгрессомъ, было необыкновенно благотворно для подъема всего дѣла народнаго образованія. И этотъ подъемъ сказался въ той силѣ, какую проявило затѣмъ въ своей политикѣ прусское государство. *Экономическое* могущество государства въ международной конкуренціи тоже тѣснѣйшимъ образомъ связано съ развитіемъ умственныхъ и духовныхъ силъ всѣхъ членовъ народа. Мы можемъ сказать: новое богатство, пріобрѣтенное нѣмецкимъ народомъ въ послѣднее время, является наградой за прежнія заботы о всеобщемъ народномъ образованіи, въ которыхъ Германія опередила всю Европу. Мы пожинаемъ теперь плоды того, что было посѣяно въ первой половинѣ XIX столѣтія. И нѣтъ сомнѣнія, что это остается въ полной силѣ и для будущаго. Чѣмъ сложнѣе становится наша экономическая жизнь, чѣмъ шире распространяется пользованіе сложными техническими орудіями и пріемами, чѣмъ выше поднимается развитіе ассоціацій, тѣмъ большую важность для прочности нашего хозяйственнаго благосостоянія получаетъ всеобщее школьное обученіе. Вспомните только о кооперативномъ началѣ, которое такъ пошло теперь у насъ въ ходъ, въ средѣ ремесленниковъ и крестьянъ, оказывая высоко благодѣтельное дѣйствіе, поддерживая среднее сословіе и предохраняя его отъ захватовъ со стороны капитализма. Это, очевидно, результатъ развитія въ народной средѣ умственныхъ силъ. Тупоумные идіоты не ассоціируются: для этого надобны люди, имѣющіе довѣріе къ общимъ предпріятіямъ и къ отдѣльнымъ руководителямъ, а это въ свою очередь основывается на довѣріи къ собственному разуму, на умѣньи считать и разбираться въ сложныхъ отношеніяхъ. Гдѣ не развиты эти силы, тамъ нѣтъ мѣста для товарищеской коопераціи. Такъ же обстоитъ дѣло и относительно рабочихъ. Проведеніе на фабрикахъ такъ называемой «конституціонной системы» опять-таки необходимо предполагаетъ въ рабочей средѣ достаточный запасъ духовныхъ умственныхъ силъ для того, чтобы создавать и регулировать подобныя формы общественности. А совмѣстная дѣятель-

ность на этой почвѣ, въ свою очередь, оказываетъ воспитательное вліяніе на самихъ рабочихъ, укрѣпляя ихъ разумъ, характеръ и довѣріе къ самимъ себѣ. Такимъ образомъ, экономическая жизнь все больше и больше предъявляетъ запросовъ къ умственнымъ силамъ: она не можетъ удержаться на своей высотѣ, если мы будемъ небрежно относиться къ народному образованію и допустимъ пониженіе его уровня. Чтобы закрѣпить за собой теперешнее наше экономическое положеніе въ ряду народовъ, мы должны напротивъ всѣми силами работать надъ повышеніемъ этого уровня. И *духовная* жизнь нашего народа также въ концѣ концовъ можетъ преуспѣвать лишь при томъ условіи, чтобы всѣмъ его членамъ была предоставлена возможность развивать свои дарованія, чтобы таланты, которыми природа не такъ щедро награждаетъ націи, повсюду находили благопріятныя условія для своего развитія. Года два тому назадъ появилось на французскомъ языкѣ сочиненіе одного сербскаго соціолога Odin, «La genèse des grands hommes». Авторъ изслѣдуетъ статистическимъ путемъ условія, въ которыхъ за два послѣднія столѣтія выростали крупные таланты во Франціи. Выводъ его таковъ: талантливость не зависитъ отъ наслѣдственности, отъ происхожденія изъ того или другого соціальнаго класса; количество талантовъ въ странѣ, главнымъ образомъ, и даже почти исключительно, обусловливается степенью доступности образовательныхъ средствъ. Умственная одаренность не составляетъ потомственной принадлежности извѣстныхъ классовъ; и если нѣкоторые классы оказываются въ этомъ отношеніи болѣе счастливыми, то лишь потому, что они держатъ въ своихъ рукахъ средства къ образованію. Недавно Ницше выставилъ утвержденіе, что задача народа—производить великихъ людей. Прекрасно: народная жизнь не можетъ идти впередъ безъ великихъ людей. Но какъ же приняться народу за исполненіе подобной задачи? Творить великихъ людей непосредственно онъ не можетъ. Есть лишь одно, что онъ можетъ сдѣлать — именно позаботиться о томъ, чтобы всякому выдающемуся дарованію были предоставлены необходимыя для его развитія условія. Таковъ единственный путь къ указанной цѣли: чтобы ея достигнуть, необходимо возможно выше поднять средній уровень образованія въ обществѣ. Народъ не можетъ прямо создавать великіе руководящіе умы, которые дарили бы его новыми идеями. Общество, какъ садовникъ, можетъ лишь обставлять благопріятными условіями развитіе таящихся въ его средѣ природныхъ задатковъ и способностей.

Позвольте мнѣ коснуться еще одного пункта. *Нравственныя* силы общества также зависятъ отъ распространенности образованія, и въ крупной мѣрѣ именно школьнаго образованія—среди его членовъ. Нравственная сила цѣлаго слагается изъ нравственныхъ силъ отдѣльныхъ единицъ. Народъ состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей; ихъ нравственная стойкость, ихъ сила нравственнаго самосохраненія въ суммѣ со-

ставляетъ силу нравственнаго самосохраненія націи. Правда, нравственное воспитаніе прежде всего является задачей семьи, задачей родителей. Но приходится признать, что вліяніе семьи на нравственное развитіе подростающихъ поколѣній въ послѣднее время скорѣе ослабѣло, чѣмъ усилилось. Это находится въ связи съ переворотомъ въ промышленной жизни, который мы теперь переживаемъ. Тутъ прежде всего надо отмѣтить переходъ отъ деревенской жизни къ городской. Кто близко знаетъ ту и другую, не станетъ оспаривать, что жизнь въ деревнѣ имѣетъ много преимуществъ для развитія нравственныхъ силъ: однимъ изъ главныхъ является то, что родительскій домъ служитъ въ земледѣльческомъ быту и школою труда, тогда какъ въ городскомъ онъ успѣлъ значительно утратить такой характеръ—особенно, если дѣло идетъ о домѣ рабочаго въ большомъ городѣ. А благотворность домашней атмосферы въ высокой степени обусловливается именно совмѣстной работой двухъ поколѣній, тѣмъ, что родители, отецъ и мать, привлекаютъ къ своей работѣ и подростающихъ дѣтей, возлагая на нихъ долю общихъ хозяйственныхъ заботъ. Въ этомъ я вижу крупный составной элементъ воспитательнаго вліянія родного дома. Крайне ослабло въ нашемъ обществѣ и другое воспитательное вліяніе—вліяніе дома хозяина-мастера. На мѣсто прежняго ремесленника-мастера сталъ теперь крупный предприниматель. Послѣдствіемъ этого является то, что очень часто наша молодежь въ такомъ возрастѣ, когда она никоимъ образомъ не въ состояніи еще распоряжаться сама собой, то-есть, лѣтъ въ 14, въ 15, выбрасывается въ жизнь безъ всякаго надзора и попеченія. А въ подобныхъ условіяхъ, какъ можно опасаться, годы, слѣдующіе за школой, сплошь да рядомъ приводятъ съ собою разнузданность и одичаніе: нерѣдко то, что̀ съ трудомъ вырабатывалось школой въ теченіе десятка лѣтъ, исчезаетъ въ какіе-нибудь два года. Въ этой области будущее имѣетъ передъ собой серьезнѣйшія задачи. Мы должны расширить наши народныя училища, чтобы они доставляли этому возрасту—скажемъ приблизительно отъ 15 до 20 лѣтъ—нравственную опору и умственные интересы. Дѣло идетъ о томъ, чтобы наполнить эти годы праздной свободы (ибо такими они являются для очень многихъ) умственнымъ и нравственнымъ содержаніемъ, которое оказалось бы способнымъ поддержать и возвысить человѣка въ критическую пору жизненнаго перелома. Наши дополнительные курсы, являющіеся продолженіемъ народной школы, очень еще далеки отъ совершенства, имъ надо еще много поработать, чтобы стать въ уровень съ своею задачей. Здѣсь на ряду съ организованной общественной дѣятельностью открывается самое широкое поле и для свободнаго личнаго почина. Далѣе надобно будетъ позаботиться и о здоровомъ, занимательномъ и благотворномъ матеріалѣ для самостоятельнаго чтенія внѣ школы: задача, которая гораздо лучше можетъ быть разрѣшена вольными частными обществами, нежели государствомъ. Я думаю, при-

детъ время, когда людямъ будетъ казаться чрезвычайно страннымъ наше теперешнее отношеніе къ дѣлу—какъ это мы могли тратить столько усилій на то, чтобы преподать дѣтямъ искусство чтенія, и въ то же время могли оставаться совершенно равнодушными къ тому, что они будутъ съ нимъ дѣлать. Въ нѣкоторыхъ кругахъ общества чтеніе сейчасъ приноситъ душѣ не столько пищу, сколько отраву.

Сюда же примкнули бы и народные университеты. Въ послѣднее время мы въ Германіи начали устраивать публичныя лекціи, назначенныя для широкихъ круговъ общества. Это движеніе перешло къ намъ изъ Англіи. Но, можетъ быть, лучше было бы, если бы мы пошли тутъ по слѣдамъ нашихъ сѣверныхъ сосѣдей. Основанные въ Даніи, Норвегіи и Швеціи народные университеты—заведенія съ опредѣленнымъ систематическимъ курсомъ—приносятъ больше пользы, чѣмъ отдѣльныя лекціи. Не имѣя возможности останавливаться на этомъ, я только подчеркну, что здѣсь заложены великія задачи для будущаго, и что надъ разрѣшеніемъ ихъ посильно должны работать всѣ—и государство, и общины, и отдѣльныя лица. Если мы хотимъ сохранить свою національность, если мы хотимъ сохранить и возвысить положеніе нашего народа среди другихъ народовъ, то мы должны заботиться, чтобы у насъ не пропадали силы, дарованныя намъприророю, чтобы всѣ онѣ шли на служеніе общественной жизни и получали необходимое для этого развитіе.

Я кончаю. Чего я желаю наступающему столѣтію—это новаго энтузіазма къ дѣлу воспитанія, такого энтузіазма, какимъ проникнутъ былъ на своемъ закатѣ XVIII вѣкъ, пылко стремившійся сдѣлать блага образованія достояніемъ всѣхъ слоевъ общества. И подобная работа на пользу народа лежитъ прежде всего на обязанности третьяго сословія, буржуазіи. Третье сословіе получило свое образованіе благодаря труду сословій, опередившихъ его въ умственномъ развитіи, благодаря работѣ перваго сословія, духовенства, въ средніе вѣка и въ XVI столѣтіи, благодаря работѣ правительства и придворнаго общества въ XVIII столѣтіи: ибо нельзя закрывать глаза на то, что въ XVIII столѣтіи у передовыхъ людей этихъ круговъ существовало самое серьезное стремленіе распространять новое образованіе. На третьемъ сословіи лежитъ обязанность продолжать это распространеніе, подать руку, четвертому сословію. Noblesse oblige. Выгоды образованія налагаютъ, на пользующагося ими обязанность дѣлиться пріобрѣтенными умственными сокровищами съ другими. Пусть этой мыслью проникнется наше третье сословіе—вотъ чего я ему желаю. Впрочемъ—если вы позволите мнѣ прибавить еще слово—такая передача образованія состоится неизбѣжно. Четвертое сословіе быстро идетъ въ гору, и никто изъ насъ, конечно, не пожелаетъ, чтобы это было иначе. Если есть люди, которые боятся, что образованіе повыситъ его требовательность, то я на это отвѣчу: нетребовательность вовсе не входитъ въ кругъ человѣческихъ

обязанностей. Ни одинъ отецъ не пожелаетъ, чтобы сынъ его непритязательно склонялъ передъ судьбой свою голову; напротивъ, онъ пожелаетъ ему рѣшимости смѣло пробивать себѣ въ жизни дорогу. Того же и мы желаемъ всѣмъ сыновьямъ и дочерямъ нашего народа: мы хотимъ, чтобы въ нихъ било живой струей стремленіе подняться возможно выше. И я полагаю, что въ дѣйствительности такъ это и есть, что чувство это въ нихъ очень живо. Такого стремленія широчайшихъ слоевъ общества къ образованію, какъ сейчасъ, міръ еще не видывалъ. Поразительно, въ какой мѣрѣ народная масса, несмотря на гнетъ тяжелой работы, принимаетъ теперь участіе въ умственной жизни нашего времени интересуясь всѣми областями современнаго знанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ самому случилось встрѣтить такой примѣръ, который тогда меня чрезвычайно изумилъ. На одномъ изъ маленькихъ песчаныхъ островковъ, затерявшихся въ нашемъ Сѣверномъ морѣ, я столкнулся съ молодымъ человѣкомъ, тамошнимъ столяромъ. Мы стали бесѣдовать съ нимъ о томъ и о семъ, и я увидалъ, что онъ гораздо образованнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ такой мѣстности. Оказалось, что онъ бывалъ въ Берлинѣ и принадлежалъ къ одному рабочему кружку. Въ комнатѣ у него была цѣлая библіотечка—книги, абсолютное достоинство которыхъ, можетъ быть, было и невысоко, но которыя въ рукахъ рабочаго представляли поразительную сокровищницу знаній историческаго и естественно-историческаго характера. Народныя массы стремятся вверхъ. Удержать ихъ нельзя. Вопросъ лишь въ томъ: слѣдуетъ ли намъ ихъ въ этомъ поддерживать, или нѣтъ? Я такого мнѣнія: намъ слѣдуетъ этому сочувствовать, намъ слѣдуетъ оказывать здѣсь всякую поддержку, какая только въ нашей власти.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. Сперанскаго.

---

* * *

Ручей среди сухихъ песковъ...
Куда спѣшитъ и убѣгаетъ?
Зачѣмъ межъ черныхъ тростниковъ
Такъ стойко путь свой пролагаетъ?

Отъ зноя блѣденъ небосклонъ,
Ни облачка въ лазури жаркой.
Весь міръ какъ будто заключенъ
Въ песчаный кругъ въ пустынѣ яркой.

А онъ,—прозраченъ, говорливъ,—
Онъ словно знаетъ, что съ востока
Придетъ онъ къ морю, гдѣ заливъ
Раскроетъ снова даль широко—

И приметъ свѣтлую струю,
Среди пустыни небосклона,
Въ безбрежность синюю свою,
Въ свое торжественное лоно.

Ив. Бунинъ.

---

* * *

Раскрылось небо голубое
Межъ облаковъ въ апрѣльскій день.
Въ лѣсу—все сѣрое, сухое
И паутиной пала тѣнь.
За то все ярче и нѣжнѣе
Живая неба бирюза,
И смотрятъ, весело синѣя,
Въ кустахъ подснѣжниковъ глаза.
Змѣя, шурша листвой дубовой,
Зашевелилася въ дуплѣ—
И въ лѣсъ пошла, блестя лиловой,
Пятнистой кожей по землѣ.
И нѣжный вѣтеръ, поднимая
Весенній шумъ своимъ крыломъ,
Пахнулъ внезапно лаской мая
И мягкимъ солнечнымъ тепломъ...
Сухіе листья, запахъ пряный,
Атласный блескъ березняка...
О, какъ за этою поляной
Просѣка стройно-глубока!
Какъ утонченно-ярки краски,
Какъ даль свѣтла и хороша!
Какъ жадно вѣритъ вешней ласкѣ
Освобожденная душа!

Ив. Бунинъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Въ мірѣ мерзости и запустѣнія—«Гимназическіе очерки» г. Б. Никонова.—Гибель живой души въ мірѣ мерзости.—Исторія «перваго ученика».—Что могло спасти живую душу отъ гимназическаго мрака.—Почему старая гимназія такъ пагубно дѣйствовала на живыхъ людей.—«На распутьи» г. С. Кривенки.—Его запоздалый призывъ въ деревню.—Страничка изъ исторіи реакціонной прессы.—Г. Филипповъ, предающій гласности редакціонныя тайны «Рус. Обозрѣнія».

Почти одновременно въ нашемъ журналѣ и «Русскомъ Богатствѣ» появились очерки изъ гимназической жизни, очерки захватывающаго интереса не столько по своимъ литературно-художественнымъ достоинствамъ, сколько по своему содержанію. Тридцать лѣтъ эта жизнь таилась глубоко подъ спудомъ, куда не проникалъ ни одинъ лучъ гласности, и что тамъ творилось, знали лишь тѣ, кому сіе вѣдать надлежитъ. Да знали ли и они? Смѣемъ думать, что нѣтъ, по крайней мѣрѣ, далеко не всѣ и далеко не все. Жизнь классической школы шла особнякомъ отъ насъ, отъ семьи, отъ общества, которому вмѣнялось почти въ преступленіе интересоваться ею, и лишь изрѣдка доносились оттуда извѣстія о какомъ-либо уголовномъ дѣяніи, свидѣтельствовавшія, что въ этомъ мірѣ мрака и запустѣнія что то не ладно. Какъ это ни странно, но такое уединеніе школы, этого хранилища живыхъ силъ, ими же жива страна и двигается государство, считалось чѣмъ то столь естественнымъ, необходимымъ, что мы и сами къ этому привыкли. Такъ можно судить хотя бы по тому пренебреженію, съ какимъ литература относилась къ этому мірку. Положимъ, многое мѣшало проникнуть туда, но имѣемъ же мы такія яркія картины изъ «Міра отверженныхъ», который тоже охраняется довольно-таки тщательно. Почему же до сихъ поръ не явилось въ литературѣ ничего подобнаго изъ жизни школы? Мы думаемъ, что именно привычка и равнодушіе тому причиной. «Привычка свыше намъ дана», и она не только «замѣна счастію», но лишаетъ насъ и любознательности, желанія вникать въ явленіе, которое примелькалось и стало обычнымъ, будничнымъ и потому неинтереснымъ.

Будничнымъ и обычнымъ явленіемъ стала на протяженіи тридцати лѣтъ гибель живыхъ душъ, гибель талантливыхъ, яркихъ личностей, которыя, попавъ на зарѣ жизни въ школу, тонули въ ней или выходили оттуда изломанными, обезличенными, жалкими неврастениками или тупыми и равнодушными исполнителями чужихъ велѣній. Что такъ дорого въ личности—инииціатива, энергія, находчивость, смѣлость, предпріимчивость, сознаніе своего достоинства, чувство чести и гордая независимость мнѣнія—все это гибло въ зачаткахъ. Отсюда и тотъ общій кличь—«нѣтъ людей», который мы слышимъ всякій разъ, когда поднимается вопросъ о живомъ дѣлѣ, требующемъ не мертвыхъ исполнителей, а живыхъ личностей.

Въ очеркахъ г. Б. Никонова, печатающихся въ «Русскомъ Богатствѣ», проходитъ предъ нами исторія «перваго ученика», которую можно назвать «исто-

ріей гибели личности», обычной для нашей, нынѣ сходящей со сцены средней школы. Вообще, очерки г. Б. Никонова написаны довольно однообразно и слабо, преобладаютъ не художественные типы, а скорѣе фотографическія воспоминанія лично пережитаго и выстраданнаго. Но чувствуется въ нихъ глубокая подкупающая искренность, а фотографическая ихъ правда придаетъ этимъ воспоминаніямъ значеніе человѣческаго документа, свидѣтельствующаго нелицепріятно о томъ, что многимъ и многимъ пришлось пережить самимъ.

Гимназія, описываемая авторомъ, не хуже и не лучше другихъ. Хорошо знакомыя всѣмъ по личному опыту равнодушныя лица учителей, ничѣмъ не интересущихся, кромѣ двадцатаго числа, ученики, презирающіе ученіе, которое представляется имъ ненужной и скучной тяготой—вотъ общій фонъ картины любой изъ нашихъ гимназій. Авторъ выдвигаетъ на первый планъ оригинальную и интересную фигурку маленькаго ученика Аркатова, который напоминаетъ своею серьезностью и вдумчивостью маленькаго Домби въ романѣ Диккенса. Аркатовъ глубоко заинтересованъ новой гимназіей, и боится ея, и влечется къ ней неудержимо. Онъ все силится осмыслить и даже въ безтолковыхъ латинскихъ пословицахъ ищетъ скрытаго смысла. Его слабенькая, съ широко раскрытыми глазами, недоумѣвающая фигурка—это какъ бы прообразъ той дѣтской души, которая изъ семейныхъ объятій, полныхъ если не всегда, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ—ласки, доброты и осторожной снисходительности, попадаетъ вдругъ въ суровый режимъ школы, не признающей никакихъ исключеній, никакихъ разновидностей, не считающейся съ силами и способностями отдѣльныхъ индивидуальностей и знающей только программу да начальственный окрикъ, предписывающій выполнить ее во что бы то ни стало. Что не укладывается въ рамкѣ программы, должно погибнуть, какъ негодное. Что не согласуется съ начальственнымъ окрикомъ, должно быть уничтожено, какъ опасное и вредное. И только то, что покладисто, мягко, сгибается, какъ воскъ, слѣдовательно, безлично и безформенно, признается настоящимъ матеріаломъ, годнымъ для школы и достойнымъ классической шлифовки. И нѣжная душа маленькаго Аркатова сразу сдается и безпрепятственно воспринимаетъ всѣ формы программы. Недюжинныя способности помогаютъ мальчику уловить всякія тонкости различныхъ правилъ и исключеній латинскаго и греческаго языка, а чуткая душа инстинктивно улавливаетъ и тотъ modus vivendi, который не только облегчаетъ гнетъ школы, но и дѣлаетъ изъ Аркатова «перваго ученика». Быстрое перерожденіе изъ вдумчиваго мальчика въ настоящаго мученика столь высокаго положенія совершается тѣмъ легче, что мальчикъ оказался болѣзненно-самолюбивымъ и чуткимъ ко всему грубому и унизительному.

«Но, Боже мой!—говоритъ авторъ,—чего это ему стоило!.. Изумительная несправедливость гимназической программы, обрушивающей тяжесть ученія, главнымъ образомъ, на маленькіе классы и позволяющей старшимъ лѣниться и бить баклуши, дѣлала то, что Аркатовъ не зналъ теперь почти ни минуты отдыха. Высиживая въ состояніи напряженія пять часовъ въ гимназіи, онъ и дома имѣлъ немного утѣшенія. Пообѣдавъ, онъ сейчасъ же принимался за уроки, и еле-еле успѣвалъ окончить ихъ къ 11-ти, а то и къ 12-ти часамъ ночи... Нерѣдко у него болѣла голова и ныло все тѣло какимъ-то необъяснимымъ образомъ—вѣроятно, отъ отсутствія сколько-нибудь порядочнаго воздуха въ гимназіи... И все свое внѣклассное время Аркатовъ употреблялъ на ученіе уроковъ. Онъ училъ ихъ, можно сказать, неистово; училъ, не только сидя за столомъ, но и прыгая на одной ногѣ по всѣмъ комнатамъ, и становясь вверхъ ногами, и лежа на кровати, уткнувши голову въ подушку, и даже залѣзая подъ кровать. Онъ словно поджаривался все время на медленномъ огнѣ отъ этихъ безконечныхъ, безпросвѣтныхъ уроковъ... Иногда, намаявшись за день, уже улегшись спать, Аркатовъ вдругъ съ ужасомъ вспоминалъ, что еще

остался невыученный урокъ. Онъ торопливо одѣвался и, не смотря на протесты матери, принимался снова за ученье. Покончивъ, наконецъ, и съ этимъ урокомъ, онъ ложился спать совершенно одурманеннымъ и долго не могъ уснуть, соображая, вызовутъ его завтра или нѣтъ, много ли еще не вызванныхъ изъ этого предмета учениковъ, или просто мучился вопросомъ, «слетитъ» онъ изъ первыхъ или не слетитъ? Съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ первые ученики, этотъ вопросъ сдѣлался для него поистинѣ «проклятымъ вопросомъ». Онъ заслонялъ для Аркатова всѣ другіе вопросы, и въ жертву своему первенству Аркатовъ теперь приносилъ все: трудъ, удовольствія, чтеніе интересныхъ книгъ, и пр. Всѣ помыслы его устремлялись къ страшной гимназіи, и тамъ, въ этомъ страшномъ мѣстѣ ему нужно было непремѣнно поддерживать престижъ и славу перваго ученика, и не получить какъ-нибудь четверки или, Боже упаси, тройки! Единственное удовольствіе, которое Аркатову оставалось теперь въ жизни — это было сознаніе своего первенства, благодаря которому онъ уже не былъ несчастной сѣрой песчинкой въ необъятной массѣ другихъ сѣрыхъ песчинокъ-учениковъ. Его знали, онъ былъ личностью»...

Такъ быстро претворила гимназія способнаго и любознательнаго мальчика въ примѣрнаго ученика, ушедшаго цѣликомъ въ чисто формальную сторону ученія. Ставъ первымъ, онъ ухватился за внѣшнюю сторону и сталъ учиться уже не для удовлетворенія прежней своей любознательности, а для отмѣтокъ. Представимъ себѣ только психологію этой маленькой «личности», изъ души которой вытравили всѣ радости, всѣ живые порывы, дѣтскія увлеченія и стремленія и вмѣсто всего этого богатства втиснули туда—страсть къ пятеркѣ, какъ къ высшему идеалу, обожаемому предмету, цѣли всѣхъ стремленій и желаній. Что можетъ быть уродливѣе, сквернѣе и пошлѣе? И это былъ лучшій продуктъ школы, которымъ она гордилась, какъ своимъ превосходнѣйшимъ произведеніемъ, образцовымъ плодомъ! Обыкновенно такіе образцовые продукты кончали или преждевременной смертью, не выдерживая въ младшихъ классахъ непосильной работы, или же благополучно дотягивали курсъ, оканчивая гимназію «медальерами», давно уже вошедшими въ поговорку: «Глупъ, какъ гимназистъ, окончившій съ медалью».

Съ Аркатовымъ не случалось этого. Въ старшихъ классахъ онъ началъ «портиться». Напряженное ученіе, непосильная работа и безсмысленная жажда быть непремѣнно первымъ вдругъ ослабѣла въ старшихъ классахъ подъ вліяніемъ новыхъ интересовъ, невѣдомо какими путями проникавшихъ въ гимназію, заглушенныя способности и страсть къ живому знанію дали себя знать, какъ только явился первый толчокъ извнѣ. Для Аркатова такимъ толчкомъ послужило увлеченіе писательствомъ и чтеніе,—опять-таки общая панацея, спасавшая нашихъ гимназистовъ отъ окончательнаго отупѣнія. Не даромъ въ числѣ самыхъ вредныхъ занятій считалось въ гимназіяхъ до послѣдняго времени именно чтеніе и, Боже упаси, сочинительство. Ничто такъ не преслѣдовалось и не искоренялось, какъ писательство, выражавшееся обыкновенно въ изданіи ученическихъ журналовъ и въ рефератахъ при совмѣстномъ чтеніи. Самое слово «рефератъ» являлось равнозначущимъ соціализму, и авторы рефератовъ, пойманные съ поличнымъ, рѣдко кончали гимназію благополучно. А сколько было изгоевъ за чтеніе!.. Но зато и все лучшее, что спасли въ себѣ ученики средней школы за эти тридцать лѣтъ плѣненія, было результатомъ чтенія, только его одного. Ни въ чемъ, пожалуй, не сказалось у насъ такъ ярко значеніе книги, какъ въ борьбѣ съ отупляющимъ вліяніемъ классической системы, которая преслѣдовала книгу съ ожесточеніемъ почти сектантскимъ. Ученическія библіотеки были доведены до полнаго оскудѣнія, а полученіе книгъ изъ другого источника обставлено самыми суровыми преградами. Общественныя библіотеки

были строжайше воспрещены для учениковъ гимназій, журналы тоже, чтеніе даже русскихъ писателей ограничено до послѣдней степени. Трудно повѣрить, хотя это фактъ вчерашняго дня, что были запрещены для гимназистовъ Бѣлинскій и даже Данилевскій! Несмотря, однако, на самыя суровыя мѣры, до исключенія изъ гимназіи включительно, ученики все же добирались до книги. Правда, далеко не всѣ ученики пользовались ею, и жалобы профессоровъ университета на крайнюю неразвитость «зрѣлыхъ» въ общемъ вполнѣ справедливы. На массу учениковъ недостатокъ чтенія и опасность его оказали огромное принижающее вліяніе. Новой системѣ, въ которой книгѣ и чтенію отведено довольно видное мѣсто, прежде всего придется пріучать своихъ питомцевъ къ книгѣ и позаботиться объ устройствѣ библіотекъ. Всякій ненужный хламъ, который именуется нынѣ ученическими библіотеками, только загромождаетъ мѣсто въ гимназіяхъ, и придется начать съ его уничтоженія. Таково уже наслѣдіе классической системы, что прежде всего приходится расчищать почву, засоренную ею, и затѣмъ уже насаждать на ней новое сѣмя.

Исторія Аркатова, очень недурно разсказанная г. Никоновымъ, тѣмъ характерна и поучительна, что въ ней проходитъ предъ читателемъ въ сжатомъ видѣ какъ бы исторія самого классицизма у насъ. Наивный и способный мальчикъ со страстью накидывается на классическую мудрость и постепенно тупѣетъ до полнаго умственнаго паденія. Не находя живого матеріала для ума и души, Аркатовъ весь поглощается формой. Онъ учится не для знанія, котораго ему не даютъ, а для отмѣтки, для видимости, т.-е. для вздора. И масса учениковъ кончала тѣмъ же, чѣмъ онъ началъ. Знаніе, ученіе, мысли о высшемъ значеніи науки все было чуждо классицизму, ихъ замѣняла одна форма. Только немногіе прозрѣвали во время и, какъ Аркотовъ, уходили въ свой, особый мірокъ, чуждый и враждебный гимназіи, гдѣ чтеніемъ и кружковой жизнью боролись съ ослѣпляющимъ вліяніемъ гимназіи. Какъ происходилъ этотъ процессъ «паденія» лучшихъ учениковъ? «Аркатовъ сталъ сознательнѣе всматриваться въ тяготѣвшее надъ нимъ гимназическое преподаваніе. Заучивая съ великимъ трудомъ чуждыя ему греческія вокабулы, которыя притомъ и произносились Богъ ихъ ихъ знаетъ какъ: не то по Эразму, не то по Рейхлину,—Аркатовъ сталъ соображать, что едва ли произойдетъ для него какая-нибудь радость или удовольствіе въ жизни отъ этихъ вокабулъ или отъ омерзительныхъ, невыносимо трудныхъ спряженій съ ихъ всевозможными прошедшими, будущими, предбудущими, сверхбудущими, давнопрошедшими и давнымъ-давнопрошедшими и никогда не бывшими временами, съ ихъ сослагательными, желательными и нежелательными наклоненіями. «Чортъ ихъ знаетъ!—возмущался онъ.—Мало имъ единственнаго и множественнаго числа, такъ они еще двойственное выдумали! Мало разныхъ простыхъ прошедшихъ временъ, такъ еще аористовъ настряпали!» Въ пятомъ классѣ Аркатовъ «по инерціи» все еще считался въ числѣ хорошихъ учениковъ, но паденіе его шло впередъ гигантскими шагами. Струна, такъ сильно сразу натянутая въ младшихъ классахъ, стала ослабѣвать съ изумительной быстротой. У Аркатова не было достаточной уравновѣшенности въ характерѣ, чтобы съ разсчетомъ и хладнокровно заниматься гимназическими благо-глупостями латыни и греческаго языка. По натурѣ импульсивной и крайне впечатлительной, онъ страстно возненавидѣлъ всю классическую учебу, едва только раскусилъ ея тлѣнъ и гниль. А раскусить ее теперь для него не представлялось никакой трудности, особенно подъ руководствомъ и при содѣйствіи такихъ педагоговъ, какъ «Ѳита» и Элладскій... Первыми учениками въ старшихъ классахъ стали совсѣмъ иные типы. Въ младшихъ классахъ первыми были усердствующія способныя натуры, рьяно на первыхъ порахъ переваривавшія все то, чѣмъ ихъ пичкала гимназія. Въ

старшихъ же классахъ первенство отнимали у нихъ или уравновѣшенныя трудолюбивыя посредственности, работавшія усердно по привычкѣ или изъ страха и мало озабоченныя содержаніемъ той трухи, которую они изучали, или же карьеристы, въ достаточной степени дальновидные, разсчетливые и способные молодые люди, прекрасно понимавшіе, что классицизмъ—чепуха и гниль, но старательно изучавшіе Цезаря, Софокла и Гомера, даже презирая ихъ не по заслугамъ»...

Что можно сказать въ защиту такой системы? Искренно признаемся, что теперь, когда она осуждено безповоротно, мы-бы желали указать хоть что-нибудь хорошее въ ней, что давало бы намъ право отнестись къ ней, какъ къ мертвой, снисходительно, хотя въ чемъ нибудь помянуть ее добрымъ словомъ,— и не можемъ. Припоминая личное знакомство наше съ этой системой, мы можемъ вспомнить одного-двухъ недурныхъ учителей-классиковъ, которые искренно желали внушить намъ любовь къ классическимъ языкамъ и ко всему, что съ ними связано. Но эти рѣдкія исключенія сыграли скорѣе дурную роль. Они личными достоинствами прикрывали пустоту того, что у насъ величалось классицизмомъ. И хотя это покажется парадоксомъ, но, право, всѣ эти «Ѳиты», Бѣлоглавеки и другіе «классики», о которыхъ повѣствуютъ гг. Никоновъ и Яблоновскій, имѣли благотворное значеніе для русскаго общества. Они явились такой превосходной иллюстраціей системы, что и слѣпые увидѣли ея ничтожество, и глухіе поняли ея мертвящую пустоту, которою система глушила все живое и жизнеспособное.

«На распутьи»—сборникъ публицистическихъ статей г. Кривенки, писанныхъ имъ почти десять лѣтъ тому назадъ,—какой интересъ и для кого можетъ имѣть эта книга теперь? Однако, выходъ ея вторымь изданіемъ ясно говоритъ, что свой интересъ книга имѣетъ и какого-то читателя удовлетворяетъ, и мы понимаемъ и этотъ интересъ, и этого читателя. Авторъ умѣло собралъ рядъ любопытныхъ фактовъ изъ исторіи попытокъ отдѣльныхъ культурныхъ людей внести эту культуру въ темную среду деревни, и читая теперь эту исторію, испытываешь своеобразное чувство печали, словно слушая разсказъ о хорошихъ покойникахъ, которые дѣлали свое хорошее небольшое дѣло и ушли, оставивъ добрую память. Есть, правда, въ концѣ и «полемическія красоты», ядовитыя нѣкогда стрѣлы по адресу «псевдо-морксистовъ», но—увы!—все это кажется такимъ далекимъ и чуждымъ современности, что и ядъ весь выдохся, и стрѣлы заржавѣли. Полемическія красоты г. Кривенки напоминаютъ старые анекдоты, разсказываемые старцемъ, который самъ первый смѣется въ то время, какъ слушатели съ недоумѣньемъ переглядываются, не понимая, въ чемъ тутъ соль. Все это отошло въ область преданія, но какъ таковое не можетъ не интересовать бытописателя, заинтересованнаго смѣной общественныхъ настроеній. Уже во время перваго появленія этихъ статей г. Кривенки на страницахъ «Рус. Богатства», столь далеко ушедшаго съ тѣхъ поръ отъ мечтательнаго направленія этого добраго стараго народника,—онѣ отдавали чѣмъ-то не отъ міра сего, а нынѣ и подавну этотъ оттѣнокъ нездѣшней стороны возобладалъ въ нихъ окончательно. Тѣмъ не менѣе, а можетъ быть, именно потому, «На распутьи» читается съ неослабнымъ вниманіемъ. И печальная повѣсть о «культурныхъ скитахъ», куда люди шли спасаться и искать новой правды, и разсказъ о безплодной, хотя и героической попыткѣ одиночныхъ борцовъ за культуру въ деревнѣ дѣйствуетъ на читателя ободряющимъ образомъ. Въ наше практическое время эти одиночные борцы получаютъ почти легендарный характеръ,—настолько воодушев-

шевлявшій ихъ духъ отлетѣлъ отъ современности, о чемъ можно искренно пожалѣть.

Самъ г. Кривенко правильно оцѣниваетъ описываемое имъ явленіе, не превознося его, но и не умаляя. Можно не соглашаться съ его конечными выводами, когда онъ противопоставляетъ такую культурную дѣятельность одинокихъ интеллигентовъ новому направленію, шедшему не въ разрѣзъ съ подобной работой въ деревнѣ, а въ сторонѣ отъ нея. Но самая его оцѣнка такой дѣятельности намъ кажется и вѣрной, и заслуживающей вниманія. Онъ правъ, когда зачисляетъ, по его выраженію, въ «общественной пассивъ» всѣхъ тѣхъ, кто и самъ ничего не дѣлаетъ, и другихъ только критикуетъ хотя бы и съ разныхъ возвышенныхъ точекъ. А пассивъ этотъ, по его словамъ, очень великъ. «Тутъ мы встрѣчаемъ и новѣйшихъ Обломовыхъ, и престарѣлыхъ Маниловыхъ, и возмужавшихъ Фемистоклюсовъ, и широкія, возвышенныя натуры a la Рудинъ и Агаринъ, которыя не находятъ дѣла по плечу: и людей, проявившихъ нѣкогда какія-нибудь гражданскія чувства и съ тѣхъ поръ отдыхающихъ отъ этого проявленія, на подобіе ветерановъ отечественной войны; и людей, нѣкогда обиженныхъ и ждущихъ, что къ нимъ еще обратятся, если не сами обидчики, то ихъ преемники; и людей, разочарованныхъ въ жизни и сердящихся на дѣйствительность, что, однако, не мѣшаетъ ни ихъ прекрасному сну, ни пищеваренію; и чистоплотниковъ, не любящихъ общественныхъ дрязгъ, но прекрасно ведущихъ свои личныя дѣла, порою очень нечистоплотныя; и господъ, говорящихъ, что теперь нельзя и не стоитъ ничего дѣлать, однако, достаточно обезпеченныхъ, чтобы жить безъ труда; и людей, занимающихся на склонѣ жизни самоусовершенствованіемъ и саморазвитіемъ, и людей, живущихъ исключительно воспоминаніями прошлаго, и просто говоруновъ, и просто трусовъ, боящихся житейскихъ столкновеній и недоразумѣній, и настоящихъ либеральныхъ фарисеевъ, и теоретиковъ, возводящихъ пассивность въ принципъ, какъ, напр., нѣкоторые изъ новыхъ экономистовъ, которые говорятъ, что съ капитализмомъ ничего нельзя подѣлать, что онъ предназначенъ покорить народы и обратить мужика въ пролетарія, что передъ его требованіями должны преклониться всякія общественныя силы и даже самый человѣческій духъ и т. д.».

Оставляя въ сторонѣ «новыхъ экономистовъ», которыхъ г. Кривенко съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, и теперь не хочетъ понять, какъ не понималъ и прежде,—нельзя не признать блестящей всю эту характеристику пассивныхъ критикановъ, всегда только задерживающихъ ходъ общественной жизни. Но, съ другой стороны, чтобы оживить общественную дѣятельность, подобныхъ тирадъ, даже и болѣе сильныхъ, недостаточно, а этого-то, чего-то другого, къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Кривенки нѣтъ. Предъ нами проходитъ рядъ очень милыхъ и добрыхъ людей, изъ которыхъ каждый въ мѣру силъ своихъ и пониманія старается такъ или иначе внести въ жизнь деревни частичку культуры. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти одиночныя усилія даютъ слабые результаты, настолько ничтожные, что авторъ, тщательно подбиравшій всѣ извѣстія о такого рода работѣ на протяженіи чуть ли не десятка лѣтъ,—а одно время подобныя попытки были очень въ модѣ и печать извѣстнаго сорта очень съ ними носилась,—не могъ указать намъ ничего болѣе или менѣе положительнаго, прочнаго, на чемъ, дѣйствительно, стоило бы остановиться, призвать всѣхъ скептиковъ и указать имъ—«смотрите и поучайтесь». Фигурируетъ въ этомъ ряду культурныхъ работниковъ и въ свое время прославленный врачъ Таировъ, вздумавшій заниматься вольной практикой въ деревнѣ; и не менѣе нашумѣвшая своей брошюркой о школахъ грамотности г-жа Штевенъ; и даже г. Левитскій, неугомонный устроитель артелей, въ

существованіи которыхъ многіе сомнѣвались, пока самъ авторъ не доложилъ о нихъ въ вольно-экономическомъ обществѣ въ извѣстномъ докладѣ; и нѣкій г. Нечволодовъ, странная дѣятельность котораго по устройству переселенцевъ вызвала въ свое время весьма ожесточенную полемику,—и еще разные въ томъ же родѣ дѣятели до г. Штанге включительно. Мы, да, вѣроятно, и никто, не сомнѣваемся въ самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ всѣхъ этихъ культурныхъ дѣятелей. Но не думаемъ, чтобы они могли возбудить сильное и горячее желаніе подражать ихъ дѣятельности. Мы думаемъ, что это происходитъ не оттого, чтобы теперь люди стали менѣе отзывчивы, менѣе стремились бы внести свѣтъ въ деревню, помочь разнымъ артелямъ, кустарямъ, переселенцамъ и т. п. Но именно опытъ, вынесенный изъ такого рода попытокъ, мѣшаетъ продолжать ихъ и развивать этимъ путемъ культурную дѣятельность въ деревнѣ. Эти попытки, даже наиболѣе удачныя изъ нихъ, убѣдили интеллигенцію, что этотъ путь ни къ чему не ведетъ. Культура создается не отдѣльными силами хотя бы самыхъ горячихъ и самоотверженныхъ дѣятелей, а общимъ направленіемъ государственной и общественной работы. Отдѣльныя усилія, конечно, были и будутъ всегда. Все равно, какъ мы не перестанемъ подавать милостыню голодному, будутъ и одиночные культурные борцы, но какъ милостыней не устранишь голода, такъ и усиліями этихъ благородныхъ дѣятелей не подымешь культуры деревни. И вотъ это то сознаніе безплодности своей работы лишаетъ работниковъ необходимаго жара, мѣшаетъ имъ сплотиться въ сильную организацію, которая могла бы обнять всѣ отдѣльныя начинанія. Разъ убѣдившись въ этомъ, интеллигенція уже органически не въ силахъ устремляться въ деревню тысячами и тамъ устраивать культурные центры. Такая масса подобныхъ попытокъ погибла, столько жертвъ пало безплодно, что невольно является вопросъ, стоитъ ли продолжать такое безнадежное дѣло? Не поможетъ тутъ и ссылка на примѣръ Запада, гдѣ изъ слабыхъ вначалѣ попытокъ создавалось потомъ огромное общественное дѣло, напр., лига образованія Массэ во Франціи или народное университетское движеніе (university extension) въ Англіи. Дѣло въ томъ, что жизнь на Западѣ помогаетъ развитію и расцвѣту подобныхъ начинаній, т. е. дѣйствуетъ какъ разъ обратно тому, что мы замѣчаемъ у себя.

Напрасно авторъ поучаетъ насъ, что «только очень большіе люди, да и то дѣлающіе что-нибудь существенное для человѣческаго счастья, могутъ сверху смотрѣть на черную работу учителей, ходоковъ, адвокатовъ и считать такую дѣятельность ниже своего роста». Едва ли кто смотритъ сверху внизъ на маленькихъ культурныхъ работниковъ. Всѣ мы, а насъ огромное большинство, такіе же маленькіе «культуртрегеры», каждый въ своей области, что и уравниваетъ меня, журналиста, и каждаго учителя, и ходока по крестьянскимъ дѣламъ, въ родѣ упоминаемаго авторомъ г. Гецевича. Намъ не приходится считаться силами и заслугами, но ничто не заставитъ всѣхъ насъ устремиться въ деревню, разъ нѣтъ твердой вѣры, что именно тамъ истинное призваніе культурнаго работника, та единственная почва, на которой сѣмя его дастъ добрые всходы. Здѣсь и лежитъ, какъ намъ кажется, корень вопроса. Нѣкогда,—и г. Кривенко одинъ изъ почтенныхъ обломковъ этого «нѣкогда»,—видѣли въ деревнѣ центръ всей русской жизни, гдѣ только и можетъ произойти разрѣшеніе всѣхъ запутанныхъ узловъ нашей общественности. Мало-по-малу такое преобладающее мѣсто въ сознаніи русской интеллигенціи деревня утратила. Стали выдвигаться другіе центры, въ родѣ фабрики, напримѣръ, которые теперь тоже потеряли преобладаніе, но деревня отъ этого ничего не выиграла. Русская жизнь оказалась гораздо сложнѣе, чѣмъ представлялась раньше, чтобы ее можно было обосновать на одной общинѣ или одной фабрикѣ, откуда и проистекаетъ современное довольно-таки хладнокровное отношеніе къ обѣимъ. Явилось критическое отношеніе и, какъ результатъ его, нежеланіе затрачивать свои

силы безъ увѣренности, что именно здѣсь онѣ могутъ быть использованы наилучшимъ образомъ. Автору извѣстны, конечно, и тѣ, и другіе факты, которые равно убѣдительно говорятъ за работу и въ деревнѣ, и въ городѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, затруднились бы отвѣтить, почему предпочтительнѣе быть учителемъ въ деревенской школѣ, чѣмъ въ городской? Культурные работники, искренніе, убѣжденные и самоотверженные, нужны вездѣ. Бѣда только въ томъ, что если и прежде имъ приходилось туго, то теперь условія для ихъ дѣятельности еще ухудшились. Стоитъ только вспомнить систематическій походъ, какой ведутъ теперь противъ нихъ въ земствѣ такіе дѣятели, какъ знаменитый «папа Родзянко I», разогнавшій всю статистику, или его не менѣе достойный славы подражатель, харьковскій предсѣдатель, разогнавшій всѣхъ врачей, всѣхъ интеллигентныхъ работниковъ въ управѣ и очутившійся въ земствѣ одинъ въ позѣ Мамая,—гдѣ конь его прошелъ, тамъ трава не растетъ. Извольте работать при такихъ условіяхъ, когда любой Родзянко придетъ и уничтожитъ всѣ твои труды! Нападая на злосчастную интеллигенцію, забываютъ обыкновенно, что люди не могутъ сколько-нибудь плодотворно работать, если нѣтъ увѣренности въ безопасности твоей работы, если ей не грозитъ ежечасно полное уничтоженіе. И все же жизнь въ городѣ, работа здѣсь болѣе обезпечена отъ вторженія постороннихъ элементовъ, потому что личность въ городѣ, какъ ни слабо, а болѣе ограждена отъ всякихъ посягательствъ.

Г. Кривенко, увлекаясь работой культурныхъ одиночекъ, отмѣчаетъ ихъ изолированность и предлагаетъ въ заключеніе устроить какую-либо общую организацію, которая тѣмъ или инымъ путемъ обезпечивала бы ихъ матеріальное положеніе. «Въ какомъ видѣ выразится эта поддержка (въ видѣ ли взаимнаго или общаго страхованія, въ видѣ ли земскаго участія, въ видѣ ли хозяйственнаго общаго или отдѣльнаго устройства на землѣ, присоединяясь или не присоединяясь къ тому деревенскому міру, на который люди работаютъ и т. п.),—это будетъ зависѣть отъ выбора самихъ дѣйствующихъ лицъ». Странное, почти комическое впечатлѣніе производитъ это его заключеніе! Нужно совершенно стоять въ сторонѣ отъ жизни, чтобы, сидя у себя въ кабинетѣ, мечтать о подобнаго рода союзахъ интеллигентныхъ работниковъ, раскиданныхъ по глухимъ угламъ. Если сама культурная работа является у насъ своего рода почти подвигомъ, то незачѣмъ говорить объ обезпеченіи подвизающихся: въ подвижничествѣ для нихъ все. Если же такая работа была бы и у насъ, какъ вездѣ въ другихъ культурныхъ странахъ, вполнѣ планомѣрной и общественно-признанной, то и обезпеченіе тружениковъ явилось бы какъ необходимое дополненіе, иначе не нашлось бы работниковъ. Могли же, напримѣръ, американцы такое чисто идейное движеніе, какъ устройство народныхъ университетовъ, поставить на чисто дѣловыхъ основаніяхъ и, развивъ его до предѣловъ, о какихъ мы даже мечтать не можемъ, сдѣлали въ то же время очень выгодное для всѣхъ, ведущихъ эти университеты предпріятіе. Отсутствіе общественныхъ условій для всякой культурной работы у насъ дѣлаетъ изъ нея подвигъ, и этимъ исключается всякая возможность какого бы то ни было обезпеченія для работника. Въ то же время, будучи подвигомъ, такая работа и не можетъ привлечь массу работниковъ, ибо масса состоитъ изъ среднихъ людей, всегда идущихъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія.

Культурные одиночки всегда были у насъ, даже и во тьмѣ крѣпостныхъ временъ, но не они, конечно, давали окраску жизни. Есть они и теперь, и будутъ всегда, но они не будутъ устроителями и двигателями жизни. Въ лучшемъ случаѣ они помогутъ тоже одиночкамъ нести бремя жизни, какъ, напримѣръ, г. Гецевичъ, столь многократно упоминаемый г. Кривенко, ходатай по крестьянскимъ дѣламъ, или какой-нибудь безкорыстный врачъ для бѣдныхъ. Но въ борьбѣ съ юридической неправдой, опутывающей деревенскую жизнь,

или съ деревенскими болѣзнями—ни этотъ ходатай, ни врачъ не могутъ ничего улучшить сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Весьма возможно, что за эти слова авторъ и насъ зачислитъ въ свой «общественный пассивъ», но мы поступили бы неискренно, если бы съ увлеченіемъ стали проповѣдовать новый походъ интеллигенціи въ деревню. Для успѣха такой проповѣди нѣтъ теперь ни малѣйшихъ благопріятныхъ условій, ибо нѣтъ такихъ условій для культурной работы въ деревнѣ, если понимать подобную работу не въ видѣ отдѣльныхъ попытокъ, а въ видѣ планомѣрной организаціи. Что касается культурныхъ одиночекъ, то для нихъ законъ не писанъ. Они свидѣтельствуютъ о неумирающей жаждѣ подвига среди русской интеллигенціи, и ихъ благородыя усилія, какъ бы ни были ничтожны результаты, не пройдутъ безслѣдно для роста общественной совѣсти. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, ихъ главное значеніе.

Очень рѣдко, почти ничего не приходится намъ говорить о русской реакціонной прессѣ. Происходитъ это главнымъ образомъ оттого, что эта пресса очень не интересна, и рѣдко-рѣдко можно найти и у нея что-нибудь, что могло-бы послужить на пользу нашему читателю. Чѣмъ объяснить такое оскудѣніе реакціонной печати, судить не беремся. Зато съ тѣмъ большимъ удовольствіомъ обращаемъ вниманіе на замѣчательную статью г А. Филиппова въ первой книжкѣ воскресшаго въ этомъ году «Русскаго Обозрѣнія»—«Изъ исторіи журнала», въ которой авторъ съ откровенностью, достойною всяческаго поощренія, разсказываетъ, какъ возникъ журналъ, какъ и чѣмъ онъ держался и отчего, наконецъ, палъ. Въ исторіи нашей реакціонной печати статья г. Филиппова должна занять видное мѣсто, и чѣмъ больше она будетъ извѣстна, тѣмъ полезнѣе и для печати вообще.

Г-нъ А. Филипповъ начинаетъ съ жалобы, что нынѣ журналъ могъ бы праздновать десятилѣтіе, такъ какъ въ 1890 г. было основано «Русское Обозрѣніе»,—по словамъ автора, «въ самый разгаръ патріотическаго воодушевленія, внесеннаго политикой покойнаго государя Александра III, вѣрнѣе его образомъ мыслей и силой чувства, сливавшагося съ тѣмъ, что таится въ груди русскаго народа. И не будь судьба этого журнала исключительной по своему характеру, мы выслушали бы уже много рѣчей, заздравныхъ тостовъ и привѣтствій читателей. Но,—меланхолически замѣчаетъ авторъ,--какъ все, что призвано отстаивать интересы нашей народности, оно (т.-е. журналъ) захирѣло, пришло въ упадокъ и, думаю, рѣдко кто помнитъ, скорѣе мало кто знаетъ объ этой поучительной страничкѣ изъ исторіи близкаго намъ времени».

Идея журнала возникла въ Москвѣ—у кого именно, авторъ не помнитъ. Зародился онъ подъ редакціей кн. Цертелева и при матеріальной поддержкѣ Давыда Морозова. «Московскій публицистъ, дворянинъ чисто русскихъ традицій, соединялся съ представителемъ лучшей части московскаго купечества, образованнымъ старовѣромъ. Что можетъ быть трогательнѣе союза двухъ нелицемѣрно любящихъ родину лицъ, пользовавшихся притомъ совершенно независимымъ положеніемъ?!» спрашиваетъ г. Филипповъ.

Успѣхъ, казалось, былъ заранѣе обезпеченъ. «Конечно, на зовъ редактора не замедлили откликнуться интересные по своему сочетанію элементы русской литературы. Въ журналѣ приняли участіе царственный поэтъ К. Р., и неоцѣненный, но высоко цѣнный философъ, П. Е. Астафьевъ; романистъ, публицистъ и политико-экономъ К. Ѳ. Головинъ, и увлекательный поэтъ-беллетристъ Іер. Ясинскій, и повѣствователь-историкъ гр. Саліасъ; бывшій адвокатъ, изслѣдователь искусства и будущій властелинъ въ области печати М. П. Соловьевъ. Поэтъ, прославившійся переводами, П. А. Козловъ въ звучныхъ сонетахъ воспѣвалъ современ-

ность. Ген. А. А. Кирѣевъ, по обыкновенію, эффектно-джентельменски полемизировалъ съ Вл. Сер. Соловьевымъ, а князь Ухтомскій, теперь съ такимъ презрѣніемъ нападающій на «Московскія Вѣдомости», дружески усаживался за редакціонный столъ съ Вл. А. Грингмутомъ, непоколебимымъ защитникомъ классицизма. Павелъ Безобразовъ, тотъ самый, что съ пѣною у рта, «какимъ то демономъ внушаемъ», читалъ впослѣдствіи лекціи «въ защиту женщинъ»—чѣмъ инымъ создается въ настоящее время популярность?! — спокойно переносилъ сосѣдство степеннаго соціолога и осторожнаго политика Льва Тихомірова», и т. д.

«Не правда ли,— восклицаетъ г. Филипповъ, какое поразительное разнообразіе именъ, статей и ихъ настроенія!» Дѣйствительно, но это и повело въ ближайшемъ будущемъ къ разладу. Въ первые два года, не смотря на то, что «скромный издатель журнала Д. Морозовъ затратилъ свыше 200.000 р.», не смотря на всякое поощреніе со стороны, «подписчиковъ было немного. При значительномъ количествѣ даровыхъ экземпляровъ, при искусственномъ распространеніи журнала, число ихъ не доходило до 2.000; существовать при такихъ условіяхъ самостоятельно журналу нельзя». А тутъ еще въ 1892 г. «умеръ гражданской (?) смертью Н. Н. Боборыкинъ, нотаріусъ и въ нѣкоторой степени литераторъ, лицо, подписывавшееся за издателя». Возникъ вопросъ и о редакторѣ, такъ какъ кн. Цертелевъ послѣ «гражданской смерти» Боборыкина поспѣшилъ отказаться отъ руководительства журналомъ. На выручку явился «случай», помогшій подыскать нужнаго человѣка, найти котораго, по словамъ автора статьи, было вообще очень трудно, ибо «отдать изданіе, такъ счастливо начатое и обратившее на себя вниманіе не только публики, но и двора, въ руки случайныхъ предпринимателей казалось невозможнымъ». «Только человѣкъ устойчивыхъ убѣжденій, большого запаса энергіи, обладавшій литературной извѣстностью, могъ претендовать на полученіе журнала». Но, печально поясняетъ авторъ, такого человѣка не было. Къ счастью для журнала, «случай свелъ Боборыкина на улицѣ съ малознакомымъ ему Анатоліемъ Александровымъ, молодымъ человѣкомъ, не достигшимъ 30 лѣтъ и почти никому неизвѣстнымъ». Могъ ли онъ выполнить роль руководителя столь серьезно поставленнаго изданія?—спрашиваетъ г. Филипповъ, и безъ колебаній отвѣчаетъ: «Изъ тѣхъ силъ, которыя необходимы при составленіи редакціи и для развитія такого крупнаго и широкаго дѣла, какъ изданіе ежемѣсячника, у Александрова не было ни одной. Нѣсколько стихотвореній, обличавшихъ въ авторѣ самое заурядное дарованіе; два-три фильетона по литературѣ, свидѣтельствовавшіе о бойкости пера и опредѣленности мыслей больше, чѣмъ о талантѣ—вотъ и все, чѣмъ могъ похвастать будущій редакторъ». А «въ то время пресса ревниво оберегалась отъ вторженія сомнительныхъ элементовъ»,—внушительно замѣчаетъ авторъ. Такъ и взглянули на новаго кандидата въ Петербургѣ. Но тутъ выручили знакомства. Александровъ въ свое время, «по чутью скорѣе, нежели благодаря опыту и знаніямъ, примкнулъ къ кружку молодежи, приверженцевъ идей философа-публициста К. Н. Леонтьева, а чрезъ послѣдняго обратилъ на себя вниманіе тогдашняго министра народ. просв. графа Делянова, который и сталъ покровительствовать способному молодому человѣку. Вскорѣ объ Александровѣ узналъ и К. П. Побѣдоносцевъ». Въ Петербургѣ встрѣтили Александрова сначала недовѣрчиво, «но часъ бесѣды съ Побѣдоносцевымъ создалъ Александрову такого покровителя и союзника, который остался для него памятнымъ и навсегда оказалъ громадное вліяніе на судьбы журнала. Побѣдоносцеву, конечно, случалось ошибаться въ размѣрѣ силъ и дарованій людей, которыхъ онъ выдвигалъ, но относительно направленія ихъ и искренности ихъ чувствъ къ родинѣ, никто не упрекнетъ его въ ошибкѣ. И Анатолій Александровъ, успѣвшій получить приватъ-доцентуру при Московскомъ университетѣ,

а вскорѣ затѣмъ сдѣлавшійся и редакторомъ-издателемъ газеты «Русское Слово», оказался, конечно, соотвѣтствующимъ возложенной на него задачѣ».

Итакъ, первое крушеніе, вызванное «гражданскою смертью» издателя, было предотвращено. Новый редакторъ-издатель, хотя и не обладавшій никакими нужными для журнала дарованіями, собралъ новыя силы, въ лицѣ «прославленнаго нынѣ В. В. Розанова», а старыя поощрялъ и ободрялъ; такъ, напр., «Мих. П. Соловьевъ этюдами по Святой землѣ прокладывалъ себѣ дорогу къ должности главноуправляющаго по дѣламъ печати»; «въ 1894 г. возобновилъ эффектныя статьи Spectator, находившій Россію на распутьи, но сильной, въ то время, какъ Европа быстрыми шагами шла къ разложенію. Увѣренно звучащій, почти властный, тонъ замѣтокъ обратилъ на себя серьезное вниманіе. Автору статей В. Грингмуту черезъ нѣкоторое время было предложено редактировать «Московскія Вѣдомости».

Несмотря однако на всѣ эти успѣхи сотрудниковъ журнала, «подписчиковъ не прибывало. Изданіе не давало дохода и требовало постоянной поддержки». «И вотъ, пришло время,—съ грустью продолжаетъ авторъ,—когда Давыдъ Морозовъ отказался отъ дальнѣйшей помощи предпріятію, въ успѣхъ котораго уже не вѣрилъ, особенно послѣ цѣлаго ряда обличительныхъ доносовъ со стороны «друзей» Александрова, и послѣдній оказался въ отчаянномъ положеніи, изъ котораго былъ выведенъ Высочайшею милостью. На продолженіе журнала было отпущено изъ личныхъ Его Величества средствъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Сотрудникъ «Рус. Обозрѣнія», такъ сказать, пестунъ его, К. П. Побѣдоносцевъ, помѣстившій въ 1893 г. статью о Ле-Пле, былъ живымъ двигателемъ дѣла, обратившимъ высокое вниманіе покойнаго государя на Александрова, который и былъ представленъ Его Величеству. Послѣ этого звѣзда Александрова засіяла яркимъ свѣтомъ на нашемъ литературномъ небосклонѣ».

Время это было апогеемъ благополучія Александрова, вокругъ котораго, «незамѣтнаго прежде человѣка, стали тѣсниться люди, отличающіеся по своему положенію или дѣятельности», а главное—«къ нему возвратилось прежнее расположеніе Морозова», что опять обезпечило существованіе журнала на два еще года. Но, увы!—велика человѣческая неблагодарность: «одни за другими мелькали мѣсяцы, тянулись годы, не принося увеличенія подписчиковъ, не вызывая отклика среди безмолвствовавшихъ, гдѣ-то «въ глубинѣ Россіи» разсѣянныхъ читателей», а тутъ еще «съ 1896 г. Давыдъ Морозовъ, уже больной, съ неохотой выдавалъ деньги на изданіе и то въ крайнихъ затруднительныхъ случаяхъ». Между тѣмъ, этихъ «случаевъ» становилось все больше, ибо «неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ заставляла падать, а не развиваться журналъ». Но счастливая звѣзда Александрова не совсѣмъ закатилась еще, и «при новыхъ матеріальныхъ затрудненіяхъ на журналъ было обращено высокое вниманіе Его Величества. Нынѣ царствующему Государю благоугодно было отпустить въ 1896 г. на изданіе журнала нѣсколько десятковъ тысячъ изъ собственныхъ Его Величества средствъ, а въ 1897 г. Ея Величество, вдовствующая Императрица, почтила Александрова таковою же помощью. Редакторъ-издатель былъ обласканъ и ободренъ».

Однако, ничто уже не могло спасти изданія, которое не встрѣчало поддержки со стороны читателей, по прежнему продолжавшихъ хранить «безмолвіе» и, что еще хуже, не подписывавшихся на журналъ, гдѣ сотрудники вели, каждый по своему, опредѣленную линію: кто «пролагалъ» дорогу къ тепленькому мѣстечку, кто тономъ, «почти властнымъ», выписывалъ себѣ видное положеніе, кто преслѣдовалъ цѣли, намъ неизвѣстныя, но очевидно симпатичныя г. Филиппову, насколько можно судить по его теплому тону. Все это, конечно, никакого отношенія къ литературѣ не имѣло. А въ результатѣ такого разброда «наша партія», о значеніи и дѣйствіяхъ которой, — ядовито замѣчаетъ г. Филипповъ,—

«такъ краснорѣчиво писали на страницахъ «Русскаго Обозрѣнія», не только не проявляла жизни, но неизвѣстно гдѣ находилась, по крайней мѣрѣ она не хотѣла поддерживать Александрова и въ наиболѣе острый періодъ его борьбы съ равнодушіемъ публики не могла организовать дѣло такъ, чтобы оно продолжало стройно функціонировать. Наоборотъ, извѣстія о высочайшихъ милостяхъ къ Александрову, распространяясь по административнымъ сферамъ, переносились съ быстротой фурій въ литературныя, вызывая зависть и недоброжелательство прежде всего у представителей «нашей партіи», полное равнодушіе къ судьбѣ журнала среди лицъ, стоящихъ внѣ ея. Изъ устъ въ уста передавалось, какъ достовѣрность, что десятки тысячъ, отпущенныя Александрову, истрачены не на дѣло, а припрятаны; другая часть обращена на покупку великолѣпныхъ дачъ у Троицы». И въ лѣто 1898 г. отъ Р. Хр., заканчиваетъ лѣтописецъ свою повѣсть, журналъ закрылся, истощивъ силы въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики. Въ августѣ этого года появилась майская книга, въ которой редакція заявляла, что, «въ силу непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и перемѣны типографіи, книжки задержаны, но редакторъ приметъ всѣ мѣры и послѣдующія книги начнутъ выходить аккуратно». Но «это было послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ журнала. Онъ пересталъ существовать, его забыли».

Итакъ, журналъ, имѣвшій такія матеріальныя средства, какъ ни одно изданіе ни до него, ни послѣ, снискавшій столь высокую поддержку, что ея одной уже, казалось, было достаточно, чтобы обезпечить крупный и прочный успѣхъ,—просуществовалъ, лучше сказать—съ трудомъ протянулъ около семи лѣтъ и погибъ безславной смертью, не возбудивъ сожалѣнія даже въ средѣ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, которые въ значительной степени сами доканали его. Что же послужило причиной такого страннаго на первый взглядъ неуспѣха? Матеріальная сторона, на которую усиленно напираетъ г. Филипповъ, во всякомъ случаѣ тутъ не причемъ. Больше 200.000 р. Давыда Морозова, три раза значительныя субсидіи изъ средствъ Высочайшихъ Особъ—неужели этого мало, не считая еще кое какихъ подписныхъ суммъ, которыя на худой конецъ дали не одинъ десятокъ тысячъ? Очевидно, дѣло не въ деньгахъ. Причина и не въ постороннихъ обстоятельствахъ, такъ какъ журналу была обезпечена поддержка, которая, какъ мы видѣли, могла устранить всѣ препятствія. Причина гибели журнала лежитъ гораздо глубже. Прежде всего она заключалась внутри самого дѣла. Не смотря на столь восхищающій г. Филиппова идеальный союзъ «дворянина чисто русской традиціи съ представителемъ лучшей части купечества», во главѣ изданія съ самаго начала ставится человѣкъ, черезъ годъ умершій «гражданской» смертью Это фактъ глубоко знаменательный для настоящаго предпріятія: въ реакціонной литературной средѣ не нашлось лучшаго человѣка, какъ двусмысленная личность. Далѣе, уходитъ человѣкъ съ литературнымъ именемъ, кн. Цертелевъ, и, по словамъ нашего лѣтописца, его замѣняетъ человѣкъ, «у котораго не было ни одной изъ тѣхъ силъ, какія необходимы для этого крупнаго дѣла»: ни литературнаго имени, ни таланта, ни опыта, ни трудолюбія, ни авторитета, ничего, кромѣ «опредѣленности мыслей». Словомъ, багажъ болѣе чѣмъ скудный для редактора-издателя большого журнала. Такимъ образомъ, во главѣ дѣла все время не было даже съ точки зрѣнія реакціонныхъ требованій—подходящаго человѣка. Затѣмъ, сотрудники, которые и составляютъ главную силу журнала. Наивный лѣтописецъ откровенно указываетъ, что всякій преслѣдовалъ свои цѣли, не имѣющія ничего общаго съ литературой. Понятно, каково было содержаніе журнала,—и вотъ третья и самая коренная причина: равнодушіе публики. Какое дѣло читателю до тѣхъ цѣлей, какія преслѣдовали сотрудники? Даже своя, реакціонная публика, которая все же могла бы поддержать журналъ, не могла не отшатнуться въ концѣ концовъ, видя не только идейную и литературную сла-

бость руководителей, но и что-то совсѣмъ темное въ ихъ поведеніи... Правда, г. Филипповъ заявляетъ, что «по провѣркѣ счетовъ и книгъ оказалось, что онъ (Александравъ) не оставилъ себѣ ни одной копѣйки чужихъ денегъ». Но фактъ остается тѣмъ не менѣе фактомъ: нѣсколько сотъ тысячъ «чужихъ денегъ» исчезли такъ же безслѣдно, какъ исчезъ и самъ журналъ.

Реакціонная печать всегда жалуется на все и всѣхъ, обвиняя въ особенности либеральную печать, которая ей будто бы перебиваетъ дорогу, обладая большими средствами, чтобы оплачивать сотрудниковъ и приманивать читателей обиліемъ матеріала. Исторія «Русскаго Обозрѣнія» лишаетъ ее и этого обвиненія. Журналъ, повторяемъ, обладалъ по истинѣ громадными средствами, значитъ—не въ средствахъ дѣло, а въ людяхъ прежде всего и въ содержаніи. У «Русскаго Обозрѣнія» денегъ было больше, чѣмъ требуется на два такихъ журнала, но у него не было ни людей, ни идей, и оттого оно и погибло. Журналъ оказался никому ненужнымъ. Мало того, отъ него отшатнулись даже искренніе консерваторы, въ родѣ кн. Ухтомскаго, которые не могли переварить ни статей г. Розанова, его знаменитой «Ходынской катастрофы» (см. о ней «Критич. Замѣтки», 1897 г., октябрь), ни «властнаго» тона Spectatora, возстановившаго всю печать.

Въ концѣ концовъ, все свелось, такимъ образомъ, къ равнодушію публики, отчего журналъ и погибъ. Да, равнодушіе публики—это страшная, непреодолимая сила, съ которой не могутъ бороться никакія силы, никакіе капиталы, никакіе Александровы, Филипповы и т. п. личности, сколь бы безупречна ни была ихъ «опредѣленность мысли». Такова поучительная мораль «басни сей», за которую мы отъ души благодаримъ г. А. Филиппова.

А. Б.

ЛѢТОПИСЕЦЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ РУСИ.

(Къ десятилѣтію смерти Ивана Александровича Гончарова † 15 сентября 1891 г.).

Пятнадцатаго сентября исполняется десятилѣтіе со дня смерти одного изъ самыхъ крупныхъ нашихъ писателей. Самый старшій по годамъ, сравнительно съ своими сверстниками, Григоровичемъ, Тургеневымъ и Достоевскимъ, Иванъ Александровичъ Гончаровъ, родившійся въ 1812 г. и выступившій въ литературу одновременно съ ними, въ дереформенную эпоху половины сороковыхъ годовъ, представляетъ типичный образъ писателя, отошедшаго уже въ далекое прошлое.

Не помѣщикъ по происхожденію (сынъ богатаго симбирскаго купца), онъ, рано лишившись отца, получаетъ помѣщичье прекрасное воспитаніе, а подъ руководствомъ образованнаго стараго моряка, крестнаго отца, и въ кругу образованнѣйшихъ и лучшихъ людей изъ помѣщиковъ и чиновниковъ, собиравшихся въ его культурномъ родительскомъ домѣ, еще мальчикомъ развиваетъ въ себѣ широкую любознательность, любовь къ чтенію, природѣ и искусству. Единственный сынъ, баловень семьи и всѣхъ окружающихъ, тщательно обере-

---

*) Подробный разборъ сочиненій см. «Этюды о русскихъ писателяхъ. I. Гончаровъ». Виктора Острогорскаго. Изд. книжн. магазина Е. Н. Тихомировой. Москва 1888 г. ц. 75 к.

регаемый отъ всего грубаго, низкаго, дурного, мирно развивается онъ среди природы и приволья обезпеченной жизни, не видя не только нужды, но и не испытывая никакихъ горестей. Ровно и тихо проходитъ, среди добрыхъ, симпатичныхъ людей, его счастливое дѣтство, среди эстетическихъ интересовъ и полнаго домашняго довольства и рано формируется подъ всѣми этими вліяніями въ мальчикѣ эпикуреецъ, любящій покой, немножко баринъ—Обломовъ, немножко романтикъ—Александръ Адуевъ и немножко эстетикъ—Райскій. Такимъ, по крайней мѣрѣ, обрисовывается Гончаровъ въ сочиненіяхъ, въ симпатіяхъ къ тѣмъ или другимъ лицамъ и изображаемымъ явленіямъ жизни. Такимъ, всегда изящнымъ, спокойнымъ, сдержаннымъ и корректнымъ въ наружности, костюмѣ, рѣчи, манерахъ и отношеніяхъ къ другимъ, представлялся онъ намъ, еще съ 1862 г., когда бы и гдѣ бы мы его ни встрѣчали. И если въ нашей литературѣ указывалось на извѣстный помѣщичій аристократизмъ нашихъ писателей сороковыхъ годовъ, напр. Тургенева и на Григоровича, то этотъ аристократизмъ всегда былъ неразлученъ съ Гончаровымъ до самой смерти. Онъ высказывался въ его вкусахъ, въ выборѣ знакомствъ и нѣкоторомъ пристрастіи къ образованному высшему кругу, гдѣ онъ любилъ вращаться. Но этотъ аристократизмъ, полный духовнаго изящества, деликатности и терпимости, никогда не мѣшалъ ему быть пріятнѣшимъ собесѣдникомъ и симпатичнѣйшимъ, гуманнымъ, добрымъ человѣкомъ для всякаго, кому только ни приходилось съ нимъ въ жизни сталкиваться.

Но, при всѣхъ благопріятныхъ, условіяхъ домашняго круга, гдѣ росъ мальчикъ, была въ этомъ кругу одна особенность, которая, какъ намъ кажется, осталась не безъ вліянія на его писательскую дѣятельность. Все было въ этомъ кругу: и образованность, и умныя рѣчи, и эстетика, и сердечность, и гуманность; не было только одного,—критическаго, вдумчиваго отношенія къ окружающему, хотя бы къ тому же крѣпостному праву и страшному бюрократизму тяготѣвшему тогда надъ Русью. Очень ужъ замкнутою, эгоистическою жизнью жили эти старинныя культурныя «дворянскія гнѣзда». И въ этой особенности домашняго воспитанія писателя, можетъ быть, и слѣдуетъ искать причины того своеобразнаго эпическаго спокойствія, съ какимъ Гончаровъ рисуетъ свои громадныя картины мирной помѣщичьей жизни, совсѣмъ иначе изображенной Салтыковымъ въ «Пошехонской Старинѣ», а также и источника незлобиваго юмора Гончарова, добродушно смотрящаго на несовершенства русской жизни глазами старика, улыбающагося при видѣ дѣтскихъ глупостей. Все было сдѣлано для развитія литературнаго вкуса и образованія будущаго писателя, какъ въ родительскомъ домѣ, такъ и въ очень хорошемъ частномъ пансіонѣ, устроенномъ за Волгой въ барскомъ имѣніи одной княгини, гдѣ все воспитаніе было, такъ сказать, чисто литературное; хорошее было и среднее учебное заведеніе въ Москвѣ, куда отвезли двѣнадцатилѣтняго мальчика, и гдѣ, между прочими, давалъ ему, кажется, частные уроки и В. Г. Бѣлинскій, но не было у мальчика, ни дома, ни у княгини, ни тутъ, товарищей, кружка, который бы могъ расширить и углубить общественное сознаніе будущаго писателя. Въ сторонѣ отъ пробуждавшагося умственнаго движенія университетскихъ кружковъ тридцатыхъ годовъ, Станкевича, Бѣлинскаго и Герцена, стоялъ Гончаровъ и въ московскомъ университетѣ, гдѣ пробылъ съ 1831 по 1835 годъ на филологическомъ факультетѣ, погружаясь въ лекціи Надеждина, Шевырева и Давыдова и основательно изучая греческихъ и римскихъ писателей.

И вотъ, развиваясь въ одиночку, самъ по себѣ, въ сторонѣ отъ движенія критической русской мысли, юноша оканчиваетъ курсъ и, проведя нѣсколько мѣсяцевъ на покоѣ, въ привольѣ симбирской обломовщины, отправляется въ Петербургъ на службу, переводчикомъ въ министерство финансовъ. Напрасно призваніе влечетъ его къ литературѣ; недостатокъ собственной воли, а можетъ

быть, и настоянія родни, видѣвшей свѣтъ только въ службѣ, не даютъ развернуть крылья, и передъ нами—готовый образованный чиновникъ-эстетикъ, «цвѣтъ министерства»,—чиновникъ, прослужившій цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, изъ коихъ тридцать въ цензурномъ комитетѣ, гдѣ онъ особенно сходится съ извѣстнымъ профессоромъ-цензоромъ А. В. Никитенкой и поэтомъ-цензоромъ А. Н. Майковымъ, которому нѣкогда давалъ уроки и въ гостепріимномъ эстетическомъ домѣ родителей котораго впервые былъ прочитанъ и получилъ свое литературное крещеніе въ 1846—1847 г. первый романъ, «Обыкновенная исторія». Такъ, цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, до глубокой старости, почти до самой смерти, мирно и тихо, при постепенныхъ служебныхъ повышеніяхъ и наградахъ, безъ потрясеній и бурь, протекала своеобразная жизнь одного изъ величайшихъ нашихъ писателей, безпрестанно отвлекаемаго отъ своего призванія, какъ онъ самъ признается, дѣлами, не имѣющими ничего общаго съ литературой.

Что же составляло содержаніе этой жизни, что наполняло ее, согрѣвало и давало пищу этимъ чуднымъ созданіямъ, вышедшимъ изъ-подъ его геніальнаго пера? Ничего мы этого не знаемъ. Точно боясь, чтобы какъ-нибудь не оклеветали его память нескромнымъ или неумѣлымъ оглашеніемъ его жизни, покойный оставилъ завѣщаніе, въ которомъ потребовалъ, чтобы ничего, рѣшительно ничего, не было печатаемо изъ его писемъ, или о его жизни. И мы знаемъ только то, что было у всѣхъ на виду. Знаемъ, что, за исключеніемъ двухлѣтняго плаванія на фрегатѣ «Паллада», эта долгая жизнь была какъ будто бы уже слишкомъ замкнута и одинока, безъ друзей, безъ семьи, безъ родныхъ, близкихъ. Даже тридцать послѣднихъ лѣтъ жизни, съ 1861 по 1891 годъ, онъ ухитрился прожить безвыѣздно, одинокимъ холостякомъ, на одной и той же маленькой квартиркѣ изъ трехъ комнатъ, въ Моховой, въ д. № 5. Служба, служба и служба, даже очень много службы (онъ самъ не разъ говаривалъ, какъ тяготится ею), посѣщенія аристократическихъ знакомыхъ и немногихъ литераторовъ, какъ Майковъ, напр., или Полонскій, заграничныя поѣздки, скромные и рѣдкіе пріемы нѣсколькихъ избранныхъ лицъ у себя, переписка; очень рѣдко, и то въ прежніе годы, выступленіе на литературныхъ вечерахъ—вотъ и вся видимая жизнь писателя, остававшагося, какъ казалось, совершенно чуждымъ всему, что вокругъ него происходило. Занялась для Россіи въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ заря новой жизни: начиналась и шумно проходила на глазахъ у всѣхъ эпоха великихъ реформъ; явилась совсѣмъ новая литература съ новымъ содержаніемъ и новыми писателями; все вокругъ копошилось, волновалось, шумѣло; возносились и падали новые люди; совершались событія странныя, страшныя, а онъ, какъ древній мудрецъ, оставался отъ всего этого въ сторонѣ, точно пришлецъ изъ другого міра, которому мало дѣла до бурной современности. Все у него только въ прошломъ, и это послѣднее, сложившееся въ опредѣленныя формы, ушедшее въ даль, въ исторію, почти исключительно и даетъ содержаніе его произведеніямъ. Онъ и самъ сознается, что не можетъ писать того, что еще не перебродило: его дѣло—большія эпопеи. И эти три эпопеи, «Обыкновенная исторія», «Обломовъ» и «Обрывъ»—романы чисто *историческіе*, которые можно создавать, только погружаясь всей душой въ минувшее, и только изъ жизни, отлившейся уже въ извѣстныя, законченныя формы. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ главная сила этого писателя, гдѣ своеобразно великъ онъ, и не имѣетъ въ литературѣ русской себѣ равнаго? Именно тамъ, гдѣ онъ является бытописателемъ отжившей, дореформенной, помѣщичьей и чиновной Руси. А «Литературный вечеръ» развѣ не прекрасная картинка изъ жизни отживающей литераторствующей аристократіи, балующейся, какъ это было у насъ въ старину, литературой въ свободное отъ служебныхъ занятій время? Даже въ концѣ жизни не обратился ли писатель опять-таки къ воспоминаніямъ о своемъ далекомъ дѣтствѣ въ симбирской обломовщинѣ, къ изобра-

женію силуэтовъ старыхъ слугъ? Наконецъ, единственная превосходная критическая статья его «Милліонъ терзаній» посвящена разъясненію именно «старой» комедіи, возбуждающей столько недоумѣній въ позднѣйшихъ потомкахъ. Долгими годами, десятилѣтіями, постепенно приводя въ порядокъ и художественно претворяя въ образы и картины все, что накапливалось изъ старыхъ воспоминаній, онъ создалъ свои эпопеи прошлаго, а затѣмъ попробовалъ-было не совсѣмъ удачно коснуться въ «Обрывѣ» нарождавшагося новаго... Но уже самымъ служебнымъ и общественнымъ положеніемъ замкнутый въ кругу, куда новое проникало мало, или гдѣ оно получало не совсѣмъ вѣрную окраску, онъ въ недоумѣніи и раздумьѣ передъ этимъ новымъ остановился и положилъ перо, предоставивъ изображать это новое другимъ. И нельзя не отдать великому писателю справедливой признательности за его благородство души, не допустившее его ни до одного упрека или порицанія лучшихъ стремленій молодежи, лучшихъ новыхъ вѣяній, или общественныхъ дѣятелей. Въ то время, какъ оплевывали молодое поколѣніе Писемскій, Всеволодъ Крестовскій, Стебницкій, Клюшниковъ и tutti quanti; когда такимъ несправедливымъ нападкамъ подвергались Чернышевскій и Добролюбовъ, не говоря уже о Писаревѣ,—Гончаровъ ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, что, какъ святыню, берегли въ сердцѣ лучшіе люди эпохи великихъ реформъ. Что же касается Бѣлинскаго, то мы затруднились бы сказать, кто лучше Гончарова сумѣлъ обрисовать въ воспоминаніяхъ этого безупречнаго героя духа, носителя нашихъ лучшихъ думъ и упованій.

Гончаровъ со своими тремя романами стоитъ въ литературѣ нашей особнякомъ. и значеніе его особое. Въ то время, какъ другіе, напр. Тургеневъ, чутко и съ симпатіей отмѣчаютъ только что народившееся, свѣжее, живое, настоящее, хлесткимъ бичомъ сатиры клеймитъ, какъ Некрасовъ или Салтыковъ, отживающее прошлое и нарождающіяся новыя язвы общества; какъ Достоевскій, развертываютъ передъ нами міръ каторги, или униженныхъ и оскорбленныхъ разночинцевъ, ведутъ въ психологическія дебри больныхъ душъ; или же, какъ Островскій, «открываютъ темное купеческое царство,—Гончаровъ вмѣстѣ съ Гоголемъ въ «Мертвыхъ душахъ» бытописуетъ главнѣйшіе устои дореформенной эпохи: дворянство и выродившееся изъ него чиновничество. Гоголь и Гончаровъ дѣлаютъ одно дѣло: знакомятъ съ дореформеннымъ помѣщичьимъ и чиновнымъ строемъ Руси. Оба писателя, такъ сказать, *лѣтописцы-историки*, съ которыми волей-неволей надо считаться, ибо жизнь, ими изображенная—это и есть та почва, которую нужно вспахивать и на ней садить и произрощать. И въ этомъ отношеніи Гоголь съ Гончаровымъ по силѣ, широтѣ и глубинѣ художественнаго захвата, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ русскихъ писателей, имѣютъ значеніе *достовѣрной исторической справки* о дореформенной Руси, если не считать обличительной сатиры «Губернскихъ очерковъ» и исключительно мрачной «Пошехонской старины». Но, сходные по содержанію, учитель и ученикъ рѣзко между собою и различаются.

Гоголь прежде всего моралистъ. Онъ смотритъ на себя, какъ на учителя, наставляющаго и поучающаго: отсюда дидактическія отступленія и размышленія, иногда доходящія до мистицизма(напримѣръ, конецъ «Шинели»,«Портретъ»...): Онъ требуетъ обращенія къ добродѣтели даже отъ самого Чичикова, и самую причину зла видитъ не столько въ средѣ, въ условіяхъ жизни, сколько въ личномъ уклоненіи человѣка отъ этой добродѣтели. Правда, художественный геній спасаетъ Гоголя, и картины общества, среды, выходятъ сами собой, независимо отъ автора, столь яркими, что ихъ не заслонитъ никакое морализированіе. Гончаровъ не морализируетъ нигдѣ. Онъ слишкомъ для этого реаленъ и трезвъ и наблюдаетъ жизнь простымъ глазомъ, не отуманеннымъ никакой мистикой.

Самъ испытавъ на себѣ вліянія обломовщины и бюрократической опеки, онъ именно *средѣ*, *воспитанію*, *условіямъ жизни*, съ которыми такъ трудно бороться, придаетъ значеніе огромное. Отсюда такое обстоятельное, подробное изображеніе всѣхъ этихъ Грачовокъ, Обломовки, Малиновки, которыя своей сытой, беззаботной жизнью на готовыхъ хлѣбахъ, комфортомъ, барствомъ, убаюкивающей природой и холей маменекъ, бабушекъ, тетушекъ, такъ неудержимо и безповоротно затягивали человѣка съ ранняго дѣтства, ослабляя его волю, суживая умъ на счетъ праздной фантазіи и разнузданнаго чувства. Писатель въ этихъ-то помѣщичьихъ гнѣздахъ, свитыхъ на вѣковыхъ устояхъ крѣпостного права, и видитъ главнѣйшую причину нашей медлительности, нерѣшимости, апатичности и вялости. Но какъ ни гибельны для человѣка эти «*гнѣзда*», вырастившія такихъ птенцовъ, какъ Адуевъ, Обломовъ, Райскій,—писатель знаетъ, что очень многое дѣлаетъ для человѣка воспитаніе и образованіе, и въ каждомъ изъ романовъ мы видимъ, какъ воспитывались эти птенцы дома, въ гимазіи и, наконецъ, въ университетѣ. Широкія картины барскаго воспитанія и образованія, нарисованныя Гончаровымъ съ обычною обстоятельностью, ясно показываютъ полное отсутствіе въ дореформенной Руси сколько-нибудь правильнаго образованія, которое могло бы этихъ юнцовъ пробудить къ жизни разумной, сознательной, дѣятельной.

Но не одинъ домашній очагъ, не одно воспитаніе и образованіе формируютъ человѣка; окончательно складывается характеръ подъ вліяніемъ окружающаго человѣка общества, вообще людей, съ которыми человѣкъ встрѣчается и среди коихъ живетъ. И Гончаровъ не скупится на обрисовку этой среды, совершенно чуждой живой критической мысли и хотя какой-нибудь общественной дѣятельности и интересовъ, выходящихъ изъ круга житейскихъ пустяковъ и личнаго эгоизма. Героевъ его окружаютъ или сонные деревенскіе обломовцы, или замкнутая въ себѣ, чопорная аристократія, или дѣльцы коммерсанты пріобрѣтатели въ родѣ дядюшки Адуева или Штольца, или же свѣтскіе пошляки, въ родѣ Волкова. И мы вполнѣ понимаемъ умнаго Обломова, предпочитающаго идиллическія мечтанія и сонъ послѣ сытнаго обѣда—пошлой сутолокѣ, погонѣ за наживой и, вообще, той общественной жизни, которой соблазняютъ его пріятель Штольцъ или бывшіе сослуживцы и знакомые, изрѣдка навѣщающіе одинокаго лежебока.

Различны и отношенія обоихъ писателей къ изображаемой жизни. Гоголь—нервный энтузіастъ, воспріимчивый до болѣзненности, приходящій въ ужасъ отъ всей этой бездны зла, порока и пошлости, которая разверзается передъ нимъ при видѣ убогой родины, кажется, готовый потерять вѣру въ человѣка,—рисуетъ зло, и только одно зло, съ горькимъ юморомъ осмѣивая бѣдное отечество; Гончаровъ, болѣе спокойный, флегматичный по природѣ, трезвый реалистъ и аналитикъ, широко образованный, стоящій на строго-исторической почвѣ, видитъ то же зло, тѣ же пороки, ту же пошлость, но относится къ нимъ болѣе объективно, спокойно, такъ сказать, исторически, стараясь вдуматься въ общія, основныя, коренныя причины такого положенія вещей. Кромѣ крѣпостного права, создавшаго на даровомъ трудѣ барина и барскіе идеалы; кромѣ бюрократіи, которая разсмотрѣна у Гончарова подробно, по существу, не только въ изображеніи взяточничества, но и въ самыхъ разнообразныхъ типахъ чиновниковъ до высшихъ администраторовъ включительно,—главную причину нашего застоя онъ видитъ въ отсутствіи свободнаго труда, образованія, просвѣщенія, и всюду, даже въ своемъ путешествіи, является ихъ горячимъ сторонникомъ и адвокатомъ.

Гоголь за зломъ не видитъ добра, и его сочиненія, какъ и самъ онъ признается, есть намѣренное скопище всего дурнаго, что только есть на Руси, вѣрное зеркало, въ которомъ русскій человѣкъ долженъ увидѣть себя самъ во

всемъ своемъ безобразіи—и ужаснуться. Въ этомъ-то и сила Гоголя и громадное значеніе для современниковъ, которымъ во-очію нужно было показать, къ чему они пришли и куда идутъ. Совершивъ свою миссію, учитель быстрыми шагами пошелъ къ могилѣ, оставивъ ученику дополнять и продолжать его великое дѣло. И ученикъ исполнилъ завѣтъ учителя, показавъ въ дореформенной Руси и то, что послѣднимъ было не тронуто. Какъ ни ужасны были условія жизни, какъ ни коверкали, ни портили они человѣка, но нація все-таки оказалась живучей и въ конецъ искалѣчиться не могла: иначе—не могли бы совершиться и великія реформы. И Гончаровъ умѣетъ изобразить не только зло, но и то доброе, человѣчное, гуманное, что уцѣлѣло въ дореформенномъ человѣкѣ. Въ слабомъ Александрѣ Адуевѣ, въ концѣ концовъ, затянутомъ петлей общественныхъ условій, въ эстетикѣ Райскомъ, несмотря на всѣ ихъ недостатки и чудачества, сколько все-таки добрыхъ стремленій къ идеалу, порывовъ къ лучшему, хотя и не осуществленныхъ; сколько чертъ и симпатичныхъ, невольно влекущихъ къ себѣ читателя! Какъ неизмѣримо лучше, чище они, сравнительно съ бюрократомъ-фабрикантомъ дядюшкой Петромъ Ивановичемъ, или опекуномъ Аяновымъ и всей окружающей Райскаго аристократіей. А глубоко правдивый образъ бѣднаго погибшаго голубя, Обломова, въ которомъ критика не безъ основанія видѣла прообразъ Россіи? Какимъ яркимъ пятномъ является эта бѣдная, чистая сердцемъ, жертва нашей вѣковой обломовщины на темномъ фонѣ безцвѣтной русской жизни. На ряду съ балующимися искусствомъ Райскимъ, предъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ истинныхъ тружениковъ искусства съ Кирилловымъ во главѣ; зло осмѣявъ аристократическихъ учителей Тафаевой и Бѣловодовой, Гончаровъ создаетъ и симпатичнѣйшій образъ заброшеннаго въ провинціальную глушь учителя-классика Леонтія Козлова, въ которомъ русская наука прогадала, можетъ быть, свое лучшее украшеніе, но который сумѣлъ привлечь къ наукѣ чуткую и отзывчивую молодежь.

Еще Бѣлинскій отмѣтилъ у Гончарова «необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры». Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна женщина не напоминаетъ собой другую, и всѣ, какъ портреты, превосходны. Женщины его—живыя, вѣрныя дѣйствительности, созданія. Это мастерство обнаружилъ Гончаровъ не только, какъ Гоголь, въ созданіи типовъ отрицательныхъ, какъ великосвѣтскія барыни, Тафаева, Софья Николаевна Бѣловодова и др., но и *положительныхъ*. Въ то время, какъ у Гоголя мы не находимъ ни одной хорошей дореформенной женщины, у Гончарова ихъ цѣлая галлерея. Не говоря уже о простодушныхъ и наивныхъ матеряхъ Адуева или Обломова, прототипъ которыхъ можно найти, пожалуй, въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», — какими свѣтлыми красками, какъ тонко, правдиво и симпатично изображены въ «Обыкновенной исторіи» тетушка, Наденька, и особенно Лиза; въ «Обломовѣ» не могущая успокоиться даже въ счастливомъ замужествѣ, среди комфорта и роскоши, вѣчно мятущаяся Ольга, и скромная спутница послѣднихъ дней *«бѣднаго голубя»*, чистая и преданная, какъ голубица, Агафья Матвѣевна, въ «Обрывѣ» граціозный, трогательный образъ во-время умершей Наташи, классическая, вѣрная традиціямъ старины, въ то же время такая человѣчная, бабушка, наивное дитя природы Мареинька, наконецъ, недюжинная натура, Вѣра.

Гончаровъ представляетъ, сравнительно съ Гоголемъ, извѣстный шагъ впередъ, по крайней мѣрѣ, относительно нѣкоторыхъ сюжетовъ, которые Гоголемъ только намѣчены, или взяты односторонне. Такъ, помѣщичья жизнь, изображенная въ «Мертвыхъ душахъ» только со стороны скаредности Плюшкина, или Собакевича, мелкаго скопидомства Коробочки, безтолочи Манилова или Ноздрева, у Гончарова развертывается въ широкія картины соннаго покоя хозяйственныхъ и благоустроенныхъ Грачевокъ, Малиновокъ и Обломовокъ съ цѣлыми семьями родныхъ и приживалокъ и съ огромной дворней, производящей такихъ

слугъ, какъ Евсѣй, Захаръ, Анисья или Марина. Гоголь говоритъ: посмотрите, какъ наша усадьба пошла, отвратительна; Гончаровъ добавляетъ къ этому: а какъ, можетъ быть, она и заманчива своими своеобразными прелестями, и какъ можетъ ими «объобломить» и хорошаго человѣка.

Въ «Шинели» и «Запискахъ сумасшедшаго» Гоголь ставитъ вопросъ о безсодержительности, безсмысленности и отупляющемъ вліяніи нашей бюрократіи съ ея никому ненужнымъ дѣломъ и мелкимъ іерархическимъ самолюбіемъ; выставляетъ жалкаго Акакія Акакіевича, его неумныхъ сослуживцевъ, одурѣвшее отъ власти значительное лицо, свихнувшагося Поприщина и цѣлый ассортиментъ канцелярскихъ оригиналовъ. Гончаровъ беретъ чиновниковъ образованныхъ, университетскихъ, бюрократовъ убѣжденныхъ, въ нѣкоторомъ родѣ философовъ, развивающихъ, какъ дядюшка Адуевъ, цѣлую философію бюрократизма. У Гончарова аристократія и бюрократія, не чуждая подчасъ широкой свѣтской жизни и даже литературы, которой они не прочь иногда и побаловаться. Это уже бюрократія силы, большого вліянія,—бюрократія, облеченная властью, и тѣмъ болѣе страшная для всего живого, самостоятельнаго, рвущагося къ свѣту, къ жизни разумнаго, производительнаго труда. На ряду съ помѣщичьей обломовщиной, изображеніе этого второго дореформеннаго устоя жизни, составляетъ не малую заслугу Гончарова, который, самъ прослуживъ чиновникомъ пятьдесятъ лѣтъ, могъ хорошо узнать бюрократію и тѣмъ правдивѣе изобразить и оцѣнить ее по достоинству.

Гоголь коснулся дореформеннаго искусства, но только живописи. Въ «Портретѣ» и «Невскомъ проспектѣ» передъ нами живописцы не отъ міра сего, витающіе въ туманныхъ фантазіяхъ романтизма, никому ненужные, всѣмъ чуждые, и гибнущіе безплодно, унося съ собой въ могилу неосуществившіяся мечты. У Гончарова не одна живопись, но и литература и музыка. Онъ осмѣиваетъ въ лицѣ Райскаго художественный диллентантизмъ въ музыкѣ, противопоставивъ ему віолончелиста Васюкова, упорнаго труженика. Этому же Райскому-живописцу противоставляетъ серьезнаго художника Кириллова, глубоко обдумывающаго идею картины и вмѣстѣ съ тѣмъ упорно трудящагося надъ выработкой формы. Кирилловъ—предтеча тѣхъ художниковъ новой русской школы, которые позднѣе прославятъ русскую живопись подъ именемъ передвижниковъ, въ лицѣ Перова, Рѣпина, М. П. Клодта, В. Максимова и др. Особенно полно и опредѣленно относится Гончаровъ къ литературѣ. Воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, требовавшаго отъ литературы, какъ дѣла великаго и серьезнаго, прежде всего правды, и одной только трезвой правды, онъ не щадитъ стиховъ и повѣстей изъ американской жизни романтика Адуева, иронически относится къ нескончаемымъ писательскимъ потугамъ Райскаго, а въ «Литературномъ вечерѣ» предлагаетъ цѣлый кодексъ литературной эстетики, установленной Бѣлинскимъ. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что въ романахъ Гончарова рельефно выставлено устами дядюшки Адуева и опекуна Райскаго презрительное отношеніе русскаго дореформеннаго общества къ артистамъ и искусству, въ которомъ не сознавалось никакой потребности и которое служило только развѣ прихоти и развлеченію богатаго барства.

Дальше Гоголя пошелъ Гончаровъ и въ изображеніи образованія, которое у Гоголя является только въ «Ревизорѣ», да въ образѣ каррикатурнаго учителя дѣтей Манилова, не считая разбросанныхъ замѣчаній о воспитаніи у идеальнаго воспитателя Тентетникова. Ярко подчеркиваетъ Гончаровъ ненужность науки для всѣхъ тогдашнихъ помѣщиковъ, чиновниковъ, аристократовъ, даже не заботящихся о томъ, чтобы пополнить недостатокъ образованія чтеніемъ, которое считается ими роскошью, сочинитель представляется имъ не иначе, «какъ весельчакомъ, гулякой, пьяницей и потѣшникомъ въ родѣ плясуна». Полное невѣжество въ вопросахъ научныхъ и литературныхъ обнаруживаютъ въ «Ли-

тературномъ вечерѣ» люди, занимающіе высокое служебное и общественное положеніе. Даже лица, кончившія курсъ въ университетѣ, какъ Александръ Адуевъ, Райскій, и особенно Обломовъ, которому «всегда казалось тяжело и неестественно неумѣренное чтеніе», не читаютъ почти ничего. Старики Обломовы отдаютъ Ильюшу въ науку нé-хотя и только по необходимости, относясь къ ней враждебно. Иронически относится дядюшка Петръ Ивановичъ къ университетскому образованію племянника («Обыкн. ист.»), а вотъ что говоритъ Обломову циникъ Тарантьевъ, когда Илья Ильичъ хвалитъ за любознательность Штольца: «Хорошъ мальчикъ! учиться хочетъ! Мало еще учили его?.. Развѣ большіе учатся чему-нибудь? Станетъ надворный совѣтникъ учиться! Вотъ ты учился въ школѣ, а развѣ теперь учишься? А развѣ онъ, Алексѣевъ, учится? А родственникъ его учится? Кто изъ добрыхъ людей учится?» Но всего ярче высказывается на счетъ образованія мужъ Тафаевой («Обыкн. ист.»), человѣкъ съ почтеннымъ чиномъ, съ хорошимъ состояніемъ, простой и добрый, дѣловой, судившій весьма здраво о состояніи Россіи, хозяйственномъ и промышленномъ. «Что-жъ,—разсуждаетъ онъ,—образована она, говорятъ. И я когда-то учился, помню, учили по-латыни и римскую исторію. Еще и теперь помню: тамъ консулъ этотъ—какъ его? Ну, чортъ съ нимъ. Помню и о реформаціи, читали... и эти стихи: Beatus ille... какъ дальше? Puer, pueri, puero... нѣтъ, не то, чортъ знаетъ, все позабылъ! Да вѣдь, ей-Богу, затѣмъ и учатъ, чтобъ забыть. Ну, вотъ хоть зарѣжь меня, а я говорю, что вонъ и этотъ, и тотъ, всѣ эти чиновные и умные люди, ни одинъ не скажетъ, какой это консулъ тамъ... или въ которомъ году были олимпійскія игры; стало быть, учатъ такъ... потому что порядокъ такой! Чтобы по глазамъ только видно было, что учился. Да и какъ не забыть? Вѣдь въ свѣтѣ объ этомъ ужъ потомъ никогда и не говорятъ, а заговори-ка кто, такъ, я думаю, просто выгонятъ». Къ тому же выводу о ненужности наукъ приходитъ и Обломовъ: «Зачѣмъ вся эта наука,—спрашиваетъ онъ себя,—когда она никогда не понадобится въ жизни? Политическая экономія, напримѣръ, алгебра, геометрія, что я стану съ ними дѣлать въ Обломовкѣ?»

Заслуга Гончарова, какъ и Гоголя, заключается, такимъ образомъ, въ изображеніи Россіи наканунѣ освобожденія крестьянъ и связанныхъ съ нимъ реформъ. Ни тотъ, ни другой не касались немногихъ культурныхъ исключеній, тѣхъ рѣдкихъ людей, которые составляли «соль земли», въ родѣ Бѣлинскаго, Грановскаго и ихъ петербургскихъ и московскихъ единомышленниковъ, въ родѣ Рудина, и въ то время еще *лишнихъ* людей, хранившихъ въ себѣ «душу живу». Миссія Гоголя и Гончарова—изображеніе «*душъ мертвыхъ*», т.-е. вѣкового застоя, почти исключительно животной, съ неясными грезами и мечтами сквозь сонъ, жизни узко-эгоистической, безсодержательной, безъ общественности, безъ мысли о правѣ и Богѣ, безъ настоящей науки, европейской культуры и искусства,—словомъ, жизнь нашей русской, обломовской, *некультурной среды*, къ которой принадлежало громадное большинство помѣщичьяго и чиновничьяго класса. Гоголь началъ, Гончаровъ продолжалъ его дѣло, развивая только намѣченное Гоголемъ въ цѣлыя эпопеи. Глубже и шире Гоголя коснулся онъ устоевъ до реформенной Руси и на вѣки запечатлѣлъ своимъ творчествомъ этотъ вѣковой сонъ отживающей обломовской Руси. Вчитываясь теперь, черезъ сорокъ лѣтъ по освобожденіи крестьянъ, въ творенія Гончарова, мы начинаемъ понимать, почему такими медленными шагами идетъ у насъ просвѣщеніе; почему такъ туго прививались къ намъ самыя благія реформы, мало находившія достойныхъ дѣятелей въ дѣтяхъ обломовцевъ, унаслѣдовавшихъ родовыя черты отцовъ. Сочиненія Гончарова, помимо ихъ великихъ достоинствъ художественныхъ, представляютъ необходимую *историческую справку* о прошломъ, которое породило и все послѣдующее настоящее; ибо въ жизни народовъ и обществъ все совершается не случайно, не по волѣ правителей, какъ бы они ни были

сильны, а естественнымъ путемъ преемственности. Съ какимъ умственнымъ и нравственнымъ багажомъ вступала Россія на путь реформъ—вотъ что показываетъ намъ лѣтописецъ дореформенной Руси.

Широко образованный человѣкъ чуткаго сердца и недюжиннаго ума, сложившійся въ дореформенную эпоху, Гончаровъ чуялъ и нарожденіе новой. Оно видится у него неясно въ романтическихъ стремленіяхъ къ идеалу у ограниченнаго Александра, въ неудовлетворенности тепличнымъ счастіемъ тетушки Елизаветы Александровны, въ увлекающейся Байрономъ Лизѣ. Яснѣе сказывается это новое въ отрицаніи свѣтской пустоты Обломовымъ, предпочитающимъ этой жизни и службѣ свой покойный сонъ и сытный обѣдъ, и еще болѣе свѣтится *«новое»* въ лицѣ Ольги, съ ея неопредѣленными порывами къ какой-то другой жизни, а какой, и сама не знаетъ. Попробовалъ было Гончаровъ изобразить въ «Обрывѣ» и новыхъ людей, въ лицѣ Марка Волохова и Вѣры, но недостатокъ непосредственныхъ наблюденій надъ очень сложной и мудреной новой жизнью, и до сихъ поръ еще далеко не сложившейся въ опредѣленныя формы, далъ ему только случайный анекдотъ о паденіи Вѣры, соблазненной *«вспрыскивателемъ мозговъ»*, Маркомъ Волоховымъ. Въ результатѣ прекрасный романъ, первоначально не имѣвшій вовсе ввиду изображать *«новое»*, былъ испорченъ неопредѣленностью и недосказанностью. Сознавъ, что можетъ описывать только *«старое»*, писатель покорно и смиренно положилъ перо. Но, при всей неясности и недостаткѣ художественной обдуманности въ этой части романа, нельзя не признать, что и здѣсь много старой исторической правды. Безпутный, недоучившійся Маркушка, кстати сказать, очень симпатичный всѣмъ хорошимъ людямъ въ романѣ, даже бабушкѣ, точно также, какъ и искалѣченная старымъ воспитаніемъ, при отсутствіи разумнаго руководителя, Вѣра, являются естественными продуктами дореформеннаго уклада жизни. Боязнь же передъ какимъ-нибудь Маркушкой всей округи, цѣлаго губернскаго города съ самимъ губернаторомъ во главѣ, развѣ это не живое отраженіе той же старой жизни, боящейся книги, свѣта мысли, малѣйшей критики существующаго, всякой попытки жить и мыслить по своему? Какъ непроченъ этотъ вѣковой укладъ жизни по старинѣ, когда такой человѣкъ, какъ Маркъ, можетъ довести до «обрыва» такую умную, изящную дѣвушку, какъ Вѣра, столь тщательно охраняемую отъ всякихъ новыхъ вѣяній представительницей старой правды, бабушкой!

Образъ Гончарова, какъ бытописателя, лѣтописца дореформенной Руси, изобразившаго ее тремя большими, особнякомъ стоящими въ нашей литературѣ, эпопеями, совершенно опредѣленъ и ясенъ. Художникъ и только художникъ, напоминающій обстоятельностью и детальностью описаній картины великихъ фламандскихъ мастеровъ, на что указалъ еще Бѣлинскій, Гончаровъ этимъ самымъ своимъ качествомъ заслужилъ славу историческаго живописца слова, въ вѣчныхъ образахъ и картинахъ увѣковѣчившаго дѣйствительную, нѣкогда пережитую, жизнь. Онъ не былъ, да и не будетъ особеннымъ любимцемъ молодежи, естественно, ищущей новизны и страсти; но тотъ же потомокъ, желающій узнать, какъ жили дѣды и отцы, не пройдетъ мимо Гончарова. А принявшись читать *«лѣтопись дореформенной Руси»*, онъ не оторвется отъ этой удивительной живописи и будетъ учиться у автора языку и мастерству изобразительности. Читая эти великія произведенія одного изъ лучшихъ представителей художества сороковыхъ годовъ, потомокъ провидитъ въ этихъ произведеніяхъ и благородную, просвѣщенную личность автора, который во всемъ, что ни писалъ, является горячимъ поборникомъ гуманности, просвѣщенной общечеловѣческой культуры, искусства, науки, серьезнаго воспитанія и образованія. Авторъ твердо знаетъ, что только рука объ руку съ ними и можетъ окончательно проснуться отъ сна и апатіи наша Россія.

Викторъ Острогорскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Еще о гр. Л. Н. Толстомъ. Новыя свѣдѣнія о гр. Львѣ Николаевичѣ, сообщенныя сотруднику «Одесскихъ Новостей» извѣстнымъ художникомъ, иллюстраторомъ «Воскресенья», Л. О. Пастернакомъ, приводятъ «Одесскія Новости».

Въ послѣднее время Л. Н. Толстой почти пересталъ заниматься художественной беллетристикой. Работаетъ онъ, главнымъ образомъ, надъ вопросами религіозно-нравственнаго содержанія. Все, что появляется новаго и интереснаго по этимъ вопросамъ въ европейской литературѣ, обязательно прочитывается великимъ писателемъ. Кромѣ того, по этимъ вопросамъ Л. Н. ведетъ обширную переписку съ самыми выдающимися мыслителями Европы. Встаетъ онъ обыкновенно къ 8-ми часамъ утра, совершаетъ пѣшкомъ прогулку и въ это время чаще всего ведетъ бесѣды съ крестьянами и со всевозможными просителями, приходящими странниками, бѣдными, которые приходятъ къ нему съ самыми разнообразными просьбами: просятъ добрыхъ совѣтовъ, помощи и проч. Левъ Николаевичъ съ любовью и лаской выслушиваетъ крестьянъ, и всякаго, кто къ нему обращается запросто. Отношеніе писателя къ крестьянамъ сердечное, искреннее, глубоко трогающее посторонняго зрителя. Бесѣды съ крестьянами и всевозможными просителями продолжаются иногда по часу и болѣе.

«Литературная работа Льва Николаевича начинается обыкновенно съ 11 час. и продолжается безпрерывно до 2-хъ часовъ, а нерѣдко затягивается и позже. Кому удавалось наблюдать графа во время работы, тотъ никогда не забудетъ выраженія лица писателя, когда онъ пишетъ. На столѣ у Толстого часто можно видѣть простые полевые цвѣты, которые онъ во время прогулки самъ собираетъ, а затѣмъ ставитъ предъ собою, вдыхая ихъ ароматъ. Послѣ работы слѣдуетъ обыкновенно легкій завтракъ, а затѣмъ Левъ Николаевичъ отдыхаетъ—спитъ. Передъ вечеромъ онъ много гуляетъ; 8—10 верстъ Л. Н. легко проходитъ, не чувствуя усталости. По вечерамъ продолжается литературная работа.

«За послѣдніе годы Л. Н. сильно исхудалъ, осунулся, но бодрость его не только не уменьшается, а, наоборотъ, какъ бы растетъ. У Л. Н. нѣтъ угнетеннаго состоянія духа, нѣтъ пессимистическаго настроенія, порождаемаго обыкновенно у людей преклоннаго возраста сознаніемъ приближающейся смерти.

«— Я вынесъ впечатлѣніе, что Л. Н. будетъ еще долго жить,—продолжалъ Л. О. Пастернакъ.—Это удивительно сильная, мощная натура: въ немъ еще сохранилось такъ много силы духа, которая можетъ побороть какіе угодно недуги.

«Въ бесѣдѣ съ окружающими Л. Н. постоянно веселъ, остроуменъ, привѣтливъ и подчасъ любитъ шутить. Очень часто среди окружающихъ Толстого можно встрѣтить людей съ совершенно противоположными убѣжденіями и направленіемъ, и что же? Они легко уживаются здѣсь съ графомъ, который относится терпимо къ ихъ взглядамъ, выслушиваетъ ихъ, не насилуетъ ничьей воли и убѣжденій...

«Лучшимъ другомъ нашего великаго мыслителя является его супруга Софья Андреевна.

«Только она умѣла во время беречь Льва Николаевича и сохранить его силы. Ее недостаточно еще оцѣнили. Какимъ вниманіемъ, какими заботами окружаетъ графиня Льва Николаевича! Она только для него и существуетъ. Это цѣль и смыслъ ея жизни. Нѣжной любовью къ своему знаменитому отцу проникнуты также и дѣти Л. Н., дорожащіе каждымъ словомъ, предупреждающіе каждое его желаніе.

«Левъ Николаевичъ ни на минуту не перестаетъ интересоваться внѣшнимъ міромъ.Онъ постоянно въ курсѣ всѣхъ дѣлъ, всѣхъ выдающихся явленій какъ русской, такъ и иностранной жизни. Все, что хоть нѣсколько интересно въ мірѣ—обращаетъ вниманіе знаменитаго писателя. Выдающіяся происшествія, процессы, бѣдствія—обо всемъ этомъ Л. Н. будетъ съ вами говорить, сообщать послѣднія вѣсти, разбирать, критиковать, приводить примѣры изъ личныхъ воспоминаній и проч. Со всего свѣта Л. Н. получаетъ письма, на которыя онъ одинъ не въ состояніи отвѣтить, и на помощь ему приходитъ теперь супруга и дочери Татьяна и Александра Львовны. Л. Н. читаетъ газеты и журналы всѣхъ направленій. Масса изданій получается въ Ясной Полянѣ изъ-за границы. Здѣсь и книги величайшихъ писателей, журналы и газеты всѣхъ странъ.

«Обо всемъ, что Л. Н находитъ замѣчательнымъ или любопытнымъ въ печати, онъ дѣлится съ окружающими его и, разъ заинтересовавшись чѣмъ-нибудь, онъ уже впредь слѣдитъ за этимъ явленіемъ.

«Это человѣкъ громадной наблюдательности, ума и чрезвычайно интенсивной работы мысли.

«Говоритъ Л. Н. много. привѣтливо, чарующе. Въ немъ удивительно сочетались аристократизмъ и простота, любовь къ народу теперь еще съ большей силой доминируетъ у него надъ всѣми остальными чувствами».

Сибирскій купецъ—ученикъ декабристовъ. 14-го іюня текущаго года въ с. Преображенскомъ на Усть-Киранѣ (дачное мѣсто кяхтинцевъ) скончался одинъ изъ старѣйшихъ кяхтинскихъ купцовъ Алексѣй Михайловичъ Лушниковъ. За послѣднія 40 лѣтъ ни одно сколько-нибудь выдающееся въ культурномъ отношеніи событіе въ Кяхтѣ или Троицкосавскѣ не проходило безъ его активнаго участья, многія учрежденія города обязаны своимъ происхожденіемъ всецѣло ему одному. Вотъ какую характеристику покойному даетъ иркутская газета «Восточное Обозрѣніе».

А. М. Лушниковъ родился въ 1831 году въ Селенгинскѣ и воспитывался въ русско-монгольской школѣ въ Кяхтѣ. Но эта школа не могла дать того, чѣмъ обладалъ покойный впослѣдствіи, тѣхъ душевныхъ качествъ, которыя руководили имъ всю жизнь. Эти качества, такъ сказать, умственный и моральный обликъ Алексѣя Михайловича выработался при непосредственномъ участіи декабристовъ: Михаила и Николая Александровичей Бестужевыхъ, Торсона и другихъ. Братья Бестужевы были главными учителями покойнаго; его общественныя убѣжденія въ большой степени культировались подъ непосредственнымъ ихъ вліяніемъ. Благородный характеръ, высоко-честныя убѣжденія сосланланныхъ декабристовъ невольно обратили вниманіе пытливаго мальчика. Узналъ онъ и другихъ хорошихъ людей, изъ которыхъ съ декабристомъ Горбачевскимъ, жившимъ въ Петровскомъ заводѣ, онъ до самой смерти его находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ Селенгинскѣ на средства Лушникова поставлены и поддерживаются памятники надъ могилами Н. А. Бестужева, семьи Торсонъ, дѣтей М. А. Бестужева. Бѣлые монументы рѣзко выдѣляются на фонѣ горъ и невольно обращаютъ вниманіе каждаго человѣка, ѣдущаго по Селенгѣ. Свято

чтятся и поддерживались ими могилы Горбачевскаго и семьи Муравьева въ Петровскомъ заводѣ и Лунинскій крестъ тамъ же.

Толчокъ, данный декабристами, не прошелъ для Лушникова даромъ: онъ, не кончившій уѣзднаго училища, пріобрѣлъ своеобразную по тѣмъ временамъ страсть—покупать хорошія книжки. Чтеніе этихъ книжекъ дѣлаетъ изъ него вполнѣ интеллигентнаго, начитаннаго и прекрасно знакомаго съ русской литературой человѣка. Алексѣй Михайловичъ могъ наизусть прочитывать цѣлыя страницы Пушкина, Лермонтова, Некрасова и другихъ поэтовъ. Съ 1857 года Алексѣй Михайловичъ окончательно поселяется въ Кяхтѣ и заводитъ самостоятельно дѣло. Въ это же время онъ становится постояннымъ подписчикомъ «Полярной Звѣзды» и «Колокола» и поклонникомъ Герцена. Алексѣй Михайловичъ принимаетъ дѣятельное участіе въ литературныхъ вечерахъ заведенныхъ въ Кяхтѣ градоначальникомъ Деспотъ-Зеновичемъ. На этихъ вечерахъ, развившихся особенно въ началѣ 60-хъ годовъ, читается «Колоколъ», дебатируются статьи «Современника», прочитываются наши беллетристы и т. п. Эти чтенія имѣли большое значеніе для Кяхты и выработали у кяхтинцевъ вкусъ и привычку къ книгѣ, благодаря чему почти у каждаго кяхтинскаго купца имѣется прекрасная библіотека. При содѣйствіи Лушникова въ 1861 году открывается въ Кяхтѣ типографія, гдѣ печатается «Кяхтинскій Листокъ». По мѣрѣ силъ и возможности Алексѣй Михайловичъ содѣйствовалъ этой газетѣ, помѣщая свои замѣтки и подлинныя письма М. А. Бестужева. Вскорѣ за изданіемъ «Кяхтинскаго Листка» въ Кяхтѣ открывается общественная библіотека.

Лушниковъ явился горячимъ сторонникомъ этой «затѣи» и на собраніи купечества горячо поддерживалъ библіотеку. Женская гимназія (вначалѣ прогимназія), открытая третьей или четвертой по счету во всей Россіи, была любимымъ дѣтищемъ покойнаго. Онъ долгіе годы состоялъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта ея, радѣлъ за интересы гимназіи, болѣлъ ея горестями и радовался ея радостями. Большая часть капиталовъ гимназіи была имъ собрана, а нѣкоторые пожертвованы самимъ. Онъ мечталъ о безплатномъ обученіи въ гимназіи, но не могъ этого достигнуть. Плата въ гимназіи за ученье и теперь не высокая (25 руб. въ годъ), а тогда еще была ниже. За неимущихъ вносили эту плату предсѣдатель и члены попечительнаго совѣта, а если неимущихъ было много, то плата распредѣлялась между всѣми кяхтинскими купцами.

Не меньшими заботами покойнаго пользовалось и реальное училище, гдѣ А. М. былъ попечителемъ. Оно, собственно, и основано по его иниціативѣ. Благодаря Алексѣю Михайловичу оно обставлено такими пособіями и библіотекой, что училищу могутъ позавидовать столичныя школы. И въ реальномъ училищѣ недостаточные ученики не исключались, а за нихъ вносилась плата попечителемъ и кяхтинскими купцами. Въ началѣ 90-хъ годовъ не мало непріятностей причинила А. М. Лушникову его борьба съ директоромъ училища, отличавшимся своимъ сухимъ формализмомъ; но училища, какъ и гимназіи, онъ не оставлялъ, пока болѣзнь,—которая свела его въ могилу,—не приковала къ креслу и постели. Но не одни заботы о реальномъ училищѣ и гимназіи, не одни заботы объ учащихся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ занимали покойнаго,—онъ интересовался и другими дѣлами и учрежденіями.

Имя Лушникова тѣсно связано со многими просвѣтительными учрежденіями въ Забайкальской области. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи стипендій при учебныхъ заведеніяхъ, устроилъ и поддерживалъ на свои средства двѣ школы въ селеніяхъ Помохановѣ и Тонкѣ, оказалъ большую поддержку селенгинской библіотекѣ при ея открытіи и ежегодно жертвовалъ туда сотни томовъ книгъ.

Выдающаяся общественная дѣятельность А. М. Лушникова обращала вниманіе путешественниковъ, и имя Лушникова, какъ крупнаго и передового обще-

ственнаго дѣятеля, отмѣчалось не только русскими, но и иностранными путешественниками. Просвѣтительная дѣятельность его нисколько не измѣнилась, какъ не измѣнилось и все то, что можетъ характеризовать у насъ полезнаго общественнаго дѣятеля.

«Гласъ народа есть гласъ Божій», говоритъ пословица. Смерть А. М. Лушникова вызвала всеобщее сожалѣніе, безъ различія положенія людей, что служитъ лучшею памятью для покойнаго.

Похороны Алексѣя Михайловича совершены съ большою торжественностью въ селѣ Преображенскомъ. Несмотря на то, что село отстоитъ отъ Кяхты въ 30 верстахъ, на похороны собралось много народа изъ Кяхты и Троицкосавска; было возложено болѣе десяти вѣнковъ.

Жестокій промыселъ. «Приазовскій край» разсказываетъ о распространенномъ на Дону жестокомъ промыслѣ—ловлѣ піявокъ. Піявки добываются населеніемъ, говоря безъ всякихъ преувеличеній, цѣною человѣческихъ жизней. Ловлей пьявокъ занимаются большею частью женщины. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ занимаются съ промышленною цѣлью, налавливаютъ массу слизняковъ и разносятъ ихъ для продажи. На улицахъ города Новочеркасска и въ станицахъ Каменской и Усть-Бѣлокалитвенской часто можно слышать выкрикиванія: «піявокъ! кому піявокъ!»

Образъ ловли піявокъ заслуживаетъ вниманія. Можно думать, что изъ всѣхъ человѣческихъ занятій и промысловъ занятіе ловлей піявокъ самое убійственное и вредоносное для здоровья. Піявокъ ловятъ именно такимъ образомъ: обнажаютъ нижнія оконечности тѣла и входятъ въ воду по колѣна или выше. Піявки въ такомъ случаѣ не замедляютъ впиваться въ тѣло ловца, дѣлая въ кожѣ тѣла его трехъугольную ранку, черезъ которую и начинаютъ сосать кровь. Ловитель или, какъ выше замѣчено, ловительница, выждавъ, пока къ ногамъ присосется нѣсколько піявокъ, выходитъ изъ воды, отрываетъ животныхъ отъ тѣла и, сложивъ ихъ въ приготовленную посуду съ водою, входитъ вновь въ воду съ цѣлью захватить піявокъ еще и еще. Но при этомъ ловцу черезъ нѣкоторое время дѣлается нерѣдко весьма дурно, и онъ поминутно долженъ бываетъ давать себѣ отдыхъ. Какъ выше сказано, каждая піявка, присасываясь къ тѣлу, дѣлаетъ въ немъ ранку, изъ которой, какъ бы піявка ни была скоро отнята отъ тѣла, вытекаетъ минимумъ чайная ложка крови. Эта-то потеря крови и производитъ дурноту у ловца піявокъ, если онъ занимается дѣломъ своимъ болѣе или менѣе продолжительное время.

Многія изъ женщинъ, занимающихся ловлей піявокъ съ промышленной цѣлью, кончаютъ жизнь свою въ высшей степени печально. Онѣ или начинаютъ чахнуть, постепенно хирѣютъ и умираютъ преждевременно, или же кончаютъ жизнь на своемъ промыслѣ скоропостижно и трагически даже иной разъ. Какъ одинъ изъ примѣровъ такой смерти, газета передаетъ недавно имѣвшій мѣсто въ станицѣ Усть-Бѣлокалитвенской печальный случай.

Одна спеціальная ловительница піявокъ и торговка ими поѣхала съ мужемъ своимъ къ одному плесу ближней балки съ тѣмъ, что бы поймать сотню другую піявокъ. Мужъ не согласился почему-то заниматься ловлей піявокъ и. оставивъ жену при плесѣ, поѣхалъ нарубить хворосту для домашнихъ своихъ надобностей, чтобы потомъ заѣхать за женой. Послѣдняя, на бѣду свою, начала операцію ловли піявокъ какъ нельзя болѣе удачно: она наловила піявокъ порядочный кувшинъ, и, хотя чувствовала уже круженіе головы и крайнюю слабость отъ потери крови, но продолжала свое дѣло, желая наловить больше и больше. При одномъ, однако, выходѣ изъ воды она до того ослабѣла, что упала въ обморокъ отъ чрезмѣрной, конечно, потери крови. При паденіи она зацѣпилась за кувшинъ съ наловленными піявками и разбила его. Около 150 піявокъ выползли изъ

разбитаго кувшина и впились въ тѣло несчастной, и она осталась лежать въ безчувственномъ состояніи на мѣстѣ. Когда мужъ возвратился за своею промышленницей-женой, то она представляла собою видъ вздувшагося и посинѣвшаго трупа.

Пострадавшую привезли домой, и она придя въ себя, разсказала все, что съ ней случилось, а далѣе опять впала въ безпамятство и, не приходя въ сознаніе, умерла.

Духоборы въ Канадѣ. Въ виду противорѣчивыхъ толковъ о положеніи переселившихся въ Канаду духоборовъ, причемъ нѣкоторые выставляютъ это положеніе отчаяннымъ и пишутъ, что не сегодня-завтра всѣ духоборы перемрутъ въ Канадѣ, «Южное Обозрѣніе» приводитъ нѣкоторыя выдержки изъ полученнаго оттуда письма С. П. Прокопенко, писаннаго въ маѣ.

«Я слышалъ,—пишетъ Прокопенко,—что въ Петербургѣ вышла книжка Тверского о духоборахъ, но не имѣю понятія, что въ ней говорится. Думаю, впрочемъ, что Тверской будетъ говорить не иное что, какъ то, что духоборы поселены въ убійственной странѣ, въ которой имъ придется всѣмъ умереть.

«Отъ Бонча и Бирюкова были сюда статистическіе запросы къ духоборамъ о матеріальномъ ихъ положеніи для того, чтобы опровергнуть клеветы Тверского. По моему, не стоило бы и опровергать его, да еще статистическими данными, потому что, судя по словамъ Бонча, Тверской въ своихъ статьяхъ настолько преувеличенно описываетъ бѣдствія духоборовъ въ Канадѣ, что тѣмъ самымъ и опровергаетъ себя, потому что ничто другое не подтверждаетъ его утвержденій, а наоборотъ. Тотъ фактъ, что духоборы еще въ прошломъ году отказались отъ всякихъ пожертвованій со стороны квакеровъ, заявивъ имъ письмами, что больше нѣтъ нужды въ пожертвованіяхъ, говоритъ краснорѣчивѣе всѣхъ утвержденій Тверского. Если не забывать, что духоборы пріѣхали въ Канаду безъ ничего (т.-е. большинство духоборовъ), что первый годъ нуждались въ сильной степени въ пожертвованіяхъ, а черезъ годъ отказались отъ пожертвованій, то ясно, что Канада слишкомъ даже благопріятная страна для поселенныхъ въ ней духоборовъ. Все, что духоборы позадолжали въ лавкахъ за муку и за орудія, то выплачено, а также и за лошадей и коровъ, а въ настоящее время, за исключеніемъ 2 селеній, отставшихъ отъ другихъ, изъ всѣхъ остальныхъ 34 южнаго участка, нѣтъ селенія, въ которомъ было бы на 130—140 душъ меньше 10 коровъ (кромѣ телятъ), 3 паръ лошадей и 1 пары быковъ, 2 плуговъ, диск. бороны, косилки, конн. грабель и 3 фургоновъ. А есть селенія, въ которыхъ есть на 130—140 душъ 50 коровъ (кромѣ телятъ), 8 паръ лошадей, 3—4 пары быковъ, 6—7 плуговъ, 8--10 фургоновъ, 1—4 косилки, сѣялка и все сообразно съ этимъ. И я говорю не о тѣхъ селеніяхъ, которыя пришли съ деньгами, а о ссыльныхъ, нуждавшихся въ милостынѣ отъ квакеровъ и другихъ. Въ Карскихъ же селеніяхъ, пришедшихъ съ нѣкоторыми средствами, дѣла обстоятъ лучше, а особенно въ тѣхъ изъ нихъ, которыя живутъ общиной. Замѣчательно, что изъ Карскихъ живущіе общиной болѣе преуспѣваютъ и гораздо благоустроеннѣе, а изъ ссыльныхъ какъ есть наоборотъ: самыя неустроенныя и бѣдныя тѣ селенія, гдѣ община. Я объясняю это тѣмъ, что у Карскихъ еще на Кавказѣ община ограничивалась лишь общимъ посѣвомъ, общей уборкой и общимъ покосомъ, а затѣмъ все дѣлилось на наличныя души, и всякій распоряжался доставшимся въ дѣлежѣ, какъ хотѣлъ. А ссыльнымъ, которые пытались и кое-гдѣ все еще пытаются осуществлять полную общину во всѣхъ мелочахъ, такъ все это надоѣло, такъ мало они видятъ въ этомъ толку, что относятся ко всему, гдѣ пахнетъ общиной, не только спустя рукава, а даже въ душѣ враждебно, какъ къ чему-то, хотя неизбѣжному, но весьма надоѣвшему и противному. У Карскихъ же былъ и урожай прошлаго года значительный, потому что

во время и хорошо была обработана земля. Но ссыльные, хотя сѣютъ сравнительно мало, но аккуратно, хорошо обрабатываютъ. Вообще же духоборы пока полагаются лишь на заработки, а не на земледѣліе, хотя вполнѣ убѣждены, что черезъ годъ, много два, перейдутъ къ земледѣлію. Сейчасъ уже отправляются на заработки, но на какія работы, пока неизвѣстно.

«Прошлый же годъ былъ еще очень плохой для заработковъ, вслѣдствіе общаго неурожая на хлѣбъ и сѣно отъ засухи. Сейчасъ весна благопріятная: посѣвы уже сдѣланы, и всходы быстро показались, не такъ какъ въ прошломъ году.

«Духоборы всѣ, во всѣхъ селеніяхъ имѣютъ хорошія хаты и всю (безъ преувеличеній) домашнюю утварь, а также и инструменты (т.-е. топоры, пилы, буравы, рубанки и проч. плотничьи инструменты) и никто не увидитъ здѣсь ни одного духобора въ ветхой, рваной одеждѣ или обуви, а для зимы всѣ (почти) безъ исключенія имѣютъ достаточно теплой одежды и обуви,

«За истекшій годъ всѣ имѣли достаточно муки и овощей (т.-е. кортофеля, капусты, рѣдьки и рѣпы). Почти всѣ пили чай и на половину имѣли возможность достаточно покупать коровьяго масла, если нѣтъ своей дойной коровы, а другая половина, хотя и не такъ достаточна, но тоже покупала.

«Всѣ имѣютъ куръ и слѣдовательно, яйца для ѣды.

«Половина селеній имѣла вполнѣ достаточно молока отъ своихъ коровъ, а другая половина хотя не такъ много, но для дѣтей вполнѣ имѣла.

«Перезимовали всѣ вполнѣ благополучно и болѣзни значительно уменьшились. Такъ какъ я занимаюсь лѣченіемъ, то мнѣ видно, что болѣзни у духоборовъ теперь все старыя отъ маляріи Кавказской или отъ усиленныхъ постовъ (было очень много, да и теперь отчасти есть такіе, которые не желаютъ употреблять ни молока, ни яицъ, ни масла, ни чаю, ни даже постнаго масла). Впрочемъ все это отходитъ и начинаютъ понимать, что при большомъ трудѣ необходима и соотвѣтствующая пища. Пожертвованія въ истекшемъ году были незначительны, и духоборы можно сказать перезимовали изъ своихъ трудовъ и заработковъ. Да и кромѣ того, что перезимовали, еще увеличили инвентарь хозяйственный приблизительно въ среднемъ на 2.000—2.500 долл. для селенія (это не преувеличено, а скорѣе наоборотъ). Кромѣ того, заплатили прошлогоднихъ долговъ за муку и другіе товары около 7.000—7.500 долл. Теперь въ началѣ лѣта опять забираютъ до осени въ долгъ муку, сѣмена для посѣва и земледѣльческія орудія, но забираютъ въ долгъ далеко не всѣ, а нѣкоторая часть, и, какъ мнѣ извѣстно, сдѣлано долгу отъ 4.000—5.000 долл.

«За послѣднее время мнѣ приходится очень часто наталкиваться на весьма сильное малокровіе у духоборовъ и въ особенности быстро оно развивается пока у женщинъ со всѣми плохими его послѣдствіями. Но я увѣренъ, что также оно станетъ развиваться и у мужчинъ. Главной причиной этого—невѣжество духоборовъ и ихъ лѣкарей-бабокъ. Маляріиное зараженіе на Кавказѣ и Кипрѣ плюсъ посты вообще развили малокровіе и худосочіе, а здѣсь бабки и другіе лѣкаря-духоборы лѣчатъ эти болѣзни по преимуществу кровопусканіемъ (раза 4—5 въ годъ). Прибавьте къ этому, что здѣшній климатъ и безъ того требуетъ большого количества крови въ организмѣ, и вы легко можете себѣ вообразить всѣ послѣдствія такого лѣченія. Всѣ болѣзни они лѣчатъ, конечно, еще наговорами (молитовками), но при наговорахъ обязательно употребляютъ: спиртъ, камфору, имбирь, корицу, ртуть, мышьякъ, сулему, царск. водку и проч. въ огромныхъ дозахъ. Ужасное невѣжество, мнящее себя всезнаніемъ!»

Въ дополненіе къ письму г. Прокопенко, та же газета сообщаетъ: «Въ настоящее время можно утверждать, что устранены недоразумѣнія, возникшія между британскими властями въ Канадѣ и переселившимися туда русскими

духоборами. На первыхъ порахъ власти рѣшили энергично бороться противъ односторонняго сектантства этихъ въ основѣ честныхъ и трудолюбивыхъ людей, не желавшихъ подчиняться дѣйствующимъ въ странѣ законамъ о бракѣ и о регистраціи поземельной собственности. Начались волненія, воззванія къ цивилизованному міру, но канадскія власти оставались непоколебимы, и дѣло дошло до того, что духоборы стали небольшими партіями переселяться въ Калифорнію. Но здѣсь переселенцы наткнулись на еще болѣе суровыя условія, и многіе изъ нихъ рады были снова вернуться въ Канаду. Въ свою очередь и правительственныя учрежденія стали относиться снисходительнѣе къ нимъ и рѣшили постепенно пріучать ихъ къ мѣстнымъ юридическимъ нормамъ жизни. Объясняется эта снисходительность заступничествомъ со стороны британскихъ сосѣдей духоборовъ, особенно торговцевъ изъ Іорктона, обратившихся къ правительству съ петиціей, въ которой они доказываютъ, что въ интересахъ страны необходимо удержать на мѣстѣ духоборовъ и помѣшать ихъ переселенію въ Соединенные Штаты. «Лучшихъ и болѣе надежныхъ переселенцевъ, — сказано въ петиціи.—нельзя себѣ и представить». Административные органы, вѣдающіе дѣла эмигрантовъ въ Канадѣ, также свидѣтельствуютъ о честности духоборовъ. «Каждый купецъ,—сказано въ ихъ отзывѣ,—можетъ имъ вѣрить на слово, и если духоборъ обѣщаетъ платить, то будьте увѣрены, что онъ исполнитъ свое обѣщаніе». Земельные участки, которые до прибытія духоборовъ продавались по 15 долларовъ, въ настоящее время цѣнятся въ 1.000 долларовъ, такъ что благосостояніе Іорктона значительно возросло.

«Выданная духоборамъ ссуда въ 17.000 долларовъ на муку и другіе припасы уже возвращена переселенцами, успѣвшими, кромѣ того, выплатить 1.200 долларовъ одному квакеру, давшему имъ заимообразно 2.000 долларовъ. Равнымъ образомъ, въ сѣверномъ поселеніи, гдѣ духоборы наткнулись на гораздо большія трудности, дѣла обстоятъ хорошо, и квакерская община избавлена отъ необходимости выдавать ссуды духоборамъ. Общее число духоборовъ, поселившихся въ Манитобѣ и Ассинобойѣ, достигаетъ 8 тысячъ».

«Третій элементъ» въ земствѣ. Екатеринославская, а затѣмъ и харьковская земскія исторіи послѣднихъ дней, закончившіяся отказомъ отъ службы не только статистиковъ, но и множества другихъ земскихъ интеллигентныхъ тружениковъ (врачей, агрономовъ, техниковъ и проч.) даютъ поводъ харьковскому корреспонденту «Россіи» напомнить цѣлый рядъ другихъ однородныхъ фактовъ изъ области земской жизни. «Можно сказать,—замѣчаетъ онъ,—что извѣстія о столкновеніяхъ между земскими служащими и предсѣдателями управъ газеты приносятъ чуть ли не ежедневно. Столкновенія эти обыкновенно оканчиваются увольненіемъ отъ службы однихъ служащихъ и добровольнымъ уходомъ со службы другихъ, протестующихъ противъ подобнаго произвола. Объ этомъ пишутъ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ: Перми, Уфы, Вятки, Вологды, Екатеринослава, Симферополя, Тамбова, Пензы и мн. др. Врачи, прослужившіе 15 — 20 лѣтъ, положившіе лучшіе годы своей жизни на службу земству, увольняются безъ объясненія причинъ вновь избранными предсѣдателями земскихъ управъ («Врачъ», №№ 25 и 30, 1901 г., «Спб. Вѣд.», 166). Таврическая губернская земская управа увольняетъ съ земской службы эконома г. Шкредова за несоблюденіе религіозныхъ обрядовъ. Елисаветградская уѣздная земская управа увольняетъ многихъ служащихъ за помощь нуждающемуся населенію неурожайныхъ мѣстностей уѣзда, находя въ ихъ дѣйствіяхъ признаки общественной агитаціи. Изъ г. Слободска пишутъ: «предсѣдатель земской управы Шкляевъ увольняетъ безъ объясненія причинъ уѣзднаго статистика г. Афанасьева» («Спб. Вѣд.», 131). О подобномъ же увольненіи земскаго агронома сообщаютъ изъ Белебеевска, Уфимской губ. и многихъ другихъ мѣстъ.

За то въ г. Кирилловѣ, Новгородской губ., земская управа упорно оставляетъ на службѣ въ должности больничнаго врача человѣка неспособнаго, почти психически-больного, изъ-за грубости котораго уходятъ его сослуживцы и подчиненные («Недѣля», іюль 1901 г.). Все это факты самыхъ послѣднихъ дней, а сколько ихъ было въ послѣдніе годы! Это не единичные, случайные факты, а многочисленная однородная группа ихъ, характеризующая нарождающіяся тенденціи въ земской средѣ.

«Помпадуръ, такъ зло, такъ безпощадно осмѣянный нашимъ великимъ сатирикомъ, похороненный, казалось, на вѣки, вынырнулъ опять въ нашей общественной жизни и тамъ, гдѣ его менѣе всего могли ожидать,—въ земствѣ. До начала девятидесятыхъ годовъ о подвигахъ земскихъ помпадуровъ почти вовсе не было слышно; послѣднее же десятилѣтіе и особенно послѣдніе годы по «обилію и величію» ихъ составятъ, кажется, золотую эпоху въ исторіи нашего помпадурства. Причину этого явленія, конечно, надо искать въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 12-го іюня 1890 года, рѣзко измѣнившемъ избирательный и представительный составъ земствъ. Не малое число предсѣдателей и членовъ управъ состоятъ въ этихъ должностяхъ не по выбору, а по административному назначенію. Въ Вятской губерніи, напримѣръ, изъ 11 предсѣдателей земскихъ управъ только трое выборныхъ. Во многихъ губерніяхъ старые земцы, занимавшіе въ продолженіе нѣсколькихъ трехлѣтій по выбору должности предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, вдругъ оказываются неутвержденными въ этихъ должностяхъ на новое трехлѣтіе, какъ это случилось въ этомъ году съ предсѣдателями земскихъ управъ малмыжской — В. А. Батуевымъ и белебеевской—г. Кротковымъ».

Мѣстные обычаи въ волостныхъ судахъ. Отмѣна сословнаго крестьянскаго суда, съ отжившими принципами царя Михаила, есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ современности. «Современное состояніе судовъ пореформенной деревни,—справедливо замѣчаетъ «Пермскій Край»,—не соотвѣтствуетъ спокойному сознательно ведущемуся хозяйству крестьянина, совсѣмъ утратившаго вѣру въ хозяйственные устои своихъ дѣдовъ и отцовъ. Смѣнѣ старыхъ обычаевъ новыми требованіями современной исторіи въ деревнѣ способствовалъ не только новый составъ деревни, по преимуществу уже «не ревизіонной», но и вся совокупность новой исторіи, вызывающей къ жизни наличныя силы личности. А между тѣмъ въ волостномъ судѣ населеніе деревни призывается опираться въ своихъ отношеніяхъ на старые, давно отжившіе обычаи, о которыхъ новыя поколѣнія имѣютъ едва ли хотя бы смутное представленіе. Вотъ, напримѣръ, житейская сценка на эту тему, разсказанная сотрудникомъ названной выше газеты.

«Къ пишущему сіи строки,—говоритъ онъ,—приходитъ предсѣдатель к—го волостного суда, человѣкъ трезвый и наиболѣе развитой въ крестьянской средѣ и говоритъ: «Я къ вамъ за совѣтомъ. Хочу я служить уже второе трехлѣтіе; принималъ присягу, въ которой говорится «свято исполнять законы Имперіи». Съ перваго же шага своей службы я наткнулся на многія обстоятельства, не зависящія отъ моей воли, которыя положительно не давали мнѣ возможности именно исполнять законы свято. Помимо того, что насъ, волостныхъ судей, заставляютъ иногда рѣшать дѣла — совсѣмъ не такъ, какъ мы хотимъ по своей совѣсти, у насъ, у судей, нѣтъ обоюднаго согласія, и я всегда почти остаюсь одинокимъ со своимъ голосомъ. По многимъ дѣламъ я даже писалъ отдѣльныя мнѣнія, но на это въ слѣдующихъ инстанціяхъ не обращается вниманія, потому что тамъ руководятся тѣмъ, что написано въ рѣшеніи и жалобахъ сторонъ. Стороны же объ этихъ отдѣльныхъ мнѣніяхъ остаются въ неизвѣстности: у крестьянъ нѣтъ въ обычаѣ прочитывать все дѣло,—берутъ лишь копіи рѣшеній, тѣмъ и ограничивается ихъ наблюденіе за

даннымъ дѣломъ. А поводомъ къ несогласіямъ всегда служатъ такъ называемые мѣстные обычаи, коими мы, судьи, должны руководствоваться при рѣшеніи своихъ дѣлъ, а въ нашей волости я рѣшительно не вижу такихъ обычаевъ, о коихъ говорится въ общемъ положеніи о крестьянахъ. Скажите же на милость, какъ мнѣ теперь служить по совѣсти и по присягѣ?»

«Зная этого человѣка, его искренность, я былъ поставленъ втупикъ; что могъ я ему отвѣтить: я зналъ, что онъ обращался къ своему начальству, но тамъ встрѣтилъ лишь одинъ отвѣтъ: «что мы можемъ подѣлать, когда таковъ законъ?» Очевидно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ наболѣвшей «злобой дня».

«Дѣйствительно, мѣстные обычаи предписаны въ назиданіе волостнымъ судамъ, но ихъ юридическая природа не установлена. Бесѣдовавшій по сему поводу предсѣдатель суда, когда ему было указано толкованіе сената, изложенное въ его рѣшеніяхъ подъ 38 ст. общ. пол. о крест. (изд. Данилова), собиралъ свѣдѣнія о такихъ обычаяхъ, коимъ бы подчинялось, кои бы признавало мѣстное населеніе. Такихъ обычаевъ этотъ предсѣдатель не нашелъ ни въ одной изъ деревень своей многолюдной волости. Вотъ почему у него и возникали «отдѣльныя мнѣнія», въ коихъ, насколько было можно судить по имѣющимся у него черновикамъ, всегда указывалась вся безпочвенность состоявшихся рѣшеній его коллегъ.

«Жалуясь на такое положеніе дѣлъ, г. Ч. высказывался, что и судьи, его коллеги, чувствуютъ всю неловкость рѣшать дѣла по обычаю, потому что нѣтъ такого дня, чтобы къ нимъ не переставали обращаться съ просьбой рѣшать дѣла по закону. «Нѣтъ такого крестьянина, который бы не просилъ насъ, судей, «навести справку въ законѣ». А какіе мы можемъ дать справки, когда у насъ вмѣсто закона никому невѣдомый обычай».

«А въ это же время дѣла, разсмотрѣнныя въ волостныхъ судахъ, постоянно переходятъ въ уѣздные съѣзды, гдѣ засѣдаютъ люди исключительно воспитанные понятіями общегражданскаго кодекса, люди съ деревенскимъ бытомъ вовсе не знакомые и не имѣющіе времени и интеллектуальныхъ средствъ изучать этотъ бытъ, съ его правами и особенностями юридическихъ нормъ (а вѣдь дѣла переходятъ и въ касаціонную инстанцію).

«Что получается въ сознаніи народа отъ всего этого, догадаться не трудно, и жалобы предсѣдателя к—го волостного суда раскрываютъ предъ нами такую огромную пропасть гражданскаго неустройства, при которомъ малѣйшее колебаніе народной мысли можетъ повести къ весьма прискорбнымъ явленіямъ. Изъ жалобъ г. Ч—ва видно, что народное самосознаніе ищетъ твердой точки опоры въ дѣйствующихъ законахъ, а мѣстные суды дать этого не могутъ, отчего и мысль народная представляется ни болѣе, ни менѣе какъ «тростью, колеблемою вѣтромъ».

За мѣсяцъ. Въ концѣ прошлаго іюля мѣсяца опубликовано Высочайше утвержденное 8-го іюля сего года мнѣніе государственнаго совѣта *объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири.*

Закономъ этимъ разрѣшается въ губерніяхъ Тобольской и Томской и въ генералъ-губернаторствахъ Степномъ, Иркутскомъ и Приамурскомъ, во-первыхъ, продажа казенныхъ земель частнымъ лицамъ для образованія частныхъ хозяйствъ и, во-вторыхъ, отводъ для той же цѣли земель частнымъ лицамъ въ арендное пользованіе съ правомъ пріобрѣтенія ихъ въ собственность.

Предназначаемыя для частновладѣльческихъ хозяйствъ земли нарѣзаются, *по возможности, въ перемежку* съ площадями, надѣленными крестьянамъ.

Пространство земли для каждаго отдѣльнаго хозяйства будетъ опредѣляться, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и требованій пріобрѣтателей, въ различныхъ размѣрахъ, но, во всякомъ случаѣ, не должно превышать трехъ ты-

сячъ десятинъ; исключенія допускаются лишь для значительныхъ и полезныхъ для края сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ предпріятій и притомъ не иначе, какъ съ Высочайшаго каждый разъ разрѣшенія.

Отводимыя земли не могутъ быть пріобрѣтаемы какъ при самомъ отводѣ ихъ, такъ и при дальнѣйшихъ переходахъ ихъ къ другимъ владѣльцамъ, инородцами и лицами, непринадлежащими къ русскому подданству; равнымъ образомъ отдача этихъ земель въ залогъ или передача ихъ въ пожизненное владѣніе означеннымъ лицамъ воспрещаются.

Предназначенныя къ продажѣ казенныя земли будутъ продаваться съ публичнаго торга, но могутъ быть продаваемы частнымъ лицамъ для устройства сельско-хозяйственнаго или промышленнаго предпріятія, фабрики или завода и по вольной цѣнѣ; въ послѣднемъ случаѣ на производство продажи испрашивается Высочайшее разрѣшеніе.

Въ арендное пользованіе казенныя земли будутъ сдаваться исключительно лицамъ дворянскаго происхожденія, которыя, по хозяйственной благонадежности своей, являются желательными, въ правительственныхъ видахъ, землевладѣльцами въ Сибири. Выборъ лицъ, коимъ могутъ быть отводимы казенныя земли въ арендное пользованіе, изъ числа изъявившихъ на то желаніе и удовлетворяющихъ установленнымъ условіямъ, будетъ производиться по взаимному соглашенію министровъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ. Смотря по пространству и трудности разработки, земли будутъ отводиться въ арендное пользованіе на срокъ до 99 лѣтъ.

Арендаторъ, выполнившій условія договора, имѣетъ право на пріобрѣтеніе земли въ собственность. При такомъ пріобрѣтеніи земли въ собственность, продажная цѣна одной опредѣляется чрезъ помноженіе ежегодной арендной платы на двадцать, причемъ плата, причитающаяся за время до пріобрѣтенія земли въ собственность, въ счетъ капитальной стоимости не зачисляется и вносится независимо отъ продажной цѣны.

Продажная цѣна, по желанію лица, пріобрѣтающаго землю, можетъ быть разсрочена на срокъ до тридцати семи лѣтъ, со взиманіемъ за каждый годъ пяти процентовъ роста и соотвѣтственной части погашенія, въ теченіе срока, опредѣленнаго въ данной.

Съ точки зрѣнія насажденія въ Сибири новой формы сельскаго хозяйства, законъ 8-го іюня можетъ быть оцѣненъ на основаніи цѣлаго ряда прежнихъ опытовъ, изъ которыхъ ни одинъ не далъ сколько-нибудь благопріятныхъ результатовъ. Начиная съ 1844 г., въ Сибири, въ Тобольской губерніи и въ Степномъ краѣ, нарѣзывались сотни тысячъ десятинъ земли въ воспособленіе дворянамъ и отставнымъ чиновникамъ, но создаваемые такимъ путемъ частные владѣльцы нигдѣ не завели правильнаго хозяйства. Въ лучшемъ случаѣ они сдаютъ свои земли въ арендное пользованіе крестьянамъ, въ худшемъ—бросаютъ ихъ на произволъ судьбы. Тамъ, гдѣ земля пріобрѣтаетъ извѣстную цѣнность, начинается спекуляція. Такъ случилось, по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», въ Амурскомъ краѣ, гдѣ съ проведеніемъ желѣзной дороги началась такая оживленная спекуляція земельными участками, что въ 1895 пришлось вовсе прекратить продажу казенныхъ земель въ полосѣ, расположенной на 100 верстъ по обѣ стороны отъ желѣзнодорожной линіи. Въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ (Уфимской губ.) продано было дворянамъ и чиновникамъ около 54.000 десятинъ, но уже черезъ два года послѣ отвода земель началась ихъ перепродажа, такъ что въ 1895 году были перепроданы 39.683 десятины, или 72,5 проц. всей казенной земли, полученной владѣльцами на льготныхъ условіяхъ. Дворяне и чиновники выручили 587.696 рублей, тогда какъ казна получили съ нихъ всего 63.426 руб., —другими словами, «насажденіе хозяйства» свелось къ подарку отъ казны въ 524.270 руб.; большинство (60,5 проц.)

перепроданныхъ казенныхъ земель перешло къ крестьянамъ, и притомъ по самой высокой цѣнѣ: въ то время, какъ мѣщане платили за землю по 14,56 р., купцы—по 11,41 руб. и дворяне—по 8,67 руб., крестьяне заплатили перепродавцамъ казенной земли по 17 руб. 3 к. за дес., и такимъ образомъ съ однихъ крестьянъ чиновники и дворяне получили 368½ тыс. руб.,—въ шесть разъ больше, чѣмъ имъ самимъ стоила вся купленная у казны земля. Правда, въ видахъ борьбы съ спекуляціей, новый законъ и предоставляетъ исключительную власть министру земледѣлія, который, по соглашенію съ другими министрами, можетъ ограничить до minimum'а частное владѣніе въ Сибири.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ представленіи комитету министровъ, полагало:

1) Въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Московской, Харьковской, Екатеринославской, Кіевской, Подольской и Волынской, въ городахъ: Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ, Нахичевани, селѣ Касперовкѣ и Таганрогскомъ округѣ области Войска Донского, въ посадахъ Богоявленскѣ, Калиновкѣ и мѣстечкѣ Варваровкѣ, Херсонской губерніи, а также въ С.-Петербургскомъ, Одесскомъ и Николаевскомъ градоначальствахъ и въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ кронштадтскому военному губернатору, срокъ дѣйствія введеннаго въ нихъ положенія объ усиленной охранѣ продолжить съ 4-го сентября 1901 года еще на одинъ годъ, предоставивъ кронштадтскому военному губернатору, по званію главнаго командира кронштадтскаго порта, права, указанныя въ ст. 15 и 16 прилож. къ ст. 1 (примѣч. 2) т. XIV св. зак., уст. о предупрежденіи и пресѣч. преступленій (изд. 1890 г.).

II) На тотъ же срокъ объявить въ положеніи усиленной охраны: города Тифлисъ и Баку съ его уѣздомъ; Покровскій и Шуйскій уѣзды съ городомъ Иваново-Вознесенскомъ, Владимірской губерніи; гор. Елисаветградъ, посадъ Воскресенскъ и мѣстечко Кривой-Рогъ, Херсонской губерніи.

III) Въ мѣстностяхъ имперіи, не объявленныхъ въ состояніи усиленной охраны, сохранить дѣйствіе ст. 28, 29, 30 и 31 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія

Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ означенное представленіе, полагалъ: испросить на сіе Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, въ 29 день іюня 1901 года, положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

— 14-го августа въ Ялтѣ скончался извѣстный писатель *Григорій Александровичъ Мачтетъ*.

Г. А. родился въ 1852 г. Пройденная имъ школа жизни была очень сурова. Исключенный изъ Каменецъ-Подольской гимназіи «за чтеніе Чернышевскаго», онъ съ трудомъ добился разрѣшенія держать экзаменъ на домашняго учителя, послѣ чего два года и занималъ эту должность въ Могилевѣ и Каменецъ-Подольскѣ. Въ 1872 г. онъ бросаетъ службу и безъ денегъ, безъ какого бы то ни было спеціальнаго знанія, отправляется въ Америку, «страну свободы», куда тянуло въ то время многихъ изъ молодежи, задыхавшихся въ тяжелыхъ условіяхъ русской жизни. «Страна свободы» обернулась, однако, къ юному мечтателю далеко не казовой своей стороной, такъ какъ ему приходилось добывать себѣ средства къ жизни тяжелымъ трудомъ чернорабочаго. Въ 1875 г. онъ уже въ Петербургѣ, гдѣ, пользуясь богатымъ матеріаломъ, который дали ему заграничныя странствованія, дебютируетъ въ журналахъ, въ «Недѣлѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», рядомъ очерковъ, вышедшихъ потомъ отдѣльной книжкой «По бѣлу свѣту». Въ столицѣ, однако, Мачтету пришлось быть недолго: въ слѣдующемъ же 1876 г. онъ вынужденъ былъ поки-

нуть Петербургъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ затѣмъ находился сначала въ Архангельской губерніи, а потомъ и въ Сибири.

Въ художественной литературѣ Мачтетъ дебютировалъ сибирскими разсказами, которые сразу же создали ему репутацію талантливаго беллетриста. Эти разсказы («Вторая правда», «Мы побѣдили» и др.) и сейчасъ остаются лучшими изъ всего написаннаго Мачтетомъ. Въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Мачтета, большинство которыхъ помѣщены въ вышедшихъ отдѣльными изданіями сборникахъ («Силуэты», «Живыя картины», «На досугѣ»,) простота и художественная правда первыхъ его разсказовъ уступаетъ мѣсто той или иной публицистической задачѣ, которую авторъ пытается провести въ формѣ художественныхъ произведеній. Публицистъ все больше и больше побѣждалъ художника и, наконецъ, въ послѣдніе годы своей жизни Г. А. почти не выступаетъ въ беллетристикѣ, отдавая свое время службѣ, на которую онъ поступилъ въ девяностыхъ годахъ, и публицистикѣ. Его фельетоны на общественныя темы, печатавшіеся въ житомірской газетѣ «Волынь», показываютъ, какъ страстно до послѣдняго времени отзывался онъ на злободневные вопросы, какъ сильно билась въ немъ «публицистическая жилка». Послѣдняя повѣсть его «Два типа» была напечатана въ журналѣ «Міръ Божій», 1898 г. (авг.).

Зимою текущаго года Г. А. былъ переведенъ на службу (по министерству финансовъ) въ Петербургъ и здѣсь началъ хлопоты о второмъ изданіи своихъ художественныхъ произведеній. Было бы очень жаль, если бы внезапная смерть симпатичнаго писателя затормозила выходомъ въ свѣтъ итоговъ двадцатилѣтней работы, всегда одухотворяшейся высокими общественными идеалами автора.

Изъ русскихъ журналовъ.

Теорія и практика земской статистики. Во внутреннемъ обозрѣніи «Вѣстника Европы» (августъ) г. В. В. дѣлаетъ обстоятельный очеркъ развитія статистическихъ изслѣдованій въ Россіи. Первыя попытки статистическихъ работъ предприняты были нѣкоторыми земствами еще въ концѣ 60-хъ годовъ, но организація систематическихъ изслѣдованій относится лишь къ концу 70-хъ, и въ теченіе десяти лѣтъ работы идутъ энергично, но къ концу 80-хъ годовъ дѣло это замираетъ. Это ослабленіе статистической дѣятельности земствъ вызвано прежде всего преобразованіемъ земскихъ учрежденій въ 1890 г., измѣнившимъ составъ земскихъ собраній, затѣмъ стѣсненіями, наложенными на свободу земскихъ изслѣдованій и, наконецъ, до извѣстной степени тѣмъ отливомъ интереса отъ сельскаго къ городскому пролетаріату, которымъ отличалось настроеніе передовой части нашего общества за послѣдніе годы. Съ 1893 г., со времени изданія закона объ обязательномъ производствѣ земствами оцѣночно-статистическихъ работъ, въ статистическій отдѣлъ опять вносится нѣкоторое оживленіе. Съ самаго своего возникновенія, вопросъ о земской статистикѣ возбуждалъ самыя страстныя пренія и рѣзкія партійныя дѣленія въ земскихъ собраніяхъ. Самыми ярыми врагами обстоятельнаго изученія хозяйства являются прежде всего многіе помѣщики, имѣющіе основаніе не желать, чтобы на ихъ хозяйскіе способы и пріемы былъ пролитъ свѣтъ. А между тѣмъ статистики добираются и до опредѣленія цѣнъ, по которымъ помѣщики сдаютъ крестьянамъ землю въ аренду, и до размѣровъ платы за трудъ, которую получаютъ крестьяне въ помѣщичьихъ экономіяхъ и вообще до многихъ и утонченныхъ формъ эксплуатаціи крестьян-

ской нужды. Естественно поэтому, что наиболѣе острыя столкновенія земскихъ собраній съ ихъ статистическими бюро происходили въ губерніяхъ съ преобладаніемъ помѣщичьяго элемента. Напр., рязанское земство задержало въ 1882 г. земскіе сборники и исключило изъ нихъ цѣлый отдѣлъ, который показался тенденціознымъ и компрометирующимъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Приведемъ примѣры нѣкоторыхъ исключеній изъ работы статистика В. Н. Григорьева, сдѣланныхъ рязанскимъ губернскимъ собраніемъ по предложенію губернатора. Напр., исключенъ случай, когда владѣлецъ, встрѣтивъ отказъ крестьянъ увеличить аренду съ 5 р. 44 к. до 10 р., оставлялъ 300 десятинъ земли впустѣ пять лѣтъ и взялъ съ крестьянъ потомъ за десятину отъ 12 до 14 р.; исключено указаніе на рабочую плату въ 9—44 к. въ день въ то время, когда рыночная цѣна труда была 30—75 к. и др. Въ Курской губерніи въ 1886 г. было напечатано собраніе статистическихъ матеріаловъ по 15 уѣздамъ и приложена была работа завѣдующаго бюро И. А. Вернера, представлявшая общее описаніе крестьянскаго хозяйства губерніи; въ этомъ изслѣдованіи между прочимъ затрагивался щекотливый вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства, что немедленно подняло бурю. Земское собраніе постановило закрыть статистическое отдѣленіе, задержать трудъ Вернера и принять мѣры къ тому, чтобы и самъ авторъ лишенъ былъ возможности его распространять; избрана была коммиссія для составленія мотивированнаго объясненія къ этимъ рѣшеніямъ. А между тѣмъ за это время московскій университетъ присудилъ труду Вернера половинную самаринскую премію. Забракованіе работы Вернера земская коммиссія мотивировала тенденціозностью и необоснованностью его выводовъ, что лишало его трудъ практическаго значенія для цѣлей земскаго хозяйства. Были и другіе поводы недовольства статистическими изслѣдованіями: все возраставшая сложность этихъ работъ требовала все новыхъ и новыхъ ассигновокъ; кромѣ того, широкая программа опросовъ давала пока груды сырого матеріала, а между тѣмъ отъ статистики ждали непосредственныхъ осязательныхъ результатовъ. По мимо всѣхъ этихъ невзгодъ, земская статистика встрѣтила подозрительное отношеніе со стороны администраціи, что выразилось отчасти въ личной судьбѣ многихъ статистиковъ, отчасти въ тѣхъ ограниченіяхъ, которымъ подвергнуты программы изслѣдованій. По циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ (1873 г.), для производства такихъ статистическихъ работъ, при которыхъ требовался поголовный опросъ населенія, программа изслѣдованія должна быть представлена на утвержденіе министерства; подъ этотъ циркуляръ были подведены подворныя переписи, и отъ земствъ стали требовать предъявленія программъ статистическихъ изслѣдованій. Не довольствуясь этимъ, губернаторы обязывали предъявлять программы уже законченныхъ, но еще не изданныхъ въ свѣтъ изслѣдованій. Само собой разумѣется, всѣ эти мѣры не могли не парализовать энергіи работниковъ. Вслѣдъ за этой внѣшней исторіей земской статистики г. В. В. даетъ очеркъ внутренняго ея развитія, постепеннаго усовершенствованія пріемовъ статистическаго изслѣдованія. Какъ извѣстно, земская статистика преслѣдуетъ три рода задачъ: во-первыхъ, она изучаетъ доходность земли съ цѣлью болѣе правильной оцѣнки ея и болѣе равномѣрнаго распредѣленія налоговъ; во-вторыхъ, она занимается изученіемъ той или другой спеціальной области народнаго быта, напр. кустарныхъ промысловъ, народнаго образованія и т. п.; эти обѣ задачи носятъ непосредственно практическій характеръ. Третья задача имѣетъ болѣе общее значеніе—это есть вообще изученіе экономическаго положенія помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства. Этотъ послѣдній родъ изслѣдованій является гораздо болѣе сложнымъ по своей программѣ, и потому, естественно, должно было смѣниться не мало системъ и пріемовъ, пока, путемъ долгаго опыта, не былъ выработанъ современный методъ, все-таки далеко не удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ. Первоначальный типъ земскаго

статистическаго изслѣдованія можно назвать московскимъ, ибо этимъ путемъ была изучена Московская губернія въ 1876—1877 гг. покойнымъ В. И. Орловымъ. Особенность этого типа состоитъ въ томъ, что хозяйственной единицей, надъ которой производилось изслѣдованіе, служилъ не крестьянскій дворъ или семья, а цѣлое селеніе или община. Понятно, что такое общее описаніе сложнаго цѣлаго стирало индивидуальныя различія отдѣльныхъ хозяйствъ. Особенно непригоднымъ оказался этотъ способъ въ примѣненіи къ малороссійскимъ губерніямъ, гдѣ площади надѣловъ очень неравномѣрно распредѣлены между домохозяевами и вслѣдствіе этого среднія цифры давали совсѣмъ неточную картину дѣйствительнаго положенія сельскаго хозяйства. Итакъ, необходимо было принять другой принципъ статистической классификаціи. Основнымъ недостаткомъ только что описанной системы была невозможность опредѣлить связь и взаимную зависимость между различными сторонами крестьянскаго хозяйства, напр. между размѣромъ участка, количествомъ рабочихъ силъ и числомъ рабочаго скота. Чтобы исправить этотъ недостатокъ, черниговскіе статистики (по идеѣ Шликевича) ввели классификацію по группамъ, напр. на основаніи одного признака, количества земли, разбивали домохозяевъ на нѣсколько группъ, затѣмъ, присоединяя новый признакъ, напр. количество скота, раздробляли на новыя группы и присоединяли къ прежнимъ, и такъ получились кадры крестьянскаго хозяйства, представлявшія до 600 ячеекъ, среди которыхъ можно было найти какую угодно комбинацію хозяйственныхъ элементовъ; само собой разумѣется, далеко не каждая комбинація встрѣчалась въ дѣйствительности. Удобство этой *комбинаціонной* системы заключалось въ точности и индивидуальности описаній и вмѣстѣ въ возможности прослѣдить взаимную зависимость хозяйственныхъ данныхъ. Однако система эта вначалѣ не обратила на себя вниманія и была оставлена. Поэтому слѣдующая ступень развитія земской статистики вводитъ болѣе упрощенную такъ называемую *групповую* систему, гдѣ характеризуются не отдѣльные типы хозяйствъ и не цѣлое селеніе или община, а группы дворовъ, различающіяся по площади посѣва. Каждая изъ этихъ группъ характеризовалась затѣмъ присоединеніемъ другихъ признаковъ. Этими групповыми таблицами статистическія изслѣдованія приближались къ болѣе детальному изученію крестьянскаго хозяйства, сравнительно съ первоначальной поселенной классификаціей. Групповой методъ является господствующимъ въ сводныхъ статистическихъ работахъ перваго періода (до 1890 г.). Эти сводные статистическіе сборники по губерніямъ, приближаясь то больше къ московскому типу, то къ групповой системѣ, съ теченіемъ времени изощрялись главнымъ образомъ въ одномъ—въ бо̀льшемъ дифференцированіи, въ болѣе дробномъ расчлененіи наблюдаемыхъ явленій. Такъ, статистики московскаго типа сосредоточивали свое вниманіе исключительно на производительной дѣятельности населенія, оставляя въ сторонѣ обмѣнъ и потребленіе.

Между тѣмъ дальнѣйшія статистическія изысканія все увеличивали число рубрикъ, и образцовымъ по богатству и полнотѣ обслѣдованія народной жизни является воронежскій сборникъ, составленный г. Щербиной; тамъ, кромѣ основныхъ свѣдѣній, находимъ цифровыя данныя и о крестьянскихъ бюджетахъ, и о смертности населенія, и о крестьянскихъ займахъ, о числѣ книгъ у крестьянъ и т. д., и т. д. Въ виду возрожденія интереса къ статистическимъ изслѣдованіямъ за послѣднее время, авторъ намѣчаетъ въ общихъ чертахъ тѣ задачи, которыя предстоитъ рѣшить новымъ работникамъ. Во-первыхъ, относительно программы опросовъ, нужно разобрать, удобно ли всѣ многочисленные пункты Щербинскаго сборника внести въ опросные листы и подвергнуть сплошному изслѣдованію, не слѣдуетъ ли нѣкоторые предметы выдѣлить для спеціальной анкеты. Во-вторыхъ, относительно сводки матеріаловъ, очевидно, групповыя таблицы должны и въ будущихъ работахъ занимать важное мѣсто, придется только рѣшить, по

какому признаку объединять домохозяевъ въ группы, по площади ли посѣва, или по количеству рабочаго скота, или по другимъ какимъ-либо чертамъ. Затѣмъ, слѣдуетъ выяснить вопросъ о значеніи комбинаціонныхъ таблицъ, могутъ ли онѣ служить для общей сводки матеріаловъ или только для разъясненія взаимной зависимости тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ явленій. Статистическія изслѣдованія даютъ обыкновенно картину хозяйственнаго быта за одинъ опредѣленный моментъ времени; въ послѣднее время появилась возможность изучать народное хозяйство и динамически, т.-е. прослѣдить тѣ перемѣны въ экономической жизни, то перераспредѣленіе хозяйственныхъ элементовъ, которое совершилось за извѣстный промежутокъ времени, ибо въ послѣдніе годы подворныя переписи начинаютъ повторяться въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ уже были произведены раньше.

Картина хозяйственнаго быта деревни при свѣтѣ статистическихъ изслѣдованій. Въ дополненіе къ предыдущей статьѣ воспользуемся интереснымъ очеркомъ г. *Алексѣя Смирнова* («Рус. Мысль», іюль), иллюстрирующимъ результаты земско-статистической дѣятельности. Авторъ эксплуатируетъ сводныя статистическія работы по Владимірской губерніи, представляющія обработанныя данныя о пяти уѣздахъ. Такъ какъ обслѣдованный районъ приходится на наиболѣе земледѣльческіе уѣзды, то собранныя свѣдѣнія могутъ вообще служить для характеристики нашей деревни центральной промышленной полосы; а обстоятельное, безпристрастное изученіе почти 100 тысячъ крестьянскихъ дворовъ съ болѣе чѣмъ полумилліоннымъ населеніемъ ручается за типичность полученныхъ выводовъ. Кромѣ названныхъ матеріаловъ, авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи сообщенія за нѣсколько лѣтъ добровольныхъ корреспондентовъ изъ мѣстныхъ жителей о разныхъ сторонахъ народной жизни. Авторъ указываетъ также на свое личное знакомство съ краемъ за время двухлѣтняго участія въ мѣстномъ статистическомъ бюро. Попадая въ земледѣльческій округъ Владимірской губерніи, наблюдатель поражается, не встрѣчая на пространствѣ многихъ верстъ ни одного земледѣльца: все взрослое мужское населеніе состоитъ или изъ фабричныхъ, или изъ плотниковъ, каменщиковъ, не умѣющихъ и взяться за соху, а земля обработывается одпѣми женщинами. Въ пяти уѣздахъ только 16% мужчинъ занимаются однимъ земледѣліемъ, да и изъ этихъ 16% половину составляютъ старики отъ 51 до 60 лѣтъ, т.-е. лица, уже выброшенныя за бортъ промысловой дѣятельности. Лучшіе же соки отнимаетъ у деревни городъ и фабрика. На отхожихъ промыслахъ работаютъ обыкновенно въ самую цвѣтущую пору жизни, а къ 40—45 годамъ промышленникъ уже изнашивается и возвращается въ деревню—къ земледѣльческому труду. «Вслѣдствіе малоземелья, ухудшенія почвы,—пишутъ изъ одного уѣзда,—за невозможностью расширить землевладѣніе покупкой и подъ давленіемъ фабрики окрестныя деревни разрушаются». «Дома остались только старые да малые. Дѣло дойдетъ до того, что всѣ бросятъ пахать. Кричатъ на сходѣ и вездѣ, что обрабатывать землю невыгодно, даже пословицу сложили, что работа любитъ дураковъ». Полосы брошенной, запущенной пашни съ каждымъ годомъ все умножаются, иногда пустыри занимаютъ двѣ трети всѣхъ полей (въ Шуйскомъ уѣздѣ); параллельно съ этимъ растетъ процентъ безлошадныхъ дворовъ (достигая 46), и обработка земли наемнымъ трудомъ. «Все это грозные симптомы разрушенія крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, а съ нимъ и старыхъ деревенскихъ «уставовъ», подъ напоромъ бурныхъ волнъ развивающейся промышленной жизни». Впрочемъ, покинутыя поля остаются незасѣянными только въ случаѣ массоваго ухода крестьянъ на сторону,—отдѣльные же освободившіеся участки обѣднѣвшихъ и ушедшихъ на заработки хозяевъ чаще всего переходятъ въ руки состоятельной группы крестьянства въ формѣ аренды. Среди мѣстныхъ крестьянъ 10% совсѣмъ не имѣютъ надѣла, да и большинство фабричныхъ рабочихъ и промышленниковъ, привязанныхъ къ землѣ, охотно бы развяза-

лось съ нею и лежащими на ней платежами. Но нѣкоторыя сельскія общества, поддерживаемыя мѣстными помѣщиками и земскими начальниками, ставятъ этому препятствія, не соглашаются на выкупъ надѣла, не допускаютъ и сдачи его въ аренду (присваивая себѣ это право на основаніи особаго толкованія одной статьи закона) и аккуратно взыскиваютъ всѣ повинности съ отказывающагося отъ своего надѣла хозяина. Но даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ у крестьянина не отнято право сдавать свой надѣлъ въ аренду, трудно найти арендатора даже за минимальную плату; поэтому часто, лишь бы не запустить совсѣмъ пашни, отдаютъ свою землю даромъ всякому желающему, оставляя на себѣ всѣ связанные съ ней платежи, что составляетъ 8—16 рублей въ годъ, не считая разнообразныхъ натуральныхъ повинностей. Несмотря на всѣ задержки, населеніе бѣжитъ изъ деревни, и процентъ выселяющихся, окончательно покидающихъ родину семействъ съ каждымъ годомъ увеличивается; въ настоящее время уже $1/12$ часть населенія распростилась съ деревней. «Время измѣнилось совершенно,—говоритъ одинъ корреспондентъ,—кто прежде много пахалъ земли, тотъ и жилъ богато, и все у него было, а кто мало пахалъ и уходилъ на сторону, у того ничего нѐ было; нынче наоборотъ, кто ходитъ на посторонніе заработки, тотъ живетъ хорошо, а кто пашетъ много земли, тотъ проживается». «Такъ бы я и каждый крестьянинъ,—пишетъ другой,—посовѣтовалъ бы *владимірскому правительству* дозволить строить фабрики и заводы и разные промыслы, и было бы легче жителямъ губерніи и городу»... Развитіе отхожихъ промысловъ стоитъ въ прямой зависимости отъ размѣровъ землевладѣнія. Статистическія таблицы наглядно доказываютъ, что общины съ высшимъ надѣломъ имѣютъ меньше промышленниковъ, меньше даютъ земли въ аренду, и больше арендуютъ сами и т. д. Промысловый характеръ Владимірской губерніи проложилъ въ деревенскомъ населеніи рѣзкую грань: съ одной стороны образовалась крестьянская буржуазія, стянувшая въ свои руки распавшіяся, захудалыя хозяйства своихъ сосѣдей и занявшая прочное господствующее положеніе въ деревнѣ: съ другой стороны, отдѣлилась ослабѣвшая группа домохозяевъ, выпустившая изъ своихъ рукъ и землю, и скотъ и отпускающая всѣхъ взрослыхъ работниковъ на сторонніе промыслы. Между этими крайними группами находимъ переходныя ступени, характеризующіяся тѣмъ же антагонизмомъ между землей и промыслами. Само собой разумѣется, эта схема характеризуетъ только сельскохозяйственную сторону крестьянскихъ дворовъ, независимо отъ ихъ состоятельности, такъ какъ промысловыя семьи съ небольшимъ надѣломъ, обрабатываемымъ женщинами и стариками, являются въ сущности наиболѣе состоятельными. У промышленниковъ связь съ деревнею все болѣе и болѣе слабѣетъ, прежде они уходили только на рабочій сезонъ, возвращаясь на глухое время домой, но чѣмъ далѣе, тѣмъ все непрерывнѣе становятся работы на сторонѣ, и теперь сплошь и рядомъ крестьяне выписываютъ къ себѣ въ городъ свои семьи, порывая окончательно съ деревней. Естественно, что новая городская обстановка жизни должна оказывать извѣстное культурное воздѣйствіе и, дѣйствительно, во Владимірской губерніи все болѣе распространяется отмѣченный еще Глѣбомъ Успенскимъ новый типъ крестьянина-промышленника и новый строй семьи, разлагающій прежнюю патріархальную семью. Старики жалуются на раздѣлы, на то, что молодежь забываетъ родной домъ, не слушается стариковъ; появляются новыя потребности. «Тратятъ много на одежду, часы, гармоники и прочія принадлежности туалета,—жалуется одинъ корреспондентъ,—роскошничаютъ... каждый день два раза чай, а иногда съ кренделями, и частенько передъ чаемъ-то и водочка»... Часто слышатся жалобы на пьянство и разгулъ, и сами же мѣстные жители прекрасно понимаютъ и причину этого: «А все зависитъ отъ неразвитости грамотности въ нашей мѣстности, по случаю, что негдѣ получить хорошихъ книгъ; какъ только кон-

читъ мальчикъ школу, такъ и забудетъ, что ему преподавали; то и понятно, онъ въ свободное время идетъ глазѣть въ кабакъ».

Значеніе новыхъ желѣзныхъ дорогъ на мусульманскомъ востокѣ. Г. *С. Кондурушкинъ.* (Рус. Богатство іюль) очерчиваетъ важную культурную роль проектированныхъ желѣзно-дорожныхъ линій въ Турціи—Меккской и Багдадской. Извѣстно, какимъ великимъ почетомъ пользуются у мусульманъ паломники въ св. мѣста. Совершить путешествіе въ Мекку (по транскрипціи автора—Макку, также вмѣсто Медина онъ пишетъ—Мадина), при теперешнихъ трудностяхъ идти, считается подвигомъ и даже записывается на надгробномъ памятникѣ, какъ важный біографическій фактъ. Поэтому всякій, побывавшій въ св. городѣ, признаетъ себя отмѣченнымъ особой божественной благодатью и на этомъ основаніи кичливо и высокомѣрно относится ко всѣмъ прочимъ. Паломники получаютъ даже правительственную поддержку: паломническіе караваны обильно снабжаются стражей—солдатами и жандармами, а также верблюдами и мулами для поклажи. Достаточно видѣть картину проводовъ каравана, чтобы понять, до какой степени религіозно-воинственная обстановка торжества способна фанатизировать толпу. Центральнымъ сборнымъ пунктомъ считается Дамаскъ, куда къ назначенному дню стекается масса правовѣрныхъ. Въ самый день церемоніи городъ какъ бы вымираетъ: лавки заперты, дома пусты,—все населеніе сплошь стягивается на главную улицу, откуда должно направиться шествіе къ нарочно устроеннымъ за городомъ палаткамъ для властей. По всей линіи пути волнуется несмѣтная пестрая толпа, сквозь ея гулъ прорываются рѣзкіе звуки военной музыки, выкрикиванія торговцевъ, ружейные выстрѣлы. Тамъ и сямъ въ цвѣтныхъ плащахъ носятся по полю всадники, раззадоривая своихъ коней и играя въ войну. Наконецъ грянулъ пушечный выстрѣлъ: это знакъ, что верблюдъ со священной палаткой вышелъ за черту города. Показываются солдаты и пушки на мулахъ, которые должны сопровождать караванъ. Но кромѣ военной защиты, правительство снабжаетъ паломниковъ и болѣе надежнымъ средствомъ—различными подарками для шейховъ тѣхъ бедуинскихъ племенъ, черезъ земли которыхъ пролегаетъ священный путь: какъ только караванъ вступаетъ на землю какого-нибудь разбойническаго племени, его задерживаетъ толпа всадниковъ-бедуиновъ; получивъ положенные имъ подарки, всадники провожаютъ караванъ до границы своихъ владѣній, тамъ новая задержка, опять подарки и такъ далѣе вплоть до Мекки. Однако, шествіе приближается, показывается расшитая золотомъ палатка; всѣ тѣснятся вокругъ, чтобы прикоснуться къ священной матеріи феской или платкомъ. Затѣмъ, эту парадную палатку снимаютъ и укладываютъ въ сундуки до прибытія къ Меккѣ, а для дороги натягиваютъ дешевую зеленую ткань. Палатка эта предназначается для предводителя каравана, человѣка изъ стариннаго знатнаго рода, въ которомъ эта почетная должность передается по наслѣдству и оплачивается турецкимъ правительствомъ. Между тѣмъ, всѣ власти Дамаска въ раззолоченныхъ мундирахъ собрались въ палаткахъ, и тутъ происходитъ торжественная передача губернаторомъ (вали) своей власти вождю паломниковъ. Но этотъ парадный ритуалъ ни къ чему не обязываетъ: предводитель каравана въ тотъ же день вернется въ Дамаскъ, пропьянствуетъ двѣ недѣли и потомъ уже нагонитъ своихъ спутниковъ. Понятно, какъ такія церемоніи должны разжигать религіозныя страсти въ дикой, изувѣрной толпѣ, и много разъ торжество подобнаго рода вызывало вспышки изступленной нетерпимости по отношенію къ христіанамъ: драки, убійства бывали обыкновеннымъ дѣломъ. Путешествіе въ Мекку полно всевозможныхъ опасностей. Далеко не всѣ могутъ вынести переходъ по пустынѣ въ теченіе 40 дней и 40 ночей, часто безъ воды; больные и слабые обыкновенно умираютъ въ дорогѣ: меккская дорога усѣяна костями людей и животныхъ, а въ самомъ священномъ городѣ громадное стеченіе народа, жара, грязь—почти каждый годъ

приводятъ къ развитію какой-нибудь эпидеміи: трупы людей сотнями валяются по улицамъ города и около Каабы. Кромѣ того, въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Мекки ежегодно рѣжется множество (не менѣе 75 тысячъ) жертвенныхъ животныхъ (овецъ), гніющіе трупы ихъ и пролитая кровь тоже заражаютъ воздухъ. Несмотря на все это, паломниковъ въ Меккѣ бываетъ ежегодно до 200 тысячъ, изъ нихъ почти четвертая часть въ годы эпидемій не возвращается назадъ, и тѣмъ не менѣе, по благочестивому предразсудку, правовѣрный никогда не допуститъ, чтобы въ священномъ городѣ паломники могли умереть отъ чумы или холеры: въ Меккѣ могутъ умирать только или отъ усталости или, по желанію и выбору Бога. Чтобы облегчить путешествіе въ св. городъ и поднять падающій духъ мусульманства, султанъ въ началѣ прошлаго года издалъ ираде о постройкѣ желѣзной дороги изъ Дамаска въ Мекку. Проведеніе этой дороги является, по мнѣнію автора, событіемъ громадной исторической важности. Прежде всего, и меккская и багдадская линіи вызовутъ промышленное оживленіе во всѣхъ экономически-запущенныхъ владѣніяхъ турецкой имперіи, разнесутъ по всѣмъ ея угламъ европейскіе силы и капиталы, которые быстро овладѣютъ и нетронутыми богатствами страны, и мѣстной торговой и промышленной жизнью; конкуренція пробудитъ мусульманина отъ неподвижности и лѣни и заставитъ его потянуться за европейцами. И въ политическомъ положеніи страны желѣзныя дороги должны произвести переворотъ: Аравія или отойдетъ подъ протекторатъ европейскихъ государствъ, или получитъ автономію. Набросанная авторомъ картина грѣшитъ излишнимъ оптимизмомъ. Извѣстно, это проведенныя до сихъ поръ въ Турціи желѣзныя дороги только облегчили эксплуатацію страны европейцами; мѣстное мусульманское населеніе мало участвуетъ въ оживленіи страны и въ экономическомъ прогрессѣ. Столь же преувеличенными намъ представляются и разсчеты автора на то, что облегченіе паломничествъ очиститъ исламъ отъ суевѣрія и фанатизма и тѣмъ подорветъ его силу, такъ какъ объединяющее значеніе ислама держится только на стихійной враждѣ къ гяурамъ. По изображенію автора, съ проведеніемъ меккской линіи паломничество должно сильно возрасти и измѣниться въ составѣ: теперь на богомолье отправляется преимущественно бѣднота, а съ облегченіемъ пути въ св. мѣста туда станутъ ѣздить богатые и образованные люди; это, въ свою очередь, должно ослабить суевѣріе, фанатизмъ, беззастѣнчивую эксплуатацію темнаго люда магометанскимъ духовенствомъ; наконецъ, желѣзная дорога разобьетъ массовое пилигримство, разрознитъ эти скопища грубой черни, среди которой такъ легко развиваются стадные инстинкты религіозной ненависти; да и путешествіе къ св. мѣстамъ перестанетъ быть рѣдкостью и паломники потеряютъ свою силу, перестанутъ импонировать невѣжественной толпѣ и поддерживать въ ней грубыя суевѣрія. Постройку меккской линіи правительство разсчитываетъ произвести всецѣло на общественный счетъ: былъ объявленъ сборъ пожертвованій, и такъ какъ проектъ встрѣтилъ большое сочувствіе въ народѣ, то за двѣ недѣли притекло до $4^1/_2$ милл. рублей пожертвованій. Доставка матеріала возложена, какъ государственная повинность, на частные караваны, идущіе изъ Бейрута въ Дамаскъ: такъ рельсы безцеремонно накладываются на всякій фургонъ съ грузомъ и безплатно доставляются на постройку.

Отношеніе къ ницшеанству современныхъ общественныхъ партій. Г. *Евг. Тарле* («Вѣстникъ Европы», августъ) въ своемъ очеркѣ о ницшеанствѣ коснулся интересной темы о вульгаризаціи ученія Ницше, о томъ, какіе пункты его доктрины всего охотнѣе воспринимались тѣми или другими общественными и политическими группами. Почвой, на которой возникла, а потомъ и распространилась философія Ницше, послужило то пессимистическое настроеніе, которымъ проникнуты были передовые слои европейскаго общества за послѣднія

десятилѣтія XIX вѣка. Источниками общественнаго пессимизма авторъ признаетъ не столько матеріальныя условія дѣйствительности, политическія и соціальныя, сколько потерю вѣры въ лучшее будущее, сознаніе безнадежности какого-либо исхода изъ современныхъ бѣдствій. Такое крушеніе надеждъ и ожиданій, недовѣріе къ схемамъ и планамъ будущаго, сознаніе своего безсилія передъ торжествующей дѣйствительностью и было той психологической почвой, на которой выросло ученіе Ницше. Замѣтимъ, что эти черты недавняго прошлаго авторъ, отодвигаетъ слишкомъ глубоко въ 70-е годы, когда началъ писать Ницше; скорѣе подобное настроеніе, тупое состояніе моральной и интеллектуальной растерянности послужило психологической основой для позднѣйшей популяризаціи идей Ницше. Далѣе авторъ разбираетъ свойства личности и темперамента философа и тѣ реальные импульсы отъ впечатлѣній дѣйствительности, изъ взаимодѣйствія которыхъ сложилась его оригинальная доктрина. Въ личности Ницше прежде всего выступаетъ ни передъ чѣмъ не преклоняющаяся гордость, стремленіе къ свободѣ и независимости, при этомъ сильный аналитическій умъ и богатая фантазія художника. Каковы же были реальныя впечатлѣнія, которыя давала Ницше современная дѣйствительность? Съ одной стороны, онъ видѣлъ одинокихъ, гонимыхъ, разбросанныхъ, но самоотверженныхъ дѣятелей, движимыхъ въ борьбѣ безкорыстными, идейными побужденіями; на противоположной сторонѣ стояла сильная, устойчивая, несокрушимая дѣйствительность, и Ницше отвернулся отъ побѣжденныхъ и сталъ на сторону силы и могущества. Теперь передъ нимъ вставала задача оправдать свою позицію, отвѣчать, почему онъ презрѣлъ тѣ этическіе принципы, которые имѣютъ за собой вѣковое освященіе. Ради этого Ницше рѣшилъ предпринять пересмотръ моральныхъ аксіомъ, произвести переоцѣнку цѣнностей. Съ особенною страстностью онъ повелъ борьбу противъ условныхъ этическихъ правилъ, которыя, по его мнѣнію, мѣшали свободному проявленію личности, стѣсняли власть инстинктовъ, и окончательно изуродовали «великолѣпное бѣлокурое животное», прежде жившее во всю ширь и мощь своихъ жизненныхъ силъ. Какъ видимъ, всю энергію своего ума Ницше обратилъ не на сокрушеніе реальныхъ золъ, а на враговъ отвлеченныхъ — на этическій идеализмъ передового меньшинства, ибо общество въ цѣломъ далеко не отличалось избыткомъ милосердія, состраданія и самоотверженія. Чтобы рѣшительнѣе поразить своего противника, онъ добрался до его корней, до происхожденія нравственныхъ нормъ. Ницще не признаетъ одной общей морали и различаетъ мораль властителей и мораль рабовъ; первая возникла среди могущественныхъ, правящихъ классовъ, вторая — среди обиженныхъ и обездоленныхъ, — и та, и другая не имѣютъ между собой ничего общаго. Въ основѣ современной общепринятой морали (по его терминологіи — морали рабовъ) лежитъ принципъ личной пользы, эгоизма, который съ теченіемъ времени прикрылся заботой объ общемъ благѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше люди забываютъ о чисто-эгоистическомъ происхожденіи морали и все выше, безусловнѣе и священнѣе становятся въ ихъ глазахъ условныя понятія хорошаго и дурного. Не признавая общепринятую мораль безкорыстною, онъ считаетъ ее также лицемѣрною. Обуздывая инстинкты, связывая индивидуальность человѣка своей моралью, общество дѣйствуетъ исключительно въ своихъ интересахъ, въ видахъ самосохраненія, а совсѣмъ не во имя возвышенныхъ принциповъ: это и есть лицемѣріе. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы побивать дѣйствительное зло, царившее въ обществѣ, — пренебреженіе нравственными сдержками, при лицемѣрномъ ихъ провозглашеніи, — Ницше обрушивается на самыя основы нравственнаго ученія. Обыкновенно мысль Ницше, получивъ извѣстный толчокъ извнѣ, начинала бурно и лихорадочно работать, отклонялась далеко отъ непосредственнаго импульса, расширяя и усложняя свои задачи, не будучи въ состояніи удовле-

творяться мелкою и обыденною постановкою вопросовъ. Такимъ образомъ, въ системѣ Ницше не всегда можно искать послѣдовательности теоретической мысли: чаще всего въ немъ работаетъ напряженное и взволнованное чувство, руководитъ имъ страстное настроеніе. Къ критикѣ морали тѣсно примыкаетъ и отрицательное отношеніе Ницше къ христіанству. На мѣсто разрушеннаго міросозерцанія нужно было поставить что-нибудь новое, и Ницше создаетъ свою теорію «сверхчеловѣка». Авторъ конструируетъ слѣдующій ходъ мыслей философа. Традиціонная мораль не воплощалась въ жизни, а только мѣшала своими предразсудками естественному, привольному существованію всякой сильной индивидуальности; реализовать этику, ввести ее въ жизнь онъ не могъ, поэтому онъ обратился къ другой задачѣ—устранить совсѣмъ традиціонную мораль изъ обихода и такимъ образомъ освободить «бѣлокурое животное» отъ связывающихъ его помѣхъ. На этомъ пунктѣ авторъ прерываетъ изложеніе ученія Ницше, предполагая дальнѣйшую эволюцію его идей достаточно охарактеризованной въ нашей журналистикѣ.

Затѣмъ, онъ обращается къ описанію вульгаризаціи ученія Ницше, къ процессу расхищенія его идей по частямъ, сообразно вкусамъ и потребностямъ каждаго. Нужно сказать, что въ значительной степени самъ Ницше повиненъ въ искаженіяхъ и извращеніяхъ, которымъ подверглась его система, такъ какъ онъ выпустилъ въ свѣтъ массу противорѣчивыхъ и часто загадочныхъ положеній, притомъ облеченныхъ въ форму короткаго афоризма, очень удобную для летучаго распространенія. Съ другой стороны, онъ злоупотребилъ нѣкоторыми конкретными примѣрами, врѣзавшимися въ память и воображеніе, напр., онъ высоко поставилъ цезаря Борджіа, какъ идеалъ сверхчеловѣка. Въ глазахъ толпы Ницше явился прежде всего проповѣдникомъ «имморальности» и его вліяніе въ этой области должно было, между прочимъ, повести къ ослабленію той внѣшней моральной застѣнчивости, которая до сихъ поръ считалась обязательной. Въ примѣръ этого рода разнузданности авторъ приводитъ извѣстную рѣчь императора Вильгельма, въ которой онъ наставлялъ солдатъ, чтобы они свирѣпствовали надъ китайцами подобно гуннамъ. Затѣмъ, теорія Ницше о сверхчеловѣкѣ, о морали властителей, его культъ силы, могущества и власти расшевелилъ въ аристократическихъ кружкахъ Германіи, Франціи и Австріи угасшія сословныя вожделѣнія, но такъ какъ современная политическая жизнь не даетъ простора аристократическимъ притязаніямъ, то они проявились лишь въ формѣ нѣкотораго литературнаго теченія и быстро заглохли. Такимъ образомъ, аристократизмъ ницшеанскихъ воззрѣній, по выраженію Гардена, взволновалъ и ободрилъ всего лишь «нѣсколько автомобилистскихъ клубовъ и десятокъ салонныхъ газетъ». Свои права на болѣе тѣсную связь съ ницшеанствомъ заявилъ анархизмъ. Въ послѣднее время одно изъ теченій анархизма стало выдвигать не столько соціально-преобразовательныя цѣли, сколько борьбу за индивидуальность, за предоставленіе личности большаго простора. За время борьбы съ правительствомъ и съ соціалъ-демократіей въ анархизмѣ обострилась ненависть противъ всѣхъ стѣсненій личности, исходящихъ и изъ современнаго полицейскаго государства и предполагающихся и въ соціальномъ государствѣ будущаго. Въ провозглашеніи свободы индивидуума и ненависти къ государству и совпадаетъ анархизмъ съ ницшеанствомъ, но этимъ и ограничивается сходство, въ дальнѣйшемъ же развитіи и обоснованіи этихъ общихъ положеній оба ученія расходятся далеко. У Ницше ненависть къ государству проистекаетъ изъ того, что государство охраняетъ «лишнихъ» людей. Всѣ политическіе и общественные интересы—все это, по воззрѣнію Ницше, вредитъ цѣльности его идеала—полному и безпрепятственному развитію личности. Онъ также рѣшительно возстаетъ противъ представительныхъ учрежденій, ибо они расширяютъ власть «стадныхъ людей», поднимаютъ положеніе ра-

бовъ. Изъ двухъ государствъ — демократическаго и опекающаго — онъ безъ колебаній сталъ на сторону втораго. Понятно, что между соціальными и демократическими тенденціями анархизма и этимъ крайнимъ индивидуализмомъ, этой олигархіей немногихъ сильныхъ личностей среди всеобщаго рабства не можетъ быть ничего общаго, и связь анархизма съ ницшеанствомъ коренится отчасти на указанныхъ уже случайныхъ внѣшнихъ совпаденіяхъ, отчасти на недоразумѣніи — на недостаточномъ знакомствѣ французскихъ теоретиковъ анархизма съ воззрѣніями почитаемаго ими философа. Что касается соціалъ-демократіи, то съ самаго начала распространенія и популяризаціи ницшеанства въ Германіи, она отнеслась къ нему безусловно отрицательно: презрѣніе къ массамъ, ученіе о двоякой морали и культъ индивидуализма—слишкомъ противорѣчили основамъ соціалъ-демократическихъ воззрѣній. Притомъ по отношенію спеціально къ рабочимъ Ницше бросилъ извѣстное раздраженное восклицаніе: «Пусть бы ихъ побралъ чортъ и статистика!» Первые критики Ницше изъ среды соціалъ-домократической партіи отнеслись къ нему рѣзко враждебно, заклеймивъ его съ своей точки зрѣнія, бранной кличкой «философъ капитализма», но позднѣе нѣкоторые изъ нихъ пытались снять огульное осужденіе съ философа и даже провести точки соприкосновенія между «Марксомъ и Ницше» (подъ этимъ заглавіемъ вышла недавно брошюра Фалькенфельда). Такихъ точекъ соприкосновенія, правда, оказалось немного и, главное, совсѣмъ не характерныхъ для ницшеанства: отрицаніе національной ненависти, совѣтъ отстаивать свободу своей совѣсти, увѣщаніе говорить всегда безбоязненно правду. Итакъ, изъ всѣхъ пересмотрѣнныхъ попытокъ приспособленія ницшеанства къ современнымъ общественнымъ и политическимъ теченіямъ, мы видимъ, что во всей полнотѣ ученіе Ницше не было и едва ли когда будетъ усвоено какой-нибудь партіей. Но въ рукахъ людей, пользовавшихся ученіемъ Ницше съ тѣми или другими партійными цѣлями, ницшеанство, разорванное по частямъ, потерпѣло метаморфозу—приняло болѣе упрощенную, грубую и мелкую форму. Для историка же XIX-го столѣтія долженъ остаться характернымъ психологическій образъ этого глубокаго пессимиста, искателя новыхъ путей, страдавшаго отъ неудовлетворенности не только матеріальной, но и духовной культурой своего времени, нашедшаго убѣжище въ индивидуализмѣ отъ всемогущества государственныхъ національныхъ союзовъ.

За границей.

Имперіализмъ и его вліяніе на политическіе нравы Англіи. Статистика войны. Если понадобятся когда-нибудь доказательства разрушительнаго вліянія войны на политическіе нравы и учрежденія, то достаточно будетъ указать на Англію,—родину Кобдена, Брайта и Гладстона, откуда вышло столько піонеровъ, разнесшую по всему міру англійскія идеи прогресса и свободы и основавшую колоніи на принципахъ самоуправленія и независимости! Насколько въ самомъ дѣлѣ, война должна была измѣнить англійскіе нравы, чтобы англичане могли безропотно подчиниться теперь такимъ стѣсненіямъ личной свободы, которыя были совершенно немыслимы въ прежнія времена. Можно ли было допустить, напримѣръ, что въ Англіи будетъ нарушено право собранія и что та самая печать, которая гордилась своею независимостью и свободой, подчинится цензурнымъ стѣсненіямъ и не будетъ протестовать противъ того, чтобы сообщенія ея южно-африканскихъ корреспондентовъ подвергались просмотру и часто искаженію, вслѣдствіе чего, печать становилась соучастницей систематическаго распространенія ложныхъ извѣстій и намѣреннаго искаженія и умалчи-

ванія болѣе или менѣе важныхъ фактовъ. Никогда еще въ этой странѣ правительство не унижалось до такого обмана избирателей, какъ это было передъ послѣдними выборами въ пользу Общинъ, когда оффиціально было объявлено, что война окончена. Никогда и оппозиція не подвергалась такимъ нападкамъ какъ теперь, когда ее обвинили въ недостаткѣ патріотизма только за то, что она высказывалась неодобрительно о войнѣ, не оправдывала ея происхожденія и критиковала дѣйствія военныхъ властей.

Вступивъ на эту наклонную плоскость, Англія продолжаетъ роковымъ образомъ катиться по ней, пожиная горькіе плоды имперіализма. Налоги увеличиваются, военный бюджетъ удваивается и, главное—Англія собственными руками разрушаетъ капитальную работу своихъ великихъ финансистовъ прошлаго вѣка, подвергая опасности не только рессурсы настоящаго, но и будущаго, и сразу уничтожая прогрессъ, достигнутый ею въ теченіе послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ. Въ то же время, англійскому народу приходится теперь снова пріучать себя слышать такія слова, которыя онъ совершенно изгналъ изъ употребленія, и такія идеи, которыя находятся въ полномъ антагонизмѣ съ его комфортомъ и тѣми вольностями, которыми онъ пользовался до сихъ поръ. На горизонтѣ уже виднѣется призракъ конскрипціи, обязательной военной службы, налога крови и т. п. и избѣжать этихъ опасныхъ нововведеній можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы Англія остановилась и перестала приближаться къ краю бездны, спускаясь по наклонной плоскости, какъ она это дѣлаетъ теперь. Но это еще не все. Подъ предлогомъ необходимости, обусловливаемой войной, понижаются права личности и гарантіи свободы, которыми всегда такъ гордится англійскій народъ. Вотъ, напримѣръ, что произошло недавно въ Капштадтѣ. Одинъ англійскій журналистъ, Картрайтъ, редактировавшій газету «Sooth African News», имѣетъ настолько мужества и великодушія, что, не взирая на свое англійское происхожденіе, открыто порицалъ въ своей газетѣ завоевательныя стремленія своихъ соотечественниковъ. Онъ напечаталъ въ своей газетѣ письмо, которое, какъ говорятъ, было даже написано однимъ англійскимъ офицеромъ и въ которомъ сообщались нѣкоторыя факты бросающіе тѣнь на лорда Китченера. За эту дерзость Картрайтъ долженъ былъ жестоко поплатиться. Дѣло его даже не разбиралось въ особой комиссіи, какъ это обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, ему не дали даже адвоката и просто на просто приговорили его на годъ въ тюрьму. Послѣ этого факта никто уже не станетъ отрицать, что свобода печати въ Капской колоніи стала пустымъ звукомъ.

Вредное вліяніе идеи имперіализма, подчинившей себѣ англійское общество, конечно, всего сильнѣе отражается въ политической жизни. Въ либеральной партіи оно произвело расколъ, который лишилъ оппозицію ея прежняго значенія. На конференціи либеральной партіи, въ маѣ мѣсяцѣ была единогласно вотирована резолюція, требующая одинаковыхъ правъ для бѣлаго населенія въ автономныхъ колоніяхъ и гуманнаго отношенія къ туземнымъ расамъ. Однако, когда послѣ этого англійскій депутатъ Ллойдъ Джорджъ внесъ въ палату общинъ свое предположеніе, касающееся укрѣпленныхъ лагерей для семействъ буровъ и требующее облегченія участи бурскихъ женщинъ и дѣтей, то либеральная партія въ парламентѣ оказалась слишкомъ слаба, чтобы провести это предложеніе, такъ какъ имперіалистская фракція этой партіи удалилась, чтобы не принимать участія въ голосованіи, которое невольнымъ образомъ должно было явиться порицаніемъ поведенія правительства. Такимъ образомъ предложеніе, требующее гуманнаго отношенія къ женамъ и дѣтямъ врага, было отклонено большинствомъ 252 голосовъ противъ 149.

Что же удивительнаго, что часть англійской печати, остающейся вѣрной славнымъ традиціямъ прошлаго и не ослѣпленной блескомъ имперіалистской

идеи, съ прискорбіемъ говоритъ объ этихъ фактахъ, указывающихъ, какая разъѣдающая язва поразила нѣкогда здоровый англійскій политическій организмъ. Точно также и новый проектъ лорда Салисбюри, находящаго старинный титулъ англійскаго конституціоннаго монарха недостаточно блестящимъ и желающаго замѣнить этотъ титулъ новымъ, болѣе отвѣчающимъ вкусамъ имперіалистовъ, не встрѣтилъ сочувствія въ той части англійскаго общества, которая справедливо опасается превращенія стариннаго свободнаго королевства въ новомодную имперію со всѣми ея атрибутами въ видѣ лѣса штыковъ, громадныхъ военныхъ расходовъ, стѣсненія свободы личности и антагонизмомъ между гражданскими и военными элементами страны. Ярымъ защитникомъ новаго проекта измѣненія англійскаго королевскаго титула является Чэмберленъ, этотъ бывшій радикалъ, который находитъ теперь, что простой титулъ короля Великобританіи и Ирландіи слишкомъ блѣденъ и не даетъ понятіе о громадности и могуществѣ британской Имперіи.

Самое возникновеніе этого проекта и внесеніе его въ парламентъ въ такое время, когда страна переживаетъ тяжелый, рѣшительный кризисъ и стоитъ на распутьи, указываетъ лучше всего, какія глубокія перемѣны произошли въ политическихъ нравахъ Англіи за послѣдніе годы.

Любопытною иллюстраціей къ только что сказанному о томъ, какіе способы теперь примѣняются въ Англіи, чтобы вводить въ заблужденіе общественное мнѣніе, можетъ служить статья одной берлинской газеты, которая подвела итогъ военной статистикѣ буровъ и англичанъ. Получаются не лишенныя нѣкотораго интереса и значенія цифры. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ объявленія войны, когда сраженіе при Эландслаагте и Ритфенштейнѣ должны были открыть глаза англичанамъ на то, что они имѣютъ дѣло съ сильнымъ противникомъ, въ оффиціальныхъ телеграммахъ было объявлено, что буры потеряли убитыми 1.601 человѣкъ; что касается раненыхъ, то въ телеграммахъ было сказано, что число ихъ опредѣлить съ точностью невозможно, но оно, должно быть, очень велико, такъ какъ лиддитныя гранаты производили страшныя опустошенія. Бурскія оффиціальныя свѣдѣнія получены были гораздо позднѣе и они внесли значительную поправку въ англійскіе отчеты: убитыхъ оказалось 90, раненыхъ 200.

Несмотря на одержанныя бурами побѣды при Моддерѣ, Стармбергѣ и Спіонскопѣ въ англійскихъ официальныхъ телеграммахъ продолжали печататься невѣроятныя цифры. Такъ, напримѣръ, по англійскимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, до прибытія лорда Робертса было убито 1.365 буровъ, ранено 2.933 и взято въ плѣнъ 1.500. Бурская оффиціальная статистика опять-таки сокращаетъ это число до 677 убитыхъ, 123 умершихъ отъ ранъ и 2.129 раненыхъ, но изъ послѣднихъ большинство вскорѣ снова вернулось въ ряды сражающихся. Слѣдующій затѣмъ періодъ, болѣе счастливый для англичанъ, когда сдалась армія Кронье и взятъ былъ Блемфонтенъ и др. города, конечно, далъ поводъ имъ снова изобразить потерю буровъ въ преувеличенномъ видѣ, что, по всей вѣроятности было сдѣлано для того, чтобы нѣсколько сгладить впечатлѣніе, произведенное цифрами англійскихъ потерь, которыя были очень велики: 3.593 убитыхъ, 7.330 раненыхъ и 3.327 взятыхъ въ плѣнъ, не считая больныхъ, лежащихъ въ лазаретахъ, число которыхъ достигало 6.585.

Такая игра съ цифрами продолжается во все время войны и постоянно получаются противорѣчія, если мы начинаемъ сравнивать англійскіе и бурскіе отчеты. Взглянемъ, однако, на это дѣло съ другой точки зрѣнія, т.-е. представимъ себѣ, что буры имѣютъ столько же основанія скрывать настоящія цифры своихъ потерь, сколько имѣютъ ихъ англичане, и допустимъ, что свѣдѣнія, сообщаемыя англійскими официальными телеграммами совершенно вѣрны, тогда мы должны будемъ придти къ еще болѣе невыгоднымъ для англичанъ

выводамъ. Согласно оффиціальной англійской статистикѣ, потери буровъ достигаютъ слѣдующихъ цифръ: 4.562 убитыхъ, раненыхъ и не годныхъ къ строю 3.932, плѣнныхъ 25.418, возвратившихся на свои фермы (т.-е. сложившихъ оружіе) 14.000 и переселившихся въ португальскія владѣнія—3.500; въ общемъ—51.412 человѣкъ. Бурская армія въ началѣ (все по тѣмъ же англійскимъ даннымъ) равнялась 60.000, слѣдовательно, въ ней должно теперь оставаться не болѣе 8.000, такъ какъ надо отсчитать все-таки нѣкоторую долю насчетъ больныхъ, находящихся въ лазаретахъ. Съ этими 8.000 человѣкъ 200.000 англійскаго войска до сихъ поръ не могутъ справиться!

Къ такому выводу приводитъ англійская же статистика, но если мы будемъ разбирать дальше, то получатся еще болѣе любопытныя результаты, за послѣдній періодъ войны—англійскія телеграммы полны описаній подвиговъ генерала Френча и др. и цифры потерь буровъ возрастаютъ въ удивительной прогрессіи, такъ что если прибавить къ нимъ предшествующія цифры, то получится слѣдующее: къ 1-му іюля буры потеряли: убитыми 6.400, ранеными 5.793, плѣнными 34.622, сдавшимися круглымъ числомъ 30.000, дезертирами 3.500, въ общемъ—80.315 человѣкъ, не считая больныхъ и потерь, причиняемыхъ войску какими нибудь несчастными случаями. Упуская изъ вида свои предшествующія вычисленія, англійскія военныя статистики говорятъ, что у буровъ находится еще подъ ружьемъ отъ 15 до 20.000 человѣкъ. Если прибавить ихъ къ 80.000 выбывшимъ изъ строя, то получится стотысячная армія, между тѣмъ какъ по первоначальнымъ и наиболѣе важнымъ даннымъ, бурская армія состояла всего изъ 60.000 человѣкъ, откуда же взялись лишнія 40.000?

Сами англичане уже начинаютъ проникать въ эту игру съ цифрами и поэтому-то въ англійской печати, даже въ консервативныхъ газетахъ, начинаютъ раздаваться все болѣе и болѣе рѣзкія осужденія дѣйствія англійской военной цензуры. «Нѣтъ никакой возможности узнать истину,—говорятъ они,—такъ какъ не только телеграммы, но даже письма подлежатъ цензурѣ»! Военныя корреспонденты особенно возмущаются этимъ и газеты жалуются на то, что они не могутъ доставлять публикѣ, какъ прежде, достовѣрныя свѣдѣнія, и англійской публикѣ приходится довольствоваться оффиціальной статистикой и изумляться несообразностямъ которыя получаются при сравненіи оффиціальныхъ цифръ.

Общественные вопросы въ Германіи. Германская печать очень интересуется въ настоящую минуту вопросомъ о ремесленной работѣ дѣтей, который будетъ обсуждаться въ ближайшей сессіи рейхстага, главнымъ образомъ, конечно, будетъ идти рѣчь о фабричной и внѣфабричной работѣ дѣтей. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, въ Германіи 215.000 дѣтей, моложе 14-ти лѣтъ, занимаются ремесленнымъ трудомъ, но изъ этого числа сравнительно немного работаютъ на фабрикахъ. Прежде было не такъ. Въ 1886 г., напримѣръ, на фабрикахъ работало 21.000 дѣтей, въ 1890 г.—27.000 и число это все возрастало бы, еслибъ не новый фабричный законъ, который все-таки произвелъ въ этомъ отношеніи благодѣтельную перемѣну и въ 1892 г. на фабрикѣ работало уже только 11.000 дѣтей. Въ 1895 г. число это упало до 4.327, а въ прошломъ году, въ Пруссіи, число дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, не превышало уже 1.337. «Франкфуртская газета», однако, обращаетъ вниманіе на то, что цифры эти далеко не во всѣхъ случаяхъ отвѣчаютъ дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, въ Арнсбергѣ городскія власти выдали рабочія книжки 377 дѣтямъ, между тѣмъ какъ по даннымъ оффиціальной статистики въ различныхъ промышленныхъ заведеніяхъ этого округа работаютъ всего 12 дѣтей. Изъ этого можно заключить, что и число работающихъ на фабрикѣ дѣтей невѣрно и въ оффиціальныхъ отчетахъ. Вопросъ объ этомъ разногласіи, конечно, будетъ возбужденъ въ рейхстагѣ, также какъ и вопросъ о

дѣтской работѣ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ домашней индустріи, на улицахъ, въ булочныхъ и всякаго рода промышленныхъ заведеніяхъ и лавкахъ, о которыхъ до сихъ поръ не упоминалось въ законахъ, регулирующихъ работу дѣтей, между тѣмъ какъ очень часто эта работа бываетъ нисколько не менѣе тяжела, нежели фабричная, и дѣти находятся въ столь же дурныхъ условіяхъ, какъ и въ мастерскихъ какого-нибудь завода.

Промышленная дѣятельность дѣтей начинается въ очень раннемъ возрастѣ. Учитель Агадъ изъ Галле, занявшійся этимъ вопросомъ, вычисляетъ, что болѣе 40% дѣтей моложе 10-ти лѣтъ занимаются промышленнымъ трудомъ. Въ домашней индустріи число это достигаетъ даже 56%. Въ Шарлотенбургѣ 470 дѣтей въ возрастѣ отъ 5-ти до 10-ти лѣтъ зарабатываютъ себѣ кусокъ хлѣба; нѣкоторые начинаютъ работать даже въ 4-хъ-лѣтнемъ возрастѣ и при этомъ удостовѣрено, что чѣмъ моложе дѣти, тѣмъ труднѣе работа, выпадающая на ихъ долю. «Франкфуртская газета», изъ которой мы заимствуемъ эти цифры, въ особенности указываетъ на то, что дѣтямъ приходится работать и до ученія и послѣ ученія и, слѣдовательно, силы ихъ должны выдерживать огромное напряженіе. Въ одномъ берлинскомъ предмѣстьѣ зимою дѣти работаютъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ до начала школьныхъ занятій, а затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ снова отправляются на работу послѣ школы и иногда работаютъ еще около семи часовъ.

Эти данныя, обнародованныя въ оффиціальныхъ отчетахъ, возбудили всеобщее вниманіе въ Германіи. Газеты заговорили о такомъ вопіющемъ положеніи вещей и нѣкоторые соціальные ферейны уже занялись этимъ вопросомъ, такъ что въ рейхстагъ будутъ внесены различныя предложенія, имѣющія въ виду сохраненіе силъ и здоровья подростающаго поколѣнія, вынужденнаго, при существующихъ соціальныхъ условіяхъ, слишкомъ рано выходить на арену жизненной борьбы.

Отдѣленіе соціальныхъ наукъ высшей технической школы въ Берлинѣ опубликовало отчетъ о дѣятельности безплатныхъ курсовъ для рабочихъ, которыми руководила учащаяся молодежь. Шарлоттенбургскій магистратъ отвелъ необходимое для этихъ курсовъ помѣщеніе въ одной изъ школъ въ рабочемъ кварталѣ. Курсы были открыты въ началѣ лѣтняго семестра; преподавалась математика, технологія и литература. Среди рабочихъ, особенно старшаго возраста, интересъ къ этимъ курсамъ замѣтно возросталъ и между ними и ихъ учителями-студентами высшей технической школы установилось самое тѣсное общеніе. Въ числѣ посѣтителей курсовъ находились слѣдующіе рабочіе: столяры, слесаря, рабочіе безъ опредѣленныхъ профессій, маляры, токари, кровельщики и др. Изъ женщинъ-работницъ только одна посѣщала курсы.

Обученіе заключалось въ лекціяхъ и затѣмъ въ бесѣдѣ по поводу прочитаннаго, что давало возможность лектору удостовѣриться, насколько его слушатели усвоили предметъ. На курсахъ алгебры и ариѳметики часть времени предназначается для практическихъ упражненій, причемъ студенты технической школы служатъ ассистентами и занимаются съ рабочими. Кромѣ математики и технологіи, былъ учрежденъ курсъ для ознакомленія рабочихъ съ произведеніями Шиллера. Эти лекціи имѣли большой успѣхъ и рабочіе усердно посѣщали ихъ. Студенты познакомили ихъ съ жизнью великаго писателя и читали имъ избранныя мѣста его произведеній. Въ будущемъ рѣшено расширить курсъ литературы, въ виду интереса, обнаруженнаго рабочими, и, кромѣ того, учредить курсы физики, химіи и металлургіи.

Германскія газеты, напечатавшія отчеты объ этихъ курсахъ и дѣятельности студентовъ высшей технической школы въ качествѣ преподавателей, съ похвалой отзываются объ этой послѣдней и считаютъ однимъ изъ главныхъ ре-

зультатовъ этого опыта то, что онъ доказалъ полную цѣлесообразность приглашенія въ качествѣ лекторовъ учащейся молодежи, которой дается такимъ образомъ возможность испытать свои собственныя силы на практическомъ поприщѣ и провѣрить свое собственное знаніе и свое умѣніе обращаться съ рабочими.

Въ прошломъ мѣсяцѣ состоялось общее собраніе союза распространенія народнаго образованія. Предсѣдательствовалъ на этомъ собраніи депутатъ Рикертъ, который въ своей рѣчи указалъ на то, что Общество въ теченіе трехъ десятилѣтій своего существованія прошло нѣсколько различныхъ стадій. Въ первые годы сочувствіе къ этому Обществу было настолько велико, что чистый доходъ Общества, съ 1873 г. по 1878 г., равнялся 18.000—21.000 маркамъ. Затѣмъ рвеніе его членовъ нѣсколько поохладѣло и доходы понизились до 10.000 марокъ. Только съ 1896 г. удалось снова повысить доходъ и довести его въ этомъ году до прежней цифры. Число членовъ Общества стало возрастать и дѣятельность его значительно расширилась, выражаясь въ устройствѣ народныхъ школъ и библіотекъ. Обученіе въ первоначальныхъ школахъ носитъ обязательный характеръ и именно эта обязательность, по мнѣнію Рикерта, дала возможность Германіи опередить другія конкурирующія державы, вслѣдствіе всеобщаго распространенія образованія. Теперь Общество народнаго образованія имѣетъ въ виду, посредствомъ открытія техническихъ и промышленныхъ школъ, содѣйствовать распространенію техническихъ и профессіональныхъ знаній въ народѣ.

Одинъ изъ ораторовъ собранія высказался въ пользу введенія такой же обязательности обученія дѣвочекъ, какъ и мальчиковъ. Это предложеніе встрѣтило всеобщее сочувствіе и была единогласно вотирована резолюція въ соотвѣтствующемъ духѣ, причемъ школьный возрастъ, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, опредѣленъ въ семь лѣтъ.

Народныя библіотеки, устраиваемыя въ Германіи какъ обществомъ народнаго образованія, такъ и другими ферейнами, преслѣдующими одинаковыя цѣли, указываютъ въ своихъ отчетахъ на огромный ростъ читателей, такъ что нѣкоторыя изъ библіотекъ, не обладающія значительными средствами, не въ состояніи удовлетворять возрастающей потребности читателей. Такъ, напримѣръ, въ Бременѣ, въ публичной библіотекѣ, открытой на частныя пожертвованія, имѣется 9.000 томовъ для 7.000 читателей. Большинство этихъ читателей—рабочіе, приказчики, ученики и школьники старшихъ классовъ, а также очень много женщинъ. Но, къ сожалѣнію, многимъ приходится ждать очереди по нѣсколько дней, чтобы получить книгу, и поэтому Общество народнаго образованія постановило на своемъ собраніи принять мѣры къ расширенію бременской библіотеки. На нѣкоторыхъ большихъ заводахъ, по примѣру Круппа, также устраиваются библіотеки для рабочихъ и результаты получаются очень хорошіе. Замѣчательно, что изъ всѣхъ нѣмецкихъ городовъ наиболѣе отсталымъ въ этомъ отношеніи является Гамбургъ, и гамбургская публичная библіотека влачитъ довольно печальное существованіе. Гамбуржцы довольно охотно жертвуютъ на разнаго рода миссіонерскія учрежденія, религіозныя общины и т. п., но на дѣло народнаго образованія они оказываются довольно скупы и поэтому-то существованіе гамбургской публичной библіотеки довольно непрочно.

Въ Лейпцигѣ предполагается открыть большую женскую библіотеку, въ которой будутъ собраны всѣ нѣмецкія сочиненія по женскому вопросу, равно какъ сочувствующія, такъ и враждебныя женскому движенію, а также всѣ произведенія, научныя и другія, германскихъ женщинъ; въ этомъ числѣ будутъ находиться ученыя диссертаціи женщинъ. Отдѣльная секція этой библіотеки будетъ предназначена для иностранныхъ сочиненій по женскому вопросу и произведеній иностранныхъ писательницъ.

Американскія жилища для рабочихъ и школы. Вопросъ о жилищахъ рабочихъ носитъ характеръ серьезнаго общественнаго вопроса не въ однихъ только европейскихъ государствахъ; въ Соединенныхъ Штатахъ также обращено на него теперь серьезное вниманіе и въ Нью-Іоркѣ назначена коммиссія, которой поручено изслѣдовать жилища рабочихъ и выработать мѣры къ улучшенію условій, въ которыхъ приходится жить рабочимъ.

Коммиссія эта, въ своемъ докладѣ, обрисовала условія жизни нью-іоркскаго рабочаго крайне мрачными красками и предложила ввести новыя правила постройки домовъ, для того, чтобы въ жилищахъ было больше воздуха и свѣта. Вслѣдствіе дороговизны земли, дома въ Нью-Іоркѣ строятъ такимъ образомъ, чтобы они занимали наименьшее пространство по поверхности улицы и наибольшее въ вышину. Эти узкіе дома, похожіе на башни, съ 3—5 комнатами въ каждомъ этажѣ, имѣютъ очень странный видъ. Но хуже всего, что, вслѣдствіе стремленія домовладѣльцевъ къ большимъ барышамъ, дома эти превратились въ худшія изъ трущобъ. Трудно себѣ представить клѣтушки, въ которыхъ ютятся рабочіе, такъ какъ въ такихъ домахъ, на пространствѣ немногимъ больше 1.000 фут., помѣщаются отъ 14-ти до 16-ти комнатъ, образующихъ квартиры для рабочихъ. Въ каждой такой квартирѣ только одна комната имѣетъ доступъ свѣта и воздуха, остальныя же совершенно лишены этого, такъ какъ окна выходятъ въ колодезь, образуемый углубленіемъ стѣны въ комнату. Конечно, въ этомъ колодезѣ нѣтъ ни свѣта, ни воздуха и въ случаѣ появленія въ которой-нибудь изъ квартиръ заразной болѣзни, они являются отличнымъ средствомъ для распространенія заразы по всему дому, но еще, кромѣ того, онъ служитъ чѣмъ-то въ родѣ слуховой трубы, по которой все, что дѣлается и говорится въ одной квартирѣ, передается въ другія. Но разумѣется это не такъ важно, какъ то, что всякая заразная болѣзнь встрѣчаетъ въ такихъ домахъ необыкновенно благопріятныя условія для своего развитія и свиваетъ себѣ тамъ прочное гнѣздо.

Несмотря, однако, на всѣ эти неудобства, плата за такую квартиру очень высока. Рабочій платитъ за квартиру въ четыре комнаты, изъ которыхъ три выходятъ въ колодцы, до 16 долларовъ въ мѣсяцъ, такъ что зарабатывая въ мѣсяцъ до 60 долларовъ, онъ отдаетъ отъ одной четверти до трети своего заработка за квартиру, не пользуясь при этомъ никакими удобствами и живя въ очень дурныхъ и вредныхъ для здоровья условіяхъ. На это-то обстоятельство и обращаетъ вниманіе коммиссія въ своемъ докладѣ, требуя, чтобы домовладѣльцевъ обязали уничтожить колодезь, не доставляющій ни свѣта, ни воздуха въ квартиры и очень опасный въ пожарномъ отношеніи. Съ этою цѣлью коммиссія предлагаетъ учредить инспекцію надъ постройками домовъ и запретить строить дома, превышающіе своею вышиною ширину улицы болѣе чѣмъ на одну треть. Затѣмъ коммиссія предложила еще рядъ мѣръ, которыя должны улучшить гигіеническія условія жилищъ и увеличить безопасность домовъ въ пожарномъ отношеніи. Заключенія коммиссіи были приняты законодательнымъ собраніемъ штата и результатомъ явился новый законъ о постройкѣ жилыхъ домовъ. Но, какъ справедливо замѣчаютъ нѣкоторыя нью-іоркскія газеты, врядъ ли отъ этого закона много выиграютъ нью-іоркскіе рабочіе. Стоимость постройки домовъ должна будетъ неминуемо возрасти, а вмѣстѣ съ нею возрастетъ и стоимость квартиръ, такъ что американскому рабочему, даже при высокой заработной платѣ, трудно будетъ справляться съ этимъ расходомъ.

Сельское хозяйство со всѣми развѣтвленіями только недавно сдѣлалось въ Америкѣ предметомъ научнаго изученія для женщинъ, избирающихъ эту профессію. Раньше женщины занимались имъ только практически на своихъ фермахъ и оно не составляло для нихъ особой профессіи. Въ настоящее же время въ западныхъ штатахъ открылось множество сельскохозяйственныхъ школъ,

которыя находятся въ связи съ коллегіями и университетами; доступъ въ эти школы открытъ также и для женщинъ. Починъ сдѣланъ университетомъ Миннезота, открывшимъ сельскохозяйственное отдѣленіе, которое считается теперь образцовымъ. На этомъ отдѣленіи обучаются всему, что необходимо знать для успѣшнаго веденія фермерскаго хозяйства, такъ что можно ожидать, что въ скоромъ времени Миннезота и сосѣдніе штаты покроются образцовыми фермами, если интересъ къ этому предмету не пропадетъ. Въ настоящее время сельскохозяйственный факультетъ посѣщается женщинами очень усердно и разумѣется главный контингентъ студентокъ составляютъ дочери и жены фермеровъ.

Въ прошломъ году университетъ Миссури также сдѣлалъ опытъ, открывъ лѣтнюю сельскохозяйственную школу для учительницъ. Успѣхъ даже превзошелъ ожиданія, такъ что предполагается устроить еще нѣсколько такихъ школъ въ разныхъ мѣстахъ. Лѣтній курсъ въ сельскохозяйственной школѣ продолжается девять недѣль и въ него входятъ слѣдующіе предметы: изученіе почвы, орошеніе, дренажъ, обсѣмененіе полей и ихъ обработка, молочное хозяйство и скотоводство, огородничество и садоводство. Къ этимъ курсамъ фермерскаго хозяйства присоединяется школа домоводства, главнымъ образомъ имѣющая въ виду потребности фермерской жизни; поэтому въ програму этой послѣдней школы входитъ кухонное дѣло, печенье хлѣба и приготовленіе кушаньевъ, затѣмъ стирка, глаженье, шитье и разные другіе предметы, знаніе которыхъ признается необходимыми для каждой хозяйки фермы; кромѣ того, въ школѣ преподаются и отвлеченныя науки, исторія соціальной культуры и др., причемъ не забывается и гимнастика и пѣніе. Очень многія изъ студентокъ университета, пользуясь лѣтними вакаціями, поступаютъ въ такую лѣтнюю сельскохозяйственную школу, чтобы изучить какую-нибудь отрасль сельскаго хозяйства.

Молодыя американки вообще отличаются своимъ стремленіемъ къ ученію и для удовлетворенія этого стремленія къ ихъ услугамъ существуетъ множество учебныхъ заведеній, и такъ называемыхъ «высшихъ школъ», не говоря уже о многихъ университетахъ, открывающихъ свои двери дѣвушкамъ. Американскія высшія школы, однако, совершенно не отвѣчаютъ нашимъ понятіямъ о высшихъ школахъ, какъ о спеціальныхъ женскихъ университетахъ. Образцомъ американскихъ высшихъ школъ можетъ служить коллегія Смита, въ Норзегэмптонѣ. Тамъ, какъ и вездѣ въ этихъ школахъ, преподаваніе серьезныхъ наукъ идетъ на ряду съ свѣтскимъ воспитаніемъ, обученіемъ искусствамъ, танцамъ, фехтованію и занятіямъ всякаго рода спортомъ, что является необходимымъ условіемъ воспитанія каждой американской дѣвушки.

Внутреннее устройство «Smith College» не оставляетъ желать лучшаго ни въ отношеніи учебныхъ пособій, ни въ отношеніи жизненнаго комфорта, такъ какъ основательница этой коллегіи миссъ Смитъ одарила это учрежденіе съ чисто американскою щедростью. Коллегія представляетъ настоящій маленькій городокъ со своими хорошенькими коттэджами для студентокъ коллегіи и прекрасными зданіями, гдѣ помѣщаются аудиторіи, лабораторіи, музыкальный залъ, художественная галлерея, гимнастическое заведеніе и т. п. Кромѣ того, при коллегіи имѣется хорошій ботаническій садъ съ пальмовою оранжереей и астрономической обсерваторіей.

Корреспондентъ французской газеты «Temps» съ восторгомъ описываетъ устройство этой коллегіи. Небольшія комнаты, въ которыхъ студентки помѣщаются обыкновенно вдвоемъ, отличаются необыкновенною чистотой и уютностью. Французскій журналистъ, которому, вслѣдствіе особенной любезности, показывали это помѣщеніе, замѣтилъ, что обитательницы этихъ комнатъ молодыя дѣвушки, повидимому, нисколько не были смущены появленіемъ посторонняго лица и не отрывались ни на минуту отъ своихъ занятій. Такое прилежаніе почему-то поразило французскаго журналиста, но, просмотрѣвъ програму кол-

легіи, онъ пришелъ къ заключенію, что молодымъ дѣвушкамъ терять времени нельзя, онѣ должны изучить множество серьезныхъ научныхъ предметовъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ философія со всѣми своими развѣтвленіями и классическія науки. Кромѣ латыни и греческаго языка, въ коллегіи преподается и древнееврейскій. И всѣ эти ученыя дѣвицы, читающія Вергилія и Платона въ оригиналѣ и изучающія философію Канта, съ увлеченіемъ танцуютъ на балахъ коллегіи, устраиваютъ состязанія въ игрѣ въ мячъ и лаунъ-теннисъ, фехтуютъ и гребутъ и во всѣ эти развлеченія вносятъ много жизни и молодого задорнаго веселья. «Очевидно, философія и изученіе классиковъ не изсушили ихъ мозговъ!»—восклицаетъ французскій журналистъ, присуствовавшій на состязаніи въ игрѣ въ мячъ.

Въ коллегіи печатается журналъ, который издается и редактируется молодыми слушательницами этого женскаго университета. Содержаніе этого журнала весьма разнообразно: тутъ есть и беллетристика, и стихи, критическія и философскія статьи, соціальные очерки и т. п. Все это принадлежитъ перу молодыхъ авторовъ, слушательницъ коллегіи, обнаруживающихъ въ этихъ статьяхъ, насколько онѣ усвоили себѣ преподаваемыя имъ науки.

Полярныя экспедиціи. Годъ тому назадъ одинъ германскій капитанъ-лейтенантъ Оскаръ Бауендаль отправился на небольшомъ парусномъ суднѣ въ полярное путешествіе. О своемъ намѣреніи предпринять путешествіе къ сѣверному полюсу Бауендаль извѣстилъ своихъ друзей циркулярнымъ посланіемъ слѣдующаго содержанія: «Я проектирую полярную экспедицію и хочу попытаться достигнуть сѣвернаго полюса и, въ случаѣ если мнѣ это удастся, измѣрить и изслѣдовать его. Принимая во вниманіе избранный мною маршрутъ и мѣстонахожденіе полярнаго буя Андре, я считаю возможнымъ, что мнѣ удастся наткнуться на слѣды его экспедиціи. Кромѣ меня, въ проектируемой мною экспедиціи къ сѣверному полюсу примутъ участіе шкиперъ Дрешлеръ и пять матросовъ. Судно, на которомъ мы отправляемся, было прежде китоловомъ, и я сохранилъ его прежнее имя «Матадоръ». Паровой машины на этомъ суднѣ нѣтъ; вмѣстимость его 44 тонны. Я отправлюсь на этомъ суднѣ изъ Гамбурга подъ парусами прямо къ сѣверу, къ пловучимъ льдамъ, сѣвернѣе Шпицбергена, оставляя Шпицбергенъ къ востоку, и надѣюсь найти свободныя отъ льда водныя пространства и каналы, которые дадутъ возможность судну идти впередъ на сѣверъ. Если обстоятельства будутъ мнѣ благопріятствовать, то я разсчитываю вмѣстѣ съ судномъ пробраться какъ можно дальше на сѣверъ; если же этого нельзя будетъ сдѣлать, то я оставлю судно и дальше отправлюсь по льду, прямо на сѣверъ. Какой обратный путь я изберу, черезъ землю Францъ-Іосифа или Гренландію,—я еще не знаю; это будетъ зависѣть отъ направленія теченія, отъ состоянія льдовъ и др. условій».

Когда въ печати появилось извѣстіе объ «Экспедиціи Бауендаля», то всѣ въ одинъ голосъ заговорили о легкомысліи и безумной смѣлости его плана. Компетентные въ полярныхъ путешествіяхъ люди предсказывали ему неудачу и вообще Бауендаль долженъ былъ видѣть по толкамъ и отзывамъ печати, что его планъ не встрѣчаетъ сочувствія въ германскомъ обществѣ. Но это его ничуть не смутило и онъ все таки отправился на сѣверъ лѣтомъ прошлаго года. Надо прибавить, что экспедицію свою онъ снарядилъ на собственныя средства и вообще самъ, не прибѣгая ни къ помощи, ни къ совѣтамъ болѣе опытныхъ людей, постарался снабдить и всѣмъ необходимымъ.

Въ теченіе цѣлаго года о смѣломъ мореплавателѣ не было ни слуху, ни духу и относительно его судьбы можно было только дѣлать разныя предположенія, болѣе или менѣе печальнаго характера. Всѣ были заранѣе увѣрены въ неудачѣ его путешествія и опасались, что съ нимъ произошло какое-нибудь

несчастіе. Но вотъ на-дняхъ получены были о немъ первыя извѣстія, доставленныя однимъ китоловнымъ судномъ. Оказалось, что Бауендаль зимовалъ у Датскаго острова, такъ какъ проектъ его продвинуться далѣе къ сѣверу, поближе къ полюсу, потерпѣлъ неудачу, какъ это и предвидѣли разные опытные люди. Но Бауендаль со своимъ парусным ъ суденышкомъ достигъ 82,08° с. ш. «Еще ни одно парусное судно не достигало такихъ широтъ», говоритъ онъ съ гордостью въ своемъ письмѣ, адресованномъ Неймайеру, которое было доставлено китоловнымъ судномъ. Однако, отъ своего первоначальнаго проекта идти къ сѣверному полюсу Бауендалю пришлось отказаться, но онъ рѣшился взамѣнъ на другое, не менѣе рискованное предпріятіе, о которомъ онъ сообщаетъ проф. Неймайеру; онъ хочетъ пробраться на своемъ суднѣ къ восточному берегу Гренландіи, затѣмъ отправить свое судно домой и, въ сопровожденіи одного только спутника, отправиться дальше къ сѣверу.

Планъ этотъ многими считается безумнымъ и даже приравнивается къ самоубійству. Путешествіе по Гренландіи сопряжено съ слишкомъ большими затрудненіями и о двухъ испытанныхъ полярныхъ путешественникахъ, капитанѣ Свердрупѣ и американцѣ Пирри, отправившихся въ Гренландію, уже третій годъ нѣтъ никакихъ извѣстій и участь ихъ внушаетъ опасенія. И тотъ, и другой уже не въ первый разъ путешествуютъ по полярнымъ странамъ, притомъ же они хорошо снаряжены, чего нельзя сказать про Бауендаля. Привелъ ли онъ въ исполненіе свой смѣлый проектъ—неизвѣстно, но у него оказался большой недостатокъ въ разныхъ необходимыхъ вещахъ, такъ что онъ прислалъ съ китоловнымъ судномъ цѣлый списокъ вещей, которыя онъ просилъ переслать ему съ этимъ же самымъ судномъ, прилагая при этомъ значительную сумму денегъ. Списокъ этотъ былъ доставленъ капитану судна «Августа-Викторія», но многихъ вещей, поименованныхъ въ спискѣ, капитанъ не могъ доставить ему, потому что ихъ у него не оказалось, или же они были въ маломъ количествѣ и судно не могло обойтись безъ нихъ. Между прочимъ, Бауендаль просилъ прислать ему анкерные часы, карманный хронометръ, анероидъ, 34 пары рукавицъ 12 трубокъ и сигаръ. Когда капитанъ выразилъ сожалѣніе, что онъ не можетъ исполнить просьбу Бауендаля, то одна изъ пассажирокъ, актриса берлинскаго театра, Дженни Гроссъ, предложила немедленно устроить сборъ въ пользу Бауендаля. Идея эта была встрѣчена сочувственно остальными пассажирами и они стали жертвовать разныя вещи для Бауендаля. Скоро образовались цѣлыя горы разныхъ предметовъ, шерстяныя рубашки, рукавицы, табакъ, сигары и т. п., а одинъ изъ пассажировъ снялъ даже свои золотые анкерные часы и отдалъ ихъ въ общую кассу. Денегъ, конечно, никто не взялъ за эти вещи, хотя они и были предложены, согласно письму Бауендаля.

Въ германскомъ ученомъ мірѣ предпріятіе Бауендаля не вызываетъ особеннаго сочувствія. Ученые выражаются про него, что это скорѣе занятіе спортомъ, нежели серьезное предпріятіе, имѣющее цѣлью исключительно только пользу науки. Одинъ изъ извѣстныхъ полярныхъ путешественниковъ замѣчаетъ по этому поводу, что въ послѣднее время такого рода предпріятія сдѣлались самымъ обычнымъ явленіемъ—происходитъ нѣчто вродѣ состязанія и каждый старается опередить своего предшественника. Каждое судно стремится прежде всего достигнуть такихъ градусовъ, какихъ не достигали его предшественники. «На публику это дѣйствуетъ импонирующимъ образомъ, но наука мало выигрываетъ отъ такого спорта», замѣтилъ одинъ полярный путешественникъ, посѣдѣвшій въ полярныхъ моряхъ. Однако, въ исторіи изслѣдованій и открытій неизвѣстныхъ странъ разные искатели приключеній сыграли немаловажную роль; то же самое можетъ относиться и къ состязанію, цѣлью котораго является сѣверный или южный полюсъ.

Въ этомъ году отправились двѣ грандіозныя экспедиціи къ южному полюсу,

германская и англійская. Германская, во главѣ которой находится профессоръ Дрыгальскій, выступила раньше англійской, такъ какъ въ этой послѣдней произошли разногласія, задержавшія ея отправленіе. Профессоръ Грегори, геологъ отъ Мельбургскаго университета, выбранный начальникомъ ученаго штаба экспедиціи и руководителемъ научныхъ работъ, отказался въ послѣдній моментъ отъ этой должности, познакомившись съ программою экспедиціи и найдя, что ему придется занимать второстепенное мѣсто по отношенію къ начальнику экспедиціи лейтенанту Скоту.

Въ германской экспедиціи такихъ споровъ не происходитъ и поэтому никакихъ задержекъ не было. Эти двѣ атлантическія экспедиціи отвлекли вниманіе европейскаго общества отъ сѣвернаго къ южному полюсу, гораздо менѣе извѣстному. Путешествіе къ южному полюсу сопряжено съ большими затрудненіями уже потому, что тутъ придется странствовать по совершенно неизвѣстнымъ областямъ и при полномъ почти незнакомствѣ съ мѣстными условіями. За то область для открытій и всякаго рода изслѣдованій громадна.

Главный вопросъ теперь заключается въ томъ, когда можно ждать первыхъ извѣстій о дѣятельности обѣихъ экспедицій. Отправившись въ августѣ, экспедиціи только въ декабрѣ, въ серединѣ антарктическаго лѣта, могутъ приступить къ своимъ работамъ. Въ Германіи полагаютъ, что первыя извѣстія отъ проф. Дригальскаго могутъ быть получены въ мартѣ или апрѣлѣ будущаго года. Что касается англійской экспедиціи, то, по всей вѣроятности, первыя вѣсти о ней придутъ позднѣе, т. е. осенью 1902 г.

Антиклерикальное движеніе въ Италіи; муниципальные музеи. Какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, но до сихъ поръ Италія оставалась въ сторонѣ отъ антиклерикальнаго движенія, охватившаго съ такою силой Испанію и распространяющагося по Франціи. Вѣроятно причина этого кроется въ особенныхъ отношеніяхъ, существующихъ въ Италіи между церковью и государствомъ. Но въ послѣднее время движеніе начинаетъ проникать и въ Италію и въ извѣстной части итальянской печати все чаще и чаще начинаютъ появляться нападки на клерикаловъ и разоблаченія различныхъ злоупотребленій, въ которыхъ оказываются виновными монахи и священники католической церкви. Особенно много шума произвели разоблаченія одной газеты, издающейся въ Палермо, подъ редакціей князя Таска. Разоблаченія эти касаются «ангельской секты» (Setta Angelica), которая, какъ оказывается, очень распространена въ Италіи среди католическаго духовенства и существуетъ уже съ 1870 г. Это—тайный религіозный союзъ, обдѣлывающій разныя некрасивыя дѣлишки подъ покровомъ религіи и въ особенности отличающійся безнравственностью. Главная спеціальность этой секты—изгнаніе бѣсовъ изъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, для чего члены секты имѣютъ установленный тайный ритуалъ. Они занимаются также и производствомъ чудесъ и лѣтъ десять тому назадъ дѣйствія этой секты во время церковныхъ празднествъ въ Ами произвели настолько большой скандалъ, что даже епископъ вмѣшался въ это дѣло и обнародовалъ пастырское посланіе, въ которомъ осуждалъ поступки членовъ тайнаго союза, бросающіе тѣнь на церковь. Вмѣшательство епископа вызвало полемику въ печати и нѣкоторыя изъ клерикальныхъ газетъ обвинили его даже въ незнаніи обстоятельствъ дѣла. Такъ или иначе, но шумъ мало-по-малу затихъ и члены секты продолжали втихомолку изгонять дьявола, производя давленіе на свою невѣжественную паству, вполнѣ увѣренную въ томъ, что они дѣйствительно обладаютъ сверхъестественнымъ могуществомъ. Разоблаченія палермской газеты нарушили ихъ спокойствіе, вызвавъ снова волненіе въ итальянскомъ обществѣ. Газета говоритъ, что нужно перо Золя, чтобы изобразить всѣ подробности злодѣяній этой секты. Между прочимъ,

оказывается, что многіе католическіе священники давно уже возмущаются поведеніемъ этой секты. Многіе епископы получали объ этомъ донесенія отъ приходскихъ священниковъ и открыто осуждали дѣйствія секты, даже грозили отлученіемъ, но, тѣмъ не менѣе, никакихъ энергичныхъ мѣръ къ прекращенію ея злоупотребленій до сихъ поръ не было принято.

Статьи палермской газеты вызвали, конечно, цѣлую бурю въ клерикальной печати. Ватиканская газета «Osservatore Romano» жалуется на неприличныя выходки антиклерикальной печати, хотя и не беретъ подъ свою защиту виновныхъ священниковъ и монаховъ, но она справедливо опасается, что этотъ походъ, начатый противъ нихъ, послужитъ толчкомъ къ антиклерикальному движенію, которое, «словно зараза», распространяется по всему міру.

Ни въ одной странѣ такъ не распространены гражданскіе или муниципальные музеи, какъ въ Италіи. Почти нѣтъ городка, гдѣ бы не было такого музея и число ихъ постоянно возростаетъ. Разумѣется, каждый муниципалитетъ устраиваетъ свой музей по своему усмотрѣнію, тѣмъ не менѣе идея почти вездѣ одинакова. Обыкновенно такой музей устраивается въ какомъ-нибудь муниципальномъ зданіи, зачастую въ оставленной церкви или монастырѣ, и муниципалитетъ собираетъ въ немъ произведенія искусства, древности и разнаго рода предметы, интересные въ какомъ-нибудь отношеніи или же имѣющіе отношеніе къ историческимъ воспоминаніямъ. Политика тутъ не играетъ никакой роли. Для пополненія музея муниципалитетъ обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, къ монастырямъ и церквамъ съ просьбою доставать въ музей какіе-нибудь, заслуживающіе вниманія предметы или произведенія искусства, обязуясь вернуть ихъ владѣльцамъ при первомъ же требованіи. Такого рода воззванія почти всегда бываютъ успѣшны, и музей быстро пополняется. Конечно, какъ значеніе, такъ и богатство этихъ музеевъ весьма бываетъ различно. Въ нѣкоторыхъ городкахъ Италіи весь музей помѣщается въ одной только комнаткѣ, но, тѣмъ не менѣе, и тутъ всегда можно бываетъ найти какое-нибудь первоклассное произведеніе искусства, которымъ могъ бы гордиться любой столичный музей въ Европѣ.

Всѣ эти муниципальные музеи въ Италіи взимаютъ за входъ установленную плату, но не каждый день, такъ что въ каждомъ музеѣ есть безплатные дни. Эта входная плата образуетъ иногда довольно значительный доходъ муниципалитета, но этотъ доходъ не можетъ быть употребленъ ни на что иное, какъ на исправленіе и улучшеніе города. Какъ въ безплатные, такъ и въ платные дни музеи эти никогда не бываютъ пусты. Музей составляетъ гордость населенія каждаго городка и въ праздничные дни всегда можно найти посѣтителей въ этомъ музеѣ, хотя эти посѣтители давно уже изучили до тонкости каждый предметъ, хранящійся тамъ.

Корейское правосудіе. Европейцамъ, проживающимъ въ Китаѣ и Кореѣ, не разъ приходилось убѣждаться въ необыкновенной жестокости китайскаго и корейскаго правосудія, не дающаго никому пощады. «Горе совершившему преступленіе и попавшему въ руки корейскаго правосудія», восклицаетъ одинъ нѣмецкій журналистъ, присутствовавшій недавно на разбирательствѣ въ корейскомъ судѣ дѣла по поводу убійства одного англичанина, мистера Брандока. Брандокъ занималъ видное мѣсто второго директора одного изъ золотыхъ рудниковъ, находящихся въ корейскихъ горахъ. Въ этихъ рудникахъ работаютъ по преимуществу туземцы, но до сихъ поръ отношенія между ними и ихъ европейскими начальниками были довольно сносныя. Убійство, сопряженное съ грабежомъ, совершено было во время одного религіознаго празднества, когда все рабочее населеніе копей находилось въ состояніи сильнѣйшаго возбужденія. Къ несчастью для Брандока, въ роковую ночь въ лагерѣ рудокоповъ не оста-

валось ни одного европейца; всѣ ушли въ одно европейское поселеніе, находившееся на разстояніи шести миль отъ лагеря. Что произошло въ эту ночь—неизвѣстно, но на другой день утромъ шестеро европейскихъ рабочихъ, пришедшіе въ лагерь, нашли Брандока мертвымъ, въ постели, причемъ убійцы такъ изувѣчили его трупъ, что его почти невозможно было узнать. Комнаты были совершенно опустошены, все было переломано, хотя, съ другой стороны, можно было сразу убѣдиться, что никакой борьбы между Брандокомъ и его убійцами не происходило. По нѣкоторымъ признакамъ, однако, пришли къ заключенію, что довольно большое число туземцевъ принимало участіе въ совершеніи этого преступленія: на это указывали, между прочимъ, многочисленные слѣды, которые ясно отпечатывались на сырой землѣ, такъ какъ наканунѣ шелъ сильный дождь. Похищенными оказались деньги и все оружіе.

Корейское правосудіе дѣйствуетъ быстро. Еще не наступилъ вечеръ, а уже были арестованы, ни много ни мало, какъ шестьдесятъ одинъ человѣкъ, подозрѣваемые въ убійствѣ, а черезъ три дня началось уже и разбирательство процесса. Туземный судья явился въ сопровожденіи свиты изъ двадцати человѣкъ и сильнаго полицейскаго отряда. Для суда была спеціально выстроена платформа и на ней поставленъ стулъ для судьи, на которомъ онъ усѣлся, держа надъ головой огромный европейскій дождевой зонтикъ, чтобы защитить себя отъ солнечныхъ лучей. Толпа зрителей окружала платформу и какъ только судья усѣлся на свой стулъ, то въ толпѣ раздались громкіе крики, которые должны были означать слѣдующее: «Чтите его слова и говорите правду!» Эти же самые возгласы повторялись потомъ полицейскими, когда началось разбирательство дѣла, такъ что слова судьи сопровождались этими криками послѣ небольшой паузы.

Подсудимые помѣщались на разстояніи 30 футъ отъ судьи. Они брошены были ничкомъ на землю и на шеѣ у каждаго изъ нихъ была привязана веревка. Когда судья сталъ ихъ вызывать поименно, то они должны были ползти къ нему на животѣ, не смѣя поднимать голову. Такъ какъ всѣ эти туземцы принадлежали къ различнымъ религіознымъ обществамъ, предписывающимъ своимъ членамъ безусловное молчаніе и не дозволяющимъ имъ давать какія-либо показанія на судѣ, и въ особенности же выдавать своихъ сообщниковъ, то подсудимые упорно молчали, даже не пробуя оправдываться. Разумѣется ихъ подвергли пыткамъ, но они перенесли ихъ съ удивительнымъ стоицизмомъ, и никакія истязанія не могли исторгнуть у нихъ какихъ-либо признаній. Со свойственнымъ всѣмъ туземцамъ фатализмомъ они шли навстрѣчу своей судьбѣ, зная, что имъ все равно пощады не будетъ. Они были приговорены къ ужасной казни: быть изрѣзанными на куски, которая и была приведена тутъ же въ исполненіе. Несчастные были привязаны къ столбамъ и имъ постепенно отрѣзывали суставы и куски мяса. Смерть при этой казни наступаетъ большею частью лишь на третій-четвертый день, но если у казненныхъ есть богатые родственники, которые могутъ подкупить палача, то онъ наноситъ смертельный ударъ раньше.

Шестьдесятъ одинъ кореецъ, обвиненные въ убійствѣ, стоически выдерживали мученія, не издавая ни одной жалобы, но европейцу, присутствовавшему при казни, сдѣлалось дурно. «Что за народъ!—воскликнулъ онъ.—Откуда онъ беретъ это презрѣніе къ смерти и эту удивительную силу воли? Вѣдь ни одинъ изъ казненныхъ не поддался слабости и не обмолвился ни словомъ судьѣ»... Одинъ изъ американцевъ, давно уже живущій въ Кореѣ, сказалъ ему, что члены этого религіознаго общества всегда такъ умираютъ. Они никогда не выдаютъ никого, хотя бы это могло спасти ихъ или смягчить ихъ наказаніе. «Это все измѣнится,—сказалъ улыбаясь американецъ,—когда мы введемъ сюда

европейскую цивилизацію. Исчезнутъ эти ужасныя жестокости, но исчезнетъ и многое другое»...

«Журналы для всѣхъ». Во французскихъ журналахъ находимъ свѣдѣнія объ очень интересномъ просвѣтительномъ учрежденіи «Journaux pour tous». Оно доставляетъ легкое и всѣмъ доступное участіе въ народнообразовательной дѣятельности. Организація его необычайно проста. Всякій, имѣющій возможность пріобрѣтать газеты, журналы и книги, можетъ, по прочтеніи, подѣлиться ими со своимъ неимущимъ собратомъ. Для этого нужно лишь узнать адресъ лица, преимущественно изъ живущихъ въ провинціи и не имѣющихъ средствъ добывать себѣ ни книгъ, ни газетъ, и затѣмъ по этому адресу посылать подъ бандеролью ненужныя газеты, книги, брошюры. Ради сокращенія почтовыхъ расходовъ могутъ пересылаться не цѣлые номера газетъ или журналовъ, а только вырѣзки наиболѣе интересныхъ и подходящихъ и по содержанію, и по изложенію статей. На читателя этотъ безплатный абонементъ налагаетъ лишь одно обязательство: все, что получается, по прочтеніи, должно быть передано кому-нибудь другому подъ тѣмъ же условіемъ дальнѣйшей передачи. Это Общество имѣетъ въ Парижѣ центральное бюро, которое приглашаетъ желающихъ присылать свои адреса и сообщаетъ затѣмъ эти адреса лицамъ, соглашающимся снабжать чтеніемъ нуждающихся. Если найдутся такіе, которые, жертвуя газеты и книги, откажутся взять на себя расходы по пересылкѣ, то бюро доставляетъ имъ готовыя бандероли съ почтовыми штемпелями. Первоначально въ бюро обращались, главнымъ образомъ, учителя и интеллигентные рабочіе, которые изъ журналовъ и газетныхъ публикацій узнавали о дѣятельности общества; они устраивали кружки для чтенія и затѣмъ передавали полученныя книги и газеты по рукамъ среди мѣстнаго населенія. Но само собою разумѣется, не такъ важно удовлетворить запросъ въ чтеніи уже развитого читателя, который сумѣетъ самъ о себѣ позаботиться,—гораздо важнѣе отыскать темнаго человѣка, дать ему въ руки книгу или газету съ отмѣченными для прочтенія статьями и систематически вести его по этому пути, чтобы пробудить умственные интересы. Ради этого Общество имѣетъ въ разныхъ частяхъ Франціи добровольныхъ агентовъ, которые разыскиваютъ подходящихъ лицъ и присылаютъ въ бюро ихъ адреса, сопровождая ихъ краткими сообщеніями о занятіяхъ; возрастѣ и общемъ направленіи интересовъ будущаго читателя, чтобы бюро могло сообразовать съ этими данными выборъ чтенія. Иногда между незнающими другъ друга отправителемъ и адресатомъ завязывается переписка, обмѣнъ мнѣній по поводу прочитаннаго; за перепиской нерѣдко слѣдуетъ знакомство, разговоры, споры, и такимъ образомъ создается то личное, образовательное и воспитательное воздѣйствіе, которое такъ горячо рекомендуетъ Общество «Journaux pour tous». Въ бюро каждый день получается цѣлый рядъ писемъ изъ разныхъ концовъ Франціи съ запросами, съ сообщеніями обо всемъ, что интересуетъ этихъ провинціальныхъ корреспондентовъ: это нерѣдко откровенныя, дружескія обращенія лицъ одинокихъ, затерянныхъ въ глуши, къ людямъ сочувствующимъ, понимающимъ и готовымъ помочь. Такимъ образомъ, задача этого нарождающагося образовательнаго союза (членовъ-отправителей въ настоящее время 2.300, читателей болѣе 9.000) состоитъ въ томъ, чтобы пустить въ обращеніе всю ту массу ненужныхъ газетъ, журналовъ, книгъ и брошюръ, которая или уничтожается, или годами лежитъ непроизводительно, загромождая книжные шкафы, а, между тѣмъ, это использованное уже чтеніе можетъ питать собою провинціальнаго читателя, и нечего и говорить, какой громадный приростъ читателей можетъ создать дѣятельность этого общества. Въ этомъ отношеніи городъ и деревня устраиваютъ какъ бы родъ взаимнаго сотрудничества: городъ—доставленіемъ матеріала для чтенія, деревня—подборомъ и указаніемъ

читателей; посредниками служатъ лица интеллигентныхъ профессій, живущіе въ деревнѣ и близко знающіе мѣстное населеніе.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Мнѣнія французскихъ писателей о разводѣ.—Международный языкъ.—Сербія.—Крестьянское государство и рай для женъ.—Значеніе смертной казни.—Торговля людьми въ Африкѣ.

«Revue des Revues» обратился къ французскимъ мужчинамъ и женщинамъ съ приглашеніемъ высказать свое мнѣніе о разводѣ и печатаетъ нѣкоторыя изъ 32-хъ писемъ, присланныхъ въ редакцію по этому поводу. Во всѣхъ этихъ письмахъ, пожалуй, больше всего должно поразить единогласіе мнѣній. Нѣкоторыя изъ авторовъ пускаются въ очень длинныя разглагольствованія, другіе же, наоборотъ, отличаются краткостью, но всѣ оказываются одинаковыхъ взглядовъ на разводъ и на французскіе законы о разводѣ, которые считаются никуда негодными и требующими реформы. Большинство признаетъ необходимымъ для развода обоюдное соглашеніе, другіе же находятъ достаточнымъ, чтобы одна сторона выразила желаніе развода. Никто, однако, не отрицаетъ, что разводъ долженъ существовать, какъ учрежденіе, безъ котораго немыслимо ни одно современное законодательство, и споръ заключается лишь въ томъ, насколько слѣдуетъ облегчить расторженіе союза, признаннаго обѣими сторонами или одною изъ сторонъ неудачнымъ. Защитницей взгляда, требующаго ограниченія развода, является М-me Жюльета Аданъ. «Я стала недовѣрчиво относиться къ тѣмъ политическимъ формамъ и соціальнымъ реформамъ, ради которыхъ я прежде готова была жертвовать своей жизнью и для обезпеченія торжества которыхъ я проработала почти полстолѣтія. Я прежде думала, что разводъ необходимъ для того, чтобы придать достоинство браку и лойяльность брачнымъ отношеніямъ. Теперь я этого больше не думаю и облегченіе развода, мнѣ кажется, должно будетъ имѣть обратное дѣйствіе»...

Золя пишетъ: «Я стою за парочку, союзъ которой сдѣланъ неразрывнымъ взаимною любовью. Я высказываюсь въ пользу мужчины и женщины, полюбившихъ другъ друга, имѣвшихъ дѣтей и продолжающихъ любить другъ друга до самой смерти. Въ этомъ заключается истина, красота и счастье! Но я все-таки стою за абсолютную свободу любви и если разводъ необходимъ, то онъ долженъ быть допустимъ съ обоюднаго согласія или даже по желанію одной только стороны».

«Разводъ необходимъ,—говоритъ Пуанкаре,—но нельзя его дѣлать до такой степени доступнымъ, чтобы достаточно было сказать: «я ухожу!» и уйти, что тогда сдѣлается съ бракомъ? Онъ потеряетъ свое соціальное значеніе и свое достоинство». Такой же почти взглядъ высказываетъ и проф. Ренпро, который, признавая необходимость развода, находитъ все-таки, что надо до нѣкоторой степени ограничить легкость расторженія брака, чтобы не допускать мужчинъ и женщинъ, подобно мотылькамъ, перепархивать съ цвѣтка на цвѣтокъ въ поискахъ за медомъ. Въ общемъ всѣ мнѣнія сводятся къ одному и тому же, что разводъ необходимъ, но только нѣкоторые—большинство ставятъ кое-какія ограниченія, имѣющіе цѣлью сохраненіе значенія брака, другіе же (меньшинство) требуютъ полной свободы для обѣихъ сторонъ и въ этомъ видятъ залогъ семейнаго счастья и чистоты брака.

Извѣстный французскій филологъ и профессоръ въ Collège de France Мишель Бреаль посвящаетъ въ «Revue de Paris» интересную статью международному

языку или, какъ онъ его называетъ, «всеобщему вспомогательному языку», «который долженъ только служить для облегченія сношеній, а никакъ не для замѣны національныхъ языковъ». Бреаль считаетъ очень важнымъ вопросъ о такомъ языкѣ и сожалѣетъ, что на недавнемъ конгрессѣ академіи въ Парижѣ никому не пришло въ голову даже затронуть этотъ вопросъ, хотя въ научномъ, коммерческомъ, промышленномъ и политическомъ отношеніи существованіе языка, облегчающаго взаимное пониманіе народовъ, было бы очень важно.

Вопросъ о международномъ языкѣ далеко не новый, имъ занимаются уже давно и Бреаль напоминаетъ планъ Лейбница создать философскій языкъ на основаніи математическихъ правилъ. Затѣмъ онъ подвергаетъ анализу всѣ современные проекты международнаго языка для облегченія взаимныхъ сношеній. Прежде всего возникла было идея ввести снова въ употребленіе латинскій языкъ для международныхъ сношеній, но не латынь Цицерона и Тита Ливія, а болѣе легкій «народный языкъ», который былъ нѣкогда въ ходу въ римскомъ народѣ. Однако, этотъ проектъ возрожденія латыни потерпѣлъ пораженіе по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, возвращеніе къ латыни означало бы все-таки шагъ назадъ, да и латынь въ достаточной мѣрѣ надоѣла всѣмъ въ школѣ. Поэтому-то Мишель Бреаль отвергаетъ этотъ проектъ «латыни, какъ вспомогательнаго всемірнаго языка». Изъ живыхъ языковъ, которые могли бы быть приспособлены для этой цѣли, Мишель Бреаль останавливается на русскомъ языкѣ, прежде всего, потому, что на немъ говорятъ 116 милліоновъ, на итальянскомъ языкѣ, вслѣдствіе его красоты и звучности, хотя нѣмецкій языкъ, вслѣдствіе произведеній своихъ писателей, ученыхъ и философовъ и вслѣдствіе распространенія своей торговли, сдѣлался всемірнымъ языкомъ, но въ этомъ языкѣ слишкомъ сильно стремленіе занимать обособленное положеніе по отношенію къ другимъ языкамъ; притомъ же конструкція его и грамматика очень трудны и поэтому онъ совершенно непригоденъ какъ международный языкъ. Русскій также приходится исключить, вслѣдствіе его необычайной трудности, остается, слѣдовательно, только англійскій и французскій языки, которые могутъ быть пригодны для этой цѣли. Англійскій языкъ, распространившійся по всему земному шару, чрезвычайно упростилъ свою грамматику и уже поэтому ему было бы легко одержать побѣду надъ другими современными языками, такъ какъ конструкція его необычайно проста и онъ допускаетъ въ этомъ отношеніи наибольшую свободу. Мишель Бурель называетъ англійскій языкъ самымъ быстрымъ и самымъ беззастѣнчивымъ языкомъ на «свѣтѣ», но единственнымъ препятствіемъ къ тому, чтобы англійскій языкъ сталъ международнымъ языкомъ, служатъ его произношеніе и орфографія. Французскій языкъ имѣетъ много преимущества въ глазахъ цивилизованныхъ народовъ, такъ какъ черезъ посредства этого языка распространялись великія всемірныя идеи и притомъ же изъ Парижа исходила всегда великодушная иниціатива, увлекавшая за собою другіе народы.

Итакъ, французскій языкъ вполнѣ годился бы для роли международнаго языка, но Бреаль боится, что французскій народъ потерпѣлъ бы ущербъ отъ этого. Во-первыхъ, французы тогда сочли бы совершенно лишнимъ изучать какой-нибудь чужой языкъ, а ихъ собственный языкъ непремѣнно долженъ былъ бы пострадать отъ вліянія на него чуждыхъ ему мышленія и грамматики.

Въ заключеніе Бреаль предлагаетъ свой планъ для разрѣшенія этой проблемы. Пусть Франція, Англія и Соединенные Штаты заключатъ между собою договоръ, по которому обученіе англійскому языку должно быть обязательнымъ во Франціи, а французскому—въ Англіи. Нѣмцы, конечно, не войдутъ въ это соглашеніе, также какъ и славяне, греки и восточные народы, но это не важно, такъ какъ большинство заинтересованныхъ въ международныхъ сношеніяхъ людей непремѣнно знаетъ тотъ или другой языкъ, а дѣловыя соображенія и

выгоды, проистекающія отъ знанія одного изъ этихъ языковъ, заставятъ ихъ забыть чувство обиды, которое неминуемо должно будетъ вызвать предпочтеніе, оказанное французскому и англійскому языкамъ.

Что же касается искусственнаго всемірнаго языка, то, разбирая усилія различныхъ изобрѣтателей такого языка, Бреаль приходитъ къ заключенію, что созданіе искусственнаго языка вполнѣ возможно, но онъ не думаетъ, чтобы искусственный языкъ могъ бы получить практическое примѣненіе. Главнымъ условіемъ искусственнаго языка должна быть простота конструкціи и отсутствіе какихъ бы то ни было грамматическихъ упражненій. Изъ всѣхъ современныхъ искусственныхъ языковъ, предлагаемыхъ ихъ изобрѣтателями, лучше всего удовлетворяетъ этимъ условіямъ языкъ Эсперанто, такъ какъ изобрѣтатель его пытается создать новый романскій типъ языка, пользуясь для этого итальянскимъ, испанскимъ и французскимъ языками. Но неудобство искусственнаго языка заключается въ томъ, что онъ легко можетъ измѣняться подъ вліяніемъ народа, который будетъ говорить на этомъ языкѣ и который внесетъ въ него свои особенности и будетъ считать себя въ правѣ вводить въ него и изобрѣтать новыя слова и выраженія; притомъ же и чистоту произношенія искусственнаго языка установить очень трудно. Всѣ эти условія, по мнѣнію Бреаля, будутъ препятствовать каждому искусственному языку получить право гражданства во всемъ мірѣ, поэтому Бреаль и возвращается къ своему проекту англо-французской конвенціи относительно международнаго языка, такъ какъ и теперь эти оба языка наиболѣе распространены и французскій языкъ, почти у всѣхъ народовъ, составляетъ обязательный предметъ общественнаго воспитанія.

Въ журналѣ «Humanitarian» напечатанъ разговоръ съ сербскимъ посланникомъ въ Лондонѣ Лозаничемъ. Англійскій журналистъ, бесѣдовавшій съ нимъ, разспрашивалъ его о положеніи народнаго и женскаго образованія въ Сербіи, о политическихъ партіяхъ и т. д.

— У насъ много школъ,—сказалъ Лозаничъ.—Образованіе въ Сербіи обязательно и свободно. Чтобы показать вамъ, какіе быстрые успѣхи сдѣлали мы въ этомъ отношеніи, я приведу вамъ слѣдующія цифры: въ 1883 г. у насъ было 618 школъ, съ 821 учителемъ (мужчинами и женщинами) и 36.314 учениками обоего пола. Теперь у насъ 920 школъ съ 750.000 учениковъ! Въ первоначальныхъ школахъ, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ, мы преподаемъ географію, рисованіе, исторію, геометрію, практическое сельское хозяйство, а дѣвочкамъ—домашнія работы и обязанности. Послѣ того, какъ ученики вышли изъ школы, они все-таки обязаны разъ въ недѣлю посѣщать ее. Наши гимназіи прекрасно обставлены и мы имѣемъ классическую и реальную школу, двѣ техническія школы и высшія школы для дѣвушекъ. Нашъ университетъ въ Бѣлградѣ, основанный королемъ Миланомъ, имѣетъ три факультета: философскій, юридическій и техническій. Студентовъ на этихъ факультетахъ въ настоящее время 463 и въ томъ числѣ 28 женщинъ. Для духовенства у насъ существуетъ богословская школа... Мы—крестьянская нація. У насъ почти нѣтъ аристократіи. Но, съ другой стороны, у насъ нѣтъ и пролетаріата, составляющаго бичъ вашихъ большихъ городовъ, у насъ нѣтъ нищихъ и поэтому мы не нуждаемся ни въ рабочихъ домахъ, ни въ пріютахъ, благодаря нѣкоторымъ условіямъ нашей соціальной жизни.

Главное занятіе нашего народа составляетъ сельское хозяйство, земледѣліе и скотоводство, но въ послѣднее время у насъ начали развиваться различныя промышленныя предпріятія, всевозможные заводы, сахарные, стеклянные, пивоваренные и т. п., но все-таки наша страна остается по преимуществу земледѣльческою страной. Главнымъ нашимъ потребителемъ является Австрія и поэтому то мы должны стремиться поддерживать съ нею наилучшія

отношенія. Всѣ наши крестьяне-собственники и по закону каждый изъ нихъ получаетъ въ неотъемлемую собственность пять артовъ земли. Въ нашихъ сельскихъ общинахъ существуетъ полное соціальное равенство. По закону, изданному королемъ Миланомъ, каждая община обязана имѣть центральный складъ и каждый членъ общины обязанъ ежегодно вкладывать туда пять килограммовъ пшеницы или масла. Такимъ образомъ, у насъ есть теперь огрмныое запасы на случай неурожая. Кромѣ того, у насъ существуютъ сельскохозяйственныя общества; центральное Общество находится въ Бѣлградѣ, а 220 его развѣтвленій разсѣяны по всей странѣ. Цѣль этихъ обществъ—содѣйствовать всѣми способами развитію земледѣлія и оказывать помощь крестьянамъ, когда они въ ней нуждаются. Мы стараемся устраивать, при помощи сельскаго учителя и священника, въ каждой общинѣ такія сельскохозяйственныя ассоціаціи. Члены этихъ ассоціацій всегда могутъ получить ссуду и разсчитывать на всякую поддержку со стороны Общества. Но вступая въ ассоціацію, они принимаютъ на себя обязательство воздерживаться отъ неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, азартныхъ игръ и безнравственныхъ поступковъ и такимъ образомъ ассоціація оказываетъ хорошее нравственное вліяніе на своихъ членовъ. Сельскохозяйственное Общество имѣетъ свой органъ—«Сельская кооперація» и ежегодно устраиваетъ конгрессъ для обсужденія разныхъ сельскохозяйственныхъ вопросовъ.

— Каково положеніе женщинъ въ Сербіи?—спросилъ журналистъ.

— Наши дѣвушки получаютъ прекрасное образованіе,—отвѣчалъ посланникъ.—Онѣ могутъ выбирать какія угодно профессіи. Однѣ изъ нихъ становятся учительницами, другія докторами или занимаютъ разныя общественныя должности, но большинство все-таки предпочитаетъ выходить замужъ, такъ какъ наши дѣвушки склонны къ домашней жизни. Въ домѣ женщина царствуетъ безраздѣльно и ни одинъ мужчина не станетъ оспаривать у нея ея авторитета. Мужчина властвуетъ извнѣ, а женщина внутри своего дома и хозяйства. Скажите же вашимъ читателямъ, что Сербія представляетъ «рай для женъ!»

Въ томъ же нумерѣ англійскаго журнала помѣщена интересная статья о смертной казни. Авторъ доказываетъ всю несостоятельность взглядовъ на смертную казнь, какъ на высшее наказаніе. Смерть—естественное и неизбѣжное окончаніе жизни и для многихъ, измученныхъ жизнью и неизлѣчимо-больныхъ она является избавленіемъ. Какъ много людей добровольно лишаютъ себя жизни по разнымъ причинамъ. Самоубійство распространено у всѣхъ народовъ; оно существовало во всѣ времена и встрѣчается даже среди дѣтей. Смерть считается почетной и славной во многихъ случаяхъ, напр., при исполненіи долга, на полѣ битвы или спасая другихъ. Сколько можно привести примѣровъ такой героической смерти, которой справедливо гордится человѣчество! Страхъ смерти, который встрѣчается у людей, вызывается въ большинствѣ случаевъ неизвѣстностью и боязнью того, что будетъ послѣ смерти. Вѣрующіе люди боятся мученій—ада, но напутствіе священника служитъ для нихъ облегченіемъ и они успокоенные переходятъ въ лучшій міръ. Приговоренный къ смертной казни также получаетъ такое напутствіе; онъ умираетъ примиренный съ Богомъ и съ надеждой на вѣчное блаженство. «Гдѣ же тутъ наказаніе?» восклицаетъ авторъ статьи. Развѣ мы можемъ допустить, чтобы закоренѣлый преступникъ, котораго мы посылаемъ на казнь, такъ измѣнился въ короткое время, что сдѣлался достоинъ вѣчнаго блаженства? Между тѣмъ ему обѣщается это въ награду за раскаяніе. Въ этомъ заключается, по мнѣнію автора, самое большое противорѣчіе. Смерть не можетъ быть наказаніемъ,—говоритъ онъ.—Вѣрнѣе она избавляетъ преступника отъ всякаго наказанія, такъ какъ судьи, какъ и священники, не имѣютъ власти посылать его душу въ

адъ. Такъ какъ смерть составляетъ неизбѣжный конецъ жизни и не заключаетъ въ себѣ никакого безчестія, то превращать ее въ наказаніе за великія преступленія значитъ унижать этотъ великій актъ. И поэтому смертная казнь безусловно должна быть уничтожена во всѣхъ уголовныхъ кодексахъ. Подобное наказаніе оскорбляетъ чувства тѣхъ, кто уважаетъ смерть, и мы не можемъ повѣрить, чтобы убійство, хотя бы и узаконенное, какого-нибудь человѣческаго существа, могло бы служить къ возвышенію нравственности.

«Review of Reviews» печатаетъ выдержки изъ интересной статьи Тонкина: «О торговлѣ неграми въ сѣверной Нигеріи». Главною причиной чрезвычайнаго распространенія этой торговли служитъ то, что негры являются наиболѣе удобною размѣнной монетой. Какъ извѣстно, племена этой области Африки употребляютъ въ качествѣ мелкой размѣнной монеты ракушки каури, но для большихъ операцій эта монета оказывается непригодной, такъ какъ для доставленія большихъ количествъ каури нужны опять-таки невольники. Напримѣръ, нужно не менѣе 300 человѣкъ, для того, чтобы доставить на разстояніе ста миль количество этой размѣнной монеты, равное ста фунтамъ стерлинговъ. Это, разумѣется, невыгодно, такъ какъ прокормъ невольниковъ обойдется столько же, поэтому торговцы Нигеріи предпочитаютъ обращать самихъ же рабовъ въ размѣнную монету. Тонкинъ сообщаетъ таблицу, изъ которой можно судить о сравнительной цѣнности рабовъ. Ребенокъ семи лѣтъ, мужского или женскаго пола, равняется 2 ф. 10 шиллингамъ; десятилѣтній ребенокъ—3 ф. 15 ш.; семнадцатилѣтній юноша—5 ф. 10 ш.; очень здоровый мальчикъ 12—14 лѣтъ—7 ф.; дѣвочка 14—17 лѣтъ—9 ф. 10 ш.; двадцатилѣтняя женщина—5 ф.; взрослый мужчина съ бородой—3 ф. 10 ш.; женщина среднихъ лѣтъ—2 ф.

Маленькія дѣти, доставшіяся послѣ сраженій побѣдителямъ, обыкновенно покупаются бѣднѣйшимъ классомъ населенія. Партія, отправившаяся на охоту за невольниками и разорившая нѣсколько негритянскихъ деревень, приводитъ съ собою свою живую добычу, скованную попарно, а маленькихъ дѣтей обыкновенно приносятъ въ мѣшкахъ, словно поросятъ. Тонкинъ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ:

«Намъ повстрѣчалась партія негроторговцевъ, возвращавшихся послѣ побѣдоносной экспедиціи. Нѣсколько десятковъ мужчинъ и женщинъ шли скованные и съ рогатками на шеѣ. Населеніе деревень высыпало имъ навстрѣчу. Кто-то спросилъ, нѣтъ ли у нихъ дѣтей для продажи и тотчасъ же были принесены мѣшки, откуда высыпали на землю маленькихъ ребятъ, представлявшихъ какіе-то черные клубочки, барахтающіеся и свернувшіеся вмѣстѣ, словно змѣи. Это удивительное зрѣлище, однако, никому не казалось страннымъ изъ туземцевъ. Покупатель подошелъ къ этой извивающейся черной массѣ, концомъ своего копья раскидалъ ребятъ и выбравъ то, что ему было нужно, уплатилъ деньги и, положивъ свою покупку въ мѣшокъ удалился, произнеся обычное: «Аллахъ да будетъ съ вами!»

Въ общемъ, по словамъ Тонкина, съ рабами въ Нигеріи обращаются недурно, такъ какъ въ интересахъ негроторговцевъ, чтобы товаръ ихъ хорошо выглядѣлъ, поэтому ихъ хорошо кормятъ и не подвергаютъ никакимъ истязаніямъ. Но ужасны картины разоренныхъ негритянскихъ деревень послѣ набѣга негроторговцевъ! Тонкину пришлось проѣзжать черезъ такія деревни и то, что онъ видѣлъ тамъ, казалось способно было вызвать содроганіе въ душѣ самаго черстваго человѣка, но мѣстные жители, привыкшіе къ такого рода зрѣлищамъ, относились къ нимъ совершенно равнодушно и носильщики туземцы только указывали ему на покинутыя хижины негровъ, кровь и трупы, говоря, что тутъ прошла партія того или другого изъ купцовъ, занимающихся торгомъ людьми.

Тонкинъ поинтересовался спросить одного араба негроторговца, во сколько бы онъ его оцѣнилъ, если бы онъ былъ рабомъ. Торговецъ невольниками осмотрѣлъ его очень внимательно и потомъ сказалъ ему, что онъ—какъ рабъ, недорого стоитъ, но такъ какъ онъ—«ученый», то за него можно было бы спросить большую цѣну, такъ какъ его знанія могутъ быть выгодны его хозяину.

Народный домъ въ Берлинѣ.

(Письмо изъ Берлина).

Народные дома получили большое распространеніе въ Англіи и Бельгіи. Цѣли ихъ образовательно-воспитательныя или экономическія и политическія. Въ Англіи развился первый, въ Бельгіи, главнымъ образомъ, второй типъ. Дать рабочему люду возможность собираться въ хорошемъ помѣщеніи, предоставить въ его распоряженіе книги, читальныя залы, дать ему за дешевую плату кружку пива, за которой можно съ единомышленниками побесѣдовать о политикѣ и отдохнуть послѣ труда—вотъ для чего устраиваются эти народные дома. Кто видѣлъ брюссельскій «Maison du Peuple» съ его театромъ, концертнымъ заломъ, библіотекой, кофейной и цѣлой анфиладой комнатъ, въ которыхъ размѣщаются бюро разныхъ рабочихъ организацій, тотъ могъ убѣдиться, какое значеніе для рабочаго населенія имѣютъ подобные дворцы. Приближающимся по цѣли, хотя и отличающимся по организаціи, является открытый въ прошломъ году по примѣру другихъ нѣмецкихъ городовъ берлинскій домъ для рабочихъ. Большое четырехъэтажное зданіе въ три корпуса красуется въ юговосточной части германской столицы и контрастомъ своимъ съ сосѣдними простыми постройками болѣе бѣднаго квартала привлекаетъ невольно взглядъ проходящаго. Это тотъ домъ, который начинаетъ служить объединяющимъ центромъ германскаго рабочаго населенія и все больше завоевывать симпатіи его и общества.

Главный фасадъ, выходящій на улицу, отведенъ подъ бюро и секретаріатъ рабочихъ союзовъ. Разсѣянные дотолѣ по всему Берлину, они имѣютъ теперь одно общее помѣщеніе и тѣмъ какъ бы ближе стоятъ другъ къ другу. Помѣщеніе каждаго отдѣльнаго союза зависитъ отъ его силы: одни занимаютъ нѣсколько комнатъ, другіе не имѣютъ постояннаго помѣщенія и пользуются отдѣльными столами для засѣданій. Здѣсь же бюро для пріисканія работы и больничныя кассы. По лѣстницамъ то и дѣло поднимаются рабочіе, вносящіе свои фамиліи въ списки безработныхъ, женщины, идущія получать изъ кассы союза нѣсколько марокъ на лѣкарство больнымъ мужьямъ.

Второй корпусъ зданія отведенъ подъ ночлежный домъ. Проѣзжающему безработному рабочему тяжело приходится въ незнакомомъ городѣ. Если касса и выдаетъ вспомоществованіе на ночлегъ, то найти такой не легко. Новый ночлежный домъ разсчитанъ на двѣсти человѣкъ. Всякій, желающій переночевать здѣсь, долженъ принять ванну, которую тутъ же можетъ имѣть за пять пфенниговъ. Большая дезинфекціонная печь очищаетъ платье сомнительной чистоты. Устроено все съ большимъ комфортомъ: чистыя, свѣтлыя комнаты, электрическое освѣщеніе, умывальники съ проведенной водой,—все это такъ привлекаетъ, что, кромѣ рабочихъ, сюда заѣзжаютъ и лица другихъ классовъ. Плата назначена по возможности скромная: отъ 40 до 75 пфенниговъ за кровать.

Въ боковомъ корпусѣ помѣщаются парадныя комнаты. Здѣсь залы для собраній, концертовъ, вечеровъ. Необходимость въ нихъ сказывалась очень сильно. Собраніямъ съ извѣстнымъ направленіемъ часто приходится пользоваться

самыми неудобными помѣщеніями, такъ какъ трудно найти подходящія, когда частные рестораны отказываются открывать свои двери для слишкомъ крайнихъ ораторовъ. Здѣсь рабочіе у себя дома и могутъ распоряжаться, какъ имъ угодно. Здѣсь все устроено сообразно съ требованіями современной архитектуры, съ простотой и вкусомъ. Большой залъ, въ который поднимаешься по красивой, широкой лѣстницѣ, вмѣщаетъ до 1.300 человѣкъ.

Устройство столовыхъ при домѣ рабочихъ только до извѣстной степени входило въ планы учредителей. Большой ресторанъ, помѣщающійся въ нижнемъ этажѣ, сданъ въ аренду и эксплоатируется арендаторомъ, какъ обыкновенный ресторанъ: цѣны среднія и для рабочаго класса мало доступныя. Рядомъ съ этимъ существуетъ ресторанъ при ночлежномъ домѣ, находящійся въ вѣдѣніи управленія дома рабочихъ и приближающійся по типу къ народнымъ кухнямъ. Здѣсь проѣзжающіе могутъ получать горячее блюдо за 30 пф. и кружку пива за 5 пф. Спиртные напитки по первоначальному плану должны были быть исключены совершенно: ихъ пришлось сохранить, къ сожалѣнію, но продаются они по сравненію съ пивомъ по такой дорогой цѣнѣ, что потребленіе ихъ минимально. Газеты разныхъ направленій помѣщаются въ отдѣльной комнатѣ, чтобы можно было ими пользоваться безъ необходимости выпить или закусить, какъ то приходится въ кофейныхъ и кабачкахъ, гдѣ обыкновенно происходитъ знакомство съ политическими новостями.

Для устройства этого народнаго дома образовалось общество съ основнымъ капиталомъ въ 64.000 марокъ. Эта незначительная сумма, конечно, составляла только малую часть необходимой для постройки, обошедшейся въ полтора милліона. Выгодный заемъ подъ залогъ выстраиваемаго дома далъ возможность довести дѣло до конца и теперь еще приходится для погашенія долга вести дѣло на коммерческихъ началахъ. При теперешней организаціи, берлинскій домъ не преслѣдуетъ какихъ-либо благотворительныхъ цѣлей. Его цѣль—дать рабочимъ союзамъ возможность при лучшихъ условіяхъ вести свои дѣла и быть ихъ объединяющимъ центромъ. Такъ, помѣщеніе, сдаваемое подъ бюро союзовъ (оно занимаетъ три этажа), сдается не безплатно, каждый союзъ платитъ за него и получаемая наемная плата составляетъ въ годъ около 20.000 марокъ. За аренду ресторана арендующій пивоваренный заводъ платитъ около 40.000. Что касается ночлежнаго дома, то если пріѣзжающіе рабочіе тамъ и безплатно получаютъ пріютъ, это исходитъ не отъ учрежденія: рабочіе союзы платятъ за нихъ и ночлежный домъ приноситъ около 20.000, а ресторанъ при немъ до 10.000 марокъ. Конечно, съ дальнѣйшимъ развитіемъ и, какъ только позволятъ средства, пользованіе удобствами новаго пріюта будетъ обходится дешевле. Принадлежа рабочей организаціи, домъ рабочихъ союзовъ будетъ показывать во-очію ея силу и ростъ. Будетъ ли обсуждаться дѣловой вопросъ въ залѣ секратаріата, будетъ ли отдыхать рабочій въ просторномъ залѣ, слушая рѣчь или смотря на театральную піесу—всегда онъ будетъ чувствовать, что онъ у себя дома, что онъ не гость, а хозяинъ. Въ этомъ и значеніе новаго народнаго дома.

О. Б.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

О броженіи и ферментахъ.

I.

Начало эмпирическаго знакомства съ броженіемъ кроется въ глубокой древности. Въ ея миѳахъ мы имѣемъ опредѣленныя указанія на то, что человѣчество для своихъ цѣлей съ давнихъ поръ пользовалось броженіемъ. Озирисъ у египтянъ, Ной у евреевъ, Діонисъ, или Вакхъ у грековъ, — вотъ миѳическія существа, которыя, по преданіямъ, научили людей приготовлять вино изъ перебродившаго винограднаго сока. Такимъ образомъ первымъ видомъ броженія, съ которымъ познакомилось человѣчество, было *спиртовое*, такъ какъ полученіе вина сопровождается образованіемъ спирта. Это броженіе и до сихъ поръ осталось наиболѣе употребительнымъ, и въ настоящее время на немъ основаны винодѣліе, винокуренное и пивоваренное производства. Сущность его заключается въ томъ, что сахаръ, въ присутствіи дрожжей образуетъ спиртъ. Въ качествѣ бродильнаго матеріала винодѣлъ пользуется виноградным сокомъ, который содержитъ сахаръ, а винокуръ и пивоваръ—сѣменами ржи, кукурузы, ячменя или клубнями картофеля, такъ какъ въ нихъ есть крахмалъ, который можетъ превращаться въ сахаръ. Непремѣннымъ условіемъ для образованія спирта изъ всѣхъ указанныхъ веществъ является присутствіе *дрожжей*, которыя суть не что иное, какъ низшіе грибы изъ отряда Sacharomycetes. Подъ микроскопомъ онѣ являются въ видѣ округлыхъ или овальныхъ клѣточекъ съ тонкой оболочкой. Достигнувъ опредѣленныхъ размѣровъ, дрожжевыя клѣтки отдѣляютъ отъ себя почки, которыя развиваются въ новыя клѣтки; поэтому онѣ часто являются соединенными въ группы.

Среди дрожжей отличаютъ много видовъ и разновидностей. Главнѣйшіе изъ нихъ—это Sacharomyces cerevisiae—пивныя дрожжи и Sacharomyces ellipsoideus, который встрѣчается на поверхности виноградныхъ ягодъ и попадаетъ въ виноградный сокъ, когда во время процесса винодѣлія кожица ягодъ разрывается.

Химическая сторона спиртоваго броженія отличается значительной сложностью, схематически же она выражается въ распаденіи сахара на спиртъ и углекислоту. Рядомъ съ этими продуктами всегда образуются въ небольшихъ количествахъ второстепенные, главнымъ образомъ, глицеринъ и янтарная кислота.

Во время спиртоваго броженія на питаніе дрожжей расходуется только ничтожная часть всего разлагаемаго сахара, а вся остальная, гораздо большая часть не потребляется дрожжами—и всетаки разлагается; при этомъ продукты распаденія сахара не только не полезны дрожжамъ, но даже могутъ быть вредны, а именно: спиртъ въ опредѣленной концентраціи останавливаетъ ихъ раз-

витіе. Другая замѣчательная черта, которая отличаетъ спиртовое броженіе, заключается въ условіяхъ жизни дрожжей. Дрожжи суть живыя растительныя клѣтки, а по общераспространенному взгляду живая клѣтка всегда дышитъ и нуждается въ воздухѣ, между тѣмъ какъ дрожжевыя клѣтки, даже лишенныя воздуха, все-таки могутъ жить и приводить въ броженіе сахаръ.

Интересно отмѣтить, что спиртовое броженіе можетъ вызываться не только дрожжами, но и нѣкоторыми плѣсенями, напримѣръ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ плѣсневыхъ грибовъ изъ рода Mucor.

Въ обыденной жизни часто употребляется слово *закисать*, что въ переводѣ на научный языкъ означаетъ нѣкоторые виды броженія. Закисаютъ вино, пиво, молоко, благодаря бродильнымъ процессамъ, которые происходятъ въ нихъ. Какъ извѣстно, жидкости, содержащія спиртъ, напримѣръ вина, часто, въ особенности лѣтомъ, пріобрѣтаютъ особенный запахъ и вкусъ. Тогда говорятъ: «Это не вино, а настоящій уксусъ». Дѣйствительно, химическое изслѣдованіе показываетъ, что спиртъ при этомъ превращается въ уксусную кислоту. Это есть процессъ, происходящій въ присутствіи воздуха и сопровождающійся поглощеніемъ кислорода, почему и *уксусное* броженіе называется *окислительнымъ*. Можно сказать, что спиртъ сгораетъ въ уксусную кислоту. Если процессъ предоставленъ самому себѣ, то горѣніе идетъ еще дальше, и когда весь спиртъ перешелъ въ уксусную кислоту, начинаетъ сгорать послѣдняя до тѣхъ поръ, пока вся она не превратится въ обыкновенный продуктъ горѣнія—углекислоту. Также какъ въ спиртовомъ броженіи, и здѣсь не обходится безъ живыхъ организмовъ. Виновниками *уксуснаго броженія* являются низшіе грибы—бактеріи, а именно: *Bacterium aceti, Bacterium Pasterianum* и *Bacterium Kützingianum*. Въ практикѣ уксусное броженіе является однимъ изъ способовъ полученія уксуса. Различныя спиртовыя жидкости: разбавленная водка, пиво, вино обыкновенно окисляются въ особыхъ чанахъ подъ вліяніемъ кислорода воздуха и упомянутыхъ бактерій. Получаемый продуктъ и есть уксусъ.

Закисаніе молока обусловливается *молочнокислымъ броженіемъ*. Химическая сторона его заключается въ томъ, что различные виды сахара — а онъ всегда находится въ молокѣ — образуютъ молочную кислоту въ присутствіи разнообразныхъ родовъ и видовъ бактерій. Теплая среда способствуетъ ихъ развитію, поэтому молоко, не вынесенное заблаговременно на холодъ, закисаетъ. Молочнокислое броженіе также важно въ винокуренномъ производствѣ. Въ заторѣ, приготовляемомъ на винокуренныхъ заводахъ, находятся различные микроорганизмы и между ними бактеріи *молочнокислаго* и *масляннаго* броженій. Бактеріи масляннаго броженія разлагаютъ сахаръ съ образованіемъ масляной кислоты. Послѣдняя, развиваясь въ заторѣ, вредно дѣйствуетъ на дрожжи и можетъ остановить спиртовое броженіе. Но винокура здѣсь выручаютъ бактеріи молочнокислаго броженія, образующія молочную кислоту, которая останавливаетъ масляное броженіе и такимъ образомъ является союзникомъ дрожжей.

Примѣръ безусловно вреднаго броженія представляетъ *слизевое*. На сахарныхъ заводахъ въ чанахъ можно наблюдать слизь, по своему виду напоминающую лягушечью икру и состоящую изъ шарообразныхъ бактерій, такъ называемыхъ *Leuconostoc mesenteroides*. При благопріятныхъ условіяхъ онѣ размножаются очень быстро и портятъ свекловичный сокъ, приводя его въ такъ называемое слизевое броженіе.

Этими примѣрами далеко не исчерпывается кругъ явленій, охватываемыхъ понятіемъ броженія,—понятіемъ, которое не поддается точному опредѣленію, благодаря своей обширности. Вообще говоря, по мѣрѣ роста науки о микроорганизмахъ, область броженій все болѣе и болѣе расширялась. Оказалось, что спиртовое, молочнокислое и другіе виды броженія не ограничены тѣсно одними какими-нибудь микроорганизмами, а что разнообразные микроорганизмы

различныхъ группъ часто способны производить сходныя броженія. Было бы утомительно перечислять примѣры, подтверждающіе это, но стоитъ все-таки отмѣтить, что спеціально патогенныя бактеріи, возбудители болѣзней человѣка и животныхъ, способны вызывать и спиртовое, и уксусное, и маслянокислое, и молочнокислое броженія. Съ другой стороны, оказалось, что химическіе процессы, охватываемые понятіемъ броженія, чрезвычайно разнообразны и имѣютъ крупное значеніе въ экономіи природы.

Такъ, бактеріи массами развиваются въ умершихъ организмахъ и производятъ различныя броженія, результатомъ которыхъ является распаденіе сложныхъ органическихъ соединеній. Въ разрушеніи растительныхъ остатковъ важная роль принадлежитъ бактеріямъ изъ рода *Amylobacter*, которыя вызываютъ броженіе растительной клѣтчатки съ образованіемъ болотнаго газа и углекислоты. Обыденная жизнь изобрѣла вообще для процесса разложенія остатковъ животныхъ и растеній терминъ *гніеніе*, принятый и наукой, которая подразумѣваетъ подъ нимъ разложеніе бѣлковыхъ веществъ подъ вліяніемъ бактерій, сопровождающееся выдѣленіемъ зловонныхъ газовъ. При гніеніи бѣлковые остатки живыхъ организмовъ распадаются съ образованіемъ различныхъ продуктовъ, какъ, напримѣръ, углекислоты, свободнаго водорода, зловонныхъ веществъ—индола, скатола, меркаптана, сѣроводорода и твердыхъ продуктовъ—отирозина и лейцина. Хотя этотъ процессъ недостаточно изученъ, но въ общихъ чертахъ онъ подходитъ подъ понятіе броженія. Такимъ образомъ, въ остаткахъ животныхъ и растеній, устилающихъ землю, происходитъ невидимая абота микроскопическихъ химиковъ, которые вызываютъ броженія, и жизнь продолжаетъ разрушеніе, начатое смертью.

Виды броженія, указанные нами, состоятъ въ распаденіи сложнаго органическаго соединенія на болѣе простыя. Совершенно особый родъ броженія образуетъ *уксусное*, гдѣ бактеріи окисляютъ, сжигаютъ органическое вещество. Изслѣдованія послѣдняго времени показали, что это броженіе стоитъ не одиноко, что такъ называемыя *окислительныя* броженія, гдѣ постороннее вещество сжигается микроорганизмами, встрѣчаются нерѣдко. Что всего удивительнѣе, оказалось, что бактеріи способны сжигать не только органическія вещества, какъ, напримѣръ, спиртъ, но и минеральныя. По изслѣдованіямъ *Виноградскаго* въ почвахъ существуютъ бактеріи, которыя окисляютъ неорганическое вещество-амміакъ въ азотную кислоту, превращая такимъ образомъ болѣе простое соединеніе въ болѣе сложное. Сжиганіе минеральныхъ веществъ производятъ также такъ называемыя *сѣрныя* бактеріи изъ рода *Beggiatoa*, которыя живутъ въ сѣрныхъ водахъ и сжигаютъ сѣроводородъ съ образованіемъ воды и сѣры. Сѣра при этомъ откладывается въ самыхъ бактеріяхъ въ видѣ зернышекъ. Наконецъ, въ желѣзныхъ водахъ развиваются длинныя нитевидныя бактеріи, принадлежащія къ родамъ *Cladotrix*, *Crenotrix*, *Leptotrix*, которыя сжигаютъ соединенія закиси желѣза въ окись. Послѣдняя откладывается въ своеобразныхъ студенистыхъ чехлахъ, одѣвающихъ упомянутыя бактеріи. Въ опредѣленный періодъ своего развитія онѣ выползаютъ изъ пропитанныхъ окисью углерода чехловъ, которые падаютъ на дно и образуютъ съ теченіемъ времени цѣлые пласты такъ называемой желѣзной охры и другихъ желѣзныхъ рудъ.

Броженіе и дрожжи, броженіе и бактеріи эта связь извѣстна широкому кругу читателей, но врядъ ли многіе, не получившіе естественно-научнаго образованія, знаютъ, что броженіе присуще и высшимъ растеніямъ. А между тѣмъ, стоитъ поставить хотя бы, напримѣръ, ростки боба въ особенныя условія, и въ нихъ можно наблюдать броженіе. Если отнять у растенія воздухъ и замѣнить его какимъ-либо индифферентнымъ газомъ, напримѣръ азотомъ, то

оно, не будучи въ состояніи дышать, все-таки продолжаетъ выдѣлять углекислоту и можетъ прожить въ такихъ условіяхъ болѣе или менѣе продолжительное время, даже до нѣсколькихъ дней; если перенести такое еще живое растеніе въ обыкновенный воздухъ, то оно продолжаетъ жить попрежнему. Во время пребыванія въ ненормальной атмосферѣ вѣсъ растенія убываетъ, а въ тканяхъ всегда удается констатировать присутствіе спирта. Это явленіе слѣдуетъ понимать такъ. Когда растеніе лишено кислорода и не можетъ дышать, происходитъ разложеніе самаго вещества растенія (отсюда и убываніе въ вѣсѣ) на спиртъ, который накопляется въ тканяхъ, и углекислоту, которую растеніе выдѣляетъ, т.-е. мы имѣемъ дѣло съ типичнымъ алкогольнымъ броженіемъ. Въ такихъ условіяхъ оно называется *интрамолекулярнымъ дыханіемъ* и служитъ мостомъ, соединяющимъ высшія и низшія растенія въ ихъ отношеніи къ бродильнымъ процессамъ.

Представлялось чрезвычайно интереснымъ выяснить, съ одной стороны, причины броженія, съ другой,— его роль въ жизни клѣтки. Такіе запросы науки образовали нѣсколько направленій и школъ, придерживавшихся различныхъ воззрѣній на сущность и смыслъ броженія и создавшихъ различныя теоріи его.

II.

Хотя вопросъ о броженіи и, главнымъ образомъ, о классическомъ спиртовомъ броженіи издавна служилъ предметомъ вниманія въ наукѣ, теоретическая сторона его долго оставалась запутанной. Если бы конечные продукты спиртового броженія могли утилизироваться дрожжами, то его смыслъ въ экономіи живой клѣтки былъ бы ясенъ. Но, какъ извѣстно, эти продукты не утилизируются, поэтому цѣлесообразность броженія казалась темной. Съ другой стороны, и его причины не легко поддавались разъясненію.

Минуя теоріи алхимиковъ, которыя имѣютъ только историческое значеніе, слѣдуетъ отмѣтить, что научная теорія броженія появилась впервые только въ тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка, когда *Либихъ* выступилъ съ стройной системой воззрѣній, подкрѣпленной обширнымъ арсеналомъ фактовъ и большой діалектикой. Его теорія можетъ быть названа *химической*. Другая теорія, которая заняла въ наукѣ едва ли не господствующее положеніе, принадлежала знаменитому *Пастеру* и можетъ быть охарактеризована названіемъ *физіологической*. Если мы назовемъ еще *молекулярно-физическую* теорію *Нэгели* и *ферментную—Траубе* и *Гоппе-Зейлера*, то такимъ образомъ будутъ указаны всѣ четыре фокуса, въ которыхъ сосредоточилась научная мысль о броженіи.

Когда *Либихомъ* была высказана его теорія броженія, въ наукѣ еще не былъ установленъ фактъ, что гніеніе, какъ и броженіе, происходятъ только въ присутствіи живыхъ организмовъ. Броженіе представлялось рѣзко отличающимся отъ гніенія, такъ какъ въ первомъ участвуютъ дрожжи, а во второмъ, повидимому, процессъ идетъ самъ по себѣ. Тѣмъ не менѣе Либихъ соединилъ оба понятія, разсматривая броженіе, какъ родъ гніенія. Основой для такого представленія послужила слѣдующая аналогія. Общеизвѣстенъ фактъ, что незначительное гніеніе, вызванное въ бѣлковомъ матеріалѣ, имѣетъ наклонность распространиться по всему матеріалу, такъ что разлагающійся бѣлокъ способенъ переносить разложеніе на новыя порціи бѣлка. Подобный же процессъ, говоритъ Либихъ, происходитъ и при броженіи. Дрожжи играютъ роль въ броженіи не жизнедѣятельностью, а своею смертью и гніеніемъ своего умершаго вещества. Онѣ постепенно умираютъ, вещество ихъ гніетъ, разлагается и, находясь въ жидкости, содержащей сахаръ, онѣ вовлекаютъ его въ процессъ разложенія. При этомъ равновѣсіе въ частицѣ сахара нарушается, и она рас-

падается съ образованіемъ спирта и углекислоты. Вообще говоря, согласно Либиху, всякое броженіе есть молекулярное движеніе, переносимое тѣломъ, находящимся въ состояніи разложенія. на другое тѣло, котораго элементы не стойко связаны между собой. Въ отличіе отъ броженія для гніенія характерно, что въ гніющемъ матеріалѣ разложеніе переносится имъ же самимъ на новыя и новыя его частицы и не нуждается въ постороннемъ возбудителѣ, между тѣмъ какъ при броженіи нужна посторонняя причина не только для первоначальнаго толчка, для начала броженія, но и для поддержанія движенія, т. е. нужно постоянное присутствіе дрожжей. Такова была идея Либиха. Ей былъ нанесенъ первый ударъ изслѣдованіями *Шванна* и *Гельмгольца*, которые въ сороковыхъ годахъ показали, что и гніеніе не обходится безъ живыхъ организмовъ, а вызывается бактеріями. Когда оказалось, что гніеніе возбуждается живыми существами, то сама собой пала аналогія Либиха, разсматривавшая броженіе, какъ результатъ разложенія вещества дрожжей. Очевидно, что не броженіе вызывается процессомъ разложенія, а даже разложеніе и гніеніе тѣсно связано съ жизнью. Послѣ открытій Шванна и Гельмгольца Либихъ видоизмѣнилъ свою теорію согласно новымъ даннымъ науки, оставивъ, однако, нетронутымъ свой основной взглядъ на броженіе. По мѣрѣ развитія научныхъ свѣдѣній о броженіяхъ, Либиху пришлось неоднократно видоизмѣнять свою теорію согласно съ новыми фактами—ясное доказательство ея слабости.

Въ противоположность Либиху *Пастеръ* считалъ броженіе *явленіемъ жизни* и, опираясь на богатый экспериментальный матеріалъ, основалъ такъ называемую *физіологическую* теорію броженія. Въ основѣ ея лежитъ открытый Пастеромъ фактъ. что дрожжи могутъ жить безъ кислорода. Пастеръ доказалъ это слѣдующимъ опытомъ. Колба, содержавшая растворъ сахара и незначительное количество питательныхъ веществъ для дрожжей *), подвергалась кипяченію, и такимъ образомъ изъ нея удалялся воздухъ. Затѣмъ въ нее вносилась минимальная порція дрожжей. Несмотря на отсутствіе кислорода и невозможность дыханія, онѣ продолжали жить. Замѣчательно, что при такихъ условіяхъ дрожжи разложили сахара въ 60—100 разъ больше своего вѣса, но сами размножались очень слабо. Этотъ опытъ расширилъ наше пониманіе жизненныхъ явленій, такъ какъ установилъ возможность послѣднихъ при отсутствіи кислорода и далъ толчокъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, которыя открыли безвоздушную жизнь у многихъ бактерій.

Казалось бы, изъ опыта Пастера слѣдуетъ выводъ, что жизнь безъ дыханія возможна, такъ какъ, не имѣя кислорода, дрожжевыя клѣтки не могли дышать, а все-таки жили. Но ученые неохотно разстаются съ тѣми идеями, которыя вошли въ ихъ плоть и кровь. Такъ случилось и съ вопросомъ объ анаэробной, т.-е. безвоздушной жизни дрожжей. Съ замѣчательной гибкостью ума Пастеръ пытался доказать, что и здѣсь скрывается кислородное дыханіе. Чтобы понять, на какомъ основаніи построена такая мысль, необходимо познакомиться съ сравнительными опытами Пастера объ энергіи броженія при доступѣ воздуха и безъ него. Эти опыты состояли въ слѣдующемъ **). Одинъ баллонъ A былъ наполненъ растворомъ сахара. Столько же сахарнаго раствора налито въ большій баллонъ B такъ, что она наполняла только половину его. Изъ баллона A кипяченіемъ удалялся воздухъ, а въ баллонѣ B воздухъ оставался. 20-го января въ обѣ жидкости посѣяны дрожжи (*Sacharomyces Pasterianus*), и для нихъ положено въ каждую немного питательнаго матеріала. Дальнѣйшія наблюденія показали слѣдующее:

*) Для питанія дрожжей Пастеръ прибавлялъ виннокислаго аммонія и золы, полученной черезъ обжиганіе дрожжей.

**) Pasteur, «Études sur la bière», 1876, p. 236.

Баллонъ А безъ воздуха.	Баллонъ В съ воздухомъ.
20-го января началось броженіе. Впродолженіи слѣдующихъ дней активное броженіе.	21-го января—замѣтное увеличеніе количества дрожжей.
3-го февраля броженіе продолжается, но слабѣе.	Въ слѣдующіе дни—активное броженіе.
Размноженіе дрожжей все время шло медленно.	30-го января—нѣтъ броженія.
9-го февраля очень слабое броженіе.	

Въ этихъ опытахъ бросаются въ глаза двѣ особенности. Во-первыхъ, *при доступѣ воздуха дрожжи размножались быстрѣе*, нежели безъ доступа его; во-вторыхъ, въ присутствіи воздуха сахаръ скорѣе перебродилъ (въ баллонѣ В броженіе уже окончилось 30-го января, между тѣмъ какъ въ баллонѣ А оно еще продолжалось до 7-го февраля). Казалось бы на первый взглядъ, что въ присутствіи воздуха бродильная способность дрожжей увеличивается, но въ дѣйствительности происходитъ совершенно противоположное. Въ баллонѣ В при доступѣ воздуха дрожжи скорѣе размножились, и количество ихъ было больше, нежели въ баллонѣ А. Поэтому и сахара въ присутствіи воздуха разложено было больше. Чтобы опредѣлить бродильную способность дрожжей, Пастеръ дѣлилъ вѣсъ перебродившаго сахара на вѣсъ дрожжей и при этомъ нашелъ, что каждая вѣсовая единица дрожжей изъ баллона А безъ воздуха разложила 89 частей сахара, а каждая единица дрожжей изъ баллона В съ воздухомъ разложила 76 частей сахара. Отсюда слѣдуетъ заключеніе, что *броженіе происходитъ энергичнѣе въ отсутствіи воздуха, нежели въ присутствіи его*.

Этотъ выводъ находитъ себѣ истолкованіе въ теоретическомъ взглядѣ Пастера на броженіе, какъ на замаскированное дыханіе. Когда живой клѣткѣ предоставленъ нормальный доступъ воздуха, она дышетъ, пользуясь свободнымъ кислородомъ, и бродильная ея способность мала. Но въ томъ случаѣ, когда клѣтка лишена кислорода, она, въ силу необходимости дышать, отнимаетъ его у частицъ сахара, который состоитъ изъ углерода, водорода и кислорода. При этомъ въ частицѣ сахара нарушается равновѣсіе, и она распадается на рядъ продуктовъ, главные изъ которыхъ—спиртъ и углекислота *). Жизнь безъ дыханія немыслима, и поэтому кислородъ есть для живой клѣтки conditio sine qua non—въ свободномъ ли состояніи, когда она получаетъ его изъ атмосферы, или въ связанномъ, когда онъ отщепляется отъ частицы сахара. Броженіе есть дыханіе связаннымъ кислородомъ. Причина броженія кроется *въ жизнедѣятельности* клѣтки, а не въ химическихъ процессахъ, совершающихся въ мертвомъ, разлагающемся веществѣ дрожжей, какъ представлялъ себѣ Либихъ.

Теорія Пастера казалась его современникамъ тѣмъ болѣе заманчивой, что, разсматривая броженіе, какъ дыханіе, она объясняла новый научный фактъ на основаніи стараго, прочно установленнаго въ наукѣ. Но какъ ни остроумна и заманчива эта теорія, въ ней кроется ошибка—не теоретическаго характера, не въ общихъ соображеніяхъ, а въ основномъ опытѣ, послужившимъ ея исходнымъ пунктомъ. Чтобы найти эту ошибку, нужно подробнѣе остановиться на условіяхъ упомянутаго опыта и точнѣе разсмотрѣть полученныя данныя.

Какъ указано выше, дѣятельность дрожжей въ баллонѣ В съ воздухомъ окончилась 30-го января, между тѣмъ какъ въ баллонѣ А она продолжалась

---

*) Пастеръ нашелъ, что спиртовое броженіе не есть простое распаденіе сахара на спиртъ и углекислоту, какъ думалъ Лавуазье, но что при этомъ распаденіи часть сахара (около 5%) разлагается иначе, а именно: главнымъ образомъ на глицеринъ, янтарную кислоту и углекислоту. Вообще спиртовое броженіе есть процессъ сложный.

до 7-го февраля. Обѣ порціи дрожжей разлагали сахаръ въ теченіе *неодинаковаго времени*, и поэтому результаты ихъ дѣятельности должны быть приведены къ единицѣ времени. Кромѣ того, самыя условія опытовъ Пастера внесли въ ихъ результаты такую сложность, что они совершенно *не могутъ быть сравнимы между собой*. При отсутствіи воздуха дрожжи не размножались, а при доступѣ его онѣ усиленно дѣлились и увеличивались въ своемъ количествѣ; такимъ образомъ въ баллонѣ B съ воздухомъ заключалось нѣсколько поколѣній клѣтокъ, изъ которыхъ болѣе старыя разлагали сахаръ въ теченіе бо̀льшаго времени, нежели молодыя, происшедшія позже—путемъ дѣленія старыхъ. Каждая старая клѣтка разложила больше сахара, нежели молодая, и дрожжи, которыя собралъ Пастеръ послѣ опыта, заключали въ себѣ столь разнородныя величины, что дѣленіемъ вѣса перебродившаго сахара на вѣсъ образовавшихся дрожжей, нельзя узнать истинной энергіи броженія. Для большей ясности разберемъ подробнѣе результатъ опыта съ баллономъ B. По окончаніи опыта было собрано около 2 граммовъ дрожжей, которыя разложили 150 гр. сахара. Пастеръ дѣлилъ количество сахара на вѣсъ дрожжей и получилъ 76. Но дѣля 150 на 2 и думая узнать такимъ образомъ энергію броженія, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ, что каждая вѣсовая единица дрожжей разложила одинаковое количество сахара, а этого въ дѣйствительности не было.

Такимъ образомъ дѣлается сомнительнымъ заключеніе Пастера, что броженіе происходитъ энергичнѣе безъ кислорода, нежели въ его присутствіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвергается сомнѣнію и физіологическая теорія броженія, въ основаніи которой лежитъ это заключеніе. Является мысль, что, можетъ быть, въ присутствіи кислорода броженіе происходитъ не менѣе энергично, нежели безъ него, и тогда зачѣмъ же клѣткѣ, имѣющей достаточно кислорода, еще заимствовать его у сахара? Этотъ вопросъ сильно занималъ противниковъ теоріи Пастера и, желая ниспровергнуть ее, они устремили главное вниманіе на то, чтобы разрушить ея фундаментъ, т.-е. вышеописанный опытъ. Однако въ немъ есть трудно устранимое препятствіе—размноженіе клѣтокъ, которое происходитъ въ присутствіи воздуха. Между тѣмъ это размноженіе необходимо устранить, такъ какъ иначе старыя клѣтки, которыхъ дѣятельность продолжается дольше, разложатъ больше сахара, нежели молодыя, а имѣя дѣло съ нѣсколькими поколѣніями клѣтокъ, разлагавшими сахаръ неодинаковое время, мы до того запутываемъ результатъ, что не можемъ узнать истиннаго количества сахара, которое разлагаетъ вѣсовая единица дрожжей.

Въ 1875 г. ботаникъ *Нэгели* поручилъ одному изъ своихъ учениковъ произвести тѣ же опыты при такихъ условіяхъ, что размноженіе дрожжей на воздухѣ было устранено. Извѣстно, что безъ питательнаго матеріала онѣ не размножаются, поэтому бродильная жидкость была лишена его, и количество дрожжей не увеличивалось. Клѣтки имѣли всѣ одинаковый возрастъ, дѣятельность каждой изъ нихъ продолжалась одинаковое время, и поэтому естественно ожидать, чтобы онѣ разлагали сахаръ въ одинаковой мѣрѣ. Результатъ оказался прямо противоположнымъ даннымъ Пастера, такъ какъ количество перебродившаго сахара было *больше при доступѣ воздуха*, нежели безъ доступа его. Эти опыты Нэгели, однако, также неубѣдительны, такъ какъ они происходили вообще при ненормальныхъ условіяхъ и пониженной жизнедѣятельности, благодаря отсутствію питательнаго матеріала.

Только недавно появился вполнѣ раціональный способъ избѣжать размноженія дрожжей, и достигнута возможность повторить опыты Пастера при вполнѣ точныхъ условіяхъ. Изъ наблюденій практиковъ извѣстно, что при посѣвѣ дрожжей въ жидкости, содержащей много сахара, размноженіе ихъ въ началѣ происходитъ очень быстро, затѣмъ постепенно замедляется и, наконецъ,

достигнувъ предѣльнаго количества, прежде чѣмъ весь сахаръ размножится, совершенно останавливается.

Пользуясь этимъ, англійскій ученый *Браунъ* сразу вносилъ въ сахарную жидкость *большое количество* дрожжей, предѣльную порцію, и тогда онѣ разлагали сахаръ, не размножаясь. Этотъ методъ примѣнилъ русскій ученый *Ивановскій*, который бралъ для посѣва большое количество дрожжей и нашелъ, что въ 2—3 дня ихъ количество не измѣнялось на воздухѣ. Ивановскій культивировалъ дрожжи при нормальномъ доступѣ воздуха и при усиленномъ, а также совершенно лишалъ ихъ воздуха, помѣщая дрожжи въ атмосферу чистаго азота,—и энергія броженія во всѣхъ случаяхъ оставалась одна и та же*). Такимъ образомъ опыты Пастера, повторенные Ивановскимъ при точной обстановкѣ, дали результатъ, неблагопріятный для физіологической теоріи броженія. Есть ли кислородъ, нѣтъ-ли его, дрожи все равно разлагали сахаръ въ одинаковой мѣрѣ, и поэтому невѣрна теорія, которая утверждаетъ, что дрожжи, за неимѣніемъ свободнаго кислорода, отщепляютъ его отъ частицъ сахара. Въ области броженія за Пастеромъ остается громадная заслуга открытія анаэробной жизни дрожжей, но физіологическая теорія броженія, долго занимавшая въ наукѣ твердую позицію, должна быть признана неудовлетворительной.

Если теоретическія основанія, изъ которыхъ исходилъ Пастеръ, въ высшей степени подкупаютъ своей простотой и остроуміемъ, то воззрѣнія нѣмецкаго ботаника *Нэгели*, который въ семидесятыхъ годахъ выступилъ съ своей теоріей броженія, не менѣе дѣйствуютъ на читателя широтой взглядовъ автора на сущность жизни. Въ книгѣ «Theorie der Gährung» Нэгели рисуетъ полную картину тѣхъ процессовъ, которые, по его представленію, происходятъ въ живой клѣткѣ при броженіи. Нэгели признаетъ недостаточность фактическихъ доказательствъ, на которыхъ великій французскій ученый основалъ свою теорію. Повторивъ опыты Пастера при вышеуказанныхъ условіяхъ и получивъ результаты, противоположные пастеровскимъ, Нэгели, конечно, пришелъ къ заключенію, что теорія Пастера невѣрна, и броженіе не есть дыханіе. Но если броженіе не служитъ источникомъ кислорода, то какое же значеніе оно имѣетъ въ экономіи живой клѣтки, и каковы его причины? Броженіе поддерживаетъ *жизненную энергію*, отвѣчаетъ Нэгели, а она, въ свою очередь, служитъ источникомъ броженія. Какъ извѣстно, организмы отправляютъ чрезвычайно сложный рядъ функцій и тратятъ при этомъ работу, которую должны гдѣнибудь черпать. Обыкновеннымъ ея источникомъ является дыханіе, состоящее въ горѣніи веществъ клѣтокъ и сопровождающееся выдѣленіемъ теплоты. Дыханіе, однако, есть только наиболѣе распространенный, но не единственный источникъ жизненной энергіи. Вторымъ химическимъ процессомъ, въ которомъ организмы черпаютъ энергію для отправленія жизненныхъ функцій, является броженіе. Еще въ пятидесятыхъ годахъ *Дюбрунфо* показалъ, что при броженіи сахара выдѣляется теплота, такъ что это есть процессъ, сопровождающійся освобожденіемъ энергіи. Не будучи дыханіемъ, броженіе, однако, играетъ такую-же роль въ жизни клѣтки, какъ и дыханіе, т.-е. служитъ источникомъ энергіи.

Чтобы освѣтить весь процессъ броженія, Нэгели построилъ *молекулярно-физическую* теорію. Прежде всего Нэгели задается вопросомъ, гдѣ происходитъ броженіе: внутри клѣтки или внѣ ея; иными словами, долженъ ли сахаръ для распаденія проникнуть внутрь клѣтки и войти въ непосредственное прикосновеніе съ ея протоплазмой, или же онъ разрушается, оставаясь внѣ клѣтки. Предположить послѣднее можно только тогда, если признать, что дѣйствіе про-

*) Ивановскій. «Записки Императорской Академіи Наукъ», LXXIII, кн. II. «О вліяніи кислорода на спиртовое броженіе».

топлазмы таково-же, какъ электричества или земного притяженія, т.-е. дѣйствіе протоплазмы сказывается не только при непосредственномъ прикосновеніи, но и на разстояніи, конечно, очень незначительномъ. Рядъ теоретическихъ соображеній, съ одной стороны, и нѣкоторые факты о броженіи фруктовъ, съ другой—заставляютъ Нэгели признать, что дрожжевыя клѣтки могутъ разлагать сахаръ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ себя, величину котораго Нэгели опредѣляетъ въ 0,02—0,03 миллиметра. Причина расщепленія сахара и общая картина процесса броженія вытекаютъ, какъ слѣдствіе изъ колебательныхъ движеній частицъ протоплазмы. Въ нормальныхъ условіяхъ, когда она получаетъ кислородъ, дыханіе служитъ для поддержанія колебательныхъ движеній, которыя непрерывно совершаются въ протоплазмѣ. Оболочка, отдѣляющая клѣтку отъ окружающей среды, проницаема для этихъ, колебательныхъ движеній, какъ оконныя стекла для свѣта. Поэтому сахарный растворъ испытываетъ безчисленные удары со стороны протоплазмы живыхъ клѣтокъ,—удары, обусловливающіе распаденіе частицы сахара. Правда, можно возразить, что сила ихъ очень незначительна, между тѣмъ какъ болѣе могущественные дѣятели, напримѣръ теплота и электричество, не вызываютъ броженія; однако, мысль, что малыя силы могутъ достигать бо́льшаго эффекта, чѣмъ значительныя, не должна казаться неожиданной. Частицу сахара удобно сравнить въ этомъ отношеніи съ орѣхомъ, который можетъ противостоять сильному давленію, но легко раскрывается ножомъ, введеннымъ въ шовъ между створками. Говоря образно, въ молекулѣ сахара части соединены между собой швами, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что колебанія протоплазмы дрожжей, попадая, такъ сказать, въ эти швы, легко достигаетъ бо́льшаго эффекта, нежели тепло и электричество. Иначе говоря, колебанія протоплазмы имѣютъ специфическій характеръ, представляя въ пивныхъ дрожжахъ одинъ типъ, а въ микроорганизмахъ другихъ броженій—другой. Поэтому и разложеніе сахара подъ вліяніемъ дрожжей идетъ съ выдѣленіемъ спирта и углекислоты, а подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ бактерій—съ выдѣленіемъ молочной, масляной кислотъ и другихъ продуктовъ. Разложеніе сахара, вызываемое живой клѣткой, требуетъ отъ послѣдней незначительной затраты энергіи. Взамѣнъ ея, благодаря броженію, выдѣляется свободная теплота, которая усиливаетъ жизнедѣятельность клѣтки точно такъ же, какъ это достигается нормальнымъ дыханіемъ. Освобождающаяся отъ броженія энергія служитъ для поддержанія молекулярныхъ движеній протоплазмы, а они, въ свою очередь, разлагаютъ новыя массы бродильнаго матеріала подобно тому, какъ горящіе газы въ пламени свѣчи вызываютъ высокую температуру, которая, въ свою очередь, вызываетъ новое образованіе газовъ и дальнѣйшее горѣніе.

Гипотезы преобладаютъ у Нэгели надъ фактической стороной дѣла. Одинъ, два опыта, одна, двѣ аналогіи, — и вотъ строится цѣлая теорія съ богатой основной идеей и съ непрочнымъ фактическимъ фундаментомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое эти колебательныя движенія протоплазмы, эти удары, разрушающіе частицу сахара? Извѣстенъ ли намъ ихъ характеръ, опредѣленно ли о нихъ высказывается наука? Конечно, нѣтъ. Все это, конечно, гипотезы, и Нэгели самъ говоритъ: «Я не высказываю опредѣленной теоріи, но хочу указать наиболѣе простую возможность». Это—отрицательная сторона теоріи Нэгели, но заслугой ея остается та сила, съ которой она выдвинула энергетику процесса и объяснила значеніе броженія, какъ источника энергіи.

Вслѣдъ за работами Пастера, открывшаго возможность жизни въ отсутствіи воздуха, стали появляться изслѣдованія, которыя расширили наши представленія объ анаэробной жизни. Въ настоящее время мы знаемъ, что организованный міръ обнаруживаетъ большое разнообразіе въ своемъ отношеніи къ воздуху. Правда, для животныхъ дыханіе есть необходимое условіе жизни, но уже

высшія растенія могутъ просуществовать даже нѣсколько дней безъ воздуха и, будучи затѣмъ перенесены въ обыкновенную атмосферу, продолжаютъ нормально развиваться. Какъ уже было указано, при этомъ вещество растеній разлагается съ образованіемъ спирта и углекислоты, т.-е. подвергается броженію, которое доставляетъ имъ запасъ энергіи вмѣсто утраченнаго дыханія. Слѣдующую ступень въ своемъ отношеніи къ кислороду занимаютъ микроорганизмы нѣкоторыхъ окислительныхъ броженій. Уже упомянутыя *сѣрныя бактеріи* принадлежатъ къ такъ называемымъ *облигатнымъ* (обязательнымъ) *аэробамъ*, т.-е. постоянно нуждаются въ кислородѣ, но замѣчательно, что его количество должно быть очень незначительно, большее содержаніе кислорода дѣйствуетъ на нихъ вредно. Въ этомъ примѣрѣ мы знакомимся съ необычнымъ для насъ явленіемъ: клѣтка дышетъ, сжигая не свое вещество, какъ животныя или высшія растенія, а постороннее, находящееся внѣ ея, такъ какъ сѣроводородъ ядовитъ для живыхъ существъ, и никакъ нельзя предположить, чтобы онъ соединялся съ самымъ веществомъ клѣтки. Такой же примѣръ дыханія постороннимъ веществомъ доставляютъ микроорганизмы, которые окисляютъ амміакъ въ азотистую кислоту, а послѣднюю въ азотную. Отъ этихъ примѣровъ переходимъ къ такъ называемымъ *временнымъ анаэробамъ*, которые могутъ просуществовать довольно долго безъ воздуха. Сюда относятся дрожжи, которыхъ нормальное развитіе можетъ продолжаться въ теченіе не менѣе тридцати поколѣній клѣтокъ при полномъ отсутствіи свободнаго кислорода. Хотя жизненная энергія въ достаточной мѣрѣ заимствуется дрожжами изъ процесса броженія, но больше опредѣленнаго числа поколѣній дрожжи не могутъ просуществовать безъ воздуха и послѣ долгой исключительно бродильной дѣятельности, имъ необходимо перейти къ кислородному дыханію. Кромѣ дрожжей, къ временнымъ анаэробамъ относятся еще и нѣкоторыя бактеріи маслянокислаго и молочнокислаго броженій. Рядъ организмовъ, способныхъ существовать безъ кислорода болѣе или менѣе долго, но не постоянно, заключаютъ организмы, которые не только не нуждаются въ кислородѣ, но для которыхъ онъ даже губителенъ: это *постоянные* или такъ называемые *облигатные* (обязательные) *анаэробы*. Сюда относятся нѣкоторыя бактеріи маслянаго броженія, какъ, напримѣръ, *Granulobacter butyricum* и *Granulobacter sacharobutyricum*, для которыхъ единственно возможнымъ источникомъ жизненной энергіи служитъ броженіе.

Такъ исключительно кислородная жизнь, основанная на дыханіи, связана рядомъ переходовъ съ исключительно безкислородной. Броженіе и дыханіе — химическіе процессы, освобождающіе тепло и играющіе роль источниковъ, изъ которыхъ живая клѣтка черпаетъ энергію для жизненныхъ отправленій.

III.

Въ то время, какъ воззрѣнія Пастера были едва ли не самыми популярными въ наукѣ, а Либихъ старался спасти свою теорію, доказывая, что она не противорѣчатъ открытіямъ Пастера, въ сторонѣ отъ этихъ теченій создавалась новая теорія. Еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ *Траубе* высказалъ мысль, что дрожжевыя клѣтки вырабатываютъ особенное химическое вещество, такъ называемый *ферментъ*, которое обусловливаетъ распаденіе сахара. Эта мысль была развита *Гоппе-Зейлеромъ* въ такъ называемую *ферментную теорію броженія*. Каковы же ея фактическія основанія? Извѣстно, что человѣкъ и животныя выдѣляютъ въ своихъ пищеварительныхъ органахъ химическія вещества—*ферменты*, которые переваривають поступающую пищу. Такъ, напримѣръ, *діастазъ*, заключающійся въ слюнѣ и сокѣ поджелудочной железы, переваривает крахмалистыя вещества, превращая ихъ въ сахаръ; *пепсинъ*,

содержащійся въ желудкѣ, перевариваетъ нерастворимые бѣлки, обращая ихъ въ растворимые пептоны. Необходимость и важность этихъ веществъ въ экономіи человѣка и животныхъ понятны, такъ какъ крахмалъ и бѣлки нерастворимы, не могутъ всасываться тканями организма и должны предварительно быть обращены въ растворимое состояніе — сахаръ или пептоны. Если эти факты пользуются широкой популярностью, то далеко нельзя сказать того же о растительныхъ ферментахъ, хотя въ царствѣ растеній они распространены не менѣе, нежели въ царствѣ животныхъ и играютъ не менѣе важную роль. Въ 1833 году французскіе ученые *Пайенъ* и *Персо* открыли первый ферментъ растительнаго происхожденія. Приготовивъ водный настой изъ солода, т.-е. проросшихъ зеренъ ячменя и осадивъ этотъ настой спиртомъ, упомянутые изслѣдователи получили въ осадкѣ химическое вещество, водный растворъ котораго, будучи прилитъ къ крахмалу, переводитъ его въ сахаръ. Полученному веществу было дано названіе *діастаза*. Такимъ образомъ была открыта область ферментовъ, дальнѣйшее расширеніе которой продолжалось очень медленно, вплоть до восьмидесятыхъ годовъ. Еще въ 1877 году Дюкло могъ на нѣсколькихъ страницахъ въ «Dictionnaire des sciences médicales» дать очеркъ всѣхъ свѣдѣній о ферментахъ, какимъ обладала въ то время физіологія, а черезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ эта область до того разрослась, что потребовала отъ Дюкло увѣсистаго тома свыше 700 страницъ *). Въ особенности быстро прогрессировалъ отдѣлъ растительныхъ ферментовъ. Въ растеніяхъ были найдены ферменты, превращающіе крахмалъ въ сахаръ, одни сахары въ другіе, створаживающіе казеинъ, превращающіе бѣлки въ пептоны. Какъ извѣстно, сѣмена растеній заключаютъ въ себѣ запасы углеводовъ, по большей части крахмала, и бѣлковъ, которыми зародышъ растенія пользуется, когда онъ начинаетъ проростать и еще самъ не въ состояніи выработать себѣ питательнаго матеріала. Но запасные углеводы и бѣлки, благодаря своей нерастворимости, не могутъ передвигаться по тканямъ, и растеніе должно предварительно справиться съ этой трудностью. Нерастворимые углеводы при этомъ превращаются въ сахаръ, который растворимъ въ водѣ и въ видѣ котораго они могутъ передвигаться по растительнымъ тканямъ. Задачу превращенія крахмала въ сахаръ выполняетъ ферментъ діастазъ, который, согласно изслѣдованіямъ *Баранецкаго*, произведеннымъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, очень распространенъ въ растительномъ царствѣ. Въ особенности діастазъ образуется во время проростанія крахмалистыхъ сѣмянъ. *Браунъ* и *Моррисъ* констатировали его присутствіе въ листьяхъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, образуется крахмалъ. Въ растеніяхъ изъ семейства сложноцвѣтныхъ: георгинахъ, земляной грушѣ мѣсто крахмала занимаетъ другой углеводъ—инулинъ; въ соотвѣтствіи съ этимъ у нихъ найденъ и ферментъ-*инуляза*, превращающій инулинъ въ сахаръ. Изъ дрожжей Бертло извлекъ ферментъ-*инвертинъ*, который превращаетъ тростниковый сахаръ въ виноградный. Въ сладкихъ миндаляхъ находится *эмульсинъ*, который выдѣляетъ виноградный сахаръ изъ сложнаго химическаго соединенія, относящагося къ такъ называемымъ глюкозидамъ.

И для *бѣлковъ* растенія обладаютъ ферментомъ - *пепсиномъ*, который переводитъ ихъ въ растворимое состояніе. Въ семидесятыхъ годахъ *Дарвинъ* доказалъ присутствіе пепсина у извѣстнаго растенія—*Мухоловки (Drosera rotundifolia)*, которое переваривастъ мухъ. Въ кувшинчикахъ интереснаго растенія *Nepenthes* также найденъ пепсинъ. Послѣдній открытъ и у высшихъ грибовъ, а также въ прорастающихъ сѣменахъ мака, свекловицы, ячменя, кукурузы и пшеницы. Когда эти сѣмена послѣ періода покоя начинаютъ проро-

---

*) E. Duclaux. «Traité de Microbiologie». Tome II. Préface.

стать, то пепсинъ переводитъ нерастворимые запасные бѣлки въ растворимые пептоны, которые могутъ передвигаться по тканямъ растенія.

Все сказанное свидѣтельствуетъ о томъ, что живая клѣтка способна вырабатывать химическія вещества — *ферменты*, которые могутъ превращать одни химическія соединенія въ другія. Эти вещества, точное опредѣленіе состава которыхъ сопряжено съ большими трудностями, обладаютъ нѣкоторыми общими свойствами: растворимостью въ водѣ, осаждаемостью спиртомъ, сравнительно невысокая температура дѣйствуетъ на нихъ разрушающимъ образомъ и т. д. Приведенные выше примѣры указываютъ, что способностью выдѣлять ферменты клѣтка пользуется для того, чтобы превратить вещества, негодныя для питанія. Процессъ броженія, какъ было указано, не есть процессъ пищеварительный, такъ какъ результатомъ его не является питаніе дрожжей. Поэтому нужно было особенное научное чутье, чтобы при немногочисленныхъ знаніяхъ о ферментахъ, которыя имѣла наука во времена Траубе, высказать предположеніе объ участіи ферментовъ въ спиртовомъ броженіи. Теперь, когда мы понимаемъ важность броженія, какъ процесса, доставляющаго энергію, для насъ ясно, какое великое открытіе предвидѣлъ Траубе. Вѣдь, если броженіе вызывается ферментомъ, то, очевидно, клѣтка пользуется ими не только для того, чтобы вырабатывать для себя питательныя вещества, но и для того, чтобы добывать энергію. Гипотеза Траубе, развитая Гоппе-Зейлеромъ, нашла приверженцевъ въ лицѣ *Бертло* и *Клодъ-Бернара*, но честь фактическаго подтвержденія ея принадлежитъ *Бухнеру*, который около двухъ лѣтъ тому назадъ открылъ *ферментъ спиртоваго броженія*. Въ трудности тѣхъ методовъ, которыми пришлось пользоваться Бухнеру, кроется объясненіе, почему такъ запоздало открытіе фермента, существованіе котораго было предсказано сорокъ лѣтъ тому назадъ. Дѣйствительно, ни одинъ изъ до сихъ поръ извѣстныхъ ферментовъ не извлекается съ такимъ трудомъ. Даже повтореніе опытовъ Бухнера представляетъ очень трудную задачу, которая не всегда увѣнчивается успѣхомъ. Нѣкоторые ученые пытались повторить его опыты, но не всѣмъ они удались, и въ спеціальной литературѣ появились возраженія, основанныя на неудачѣ эксперимента. Тѣмъ не менѣе открытіе Бухнера большинствомъ ученыхъ считается въ настоящее время прочно установленнымъ.

Методъ, который примѣнилъ Бухнеръ, заключалась въ слѣдующемъ *). Обезвоженныя дрожжи долго растирались вмѣстѣ съ пескомъ, пока онѣ получили видъ влажнаго тѣста. Изъ послѣдняго давленіемъ въ пятьсотъ атмосферъ въ продолженіи четырехъ часовъ былъ выжатъ сокъ. Послѣ такой обработки, когда оболочки дрожжевыхъ клѣтокъ были разорваны отъ долгаго тренія съ пескомъ, а вся масса истерта, раздавлена и профильтрована подъ высокимъ давленіемъ, въ сокъ успѣло проскользнуть такое ничтожное количество дрожжевыхъ клѣтокъ, которое не могло оказать замѣтнаго вліянія на результаты. Чтобы освободить полученный сокъ отъ микроорганизмовъ, вызывающихъ броженіе, а результаты своихъ опытовъ отъ всякаго упрека, Бухнеръ стерилизовалъ сокъ фильтрованіемъ черезъ такъ называемую свѣчу Шамберлана **). Когда этотъ сокъ, свободный отъ дрожжевыхъ клѣтокъ и микроорганизмовъ прибавлялся къ раствору сахара, то оказалось, что послѣдній начиналъ бродить съ выдѣленіемъ спирта и углекислоты. Повторяемъ: сокъ не заключалъ въ себѣ ни дрожжевыхъ клѣтокъ, ни бактерій, словомъ, не содер-

*) «Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft». XXX. 1897, pp. 117—124, 2668—2678.

**) Свѣча Шамберлана представляетъ фарфоровый цилиндръ съ узкой внутренней полостью. Для стерилизаціи жидкость фильтрируютъ подъ сильнымъ давленіемъ черезъ предварительно стерилизованную свѣчу Шамберлана, гдѣ микроорганизмы задерживаются вполнѣ.

жалъ *живыхъ* организмовъ, которые могли бы вызвать броженіе, и однако онъ его вызывалъ.

Какъ діастазъ и пепсинъ производятъ превращеніе углеводовъ и бѣлковъ, такъ и ферментъ, заключенный въ сокѣ дрожжей, вызываетъ распаденіе сахара. Ферментъ этотъ, названный *цимазой*, въ отличіе отъ другихъ, очень неустойчивъ, легко разрушается при стояніи на воздухѣ и чрезвычайно чувствителенъ къ повышенію температуры (при 22° уже прекращается дѣйствіе сока). Такъ какъ изучалось дѣйствіе сока, содержащаго цимазу, а не цимазы въ чистомъ видѣ*), то и разложеніе сахара, вызываемое дѣйствіемъ этого сока, нѣсколько отличается отъ типическаго спиртоваго броженія, такъ какъ при ея дѣйствіи сахаръ распадается только на спиртъ и углекислоту безъ образованія побочныхъ продуктовъ: глицерина, янтарной кислоты и др. Но это все недочеты первыхъ шаговъ. Послѣ открытія Бухнера можно предвидѣть и открытія ферментовъ другихъ броженій. Не ожидая того отдаленнаго времени, когда будутъ найдены ферменты всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большей части броженій, можно предвидѣть, что и плѣсени, и самыя разнообразныя бактеріи, наконецъ, высшія растенія окажутся способными выдѣлять ферменты броженій, и для всей этой обширной области, разнообразной по характеру химическихъ реакцій, можно и теперь считать установленнымъ принципъ: *гдѣ есть броженіе, есть ферментъ.*

Если припомнить, что броженіе есть источникъ жизненной энергіи, то открытіе фермента броженія представнетъ предъ нами въ новомъ свѣтѣ. Живая клѣтка вырабатываетъ ферменты не только для пищеваренія, но и для добыванія энергіи. А вѣдь изъ всѣхъ химическихъ превращеній, производимыхъ живой клѣткой, одни назначены для построенія ея тѣла—питанія, другія—для добыванія энергіи. Поэтому вдумчивое отношеніе къ открытію Бухнера не можетъ не привести насъ къ вопросу: не обусловливаются ли ферментами всѣ химическіе процессы, производимые живой клѣткой? На такое обобщеніе скептикъ въ въ правѣ отвѣтить: предположите даже, что всѣ процессы броженія обусловливаются ферментами, но вѣдь, остается еще другой, гораздо болѣе обширный источникъ жизненой энергіи—дыханіе, а развѣ этотъ процессъ не связанъ нераздѣльно съ живымъ существомъ и жизнедѣятельностью, развѣ можно его свести къ такой силѣ, которая могла бы функціонировать внѣ клѣтки и живого организма? Предоставимъ отвѣтъ компетентному судьѣ Дюкло. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ—говоритъ Дюкло,—наука была виталистической, и она отвѣчала *да* на первый вопросъ. Теперь она должна измѣнить свое мнѣніе: она отвѣчаетъ, *нѣтъ* на первый вопросъ и *да* на второй **)». Дѣйствительно, за послѣднее десятилѣтіе въ области дыханія сдѣлано много оригинальнаго, такъ что въ настоящее время дана возможность воспроизвести нѣкоторые процессы, напоминающіе дыханіе, *внѣ* живой клѣтки съ помощью тѣхъ же средствъ, какія примѣняетъ она.

Какъ извѣстно, дыханіе состоитъ въ окисленіи, сгораніи вещества живой клѣтки: она усваиваетъ кислородъ и выдѣляетъ углекислоту. Въ силу какой-то изумительной дѣятельности, въ клѣткѣ при невысокой температурѣ непрерывно совершается процессъ горѣнія веществъ, которыя внѣ клѣтки сгораютъ только при высокой температурѣ. Механизмъ этого процесса до послѣдняго времени оставался неяснымъ, несмотря на то, что глава о дыханія является кардинальной въ физіологіи, и несмотря на то, что наука собрала много

---

*) Въ настоящее время Бухнеръ утверждаетъ, что имъ получена цимаза въ чистомъ видѣ—въ формѣ бѣлаго порошка, нерастворимаго въ водѣ, но растворимаго въ спиртѣ и эфирѣ. *Ред.*

**) Duclaux. Ibidem p. 566.

матеріала о зависимости дыханія отъ различныхъ условій. Эта область открываетъ широкое поле для различныхъ толкованій, въ томъ числѣ и для чисто-виталистическихъ взглядовъ. Только недавно французскіе ученые *Жаке* и *Бертранъ* сдѣлали первые удачные шаги къ объясненію причины дыханія на основаніи чисто-химическимъ законовъ. Первый лѣтъ восемь тому назадъ извлекъ изъ различныхъ органовъ животныхъ—легкихъ, почекъ, мускуловъ—химическое вещество, которое и внѣ клѣтки способно вызывать окисленіе. По предположенію *Жаке*, это вещество именно и является причиной дыханія въ тканяхъ тѣла, играя роль переносителя кислорода воздуха, точно также какъ красные кровяные шарики. Однако, Жаке не доказалъ точными опытами, что его вещество, дѣйствительно, заимствуетъ кислородъ у воздуха, и, передавая его тканямъ, окисляетъ ихъ. Присутствіе настоящихъ переносителей кислорода было доказано въ растительной клѣткѣ химикомъ *Бертраномъ*, который изучилъ ихъ химическій характеръ, показалъ, что они принадлежатъ къ ферментамъ и такимъ образомъ открылъ отдѣлъ *окисляющихъ* ферментовъ, которые онъ назвалъ *оксидазами* *).

Интересно нѣсколько остановиться на прекрасныхъ изслѣдованіяхъ Бертрана, произведенныхъ надъ сокомъ японскаго растенія *Rhus succedanca*. Получаемый изъ надрѣзовъ коры, онъ представляетъ лакъ, которымъ покрываютъ японскія издѣлія. Только что извлеченный сокъ походитъ на густыя сливки и долго сохраняется въ хорошо закупоренныхъ сосудахъ, но на воздухѣ покрывается густой, черной пленкой, которая устойчива противъ дѣйствія растворителей. Этотъ лакъ Бертранъ разложилъ на два вещества: *лакколь* и *лакказу* и показалъ, что почернѣніе сока и образованіе пленки зависитъ отъ окисленія лакколя. Для того, чтобы окисленіе лакколя произошло, необходимо два условія: присутствіе лакказы и доступъ воздуха. Оставленный безъ лакказы, лакколь не чернѣетъ, а также не чернѣетъ смѣсь лакколя и лакказы безъ доступа воздуха. Точными опытами Бертранъ показалъ, что лакколь является веществомъ, которое переноситъ кислородъ воздуха на лакказу. Чтобы изучить химическій процессъ, происходящій при этомъ, Бертранъ прибавлялъ лакказу къ хорошо изученнымъ химическимъ соединеніямъ: гидрохинону и пирогалловой кислотѣ. Оказалось, что лакколь въ присутствіи воздуха окисляетъ ихъ, а въ пирогалловой кислотѣ вызываетъ процессъ, напоминающій дыханіе: пирогалловая кислота усваиваетъ кислородъ и выдѣляетъ углекислоту. Такимъ образомъ актъ, напоминающій дыханіе, былъ воспроизведенъ внѣ живой клѣтки надъ неорганизованнымъ веществомъ съ помощью лакказы, которая, какъ показалъ Бертранъ, обладаетъ свойствами ферментовъ. Дальнѣйшія изслѣдованія Бертрана и другихъ авторовъ обнаружили присутствіе такихъ окисляющихъ ферментовъ въ яблокахъ, грибахъ, виноградномъ сокѣ, оливковомъ маслѣ, хлѣбѣ и другихъ веществахъ растительнаго происхожденія. Правда, этими изслѣдованіями воспроизведены внѣ живой клѣтки только нѣкоторые второстепенные окислительные процессы, вызываемые ею, и еще не доказано присутствіе фермента самаго дыханія, однако уже доказательство существованія оксидазъ является большимъ пріобрѣтеніемъ. Въ настоящее время дыханіе — этотъ обширный

*) Въ послѣднее время обращено большое вниманіе на роль золы, т.-е. неорганическаго въ дѣятельности оксидазовъ. Новѣйшія изслѣдованія, произведенныя въ этомъ направленіи, наводятъ на мысль, что, быть можетъ, дѣйствіе оксидазовъ обусловливается присутствіемъ въ нихъ сравнительно простыхъ химическихъ соединеній и относятся къ тому разряду явленій, которыя въ химіи носятъ названіе *каталитическихъ* или *контактныхъ*. Извѣстно, что есть цѣлый рядъ неорганическихъ соединеній, которыя вызываютъ очень значительныя (теоретически неопредѣленно большія) химическія превращенія, сами не измѣняясь въ своемъ составѣ, дѣйствуя только прикосновеніемъ, констактомъ. *Авт.*

источникъ жизненной энергіи, эта кардинальная функція живого организма, безъ которой, какъ утверждала старая физіологія, нѣтъ жизни, — дыханіе начинаетъ связываться въ нашемъ умѣ съ окислительными ферментами.

Подведемъ итоги.

Понятіе броженія охватываетъ разнообразный кругъ химическихъ превращеній, въ которыхъ живая клѣтка черпаетъ запасъ энергіи. Открытіе цимазы показываетъ, что живая клѣтка приводитъ въ дѣйствіе этотъ источникъ энергіи посредствомъ особаго химическаго агента, а не посредствомъ своего живого тѣла. Другой болѣе обширный источникъ жизненной энергіи — дыханіе наука также начинаетъ связывать съ ферментами-оксидазами. Если фактически столько въ немногихъ случаяхъ доказано существованіе ферментовъ, доставляющихъ живой клѣткѣ энергію, то принципіально ихъ присутствіе выяснено. А такъ какъ изъ всѣхъ химическихъ превращеній, производимыхъ живой клѣткой, одни имѣютъ цѣлью ея питаніе, другія доставленіе энергіи, то и мысль о связи всей вообще химической дѣятельности живой клѣтки съ ферментами должна казаться весьма вѣроятной. Фактическое установленіе этой связи является въ настоящее время одной изъ ближайшихъ и важнѣйшихъ задачъ физіологіи, и здѣсь открывается для изслѣдователя цѣлый міръ. Мы въ правѣ ожидать, что сложный круговоротъ бѣлковъ въ живомъ организмѣ получитъ химическое объясненіе при помощи ферментовъ. Не будетъ неожиданностью, если извѣстный процессъ разложенія углекислоты воздуха въ хлорофилльныхъ зернахъ зеленыхъ растеній также окажется связаннымъ съ ферментами. Возможность такъ обобщить ихъ значеніе есть одно изъ замѣчательныхъ завоеваній того научнаго теченія, которое еще въ тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка началось извѣстнымъ синтезомъ Вёлера. Этотъ синтезъ, научившій химію приготовлять органическое азотистое соединеніе (мочевину) изъ неорганическихъ веществъ, нанесъ ударъ господствовавшимъ въ наукѣ до сороковыхъ годовъ воззрѣніямъ Берцеліуса, который приписывалъ образованіе органическихъ веществъ въ живыхъ организмахъ неопредѣленной жизненной силѣ. Стремленіе объяснить всѣ непонятныя химическія превращенія, производимыя живымъ организмомъ, какъ результатъ непосредственной, неразложимой дѣятельности живого тѣла клѣтки, однако, осталось въ наукѣ. Броженіе и дыханіе, благодаря своей запутанности долго допускало возможность такого воззрѣнія, пока успѣхи фактическихъ знаній не показали, что оно лишено научнаго основанія.

Но мысль не останавливается на заключеніи о всеобщей роли ферментовъ въ химической жизни клѣтки и невольно идетъ дальше. Мы предвидимъ вопросъ читателя: ну, а ферменты? Какія силы вырабатываютъ ихъ, какая дѣятельность создаетъ эти вещества, превращающія крахмалъ въ сахаръ, бѣлки въ пептоны, разлагающія сахаръ на спиртъ и углекислоту, окисляющія органическія соединенія? Прибавимъ, какая удивительно-цѣлесообразная дѣятельность, выдѣляющая въ каждомъ частномъ случаѣ именно тотъ ферментъ, который необходимъ живой клѣткѣ? Вотъ одинъ изъ самыхъ основныхъ вопросовъ біологіи, отвѣтъ на который тѣсно связанъ съ вопросомъ о сущности самой жизни и о самозарожденіи. Но, разумѣется, на эти вопросы, съ давнихъ поръ служившіе ареной для принципіальныхъ споровъ, глубокомысленныхъ соображеній и остроумныхъ гипотезъ, въ настоящее время невозможно дать опредѣленнаго отвѣта.

Б. Клейнъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Астрономія.—Физическая географія.

О законѣ температуры Ritter-See'я и сравнительномъ возрастѣ небесныхъ тѣлъ. Законъ этотъ былъ сначала найденъ Ritter'омъ; но когда See нашелъ его независимо и обратилъ на него вниманіе ученыхъ, почти никто не былъ еще знакомъ съ выводами Ritter'а.

Законъ Ritter-See'я относится къ газообразнымъ тѣламъ, но такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что безчисленное множество небесныхъ тѣлъ находится именно въ газообразномъ состояніи, то онъ позволяетъ судить о сравнительной температурѣ небесныхъ тѣлъ и ихъ сравнительномъ возрастѣ.

Формулируется онъ слѣдующимъ образомъ:

Температура небеснаго тѣла въ газообразномъ состояніи обратно пропорціональна его радіусу.

Не вдаваясь въ математическій выводъ закона *), посмотримъ, что онъ намъ говоритъ; но раньше напомнимъ вкратцѣ, какъ возникли небесныя тѣла.

По гипотезѣ Кантъ-Лапласа, которая изъ всѣхъ космогоническихъ гипотезъ пріобрѣла наибольшую извѣстность, хотя въ настоящее время уже оставлена многими, все пространство, занимаемое теперь солнечной системой, было первоначально выполнено туманностью *весьма высокой* температуры. Въ составъ ея входили въ разрѣженномъ состояніи всѣ элементы, находящіеся въ солнечной системѣ. Въ силу всемірнаго тяготѣнія образовалось центральное тѣло—солнце, окруженное раскаленной атмосферой, вращающееся сначала медленно, потомъ все скорѣе, по мѣрѣ сжатія, вслѣдствіе лучеиспусканія въ окружающее пространство. Когда наступалъ моментъ, въ который центробѣжная сила равнялась притягательной силѣ, исходящей изъ центра, тогда отдѣлялось кольцо матеріи, вращающееся вокругъ солнца. Кольцо превращалось въ одну планету или кольцо планетъ, смотря по тому, была ли масса кольца однородна или нѣтъ. Такимъ образомъ возстаставали постепенно планеты, и такимъ же точно путемъ отдѣлялись отъ планетъ ихъ спутники.

Гипотеза Кантъ-Лапласа приписываетъ планетамъ въ моментъ ихъ образованія высокую температуру; только потомъ планеты мало-по-малу охлаждались. По этой гипотезѣ и наше солнце переживаетъ процессъ охлажденія.

Совершенно обратную картину даетъ законъ See'я. Чѣмъ больше радіусъ небеснаго газообразнаго тѣла, тѣмъ температура ниже, а максимума она достигаетъ тогда, когда радіусъ доходитъ до минимума.

Принимая, также какъ и канто-лапласовская теорія, что разсѣянная туманность представляетъ начальную стадію въ развитіи небесныхъ тѣлъ, See приписываетъ ей не самую высокую температуру, а, наоборотъ, весьма низкую.

---

*) См. статью See'я, напечатанную въ «Transactions of the Academy of St. Louis». February 1900.

Только въ силу взаимнаго притяженія частицъ увеличивалось давленіе и возрастала температура. Опытомъ, конечно, нельзя провѣрить условія образованія небесныхъ тѣлъ, такъ какъ на землѣ въ нашемъ распоряженіи сравнительно малыя давленія и относительно низкія температуры; но, во всякомъ случаѣ, извѣстно, что при большомъ давленіи всѣ тѣла стремятся къ жидкому, а при высокой температурѣ—къ жидкому или газообразному состоянію. Многія данныя заставляютъ ученыхъ думать, что наше солнце находится въ газообразномъ состояніи.

Если принять температуру солнечной фотосферы, при теперешнемъ радіусѣ солнца, равной 8000° С, то, по вычисленію See'я, въ то время, когда солнечная туманность простиралась до орбиты Нептуна, ея температура равнялась 1° С. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, температура, при которой образовался Нептунъ.

Изъ слѣдующей таблицы видно, какъ, вообще, по мнѣнію See'я, низка была температура планетъ въ моменты ихъ образованія:

тѣло	темпер.	масса	(при массѣ	солнца=1).	
Меркурій	92°	$\frac{1}{7.636.440}$	»	»	»
Венера	53°	$\frac{1}{401.847}$	»	»	»
Земля	40°	$\frac{1}{330.000}$	»	»	»
Марсъ	24°	$\frac{1}{3,093.500}$	»	»	»
Юпитеръ	7°	$\frac{1}{1.047}$	»	»	»
Сатурнъ	4°	$\frac{1}{3.502}$	»	»	»
Уранъ	2°	$\frac{1}{22.800}$	»	»	»
Нептунъ	1°	$\frac{1}{19.400}$	»	»	»

Каждая изъ планетъ, сжимаясь, достигала высшей температуры, пока, наконецъ, радіусъ ея не доходилъ до такого предѣла, дальше котораго сжатіе было невозможно. Тогда начиналось охлажденіе и отвердѣваніе. Понятно, что чѣмъ меньше масса планеты, тѣмъ скорѣе совершалось охлажденіе. Земля, Марсъ, Венера, Меркурій уже сгущены, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ, вѣроятно, еще газообразны.

Конечно, энергія, развитая сжатіемъ планетъ, движеніемъ планетъ вокругъ солнца и своихъ осей, очень незначительна въ сравненіи съ энергіей, доставленной сжатіемъ самаго солнца. Если предположить, что солнце однородная масса, то, сгустившись до настоящихъ предѣловъ, оно развило такое количество теплоты, которое достаточно, чтобы нагрѣть соотвѣтствующую массу воды до 27.000.000° С.; при этомъ сжатіе первоначальной туманности до орбиты Нептуна доставило столько теплоты, что она нагрѣла бы соотвѣтствующее количество только до 4.000° С., такъ что почти вся энергія солнечной туманности развилась уже съ тѣхъ поръ, какъ туманность эта сгустилась отъ орбиты Нептуна до настоящихъ размѣровъ. Результаты эти составляютъ, конечно, только приближеніе, такъ какъ солнце не однородная масса.

Такимъ образомъ температура небесныхъ тѣлъ говоритъ о ихъ возрастѣ. Вообще, въ этомъ отношеніи, можно различать четыре класса небесныхъ тѣлъ, смотря по спектру, который они даютъ.

I классъ—звѣзды типа Сиріуса.
II » » » солнца.
III » » оранжевыя.
IV » разсѣянныя туманности.

Звѣзды *перваго* класса, какъ показываютъ наблюденія надъ характеромъ свѣта, испускаемаго, напр., Сиріусомъ, имѣютъ наивысшую температуру. Онѣ сжаты до послѣднихъ границъ. Лучеиспусканіе ихъ громадно въ сравненіи съ лучеиспусканіемъ солнца. Свѣтятъ онѣ голубоватымъ свѣтомъ. Спектръ ихъ показываетъ, что ядро окружено атмосферой паровъ водорода. Болѣе тяжелые элементы находятся ближе къ центру, и ихъ линіи въ спектрѣ или очень слабы, или совсѣмъ отсутствуютъ. Замѣчательно, что млечный путь, вѣроятно, самая древняя часть видимаго міра, состоитъ преимущественно изъ звѣздъ этого типа.

Звѣзды *второго* класса, свѣтящіяся желтоватымъ свѣтомъ, подобныя нашему солнцу, еще не достигли максимума температуры. Спектръ солнца указываетъ, что пары водорода и гелія смѣшаны съ тяжелыми парами желѣза. Если же предположить, что солнце прошло уже черезъ температуру Сиріуса, и что его температура теперь падаетъ, то его атмосфера должна бы состоять изъ паровъ водорода.

Степень развитія звѣздъ *третьяго* класса еще болѣе низка, какъ показываетъ непрерывность линій ихъ спектра. Оранжевыя звѣзды наиболѣе многочисленны въ тѣхъ частяхъ неба, которыя, вообще, бѣдны звѣздами; въ числѣ ихъ много перемѣнныхъ звѣздъ.

Разрѣженныя туманности имѣютъ низкую температуру, близкую къ температурѣ пространства (—273° С.). Свѣтъ ихъ, можетъ быть, происходитъ отъ электрическихъ явленій, но, вѣроятно, многія изъ нихъ темны.

Вообще, можно предполагать, что небесное пространство наполнено темнымъ или слабо свѣтящимся веществомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это вещество поглощаетъ свѣтъ, исходящій изъ отдаленныхъ частей вселенной, такъ что глубина небеснаго пространства, до которой могутъ достигнуть телескопы, имѣетъ предѣлъ.

Но такъ какъ видимый міръ представляетъ еще довольно обширное поле изслѣдованій, то изученіе тѣхъ частей вселенной, въ которой ни глазъ, ни фотографическая пластинка ничего теперь не открываютъ, можно оставить на будущее время, когда человѣкъ до такой степени покоритъ темноту, что будетъ въ состояніи читать ясно даже сквозь нее.

Магнитный островъ. Островъ *Борнгольмъ* лежитъ въ Балтійскомъ морѣ и принадлежитъ Даніи. Встрѣчающійся на островѣ гранитъ содержитъ, въ качествѣ незначительной составной части, маленькія желѣзосодержащія зерна. Небольшой кусокъ этого гранита, величиною въ булыжникъ, который идетъ на мощеніе дорогъ, отклоняетъ находящуюся на незначительномъ отъ него разстояніи магнитную иглу на одинъ градусъ. Уже изъ этого факта ясно, что островъ Борнгольмъ долженъ значительно нарушить направленіе магнитной стрѣлки въ компасахъ проходящихъ мимо острова кораблей. Вліяетъ онъ, какъ показываютъ наблюденія директора датскаго метеорологическаго института, какъ южный магнитный полюсъ, такъ что сѣверный полюсъ магнитной стрѣлки отклоняется на нѣсколько градусовъ къ острову. Прежде думали, что вліяніе Борнгольма на магнитную стрѣлку простирается на 15 километровъ, но недавнія, весьма точныя измѣренія, произведенныя капитаномъ Гаммеромъ, по порученію датскаго архива морскихъ картъ, показываютъ, что вліяніе это идетъ на много миль дальше. Фактъ этотъ, конечно, имѣетъ громадное значеніе для кораблей, плывущихъ по близости Борнгольма, въ особенности же если островъ этотъ окутанъ туманомъ или облаками. Моряки изъ Борнгольма давно уже замѣчали, что въ этихъ мѣстахъ что-то не въ порядкѣ, но думали, что островъ не вѣрно отмѣченъ въ морскихъ картахъ—и только точныя изслѣдованія обнаружили отклоненіе магнитной стрѣлки.

Если мы представимъ себѣ, что магнитная стрѣлка находится исключительно подъ вліяніемъ притягательной силы острова, то на западномъ, сѣверо-восточномъ и восточномъ берегу оно приметъ направленіе, перпендикулярное къ берегу. Покинемъ берегъ и отправимся къ центру острова; силы, дѣйствовавшія въ горизонтальномъ направленіи, становятся все слабѣе, такъ какъ теперь онѣ дѣйствуютъ по всевозможнымъ направленіямъ и стараются въ своемъ противоположномъ дѣйствіи взаимно уничтожить другъ друга. Напротивъ, перпендикулярная слагающая магнитной силы въ центрѣ острова достигаетъ наибольшей величины. На южномъ же берегу горизонтальныя силы ничтожны, такъ какъ Балтійское море въ юго-восточной части острова крайне плоско, и здѣсь проявляется вліяніе морского дна.

Магнитное дѣйствіе Борнгольма равняется въ среднемъ $2^1/_2$ процентамъ силы земного магнитизма; тамъ же, гдѣ дѣйствіе этого острова наиболѣе велико, доходитъ даже семи процентовъ даннаго магнитизма.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Сентябрь 1901 г.

Содержаніе: Искусство. — Сборники. — Публицистика. — Законовѣдѣніе.— Исторія всеобщая. — Соціологія. — Медицина и гигіена. — Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва. — Новости иностранной литературы.

ИСКУССТВО.

Рескинъ. «Современные художники». — *Рескинъ*. «Лекціи объ искусствѣ». — *И. Е. Рѣпинъ*. «Воспоминанія, статьи и письма.

Джонъ Рескинъ. Современные художники. I. Общіе принципы и правда въ искусствѣ. Переводъ со второго англійскаго изданія П. С. Когана. Москва. 1901. Заглавіе этой замѣчательной книги не даетъ представленія объ ея содержаніи. Прежде всего здѣсь идетъ рѣчь исключительно о пейзажной живописи; затѣмъ, все обширное изслѣдованіе направлено къ одной цѣли — выяснить значеніе и достоинства Тернера, знаменитаго англійскаго пейзажиста, современника Рескина, и лишь попутно, преимущественно для параллели разсматриваются нѣсколько другихъ англійскихъ художниковъ въ той же области искусства; равнымъ образомъ, большое вниманіе удѣлено не только современному этой книгѣ (1843) искусству, но и прославленнымъ пейзажистамъ стараго времени—Клодту, Николаю и Гаспару Пуссенамъ, Сальватору Роза, Кюиру и нѣкоторымъ другимъ. Если прибавить къ этому, что авторъ обосновываетъ свою критику на самомъ тщательномъ выясненіи нѣкоторыхъ общихъ принциповъ искусства, а также связываетъ съ подробнѣйшимъ разсмотрѣніемъ главнѣйшихъ живописныхъ элементовъ природы, то будетъ ясно, въ какой мѣрѣ заглавіе «Современные художники» ўже и въ какомъ отношеніи шире того, что оно обозначаетъ. Нельзя въ достаточной степени выразить сожалѣнія, что книга эта — одна изъ значительнѣйшихъ, которыя когда-либо писались объ искусствѣ, лишена иллюстрацій. Англійскіе пейзажисты, о которыхъ говоритъ Рескинъ, не исключая Тернера, почти вовсе неизвѣстны на континентѣ, особенно въ Россіи, даже въ репродукціяхъ. Но и при обсужденіи произведеній не англійскихъ пейзажистовъ, Рескинъ для удобства своихъ читателей ссылается исключительно на картины, находящіяся въ лондонскихъ галлереяхъ. Такимъ образомъ русскій читатель, если онъ не имѣетъ весьма рѣдкихъ у насъ свѣдѣній объ англійскомъ искусствѣ, совершенно лишенъ возможности не только провѣрить, но иногда просто понять во всемъ объемѣ сужденія автора. Книга Рескина и помимо этого спеціальнаго затрудненія представляетъ далеко не легкое чтеніе. Какъ сказано, авторъ внимательно разсматриваетъ внѣшнюю природу съ точки зрѣнія ея живописныхъ качествъ; цѣлыя сотни страницъ посвящены описанію безчисленныхъ феноменовъ четырехъ главныхъ элементовъ пейзажа: неба, т.-е. воздуха и облаковъ, почвы, главнымъ образомъ горъ, воды и растительности. Люди, которые не привыкли упражнять своей наблюдательности въ этомъ направленіи, которые ежедневно, ежечасно, при всякой обста-

новкѣ, не смотрятъ кругомъ себя глазами художника, вѣроятно, совсѣмъ не могутъ слѣдить за авторомъ въ его эстетико-научныхъ экскурсіяхъ. Онѣ требуютъ большого запаса наблюденій и постояннаго напряженія зрительнаго воображенія, но за то, если эти условія на лицо, читатель получаетъ, дѣйствительно, высокое наслажденіе, оцѣнивая точность и вмѣстѣ красоту описаній Рескина. Художники, если бы они имѣли обыкновеніе читать книги, должны были бы особенно оцѣнить богатство и правду собранныхъ здѣсь картинныхъ эффектовъ. Но если нѣкоторые отдѣлы сочиненія Рескина представляютъ извѣстныя трудности для многихъ категорій читателей, все-таки всякій, кому не совсѣмъ чужды вопросы, связанные съ искусствомъ, найдетъ въ ней столько глубокихъ соображеній и оригинальныхъ идей, что они съ избыткомъ окупятъ усилія, необходимыя для того, чтобы овладѣть болѣе спеціальными частями матеріала. Каждая строчка здѣсь такъ всесторонне обдумана и каждое сужденіе такъ точно формулировано, что слѣдовать за мыслью автора въ высшей степени интересно и поучительно даже въ тѣхъ случаяхъ, когда читатель не можетъ согласиться съ нимъ. А что такіе случаи встрѣчаются, не можетъ казаться удивительнымъ, если принять во вниманіе почтенный возрастъ книги. Можно удивляться скорѣе тому, что принципы эстетики и художественной критики, высказанные болѣе полувѣка тому назадъ, при своей опредѣленности оказались настолько жизненными и свободными, что ихъ нерѣдко оправдываютъ и современныя намъ теченія искусства,—теченія, которыхъ авторъ не могъ предвидѣть. Надо замѣтить, что въ лежащемъ передъ нами томѣ сочиненія Рескина высказана неполная система его эстетическихъ взглядовъ. Оставляя для дальнѣйшихъ разсужденій принципъ красоты въ искусствѣ, авторъ изслѣдуетъ здѣсь художественныя произведенія исключительно съ точки зрѣнія правды. Въ этомъ отношеніи онъ неумолимъ и требуетъ отъ художниковъ самаго пристальнаго наблюденія, самаго глубокаго изученія всѣхъ физическихъ свойствъ изображаемыхъ явленій до мельчайшихъ подробностей. Иногда кажется, что идеальнымъ пейзажемъ онъ готовъ назвать лишь абсолютно точную до ничтожнѣйшей детали копію природы. Онъ, дѣйствительно, очень высоко цѣнитъ детальную выписку, а широкіе эскизные мазки считаетъ просто небрежностью и недобросовѣстностью. Это,кажется, стоитъ въ связи съ индивидуальными качествами его зрѣнія, необыкновенно остраго, какъ видно по его рисункамъ (нѣкоторые изъ нихъ недавно были воспроизведены въ извѣстномъ художественномъ журналѣ «Studio»). Но если внимательно вникнуть въ его сужденія, то не трудно убѣдиться, что онъ весьма далекъ отъ нелѣпаго требованія передачи природы во всѣхъ подробностяхъ. Онъ понимаетъ необходимость для художника обобщать детали въ болѣе или менѣе обширныя массы, въ зависимости отъ дальности плана, но онъ находитъ — и совершенно правильно, что такая обобщенная масса можетъ быть правдивой лишь при условіи, если художникъ вполнѣ ясно знаетъ тѣ детали, которыя онъ обобщаетъ. Изъ его постояннаго сопоставленія произведеній искусства съ реальною природою, изъ его настойчиваго требованія правдивости можно было бы заключить, что онъ крайній натуралистъ и не понимаетъ другого искусства, кромѣ воспроизведенія видимыхъ формъ. Но выводы изъ отдѣльныхъ мѣстъ Рескина, безъ сопоставленія всего, что онъ высказалъ по данному вопросу, всегда будутъ ошибочны. Съ натурализмомъ, конечно, не вязалась бы извѣстная симпатія его къ раннему итальянскому искусству, но и въ разсматриваемомъ сочиненіи онъ даетъ такое опредѣленіе художественной «правдѣ», которое даетъ просторъ для всякаго истиннаго искусства. Онъ очень ясно устанавливаетъ различія между правдой и подражаніемъ, къ которому собственно и сводится натурализмъ. «Подражаніе, — говоритъ онъ, — можетъ относиться только къ предметамъ матеріальнымъ, но правда относится къ передачѣ какъ свойствъ

*

матеріальныхъ предметовъ, такъ и чувствъ, впечатлѣній и мыслей. Существуетъ правда нравственная, также какъ и матеріальная, правда впечатлѣнія, также какъ и формъ,—мысли, какъ и матеріи, причемъ правда впечатлѣнія и мысли несравненно важнѣе изъ двухъ категорій... Правда можетъ быть передана извѣстными знаками и символами, имѣющими опредѣленное значеніе въ умахъ тѣхъ людей, къ которымъ они обращены, хотя сами по себѣ такіе знаки не имѣютъ ни подобія, ни сходства съ чѣмъ бы то ни было. Что возбуждаетъ въ умѣ представленіе объ извѣстныхъ фактахъ, то можетъ дать идею правды, хотя бы оно отнюдь не было подражаніемъ или подобіемъ этихъ фактовъ.... Передача *одного* свойства предмета можетъ дать идею правды; между тѣмъ, идея подражанія требуетъ сходства со столькими свойствами предмета, сколько по нашему представленію ихъ существуетъ въ дѣйствительности». Въ такія рамки можетъ уложиться и религіозная живопись прерафаэлитовъ, потому что это правда мысли о сверхъестественномъ мірѣ, и фавны Беклина, потому что это правда впечатлѣнія отъ органической жизни природы. Въ зависимости отъ такого пониманія художественной правды стоитъ взглядъ Рескина на задачи пейзажной живописи. И въ наши дни нерѣдко встрѣтить наивное перенесеніе на художественное произведеніе цѣнности того предмета, который на немъ изображенъ; изъ двухъ картинъ, при одинаковомъ совершенствѣ исполненія, считается лучше та, гдѣ представленъ болѣе важный предметъ; поэтому, такъ какъ человѣкъ важнѣе дерева, пейзажъ считается низшимъ сортомъ живописи сравнительно съ исторической картиной или жанромъ. Новѣйшая эстетика идетъ дальше поверхности полотна; ее интересуетъ тотъ психологическій процессъ, который происходилъ въ художникѣ при созданіи даннаго произведенія: цѣнно только то произведеніе, въ которое авторъ «вложилъ душу». Высшимъ же мѣриломъ этой цѣнности служитъ не столько степень ясности, съ которою художникъ выражаетъ свою личность,—современные художники часто бываютъ слишкомъ навязчивы въ этомъ отношеніи,—сколько высота этой личности, и при этомъ весьма второстепенное значеніе имѣетъ внѣшній поводъ, давшій возможность художнику высказаться. Рескинъ еще не стоитъ на этой точкѣ зрѣнія, но подходитъ къ ней очень близко. «Пейзажисты,—говоритъ онъ,—должны всегда преслѣдовать двѣ великія и совершенно различныя цѣли: во-первыхъ, вводить въ умъ зрителя вѣрное представленіе о всевозможныхъ предметахъ природы; во-вторыхъ, направлять умъ зрителя на тѣ предметы, которые наиболѣе достойны созерцанія, и сообщать ему тѣ мысли и чувства, съ которыми смотритъ на эти предметы самъ художникъ». Лучшіе результаты,—прибавимъ мы, — получаются тогда, когда художникъ стремится къ первой цѣли, а вторая достигается помимо его воли и даже сознанія. Стоя передъ картиной, «зритель сознаетъ, что не только замѣтилъ новый видъ, но вступилъ въ общеніе съ новымъ умомъ, что его одарили на минуту острымъ чутьемъ и пылкими чувствами болѣе благороднаго и проницательнаго духа». «Искусство во второй, высшей своей цѣли... есть выраженіе и пробужденіе индивидуальной мысли. Поэтому оно столь разнообразно и обширно въ своихъ усиліяхъ, какъ кругозоръ и постигающая способность направляющаго ума. Мы чувствуемъ, что въ каждомъ изъ его произведеній видимъ не образчикъ товара, принадлежащаго торговцу, который готовъ сдѣлать намъ дюжину такихъ же (таковъ вульгарный взглядъ), но созерцаемъ блескъ постоянно дѣятельнаго ума, который не имѣлъ и не будетъ имѣть другого, подобнаго себѣ». Все это нельзя было бы лучше выразить и теперь, и если современная эстетика отчасти пошла дальше Рескина, то только въ томъ, что онъ называетъ первою цѣлью пейзажной живописи: распространять правильныя представленія о всевозможныхъ предметахъ природы теперь болѣе предоставляется другимъ функціямъ человѣческаго ума. Но тотъ строгій реализмъ въ пейзажѣ, который на

практикѣ такъ исключительно владѣетъ симпатіями Рескина, былъ вполнѣ законенъ и своевременъ въ то время. Надо имѣть въ виду, что онъ выступалъ одинокимъ апостоломъ Тернера въ моментъ, когда «знатоки» и невѣжественная художественная критика навязывали пейзажной живописи фальшивые образцы «идеальнаго» пейзажа былыхъ временъ. Уничтожающій сарказмъ, съ которымъ онъ третируетъ этихъ самодовольныхъ, ограниченныхъ и безапелляціонныхъ судей, доставитъ истинное удовольствіе всякому, кто, не будучи лишенъ отъ природы чутья къ прекрасному, слѣдитъ за всѣми нелѣпостями, которыя и по сей день печатаются объ искусствѣ съ видомъ необыкновеннаго глубокомыслія. Но увлекаясь полемикой съ журнальными авгурами, Рескинъ выбрасываетъ вмѣстѣ съ ними за окно и всѣхъ старыхъ пейзажистовъ, которымъ тѣ поклонялись. Онъ обнаруживаетъ здѣсь странное въ наше время отсутствіе исторической точки зрѣнія. Видѣть вѣчные образцы для подражанія въ пейзажахъ Клода Лоррена, Сальватора и Пуссеновъ, конечно, было нелѣпо тогда, какъ было бы нелѣпо и теперь, но видѣть въ нихъ извѣстные этапы по пути пониманія формъ природы вполнѣ возможно. Ихъ очевидныя грубыя погрѣшности противъ реальной правды не зависѣли отъ ихъ нежеланія смотрѣть на природу: они смотрѣли на нее, но видѣли ее какъ разъ такою, какою изображали. Самъ Рескинъ говоритъ по поводу обычныхъ зрителей, что всякій видитъ въ природѣ только то, что знаетъ о ней. Обычный зритель знаетъ, что листья зеленые, небо голубое, а снѣгъ бѣлый, и поэтому не видитъ всего неисчерпаемаго богатства красокъ, которыя на самомъ дѣлѣ всегда видоизмѣняютъ эти локальные цвѣта. Въ подобномъ же положеніи находились долгое время и художники по отношенію къ внѣшней природѣ. Человѣкъ былъ давно изученъ, а пейзажъ вокругъ него еще едва стали замѣчать. Великіе итальянскіе художники, оставившіе намъ такія безсмертныя формы человѣческой красоты, рисовали пейзажъ съ наивностью десятилѣтнихъ дѣтей. Много поколѣній должны были передавать одно другому результаты своихъ наблюденій, пока искусство могло, наконецъ, успѣшно взяться за портретированіе природы, и работа пейзажистовъ XVII и XVIII вѣковъ въ этомъ смыслѣ не пропала, конечно, даромъ. Процессъ этотъ еще далеко не законченъ. Доказательствомъ этому можетъ служить хотя бы то, что многія эффекты и явленія, передачу которыхъ Рескинъ считалъ въ высшей степени трудной или невозможной, въ настоящее время вполнѣ успѣшно эксплуатируются второстепенными художниками давно усвоенными пріемами, а надъ другими самые талантливые пейзажисты до сихъ поръ бьются съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно указать со стороны Рескина прямо неправильную оцѣнку старыхъ художниковъ: такъ, напримѣръ, онъ только вскользь и довольно пренебрежительно говоритъ о такомъ пейзажистѣ, какъ Рюисдаль, тогда какъ онъ до сихъ поръ сохранилъ не только историческое, но и высокое эстетическое значеніе. Еще страннѣе представляется отрицательное отношеніе Рескина къ Дюреру и вообще къ древнему нѣмецкому искусству, но, впрочемъ, онъ оговаривается, что онъ недостаточно его изучилъ.

Указанныя несовершенства, впрочемъ, такъ мелки сравнительно съ блестящими и глубокими свойствами критической мысли Рескина, какъ въ частностяхъ, такъ и въ крупныхъ вопросахъ, что не портятъ высокаго удовольствія, получаемаго отъ чтенія этой книги. Языкъ русскаго перевода въ общемъ гладокъ и удовлетворителенъ, какъ мы имѣли уже случай указывать по поводу его перевода «Лекцій объ искусствѣ» Рескина, но здѣсь еще болѣе сказывается, что онъ недостаточно близко знакомъ съ искусствомъ. Не говоря уже о томъ, что ему неизвѣстны такіе заурядные термины, какъ «драпировка» (переводчикъ всюду говоритъ «драпри»), или названія красокъ, какъ «сіенна», порою, когда Рескинъ описываетъ какой-нибудь живописный эффектъ, чув-

ствуется, что переводчикъ не представляетъ себѣ, о чемъ идетъ рѣчь, и отъ этого самыя красивыя мѣста подлинника теряютъ ясность и силу. Ограничимся однимъ примѣромъ: «части прекрасной *стрѣлки* будутъ казаться прекрасными, пока послѣдняя линія не исчезнетъ въ голубой дали». Читатель съ трудомъ догадывается, что рѣчь идетъ о готической стрѣльчатой аркѣ. Нельзя не отмѣтить также варварской транскрипціи именъ: Гирландаджо (Гирландайо), Хоббима (Хоббема), Тенье (Теньерсъ; даже французы говорятъ Теньеръ-Teniers) и Маскачьо (Масачьо) и не мало другихъ. *Е. Дегенъ.*

Джонъ Рескинъ. Сочиненія. Лекціи объ искусствѣ. Полный переводъ, просмотрѣнный Л. П. Никифоровымъ. Серія I, книжка 4. Москва. Изд. магазина «Книжное Дѣло» и И. А. Баландина. 1900. Его же. Оливковый Вѣнокъ Переводъ Л. П. Никифорова. Серія I, кн. 5. То же изданіе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ намъ пришлось уже говорить съ читателями по поводу «Лекцій объ искусствѣ» въ другомъ переводѣ, поэтому, отмѣчая здѣсь появленіе вторичнаго изданія этихъ «Лекцій», мы можемъ ограничиться разсмотрѣніемъ второй изъ выше названныхъ брошюръ. «Оливковый вѣнокъ» представляетъ также сборникъ нѣсколькихъ лекцій, но читанныхъ въ разное время, о разныхъ предметахъ и передъ различными аудиторіями. Темы, о которыхъ въ данномъ случаѣ трактуетъ Рескинъ, по существу своему не имѣютъ связи съ искусствомъ: трудъ, биржа, война, будущность Англіи даютъ автору поводъ развить свои соціально-этическіе взгляды, но этика, эстетика и исторіософія такъ связаны у Рескина, что нерѣдко трудно бываетъ опредѣлить, къ какой изъ этихъ этихъ областей относится данное произведеніе. Настоящая брошюра слишкомъ незначительна, чтобы по ея поводу входить въ обсужденіе общественныхъ убѣжденій англійскаго мыслителя, о которыхъ русскіе читатели имѣютъ въ переводѣ прекрасную книгу Гобсона, а читатели нашего журнала также и статью проф. Геркнера «Дж. Рескинъ какъ соціальный реформаторъ» («М. Б.», май 1901 г.), мы укажемъ здѣсь только на литературныя качества этой и другихъ подобныхъ работъ Рескина. Онѣ соединяютъ въ себѣ страннымъ образомъ особенности двухъ совершенно различныхъ писателей: Платона и Толстого. Необыкновенная точность и ясность логической конструкціи, особаго свойства популярность изложенія, т.-е. отсутствіе расчета на распространенныя среди слушателей представленія и свѣдѣнія, стремленіе не оставить мѣста для недоразумѣній и предусмотрѣть всевозможныя возраженія, осторожность и вмѣстѣ увѣренная опредѣленность въ выводахъ,—вотъ тѣ черты, которыя при чтеніи публицистическихъ статей Рескина всегда освѣжаютъ въ насъ воспоминанія о діалогахъ великаго грека. Съ другой стороны, склонность исходить въ своихъ разсужденіяхъ изъ яркаго, художественно-правдиваго образа, обращеніе не только къ уму, но и къ нравственному чувству читателей, призывъ къ ихъ доброй волѣ и вѣра въ ея свободное могущество, отсутствіе уваженія къ оффиціальнымъ предразсудкамъ въ области добра и зла,— все это свойственно Рескину не въ меньшей степени, чѣмъ Толстому въ его сочиненіяхъ, посвященныхъ практической философіи. Впрочемъ, не всѣ составныя части «Оливковаго вѣнка» кажутся намъ одинаковой цѣнности. Послѣднія двѣ лекціи о войнѣ и о будущности Англіи, обращенныя въ воспитанникамъ Вульвичской военной академіи, кажутся намъ значительно слабѣе первыхъ двухъ. Самъ авторъ, со свойственною ему откровенностью и строгостью къ самому себѣ, дѣлаетъ въ одномъ мѣстѣ примѣчаніе: «Мнѣ съ каждымъ днемъ все болѣе отвратителенъ тотъ декламаторскій тонъ, въ которомъ составлена эта лекція (о войнѣ), съ цѣлью произвести болѣе сильное впечатлѣніе на слушателей»... Само собою разумѣется, это сужденіе черезчуръ рѣзко и не соотвѣтствуетъ правдѣ. И здѣсь есть также масса цѣнныхъ мыслей, прекрасно выраженныхъ, но мы не видимъ во взглядахъ Рескина на войну того

единства и гармоніи, которыя свойственны ему въ другихъ случаяхъ. За то чрезвычайно любопытна по логической и художественной цѣльности лекція о биржѣ. Купцы и промышленники одного провинціальнаго города, вознамѣрившись затратить солидную сумму на постройку зданія биржи, обратились къ Рескину, какъ знатоку въ искусствѣ, съ просьбой высказать свое сужденіе о желательномъ архитектурномъ стилѣ этого зданія. Надо признаться, что это предложеніе было также удачно, какъ если бы Толстому предложили участвовать въ коммиссіи по выработкѣ усовершенствованнаго типа пенитенціарныхъ заведеній. Рескинъ наотрѣзъ отказывается дать просимый отъ него совѣтъ. «Извините,—говоритъ онъ,—если я откровенно скажу вамъ, что хорошая архитектура не является по совѣту людей; она есть выраженіе жизни и характера народа, преобладающаго національнаго вкуса или страстнаго стремленія къ красотѣ». При этомъ «вкусъ» онъ понимаетъ, какъ проявленіе нравственныхъ качествъ. «Каждая великая архитектура,—говоритъ онъ далѣе,—была результатомъ и проявленіемъ великой національной религіи». Такихъ религій и соотвѣтствующихъ имъ архитектурныхъ школъ онъ различаетъ три, въ исторіи европейскихъ народовъ: въ греческой архитектурѣ выразилось поклоненіе богу мудрости и силы; готика возникла изъ религіи справедливости и утѣшенія; и такъ называемый стиль возрожденія есть храмъ для бога блеска и красоты. «Скажите же мнѣ теперь,—обращается онъ къ своимъ слушателямъ, — чему мы поклоняемся и что мы строимъ?» «Теперь у насъ имѣется номинальная религія, которой мы отдаемъ десятину нашего имущества и седьмую часть нашего времени, но у насъ есть и практическая, дѣйствительная религія, которой мы посвящаемъ девять десятыхъ нашего имущества и шесть седьмыхъ нашего времени... Верховную богиню (этой религіи) я, съ вашего согласія, вообще могу назвать богиней «Прибыли» или «Британіей Рынка». Такимъ образомъ могла бы существовать и архитектура биржъ, если бы новая религія заключала въ себѣ хоть какой-нибудь элементъ геройства. Подвиги же поклонниковъ богини «Рынка» чрезвычайно своеобразны, но отъ геройства весьма далеки. «Если вашъ ребенокъ придетъ и попроситъ у васъ денегъ на фейерверкъ, то вы дважды подумаете, прежде чѣмъ дать ихъ; и при видѣ взлетающихъ ракетъ, очень можетъ быть, придете къ заключенію, что деньги эти даромъ потрачены. Но вотъ приходятъ къ вамъ прусскія и австрійскія дѣти занимать деньги не на невинныя ракеты, а на патроны и штыки, чтобы напасть на васъ въ Индіи, задушить свободу въ Италіи, избить женщинъ и дѣтей въ Польшѣ, и вы сразу ихъ даете, потому что они платятъ вамъ за нихъ проценты. Но чтобъ уплатить вамъ эти проценты, они должны облагать податью каждаго работающаго крестьянина въ своемъ государствѣ; и вотъ, на этотъ крестьянскій трудъ вы и живете. Такимъ образомъ, вы сразу грабите австрійскаго крестьянина, убиваете или изгоняете польскаго, и живете цѣною грабежа и убійства». Если бы не знать, откуда взяты эти слова, ихъ можно было бы принять за цитату изъ какого-нибудь неизданнаго произведенія Толстого. Въ виду такого характера биржевой религіи, Рескинъ рѣшается дать лишь такой совѣтъ относительно зданія биржи: «Украсить его фасады висящими кошельками и сдѣлать колонны широкими у основанія для наклейки объявленій. А во внутреннихъ комнатахъ можно поставить статую «Британіи Рынка»... Вокругъ шеи статуи можно было бы выгравировать золотыми буквами слова пророка Іереміи: «Куропатка садится на яйца, которыхъ не несла».

Е. Дегенъ.

И. Е. Рѣпинъ. Воспоминанія, статьи и письма изъ-за границы. Подъ редакціей Н. Б. Сѣверовой. С. Петербургъ. 1901. Въ настоящій сборникъ вошли литературныя произведенія, опубликованныя г. Рѣпинымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, по разнымъ поводамъ, начиная съ 1888 года. Харак-

теръ и значеніе этихъ статей весьма различны. Воспоминанія о Крамскомъ интересны многими частностями, хотя изображаемый здѣсь переворотъ въ русскомъ искусствѣ, относящійся къ 60-мъ годамъ, описывался уже такъ многократно и болѣе или менѣе въ одинаковомъ тонѣ и краскахъ, что автору осталось весьма мало новаго сказать объ этой эпохѣ. Гораздо серьезнѣе интересъ представляютъ воспоминанія о Н. Н. Ге. Своеобразная, крупная личность этого художника еще до сихъ поръ недостаточно понята, и поэтому безпристрастное и во многомъ вѣрное сужденіе другого крупнаго художника, которому пришлось близко наблюдать Ге въ нѣкоторые важные психологическіе моменты его художественной дѣятельности, можетъ многое уяснить. «Письма объ искусствѣ», писанныя г. Рѣпинымъ изъ за границы въ 1893 году, въ свое время произвели не малую сенсацію. Г. Рѣпинъ вдругъ открылъ, что въ искусствѣ очень важна красота, которую онъ вмѣстѣ со всею такъ называемою русскою школою до тѣхъ поръ отвергалъ и презиралъ. Однако, это открытіе не имѣло для г. Рѣпина никакихъ практическихъ результатовъ: ни одной значительной картины онъ съ тѣхъ поръ не написалъ и по прежнему останется въ исторіи русскаго искусства авторомъ прекрасныхъ картинъ «Бурлаки», «Крестный ходъ», «Не ждали» и т. п. Эти «письма», однако, интересны еще въ нѣсколькихъ отношеніяхъ: онъ единственный, кажется, изъ русскихъ художниковъ оцѣнилъ Матейка; восторженныя похвалы, которыя онъ высказываетъ знаменитому польскому художнику, дѣлаютъ г. Рѣпину тѣмъ болѣе чести, что во многихъ отношеніяхъ искусство Матейки совершенно чуждо русскимъ вкусамъ и русской живописи. Въ этихъ же «письмахъ» г. Рѣпинъ впервые въ русской литературѣ съ восхищеніемъ говоритъ о Беклинѣ. За это ему можно простить, что онъ называетъ Морица Швинда «очень плохенькимъ художникомъ 30—40 годовъ», тогда какъ это весьма замѣчательный художникъ 30-хъ, 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ (умеръ въ 1871 г.). Кромѣ упомянутыхъ статей, г. Рѣпинъ нашелъ нужнымъ включить въ свой сборникъ и нѣсколько другихъ — полемическаго характера: «Въ защиту новой академіи художествъ» и «По адресу «Міра Искусства». Обѣ статьи написаны собственно pro domo sua и содержаніе ихъ имѣетъ эфемерный, газетный интересъ. Поэтому, если мы на нихъ останавливаемся, то вовсе не для того, чтобы вновь поднимать рѣшеные вопросы, но нельзя не отмѣтить тѣхъ свойствъ личности автора, которыя такъ неожиданно и непріятно поражаютъ читателя этихъ статей. Первая изъ нихъ, впрочемъ, интересна только тѣмъ, что въ ней сказывается одна характерная черта россійскихъ гражданъ; эту черту можно выразить, вывернувъ на изнанку извѣстную пословицу: «не человѣкъ краситъ мѣсто, а мѣсто человѣка». 5-го ноября 1893 года г. Рѣпинъ, будучи еще «свободнымъ художникомъ», писалъ: «Никакія искусственныя мѣры поощренія не создадутъ здороваго искусства, никакія академіи, никакіе геніальные художники-учителя не въ состояніи не только создать,—правильно развить талантъ... Мнѣ уже слышится ропотъ образованнаго читателя: «Не всѣ руководители будутъ отсталые! Будутъ и свѣжія силы, будутъ талантливые профессора, а таланты настоящіе не старѣются». Увы, руководителями выбираютъ людей всегда уже на склонѣ лѣтъ. И нельзя отрицать, что даже геніальные художники старѣютъ». Увы, черезъ четыре года г. Рѣпинъ постарѣлъ настолько, что забылъ эти свои слова, и будучи уже не «свободнымъ художникомъ», доказывалъ какъ разъ обратное, что академія академіи рознь, что есть профессора, которые давятъ своихъ учениковъ, и есть такіе, которые ихъ развиваютъ, словомъ все то, что могли бы сказать и дореформенные профессора академіи. «Традиціи, знанія, логическія наблюденія законовъ формъ и колорита природы клеймятся ими (молодыми художниками), какъ самый большой порокъ въ искусствѣ. Они признаютъ за собою право начать искусство снова и заполнить имъ весь міръ, уничтожить все «академическое». Имъ необходимо прежде

всего свергнуть авторитетъ академическаго образованія въ искусствѣ и поставить на его мѣсто диллетантизмъ». Кто это говоритъ? Навѣрное одинъ изъ профессоровъ, изгнавшихъ изъ академіи будущихъ передвижниковъ... Нѣтъ, это говоритъ г. Рѣпинъ въ укоръ диссидентамъ изъ «Міра Искусства». Мы отнюдь не имѣемъ въ виду защищать беззастѣнчивый журналъ г. Дягилева. Насъ интересуетъ только г. Рѣпинъ, который не имѣетъ права безнаказанно компрометтировать автора картинъ, составляющихъ гордость русскихъ музеевъ. А, между тѣмъ, г. Рѣпинъ совсѣмъ конфузитъ его, распаляясь страшнымъ гнѣвомъ по случаю колоссальныхъ цѣнъ, которыя платятся за картины не въ его вкусѣ. Онъ съ негодованіемъ говоритъ, что за плохую по его мнѣнію картину французскаго художника Дегаса просятъ 40 тысячъ рублей, а «русскіе господа любители предлагали 25 тысячъ рублей». Почему это такъ волнуетъ г. Рѣпина? Отчего богатымъ людямъ, не имѣющимъ вкуса, не бросить за модную вещь нѣсколькихъ тысячъ? Развѣ г. Рѣпину неизвѣстны случаи, когда за русскія картины любезнаго ему направленія безвкусными коллекціонерами платились десятки тысячъ? Если бы на этихъ картинахъ не было фирмы, то за нихъ не дали бы, можетъ быть, и тридцатой доли заплаченной цѣны. Мы бы вполнѣ сочувствовали автору, если бы онъ вообще возмущался высокими цѣнами художественныхъ произведеній. Художникъ, какъ всякій работникъ, имѣетъ право продавать свой трудъ, но талантъ и геній онъ долженъ былъ бы давать въ придачу даромъ, такъ какъ геній и ему достался даромъ отъ природы. Лишь тогда искусство перестало бы быть собственностью немногихъ милліонеровъ и могло бы сдѣлаться народнымъ; тогда только нельзя было бы больше упрекать художниковъ, что они продаютъ свой талантъ. Ренанъ гдѣ-то говоритъ, что какія бы матеріальныя жертвы ни несла толпа въ пользу поэтовъ, художниковъ, ученыхъ, все это будетъ ничто въ сравненіи съ тѣми безцѣнными нематеріальными благами, которыми они осчастливливаютъ толпу. Г. Рѣпинъ также негодуетъ, что «стоимость высокаго, геніальнаго искусства, работавшаго надъ совершенствомъ формъ, уже понижена». А раньше г. Рѣпинъ говоритъ еще слѣдующее: «Художникъ, мало оцѣненный, по своей незначительности, вещи котораго за безцѣнокъ пріобрѣтены давно всемогущимъ, ловкимъ торговцемъ, Дюранъ-Рюэлемъ,—Дегасъ, полуслѣпой художникъ, доживающій въ бѣдности свою жизнь,—вотъ теперь божокъ живописи. Внимайте языцы!» Языцы внимаютъ и удивляются, что для г. Рѣпина бѣдность художника и дешевая цѣна его картинъ служитъ мѣриломъ его таланта.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о литературной внѣшности сборника г. Рѣпина. На обложкѣ указывается редакторъ сборника. Это необычное явленіе при изданіи произведеній живыхъ авторовъ, но разъ понадобился редакторъ, то онъ долженъ былъ бы по крайней мѣрѣ сгладить тѣ непозволительныя небрежности, на которыя таланты не обращаютъ вниманія. Съ иноязычными словами авторъ обращается безъ всякой церемоніи. Такъ онъ увѣряетъ, что на памятникѣ Костюшкѣ въ Краковѣ онъ прочелъ надпись «Kostuchco» (Kosciuszko); въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ про «флорентинскій портикъ «лодусіа» піаццы деи Синьоріи»,—соединеніе опечатки съ безграмотностью едва позволяетъ разобрать что имѣется въ виду loggia на площади della Signoria; еще въ другомъ мѣстѣ авторъ разсказываетъ, что въ Мюнхенѣ ему понравился «одинъ словакъ изъ Буковины-Ивасюкъ»,—если не г. Рѣпинъ, то редакторъ могли бы знать, что въ Буковинѣ нѣтъ словаковъ, а есть русины. Болѣе мелкихъ неопрятностей можно насчитать гораздо больше.

Е. Дегенъ.

СБОРНИКИ.

«Еврейская Библіотека. Историко-литературный сборникъ».

«Еврейская Библіотека. Историко-литературный сборникъ». Изданіе А. Е. Ландау. Возобновившаяся «Еврейская Библіотека» уже выходила подъ той же фирмой въ 70-хъ годахъ, и заслужила одобрительные отзывы наиболѣе серьезной русской критики. Вышедшій недавно объемистый IX томъ этого изданія также очень содержателенъ, и многія изъ статей представляютъ общій интересъ. Такъ, въ «Дневникѣ неплюйскаго обывателя» очень живо и образно изображаются чувства еврея въ годъ выселенія евреевъ въ мѣста приписки. Излагая перипетіи этой драмы, авторъ характеризуетъ отношенія къ ней русской печати такой тирадой: «Если вы классикъ, то, навѣрно, знаете, что «de mortuis aut bene aut nihil» имѣетъ двоякое значеніе: во первыхъ, «чортъ ихъ возьми!», во-вторыхъ, «лежачаго бей!» Люди сентиментальные придерживаются перваго толкованія. «Bene»—какъ-то неловко, такъ пусть будетъ «nihil», т.-е. «чортъ ихъ возьми!» Но люди съ задоромъ, безъ всякой примѣси добродушія, тѣ попросту говорятъ: «Mortuus»? — такъ что же, что «mortuus»? «И лежачаго бей!» Неплюйскій обыватель чувствуетъ себя въ странномъ положеніи небытія: его высылаютъ на «родину», а родина его — городъ Неплюйскъ, а никакой другой онъ за собою не знаетъ. И на берегахъ Неплюевки онъ чувствуетъ то же, что чувствовали предки его за двадцать вѣковъ назадъ на рѣкахъ вавилонскихъ».

Изъ другихъ статей укажемъ на рѣчь, читанную въ 1898 г. евреемъ Освальдомъ Саймономъ въ баптистской церкви, въ Лондонѣ. Рѣчь эта можетъ служитъ отвѣтомъ на пущенный въ свое время нашими антисемитскими газетами слухъ, будто въ Англіи евреи пропагандируютъ іудаизмъ среди христіанъ. Слухъ этотъ опровергается уже однимъ тѣмъ, что христіанскія церкви въ Англіи предоставляютъ свои каѳедры еврейскимъ ораторамъ. Какъ явствуетъ изъ статьи «О новомъ теченіи религіозной мысли среди евреевъ», Саймонъ не только не пропагандируетъ іудаизмъ, а, наоборотъ, настаиваетъ на необходимости совмѣстной работы евреевъ съ христіанами въ духѣ поднятія общественной нравственности. «Одно изъ главныхъ различій между старой и новой религіозной мыслью, — говоритъ онъ, — кроется во все усиливающемся чувствѣ братства, поднимающемся выше всякихъ барьеровъ... Необходимо влить въ теченіе современной мысли всѣ лучшія религіозныя струи какъ іудаизма, такъ и христіанства. Для этой цѣли евреи должны работать совмѣстно съ неевреями, а не въ противоположныхъ направленіяхъ. Каждая сторона должна понять, что распространеніе религіи слишкомъ важно, чтобы мѣшать ему спорами о символахъ вѣры, обрядахъ и толкованіяхъ текстовъ. Споры составляютъ проклятіе въ исторіи религіи. Они на протяженіи вѣковъ дѣйствовали, какъ тормазъ для колесницы духовнаго прогресса»... Какъ это похоже на пропаганду іудаизма!

Интересна также статья С. И. Рапопорта: «Евреи въ англійскомъ обществѣ. Очеркъ отношеній англичанъ къ евреямъ въ XIX вѣкѣ». Между прочимъ, авторъ посвящаетъ въ этой статьѣ нѣсколько теплыхъ словъ памяти знаменитаго Мозеса Монтефіоре, посвятившаго свою болѣе чѣмъ столѣтнюю жизнь защитѣ своихъ единовѣрцевъ. Онъ безъ отдыха метался изъ одной страны въ другую, отъ одного монарха къ другому, моля о защитѣ или пощадѣ евреевъ. Въ зимнія метели онъ мчится къ императору Николаю Павловичу, и въ Россіи его встрѣчаютъ, какъ «царскаго гостя»; къ нему прикомандировывается чиновникъ; въ его распоряженіе отдаются придворные экипажи. Въ день пріема его императоромъ Николаемъ I караулъ въ Зимнемъ дворцѣ былъ составленъ изъ сол-

датъ-евреевъ. Въ 1872 г. Монтефіоре, уже 90-лѣтній старецъ, вторично пріѣзжалъ въ Петербургъ, съ поздравленіями къ Царю-Освободителю отъ англійскихъ евреевъ. И, во вниманіе къ его престарѣлому возрасту, императоръ самъ пріѣхалъ изъ Краснаго Села, чтобы не утруждать старика поѣздкой въ лагери. Въ «Сборникѣ» есть также беллетристика и стихотворенія.

А. К—къ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

В. Розановъ. «Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго». — *А. Амфитеатровъ.* «Недавніе люди».—*Ризонъ.* «Университетскія и соціальныя поселенія».

В. В. Розановъ. Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. Замысловатое заглавіе настоящаго сборника статей г. Розанова прикрываетъ не менѣе замысловатый споръ автора и цѣлаго ряда лицъ по вопросу о бракѣ и безбрачьи. По обыкновенію, г. Розановъ растекается мыслью по необъятному пространству, взлетаетъ за облака и опускается—не на дно морское, а въ самые сокровенные уголки алькова, гдѣ ищетъ разгадки бытія. Свойственнымъ ему языкомъ—смѣсью семинарскаго, философскаго и физіологическаго—онъ пытается «развить» нѣкій свитокъ, въ который человѣчество «закутало» эту мучающую его загадку. «Всѣ инстинктивно чувствуютъ, — говоритъ онъ на первой страницѣ,—что загадка бытія есть собственно загадка рождающагося бытія, т.-е. что это есть загадка рождающаго пола», и затѣмъ съ видомъ хемницеровскаго философа самъ себѣ задаетъ вопросъ: «Что такое полъ? Что такое половое?» Трудно, прямо невозможно передать слѣдующій затѣмъ на пространствѣ десятка слишкомъ листовъ сумбуръ самыхъ пошлыхъ откровенностей, юродивыхъ восклицовъ и яко бы необычайно тонкихъ и глубокихъ открытій, дѣлаемыхъ авторомъ въ области брачныхъ отношеній. Языкъ автора не знаетъ мѣстами никакихъ фиговыхъ листочковъ, и въ пылу полемики г. Розановъ пускается въ такія физіологическія откровенія, что одинъ изъ противниковъ его съ полнымъ правомъ могъ заподозрить его не столько въ исканіи истины, сколько «въ любодѣяніи». Вопросъ, трактуемый съ такимъ жаромъ и нисколько не прикрытымъ смакованіемъ подробностей и тонкостей, заключается въ томъ, что лучше бракъ или дѣвство? Авторъ и часть его соратниковъ горою стоятъ за бракъ, видя въ немъ не только основу семьи, но и источникъ совершенства человѣчества. Эту простую и для громаднаго большинства не требующую доказательства истину г. Розановъ обставляетъ такими аргументами изъ Стараго и Новаго Завѣта, изъ писаній отцевъ церкви и собственныхъ психо-физіологическихъ наблюденій, что и защитники брака, самые искренніе, готовы усомниться и въ искренности самого автора, и въ истинности брака. «Неладно что-то въ датскомъ королевствѣ»; перефразируя эти слова, можно сказать, что не ладно что-то въ брачномъ вопросѣ, когда о немъ начинаютъ такъ разсуждать, какъ разсуждаетъ г. Розановъ и его присные. Дѣло не въ томъ, что именно эта компанія, «не величка, то честна», занялась вопросомъ о бракѣ, а въ томъ, — *какъ* занялась. Вѣдь, въ сущности, всѣ наивно - глубокомысленныя разсужденія г. Розанова о «половыхъ точкахъ» и т. п. просто «плѣнной мысли раздраженіе», показывающее, что у автора не все ладно въ извѣстной области, хорошо знакомой психіатрамъ. Но самый шумъ около этого вопроса и откровенныя разоблаченія спорщиковъ показываютъ, что брачный вопросъ не разрѣшается никакими писаніями, никакимъ углубленіемъ въ дебри священныхъ толкованій и т. п. Это вопросъ соціальный прежде всего, и вся-

кая попытка разрѣшить его отвлеченными мудрствованіями, внѣ времени и пространства, ни къ чему не ведетъ. Безконечные толки нашихъ ратоборцевъ о бракѣ, ссылки на различные источники, то церковные, то медицинскіе, цитаты то изъ священнаго писанія, то изъ поэтовъ, напоминаютъ только толченіе воды въ ступѣ, не подвигая вопроса ни на шагъ. И вся эта полемика въ концѣ-концовъ внушаетъ своимъ тономъ и содержаніемъ глубокое отвращеніе къ спорщикамъ, слишкомъ ужъ откровенно любующимся извѣстными предметами, о которыхъ мы привыкли размышлять болѣе уважительно, просто и цѣломудренно, чѣмъ наши воители за и противъ брака. Въ заключеніе должны сказать, что не рѣшаемся рекомендовать кому либо эту книгу, которая ничего не освѣщаетъ, а только можетъ еще болѣе запутать вопросъ.

А. Амфитеатровъ. (Old Gentleman). Недавніе люди. Съ 6 портретами. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. Недавніе люди—это различные общественные дѣятели, съ которыми сталкивался г. Амфитеатровъ въ теченіе своей журнальной карьеры. Открывается сборникъ характеристикой Степана Стамбулова, съ которымъ авторъ познакомился вскорѣ послѣ переворота, низвергшаго болгарскаго диктатора. Понятно, что въ обрисовкѣ г. Амфитеатрова преобладаетъ чисто корреспонденческій тонъ интервьюэра, стремящагося не столько къ истинѣ, сколько къ занимательности. Стамбуловъ выставленъ поэтому весьма изряднымъ извергомъ, какого ни въ сказкѣ сыскать, ни перомъ описать. Самъ собой возникающій вопросъ, какимъ образомъ Болгарія могла терпѣть такого звѣря чуть не десять лѣтъ, хотя, всѣ отъ мала до велика, отъ послѣдняго селянина до князя Фердинанда, ненавидѣли его, — остается открытымъ, и авторъ, что называется, проглядѣлъ его. Это общая черта всѣхъ дальнѣйшихъ характеристикъ, въ которыхъ авторъ упускаетъ самое существенное, зато о себѣ и своихъ отношеніяхъ къ описываемымъ лицамъ г. Амфитеатровъ нигдѣ не упускаетъ разсказать. Даже на приложенныхъ портретахъ вездѣ есть автографъ, съ упоминаніемъ, что такой-то портретъ былъ врученъ автору лично: «съ портрета, подареннаго автору кн. Фердинандомъ», читаемъ, напр., на портретѣ послѣдняго, а также сына его, княжича Бориса. Мы отнюдь не усматриваемъ въ этомъ авторскаго тщеславія, а только корреспонденческую черту—стремленіе къ достовѣрности. Точно также, описывая пятницы Полонскаго, авторъ обязательно отмѣчаетъ, сколь высоко поставленныя лица тамъ бывали. «Вонъ этотъ старикъ-превосходительство ворочаетъ цѣлымъ департаментомъ; вонъ отъ этого высокопревосходительства, говорятъ, зависитъ добрая половина всей русской политики; тотъ стоитъ во главѣ могучаго изданія»—перечисляетъ авторъ и тутъ же расписывается: «и на насъ—сравнительно молодежь—они смотрятъ ласково». У читателя скатывается невольно слеза умиленія предъ высокими особами и г. Амфитеатровымъ, пребывавшимъ въ столь высокомъ обществѣ. Вездѣ онъ свой человѣкъ, со всѣми знакомъ, у всѣхъ сокровенныя тайны выпытываетъ и намъ о нихъ докладываетъ. Большой человѣкъ г. Амфитеатровъ, и недавніе люди много потеряли бы безъ его талантливаго пера. Въ особенности это надо сказать о бывшемъ московскомъ головѣ Алексѣевѣ, убитомъ по неизвѣстной причинѣ. Подъ перомъ г. Амфитеатрова этотъ типичный московскій самодуръ, отлично знавшій, гдѣ раки зимуютъ, и умѣвшій во время подать то, что въ данное время нужно сильнымъ міра сего—превращается въ общественную силу первой величины. На палитрѣ г. Амфитеатрова для Алексѣева оказались столь яркія краски, что самъ авторъ даже смутился въ концѣ концовъ и счелъ нужнымъ оправдываться, что онъ отнюдь не поклонникъ кулака, хотя тутъ же идеализируетъ кулакъ—«побѣдителей де не судятъ», и т. д.

Въ такомъ же тонѣ написаны и всѣ «Недавніе люди»; изъ чтенія выносишь одно впечатлѣніе, что авторъ—тоже «бывшій человѣкъ» въ своемъ родѣ, великолѣпно справляется съ задачей—расписать кого угодно и какъ угодно. Его

сборникъ можетъ служить отличнымъ образчикомъ нововременскаго, хлесткаго тона, не знающаго удержу. Но читатель, еще не привыкшій къ этой развязности и легкому обращенію съ фактами и истиной, испытываетъ жуткое чувство отъ всѣхъ этихъ величаній такихъ господъ, какъ Алексѣевъ, и такихъ историческихъ яко бы характеристикъ, какъ Черняева, Стамбулова, Фердинанда и т. п.

А. Б.

У. Ризонъ. Университетскія и соціальныя поселенія. Переводъ съ англійскаго Е. С. Петрушевской подъ редакціей проф. Д. М. Петрушевскаго. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1901. Ц. 80 коп. Интересная книжка Ризона заслуживаетъ самаго широкаго распространенія въ нашемъ обществѣ. Англійскіе «культурные скиты», такъ широко развившіеся за послѣднія десятилѣтія, чрезвычайно любопытны по двумъ причинамъ: во-первыхъ, они знаменуютъ существованіе въ англійскихъ культурныхъ классахъ нѣкоторой здоровой струи,—движенія филантропическаго въ лучшемъ смыслѣ слова, тенденціи, не имѣющей ничего общаго съ ханжествомъ и отталкивающимъ морализирующимъ протестантскимъ безсердечіемъ,—каковыя качества украшаютъ весьма многія и старыя благотворительныя учрежденія и общества въ Англіи; во-вторыхъ, университетскія и соціальныя поселенія могутъ и для другихъ странъ послужить образчиками дѣятельности, весьма сильной, облегчающей жизнь многимъ и многимъ бѣднякамъ большихъ городовъ и не требующей никакого особеннаго самоотверженія и труда, а слѣдовательно,—общедоступной. Изъ разныхъ формъ филантропіи эта—одна изъ наиболѣе реальныхъ и заслуживающихъ сочувствія. Уже около четырнадцати лѣтъ образованные люди обоего пола въ Лондонѣ и другихъ мѣстахъ поселяются группами въ Уайтъ-Чапелѣ и другихъ бѣдныхъ и рабочихъ кварталахъ, и устраиваютъ въ своемъ помѣщеніи (или въ иномъ мѣстѣ) публичныя общеобразовательныя и общедоступныя лекціи, доставляютъ населенію медицинскую помощь, помогаютъ отчасти денежными займами, доставленіемъ работы, юридическими совѣтами и т. д. Книжка Уилля Ризона, насколько намъ извѣстно, первый общій отчетъ, дающій ясное понятіе о всемъ движеніи. Вотъ что читаемъ на 97 страницѣ: «Нерѣдко говорятъ объ идеѣ поселенія, какъ о какой-то новой идеѣ, спеціальными носителями которой являются поселенія, и о дѣятельности поселеній, опять-таки какъ о чемъ-то совершенно особенномъ; но что такое идея поселеній и въ чемъ заключается дѣятельность ихъ? —«Идея», общая у всѣхъ поселеній, та, что люди разныхъ проффессій и положеній должны до извѣстной степени жить общей жизнью, что богатые и бѣдные, образованные и необразованные, культурные и нецивилизованные должны встрѣчаться, знать другъ друга и помогать другъ другу... Члены поселенія всѣ по доброй волѣ избрали сферу своей дѣятельности... и они движимы общимъ и опредѣленно, и открыто выраженнымъ желаніемъ расширить свои симпатіи и интересы за предѣлы своего класса».

Одно изъ наиболѣе процвѣтающихъ и популярныхъ поселеній такого рода — Toynbee Hall, гдѣ около полуторы тысячъ человѣкъ получаютъ систематическое образованіе и знакомятся съ предметами не только средней, но и высшей школы. Преподаются тамъ такіе предметы, какъ новѣйшая исторія, французскій и нѣмецкій языки, литература елизаветинскаго періода; есть такіе курсы: «современные соціальные вопросы», анатомія человѣка, геологія, ботаника, физіологія, практическія занятія по химіи, чтенія и бесѣды по исторіи и т. д. При колоссальномъ развитіи сектантства нѣтъ недостатка въ слушателяхъ и такого курса, какъ «еврейская литература» (главнымъ образомъ Библія), музыка въ XVIII вѣкѣ (преимущественно духовная) и т. д. Лица, живущія въ Toynbee Hall, не все свое время отдаютъ лекціямъ и другимъ филантропическимъ занятіямъ; они только урываютъ не-

большую часть времени отъ своего досуга. Весьма многіе курсы безплатны, а за иные назначена плата (на наши деньги отъ 25 коп. до 75 коп. и 1 рубля въ годъ). Есть и «кружки» для чтенія Вальтеръ Скотта вслухъ, для чтенія и иныхъ авторовъ, въ связи съ лекціями о нихъ. «Toynbee Hall, говоритъ между прочимъ, Ризонъ,—кажется своимъ посѣтителямъ то образовательнымъ центромъ, то миссіей, то центромъ всякаго рода попытокъ соціальной реформы. Быть можетъ, это и такъ; посѣтители упускаютъ изъ виду ту истину, что это клубъ въ Уайтъ-Чапелѣ, населенный людьми, исполняющими свой гражданскій долгъ среди своихъ сосѣдей». Особую жизненность даетъ этимъ учрежденіямъ именно ничтожность приносимой жертвы: каждый живетъ своею жизнью, зарабатываетъ себѣ средства къ существованію и исполняетъ свой долгъ по своему. Никто не отказывается отъ того, что считаетъ полезнымъ для своего развитія; никто не оставляетъ своей профессіи и не лишаетъ себя культурной обстановки. Никто не аффектируетъ равенства съ сосѣдями, усваивая вульгарныя или нечистоплотныя привычки. Никто не имѣетъ вида жертвы (стр. 27). Интересно, что нищее, голодное и несчастное населеніе этого квартала сначала весьма подозрительно отнеслось къ этимъ оригинальнымъ попыткамъ сближенія со стороны имущихъ и культурныхъ классовъ. Напримѣръ, Toynbee Hall'ю приписывались всевозможные скрытые замыслы (стр. 80). Одни думали, что лекціи, матеріальная и врачебная помощь и прочія дѣйствія членовъ клуба объясняются желаніемъ той или иной религіозной секты уловить прозелитовъ; другіе полагали, что вся затѣя объясняется стремленіемъ консерваторовъ, или либераловъ, или радикаловъ привлечь на свою сторону ближайшіе кварталы, съ избирательными цѣлями. Словомъ, въ безкорыстныя побужденія иниціаторовъ предпріятія никто не вѣрилъ; но это подозрительное (а иногда и прямо злобное) отношеніе не оттолкнуло участниковъ дѣла и не озлобило ихъ, не заставило вспомнить мольеровское «tu l'as voulu, Georges Dandin», и отойти прочь (впрочемъ, и причинъ къ озлобленію было не особенно много: дѣло не дошло до прямыхъ насилій и оскорбленій, а политическіе порядки Англіи избавили тружениковъ отъ подозрѣній и преслѣдованій властей). Прошло лѣтъ десять—и всѣ первоначальныя шероховатости сгладились и исчезли. Теперь очень многіе богатые и образованные участники поселеній связаны теплой и прочной дружбой со своими слушателями и паціентами. Авторъ съ свойственною ему (хотя вовсе не антипатичною) сентиментальностью говоритъ по этому поводу: «Бѣдные увидѣли, что богатые не таковы, какъ ихъ расписываютъ ораторы, а богатые открыли у бѣдныхъ добродѣтели, о которыхъ не всегда можно догадаться изъ ихъ разговора». Не мало повліяли члены поселеній и на самоуправленіе Восточнаго Лондона, еще не такъ давно проникнутаго духомъ самаго холоднаго и черстваго эгоизма и бездушія. Рядомъ съ прежними богачами-эксплуататорами—въ мѣстныхъ совѣтахъ засѣдаютъ и переселившіеся изъ другихъ частей столицы участники поселеній, энергично заботящіеся о томъ, чтобы деньги шли на удовлетвореніе нуждъ бѣдноты, а не на отстраиваніе новыхъ и новыхъ капеллъ и содержаніе при нихъ чванныхъ, черствыхъ и надутыхъ проповѣдниковъ, существующихъ только для богатыхъ. Духъ самоуправленія Восточнаго Лондона сильно измѣнился подъ бдительнымъ контролемъ и живымъ вліяніемъ поселеній. Первая мысль о поселеніяхъ родилась въ университетскихъ (профессорскихъ и студенческихъ) кружкахъ, и ряды участниковъ этихъ предпріятій пополняются также по большей части университетскими людьми; поэтому весьма многіе изъ нихъ берутся именно за педагогическую часть въ поселеніяхъ. Типы обученія чрезвычайно разнообразны: одна категорія «поселенцевъ» обучаетъ маленькихъ дѣтей, другая преподаетъ взрослымъ, не бывавшимъ въ школѣ, третья—окончившимъ элементарную

школу, четвертая лицамъ, уже кое-что самостоятельно читавшимъ, и т. д. Есть и вечерніе классы для дѣвушекъ по гигіенѣ, домоводству, кулинарному искусству, музыкѣ и пр.

Это преподаваніе разнообразнѣйшихъ предметовъ не всегда имѣетъ единственною цѣлью дать возможность дальнѣйшаго развитія бѣдному человѣку; иногда, рядомъ съ этимъ, преслѣдуется и другая болѣе непосредственная задача: подготовить рабочаго къ полученію диплома, къ экзамену на фабричнаго инспектора, словомъ къ такого рода оффиціальному испытанію, которое даетъ рабочему возможность и надежду измѣнить свою участь къ лучшему. Уже было много примѣровъ достиженія полнѣйшаго успѣха на этомъ пути. Не забыты интересы и такихъ лицъ, которыя заняты дни и ночи (напр., грузовые рабочіе на докахъ и т. п.) и не могутъ регулярно посѣщать курсы; для нихъ читаются отдѣльныя законченныя лекціи, хоть немного помогающія въ данномъ случаѣ дѣлу. «Надо сказать по правдѣ,— пишетъ одинъ изъ участниковъ чтеній,—что нѣтъ лучше аудиторіи, какъ аудиторія изъ рабочихъ обоего пола. Никто не слѣдитъ такъ внимательно за лекціей, никто не выражаетъ такъ отъ души и такъ непосредственно своего одобренія, а если затронутъ спорный вопросъ, никто не будетъ такъ охотно и откровенно задавать вопросы и критиковать. Это, я убѣжденъ, и есть причина, почему тѣ, кому есть что сказать, такъ охотно говорятъ, не ища иной награды».

Весьма важно также и общее гуманизирующее вліяніе «поселеній» на англійское общество. Англійская общественная благотворительность всегда отличалась вполнѣ сознательною тенденціей,—сдѣлать горькимъ даровой хлѣбъ, даваемый бѣднымъ. Въ рабочихъ домахъ съ обитателями ихъ обращались въ недавнемъ прошломъ и обращаются (внѣ Лондона и Бристоля теперь) хуже, чѣмъ въ нашихъ тюрьмахъ съ арестантами (некаторжными): презрѣніе, ругательства, разлученіе мужей и женъ, требованія раболѣпныхъ знаковъ почтенія къ посѣтителямъ — вотъ что слишкомъ часто ставилось на видъ этимъ «филантропическимъ» учрежденіямъ. Разбираемая книжка почему-то обходитъ всѣ эти факты молчаніемъ и весьма елейно отзывается только о нѣкоторыхъ несовершенствахъ общественной филантропіи, противъ которыхъ борятся университетскія и соціальныя поселенія; но вещи слѣдуетъ называть ихъ именемъ: принижающая благотворительность дамъ, ханжей, священниковъ разныхъ наименованій и т. п. начинаетъ сильно мѣнять свой общій характеръ подъ внимательными взорами университетскихъ поселеній. Дж. Скоттъ Лидгетъ ставитъ въ будущемъ вполнѣ опредѣленную задачу поселеніямъ въ этой области: «Поселеніямъ,—говоритъ онъ,—слѣдовало бы обратить вниманіе на дѣятельность въ связи съ законами о бѣдныхъ, во-первыхъ, потому, что они одни могутъ найти такихъ дѣятелей (какъ мужчинъ, такъ и женщинъ), которые очистятъ администрацію благотворительныхъ учрежденій отъ царящаго въ ней эгоизма и грубости, безсилія и ограниченности, во-вторыхъ, потому, что эта дѣятельность даетъ возможность проникнуть въ самое сердце тѣхъ соціальныхъ золъ, съ которыми борятся поселенія, и, слѣдовательно, еще потому, что, понявъ сущность этихъ золъ, дѣятели поселеній получатъ возможность терпѣливо нести свою долю бремени въ томъ общемъ движеніи къ реформѣ, которое, быть можетъ, когда нибудь положитъ конецъ пауперизму».

Отнюдь не преувеличивая весьма, въ сущности, скромной соціальной роли этой новой формы благотворительности, мы все же не можемъ найти поводовъ опасаться за дальнѣйшее процвѣтаніе поселеній: они приносятъ пользу тысячамъ обездоленныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благотворно вліяютъ на психику и самочувствіе тѣхъ добрыхъ и сострадательныхъ людей, которые не считаютъ возможнымъ всѣ душевные свои запросы утолять бормотаньемъ англиканскаго или сектанскаго pray-book'а. Будущее за ними, но увидитъ ли ихъ континентъ въ

такихъ размѣрахъ, какъ Англія, сказать пока мудрено... Мы рекомендуемъ книжку Ризона, правдивую и освѣдомленную, точную и ясную (несмотря на нѣсколько преувеличенную жизнерадостность тона), всѣмъ, кто интересуется тѣми или иными исканіями путей къ соціальной справедливости, исканіями, которыя иногда сближають самыя далекія и разнородныя группы европейскаго общества.

Русскій переводъ исполненъ превосходно; съ внѣшней стороны книжка издана опрятно и даже изящно. Едва ли ошибемся, предсказавъ работѣ Ризона успѣхъ среди нашей читающей публики. *Е. Т.*

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ.

Дружининъ. «Общепонятное законовѣдѣніе».—*Его же.* «Волостное правленіе и волостной старшина».—«Дѣло дворянъ Безмѣновыхъ».

Общепонятное законовѣдѣніе. Научно-практическое пособіе, съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ. Н. П. Дружинина. Изданіе 2-е, съ перемѣнами и дополненіями. М. 1901 г. Цѣна 1 рубль.

Волостное правленіе и волостной старшина. Н. П. Дружинина. Второе изданіе редакціи журналовъ «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогич. Листокъ». М. 1901 г. Цѣна 20 коп.

«Отсутствіе науки права въ совокупности знаній, наиболѣе обращающихся въ нашей интеллигенціи, составляетъ одну изъ слабыхъ сторонъ нашей образованности. Правда, мы вообще не очень высоко стоимъ въ интеллектуальномъ отношеніи, и у насъ степень пониманія философскаго и моральнаго, политическаго и историческаго не особенно высока; но, пожалуй, еще болѣе можно говорить о низкомъ уровнѣ законности и правового сознанія въ нашемъ обществѣ» *).

Замѣчаніе это, сдѣланное проф. Карѣевымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, остается въ полной силѣ и въ примѣненіи къ настоящему времени, хотя теперь уже можно отмѣтить несомнѣнные признаки пробужденія въ обществѣ интереса къ юридическимъ знаніямъ. Читатель «попроще» жадно поглощаетъ научно-популярныя юридическія книги и брошюры, несмотря на то, что большинство такихъ изданій принадлежитъ къ весьма неудачнымъ и даже уродливымъ издѣліямъ Никольскаго рынка. Въ культурной части общества тотъ же интересъ къ юридическимъ знаніямъ можетъ быть оцѣненъ хотя бы по тому пріему, съ какимъ встрѣчено у насъ введеніе законовѣдѣнія въ курсъ средней школы. Во всякомъ случаѣ, нашей убогой (и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи) популярной юридической литературѣ предстоитъ широкое развитіе и воспитательное значеніе ея въ общественномъ смыслѣ должно будетъ въ значительной мѣрѣ усилиться. И чѣмъ шире становится кругъ ея вліянія, тѣмъ болѣе серьезныя требованія должны мы предъявлять къ ней.

Въ числѣ популяризаторовъ юридическихъ знаній имя г. Дружинина занимаетъ довольно видное мѣсто. Имъ составлено около дюжины популярныхъ руководствъ по разнымъ вопросамъ правовѣдѣнія, причемъ многія изъ нихъ вышли вторымъ изданіемъ **). Всѣ работы его обнаруживаютъ наилучшія намѣренія автора, вы отдаете полную справедливость автору за его добросовѣстность, усидчивость, но въ результатѣ, ознакомившись съ той или иной его работой, вы остаетесь въ совершенномъ недоумѣніи,—для кого, для ка-

*) «Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній», т. 1-й (1893 г.).

**) Укажемъ, напримѣръ: «Общедоступное руководство къ изученію законовъ» (два изданія), «Новое сельское общество» (два изданія), «Русское государственное, гражданское и уголовное право», «Сельскій староста» (два изданія), «Юридическое положеніе крестьянъ», «Общедоступный очеркъ финансоваго права» и др.

кого круга читателей затраченъ авторомъ трудъ? Для какой собственно цѣли избрана имъ та или иная система изложенія?

Передъ нами компактная, въ 15 печатныхъ листовъ книга: «Общепонятное законовѣдѣніе». Тутъ же, на заглавномъ листѣ, г. Дружининъ поясняетъ, что книга его предназначена «для самообразованія», какъ «научно-практическое пособіе». А затѣмъ, дальше, въ текстѣ, идетъ сухое догматическое изложеніе русскаго законодательства. «Научное обоснованіе» своего труда авторъ видитъ въ «строгой системѣ», которая заключается въ распредѣленіи матеріала по частямъ и главамъ. Часть первая («Населеніе, законъ и власть») даетъ понятіе объ элементахъ государства; часть вторая («Важнѣйшіе общіе законы») излагаетъ задачи государства; часть третья («Государственное устройство и управленіе») посвящена органамъ государственной власти; четвертая («Уголовная охрана законовъ»)—уголовному праву; пятая («Судебная охрана правъ»)—судебнымъ учрежденіямъ и, наконецъ, въ шестой части помѣщены различныя справочныя свѣдѣнія. Допустивъ даже, что такая систематизація законодательнаго матеріала имѣетъ безспорныя научныя основанія, мы все-таки не можемъ признать значенія *научнаго пособія* за книгой, которая сплошь переполнена сухими мелочными подробностями, ничѣмъ не связанными другъ съ другомъ. Авторъ только излагаетъ законы, совершенно не пытаясь, хотя бы только для облегченія памяти своихъ читателей, дать какія бы то ни было теоретическія обоснованія дѣйствующаго права. Читатель долженъ обладать феноменальной памятью, чтобы «усвоить» предлагаемый ему г. Дружининымъ курсъ, но и при этомъ условіи онъ все-таки останется въ полномъ невѣдѣніи относительно сущности русскаго государственнаго устройства. Функціи и отношенія законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ учрежденій, отношеніе закона къ распоряженіямъ, исходящимъ отъ различныхъ правительственныхъ установленій и проч., и проч.,—все это «Общепонятное законовѣдѣніе» ничуть не выясняетъ читателю, и правовое сознаніе послѣдняго едва ли много выиграетъ отъ знакомства съ работой г. Дружинина.

Для людей, нѣсколько знакомыхъ уже съ общими положеніями права, «Общепонятное законовѣдѣніе» представляетъ извѣстную цѣнность, какъ справочное пособіе. Но и здѣсь цѣнность книги въ значительной степени умаляется отсутствіемъ систематическихъ указателей и ссылокъ въ текстѣ на соотвѣтствующіе законодательные акты. Затѣмъ, даже при самомъ поверхностномъ просмотрѣ книги, бросаются въ глаза существенные недочеты и пропуски, изъ которыхъ отмѣтимъ, напримѣръ, слѣдующіе. Въ примѣчаніи на стр. 4-й авторъ рекомендуетъ «Юридическую Газету» и «Судебную Газету», какъ изданія, въ которыхъ перепечатываются всѣ законы и важнѣйшія правительственныя распоряженія и которыя даютъ подписчикамъ отвѣты на ихъ запросы о законахъ. Почему же авторъ скрылъ отъ своихъ читателей существованіе такого почтеннаго юридическаго органа, какъ «Право»? Почему не назвалъ онъ «Вѣстника Права» и «Журнала Министерства Юстиціи»? Рекомендуя книги по энциклопедіи права (стр. 184), г. Дружининъ перечисляетъ такія сочиненія, какъ «Юридическую Энциклопедію» Аренса, «Энциклопедію Права» Пухты, которыя въ настоящее время могутъ служить только источниками, а никакъ не курсами, и въ то же время не упоминаетъ сочиненія проф. Петражицкаго: «Философія Права». Въ перечнѣ сочиненій по уголовному праву (стр. 186) пропущены «Лекціи» Таганцева, по гражданскому праву (стр. 185) не названъ Анненковъ; далеко не полонъ списокъ «частныхъ изданій книгъ законовъ съ разъясненіями и практическихъ пособій къ изученію законовъ» и т. д. Въ текстѣ та же неполнота, тѣ же неточности. Излагая, напримѣръ, дѣйствующее законодательство о сословіяхъ (стр. 6), авторъ замѣчаетъ, что «въ настоящее время сословныхъ различій значительно меньше». Какой періодъ времени здѣсь

взятъ для сравненія, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, нельзя же въ современномъ курсѣ законовѣдѣнія не отмѣтить какъ разъ именно противоположнаго направленія нашего законодательства, которое въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій настойчиво устанавливаетъ все новыя и новыя грани между отдѣльными сословными группами населенія. Разъясняя функціи уѣзднаго члена окружного суда (стр. 167), авторъ говоритъ, что ему подсудны дѣла о кражахъ, за которыя полагается тюремное заключеніе *до* полутора года, не отмѣтивъ другого предѣла—*отъ* одного года. Тамъ же встрѣчаемся съ такой фразой: «Жалобы на его (уѣзднаго члена) приговоры разсматриваются окружнымъ судомъ». Читатель можетъ заключить, что рѣчь идетъ о жалобахъ вообще, тогда какъ въ дѣйствительности кассаціонныя жалобы на рѣшенія уѣзднаго члена окружного суда разсматриваются кассаціоннымъ департаментомъ сената. Подобныхъ неточностей множество, почему для сколько-нибудь требовательнаго читателя книга г. Дружинина даже какъ справочное пособіе покажется неудовлетворительной. Словомъ, погнавшись за двумя зайцами, разсчитывая въ одной и той же книгѣ совмѣстить теоретическое пособіе со справочнымъ руководствомъ, авторъ не поймалъ ни одного.

Къ достоинствамъ «Общепонятнаго Законовѣдѣнія» надо отнести полную объективность изложенія.

Совсѣмъ иначе обращается г. Дружининъ къ «самой большой,—какъ онъ выражается,—публикѣ». Если въ «Общепонятномъ Законовѣдѣніи» онъ считаетъ достаточнымъ передать законоположенія, относящіяся къ волостному обществу и волостнымъ властямъ, на пространствѣ менѣе десяти страницъ (98—107 стр.), то, обращаясь къ «самой широкой публикѣ», онъ ухитряется, значительно сокративъ этотъ же матеріалъ, растянуть его на цѣлыхъ 65 страницъ. Такимъ именно путемъ и появилась на свѣтъ брошюра «Волостное Правленіе и Волостной Старшина». Въ формѣ полубеллетристическаго повѣствованія, которая по какому-то странному недоразумѣнію считается обязательной въ бесѣдахъ съ «самой широкой публикой», г. Дружининъ выводитъ цѣлый рядъ идеальнѣйшихъ людей. Тутъ и простые крестьяне, Константинъ и Иванъ, теоретически (по «Своду» Горемыкина) и практически (при помощи научныхъ экскурсій въ волостное правленіе) изучащіе крестьянскія учрежденія, волостной писарь съ университетскимъ образованіемъ, идеальнѣйшій и просвѣщеннѣйшій волостной старшина, идеальный московскій купецъ съ супругою, жертвующіе волостному обществу десять тысячъ на образовательныя цѣли, и множество другихъ прекраснѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ людей. Бесѣдуя другъ съ другомъ, они то и дѣло обмѣниваются самыми изящными комплиментами, сопровождаемыми крѣпкими рукопожатіями и искреннѣйшими увѣреніями во взаимномъ уваженіи. Бесѣдуютъ они, главнымъ образомъ, о собственныхъ добродѣтеляхъ, отчасти о волостныхъ учрежденіяхъ, а также и о разныхъ посторонникъ предметахъ, причемъ, напримѣръ, одинъ разговоръ о пишущей машинѣ занимаетъ ровно восьмую часть брошюры (26—33 стр.). Читаешь и думаешь, что вотъ-вотъ явится земскій начальникъ и однимъ властнымъ мановеніемъ перста разгонитъ изъ волостного правленія всю эту прекраснодушную компанію. Но нѣтъ, земскій начальникъ не является, и приторные разговоры тянутся утомительно долго.

Неужели же г. Дружининъ серьезно думаетъ, что и подобная, приправленная сахариномъ стряпня можетъ «возбуждать правосознаніе» въ крестьянской массѣ?

В. К.

Изъ залы суда. Дѣло дворянъ Безмѣновыхъ. Спб. 1901 г. Цѣна 20 коп. Складъ изданія у гг. Безмѣновыхъ, въ с. Петровскомъ, Ставропольской губ. Случай — довольно рѣдкій въ исторіи нашего книгоиздательства: обвиненные окружнымъ судомъ и судебной палатой въ уголовномъ дѣяніи, «преступники»

сами, на свой собственный счетъ, печатаютъ и издаютъ закончившійся ихъ обвиненіемъ процессъ. Очевидно, г. Безмѣновы сочли себя вынужденными апеллировать къ послѣдней открытой для нихъ инстанціи—къ суду общественнаго мнѣнія, и поэтому одному уже они должны быть выслушаны нами.

Братья Безмѣновы, крупные землевладѣльцы, заложили свой хлѣбъ въ отдѣленіи владикавказскаго государственнаго банка и своевременно уплатили долгъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ несуществующій уже долгъ явился взыскивать къ нимъ въ усадьбу банковскій чиновникъ въ сопровожденіи полиціи. Несмотря на всѣ объясненія владѣльцевъ имѣнія о томъ, что всѣ счеты ихъ съ отдѣленіемъ банка покончены, что бывшій въ залогѣ у банка хлѣбъ уже вывезенъ въ Новороссійскъ и тамъ проданъ, помощникъ исправника приказалъ ломать замки на воротахъ усадьбы и амбаровъ. Безмѣновы пытались было защищать свою собственность отъ незаконнаго захвата и продажи: они клали свои пальцы въ дужки замковъ, разсчитывая, что не станутъ же ломать ихъ пальцы вмѣстѣ съ замками, становились въ дверяхъ амбаровъ, стараясь не пустить туда полицію, уговаривали, читая ломающимъ ихъ амбары полицейскимъ чинамъ соотвѣтствующія статьи уложенія о наказаніяхъ (о разбоѣ и грабежѣ), но всѣ эти попытки ни къ чему не привели. Безмѣновыхъ отъ замковъ оттащили, причемъ одному изъ нихъ изуродовали палецъ, амбары взломали и отняли у нихъ хлѣбъ, который въ залогѣ у банка не состоялъ. Въ результатѣ такихъ «недоразумѣній» Безмѣновы были преданы суду за сопротивленіе властямъ и оскорбленіе должностныхъ лицъ. Ставропольскій окружный судъ призналъ ихъ виновными въ указанныхъ дѣяніяхъ и приговорилъ ихъ къ аресту при тюрьмѣ на три недѣли каждаго. Тифлисская судебная палата, куда дѣло перешло по апелляціонной жалобѣ подсудимыхъ и протесту товарища прокурора, оставила жалобы и протестъ безъ послѣдствій и приговоръ суда утвердила. Такова канва, любопытные узоры которой читатель найдетъ въ брошюрѣ. Какъ безпристрастный отчетъ о дѣлѣ, ясно, по справедливому замѣчанію издателей, обрисовывающемъ нравы и условія, въ которыхъ проходитъ жизнь обывателя, брошюра заслуживаетъ вниманія. Успѣху ея можетъ помѣшать развѣ то, что жизнь наша не скупится на факты, подобные «дѣлу Безмѣновыхъ», и ежедневная пресса давно уже притупила вниманіе читателей всѣми этими «маленькими недостатками механизма». *В. К.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Мижуевъ. «Великій расколъ англо-саксонской расы».—*Ковалевскій.* «Происхожденіе современной демократіи».

П. Г. Мижуевъ. Великій расколъ англосаксонской расы. Американская революція (преимущественно съ точки зрѣнія литературныхъ факторовъ). Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 коп. Исторія Америки,—рѣчь идетъ собственно о Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки,—хотя сравнительно съ исторіею континентальныхъ странъ и очень коротка, но обладаетъ богатою національною литературою. Въ сущности въ теченіе этой исторіи было только два выдающихся и по своему міровому значенію крупныхъ событія: война за независимость и война сѣвера съ югомъ изъ-за невольничества. И та, и другая война окончились въ пользу того рѣшенія, которое подсказывалось высшими принципами современной культуры, и притомъ рѣшеніе это безповоротно—ни зависимость отъ Англіи, ни невольничество не возстановятся, о возрожденіи ихъ не можетъ быть и рѣчи. Американскіе историки могутъ теперь совершенно безпристрастно, академически обсуждать интересы враждовав-

*

шихъ тогда сторонъ, основанія и доводы, которые выдвигались ими другъ противъ друга въ жару борьбы, пріемы, которыми они обѣ дѣйствовали. Это не то, что во Франціи, гдѣ дѣло французской революціи до сихъ поръ возбуждаетъ страсти, которымъ трудно улечься, пока разные Бурбоны и Орлеаны выжидаютъ промаховъ, хотя и не молодой уже республики, чтобы вернуть что-нибудь изъ «стараго порядка». Это обстоятельство не можетъ не накладывать своей печати не только на популярную, но даже научную историческую литературу Франціи. Съ другой стороны, спокойное обладаніе національной независимостью и свободными политическими учрежденіями приводитъ къ тому безпристрастію, которое поражаетъ автора разсматриваемой книги у американскихъ историковъ и которымъ онъ такъ восторгается. Примѣромъ такого безпристрастнаго изложенія американской исторіи служитъ въ глазахъ г. Мижуева сочиненіе проф. Тайлера «Литературная исторія американской революціи» Въ этомъ трудѣ авторъ, по мнѣнію г-на Мижуева, старается вполнѣ возвыситься надъ страстями, волновавшими нѣкогда его предковъ, представить каждую изъ враждовавшихъ сторонъ или партій, на которые дѣлилось американское общество, въ возможно болѣе благопріятномъ для нея свѣтѣ. Книга г. Мижуева, помѣщенная ранѣе въ видѣ статей на страницахъ журнала «Русское Богатство» (1900, № 5—8, «Литературные факторы американской революціи»), представляетъ собою изложеніе двухтомнаго труда Тайлера, мѣстами дословное, дополненное въ нѣкоторыхъ случаяхъ ссылками на другіе труды по исторіи Америки. Въ концѣ книги приложены декларации правъ, текстъ «Соглашенія» и одна изъ рѣчей В. Питта.

По мнѣнію какъ Тайлера, такъ и другого выдающагося американскаго историка А. Бушнеля Харта, американская революція произошла не изъ-за притѣсненій, тѣмъ болѣе изъ-за нестерпимыхъ притѣсненій, а, главнымъ образомъ, *изъ-за принципа*: изъ-за нежеланія американцевъ признать за англійскимъ парламентомъ право облагать ихъ даже самыми малыми налогами безъ ихъ на то согласія. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть англійскихъ колоній въ Америкѣ пользовалась почти полной самостоятельностью; всѣ они имѣли представительныя учрежденія, въ колоніяхъ была полная свобода религіозная, полная свобода печати, ассоціацій, сходокъ и т. п. Ничего подобнаго не было въ современныхъ колоніяхъ Франціи и Испаніи, гдѣ деспотизмъ царилъ также безгранично, какъ въ метрополіяхъ. «Американскій народъ возсталъ не противъ фактической тиранніи, а противъ тиранніи, ожидаемой въ будущемъ. Американцы произвели свою революцію не потому, что они дѣйствительно уже были страдающими, а потому, что будучи хорошими логиками, они оказались въ состояніи предвидѣть, что если они тотчасъ не окажутъ сопротивленія, то впослѣдствіи дѣло дойдетъ до фактическихъ страданій, если не для нихъ самихъ, то для ихъ дѣтей». Благодаря этому открытію, революціонной борьбѣ оружіемъ предшествовала долгая борьба идей, продолжительный споръ объ основаніяхъ къ сопротивленію, отразившійся въ обширной литературѣ брошюръ (памфлетовъ), пѣсенъ, сатиръ, церковныхъ проповѣдей и проч. Сочиненіе Тайлера и разсматриваетъ, главнымъ образомъ, эту литературу, какъ факторъ, опредѣлившій направленіе историческихъ силъ. Разсмотрѣніе дѣятельности всѣхъ этихъ людей, не министровъ, генераловъ или законодателей, а авторовъ газетныхъ и журнальныхъ статей, поэтовъ и проповѣдниковъ убѣдительно доказываетъ «великое значеніе идей, созидательное и рѣшительное значеніе силъ въ развитіи историческаго процесса».

Авторъ разсматриваемой книги, очевидно, вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе проф. Тайлера, что «эта революція въ самой сильной степени была порождена идеями и никогда не переставала быть борьбою идей». Однако, нельзя забывать и того, что за этими идеями стояли, хотя бы и въ предвидѣніи, вполнѣ реальные интересы,—интересы торговли и промышленности. Выдержка изъ Ал. Бушнеля

Харта, въ концѣ книги (стр. 228), достаточно ясно говоритъ объ этомъ: «Успѣхъ революціи открылъ для американской промышленности и торговли тысячи путей во всѣхъ концахъ міра». Американцы уже и тогда понимали истинную силу и назначеніе своей страны. Т. Пэнъ пишетъ: «Съ какой стати намъ мѣряться силами со всѣмъ свѣтомъ? Наша задача — торговля, а если ее вести какъ слѣдуетъ, то мы обезпечимъ себѣ дружбу и расположеніе всей Европы, такъ всѣ страны Европы заинтересованы въ доступѣ Америки для своей торговли»... (стр. 129). Эти слова, которыя не мѣшало бы кстати запомнить теперешнимъ американскимъ имперіалистамъ, вошедшимъ въ такой задоръ послѣ побѣдъ надъ Испаніей, указываютъ на ясное пониманіе американцами ихъ главнаго интереса: торговли, а ужъ на этомъ пути Англія, безъ сомнѣнія, стояла у нихъ тогда поперекъ дороги.

Книга г. Мижуева интересна, написана легко и даетъ много новаго, особенно имѣя въ виду недостатокъ у насъ переводной литературы по исторіи Америки. Кромѣ недавно вышедшей «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ» Э. Чаннинга, у насъ есть только устарѣвшія работы 60—70-хъ гг., въ родѣ книги Лабулэ. Весьма желательно было бы имѣть переводы какой-либо полной исторіи Штатовъ Сѣверной Америки, тѣмъ болѣе, если американская историческая литература такъ богата. Что же касается историческаго безпристрастія, которое заставляетъ проф. Тайлера, а за нимъ и нашего русскаго автора, приводить такъ же обстоятельно литературу лойялистовъ, т.-е. противниковъ отпаденія Америки отъ Англіи, какъ и ея сторонниковъ, то мы признаемъ все значеніе и важность его въ строго-научныхъ трудахъ, гдѣ самое важное — правильное установленіе фактовъ. Но въ работахъ, преслѣдующихъ скорѣе цѣли популяризаціи, чѣмъ научнаго изслѣдованія, излишество этого безпристрастія, кажется, намъ иногда не совсѣмъ умѣстнымъ. Гдѣ тутъ разобраться иному читателю, кто правъ, кто не правъ, когда обѣ стороны говорятъ одинаково умно и состоятъ изъ равно достойныхъ людей. Приходится признать, что успѣхъ дѣлаетъ правымъ. А это довольно плохой критерій справедливости. *М. П—въ.*

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I, части 1 и 2. Изданіе 2-е, К. Т. Солдатенкова. Цѣна 3 руб. Со времени составленія перваго изданія перваго тома «Происхожденія демократіи» прошло, какъ сообщаетъ въ предисловіи М. М. Ковалевскій, болѣе 10 лѣтъ. За это время литература по исторіи французской революціи разрослась настолько, что не воспользоваться ею хотя отчасти было совершенно невозможно. Кромѣ того, автору пришлось много поработать въ парижскомъ центральномъ архивѣ, гдѣ ему посчастливилось найти много любопытныхъ данныхъ о дореволюціонной промышленности во Франціи. Наконецъ, появленіе неизданныхъ сочиненій Монтескье и Руссо заставило М. М. Ковалевскаго пересмотрѣть 3 и 4 части его работы, которыя вышли въ свѣтъ раньше *). Благодаря всему этому, книга выросла чуть не вдвое. Въ настоящее время передъ нами тѣ части книги, въ которыхъ изображаются экономическій, соціальный и политическій строй Франціи наканунѣ революціи. Вошедшій сюда матеріалъ переработанъ неравномѣрно. Въ то время, какъ глава V—о политическихъ условіяхъ—получила лишь формальныя дополненія, первыя четыре, благодаря новымъ фактамъ и полемическимъ отступленіямъ, сдѣлались какъ бы новымъ трудомъ.

Однако основные взгляды автора по наиболѣе важнымъ вопросамъ не измѣнились. Тутъ на первомъ мѣстѣ знаменитая проблема существованія мелкой крестьянской собственности до революціи. Когда г. Ковалевскій готовилъ первое изданіе, существовало два взгляда; Токвиль въ своей классической книгѣ до-

*) См. «Міръ Божій» 1900, кн. 3, «Библіогр. отд.».

казывалъ, что мелкая крестьянская собственность до революціи существовала; но фактовъ, на которые онъ опирался, Токвиль не открывалъ. Другіе изслѣдователи возражали Токвилю; однимъ изъ первыхъ выступилъ противъ него нашъ проф. Карѣевъ, опиравшійся на мнѣнія Артура Юнга («Крестьяне во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.»). М. Ковалевскій въ первомъ изданіи примкнулъ къ мнѣнію противниковъ Токвиля, но онъ пришелъ къ своимъ выводамъ вполнѣ самостоятельно путемъ тщательныхъ изысканій и работъ надъ источниками болѣе точными, чѣмъ глазомѣрныя свѣдѣнія англійскаго путешественника, но все-таки нуждающимися въ обстоятельной критической повѣркѣ. Это—сельскіе наказы, незамѣнимые во многихъ отношеніяхъ, но мало пригодные для установленія факта. Одновременно съ г. Ковалевскимъ работалъ надъ тѣмъ же вопросомъ г. Лучицкій, но работалъ иначе. Онъ изслѣдовалъ въ разныхъ частяхъ Франціи податные списки, кадастровыя книги, описи имѣній и проч., и результаты его работъ подтвердили основной тезисъ Токвиля въ данномъ вопросѣ. Н. И. Карѣевъ въ предисловіи къ недавно вышедшему французскому изданію своей книги (оно напечатано безъ перемѣнъ въ текстѣ) говоритъ, что его взгляды на мелкую крестьянскую собственность до революціи измѣнились, но болѣе подробныхъ разъясненій не даетъ. Г. Ковалевскій не былъ убѣжденъ доводами проф. Лучицкаго; вскорѣ послѣ появленія первыхъ статей кіевскаго историка онъ возражалъ ему въ журнальной статьѣ («Русская Мысль» 1896, 8), а теперь вновь подвергаетъ аргументацію Лучицкаго подробному анализу.

Въ журнальной замѣткѣ мы не можемъ входить въ детальное разсмотрѣніе этой въ высшей степени интересной полемики. Для этого пришлось бы выдвинуть всю тяжелую артиллерію исторической науки; кромѣ того, многіе изъ ссылокъ обоихъ противниковъ допускаютъ провѣрку только на мѣстѣ. Скажемъ только, что общее впечатлѣніе не въ пользу М. М. Ковалевскаго. Во многихъ частностяхъ онъ, повидимому, правъ. Такъ, онъ съ полнымъ основаніемъ возражаетъ противъ поддерживаемаго г. Лучицкимъ мнѣнія объ однородности крестьянской массы конца прошлаго вѣка и констатируетъ извѣстнаго рода дифференціацію въ ея средѣ. Но въ общемъ, какъ кажется, положеніе Токвиля еще рано окончательно сдать въ архивъ.

Очень интересны тѣ страницы книги, на которыхъ разсматривается положеніе рабочаго вопроса на исходѣ XVIII вѣка. Въ послѣднее время все чаще и чаще обращаются къ этой сторонѣ исторіи стараго порядка, но матеріалъ далеко еще не приведенъ въ извѣстность, и въ этомъ отношеніи работа М. М. Ковалевскаго, несомнѣнно, двигаетъ впередъ изученіе, хотя данныхъ одного парижскаго архива, конечно, недостаточно для болѣе категорическаго отвѣта на главные вопросы этого порядка. Основной выводъ III главы книги г. Ковалевскаго—что не революція разрушила существовавшую въ средніе вѣка солидарность рабочихъ и предпринимателей—можетъ быть принятъ тѣмъ безопаснѣе, что наличность этой солидарности въ классическую эпоху цеховой промышленности находится подъ сомнѣніемъ. Устраняя одну часть искусственной схемы, г. Ковалевскій сохраняетъ другую. Впрочемъ, въ данномъ вопросѣ, споръ затрогиваетъ не входящую сюда область средневѣковой исторіи, и къ нему будетъ удобнѣе вернуться, когда появится III томъ «Экономическаго роста Европы».

Еще меньше спора возбуждаетъ слѣдующая глава книги—о французской промышленности. Г. Ковалевскій, какъ намъ кажется, превосходно доказалъ свой выводъ, что причины промышленнаго преобладанія Англіи надъ Франціей въ концѣ XVIII в. лежатъ не въ идеяхъ свободной торговли и въ ихъ выраженіи—договорѣ 1786 г., а въ самой организаціи промышленности, въ промышленной техникѣ, въ недостаткѣ капиталовъ и въ стѣснительной опекѣ, которую правительство изъ фискальныхъ соображеній установило надъ промышленностью.

Послѣдняя глава потерпѣла очень немного измѣненій, такъ что мы не будемъ говорить о ней. *А. Дживелеговъ.*

СОЦІОЛОГІЯ.

Л. Уордъ. «Очерки соціологіи».

Л. Уордъ Очерки соціологіи. Переводъ съ англійскаго Е. И. Бошнякъ. Москва. 1901. (VII+241 стр. 8°). Цѣна 1 р. Едва ли найдется другая такая наука, какъ соціологія. Она такъ измѣнчива и неуловима, такъ сильно мѣняетъ свой обликъ въ изложеніи различныхъ соціологовъ, что читателю, не спеціалисту, крайне трудно разобраться и составить себѣ хотя бы приблизительное представленіе о томъ, что такое соціологія. На первый взглядъ вопросъ этотъ кажется очень простымъ. «Соціологія, какъ показываетъ самое слово, есть ученіе объ обществѣ». Но лишь только мы двинемся дальше, какъ уже въ отвѣтѣ на вопросъ, что такое общество, встрѣтимъ нѣсколько теорій, и чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться, тѣмъ количество различныхъ взглядовъ и разногласій будетъ расти. Въ концѣ концовъ, выносишь изъ этого такое впечатлѣніе, что только одно названіе «соціологія» объединяетъ всѣ эти ученія. Что же касается до содержанія этой «науки», то оно оказывается какъ-то странно-неуловимымъ.

Говорятъ, что соціологія наука новая. Въ этомъ будто бы и лежитъ причина неопредѣленности ея очертаній. Это не совсѣмъ вѣрно. Соціологическими вопросами люди занимаются очень давно, только названіе «соціологія» возникло сравнительно недавно. Если посмотрѣть на дѣло просто, безъ предвзятаго представленія о соціологіи, какъ объ отдѣльной наукѣ, то всякій, мнѣ кажется, согласится, что исторія, науки политическія, юридическія и экономическія—всѣ такъ или иначе трактуютъ о человѣческомъ обществѣ и, слѣдовательно, всѣ должны, какъ часть, входить въ соціологію. Не даромъ же всѣ онѣ называются науками соціальными, общественными. Что же такое случилось? Отчего съ возникновеніемъ названія «соціологіи» спутались представленія о томъ, каково соедержаніе этой науки? Казалось бы, что съ развитіемъ наукъ, составляющихъ въ цѣломъ «соціологію», должно бы было выясниться и ея содержаніе. А произошло вотъ что. Распространилось убѣжденіе, что между отдѣльными науками существуетъ связь, что онѣ могутъ быть объединены въ крупныя группы по объекту изученія. Такъ возникло названіе «біологія», т.-е. наука, или вѣрнѣе кругъ наукъ, изучающихъ живыя организмы (растенія и животныя). Точно также возникло и названіе «соціологія». Само собою разумѣется, что отъ этого практически не могло бы произойти никакого измѣненія. Люди стали только шире смотрѣть на вещи, стали понимать связь отдѣльныхъ дисциплинъ между собою. Но бѣда въ томъ, что на соціологовъ оказало огромное вліяніе естествознаніе и математика—вотъ настоящія науки, открывающія законы, и всякая наука, желающая быть достойной этого названія, должна взять въ образецъ естествознаніе. Но это только внѣшняя сторона. Была и другая—внутренняя: человѣкъ есть высшее изъ безконечнаго ряда животныхъ. Продолжительный процессъ эволюціи создалъ изъ человѣка то, что онъ есть. Чтобы понять человѣка со всей его культурой, нужно понять процессъ этой эволюціи, понять, какъ человѣкъ достигъ своего современнаго состоянія. Этими двумя путями естествознаніе проникло въ соціологію и поработило ее. Вмѣсто того, чтобы изслѣдовать организацію и природу человѣческаго общества, соціологи занялись построеніемъ особой науки соціологіи

по принципамъ естествознанія, и много трудовъ и остроумія потратили на то, чтобы уподобить ее, хотя бы по внѣшности, какой-либо изъ естественныхъ наукъ. Въ обществѣ та же эволюція, что и въ растительномъ, и животномъ царствѣ; общество—не что иное, какъ организмъ; въ мірѣ животныхъ (у пчелъ, муравьевъ и т. д.) мы наблюдаемъ также соціальныя явленія и т. д., и т. д. Въ этомъ увлеченіи естествознаніемъ было почти вовсе забыто то, что было сдѣлано раньше, были забыты тѣ соціальныя науки, которыя уже существовали, и вмѣсто подведенія итоговъ тому, что добыто, стали строить новую науку съ фундамента. Въ этомъ движеніи не было ничего прогрессивнаго, или почти ничего, такъ какъ увлеченіе естествознаніемъ привело только къ искаженію соціологіи. И это явилось вполнѣ естественнымъ результатомъ внѣшняго подражанія естествознанію: оно имѣетъ дѣло съ организмами, поэтому и въ соціологіи должны быть организмы; слѣдовательно, общество организмъ. Естествознаніе отвернулось бы отъ такого научнаго метода, если бы какой-нибудь естествовѣдъ захотѣлъ методы одной науки перенести на другую. Что бы сказалъ естествоиспытатель, если бы нашелся хотя одинъ зоологъ, который бы сталъ изслѣдовать животныхъ только въ колбахъ и пробиркахъ увлекшись точными выводами химіи? Между тѣмъ подобныя соціологическія изслѣдованія не только существуютъ, но даже пользуются извѣстной популярностью. Вмѣсто того, чтобы изслѣдовать структуру человѣческаго общества, соціологи пишутъ о муравьяхъ, пчелахъ, сельдяхъ, и увѣрены, что эти изслѣдованія составляютъ вкладъ въ соціологію. Это было бы совершенно справедливо, если бы при этомъ имѣлась въ виду соціологія муравьевъ, пчелъ и другихъ животныхъ. Но соціологія человѣка тутъ не при чемъ. И, конечно, если бы это направленіе соціологіи было единственнымъ, то соціологическія науки не двинулись бы ни на шагъ впередъ. Къ счастью, политико-экономы, юристы, историки и этнографы работали каждый въ своей области на пользу соціологіи, но не той созданной соціологами соціологіи, а той, которая существовала уже раньше.

Если мы остановились такъ долго на этихъ общихъ замѣчаніяхъ, то это потому, что книга Уорда является одной изъ самыхъ яркихъ иллюстрацій описаннаго выше соціологическаго направленія. Оно не имѣетъ достаточно силы, чтобы подойти къ самой соціологіи, и потому читатель найдетъ въ книгѣ Уорда гораздо больше свѣдѣній изъ различныхъ областей естествознанія, нежели изъ области соціологіи. Чтобы подробно разобрать книжку Уорда, надо было бы написать книжку гораздо объемистѣе, и потому мы по необходимости должны только иллюстрировать высказанныя выше мысли выписками изъ книги Уорда. Первая половина ея, подъ заглавіемъ «Соціальная философія», опредѣляетъ мѣсто соціологіи въ ряду другихъ наукъ и ея отношеніе къ космологіи, біологіи, антропологіи и психологіи. Напрасно сталъ бы искать тутъ читатель выясненія содержанія соціологіи. Оно не опредѣлено. Читатель выноситъ такое впечатлѣніе, что соціологія есть то пустое мѣсто, которое лежитъ въ промежуткѣ между перечисленными науками. Уордъ соглашается со Спенсеромъ, что общество есть организмъ, или подобно организму, но только организму «чрезвычайно низкаго уровня развитія»... «и *поэтому* (?), продолжая сравненіе съ животнымъ организмомъ, можно ожидать, что на дальнѣйшихъ стадіяхъ своего развитія оно сравняется съ болѣе высоко стоящими животными существами»... (стр. 52). Мысль, слѣдовательно, такая: такъ какъ Спенсеръ удачно сравнилъ общество съ организмомъ, а Уордъ добавилъ, что общество подобно организму такимъ животныхъ, какъ Protozoa, то мы можемъ надѣяться, что оно усовершенствуется, и тогда человѣческое общество уже можно будетъ сравнивать съ другими болѣе совершенными организмами. Какъ это утѣшительно! «Такъ какъ соціологія имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, то она естественно входитъ въ составъ науки о человѣкѣ; но съ другой сто-

роны, такъ какъ соціологія обнимаетъ всѣ вопросы, касающіеся соціальнаго человѣка, то область ея захватываетъ многіе антропологическіе факты и явленія... При этомъ надо замѣтить (это уже третья сторона!), что явленія ассоціаціи не ограничиваются исключительно человѣкомъ... ассоціаціи животныхъ—общеизвѣстный фактъ, все болѣе начинающій обращать на себя вниманіе соціологовъ, такъ что соціологія не умѣщается вполнѣ въ предѣлахъ антропологіи» (54). Съ одной стороны, «соціологія имѣетъ дѣло съ человѣкомъ», но «надо замѣтить», что она имѣетъ дѣло и съ животными. Впрочемъ, на стр. 91 авторъ признаетъ, что соціологіи животныхъ не существуетъ. «Все зависитъ отъ точки зрѣнія», говоритъ Уордъ на стр. 54. Насколько неясны представленія о содержаніи соціологіи у соціологовъ такого пошиба, видно уже изъ того, что какъ только дѣло доходитъ до самой соціологіи, они не могутъ выйти изъ заколдованнаго круга общихъ фразъ, нисколько не выясняющихъ дѣла. Вотъ одинъ изъ примѣровъ (стр. 142): «Функція листа—испарять воду; функція пыльника—оплодотворять; функція пестика—развивать сѣмя. У животныхъ функція ногъ въ томъ, чтобы бѣгать, функція крыльевъ—летать»... «Переходя къ соціальнымъ сооруженіямъ, найдемъ у каждаго изъ нихъ свою опредѣленную функцію; это та спеціальная работа, для выполненія которой данное сооруженіе было создано»... Какъ все было опредѣленно, пока дѣло шло о листьяхъ, пестикахъ, ногахъ, крыльяхъ, и какъ неопредѣленны стали выраженія, лишь только рѣчь зашла о «соціальныхъ сооруженіяхъ»!

Но возвратимся къ обзору содержанія книги Глава VI трактуетъ о «данныхъ соціологіи». Если читатель думаетъ, что съ этой главы начинается разборъ какихъ-либо фактовъ, то онъ жестоко ошибается. Авторъ признается «что если бы и въ области соціологіи дѣйствовать *по общепринятому методу*, т.-е. разсматривать конкретныя явленія, принадлежащія къ отдѣльнымъ ограниченнымъ сферамъ, то изученіе соціологіи было бы невыполнимой задачей... Назвавъ эту главу «Данныя соціологіи», я вовсе не имѣлъ въ виду перечислять эти данныя»... Авторъ даже старается оправдать себя въ томъ, что онъ помѣстилъ въ своей книгѣ главу о данныхъ соціологіи: «Такъ какъ это сочиненіе исключительно посвящено философіи соціологіи, то въ него не входитъ разсмотрѣніе даже наиболѣе тѣсныхъ группъ соціологическихъ фактовъ, и включеніе въ него главы о данныхъ соціологіи *оправдывается* только моимъ желаніемъ такъ расклассифицировать эти различныя данныя, чтобы ясно было видно, изъ какихъ конкретныхъ фактовъ слѣдуетъ выводить законы ассоціированнаго дѣйствія» (97—98). Мы видимъ, что къ соціологіи авторъ не находитъ возможнымъ приложить «общепринятый методъ» и хочетъ обойтись по возможности безъ фактовъ. Эта глава интересна въ особенности потому, что, хотя и не прямо, все-таки выясняетъ взглядъ автора на соціологію. Вотъ что требуется «для надлежащей подготовки къ изученію соціологіи» (стр. 98.): «познакомиться съ математикой, астрономіей, физикой, химіей, біологіей и психологіей». Въ особенности рекомендуется изученіе какой-нибудь отрасли біологіи: ботаники, энтомологіи, орнитологіи или общей зоологіи. «Изученіе физіологіи и анатоміи также крайне полезно психологу и соціологу». Но признавая, что эти требованія могутъ произвести «обезкураживающее впечатлѣніе», авторъ старается успокоить читателя: все это «въ концѣ концовъ сводится не болѣе, какъ къ требованію отъ изучающаго соціологію хорошаго общаго образованія». Собственно къ соціологіи относится изученіе «человѣка, какъ конкретнаго факта» (стр. 101), этого «основного даннаго въ изученіи соціологіи». Этнографія, этнологія, соматологія, технологія («то, что человѣкъ производитъ»), археологія—представляютъ отдѣлы этого ученія о человѣкѣ. Затѣмъ надо обратиться къ изученію учрежденій въ широкомъ смыслѣ, т.-е. «языка, обычаевъ, управленія, религіи, промышленности, наконецъ даже искусства и

литературы». «Каждая изъ сферъ дѣятельности человѣка можетъ быть раздѣлена и подраздѣлена на новые отдѣлы, изъ которыхъ каждый составитъ новую науку».

Какъ примѣры, приводятся филологія, юриспруденція, политическая экономія, «наука о техническихъ усовершенствованіяхъ и объ искусствахъ, создавшихъ цивилизацію» (?) (102). «Весь этотъ обширный рядъ явленій, получающихся въ результатѣ различныхъ отношеній человѣка къ окружающему его матеріальному міру, составляетъ данныя соціологіи, съ которыми необходимо *нѣсколько познакомиться*, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію *высшихъ законовъ*, служащихъ основой общественной жизни людей и въ конечномъ анализѣ представляющихъ не что иное, какъ простое обобщеніе *фактовъ низшаго порядка*». Итакъ, всѣ данныя соціологіи это—«факты низшаго порядка», а соціологія занимается высшими законами», выводимыми изъ этихъ фактовъ. Вотъ почему въ своихъ «Очеркахъ соціологіи» авторъ старательно обходитъ факты. Что бы мы сказали объ очеркахъ химіи, въ которыхъ бы старательно обходились «факты низшаго порядка», т.-е. свойства химическихъ элементовъ и т. п., изъ которыхъ выводятся высшіе законы? Ясно, что соціологія, построенная такимъ образомъ, можетъ имѣть только внѣшнее сходство съ естественными науками, игнорируя какъ разъ самые важные принципы научнаго изслѣдованія, выработанные естествознаніемъ. Къ такимъ печальнымъ результатамъ приводитъ отказъ отъ «общепринятаго метода».

Если мы поближе присмотримся къ «даннымъ соціологіи», какъ они представлены Уордомъ, то и въ нихъ увидимъ слѣды неяснаго представленія о соціологіи. Что напр. соціологическаго въ наукѣ о языкѣ, или въ «наукѣ о техническихъ усовершенствованіяхъ»? Конечно, и языкъ, и паровая машина—продукты человѣческой дѣятельности, и даже болѣе того—продукты общественной дѣятельности человѣка; но нельзя же сказать, что языкознаніе и технологія—науки соціальныя. Въ такомъ случаѣ придется признать, что всѣ науки о человѣкѣ, и анатомія, и физіологія, и медицина—тоже науки соціальныя, такъ какъ мы не знаемъ другого человѣка, кромѣ живущаго въ обществѣ. И такія науки, какъ технологія и языкознаніе, или филологія, поставлены рядомъ съ политической экономіей и юриспруденціей, которыя носятъ уже совершенно ясно выраженный соціальный характеръ. Такое смѣшеніе можно объяснить развѣ только тѣмъ, что отъ соціолога, по теоріи Уорда, требуется только «нѣсколько познакомиться» съ этими «фактами низшаго порядка». А между тѣмъ въ широкомъ полетѣ своей мысли Уордъ прозрѣваетъ такую эпоху, когда законодатели будутъ обращаться къ помощи соціологіи, чтобы «изобрѣсти» законы, ведущіе общество къ благополучію. Не дай Богъ осуществленія его мечты, когда соціологъ, «нѣсколько познакомившись» съ юриспруденціей и главнымъ образомъ изучивъ анатомію и физіологію, будетъ «изобрѣгать» законы. Уордъ серьезно думаетъ, что законы изобрѣтаются: онъ не знаетъ, повидимому, того, что юристы въ настоящее время уже перестали говорить объ изобрѣтеніи законовъ. Да и мало ли чего Уордъ не знаетъ! Видно, что и съ политической экономіей онъ лишь «нѣсколько познакомился», что не мѣшаетъ ему однако проводить параллель между соціологіей и «экономіей». «Экономія—говоритъ онъ,—заботится о производителѣ, между тѣмъ какъ соціологія о потребителѣ» (234). Кто можетъ разгадать, что это значитъ? Уордъ не знаетъ, повидимому, что въ большинствѣ случаевъ производитель и потребитель сливаются въ одно лицо. «Для большей ясности—продолжаетъ Уордъ—тѣмъ болѣе (?), что это будетъ приблизительно вѣрно (?), мы можемъ отожествить классъ производителей съ промышленнымъ міромъ, а классъ потребителей съ народомъ или обществомъ въ цѣломъ». Удивительно, что эта нелѣпость высказывается лицомъ, называющимъ себя соціологомъ. Во-первыхъ, промышленный міръ является въ настоящее время самымъ крупнымъ потребителемъ (хлопка, каменнаго угля, желѣза и

т. п.). Или Уордъ думаетъ, что потреблять значитъ ѣсть? Во-вторыхъ, общество въ цѣломъ, или народъ, по мнѣнію соціолога, состоитъ изъ народа за исключеніемъ промышленнаго міра. Неужели Уордъ не усвоилъ того «высшаго закона», что цѣлое не можетъ равняться части. Смѣемъ увѣрить, что этотъ законъ приложимъ и къ соціологіи.

Однако, мы не коснулись теоріи Уорда. Скажемъ вкратцѣ. Его теорію можно назвать «теоріей аппетитовъ». Не интересуясь данными соціологіи, Уордъ обращаетъ вниманіе на «соціальныя силы». Эти силы, по его мнѣнію, заключаются въ желаніяхъ людей, въ ихъ аппетитахъ, какъ самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ называетъ ихъ. Человѣческое общество «есть механизмъ для производства извѣстныхъ (?) результатовъ». «Соціальный механизмъ и представляетъ соціальный порядокъ, изученіемъ котораго и занимается соціальная статика» (141). А есть и соціальная динамика. Но почему все это есть? А вотъ почему. «Изъ нашего опредѣленія науки явствуетъ, что въ каждой истинной наукѣ долженъ быть и динамическій, и статическій отдѣлъ» (139). Если въ нѣкоторыхъ наукахъ этихъ отдѣловъ еще нѣтъ, то—увѣряетъ Уордъ—они непремѣнно будутъ, конечно, если это науки истинныя.

Да проститъ меня читатель, если я не буду далѣе излагать соціальную теорію Уорда. Я до послѣдней страницы надѣялся, что въ книгѣ найдутся хоть какіе-нибудь факты, хоть что-нибудь, выясняющее содержаніе соціологіи. Но я ничего подобнаго не нашелъ. Если вы, читатель, любите чистыя разсужденія безъ всякихъ «фактовъ низшаго порядка», то лучше сами прочтите книгу Уорда: я боюсь исказить его теорію. Если же вы не любитель подобныхъ упражненій, то лучше не берите его книги въ руки: она оставитъ въ васъ только одну досаду. И досада эта увеличится еще отъ того, что при всей скудости содержанія, Уордъ сумѣлъ наполнить эту книгу множествомъ новыхъ словъ, которыя онъ очень любитъ создавать. Такъ въ началѣ VII главы (стр. 114) онъ высказываетъ неудовольствіе, что имена многихъ наукъ оканчиваются на «логія», и предлагаетъ вмѣсто этого окончаніе «номія». Въ этой главѣ онъ такъ и пишетъ: біономія, психономія, соціономія, барономія и т. д. Серьезно.

Д. Кудрявскій.

МЕДИЦИНА.

«Дешевая научно-популярная библ.».—*Тезяковъ.* «Бесѣды по гигіенѣ».—*Кацъ.* «Уходъ за глазами дѣтей».—*Рахмановъ.* «Физическіе способы лѣченія».

Дешевая научно-популярная библіотека для всѣхъ подъ редакціей М. В. Т-ва. 1) Какъ кровь движется по нашему тѣлу и какая намъ отъ нея польза. 2) Чѣмъ и для чего человѣкъ дышетъ. 3) Наши пять чувствъ. 4) Что такое сифилисъ и какъ съ нимъ бороться. 5) Что такое зараза и какъ должно отъ нея оберегаться. 6) Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка. 7) Что такое хирургія или какъ лѣчатъ людей потомъ. 8) Что такое чахотка и какъ отъ нея можно уберечься. 9) Отъ чего болѣютъ и мрутъ наши дѣти. Всѣ книги составлены д-ромъ С. Фишеромъ. Трудна и неблагодарна задача популяризатора научныхъ знаній среди нашей все еще глубоко невѣжественной народной массы. Литературный языкъ еще мало доступенъ народу. Приходится приспособляться къ его рѣчи, понятіямъ, міровоззрѣнію. Впрочемъ, въ этомъ еще не было бы большой бѣды. Напротивъ, книжный языкъ очистившись въ горнилѣ народной рѣчи, пріобрѣлъ бы новый закалъ, обогатился бы болѣе мѣткими и яркими оборотами и словами. Но это можетъ произойти только при живомъ общеніи интеллигенціи и народа, при дѣятельныхъ, осно-

ванныхъ на общихъ интересахъ и совершенно свободныхъ взаимныхъ сношеніяхъ путемъ устныхъ бесѣдъ, чтеній, лекцій, народныхъ театровъ, воскресныхъ школъ, общеобразовательныхъ обществъ и кружковъ съ участіемъ народа и интеллигенціи. Словомъ, необходима болѣе широкая постановка школьнаго и, вообще, народнаго образованія. Только на этой почвѣ могъ бы возникнуть тотъ живой обмѣнъ мысли и духовное единеніе народа и интеллигенціи, которыя составляютъ основныя условія истиннаго и прочнаго культурнаго развитія. Но пока у насъ это только pia desideria... И въ большинствѣ случаевъ наша популярно-научная литература для народа и понынѣ сѣра, безцвѣтна и какъ-то плохо вѣрится въ ея просвѣтительное значеніе. На такія размышленія невольно наводятъ 9 книжечекъ, составленныхъ д-ромъ Фишеромъ, заголовокъ которыхъ мы выписали выше. Авторъ поставилъ себѣ задачу изложить предметъ медицины въ формѣ, доступной даже малограмотному читателю. Первыя три книжки являются какъ бы введеніемъ въ медицину и содержатъ изложеніе основныхъ понятій по анатоміи и физіологіи человѣка. Не понятно только, почему авторъ ограничивается органами дыханія, кровообращенія и чувствилища, оставляя безъ описанія другіе не менѣе важные органы и аппараты, и не даетъ хотя бы краткихъ свѣдѣній объ общемъ устройствѣ тѣла съ его костной, мышечной и нервно-мозговой системами, что значительно облегчило бы чтеніе остальныхъ книжекъ и избавило бы автора отъ пояснительныхъ вставокъ, зачастую очень неудачныхъ. Въ книжкахъ по спеціальнымъ вопросамъ медицины авторъ даетъ не мало полезныхъ свѣдѣній и указаній. Къ сожалѣнію написаны они далеко не безукоризненнымъ языкомъ. Авторъ совсѣмъ не владѣетъ народной рѣчью, хотя изложеніе его и пестритъ народными оборотами, но они въ большинствѣ случаевъ какъ-то грубо и неуклюже передаютъ научныя понятія. Онъ совершенно не умѣетъ для пояснительныхъ примѣровъ пользоваться богатымъ источникомъ народной наблюдательности. Подобныя выраженія, какъ, напр., «изъ воды *дѣлается* ледъ», «въ легочныхъ пузырькахъ и бронхіяхъ (бронхахъ) собирается слизь, гной и *разная гадость*», «Робертъ Кохъ придумалъ было добывать *испражненія* бактерій для лѣченія чахотки», «горѣть—это значитъ смѣшиваться съ кислородомъ», «газовъ очень много—*всѣ они не видимы*», и мн. другія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, едва ли дѣлаютъ изложеніе болѣе понятнымъ для народа и ужъ, конечно, не могутъ дать точнаго представленія о трактуемомъ предметѣ. Въ книжкѣ «Наши пять чувствъ» много болтовни по поводу предметовъ, извѣстныхъ каждому наблюдательному человѣку, и не выяснено отношеніе центральной нервной системы къ органамъ чувствъ, много пропусковъ и и неточностей. Въ книжкѣ «Что такое зараза» не мѣшало бы перечислить главнѣйшія заразныя болѣзни, ихъ наиболѣе характерные признаки и способы предупрежденія и лѣченія. Говоря о чахоткѣ, авторъ слишкомъ много удѣляетъ мѣста ея лѣченію, которое, во всякомъ случаѣ, не можетъ совершаться безъ надзора и указаній врача. Изложеніе чрезвычайно много теряетъ въ ясности отъ полнаго отсутствія въ текстѣ объяснительныхъ рисунковъ. Впрочемъ, принимая во вниманіе дешевизну изданія (каждая книжка стоитъ 5 к.), едва ли это можно поставить въ вину автору. Въ общемъ, все же нельзя отрицать, что при бѣдности народной литературы по медицинѣ и книжки д-ра С. Фишера принесутъ извѣстную пользу. Д-ръ *П. Л.*

Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Читаны на педагогическихъ курсахъ учительницъ и учителей земскихъ церковно-приходскихъ школъ Воронежской губерніи земскимъ санитарнымъ врачемъ Н. Тезяковымъ. 1901 г. Ц. 50 коп. Насколько народная школа обставлена неудовлетворительно въ гигіеническомъ отношеніи, можно судить хотя бы потому, что говоритъ о ней такое несомнѣнно компетентное лицо, какъ директоръ херсонскихъ народныхъ училищъ, г. Фармаковскій въ своемъ трудѣ

«Школьная дiэтетика». Такъ въ отношенiи тяги воздуха народная школа, по выраженiю автора «далеко оставляетъ за собою казармы, харчевни, рабочiе дома, даже полицейскiя чижовки и только одна конюшня и то лишь до нѣкоторой степени можетъ соперничать съ ней». Причина такого плачевнаго явленiя заключается прежде всего, конечно, въ недостаточномъ числѣ школъ. Но немалую роль играетъ здѣсь также и то обстоятельство, что огромное значенiе гигiены не достаточно еще сознано лицами близко стоящими къ школьному дѣлу. Общественной гигiенѣ, какъ наукѣ, знакомство съ которой обязательно каждому образованному человѣку, не отведено мѣста въ курсѣ предметовъ даже нашихъ среднихъ учебныхъ заведенiй, не говоря уже о народныхъ училищахъ, изъ которыхъ выходитъ главный контингентъ народныхъ учителей. У насъ не только не выработано типа нормальной школы, сообразоваться съ которымъ было бы вмѣнено въ обязанность строителямъ школы, но и, вообще, рѣдко при устройствѣ школы руководятся требованiями научной гигiены. Часто подъ школу отводятся зданiя построенныя совершенно въ другихъ цѣляхъ. Намъ далеко еще отъ того отраднаго явленiя, какое встрѣчаешь въ Германiи и Швейцарiи, гдѣ лучшее зданiе въ селѣ или деревушкѣ принадлежитъ школѣ и его сразу узнаешь по обычному, всюду сходному архитектурному стилю. Однако и у насъ многое могло бы быть сдѣлано для улучшенiя гигiенической обстановки школъ, если бы на эту сторону обращалось нѣсколько больше вниманiя. Нельзя по этому не привѣтствовать всякую попытку внести въ педагогическую среду сознанiе важности гигiены въ веденiи школьнаго дѣла. «Бесѣды по гигiенѣ» врача Тезякова, изданныя воронежскимъ губернскимъ земствомъ; являются одной изъ удачныхъ попытокъ этого рода. Они составляютъ печатное изданiе 6-ти лекцiй читанныхъ авторомъ на педагогическихъ курсахъ учителей и учительницъ земскихъ и приходскихъ школъ Воронежской губ. Остается только пожалѣть, что авторъ въ этомъ печатномъ изданiи не расширялъ нѣсколько рамки своихъ лекцiй, по необходимости въ виду ограниченности времени, нѣсколько узкiя. Такъ, напр., слѣдовало бы удѣлить гораздо больше мѣста опредѣленiю гигiены, какъ науки общественной. Предназначая свою книгу для лицъ мало знакомыхъ съ строенiемъ человѣческаго организма, слѣдовало бы также не ограничиваться изложенiемъ анатомiи и физiологiи только нѣкоторыхъ его аппаратовъ и системъ, а дать болѣе или менѣе полное представленiе о немъ какъ о цѣломъ. Спецiальные отдѣлы изложены въ общемъ весьма удовлетворительно. Не мѣшало бы только, по возможности, избѣгать общихъ мѣстъ и схематичности, а давать больше конкретныхъ примѣровъ и практическихъ указанiй. Такъ, напр., говоря объ устройствѣ школы, полезно было бы приложить нѣсколько плановъ и рисунковъ образцовыхъ школъ. Въ главѣ о воздухѣ жилыхъ помѣщенiй не указано способа, хотя бы самаго несложнаго, какiе служатъ для опредѣленiя избытка углекислоты въ испорченномъ воздухѣ. Не дано также описанiй простѣйшихъ приборовъ для опредѣленiя влажности воздуха. Объ устройствѣ и содержанiи отхожихъ мѣстъ сказано слишкомъ обще и не дано никакихъ указанiй для упорядоченiя ихъ при самой скромной обстановкѣ. Подобными же недостаками страдаетъ очень важный отдѣлъ о питьевой водѣ. Неуказанъ, напр., способъ опредѣленiя степени ея чистоты и пригодности для питья, недостаточно подчеркнуто значенiе употребленiя въ школахъ безусловно доброкачественной воды. Однако и при всѣхъ этихъ недостаткахъ и пробѣлахъ, книжка составлена очень добросовѣстно, написана хорошимъ языкомъ и заслуживаетъ широкаго распространенiя. *Д-ръ П. Л.*

Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей. 2-е изд. Д-ръ мед. Р. А. Кацъ. Ц. 30 к. Эта небольшая, опрятно изданная и недорогая книжечка содержитъ въ общедоступномъ изложенiи много полезныхъ свѣдѣнiй и практическихъ указанiй по

поводу заболѣваній глазъ у дѣтей. Авторъ говоритъ только о такихъ заболѣваніяхъ, симптомы которыхъ могутъ быть обнаружены при изслѣдованіи глазъ человѣкомъ, даже незнакомымъ спеціально съ медициной. Описаніе кратко, толково и отличается точностью. Есть кое-гдѣ, правда, упущенія, но они не имѣютъ особенно серьезнаго значенія. Укажемъ, напримѣръ, на не упомянутое авторомъ, часто встрѣчающееся у дѣтей хроническое воспаленіе роговицы, такъ называемый скрофулезный кератитъ, который часто, особенно вначалѣ, можетъ остаться незамѣченнымъ и причинить непоправимый вредъ зрѣнію, если во-время не обратить на него вниманія и оставить безъ лѣченія. Единственный серьезный упрекъ, который можно сдѣлать автору этой книжки, написанной въ общемъ толково и съ знаніемъ дѣла — это черезчуръ спеціальный характеръ ея содержанія. Авторъ не счелъ нужнымъ пойти дальше дѣльныхъ, но узко спеціальныхъ указаній и не попытался дать хотя бы самаго общаго понятія объ анатоміи и физіологіи глаза. Это обстоятельство дѣлаетъ ее мало интересной въ смыслѣ общеобразовательнаго чтенія. *Д-ръ И. Л.*

Физическіе способы лѣченія. Общедоступныя бесѣды о томъ, какъ и какія болѣзни можно лѣчить безъ лѣкарствъ свѣтомъ, воздухомъ, тепломъ, холодомъ, водою и движеніями. Сост. врачъ В. Рахмановъ. 1901 г. Ц. 75 к. Методы лѣченія болѣзней основаны, къ сожалѣнію, еще въ значительной степени на чисто эмпирическихъ данныхъ. Даже и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ они покоятся на прочно установленныхъ фактахъ и теоріяхъ экспериментальной физіологіи, въ толкованіи ихъ дѣйствія на организмъ и на теченіе болѣзни встрѣчается между представителями медицинскаго ученаго міра не мало разногласій и противорѣчій. Поэтому авторъ книжки «Физическіе способы лѣченія» взялъ на себя нелегкую задачу представить этотъ сложный отдѣлъ медицины въ общедоступномъ изложеніи. Едва ли его попытку можно назвать вполнѣ удачной. Для обыкновеннаго читателя она содержитъ слишкомъ много подробностей и сухое изложеніе эмпирическихъ и далеко непрочно установленныхъ фактовъ въ наукѣ. Для лицъ же, которымъ по профессіи или другимъ обстоятельствамъ приходится ухаживать за больными, она не даетъ достаточныхъ свѣдѣній. Съ послѣднимъ, повидимому, согласенъ и самъ авторъ, который въ заключеніи своей книжки говоритъ: «Моя книжка не есть лѣчебникъ, годный для практическаго употребленія въ рукахъ человѣка, не посвященнаго въ медицину.» Нѣсколько болѣе цѣнной дѣлаетъ эту книжку въ смыслѣ общеобразовательнаго чтенія общій ея отдѣлъ, которому посвящена значительная ея доля (146 стр.). Въ общемъ, однако, книжка составлена очень добросовѣстно и не содержитъ грубыхъ ошибокъ и неточностей. Изъ замѣченныхъ недостатковъ укажемъ только на нѣкоторые. Такъ, утвержденіе автора (стр. 51), что языкъ и *мягкое небо* снабжены нервами, передающими ощущеніе вкуса, нѣсколько рискованно, въ виду существующихъ по этому поводу разногласій между физіологами. Не совсѣмъ точно изложено авторомъ также дѣйствіе на организмъ человѣка алкоголя (стр. 102). Это зависитъ, впрочемъ, отъ того, что авторъ не дѣлаетъ раздѣленія на фазы и степени опьяненія и ничего не говоритъ объ алкоголѣ, какъ пищевомъ веществѣ. Важнымъ пробѣломъ является то, что авторъ не упоминаетъ о методахъ лѣченія электричествомъ. Между тѣмъ, этотъ предметъ составляетъ едва ли не самый интересный отдѣлъ физическихъ методовъ лѣченія болѣзней. Въ главѣ о лѣченіи свѣтомъ авторъ ничего не говоритъ о недавнемъ открытіи Финзена. Нѣкоторые методы лѣченія, напр., бальнеотерапія при тифѣ, пользующіеся общепринятымъ значеніемъ, также оставлены авторомъ безъ вниманія. Несмотря на эти пробѣлы и недосмотры, книжку д-ра Рахманова можно рекомендовать всѣмъ интересующимся физическими способами лѣченія. 'Д-ръ *И. Л.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го іюля по 15-ое августа 1901 г.).

Оливеръ Лоджъ. Піонеры науки. Изд. Павленкова. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

К. Н. Старке. Первобытная семья. Изд. Пантелѣева. 1901 г. Ц. 1 р. 60 к.

Э. С. Томпсонъ. Разсказы изъ жизни животныхъ. Изд. Павленкова. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ матеріал. и статист. свѣдѣній по народному образованію въ Тамб. губ. Изд. Тамб. Губ. Управы. Тамбовъ. 1901 г.

Сборникъ статист. свѣдѣній по Уфим. губ. Т. VII. Часть I. Изд. Уфимск. Губ. земск. Упр. Уфа. 1901 г.

Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей. Спб. 1901 г.

Альфредъ Дрейфусъ. Пять лѣтъ моей жизни. Перев. съ франц. Е. Смирнова. Изд. Т-ва «Знаніе». 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

Земск. санит. врачъ П. Ф. Кудрявцевъ. О вліяніи школы на здоровье школьника. Симбирскъ. 1901 г.

Матеріалы для оцѣнки недвиж. имуществъ. Калитинская волость. Каріоп. уѣздъ. Спб. 1901 г.

Свящ. М. И. Менстровъ. Къ защиту трезвости. Изд. Троицк. Об-ва трезвости. Спб. 1901 г.

Проф. Грунмахъ и инж. Розенбоомъ. Промышленность и техника. Энциклопедія промышлен. знаній. Т. II. Вып. I. Пер. съ нѣм. Н. А. Гезехуса. Изд. Т-ва Просвѣщеніе. 1901 г. Ц. 50 к.

К. Я. Загорскій. Теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Спб. 1901 г. Ц. 3 р.

Журналы Вятской оцѣночной коммиссіи. 1900—1901 г. Вятка. 1901 г.

Отчетъ Московск. Об—ва взаимопомощи лицъ интел. профессіи за 1900 г. Москва. 1901 г.

Л. П. Симиренко. Иллюстр. описаніе маточныхъ коллекцій питомника. Кіевъ. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Словацкіе поэты. Изданы подъ ред. Н. Новича. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Р. М. Левитъ. Стихотворенія. Кишиневъ. 1901 г. Ц. 50 к.

Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губ Выпускъ I. Саратовъ. 1901 г.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Вып. IX. Т. II. Изд. Юргенсона. М. 1901 г. Ц. кажд. вып. 40 к.

Инж. Н. П. Зиминъ. О результатахъ научныхъ изслѣдованій, произведен. надъ механ. фильтрами въ С. Америкѣ. М. 1901 г.

Его же. Американскій способъ очищенія воды и различные системы механич. фильтровъ. М. 1901 г. Ц. 75 к.

А. В. Переводчиковой. Стихотворенія. Саратовъ. 1901 г. Ц. 50 к.

Ант. С. Ловенгардтъ. Въ осенней мглѣ. Очерки и разсказы. Одесса. 1901 г. Ц. 50 к.

М. Рыбкинъ. Опытъ руководства къ начальному обученію дѣтей. Вып. I. Асхабадъ. 1901 г. Ц. 35 к.

Д. И. Карамзина. Сообщеніе изъ Пензенск. учил. садоводства. Пенза. 1901 г.

Текущая сельскохозяйствен. статистика Олонецкой губ. Вып. I. Петрозаводскъ. 1901 г.

Д-ръ С. А. Кнопъ. Туберкулезъ, какъ народная болѣзнь и борьба съ нимъ. Перев. подъ ред. Ф. М. Блюменталя. М. 1901 г. Ц. 40 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«L'Opinion et la Foule» par M. G. Tarde. (F. Alcan) (Мнѣніе и толпа). Въ книгѣ заключаются три очерка извѣстнаго французскаго ученаго соціолога Тарда, представляющіе анализъ коллективной психологіи. Въ первомъ авторъ отмѣчаетъ различія между публикою и толпой. Публика составляетъ для толпы то же самое, что составляетъ умъ для тѣла. Другими словами: въ толпѣ есть что-то животное; она представляетъ клубокъ психической заразы, вызванной физическими соприкосновеніями. Публика же, наоборотъ, образуетъ собраніе разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ индивидовъ, между которыми возникла чисто умственная связь. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Тардъ доказываетъ, что публика не могла существовать раньше развитія книгопечатанія, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, которые соединились вмѣстѣ для образованія великаго могущества печати. Эра толпы все болѣе и болѣе приближается къ концу, между тѣмъ какъ публика, или публики (les publics) все болѣе развиваются. Второй очеркъ называется «L'Opinion et la conversation». Тардъ называетъ разговоръ первоисточникомъ общественнаго мнѣнія. Онъ высказываетъ очень интересные взгляды о причинахъ и происхожденіи разговора, о его превращеніяхъ и дѣйствіи. Третій очеркъ: «Les foules et les sectes criminelles», также очень интересный. Авторъ доказываетъ, что всѣ преступленія носятъ болѣе или менѣе коллективный характеръ, и окружающая среда всегда бываетъ, до нѣкоторой степени, сообщницей преступленія.

(Revue des Revues).

«Histoire de l'Inquisition au moyen Age» par Charles Henri Léa (Société Nouvelle de Librairie). (Исторія инквизиціи въ среднія вѣка). Испанцы обладаютъ громаднымъ матеріаломъ по исторіи инквизиціи, но до сихъ поръ этимъ матеріаломъ преимущественно пользовались романисты и драматурги, и не было сдѣлано попытки представить безпристрастное изслѣдованіе всѣхъ фактовъ, относящихся къ этому ужасному учрежденію. Теперь пробѣлъ этотъ пополненъ американскимъ историкомъ Леа, который даетъ въ своей книгѣ полную исторію инквизиціи и ея развитіе въ различныхъ европейскихъ государствахъ. Книга его представляетъ огромный интересъ какъ съ исторической точки зрѣнія, такъ и съ литературной.

(Journal des Débats).

«La folie, ses causes, sa thérapeutique au point de vue psychique» par Ph. Dabel. (F. Alcan) (Сумасшествіе, его причины и лѣченіе съ психической точки зрѣнія). Авторъ основываетъ свои взгляды на философіи «психизма» (psychisme) и говоритъ, что, такъ какъ сумасшествіе чисто психическая болѣзнь, представляющая дисгармонію, то и лѣченіе его должно быть чисто психическимъ. Дѣйствовать на мозгъ, когда онъ уже пересталъ правильно функціонировать, по меньшей мѣрѣ нелѣпо. Авторъ ждетъ очень много отъ дѣйствія животнаго магнитизма и другихъ подобныхъ же, мало изученныхъ таинственныхъ силъ природы.

(Journal des Débats).

«Les Timides et la Timidité» par le D-r Hartenberger. (F. Alcan). (Застѣнчивые люди и застѣнчивость). Авторъ называетъ застѣнчивость болѣзнью психо-физіологическаго характера, комбинаціей эмоцій страха и стыда. Хотя ничѣмъ не оправдываемыя, обѣ эти эмоціи вызываютъ у того, кто одержимъ этою болѣзнью, настоящій страхъ и настоящій стыдъ, со всѣми сопровождающими ихъ явленіями, тоской, біеніемъ сердца, появленіемъ холоднаго пота и т. д. Авторъ изслѣдуетъ, какъ врачъ и психологъ, эти свойства человѣческаго характера. Отдѣльная глава книги посвящена имъ эволюціи застѣнчивости сообразно возрасту, полу, человѣческимъ расамъ и т. д. Патологическая застѣнчивость и терапія этого болѣзненнаго явленія разсматриваются авторомъ въ двухъ послѣднихъ главахъ.

(Revue des Revues).

«Les morts mystérieuses de l'Histoire» par le D-r E. Cabanes. (Maloine). (Таин-

ственныя смерти въ исторіи). Авторъ поставилъ себѣ задачей, путемъ историческихъ изслѣдованій, разсѣять таинственный покровъ, окружающій смерть нѣкоторыхъ французскихъ принцевъ. Нечего и говорить, что въ большинствѣ случаевъ тайна зависѣла лишь отъ неизвѣстной въ тѣ времена болѣзни, которую, однако, теперь классифицировать не трудно.

(Journal des Débats).

«*La Femme de Demain*» *par Etienne Lamy.* (*Perrin et C°*). (*Женщина будущаго*). Оставляя въ сторонѣ всѣ соціальныя и экономическія притязанія современнаго феминизма, авторъ, въ трехъ очеркахъ, составляющихъ его книгу, занимается исключительно только положеніемъ женщины по отношенію къ наукѣ.

(Journal des Débats).

«*William Cotton Oswell*: *Hunter and Explorer*» *by W. E. Oswell. London. William Heéneman.* (*Вильямъ Коттонъ Освелль, охотникъ и изслѣдователь*). Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ карта южной Африки была полна пустыхъ пространствъ и самое большое такое пространство, представляющее бѣлое пятно на картѣ, находилось у линіи экватора и надъ сѣверною границей Капской колоніи. Туда, въ эту неизвѣстную страну направились буры изъ Капской колоніи. Про ихъ странствованія, ихъ войны съ дикими племенами и охоты ходили чудесные разсказы. Эти разсказы побудили Освелля, красиваго и богатаго юношу, отправиться въ южную Африку, которую называли раемъ охотниковъ. Благодаря этимъ разсказамъ, Освелль превратился въ изслѣдователя и сдѣлалъ множество важныхъ открытій въ Африкѣ. Онъ пользовался репутаціей самаго безстрашнаго охотника и неутомимаго путешественника. Обладая большими средствами, Освелль снаряжалъ экспедиціи, и познакомившись съ Ливингстономъ, вмѣстѣ съ нимъ прошелъ черезъ пустыню Калахари и открылъ озеро Нгами. Самъ по себѣ Освелль представлялъ настолько незаурядную личность, что описаніе его жизни и многочисленныхъ путешествій, конечно, можетъ заинтересовать читателей.

(Manchester Guardian).

«*Education in the Ninetenth Century*». *Edited by R. D. Roberts.* (*Cambridge University Press*). (*Воспитаніе въ XIX вѣкѣ*). Въ этой книгѣ заключается обзоръ воспитательнаго движенія послѣдняго столѣтія, главнымъ образомъ, результатовъ университетскаго движенія. Въ числѣ статей по этимъ вопросамъ находится и статья мистриссъ Сэджвикъ о высшемъ женскомъ образованіи въ девятнадцатомъ столѣтіи.

(Bookseller).

«*China and her Mysteries*» *by Alfred Stead.* (*Hood, Douglas and Howard*). (*Китай и его тайны*). Очеркъ исторіи Китая, изображающій въ сжатомъ разсказѣ всю эволюцію страны въ главныхъ ея чертахъ. Въ двухъ заключительныхъ главахъ говорится о Китаѣ, какъ о странѣ расхищенія, и о «желтой опасности».

(Bookseller).

«*West African Studies*» *by Mary H. Kingsley. With illustrations and Map.* (*Западно-африканскіе очерки*). Это второе изданіе интереснаго описанія путешествія по Африкѣ, авторъ котораго, Мери Кингсли, считается однимъ изъ авторитетовъ по африканскимъ вопросамъ. Мери Кингсли много писала объ Африкѣ, и ея произведенія принесли практическіе результаты. Въ Ливерпулѣ учрежденъ госпиталь ея имени для лѣченія тропическихъ болѣзней и организована западно-африканская ассоціація, также ея имени. Покойная путешественница обладала незауряднымъ литературнымъ талантомъ и поэтому всѣ ея произведенія читаются съ большимъ интересомъ.

(Daily News).

«*Riallaro: The Archipelago of Exiles*» *by Gochrey Sweven.* (*Putnam*). (*Архипелагъ изгнанниковъ*). Очень живо и остроумно написанная сатира на современную цивилизацію, ея обычаи, нравы, условія и привычки. Дѣйствіе происходитъ въ Новой Зеландіи. Герой разсказа попадаетъ туда случайно и сообщаетъ тремъ англичанамъ удивительную исторію архипелага изгнанниковъ, находящагося въ Тихомъ Океанѣ. На каждомъ островѣ этого архипелага обитаетъ какой-нибудь отдѣльный классъ людей, изгнанный изъ своей родины за особенныя черты своего характера и свои взгляды.

(Daily News).

«*Ethical Democracy*». *Essays in Social Dynamics. Edited for the Society of Ethical Propagandists, by Stanton London.* (*Grant Richards*). (*Этическая демократія*). Книга состоитъ изъ отдѣльныхъ статей различныхъ авторовъ по разнымъ вопросамъ современной этики. Общая руководящая идея книги заключается въ доказательствахъ развитія этическихъ воззрѣній, вырабатывающихся на основахъ борьбы за существованіе. Очень интересна статья «О новомъ интернаціонализмѣ» (New internationalism), въ которой указываются признаки грядущаго объединенія народовъ на почвѣ торговой демократической политики. Гобсонъ пишетъ объ «этикѣ индустріализма» и разбираетъ современное положеніе и возможное будущее труда, Гульдъ — статью о нравственномъ воспитаніи дѣтей, а Колленъ (Collen) о литературѣ и жизни.

(Daily News).

«Le mouvement littéraire contemporain» par Georges Pelissier. 3 fr. 50. (Hachette). (Современное литературное движеніе). Авторъ рисуетъ картину эволюціи французской литературы за послѣднія двадцать-двадцать пять лѣтъ. Книга его раздѣляется на пять частей: романъ, театръ, поэзія, критика и исторія. Но авторъ не ограничивается только портретами наиболѣе «представительныхъ» писателей, и старается изобразить вліянія и общія тенденціи, теоріи и системы, отражающіяся въ литературѣ и характеризовалъ литературныя школы, смѣнявшія одна другую. Авторъ приходитъ къ заключенію, что за послѣднія двадцать лѣтъ во французской литературѣ возникало столько разнообразныхъ направленій, что ни одно изъ нихъ нельзя назвать преобладающимъ. По мнѣнію автора, школы исчезли къ двадцатому столѣтію и онъ думаетъ, что теперь наступаютъ наилучшія условія для литературнаго творчества, которое можетъ свободно развиваться, не подчиняясь заранѣе никакимъ условнымъ рамкамъ.

(Journal des Débats).

«La Nouvelle Classification des Sciences» par A. Naville. (Felix Alcan). 2 fr. 50. (Новая классификація наукъ). Это второе изданіе, совершенно передѣланное и дополненное, книги, появившейся 12 лѣтъ тому назадъ. Ученый авторъ старается характеризовать главнѣйшія группы наукъ и опредѣлить ихъ взаимныя отношенія. Затѣмъ онъ излагаетъ свою теорію, основанную на фактахъ и исторіи. Онъ анализируетъ и классифицируетъ практическія науки, теоріи искусства и указываетъ на ихъ отношеніе къ нравственности. Вообще авторъ старается разобраться въ томъ сумбурѣ идей, который существуетъ относительно теоріи наукъ.

(Journal des Débats).

«Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1879» par Emile Levasseur; 2-e édition, 2 volumes (Arthur Rousseau). Исторія рабочихъ классовъ и промышленности во Франціи до 1789 г.). Это новое изданіе, исправленное и дополненное, которое заключаетъ въ себѣ исторію экономическаго развитія Франціи.

(Journal des Débats).

«The Fallen Stuarts» by F. W. Head. (Cambridge University Press). London. (Паденіе Стюартовъ). Это сочиненіе, получившее премію, посвящено исторіи паденія Стюартовъ и вліянія этой знаменитой династіи на европейскую политику въ теченіе первой половины XVIII вѣка

(Daily News).

«Problems in Education» by W. H. Winch. (Sonnenschein and C°). 4 s. 6 d. London. (Проблемы воспитанія). Небольшая, но хорошая книга, авторъ которой старается проникнуть въ самый корень проблемы воспитанія. Въ ней заключается очень много полезныхъ указаній и оригинальныхъ мыслей, касающихся развитія языка, мышленія и образовъ.

(Daily News).

«The North american Indians of to day» by G. B. Grinell. (Art. Person). London. 21 s. (Современные сѣверо-американскіе индѣйцы). Авторъ этой книги—одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ по вопросу о сѣверо-американскихъ индѣйцахъ и тѣ, кто интересуется этимъ народомъ и его исторіей, найдутъ въ его произведеніи много любопытныхъ свѣдѣній объ индѣйскихъ племенахъ, нравахъ, обычаяхъ, фольклорѣ, характерѣ и т. п. аборигеновъ Сѣверной Америки. Авторъ путешествовалъ по степямъ и лѣсамъ Сѣверной Америки, онъ охотился рядомъ съ индѣйцами и жилъ въ ихъ вигвамахъ, и то, что онъ описываетъ, какъ ученый и наблюдатель, способно заинтересовать читателя не менѣе любого таинственнаго романа.

(Manchester Guardian).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

пестрыя одѣянія могущественныхъ магнатовъ.

Сквозь два восточныя окна проникли лучи восходящаго солнца, сообщивъ розоватую окраску оконнымъ стекламъ и ожививъ картины, которыя въ этомъ полусвѣтѣ казались болѣе художественными.

Онъ двинулся, наконецъ, къ часовнѣ, еще погруженной въ тѣнь. Лишь предъ закрытымъ чудотворнымъ образомъ мерцало пламя большихъ серебряныхъ лампъ, да вверху предъ маленькой иконой, свѣтилась, подобно звѣздочкѣ, красная лампадка.

Въ часовнѣ носилось благовоніе ѳиміама, чувствовалось тепло отъ горячихъ моленій вѣрующихъ. Изъ каноническаго клироса доносился шепотъ молитвъ монаховъ, то болѣе громкій, то болѣе тихій— всѣ онѣ, казалось, возносились къ алтарю Маріи.

Скоро раздался звонъ, какъ знакъ начала богослуженія; раскрылись съ трескомъ двери большого костела и послышался шумъ шаговъ и топотъ ногъ спѣшившихъ въ часовню. На клиросѣ расположились пѣвцы и музыканты; ударили въ барабаны, прогремѣли трубы, и вознесся гармоническій гимнъ:

Здравствуй, Царица небесъ, состраданія Матерь,
Здравствуй, наша надежда въ печали и въ скорби!

Взвилась серебряная занавѣсъ и засіяла чудотворная икона. Всѣ набожно склонили головы и съ радостными слезами прославляли Марію.

Въ часовню входилъ уже ксендзъ, чтобы служить св. мессу. Карлъ, однако, поспѣшилъ вернуться къ отцу. По дорогѣ его вдругъ охватила смутная тревога и безпокойство; онъ почувствовалъ невольную дрожь во всемъ тѣлѣ, какое-то предчувствіе недобраго.

Онъ стремительно пробѣжалъ корридоръ, все ускоряя шаги и, какъ буря, влетѣлъ въ келью.

Отецъ лежалъ спокойно, неподвижно, съ улыбкой на земляного цвѣта лицѣ.

Онъ подошелъ ближе; на него смотрѣли глаза, странные, неморгающіе, стеклянные. Онъ схватилъ руку; она была холодная, окоченѣлая.

Тогда онъ съ глухимъ стономъ упалъ на колѣни, прижимая къ себѣ дорогое тѣло отца.

Янъ Новакъ былъ мертвъ.

Глава XXI.

Узнавъ о смерти старика Новака, ксендзъ-пріоръ пригласилъ къ себѣ въ ризницу сына и, подавая ему запечатанный конвертъ, сказалъ:

— Вашъ покойный отецъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ смертью вручилъ мнѣ свое духовное завѣщаніе, но теперь, когда вы здѣсь, я чувствую себя обязаннымъ передать вамъ этотъ документъ.

— Позвольте мнѣ, ксендзъ-пріоръ, въ вашемъ присутствіи узнать послѣднюю волю отца,—сказалъ Карлъ, разрывая конвертъ.

Онъ сталъ читать:

«Да будетъ прославленъ Іисусъ Христосъ!

«Я нижеподписавшійся Янъ Новакъ изъ прусской Силезіи, чувствуя себя слабымъ силами тѣлесными, но въ здравомъ умѣ и памяти, дѣлаю послѣднее распоряженіе. Все свое имущество движимое и недвижимое я передалъ уже сыну своему Карлу; нынѣ возлагаю на него обязанность вручить преосвященнѣйшему ксендзу-пріору ордена Паулиновъ на Ясной Горѣ пять тысячъ марокъ. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этой суммы ежегодно служилась въ годовщину моей смерти месса за упокой моей души. Сверхъ того, сынъ долженъ передать тому же преосвященнѣйшему пріору пятьсотъ марокъ, каковыя ксендзъ-пріоръ соблаговолитъ по своему усмотрѣнію роздать бѣднымъ. Молитвенники и Святое Распятіе, привезенные мною изъ Св. Земли передаю на память сыну своему, остальныя же вещи прошу роздать неимущимъ. Желаю быть похороненнымъ въ рясѣ костельнаго служителя, въ самомъ скромномъ и убогомъ гробу, безъ всякаго надгробнаго памятника, ибо хочу, чтобы исчезла обо мнѣ всякая память у людей».

Далѣе слѣдовали дата, подпись и адресъ сына въ Силезіи.

— Въ завѣщаніи упомянутъ также

и монастырь,—проговорилъ панъ Новакъ. подавая монаху листъ сѣрой бумаги,—будьте добры, ксендзъ-пріоръ, прочтите.

— Что же скажете?—спросилъ пріоръ, прочитавъ завѣщаніе.

— Чекъ на Гливицкій банкъ и наличную сумму въ пятьсотъ марокъ я вамъ сегодня же вручу.

— Я самъ буду сопровождать похоронную процессію, — замѣтилъ пріоръ вѣжливо.

— Искренне вамъ благодаренъ; всѣ расходы, которыхъ потребуютъ похороны, я возвращу.

— Никакихъ расходовъ съ вашей стороны не нужно; гробъ сдѣлаютъ наши столяры, похоронятъ вашего отца на кладбищѣ св. Роха на счетъ монастыря, такъ какъ онъ былъ костельнымъ служителемъ.

— Но я никакъ не могу не уплатить за освѣщеніе, дроги и т. п.

— Пожертвуйте въ такомъ случаѣ въ пользу костела, сколько найдете нужнымъ.

Замѣтивъ, что нѣкоторые дожидаются, когда пріоръ будетъ свободенъ, чтобы говорить съ нимъ, онъ попрощался и ушелъ.

Его ошеломила смерть отца, котораго онъ десять лѣтъ не видѣлъ, а увидавъ, потерялъ навѣки въ теченіе какихъ-нибудь двухъ дней. Онъ чувствовалъ, что съ нимъ произошла какая-то перемѣна, въ которой онъ не могъ и не хотѣлъ отдать себѣ отчета. Онъ не думалъ, не размышлялъ, не дѣлалъ заключеній; онъ велъ обыкновенный образъ жизни въ гостинницѣ, ѣлъ въ опредѣленные сроки, засыпалъ свинцовымъ сномъ, присматривался къ городу, къ людямъ, не запоминая никакихъ впечатлѣній, читалъ книги и газеты, ничего въ нихъ не понимая, однимъ словомъ, жилъ рефлекторно, механически, какъ автоматъ. Онъ не приходилъ въ отчаянье, не плакалъ, не сожалѣлъ... въ его мозгу, въ сердцѣ, въ умѣ засѣло лишь одно впечатлѣніе, одно чувство, одна картина — смерть отца. Время отъ времени губы его машинально повторяли одно и то же слово: умеръ, умеръ... и только когда слово это вылетало внезапно болѣе громкимъ, онъ съ удивленіемъ прислушивался и замолкалъ; и тогда онъ снова на видъ какъ бы отдавался первымъ попавшимся внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Онъ велъ тщательный счетъ расходамъ въ дорогѣ и Ченстоховѣ, прогуливался по городу, прислушивался къ странному еврейскому говору и къ другимъ нарѣчіямъ, присматривался къ лошадямъ, извозчикамъ, къ фотографическимъ карточкамъ въ витринахъ, къ объявленіямъ...

Онъ просиживалъ по нѣсколько часовъ въ оцѣпенѣніи около трупа отца въ кельѣ и затѣмъ спокойно направлялся въ гостинницу.

Лишь въ тотъ моментъ, когда собирались закрыть крышку гроба, онъ внезапно сообразилъ, что вѣдь онъ видитъ въ послѣдній разъ это дорогое лицо, что добрые, кроткіе, ласковые глазаотца никогда больше на него не взглянутъ, губы не улыбнутся ему, онъ не услышитъ его голоса, что между нимъ и отцомъ, такъ спокойно лежащимъ, развернется навѣки бездонная пропасть.

Тогда какъ будто что-то острое пронзило его сердце, онъ почувствовалъ внезапную невыносимую боль, безумное отчаяніе овладѣло имъ; его обуялъ гнѣвъ, ярость противъ смерти, разлучившей его безжалостно съ отцомъ. Онъ подошелъ, шатаясь, къ гробу, отстранилъ людей, накладывавшихъ крышку, поцѣловалъ дорогую голову, смотрѣлъ въ закрытые глаза и шепталъ ему на ухо:

— Проснись, проснись, папа... вымолви слово, единое только слово...

Присутствовавшіе съ недоумѣніемъ глядѣли то на него, то другъ на друга; они были испуганы этимъ внезапнымъ взрывомъ тихаго отчаянія, безъ причитаній, безъ стоновъ.

Въ открытую дверь вбѣжалъ костельный слуга, крича:

— Выносите гробъ, ксендзъ дожидается!

Эти громкія, рѣзкія, суровыя, какъ укоръ, слова привели его въ себя, онъ отодвинулся отъ гроба и упалъ бы, еслибы его не поддержали и не усадили на скамью. Наложили крышку и въ пустой кельѣ раздались удары молотка,

вбивавшаго гвозди. И мнилось ему, что эти гвозди внѣдряются не въ дерево гроба, а въ его голову, въ его мозгъ. Онъ схватился рукой за голову, хотѣлъ позвать на помощь, но ни одно слово не вылетало изъ его устъ, онъ онѣмѣлъ; безмолвно слѣдилъ онъ испуганными, страдающими, широко раскрытыми глазами на этихъ палачей, хладнокровно его истязавшихъ.

Костельные служители приготовились поднять гробъ—онъ смотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Когда же они тронулись, онъ боялся произнести какой-нибудь звукъ, чтобы они какъ-нибудь не шарахнулись, не уронили гроба, не нанесли вреда его отцу, не побили ему голову.

И опять впалъ онъ въ состояніе столбняка. Онъ шелъ равнодушно за гробомъ по корридорамъ, присматриваясь къ готическимъ аркамъ, каменнымъ плитамъ, запертымъ дверямъ и развѣшаннымъ картинамъ. Въ похоронной часовнѣ онъ со вниманіемъ присматривался, какъ укладывали гробъ, какъ прикрѣпляли его къ катафалку, старался припомнить названія цвѣтовъ, присланныхъ пріоромъ, и удивлялся, что забылъ ихъ. Онъ разглядывалъ во всѣхъ подробностяхъ алтарь въ стилѣ барокко и когда, наконецъ, стали запирать часовню, онъ спокойно вышелъ изъ монастыря. Это состояніе показалось ему самому чрезвычайно страннымъ. «Вѣдь я любилъ отца, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія,—размышлялъ онъ про себя, направляясь въ гостинницу,—и вотъ онъ умеръ, лежитъ тамъ въ часовнѣ, въ черномъ гробу, на катафалкѣ, а я вотъ не чувствую никакой боли, никакой жалости. Другіе впадаютъ въ отчаяніе, плачутъ, стонутъ, а я такъ спокоенъ и равнодушенъ... только непріятно было, когда вбивали гвозди... Удивительно, какъ философія сушитъ сердце и притупляетъ нервы! Все объясняется ею умно, логично, точно... Умеръ... да, умеръ, но вѣдь всякій раньше или позже долженъ умереть, это законъ природы, неизбѣжный, не допускающій исключеній: все умираетъ, исчезаетъ въ той формѣ, въ какой существуетъ въ настоящее время; ничего нѣтъ постояннаго, вѣчнаго и незачѣмъ поэтому возмущаться противъ законовъ природы...»

Съ такими мыслями вошелъ онъ въ гостинницу. Повстрѣчавшійся ему лакей сообщилъ, что для него доставили посылку, которую занесли въ его комнату.

Онъ удивился, недоумѣвая, отъ кого бы могла она быть прислана, пошелъ къ себѣ въ номеръ, разрѣзалъ шнурокъ и развернулъ наружную бумагу.

Въ лучахъ заходящаго солнца увидѣлъ онъ распятіе, которое висѣло надъ кроватью покойнаго отца. Моментально предсталъ передъ его глазами его образъ, жалкая обстановка кельи, страданія, молитвы объятаго ужасомъ отъ ночныхъ видѣній старика. Всѣ пережитыя впечатлѣнія воскресли въ его умѣ съ такой живостью, что острая боль стрѣлой вонзилась въ его сердце и имъ овладѣло бѣшеное негодованіе на Бога, природу, науку за смерть отца. Гдѣ же справедливость, если оказалось возможнымъ, чтобы этотъ бѣдный, такъ ужасно истязавшій себя, такъ безнадежно кающійся грѣшникъ не имѣлъ даже подъ конецъ своей жизни ни минуты счастья и спокойствія? Зачѣмъ природа дала его отцу такую тонкость нервовъ и болѣзненную впечатлительность? Отчего наука, эта великая, гордая собою наука не нашла до сихъ поръ жизненнаго элексира, какого-нибудь всеисцѣляющаго средства, который сдѣлалъ бы человѣческій организмъ безсмертнымъ?

Быть можетъ, черезъ годъ, два, черезъ десять лѣтъ то, что теперь представляется теоретически возможнымъ, станетъ совершившимся фактомъ, но для его отца будетъ поздно: его уже никто и ничто не воскреситъ.

Имъ овладѣла такая глубокая тоска, что онъ бросился на постель и, спрятавъ голову въ подушки, плакалъ, рыдалъ, стоналъ, извивался отъ отчаянія.

Еще въ день смерти старика Новака стали ходить по Ченстохову различные слухи, принимавшіе легендарный характеръ, что покойникъ былъ милліонеръ, что къ нему пріѣхалъ сынъ изъ-за границы, что самъ пріоръ навѣщалъ больного. Говорили объ этомъ, конечно, и въ гостинницѣ и вся прислуга тамъ была

очень заинтересована своимъ богатымъ постояльцемъ и предупредительность ея къ нему не знала предѣловъ.

Въ день похоронъ лакей, увидѣвъ, что онъ вынимаетъ изъ чемодана черную пару, спросилъ:

— Не нуженъ ли вамъ портной.

— Зачѣмъ?

— Чтобы подшить трауръ.

— Не нужно,—отвѣтилъ онъ довольно рѣзко.

Ему всегда были противны всякія внѣшнія проявленія печали и ему казалось, что этимъ онъ лишь оскорбилъ бы память отца и опошлилъ бы свое горе.

Лакей посмотрѣлъ на него съ негодованіемъ и поспѣшилъ разсказать прочей прислугѣ, что молодой панъ стыдится своего отца, такъ какъ онъ умеръ въ нищенской обстановкѣ и былъ костельнымъ служителемъ въ монастырѣ.

Онъ шелъ за гробомъ, а за нимъ слѣдовали много набожныхъ паломниковъ и любопытныхъ.

Онъ прислушивался къ звону колоколовъ, который казался ему слишкомъ рѣзкимъ, громкимъ, назойливымъ; этотъ звонъ гудѣлъ немолчно въ ушахъ, въ головѣ, отзывался на каждомъ нервѣ. Ему хотѣлось заткнуть себѣ уши пальцами, чтобы отвязаться отъ надоѣдливыхъ звуковъ; но всѣ остальные провожающіе шли ровно, серьезно, и онъ подумалъ, что если они всѣ такъ спокойно переносятъ непріятный колокольный бой, то тѣмъ паче обязанъ онъ это сдѣлать. И лишь только онъ это подумалъ, ему показалось, что тоны стали гораздо менѣе рѣзкими, болѣе глухими.

Въ эту минуту пріоръ началъ обыкновенную погребальную молитву.

Онъ прислушивался къ ней, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлалъ оцѣнку силы голоса, а когда онъ умолкъ, онъ глядѣлъ по сторонамъ улицы, читалъ вывѣски, смотрѣлъ на стоявшихъ въ воротахъ любопытныхъ, тщательно разсматривалъ мостовую, удивлялся столь большой пыли на дорогѣ, однимъ словомъ все проходившее передъ его глазами привлекало его вниманіе и занимало; на гробъ же онъ поглядывалъ тупо, словно совершенно не сознавая, куда и зачѣмъ его несутъ.

Когда ксендзъ окропилъ гробъ, а могильщики опустили его на веревкахъ въ яму, онъ стоялъ съ спокойнымъ неподвижнымъ лицомъ. Но когда пріоръ, произнося слова обычной похоронной формулы: De terra formasti me Domine, et carne induisti me: resuscita me in novissimo die, бросилъ первый комъ земли, а за нимъ посыпались другіе, съ глухимъ шумомъ ударявшіеся о крышку гроба—оцѣпенѣніе покинуло его, онъ почувствовалъ рѣзкій приступъ тоски и горя и весь блѣдный, съ широко раскрытыми глазами, хрипло дыша, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Пріоръ удержалъ его рукой. Онъ пришелъ въ себя и, желая замаскировать свое движеніе, поднялъ комокъ земли, чтобы тоже бросить въ могилу. Стоявшій рядомъ монахъ отобралъ у него изъ руки землю, замѣтивъ:

— Сыну не подобаетъ... слишкомъ тяжело будетъ покойнику.

Онъ отошелъ въ сторону, выждалъ, пока не засыпали могилу и съ плотно зажатыми остатками земли въ рукѣ, ушелъ съ кладбища.

Возвращаясь домой, онъ почувствовалъ смутное ощущеніе, что ему чего-то не хватаетъ, что онъ забылъ или потерялъ нѣчто весьма важное, имѣющее рѣшающее значеніе въ его жизни или для его будущности. Онъ тщательно осмотрѣлъ свои карманы—все было въ порядкѣ, но это странное чувство не только не оставляло, но все настойчивѣе овладѣвало его мыслью.

Нѣкоторое время онъ тщетно старался сообразить причину этого безпокойства, потиралъ себѣ лобъ, старался возобновить въ памяти всѣ пережитыя впечатлѣнія.

Вдругъ онъ догадался: онъ не простился съ отцомъ.

Онъ вернулся на кладбище, которое было уже пусто, тихо, безмолвно и еще издали замѣтилъ свѣжій холмикъ надъ гробомъ отца.

Онъ остановился надъ могилой.

Въ его памяти прошла только что пережитая картина похоронъ: отпѣваніе,

толпа равнодушныхъ людей, провожавшихъ дроги, за которыми и онъ шелъ... Затѣмъ промелькнули одно за другимъ пребываніе въ кельѣ у отца, поѣздка въ Ченстохово, отъѣздъ изъ Гливицъ— и вдругъ, какъ молнія—озарила его картина изъ ранняго дѣтства: около него мать, онъ слышитъ ея голосъ, а рядомъ отецъ такой кроткій, грустный, ласковый, снисходительный... И никогда онъ не увидитъ его, не услышитъ его!

Имъ овладѣлъ новый приступъ сожалѣнія и боли.

Онъ упалъ на свѣжую могилу, плакалъ, стоналъ, впивался пальцами въ землю и какъ безумный кричалъ:

— Вернись! Вернись!

На мгновеніе онъ успокаивался, и и тогда ему казалось, что въ могилѣ слышится какой-то шорохъ.

Онъ напряженно прислушивался, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, при мыслѣ о возможности летаргическаго сна, припадалъ ухомъ къ землѣ, ловя малѣйшій звукъ; но въ гробу было тихо, лишь съ легкимъ шелестомъ опускалась подъ его тяжестью рыхлая, свѣже усыпанная земля.

Обходя передъ закрытіемъ кладбище, сторожъ увидѣлъ распростертаго на могилѣ человѣка, подошелъ и тронулъ его за плечо:

— Время уходить, панъ, оставьте мертвыхъ въ покоѣ.

Глава XXII.

Панъ Новакъ заявилъ лакею, что завтра уѣзжаетъ и велѣлъ приготовить счетъ и паспортъ; онъ простился съ пріоромъ, взялъ у него свидѣтельство о смерти отца и, руководимый чувствомъ болѣзненнаго любопытства, направился заглянуть въ послѣдній разъ въ келью покойника. Ему открылъ ее проходившій мимо костельный служитель; въ ней былъ уже новый жилецъ. Нары, на которыхъ умеръ отецъ, находились въ томъ же углу, съ той же подушкой и одѣяломъ. Сбоку у стѣны стоялъ сундукъ его отца, пустой съ откинутой крышкой; скамья, стулъ, столъ были тѣ же; изъ посуды, что стояла на столѣ, ѣлъ его отецъ.

Тоска защемила его сердце при мысли, что предметы, въ которымъ прикасался его отецъ, которые окружали его до послѣднихъ минутъ жизни, теперь будутъ въ употребленіи у другого, быть можетъ, недостойнаго, ихъ будетъ осквернять чужая равнодушная рука.

— Кто живетъ здѣсь теперь?—спросилъ онъ костельнаго служителя.

— Братъ Анзельмъ.

Онъ прямо изъ кельи пошелъ къ пріору.

— Я бы хотѣлъ, ксендзъ-пріоръ, купить всѣ вещи моего отца,—сказалъ онъ.

— Очень жаль, что вы не сказали этого раньше; бѣлье и платье мы уже роздали нищимъ, согласно выраженной въ завѣщаніи волѣ вашего отца,—отвѣтилъ пріоръ, смущенный этимъ неожиданнымъ заявленіемъ.

— Въ кельѣ есть еще постель, тарелки, пустой сундукъ; я хочу хоть это купить и забрать съ собою.

— Вы получите ихъ безвозмездно, я распоряжусь, чтобы ихъ сейчасъ же доставили въ вашу гостинницу.

— Я долженъ за нихъ уплатить, такъ какъ отецъ предназначилъ ихъ бѣднымъ.

— Если вы настаиваете, дайте, сколько найдете нужнымъ, въ пользу костела.

Поблагодаривъ пріора и пожертвовавъ нѣкоторую сумму въ ризницѣ, онъ пошелъ въ келью, самъ присмотрѣлъ за тѣмъ, какъ уложили вещи, и съ чувствомъ облегченія отъ исполненнаго долга оставилъ монастырь.

По дорогѣ онъ купилъ хорошо исполненную копію чудотворной иконы Ченстоховской Божіей Матери и направился на кладбище св. Роха.

Здѣсь надъ отцовской могилой онъ мысленно пережилъ послѣднія минуты усопшаго, глубоко прочувствовалъ мученія всей жизни этого человѣка, удрученнаго до послѣдняго издыханія угрызеніями совѣсти и вспомнилъ данное отцу и монахамъ обѣщаніе загладить вину отца. Здѣсь же и составился у него планъ дальнѣйшихъ дѣйствій: онъ рѣшилъ искоренить всѣ несправедливо-

сти, предоставить своимъ рабочимъ полнѣйшую свободу политическихъ и религіозныхъ убѣжденій, дѣятельно помогать бѣднѣйшимъ, поощрять всѣхъ къ добродѣтели и правдѣ.

Ему показалось, что все это будетъ не трудно осуществить. Значительно успокоенный, съ лицомъ, исполненнымъ рѣшимости, онъ прошепталъ:

— Спи мирно, отецъ мой!

Онъ вернулся въ гостинницу и сталъ готовиться, чтобы съ вечернимъ поѣздомъ уѣхать. Укладывая вещи, свои и оставшіяся послѣ отца, онъ вдругъ почувствовалъ такой сильный новый приливъ тоски, что бросилъ работу и сѣлъ у окна, глядя на высокій, укрѣпленный монастырь.

Онъ чувствовалъ, что оставляетъ здѣсь нѣчто очень дорогое, любимое, извѣстную часть своего сокровеннѣйшаго я. Онъ ощущалъ въ себѣ какую то пустоту, мракъ, тѣнь, онъ чувствовалъ, что померкли въ немъ свѣтильники, горѣвшіе свѣтлыми и яркими цвѣтами.

Его вѣра въ честность, порядочность и доброту людей была поколеблена въ самыхъ существенныхъ основаніяхъ. Если отецъ его, этотъ, какъ онъ былъ увѣренъ, добрый, совершенный человѣкъ, могъ позволить себѣ тяжкое злоупотребленіе чужимъ имуществомъ, а затѣмъ убить соучастника и, хотя, нечаянно, много неповинныхъ тружениковъ,—и тѣмъ не менѣе оставаться уважаемымъ, богатымъ человѣкомъ, то какъ грязны должны быть источники богатствъ всѣхъ этихъ Рейнеровъ, Мальстейговъ, Фрейдорферовъ и другихъ?

Завертѣлись, плясали передъ нимъ разнородныя преступленія, какъ змѣи и ящерицы, сбившіяся въ клубокъ и брызжущія вокругъ своей ядовитой слюной. Онѣ растутъ, увеличиваются и толстѣютъ съ каждымъ моментомъ. Скользкія, липкія, опухшія, покрытыя кровью, слезами и потомъ эксплуатируемыхъ, онѣ возносятся все выше, какъ египетская пирамида, почерпая свою силу, мощь и величіе тамъ, внизу, у людей, трудящихся безъ отдыха. Отдѣльные гады принимали облики разныхъ знакомыхъ промышленниковъ, а на самой верхушкѣ лежалъ сытый, откормленный змѣй съ лицомъ Рейнера.

Онъ отогналъ отъ себя эти призраки и улыбнулся съ горечью. Вѣдь онъ самъ не болѣе, не менѣе, какъ компаніонъ коммерціи совѣтника Рейнера, делящій съ нимъ всѣ барыши, которые они выжимаютъ изъ рабочихъ.

Если отецъ его очистилъ ужасный источникъ своего богатства муками, то ему, сыну его, надлежитъ кончить его дѣло.

Но какимъ образомъ?

Онъ вспомнилъ всѣ споры и столкновенія, которыя онъ имѣлъ съ совѣтникомъ и директоромъ, ѣдкія замѣчанія и разговоры другихъ фабрикантовъ и, наконецъ, требованія и условія фрейлейнъ Эльзы.

Онъ удивился, что за все это время онъ ни разу не вспомнилъ о своей невѣстѣ, да и теперь образъ ея показался ему далекимъ, чуждымъ, туманнымъ... Онъ ясно чувствовалъ, что между нею и имъ стала какая-то великая преграда, закрывающая отъ него Эльзу.

Онъ посмотрѣлъ въ окно, и ему показалось, что этотъ большой бѣлый Ясногорскій монастырь стоитъ между ними, что она удаляется, улетучивается куда-то въ глубь, въ голубую даль.

Онъ зналъ, что тамъ, въ Силезіи ожидаетъ его борьба съ предубѣжденіями, съ упрямствомъ и злой волей, и въ данную минуту онъ почувствовалъ себя до того слабымъ, жалкимъ, ничтожнымъ, до того безсильнымъ, что ужасъ овладѣлъ имъ при мысли о предстоящей борьбѣ, въ которой онъ неизбѣжно долженъ будетъ пасть побѣжденнымъ.

Ахъ, какъ хорошо бы было обрѣсти покой хотя бы на одну ночь, чтобы набраться силъ и мужества для дальнѣйшей жизни, съ пустотой въ сердцѣ и съ невыносимой тяжестью отцовскаго преступленія на душѣ.

Но какъ начать новую жизнь? Какъ примирить прошлое съ будущимъ? Какъ сочетать обѣщаніе, данное фрейлейнъ Эльзѣ, съ долгомъ относительно отца?

И вотъ выплылъ предъ его глазами образъ панны Ядвиги, энергичной, доброй, сочувствующей всему дѣвушки,

которая умѣетъ помогать бѣднымъ, утѣшать слабыхъ, забавлять дѣтей. Образъ рисовался все прекраснѣе, совершеннѣе, святѣе... Хорошо бы быть ея братомъ, ученикомъ, помощникомъ.

Но фигура панны Ядвиги стала тускнѣть. блѣднѣть, закрываться туманомъ, а на ея мѣстѣ появилась лучезарная Эльза въ вѣнцѣ золотистыхъ волосъ съ голубыми небесными глазами, съ обворожительной улыбкой на прекрасномъ личикѣ. гибкая, стройная, плѣнительная... Ему вдругъ страстно захотѣлось ее видѣть, почувствовать прикосновеніе ея руки, услышать ея музыкальный голосъ.

Но имѣетъ ли онъ право на это? Можетъ ли онъ приблизиться къ ней, стать мужемъ этого чистаго, невиннаго существа? На его имени тяготѣетъ кровавое пятно, его богатство лишь средство окончательно загладить грѣхи отца.

Поблѣднѣлъ образъ фрейлейнъ Эльзы, и тѣмъ ярче выступили обязанности его будущей жизни...

Послѣ скверно проведенной ночи, онъ уѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ изъ Ченстохова, слѣдя глазами за исчезающимъ городомъ, бѣлымъ монастыремъ и башней.

Усѣвшись въ вагонѣ, онъ почувствовалъ, что могилой отца захлопнулась первая часть его жизни, юношеская, беззаботная, полная однихъ лишь идеальныхъ, туманныхъ порывовъ; отнынѣ начинается новая жизнь, трудная, преисполненная препятствій и терній.

Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, заброшеннымъ, безъ друзей, безъ родныхъ, безъ опоры. Его школьные, университетскіе товарищи разбрелись по всему свѣту въ погонѣ за теплыми мѣстечками и за уютными гнѣздышками. А затѣмъ— одни только дѣловыя знакомства, люди, связанные съ нимъ исключительно на почвѣ завода... Единственный человѣкъ, на дружбу и сочувствующее сердце котораго онъ можетъ разсчитывать,—его невѣста Эльза.

Теперь она казалась ему доброй, привѣтливой, тихой. Ему представилось, что если бы она положила на его голову свою прекрасную, бѣлую, нѣжную ручку, то его тоска и грусть, его тревога и уныніе прошли бы. Она, она одна на всемъ свѣтѣ найдетъ для него слова сочувствія и успокоенія, одинъ взглядъ ея очей вылѣчитъ его, уменьшитъ бремя, которое онъ несетъ со времени признанія отца.

Съ нетерпѣніемъ сталъ онъ ждать минуты, когда онъ увидитъ ее, прекрасную, очаровательную, непорочную, ангела доброты и сочувствія.

Послѣ испытанныхъ впечатлѣній у смертнаго одра отца, послѣ перенесенныхъ страданій онъ чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ, какъ бы очищеннымъ, облагороженнымъ; ему казалось, что онъ лишь теперь понялъ слова фрейлейнъ Эльзы о бѣлыхъ снѣгахъ, о чистыхъ вершинахъ горъ, о безплотной любви родственныхъ душъ вдали отъ свѣта и дѣйствительности, этой грязной дѣйствительности, представлявшейся ему теперь, послѣ исповѣди отца, сплошь обагренной кровью и слезами.

Сидя на мягкомъ диванѣ, съ полузакрытыми глазами, подъ равномѣрное громыханіе поѣзда онъ предавался мечтамъ о сладостной встрѣчѣ съ ней въ роскошномъ элегантномъ дворцѣ совѣтника, о нѣжномъ взглядѣ ея прекрасныхъ глазъ, о ея добрыхъ, полныхъ сочувствія словахъ.

Около десяти часовъ вечера онъ высадился на вокзалѣ и въ наемной коляскѣ поѣхалъ въ домъ совѣтника.

Ночь была туманная, луна свѣтила блѣдно, но зато тѣмъ жарче и ярче отражались на небѣ красныя зарева громадныхъ печей, блестѣли фабричныя топки и бѣлый свѣтъ электрическихъ лампъ. Сквозь пропитанный испареніями воздухъ глубоко, не ясно доносился шумъ фабричной жизни,

Зрѣлище неусыпнаго труда, отдаленный стукъ машинъ, даже вѣтеръ, пропитанный гарью и дымомъ, были ему пріятны, дѣйствовали успокоительно на раздраженные путешествіемъ и тоской нервы.

Онъ ласково привѣтствовалъ, какъ бы давнишнихъ друзей, придорожные домики рабочихъ и сталелитейный заводъ и съ нѣкоторымъ тревожнымъ чув-

ствомъ подъѣхалъ къ усадьбѣ, въ которой оказались освѣщенными лишь нѣсколько оконъ во второмъ этажѣ.

— Г. совѣтникъ дома?—спросилъ онъ лакея, отбиравшаго у него дорожный мѣшокъ.

— Они вчера изволили уѣхать; завтра ихъ ожидаютъ.

— А дамы?

— Онѣ уже разошлись по своимъ комнатамъ.

Это послѣднее сообщеніе непріятно его поразило; онъ надѣялся еще сегодня увидѣть фрейлейнъ Эльзу. Впрочемъ, онъ скоро утѣшилъ себя мыслью, что завтра проведетъ съ нею весь день, а сегодня, по крайней мѣрѣ, ночуетъ подъ одной кровлей.

Его комнаты показались ему красивыми, покойными, уютными; это пріятное впечатлѣніе затушевало воспоминаніе о нищенской обстановкѣ кельи отца.

Онъ вынулъ изъ сундука распятіе, подаренное ему отцомъ, и копію чудотворной иконы. Въ спальнѣ онъ снялъ со стѣны висящія надъ кроватью фотографическую группу его товарищей и картину изображавшую какой-то приморскій видъ, и на ихъ мѣсто помѣстилъ привезенныя изъ Ченстохова вещи.

Утромъ онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда лакей доложитъ, что дамы сошли внизъ къ завтраку.

Наступилъ и этотъ моментъ.

Еще на порогѣ поразилъ его холодный, равнодушный взглядъ, которымъ встрѣтила его фрейлейнъ Эльза, сидѣвшая уже за столомъ. Онъ подошелъ ближе, протягивая ей руку; она еле-еле прикоснулась кончиками своихъ пальчиковъ и сейчасъ ихъ отдернула.

— Доброе утро, панъ!

Поздоровавшись съ насупившейся фрейлейнъ Виссенбургъ, онъ усѣлся противъ фрейлейнъ Эльзы и смотрѣлъ на нее съ тоской и разочарованіемъ; не того онъ ожидалъ, не такой встрѣчи, не такого привѣтствія.

— Давно уѣхалъ г-нъ совѣтникъ?—спросилъ онъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Третьяго дня, сегодня онъ возвращается...

— Ну, а вы когда возвратились?—спросила фрейлейнъ Эльза равнодушнымъ тономъ.

— Вчера вечеромъ.

— Вы, должно быть, были тамъ въ Ченстоховѣ очень заняты,—замѣтила она иронически;—папа тщетно ожидалъ отъ васъ извѣстій.

— У меня дѣйствительно не было ни минуты свободной.

— А вы все-таки могли бы написать хоть открытку; я вамъ напоминала объ этомъ передъ отъѣздомъ, такъ какъ хотѣла увеличить свою коллекцію,—прибавила фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ.

— Очень жаль; я, право, забылъ объ этомъ.

— Какъ же вамъ понравилось это Ченстохово?—улыбнулась презрительно фрейлейнъ Эльза.

— Городъ довольно грязный...

— Ну, этого можно было ожидать,—разсмѣялась фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ,—вѣдь тамъ пресловутое «польское хозяйничанье».

Всѣ замолчали.

— Отецъ вашъ не возвращается сюда?—вспомнила наконецъ невѣста.

— Отецъ мой умеръ.

Она взглянула на него болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ сочувствіемъ, стараясь прочесть на его лицѣ исторію его впечатлѣній и страданій.

— Искренне сожалѣю васъ,—произнесла она соболѣзнующимъ тономъ.

Наступило непріятное молчаніе, которое нарушила фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ вопросомъ:

— Какъ долго болѣлъ вашъ отецъ?

— Нѣкоторое время предъ моимъ пріѣздомъ; при мнѣ лишь два дня.

— Гдѣ же онъ умеръ?—спросила фрейлейнъ Эльза.

— Въ монастырѣ.

Дамы переглянулись съ изумленіемъ; этотъ отвѣтъ показался имъ страннымъ и необычайнымъ.

— Вѣроятно, въ монастырѣ госпитальной братіи,—сдѣлала догадку фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ, припоминая, что она что-то слышала о таковомъ монастырѣ.

— Нѣтъ, фрейлейнъ, мой отецъ на-

шелъ пріютъ въ монастырѣ о.о. Паулиновъ.

— Развѣ не могъ онъ вытребовать отъ папы денегъ? Я увѣрена, что папа не замедлилъ бы ни минуты.

— Разумѣется, но отецъ мой не хотѣлъ ни писать, ни требовать денегъ.

— И умеръ онъ въ монастырѣ, это удивительно, удивительно,—говорила задумчиво фрейлейнъ Эльза.

Послѣ завтрака фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ, желая облегчить молодымъ людямъ возможность поговорить другъ съ другомъ, предложила:

— Надо воспользоваться погодой и пойти въ паркъ.

— Я кстати покажу вамъ чудесныя карликовыя астры, — прибавила фрейлейнъ Эльза.

— А я кончу свой романъ,—заключила фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ, отыскавъ книгу.

Они вышли на веранду. Передъ ними пестрѣлъ садъ въ лучахъ солнца, просвѣчивавшаго сквозь легкій туманъ молочнаго цвѣта

Канареечнымъ оттѣнкомъ желтѣли нѣжные листочки плакучей березы, листья каштана краснѣли, продолговатые листья сикоморы отливали пурпуромъ; дубы блистали, какъ бронза; тихо, неподвижно свѣшивались померанцевые листья граба и бука; ольха и осина переливались горячими цвѣтами.

Казалось, что всѣ деревья пріодѣлись въ пестрыя праздничныя одѣянія горячей любви и наслажденія, что они вели между собой дружественныя бесѣды, съ помощью нѣжныхъ нитей бѣлой паутины, что въ этотъ, быть можетъ, прощальный день весны, лѣта, нѣжащихъ лучей солнца, они нарочно выступили во всемъ великолѣпіи и богатствѣ цвѣтовъ.

— Какъ здѣсь красиво, тихо, покойно,—сказалъ панъ Новакъ, съ удовольствіемъ оглядывая садъ.

— Я предпочитаю весну,—возразила фрейлейнъ Эльза, опираясь на его руку,— это искусственные цвѣта, искусственная веселость. Сдается мнѣ, что это вдова одѣлась въ платье арлекина и стоитъ надъ свѣжей могилой.

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ. Она продолжала:

— Осень,—это вдова по смерти цвѣтовъ, благоуханій, красокъ весны и лѣта. Она вдругъ одѣвается въ платье яркаго цвѣта, какъ будто радуясь разрушенію.

— Ее облагородило страданіе,—говорилъ онъ спустя минуту,—она чувствуетъ близость конца; по ней ужъ прошла могильная дрожь, но ее до того утомили пережитые дни, что она съ радостью думаетъ о смерти.

— Я не люблю этого періода осени, я предпочитаю болѣе поздній, когда деревья стоятъ обнаженными, а упавшіе завядшіе листья тихо шелестятъ; кругомъ все пусто, печально, черно; по вечерамъ я прислушиваюсь къ дикой мелодіи вѣтра, который стонетъ и плачетъ по веснѣ, по цвѣтамъ, по солнцу... меня охватываетъ тогда грусть, тихая меланхолія, тоска по счастьѣ...

Эти слова напомнили ему послѣднюю ночь, проведенную имъ въ кельѣ отца, когда онъ невыразимо мучился и страдалъ, успокаивая отца, боровшагося со страшными призраками.

— Такая тоска и грусть скоропреходящи, но дѣйствительное страданіе продолжается долго и невыносимо гнететъ.

Она помолчала немного и затѣмъ продолжала съ любопытствомъ:

— Вы, вѣроятно, испытали сильныя впечатлѣнія, въ особенности, когда отецъ умиралъ? Это не было страшно?

Я не былъ при самой смерти,—вздохнулъ онъ.

— Нѣтъ?.. Гдѣ же вы были?

— По просьбѣ отца, я пошелъ въ часовню; когда я вернулся, онъ былъ уже мертвъ.

— А мнѣ такъ хотѣлось узнать, каковы были ваши впечатлѣнія,—проговорила она съ невольнымъ сожалѣніемъ.

Онъ окинулъ ее недоброжелательнымъ взглядомъ; въ тонѣ ея словъ онъ почувствовалъ лишь праздное любопытство, но ни тѣни сочувствія, котораго онъ такъ жаждалъ.

— Мои впечатлѣнія можно опредѣлить однимъ глаголомъ: я страдалъ.

— Да, конечно, я легко представляю себѣ, особенно, когда вы по пріѣздѣ

увидѣли, что онъ живетъ благодѣяніями чужихъ людей... въ монастырѣ.

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ и негодованіемъ. Его непріятно рѣзнула эта высокомѣрная нотка богатой барышни, неспособной посмотрѣть обыкновенными глазами на страданія и смерть его отца.

— Мой отецъ не жилъ чужими благодѣяніями,—возразилъ онъ рѣзко,—онъ зарабатывалъ свой хлѣбъ своей службой въ монастырѣ.

— Онъ служилъ!?. Служилъ въ монастырѣ?..— переспросила она недовѣрчиво.

— Онъ былъ костельнымъ служителемъ.

Наступила ея очередь изумляться и возмущаться. Пожавъ презрительно плечами, она проговорила:

— Это ужъ прямо граничитъ съ сумасшествіемъ... Богатый человѣкъ, крупный фабрикантъ, извѣстный во всей округѣ... идетъ служить къ чужимъ... Скажите, эта религіозная манія не оставила его и передъ смертью?

— То не была манія,—возразилъ онъ раздраженный ея словами и тономъ,— отецъ мой вѣрилъ искренне и глубоко.

— А вы, быть можетъ, унаслѣдовали это теперъ отъ него?—спросила она иронически.

— Возможно... уваженіе къ чужимъ убѣжденіямъ я, во всякомъ случаѣ, получилъ отъ него въ наслѣдство.

— И я ихъ уважаю,—возразила она спокойно,—но, конечно, настолько, насколько они логичны... Но оставимъ говорить объ этомъ... Разскажите мнѣ лучше про свои впечатлѣнія.

— Про какія? — спросилъ онъ довольно рѣзко.

— Про страданія ваши; въ тоскѣ по умершимъ есть что-то чистое, свободное отъ узъ навсегда похороненной дѣйствительности; въ ней есть что-то, напоминающее бѣлизну снѣговъ и лилій, растущихъ на могилахъ.

— Моя тоска не похожа на эту,— отвѣтилъ онъ съ горечью,—въ ней нѣтъ ни слѣда поэзіи, ни настоящей, ни искусственной.

— Но вы забываете слова поэта, что раздѣленное горе полгоря!—воскликнула она съ живостью.

— Я не могу и не желаю отягощать васъ своей половиной... да и страданія мои изъ тѣхъ, что прячутся по угламъ и выползаютъ лишь въ ночной тиши.

— Неужели они такъ мрачны?—спросила она улыбаясь.

— Да, не изъ свѣтлыхъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не желаю ни знать ихъ, ни видѣть, ибо печаль должна быть тиха и чиста, какъ ангелъ, плачущій надъ могилой ребенка.

Эта вѣчная погоня за искусственными образами, вымышленнымъ горемъ и воображаемыми страданіями, которыя не должны были нарушать эстетическую мѣрку, ему порядочно надоѣли и вызывали въ немъ ощущеніе горечи; ему показалось, что онъ вдругъ сталъ понимать ее лучше и яснѣе, что какая-то пленка спала у него съ глазъ.

Онъ взглянулъ на нее: въ своемъ голубомъ, шуршащемъ, шелковомъ платьѣ она была такъ прекрасна, глаза ея были такъ невинны и мечтательны. слегка розовая кожа на щекахъ такъ прозрачна, губки такъ заманчивы, а золотистые волосы столь пышны, что онъ невольно удержалъ готовое сорваться съ его устъ непривѣтливое замѣчаніе и сказалъ полушутливымъ тономъ:

— Конечно, поэтъ страдаетъ и груститъ всегда художественно и съ соблюденіемъ всѣхъ требованій эстетики, но я, какъ вы знаете, обыкновеннѣйшій смертный, цѣликомъ погрязшій въ дѣйствительности.

— Правда, поэтому вернемся-таки къ дѣйствительности.

— Стало быть, къ любви... —улыбнулся онъ.

— Ну, нѣтъ! любовь всегда должна имѣть прелесть поэзіи... Поговоримъ лучше о нашихъ условіяхъ.

— Хорошо, я васъ слушаю.

— Составили ли вы уже планъ дѣйствій въ дѣлѣ постановки памятника Бисмарку?

— И не думалъ еще объ этомъ.

— Надо, необходимо поспѣшить; мнѣ говорилъ директоръ Шейеръ, что кто-нибудь легко можетъ предупредить васъ.

— Скатертью дорога! Я никакого патента на этотъ памятникъ не взялъ.

— Какъ это вы такъ говорите? — разсердилась фрейлейнъ Эльза.—Какъ вы можете говорить съ такимъ равнодушіемъ?

— Неужели прикажете мнѣ плакать? Не надолго хватило бы меня, если бы я сталъ убиваться изъ-за всякаго пустяка.

— Какъ, памятникъ по вашему пустякъ?!

— Сказать правду, этотъ окольный путь, который вы мнѣ навязываете для достиженія депутатскаго мандата, мнѣ совсѣмъ не нравится; тутъ пахнетъ ложью, лакействомъ, пролазничествомъ...

— Вы Бисмарка не уважаете?

— Уважаю его и высоко цѣню его заслуги, но... но...

— Но?..

— Я сомнѣваюсь, слѣдуетъ ли, подобаетъ ли ставить ему памятникъ въ Силезіи, которой его внутренняя политика и культуркампфъ причинили столько страданій.

— Я совершенно не понимаю вашихъ сомнѣній, — возразила она раздраженно,—канцлеръ стремился къ объединенію, этого и мы желаемъ; онъ первый подалъ сигналъ для борьбы съ врагами государства, мы продолжаемъ ее дальше; если гдѣ-нибудь долженъ выситься ему памятникъ, какъ символъ нашего могущества, силы и побѣды, то именно здѣсь.

— А они?

— Кто это они?—спросила она возбужденно.

— Силезцы,—отвѣтилъ онъ спокойно, — они считаютъ его виновникомъ своего жалкаго положенія, они видятъ въ немъ начало національной розни; памятникъ безъ всякой надобности ихъ раздражитъ, особенно если ихъ заставятъ еще дѣлать на него складчину.

— Силезцы!? да развѣ земля эта имъ принадлежитъ? развѣ не мы здѣсь господа?.. если бы я могла, я воздвигала бы памятники на каждой верстѣ, во всякой деревнѣ, чтобы они основательно почувствовали наше могущество.

— А я на этотъ счетъ совершенно другого мнѣнія.

— Я это очень хорошо вижу,—сказала она съ горечью.

— Выслушайте меня спокойно, фрейлейнъ, — заговорилъ онъ, замѣтивъ ея раздраженіе, — хорошія цѣли нуждаются въ хорошихъ средствахъ... Я желаю быть депутатомъ, хотя бы потому, что вы такъ хотите; я, стало быть, долженъ быть представителемъ всего населенія, всѣхъ имѣющихъ право голоса; если я оттолкну одну часть избирателей, то можетъ пропасть моя кандидатура, я долженъ соблюдать осторожность.

— Все это лишь уловки, — возразила она, насупившись, — вы просто отлыниваете отъ памятника.

— Да вамъ собственно чего хочется памятника или мандата?

— Зачѣмъ этотъ вопросъ?

— Потому что касательно мандата я могу искренне обѣщать стараться его пріобрѣсти.

— Посмотримъ... Однако, я замѣчаю въ васъ какую-то перемѣну,—она пытливо на него взглянула,—въ васъ есть теперь что-то такое, чего раньше не было; неужели на васъ такъ сильно повліяло Ченстохово?

— Только не городъ,—улыбнулся онъ печально.

— Значитъ, смерть отца... Не услыхали ли вы отъ него какой-либо тайны?

— Воспоминанія эти еще столь свѣжи и тягостны, что я долженъ раньше самъ успокоиться...

— Мнѣ вы тоже не можете открыть? Это облегчило бы васъ.

— Не теперь... послѣ, быть можетъ...

— Должно быть, нѣчто необыкновенное, если взволновало такого матеріалиста.

— Обыкновенное и необыкновенное зависитъ отъ нашей впечатлительности; въ данномъ случаѣ я, быть можетъ, былъ слишкомъ впечатлителенъ, и, пожалуй, черезчуръ мало зналъ міръ съ его средствами и путями...

— Которые ведутъ...

— Къ славѣ, богатству и вліянію... къ разнымъ матеріальнымъ «благамъ».

— По вашему тону я заключаю, что однимъ изъ источниковъ вашего горя является пріобрѣтенное убѣжденіе въ

суетности цѣлей и средствъ дѣйствительной жизни.

— Да, правда.

— Въ такомъ случаѣ вы должны сознаться, что я со своими поэтами была права.

— Какъ такъ?

— Когда я твердила, что нужно избѣгать, чуждаться дѣйствительности, заниматься жизнью души въ ея вѣчныхъ, неизмѣнныхъ проявленіяхъ, смотрѣть лишь въ глубь себя и оттуда извлекать поэзію,—окончила она съ увлеченіемъ.

— Старыя погудки на новый ладъ,— улыбнулся онъ.

— Что вы хотите сказать?

— Индійскіе факиры испоконъ вѣковъ магнитизируютъ себя подобнымъ же образомъ.

— Но они стремятся къ нирванѣ, а мы къ поэзіи,—возразила съ торжествомъ фрейлейнъ Эльза.

— Разница небольшая: ваша такъ называемая поэзія—искусственная нирвана, удобная ширма, чтобы отстранить себя отъ труда, науки и вообще жизни.

— Ваше упрямство положительно невносно; а я думала, что послѣ испытанія, о которомъ вы упоминали, вы поймете, наконецъ, суетность преходящихъ формъ внѣшней жизни.

— Къ сожалѣнію, нисколько; наоборотъ, я еще болѣе убѣдился, что мнѣ слѣдуетъ принять болѣе активное участіе въ исправленіи и совершенствованіи существующихъ отношеній.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю,— улыбнулась она иронически,—но я съ вами туда не пойду, я предпочитаю цвѣты; вотъ, кстати, мои астры.

Они остановились надъ грядкой цвѣтовъ. Астры пестрѣли разнообразными красками со множествомъ оттѣнковъ: отъ красныхъ и почти голубыхъ до едва розоватыхъ и ярко лиловыхъ; преобладали, однако, бѣлыя.

Фрейлейнъ Эльза нагнулась, оборвала одну и, любуясь цвѣткомъ, говорила:

— Я очень, очень люблю эти цвѣты, меня трогаетъ ихъ грусть, они чувствуютъ, что впереди для нихъ открывается лишь холодная, жесткая, твердая дѣйствительность безъ тепла, красокъ и лучей.

— Это въ самомъ дѣлѣ красивые цвѣты, — замѣтилъ онъ равнодушнымъ тономъ.

— Красивые? Этого слишкомъ мало; они прекрасны; астры—истинныя звѣзды печали и прощанія...

Они возвратились по той же аллеѣ, направляясь къ фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ, занятой своимъ романомъ.

— Когда я гляжу на эту бѣлую астру, — начала фрейлейнъ Эльза, — я вижу въ ней сходство съ молодою дѣвушкою: и ту, и другую ожидаетъ одинаковая будущность.

— Это, пожалуй, слишкомъ смѣло сказано.

— Вовсе нѣтъ: астру ожидаютъ осеннія ненастья, вѣтры, морозы, а молодая дѣвушка изъ страны поэзіи попадаетъ въ водоворотъ жизни.

— Не для всякой дѣвицы жизнь является водоворотомъ,—улыбнулся онъ.

— Вы подразумѣваете богатство; да, пожалуй, состояніе устраняетъ въ извѣстной степени заботы и хлопоты, но все-таки приходится влачить бремя скучной, будничной жизни.

— Если любятъ другъ друга, то жизнь не скучна и не тяжела даже при бѣдности.

— Ну, это довольно старенькій романтизмъ,—засмѣялась она,—я была бы очень несчастна, если бы у меня не было состоянія. Если бы я не имѣла матеріальной возможности удовлетворять своей непреодолимой потребности въ поэзіи и красотѣ, если бы у меня не было сознанія, что я въ любой моментъ могу бросить эту непріятную, душную дѣйствительность и найти другую, солнечную страну, я бы чувствовала себя крайне скверно. А вы, неужели не цѣните своего богатства и не радуетесь, что обладаете имъ?

— Радъ ли я? Это вопросъ особый; во всякомъ случаѣ, я придаю должную цѣну деньгамъ, ибо онѣ облегчатъ мнѣ исполненіе моихъ обязанностей.

— Неужели онѣ такъ тяжелы?— улыбнулась она.

— Смотря для кого. Меня онѣ давятъ,

какъ стопудовая гиря... Вамъ, какъ невѣстѣ, мой долгъ сказать, что я считаю себя лишь управляющимъ отцовскаго имущества.

— Я не понимаю.

— Я желаю такъ устроить свою жизнь, чтобы расходовать отцовское наслѣдство на различныя общественныя цѣли, а не на себя.

— Что?.. Какъ?..

— Какъ управляющій имуществомъ, я буду брать себѣ извѣстное вознагражденіе, остальные же доходы мнѣ не принадлежатъ.

— Ха, ха, ха... это чрезвычайно забавно.

— Возможно, но я такъ рѣшилъ.

— Да въ чемъ же дѣло?

— На совѣсти отца лежали нѣкоторыя.... нѣкоторыя злоупотребленія.... я обязанъ загладить ихъ.

— Вотъ какъ?.. По отношенію къ папа?

— Нѣтъ... относительно другихъ людей.

— Я ихъ знаю?

— Да... въ извѣстной степени.

— Это люди нашего круга?

— Нѣтъ, главнымъ образомъ, рабочіе.

— Значитъ, силезцы?

— Да, и они.

Она остановилась, съ изумленіемъ поглядѣла ему въ глаза и, продолжая путь, сказала иронически:

— Силезцы?!... И вы вѣрите этому? Да вы, быть можетъ, и обязательство дали?

— Да, фрейлейнъ.

— Вѣдь это явная великопольская интрига. Отецъ вашъ былъ очень религіозенъ, тамошніе ксендзы на него тамъ повліяли, настроили его, а онъ далъ себя одурачить... Но вы? Неужели вы не видите здѣсь заговора?... Я увѣрена, что изъ нашихъ никто не позволилъ бы такъ водить себя за носъ, какъ вы.

— Можетъ быть...

— Конечно, но все это случилось лишь потому, что вы въ первыя минуты горя не смогли разобраться и попались на удочку... когда вы успокоитесь и пораздумаете, это какъ рукою сниметъ... Мы съ папой вамъ растолкуемъ. То была просто чрезмѣрная щепетильность больного человѣка.

Нѣкоторое время они шли молча. Фрейлейнъ Эльза опять начала:

— Это и была та тайна, которую вамъ сообщилъ отецъ?

— Отчасти да...

— Теперь я понимаю, почему вы не хотѣли мнѣ довѣриться, — она улыбнулась, — вы сами чувствовали всю несообразность подобнаго рода обязательства. Что же вы намѣрены дѣлать?

— Идти путемъ правды и справедливости...

И больше ничего?

— Кажется, что этого достаточно.

— Мнѣ думается, что ни мой папа, ни вы никогда не шли путемъ лжи и злоупотребленій; стало быть, все должно остаться по прежнему, если только вы сами не измѣнились.

— Я остался тѣмъ же, только сегодня особенно нуждаюсь въ сочувствіи и снисхожденіи съ вашей стороны, такъ какъ я пережилъ грустныя, тягостныя минуты.

— Нужно заслужить ихъ покорностью и послушаніемъ, — улыбнулась она дружелюбно.

— Что же мнѣ надо для этого дѣлать?

— Не грустить и не отчаяваться, ибо передъ нами будущность.

— А за нами?

— Могила—колыбель новой жизни, какъ сказалъ какой-то поэтъ.

Глава XXIII.

Совѣтникъ Рейнеръ поздно ночью вернулся домой и узнавъ, что панъ Новакъ пріѣхалъ, велѣлъ завтра утромъ попросить его къ себѣ.

— Я безпокоился о васъ и думалъ, не случилось ли съ вами что-нибудь особеннаго, все время не было отъ васъ никакихъ извѣстій, — встрѣтилъ его совѣтникъ, съ ласковою улыбкой, пожимая протянутую руку, — пожалуйста, садитесь, что слышно?

— Болѣзнь и смерь отца помѣшали мнѣ вамъ писать.

— Смерть?... Какъ, Янъ Новакъ умеръ?

Сынъ утвердительно кивнулъ головою.

— Да, да, я этого не ожидалъ.. жаль Яна, прекрасный, добрый человѣкъ это былъ... сочувствую вамъ, Карлъ. Не мало вѣрно хлопотъ имѣли, вѣдь это въ чужомъ городѣ. И денегъ, по всей вѣроятности, много издержали.

— Сравнительно немного.

— Какъ хорошо, что вы, по крайней мѣрѣ, присутствовали при его смерти.

— Слабое утѣшеніе.

— Удалось вамъ, по крайней мѣрѣ, избѣжать обирательства, записей всякихъ?

— Отецъ пожертвовалъ монастырю пять тысячъ марокъ и въ пользу бѣдныхъ пятьсотъ.

— Гмъ.... Если онъ это сдѣлалъ при жизни, то ничего не подѣлаешь, но остальной капиталъ, оставшійся послѣ него, вы привезли вѣрно съ собою?

— Кромѣ одной вещи, взятой на память, я ничего не привезъ.

— Какъ такъ?... Неужели онъ все растратилъ? Должно быть, кто-нибудь обобралъ его, я навѣрное знаю, что онъ взялъ съ собою, уѣзжая, кругленькую сумму.

— Это была его собственность, и онъ распорядился ею, какъ считалъ лучшимъ.

— Гм... да... конечно...

Послѣ непродолжительнаго молчанія панъ Новакъ сказалъ:

— Я привезъ съ собою свидѣтельство о смерти отца... и хотѣлъ бы фактически войти во владѣніе наслѣдствомъ отца.

— Что вы подъ этимъ понимаете Карлъ? вѣдь на основаніи распоряженія вашего отца вы уже давно владѣлецъ этого имущества.

— Но я хотѣлъ бы имѣть также голосъ въ управленіи имъ.

— Я расчитывалъ, что послѣ вѣнчанія съ Эльзою вы возьмете въ свои руки всю администрацію, мнѣ уже пора отдохнуть... но теперь вы въ траурѣ...

— Вѣнчаніе придется отложить не изъ-за условнаго траура, но я нахожусь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти отца и не могу думать о своемъ счастьѣ.

— Вы хорошій сынъ и вы будете хорошимъ мужемъ.

— Какъ же будетъ съ администраціею?

— Развѣ вамъ это такъ важно? Да?

— Очень важно, такъ какъ у меня есть извѣстныя обязательства.

— Денежныя? — спросилъ тревожно совѣтникъ.

— Нравственныя.

— Эти не опасны—улыбнулся совѣтникъ, — гм... администрація?.. Вы желаете неограниченной власти?

— На свою часть, да.

— Это потребуетъ обсужденія, просмотра бухгалтерскихъ книгъ, составленія товарищескаго договора... черезъ мѣсяцъ... черезъ шесть недѣль вы юридически возьмете на себя управленіе, фактически же оно и теперь у васъ, неправда-ли, Карлъ?

— Я пользуюсь тамъ только совѣщательнымъ голосомъ—отвѣтилъ панъ Новакъ, вспомнивъ свое столкновеніе съ директоромъ.

— Вы значитъ хотите имѣть рѣшающій голосъ—что-жъ... хорошо... раздѣлимъ полюбовно между собою сферу нашихъ вліяній, какъ говорятъ дипломаты, и все будетъ отлично.

— И я такъ думаю.

— Вы уже побывали на заводѣ послѣ своего возвращенія?

— Нѣтъ еще.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ, такъ какъ я хочу кончить дѣло съ фирмою Гейера.

У дома, гдѣ помѣщалась заводская контора, герръ Рейнеръ замѣтилъ повозку сѣдельника съ хомутами.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спросилъ онъ шорника.

— По приказанію господина директора, я обновилъ заводскіе хомуты.

— Меня это удивляетъ,—говорилъ совѣтникъ, направляясь въ контору вмѣстѣ съ Новакомъ,—два года тому назадъ мы сдѣлали новую упряжь и мнѣ казалось, что она еще должна быть хороша.

— Должно быть, починка какая-нибудь потребовалась. Однако, совѣтникъ не успокоился и сейчасъ же послалъ за директоромъ, котораго встрѣтилъ вопросомъ:

— Что такое произошло съ хомутами господинъ Шейеръ?

— Я велѣлъ ихъ передѣлать.

— Я хочу воспользоваться случаемъ, когда мы всѣ вмѣстѣ,—началъ минуту спустя Новакъ—и предложить произвести на заводѣ маленькую реформу.

— Мы васъ слушаемъ, Карлъ,—сказалъ совѣтникъ, запирая дверь въ бухгалтерскую.

Всѣ трое усѣлись, совѣтникъ и директоръ закурили сигары и съ любопытствомъ смотрѣли на Новака, который началъ:

— Обыски на заводѣ женщинъ, приносящихъ обѣдъ мужьямъ, отцамъ и братьямъ кажутся мнѣ совершенно нежелательными. Они оскорбляютъ ихъ человѣческое достоинство и ведутъ къ злоупотребленіямъ.

— Про оскорбленія нечего и говорить,—разсмѣялся совѣтникъ—онѣ вѣдь толстокожія.

— Это ваше мнѣніе, господинъ совѣтникъ, мое же другое... Тратить деньги на жалованье лицу, производящему обыски, это совершенно непроизводительно. По моему было бы цѣлесообразнѣе и лучше по отношенію къ рабочимъ построить домъ съ достаточнымъ количествомъ комнатъ, гдѣ рабочіе могли бы обѣдать. Женщины входили бы съ наружной стороны, а рабочихъ обыскивали бы при входѣ въ столовую.

— Вся эта исторія пахнетъ филантропіею,—улыбнулся совѣтникъ.

— Да и расходовъ требуетъ большихъ,—прибавилъ директоръ.

— Пользованіе трудомъ и силами рабочихъ возлагаетъ на насъ извѣстныя обязанности по отношенію къ нимъ,—защищалъ свой проектъ панъ Новакъ,—женщины подолгу простаиваютъ у воротъ подъ дождемъ и снѣгомъ, мужчины ѣдятъ гдѣ-то по угламъ, по закоулкамъ, и вдобавокъ эти отвратительные обыски. Притомъ расходы тоже не должны быть значительными, у насъ вѣдь столько валяется стараго матеріала который можно употребить съ пользою.

— Гм... гм... что-же вы скажете на это, господинъ директоръ,—спросилъ совѣтникъ, подумавъ.

— Это дѣло касается только администраціи: если вы сговоритесь между собою, то я распоряжусь о постройкѣ столовой для рабочихъ.

— Распорядитесь, пожалуйста, чтобы въ конторѣ составили смѣту этого дома... тогда посмотримъ.

— При составленіи смѣты, нужно принять во вниманіе находящійся у насъ матеріалъ для постройки,—добавилъ панъ Новакъ.

— Хорошо, господинъ совѣтникъ,—отвѣтилъ директоръ, подымаясь съ мѣста.

— Подождите немного,—воскликнулъ господинъ Рейнеръ,—у меня есть еще одно дѣло.

— Слушаюсь.

— Послѣ смерти отца г-нъ Новакъ желаетъ самъ заняться управленіемъ своей половины,—началъ совѣтникъ медленно,—конечно, товарищество остается въ силѣ, но, тѣмъ, не менѣе надо обсудить всѣ подробности и разсмотрѣть всѣ отдѣлы.

— Я не откажусь отъ условій, заключенныхъ съ вами, господинъ совѣтникъ,—отвѣтилъ директоръ довольно рѣзко.

— Техническая часть остается по прежнему въ вашихъ рукахъ,—сказалъ Новакъ,—но есть другіе отдѣлы, напр. коммерческій, внутренняго управленія...

— По условію, — говорилъ совѣтникъ,—техническая контора и завѣдываніе мастерами принадлежитъ вамъ, это мы исключимъ изъ вѣдѣнія администраціи.

— Но во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ я пользуюсь совѣщательнымъ голосомъ.

— Да, господинъ директоръ, я помню объ этомъ пунктѣ; онъ останется безъ измѣненія.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Шейеръ нетерпѣливо.

— Мы хотимъ, чтобы вы остались на заводѣ, а потому попрошу васъ составить проектъ, въ которомъ излагался бы кругъ дѣйствій администраціи, это поможетъ намъ понять другъ друга и избѣжать столкновеній.

— Согласенъ, я составлю проектъ, и мы его послѣ обсудимъ сообща... но съ однимъ условіемъ, господа.

— Скажите, мы не будемъ спорить.

— Мнѣ нужно довольно много времени для его составленія.

— Сколько же, господинъ директоръ? Я самъ говорилъ Карлу, что затянется, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ.

— Я тоже такъ думаю.

— Что же Карлъ, согласны?—спросилъ совѣтникъ.

— Придется подождать.

Разговоръ перешелъ на текущія заводскія дѣла. Черезъ нѣсколько минутъ директоръ откланялся и ушелъ.

— Вы, какъ видно, не долюбливаете другъ друга,—обратился совѣтникъ къ пану Новаку послѣ ухода директора,— Скажите, что вы имѣете противъ него?

— Я противъ него, какъ техническаго руководителя, ничего не имѣю, онъ, кажется, человѣкъ способный и понимаетъ свое дѣло, но я не люблю его, какъ человѣка, онъ слишкомъ рѣзокъ въ своихъ сужденіяхъ, грубъ и нетерпимъ въ отношеніяхъ съ людьми.

— Но заводъ развивается подъ его руководствомъ и приноситъ хорошіе доходы.

— Счастливое стеченіе обстоятельствъ и благопріятныя условія производства. Заказы многочисленные, цѣны высокія, сырой матеріалъ и рабочія руки дешевы.

— Быть можетъ, что это и такъ, но у него контрактъ на три года, нужно съ этимъ считаться и терпѣть его до поры до времени.

— Сколько онъ получаетъ неустойки въ случаѣ нарушенія контракта?

— Десять тысячъ марокъ.

— О, это слишкомъ много,—вздохнулъ Новакъ,—надо запастись терпѣніемъ еще на цѣлыхъ три года.

— Да, да, но вѣдь мы на немъ ничего не потеряемъ, онъ хорошій спеціалистъ... Слѣдовало бы еще предупредить Вальковяка о предстоящихъ перемѣнахъ.

— Зайду къ нему,—онъ поднялся, открылъ боковую дверь и заглянулъ въ слѣдующую комнату,—его уже нѣтъ, онъ ушелъ обѣдать.

— Оставьте ему записку, чтобы онъ пришелъ къ намъ, вы сами съ нимъ поговорите, я усталъ и хотѣлъ бы послѣ обѣда отдохнуть послѣ плохо проведенной ночи.

Получивъ записку, панъ Вальковякъ собрался часовъ въ пять вечера къ совѣтнику. Панъ Новакъ ожидалъ его и, поздоровавшись, изложилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ проектъ раздѣла администраціи.

— Я очень радъ, что вы примите участіе въ управленіи заводомъ,—сказалъ панъ Вальковякъ,—тамъ не всегда все въ порядкѣ, но съ г-нъ Шейеромъ у васъ будутъ хлопоты... это, впрочемъ, зависитъ отъ условій... Вы были въ отсутствіи нѣкоторое время, какъ прошло ваше путешествіе?

— Я былъ при смерти отца.

— Онъ умеръ!? Умеръ!? Бѣдный Янъ, даже не у себя, на чужбинѣ... отъ души вамъ сочувствую, сколько страданій вы должны были перенести, вѣдь вы такъ были привязаны къ отцу.

Онъ сердечно пожалъ ему руку и послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ:

— Гдѣ онъ умеръ?

— Въ Ченстоховѣ.

— Это еще хорошо; всегда легче умирать въ святомъ и родномъ мѣстѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Германіи... А долго онъ тамъ пробылъ?

— Пять лѣтъ.

— Пять лѣтъ!.. Вѣрно уже хорошо говорилъ по-польски?

— Только на этомъ языкѣ и говорилъ со мною.

— Вы не спрашивали его, что его заставило бросить нѣмецкій языкъ.

— Я не спрашивалъ и отецъ не говорилъ.

— Да, да... тамъ, по крайней мѣрѣ, можно говорить по нашему, не то что здѣсь, гдѣ запрещаютъ нашъ языкъ въ школахъ, въ администраціи, на фабрикахъ и даже... дома, — онъ глубоко вздохнулъ.

Панъ Новакъ внимательно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Вы плохо выглядите, не больны ли вы?

— Я собственно здоровъ, только видите ли, съ нѣкоторыхъ поръ я потерялъ спокойствіе. Чего-то боюсь, не знаю чего, ожидаю чего-то, не знаю чего

ски, по-мадьярски, въ Венгріи, на югѣ по-словацки, по-румынски въ Трансильваніи, и наконецъ, по-итальянски у Адріатическаго моря. Это было, въ своемъ родѣ, изображеніе Вавилонской башни во время смѣшенія языковъ и предварительнымъ наброскомъ будущей политической карты Австро-Венгріи, когда всѣ, составляющія ее, народности станутъ независимыми или когда онѣ всѣ организуются на почвѣ федерализма, который ихъ всѣхъ, несомнѣнно, удовлетворитъ.

1848 годъ можно считать моментомъ, когда началось это разложеніе. Народное собраніе, собранное по волѣ чешскихъ патріотовъ въ Прагѣ, отправило императору адресъ съ требованіемъ для Богеміи спеціальнаго министра, широкой законодательной и административной автономіи, посредствомъ расширенія компетенціи сейма, и наконецъ, полнаго равенства языковъ чешскаго и нѣмецкаго. Императорскимъ повелѣніемъ, 8-го апрѣля, всѣмъ этимъ требованіямъ дана сила закона.

Въ ноябрьскую сессію 1847 года венгерскій сеймъ, созванный въ Пресбургѣ, добился отъ Императорскаго правительства нѣкоторыхъ обѣщаній, при этомъ тронная рѣчь была прочитана здѣсь по-мадьярски. Парижская революція заставила уступить венгерскимъ требованіямъ. 3 марта Кошутъ потребовалъ національнаго правительства и отдѣльнаго отвѣтственнаго министра съ конституціонными гарантіями. Императоръ уступилъ: повелѣніемъ 30 марта Венгрія сдѣлалась сувереннымъ государствомъ.

10-го апрѣля Фердинандъ I прибылъ въ Пештъ, поднявшійся до положенія столицы, на торжественное закрытіе сейма, который сдѣлался уже палатой депутатовъ. Баттьяни (Batthyanyi) сформировалъ первое венгерское министерство. Но этимъ не удовольствовалась радикальная партія, во главѣ которой стоялъ Кошутъ. Она воспользовалась новыми безпорядками въ Вѣнѣ, чтобы порвать всякія отношенія съ Австріей и провозгласить 15-го апрѣля независимость Венгріи. Кошутъ сдѣлался главой исполнительной власти. Свободная съ этихъ поръ, Венгрія показала, какова она была на самомъ дѣлѣ. Она любила свободу только для самой себя. Она отказала въ ней обитателямъ Трансильваніи и кроатамъ, которые заявили, подобно ей, что также имѣютъ на нее право. Населеніе Трансильваніи было приведено къ повиновенію венгерской арміей подъ командой генерала Бема. Побороть сопротивленіе кроатовъ было гораздо труднѣе. Сеймъ въ Аграмѣ принялъ тотчасъ же въ свою очередь особенности національнаго парламента и банъ Еллачичъ отказался повиноваться распоряженіямъ изъ Пешта. Эта распря продолжалась очень долго. Новый императоръ Австріи, Францъ Іосифъ, царствованіе котораго началось при столь печальныхъ предзнаменованіяхъ, которыя къ тому же вполнѣ оправдались,—помогалъ такимъ же образомъ этимъ національнымъ спорамъ, какъ пушки его союзниковъ. Еллачичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей и намѣстникомъ императора въ Венгріи. Онъ сдѣлался вскорѣ полнымъ господиномъ всей страны, лежащей на западѣ отъ Дуная. Армія была тогда, какъ и въ настоящее время, наиболѣе надежнымъ агентомъ для объединенія имперіи съ абсолютной властью императора. Послѣ того, какъ итальянцы были разбиты Радецкимъ и когда можно было уже отозвать войска обратно въ Австрію, маршалъ Виндшигрецъ скоро принудилъ покориться вѣнцевъ, произвелъ бомбардировку Праги и закрылъ чешскій сеймъ. Русская армія подъ начальствомъ Паскевича окончательно подавила возстаніе. На нѣсколько лѣтъ была такимъ образомъ произведена полная реставрація прош-

лаго. Орудіями этой реставраціи были армія и духовенство. При помощи пушечныхъ выстрѣловъ армія разсѣяла провинціальные сеймы и учредительныя собранія, а духовенство старалось внушить своимъ духовнымъ дѣтямъ уваженіе къ власти. Послѣдняя услуга не осталась безъ вознагражденія. Оно явилось въ видѣ конкордата 1855 года, который установилъ тѣсный союзъ трона и алтаря. Онъ объявилъ, что различіе языковъ есть остатокъ язычества и есть слѣдствіе паденія человѣка (?) и что въ одной и той же имперіи необходимо сдѣлать одинъ языкъ общимъ. Гражданскій бракъ былъ отмѣненъ кодексомъ для католиковъ, начальная школа была передана въ руки духовенства, чтобы она могла научать только «превосходнымъ» принципамъ. Венгрія потеряла даже тѣ вольности, которыми она пользовалась съ 1711 года. Какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ Австро-Венгріи, нѣмецкій языкъ сталъ единственнымъ языкомъ для оффиціальныхъ сношеній, и чтобы мало-по-малу вытѣснить употребленіе мадьярскаго языка, во всѣхъ венгерскихъ школахъ было введено обученіе нѣмецкому языку, какъ орудію германизаціи. Эта эпоха была страшной реакціей, произведенной совмѣстными усиліями милитаризма, клерикализма и нѣкоторыхъ другихъ элементовъ не менѣе пагубныхъ для спокойнаго процвѣтанія государствъ. Это было возвращеніе къ положенію 1815 года. Меттернихъ не вернулся къ власти, онъ былъ теперь вполнѣ удовлетворенъ. Эта эпоха была также возвращеніемъ къ «философскимъ» доктринамъ Іосифа II, къ его теоріи объединенія при помощи нѣмецкаго языка. Даже болѣе, это былъ полный поворотъ къ политическимъ и религіознымъ пріемамъ Фердинанда II, только съ болѣе широкимъ приложеніемъ, при помощи которыхъ онъ вмѣстѣ съ Валленштейномъ умѣлъ такъ хорошо внушать богемцамъ уваженіе къ самому себѣ и къ Богу. Къ моменту своего распаденія старая монархія Габсбурговъ пріобрѣтаетъ снова всѣ тѣ особенности, которыми она отличалась среди европейскихъ державъ, полагая, можетъ быть, вполнѣ справедливо, и это будетъ для нея осужденіемъ,—что если она разстанется съ ними, то гибель ея будетъ неизбѣжна.

Австро-венгерское соглашеніе.

Послѣ 1848 года наиболѣе важнымъ надо считать пятилѣтіе между 1865 и 1870 годами, потому что въ это время произошло завоеваніе Венеціи и Рима итальянцами, основаніе германской имперіи и преобразованіе имперіи Габсбурговъ. Послѣднее событіе явилось, впрочемъ, какъ уже слѣдствіе изъ двухъ первыхъ.

Престижъ власти Габсбурговъ въ Италіи и Германіи внушалъ уваженіе къ ней въ числѣ другихъ и ея подданнымъ и способствовалъ такимъ образомъ поддержанію единства. Пораженіе Габсбурговъ въ этихъ двухъ странахъ вызвало оппозицію и въ другихъ и разрушило, наконецъ, это искусственное объединеніе. Они должны были сначала согласиться на венгерскую автономію и до сихъ поръ это единственная уступка, которую они сдѣлали. Происхожденіе же австро-венгерскаго компромиса относится къ эпохѣ крымской войны и сраженій при Мадженте и Сольферино, когда Габсбурги потерпѣли дипломатическія неудачи. Послѣ этого дебюта снова изобрѣтали и все еще продолжаютъ изобрѣтать разнаго рода, болѣе или менѣе, сложныя комбинаціи, при помощи которыхъ можно было бы согласовать національныя стремленія и сохраненіе единства или, что одно и то же, существованіе самой имперіи.

Послѣ Сольферино пытались спасти единство имперіи, даровавъ всѣмъ провинціямъ нѣкоторыя либеральныя гарантіи. Въ 1860 году, рейхстагъ, или совѣтъ императора, представлявшій изъ себя родъ государственнаго совѣта, составляемый до тѣхъ поръ исключительно изъ чиновниковъ, назначаемыхъ императоромъ, былъ усиленъ особыми членами. Онъ сдѣлался собраніемъ нотаблей и былъ приглашенъ высказать свое мнѣніе по поводу политическаго положенія имперіи. Послѣ этого. 20-го октября 1860 г. была подписана грамота, въ которой императоръ объявлялъ о привлеченіи къ законодательной работѣ депутатскихъ собраній. Рейхсратъ, составляемый въ большей части изъ депутатовъ, призывался къ обсужденію всѣхъ дѣлъ, общихъ для всей монархіи. А провинціальнымъ сеймамъ предоставлялось разсмотрѣніе дѣлъ, касающихся провинцій, но съ правомъ широкой компетенціи. Въ то же самое время былъ призванъ къ власти новый министръ Шмерлингъ, имѣвшій громадные планы. Онъ не сопротивлялся господству Германіи, даже напротивъ, онъ самъ мечталъ о великой Германіи, объединенной навсегда подъ верховной властью Австріи. Необходимо было усилить нѣмецкій элементъ въ австрійской имперіи, чтобы привлечь къ этому дѣлу германскихъ нѣмцевъ. Вотъ почему подъ предлогомъ пополненія октябрьской грамоты, патентъ отъ 26-го февраля 1861 года измѣнилъ совершенно ея основныя черты. Сеймы потеряли нѣкоторыя изъ своихъ правъ, а рейхсратъ, все болѣе и болѣе усиливаемый, былъ раздѣленъ на двѣ палаты: палату господъ, члены которой назначаются императоромъ, и палату депутатовъ, избираемыхъ по искусно составленной избирательской системѣ, которая обезпечивала большинство для нѣмцевъ. Въ Австріи лучше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, правительство умѣетъ измѣнять избирательныя ограниченія или условія при подачи голосовъ, чтобы заставить избирателя сказать именно то, что оно хочетъ. Нѣсколько времени спустя Бисмаркъ вдохновился тѣми же теоріями, что и Шмерлингъ, когда уничтожалъ при помощи всеобщей подачи голосовъ сенаторскія традиціи нѣмецкихъ князей. Но въ Германіи народъ страстно желалъ объединенія, въ то время какъ въ Австріи народъ требовалъ совершенно противоположнаго. И дѣйствительно, большинство провинціальныхъ сеймовъ выразили свои протесты по поводу февральскаго патента. Особенно смѣло протестовала Венгрія, побуждаемая Деакомъ (Deak) *).

Она отказалась принимать законы отъ центральнаго парламента и пожелала признавать только «коронованнаго короля». Она отказалась отъ посылки депутатовъ въ палату и отъ платежа налоговъ, вотированныхъ вѣнскимъ парламентомъ. Потребовалось объявить въ ней осадное положеніе, чтобы прекратить эту парламентскую и финансовую стачку.

Но это далеко еще не было разрѣшеніемъ вопроса. Шмерлингъ въ это время пытался осуществить свои грандіозные замыслы, но его власть прекратилась въ 1865 году и его наслѣдники не могли помѣшать побѣдамъ Пруссіи. Пораженіе есть обыденное начало для австрійскихъ конституцій. Въ то время, какъ происходило сраженіе подъ Садовой, венгерскій сеймъ продолжалъ свои бурныя засѣданія. Сраженіе при Садовой происходило 3 іюля 1866 года. 17 числа того же мѣсяца Деакъ былъ вызванъ въ Вѣну и 19-го іюля імераторъ далъ свое согласіе на всѣ требованія венгерцевъ. 18-го февраля 1867 года

---

*) Глава либеральной венгерской партіи. *Прим. переводчика.*

Венгрія получила спеціальнаго министра. 8-го іюня Францъ-Іосифъ торжественно принялъ корону св. Стефана и обнародовалъ австро-венгерское соглашеніе. Это соглашеніе хорошо извѣстно. Я резюмирую только основныя черты его, и именно тѣ, которыми объясняются трудности современнаго положенія. Австрія и Венгрія, согласно этому соглашенію, есть два различныхъ государства, имѣющія одного и того же государя, императоромъ въ Вѣнѣ и королемъ въ Буда-Пештѣ. Каждое изъ государствъ имѣетъ свой особый парламентъ, состоящій изъ двухъ палатъ. Въ настоящее время, проживъ уже слишкомъ долго вмѣстѣ, они, конечно, имѣютъ и общіе интересы, поэтому министръ иностранныхъ дѣлъ, военный и министръ общихъ финансовъ—у нихъ общіе. Каждый годъ делегаціи, избираемыя обоими парламентами, вотируютъ общіе расходы, которые распредѣляются по слѣдующему разсчету: 70% всѣхъ общихъ расходовъ относятся на счетъ Австріи и 30% на счетъ Венгріи. Этотъ процентъ не измѣнялся съ 1867 года, хотя при настоящемъ, прекрасномъ экономическомъ развитіи Венгріи онъ совершенно несправедливъ. Настоящій политическій союзъ долженъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуетъ сама династія Габсбурговъ. Но торговля и таможенные договоры заключаются только на десять лѣтъ; финансовое соглашеніе, которое устанавливаетъ размѣръ налоговъ въ каждомъ государствѣ для общихъ расходовъ, также имѣетъ силу только въ теченіе десяти лѣтъ. Если два парламента не соглашаются его возобновить, по истеченіи даннаго срока, то государь является между ними посредникомъ; его рѣшеніе дѣйствительно только на годъ и можетъ быть потомъ возобновлено. Но очевидно, что вмѣшательство государя можетъ быть только крайнимъ средствомъ. Соглашеніе установило въ монархіи перевѣсъ для венгерцевъ послѣ того, какъ пораженіе при Садовой показало всю слабость нѣмецкаго элемента. Центръ тяжести дуалистической монархіи помѣщенъ въ Пештѣ, этимъ достигнуто то, что онъ отдалился отъ Рейна. Венгерцы оказались, такимъ образомъ, среди побѣдителей при Садовой. Это новое расположеніе было закончено въ 1871 году.

Бейстъ *), на самомъ дѣлѣ, думалъ сначала отомстить за Садовую, заключивъ противъ Пруссіи союзъ съ Франціей, и разрушить созданіе Бисмарка. Седанъ уничтожилъ и эту послѣднюю надежду. Тріумфъ венгерцевъ содѣйствовалъ развитію либеральныхъ идей и питалъ надежды у другихъ національностей. Майскіе законы 1868 года уничтожили уступки, сдѣланныя церкви. Относительно брака и образованія возстановили права гражданской власти, нанеся, такимъ образомъ, первый ударъ конкордату; 31-го іюля 1870 года послѣ провозглашенія Ватиканскимъ соборомъ догмы непогрѣшимости папы, конкордатъ 1855 года былъ объявленъ австро-венгерскимъ правительствомъ недѣйствительнымъ. Поступокъ, на который не могла еще рѣшиться даже французская республика.

Тѣхъ же вольностей потребовали и въ Богеміи чехи и нѣкоторое время отказывались посылать депутатовъ въ вѣнскій парламентъ. Въ томъ же году и галичане объявили аналогичныя требованія и добились, по крайней мѣрѣ, признанія польскаго языка языкомъ оффиціальнымъ. Также какъ и Венгрія, потребовала гарантій и Трансильванія. Она ничего не добилась, кромѣ суровыхъ гоненій, и была сведена въ

*) Бейстъ—бывшій саксонскій министръ-президентъ, поступившій послѣ войны 1866 года на службу Австріи. *Прим. переводчика.*

концѣ концовъ, только къ географическому обозначенію. Но было невозможно сдѣлать то же самое съ Кроаціей. Въ 1868 году она добилась соглашенія. Во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ Кроація абсолютно автономна; законодательная власть принадлежитъ въ ней сейму, власть исполнительная—бану, назначаемому королемъ и отвѣтственному передъ сеймомъ. Кабинетъ въ Пештѣ долженъ всегда имѣть среди своихъ членовъ одного министра кроата, назначаемаго исключительно для дѣлъ, касающихся Кроаціи. Въ 1870 году правительство Франца-Іосифа само сильно стало клониться къ федерализму. Министръ Гогенвартъ согласился дать новыя преимущества галичанамъ и оказался расположеннымъ поставить Богемію въ такое же положеніе, какимъ пользуется Венгрія. Рескриптомъ, прочитаннымъ при открытіи сейма, императоръ призналъ права короны св. Вацлава и обѣщалъ утвердить ихъ актомъ коронованія. Чешскій народъ представилъ свои требованія. Это были основныя статьи соглашенія или резюме самыхъ необходимыхъ вольностей. Императоръ и министръ Гогенвартъ приняли эти требованія, согласились на нихъ и думали включить ихъ въ законы имперіи. Тогда Бисмаркъ выступилъ съ протестомъ отъ имени австрійскихъ нѣмцевъ, которые желали сохранить за собой верховенство и угрожали присоединиться въ противномъ случаѣ къ прусской Великой Германіи. Венгерскій министръ Андраши протестовалъ еще съ большимъ жаромъ. Онъ боялся, чтобы тріумфъ австрійскихъ славянъ не вызвалъ бы требованій и со стороны славянъ венгерскихъ. Францъ-Іосифъ побоялся повредить положенію, съ такимъ трудомъ упроченному въ 1867 году, отъ котораго зависѣлъ его тронъ и даже само существованіе имперіи. Онъ уволилъ Гогенварта и не подписалъ основныхъ статей соглашенія. Андраши, затѣмъ, сдѣлался вскорѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто Бейста. Австрія распростилась съ мечтой—быть нѣмецкой державой. Она приготовилась даже войти въ союзъ трехъ императоровъ. Новая Германія согласилась на существованіе Австріи подъ условіемъ, что главенство остается за Германіей и германскому императору въ Берлинѣ будетъ принадлежать право протектората надъ австрійскими нѣмцами, другими словами, чтобы Вѣна явилась бы вассаломъ Берлина.

Племена и народности.

Короли, даже соединившись вмѣстѣ, не могутъ быть сильнѣе народностей, и въ Австро-Венгріи, гдѣ почти всѣ европейскія племена имѣютъ своихъ представителей, вся эта громадная масса различныхъ народностей волнуется и требуетъ правъ на свое существованіе. Имперія и королевство переживаютъ вотъ уже тридцать лѣтъ настоящую революцію и если она не проявилась еще въ радикальныхъ преобразованіяхъ, то это еще не доказываетъ, что она скоро и не проявится въ такихъ перемѣнахъ, которыя заинтересовали бы всю Европу. Для всякой революціи необходимъ подготовительный періодъ. Въ настоящее время мы находимся уже при концѣ подобнаго періода въ Австро-Венгріи и австро-венгерская революція, несомнѣнно, будетъ представлять такой же глубокій интересъ, какъ и революція французская. «Упадокъ въ Австріи тевтонскаго элемента, который стремился вновь обрѣсти свои силы на лонѣ великой Германіи, возвышеніе славянскихъ народовъ, возстановленіе польскаго ядра, какъ полюса притяженія для остатковъ разсѣянной націи, беззубое участіе въ такихъ дѣлахъ, ко-

торыя могли бы только увеличить силу и значеніе Италіи, проникновеніе Австріи на востокъ вообще и на мусульманскій въ частности, всѣ эти перемѣщенія силъ, которыя тяготѣютъ къ новому фокусу, несомнѣнно, повлекутъ за собой паденіе разнаго рода дипломатическихъ сооруженій, построенныхъ на зыбкой почвѣ Европы». (B. Auerbach) *).

Очевидно, что Австро-Венгрія находится въ полномъ разложеніи. Вѣна и Пештъ такія же столицы, какъ и Прага, Лембергъ, Аграмъ или Лайбахъ. Императоръ, я говорю о нынѣшнемъ императорѣ, есть только хрупкій ключъ отъ замка этого безпорядочнаго строенія. Австро-Венгрія не представляетъ даже собой географическаго выраженія. Мы не будемъ входить здѣсь въ безконечныя подробности объ этихъ перемѣшанныхъ народахъ; желающихъ ознакомиться съ этимъ вопросомъ ближе я отсылаю къ прекрасной книгѣ Бертрана Ауербаха. Здѣсь же мы только вкратцѣ коснемся этой любопытной этнографической карты. Австрійская имперія заселена нѣмцами. Они занимаютъ, главнымъ образомъ, собственную Австрію, бóльшую часть Штиріи и Каринтіи, сѣверный Тироль и затѣмъ горы Сѣверной Богеміи. Они сильно жалуются на то, что не занимаютъ въ имперіи доминирующаго положенія и что славяне опередили ихъ въ этой массѣ различныхъ народовъ. Съ 1870 года «они обратили свой очарованный взоръ на великую Германію и продолжаютъ стремиться къ этой блестящей звѣздѣ». Словевы населяютъ Карніолію (Крайну) и имѣютъ настоящую столицу въ Лайбахѣ. Они опираются при этомъ на сербо-кроатовъ Далмаціи, Кроаціи (Хорватіи), Славоніи и Босніи. Наполеонъ и Мармонъ дали, одно время, возможность національнаго существованія для этой расы, они пытались осуществить это при помощи созданія ядра Великой Иллиріи, возстановленной, чтобы быть переходомъ отъ славянскаго міра къ міру латинскому, такъ какъ эти оба міра ни въ какой другой части имперіи не могли сходиться. Словены и въ настоящее время съ благоговѣніемъ относятся къ этимъ воспоминаніямъ. Итальянцы занимаютъ южный Тироль, Тріестъ и поднялись выше до территоріи, населенной нѣмцами. «Поднимающаяся итальянская волна угрожаетъ вѣрноподданному Тиролю, городамъ — Боцену, Бриксену и Инсбруку». Затѣмъ, они расположились также и на берегахъ р. Истріи. Ихъ національная лига имѣетъ два центра: Тріентъ и Тріестъ. Въ послѣднемъ въ 1882 году былъ открытъ заговоръ, который окончился казнью Оберданка **) и заставилъ вѣнское правительство закрыть школьную ассоціацію *Pro Patria*, которая отъ времени до времени, несмотря на дипломатическую дружбу, устраивала шумныя манифестаціи итальянскаго шовинизма. Тѣмъ не менѣе, Тріестъ крайне необходимъ для Австріи, такъ какъ является единственнымъ портомъ на Адріатическомъ морѣ. Чехи живутъ въ Богеміи и Моравіи. Они являются въ имперіи наиболѣе многочисленнымъ (кромѣ нѣмцевъ) народомъ и ихъ насчитывается до 3 милліоновъ съ половиной. Среди нихъ живетъ еще болѣе 2 милліоновъ нѣмцевъ. Между тѣми и другими царитъ вѣковая вражда: первые имѣютъ Прагу, Молдава ихъ національная рѣка; вторые имѣютъ Рейхенбергъ и Эгеръ и громадную часть верхней долины Эльбы. Нѣмцы, благодаря превосходству ихъ цивилизаціи и ихъ права, захватили въ свои руки управленіе народ-

---

*) «Les races et les nationalités en Autriche-Hongrie», in—8°, 1898. Paris, F. Alcan

**) Оберданкъ—молодой студентъ, приговоренный къ смертной казни въ 1882 году за подготовленіе покушенія противъ австрійскаго императора.

Примѣч. переводчика.

ностями, стоящими на болѣе низкой ступени культуры. Чехи не считаютъ себя ниже нѣмцевъ. Они съ бо́льшимъ стараніемъ, чѣмъ когда-либо, поддерживаютъ свои историческія національныя воспоминанія. Они почитаютъ память Карла IV Люксембургскаго, который былъ основателемъ Пражскаго университета. Они періодически устраиваютъ торжества въ память Гуса и разнаго рода національные праздники, вродѣ, напримѣръ, этнографической выставки въ Прагѣ въ 1891 году. Они желаютъ избавиться отъ нѣмецкой гегемоніи и быть совершенно свободными. Борьба сосредоточивается, главнымъ образомъ, всегда вокругъ вопроса объ языкахъ. Указомъ отъ 17-го апрѣля 1880 года впервые нѣмецкій языкъ былъ отмѣненъ, какъ языкъ оффиціальный. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя нѣмецкій языкъ опять занялъ привиллегированное положеніе, благодаря угрозамъ нѣмцевъ, что отмѣна нѣмецкаго языка усиливаетъ ростъ чешскаго сепаратизма, а можетъ быть и вслѣдствіе вмѣшательства берлинскаго правительства. Въ маѣ 1897 года, несмотря на совершенно произвольное распредѣленіе избирательныхъ округовъ, младо-чехи оказались побѣдителями и указомъ отъ 5 апрѣля 1897 года снова было установлено равенство двухъ языковъ. Это показалось слишкомъ обиднымъ для нѣмцевъ и они организовали въ палатѣ депутатовъ и на сеймѣ самую отчаянную обструкцію. Кризисъ сильно обострился и 20 августа 1899 года произошло столкновеніе между нѣмцами и чехами, въ Гразлицѣ, на границѣ Саксоніи, причемъ было убито пять человѣкъ и ранено 40. Въ это же бурное время произошла, напр., такая исторія: одинъ офицеръ-чехъ, произнося какъ-то тостъ, крикнулъ по-чешски: «Да здравствуетъ императоръ!» Тогда одинъ изъ его товарищей, нѣмецъ, бросился на него и ударилъ кулакомъ. Произошла, конечно, дуэль и нѣмецъ былъ убитъ. Подобные эпизоды происходятъ и теперь чуть не ежедневно. Министры выходятъ въ отставку одинъ за другимъ, не будучи въ состояніи рѣшить богемскій вопросъ. Въ послѣдніе мѣсяцы, министръ Клари (октябрь 1899 г.) подалъ въ отставку, чтобы снова было возможно взять назадъ апрѣльскій указъ 1897 г. о равенствѣ языковъ; министръ Виттекъ (декабрь 1899 г.) воспользовался императорской прерогативой, чтобы продлить немного компромиссъ; наконецъ, министръ Керберъ (январь 1900 г.) предпринялъ теперь рѣшеніе примирить чешскіе интересы съ нѣмецкими.

Поляки и русины подѣлили между собой Галицію; по обѣ стороны рѣки Сана, притока Вислы, съ правой стороны поляковъ 3 милліона съ половиной. По отношенію къ Габсбургамъ они строго лойяльны и дали Австріи двухъ знаменитыхъ государственныхъ людей: графа Бадени и графа Голуховскаго. Они мечтаютъ, опираясь на Австрію, усилить вокругъ Кракова польское ядро и снова возродить Польшу, но уже при помощи австро-венгерскаго федерализма. Но среди нихъ находится около 3 милліоновъ русиновъ. Ихъ столица—Лембергъ и они относятся дружески къ Россіи, въ виду стремленій со стороны поляковъ ихъ полонизировать. Кромѣ поляковъ и русиновъ здѣсь есть еще около одного милліона евреевъ. Главное скопленіе ихъ находится въ Бродахъ, которые являются такимъ образомъ какъ бы новымъ Іерусалимомъ.

Буковина не велика, но такъ какъ она служитъ центромъ, изъ котораго въ разныя стороны направляются рѣки, то она сдѣлалась мѣстомъ для скопленія народовъ. Здѣсь встрчаются, главнымъ образомъ, русины и румыны, которые и оспариваютъ другъ у друга господство. Кромѣ того, здѣсь есть поляки, мадьяры и нѣмцы. Почти ни въ одной изъ

австрійскихъ провинцій нѣтъ единства расы. Чтобы удовлетворить всѣ эти народности, было бы еще недостаточно дать каждой провинціи автономію: пришлось бы, кромѣ того, расчленить каждую провинцію на ея національные округа. Венгрія къ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ Австріи. Она въ территоріальномъ отношеніи имѣетъ болѣе компактный видъ. Мадьярскій элементъ, наиболѣе сильный, занимаетъ въ ней болѣе центральное положеніе, чѣмъ нѣмецкій элементъ въ Австрійской имперіи. Тѣмъ не менѣе, дуалистическая конституція 1867 года не удовлетворяетъ болѣе большинство населенія и этнографическая карта венгерскаго королевства представляетъ собою слѣдующее «изображеніе поля битвы: сосредоточенные на равнинѣ мадьяры принуждены ограждать себя со всѣхъ сторонъ, окруженные огромнымъ кордономъ осаждающихъ: на сѣверѣ—словаками и русинами, расположенными на Карпатахъ; на востокѣ румынами, опирающимися на свою трансильванскую цитадель; на югѣ сербами и кроатами, укрывающимися за Дравой; на западѣ вендами, или словенами и полчищами нѣмцевъ, занявшихъ послѣдніе альпійскіе отроги».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мадьяры относятся съ полнымъ презрѣніемъ къ другимъ расамъ и отказываютъ имъ во всѣхъ ихъ требованіяхъ. Они опираются при этомъ на законъ о національностяхъ 6 декабря 1868 г., который провозгласилъ единую и нераздѣльную венгерскую націю, установилъ офиціальнымъ языкомъ исключительно венгерскій языкъ и строго ограничилъ тѣ случаи, когда можно употреблять областныя нарѣчія. Этотъ законъ, «внушенный духомъ упорной централизаціи», является основаніемъ мадьярскаго господства въ королевствѣ. Опираясь на него, пештское правительство вело упорную и ожесточенную борьбу въ школахъ противъ другихъ языковъ, что вызвало взрывъ негодованія и почти такой же острый кризисъ, какой царитъ въ настоящее время въ Австріи. Число недовольныхъ, на самомъ дѣлѣ, превышаетъ число довольныхъ: въ королевствѣ находится 10 милліоновъ не - мадьяръ и только 7 милліоновъ мадьяръ. Не - мадьяры отъ времени до времени, и въ послѣднее время все чаще и чаще высказываютъ свои жалобы и вызываютъ мадьяръ на третейскій судъ императора-короля Эти отношенія именно и были объектомъ занятій этнографическихъ конгресовъ въ Пештѣ въ 1895 и 1897 гг.

Въ венгерскомъ королевствѣ насчитывается, кромѣ того, и 2 милліона нѣмцевъ. Они населяютъ главнымъ образомъ окрестности Темешвара и не высказываютъ особаго расположенія къ Великой Германіи. На сѣверѣ въ Татрахъ и по склонамъ Карпатскихъ горъ живетъ еще 2 милліона словаковъ и русиновъ.

На востокѣ находятся трансильванскіе румыны, а на западѣ кроаты. И тѣ, и другіе являются наиболѣе страшными и наиболѣе многочисленными врагами венгерскаго объединенія. Борьба въ Трансильваніи между противоположными элементами принимаетъ слишкомъ страстный характеръ. Здѣсь насчитывается 200.000 нѣмцевъ-лютеранъ, 700.000 мадьяръ-кальвинистовъ и 1.300.000 православныхъ румынъ. Различія религіозныя усложняются различіями этнографическими. Румыны хотя и составляютъ большинство, но, тѣмъ не менѣе, они третируются, какъ побѣжденные, и менѣе требуютъ необходимыхъ вольностей. 26-го марта 1892 года они перечислили свои жалобы въ меморіи, поданной императору-королю. Они протестовали въ ней противъ исключительныхъ законовъ, исказившихъ или отмѣнившихъ ихъ избирательныя права противъ исключенія ихъ изъ общественныхъ должностей, а также и

противъ нарушенія муниципальныхъ вольностей, свободы школьнаго преподаванія и свободы вѣроисповѣданій. Они протестовали затѣмъ противъ присоединенія Трансильваніи къ Венгріи. Они желали получить автономію или, въ противномъ случаѣ, присоединенія къ молодому и счастливому сосѣднему королевству Румыніи. Они хотѣли, чтобы Францъ-Іосифъ провозгласилъ себя великимъ княземъ Трансильваніи. Вообще, ему, какъ главѣ Габсбургскаго дома, предлагаютъ столько коронъ, что въ концѣ-концовъ онъ будетъ ими окончательно раздавленъ.

Кроаты являются еще болѣе опасными. Къ счастью, имъ сдѣлали кое-какія уступки и съ 1868 года установлено нѣчто вродѣ кроато-мадьярскаго дуализма, съ существенными чертами котораго я познакомилъ уже выше.

Въ Кроаціи 68.000 мадьяровъ, 117.000 нѣмцевъ и 2 милл. кроатовъ, т. е. 90% всего населенія. Они занимаютъ доминирующее положеніе и требуютъ полной автономіи, которую несомнѣнно они получатъ. Пока они удовольствовались на время почти суверенными привилегіями для своего сейма въ Аграмѣ, или, какъ они его называютъ, въ Загребѣ. Сверхъ того, они крайне честолюбивы. Нѣкогда вооруженные поселенцы военной границы, они были стражами христіанскаго міра. Въ сосѣдствѣ съ невѣрными ихъ народность сформировалась съ раннихъ поръ, въ сознаніи своей силы и оригинальности. Они не простили венгерцамъ ихъ симпатіи къ туркамъ и третируютъ ихъ почти такъ же, какъ и турокъ. Война, которую ихъ банъ Еллачичъ велъ въ 1849 году противъ Венгріи Кошута, была всецѣло войной національной. Присоединеніе въ 1878 году Босніи и Герцеговины къ Австріи присоединило къ Кроатамъ около одного съ половиной милліона братьевъ-славянъ. Съ Далмаціей они образовали въ Австро-Венгріи сплоченную группу изъ почти 4 милл. душъ, опирающуюся, кромѣ того, еще на населеніе той же расы въ Сербіи и Черногоріи. Они желаютъ возобновить тройственное Далмато-Кроато-Славянское королевство и возложить эту тройную корону на голову Франца Іосифа. Они мечтаютъ впослѣдствіи увидѣть возстановленіе Великой Сербіи, которая будетъ способна играть доминирующую роль въ политическомъ развитіи Балканскаго полуострова.

Въ настоящее время они представляютъ собою наиболѣе жизненную отрасль изъ всей великой славянской семьи. Ихъ умственные интересы достигли широкаго развитія и ихъ университетъ въ Аграмѣ, какъ средоточіе умственной жизни Кроаціи, пользуется полнымъ успѣхомъ. Они имѣютъ въ своей средѣ пылкихъ патріотовъ, вродѣ ихъ знаменитаго архіепископа Стросмайера, который твердо стремится упрочить объединеніе и подготовить величіе Кроаціи.

Императоръ Францъ Іосифъ носитъ многочисленные титулы. Онъ именуется императоромъ австрійскимъ, апостолическимъ королемъ Венгріи, королемъ Богеміи, Далмаціи, Кроаціи, Славоніи, Галиціи, Лодомеріи и Иллиріи, королемъ Іерусалимскимъ, великимъ герцогомъ Тосканскимъ и Краковскимъ, герцогомъ Лотарингскимъ, Зальцбургскимъ, Штиріи, Каринтіи, Крайны, Буковины, великимъ княземъ Трансильванскимъ, маркграфомъ Моравскимъ, герцогомъ Верхней Силезіи, Нижней Силезіи, Фріуля, Рагузы и Зары, царствующимъ графомъ Тироля, Герца и пр. Кромѣ нѣкоторыхъ титуловъ, связанныхъ съ прежними утраченными землями, несомнѣнно, каждому изъ перечисленныхъ титуловъ должно было бы соотвѣтствовать автономное государство, для

чего подданные императора-короля должны были бы получить, требуемыя ими, національныя вольности. Это такъ и будетъ: Австрійская монархія, нѣкогда столь сильная, должна будетъ окончить свое существованіе, распавшись на массу мельчайшихъ государствъ.

Вообще, 10.500.000 нѣмцевъ, 7 500.000 мадьяровъ или всего 18 милл. жителей пользуются всѣми своими политическими правами и господствомъ надъ другими; 7.500.000 чеховъ, моравовъ или словаковъ, 3.700.000 поляковъ, 3.500.000 русиновъ, 3 милліона румынъ, 1.300.000 словеновъ, 4 милліона кроатовъ, сербовъ и босняковъ, или всего 23 милліона жителей, трудятся надъ разрушеніемъ дуалистической монархіи съ цѣлью улучшить условія своей жизни. Вотъ каково въ настоящее время положеніе австро-венгерскаго государства. Какъ результатъ всего этого—кипучая революціонная дѣятельность и пробужденіе расъ, которыя до сихъ поръ прозябали. Современное положеніе народовъ Австро-Венгріи есть новое богатство для политической жизни Европы и представляетъ массу интереснаго матеріала и для историка, и для государственнаго человѣка. Есть ли это разложеніе, или органическое видоизмѣненіе? Кажется невозможнымъ, чтобы династія Габсбурговъ оказала сопротивленіе этой эволюціи, совершающейся такъ быстро на глазахъ того, который будетъ, быть можетъ, послѣднимъ государемъ этой мозаики изъ народовъ. Печальный конецъ для печальнаго царствованія. Францъ-Іосифъ началъ свое царствованіе въ 1848 г., въ періодъ полнаго революціоннаго кризиса: Богемія требовала себѣ автономію, въ Венгріи былъ настоящій мятежъ и всѣ ея народы были захвачены какъ бы необыкновенной лихорадкой свободы, не говоря, уже объ Италіи и Германіи.

Нѣтъ особенной разницы между 1848 и 1900 годами, развѣ только-то, что вышеуказанная лихорадка 1848 года къ 1900 году превратилась въ сознаніи населенія въ опредѣленныя требованія національныхъ правъ. И Францъ-Іосифъ пришелъ, быть можетъ, къ убѣжденію, что его управленіе, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, не сдѣлало сильной его имперію и не спасло ее отъ ожидаемой революціи. Имперія, безъ сомнѣнія, просуществуетъ столько же времени, сколько проживетъ и Францъ-Іосифъ, который не имѣетъ сына. На его долю выпали не только политическія, но и семейныя несчастія. Въ этомъ отношеніи его фамилія имѣетъ много общаго съ фатальными фамиліями легендарной древности—вродѣ Агиридовъ, а также съ нѣкоторыми фамиліями изъ дѣйствительной исторіи, какъ, напр., Стюартами. Его братъ Максимиліанъ, бывшій императоромъ Мексики, былъ разстрѣлянъ мексиканцами, жена Максимиліана, императрица Шарлотта, поражена безуміемъ. Его единственный сынъ Рудольфъ застрѣлился при крайне таинственной обстановкѣ, вѣроятно, вслѣдствіе огорченій вызванныхъ любовью Наконецъ, его жена императрица Елизавета, съ нѣжною и мечтательною душою, погибла въ Женевѣ подъ кинжаломъ анархиста. Маджента, Сольферино и Садовая—три ужасныя названія въ исторіи его царствованія. Они указываютъ на потерю Италіи и Германіи и отпаденіе Венгріи. Эти воспоминанія не изгладились отъ присоединенія Босніи и Герцеговины, которое только увеличило значеніе славянскаго населенія въ Имперіи и ускорило, быть можетъ, ея крушеніе.

Существуютъ государи, неудачи которыхъ уничтожили всякую привязанность къ нимъ со стороны ихъ народовъ, считающихъ государя за все отвѣтственнымъ. Но неудачи Франца-Іосифа не искалѣчили родины его подданныхъ и эти послѣдніе находили ее еще слишкомъ

великой. Они остаются тѣсно сгруппированными вокругъ стараго короля такъ много испытавшаго въ жизни горя, какъ будто для того, чтобы заставить его позабыть свои огорченія. Сохранятъ ли они эту лойяльность и по отношенію къ его наслѣднику? Во всякомъ случаѣ привязанность, къ Францу-Іосифу есть въ настоящее время единственное общее чувство у всѣхъ его подданныхъ.

Оттоманскую имперію уже давно называютъ «больнымъ человѣкомъ», и Габсбурги были среди врачей, которые собирались его уморить. Австрійская имперія чувствуетъ себя въ настоящее время не лучше и, пожалуй, ей осталось даже меньше жить, чѣмъ имперіи оттоманской. Наслѣдство Франца-Іосифа также будетъ трудно оспаривать, какъ и раздѣлить, и, несомнѣнно, оно вызоветъ такую же борьбу, полную кровавыхъ столкновеній, какая постоянно кипитъ на среднемъ Дунаѣ. Пока мы присутствуемъ еще только при борьбѣ ораторовъ вѣнскаго парламента, которая уже нѣсколько разъ превращалась въ рукопашную свалку.

Финансовые и торговые договоры между Австріей и Венгріей должны быть, по соглашенію 1867 года, возобновляемы каждыя десять лѣтъ. Съ 1897 г. они не могли быть возобновлены, вслѣдствіе распри между чехами и нѣмцами въ Австріи. Третейскій судъ императора, разрѣшивъ на время кризисъ, отсрочилъ пока неизбѣжную развязку. Венгрія ждетъ заключеній парламента.

По всей вѣроятности потребуется, чтобы наслѣдникъ Франца-Іосифа отправился въ Прагу для возложенія на свою голову короны св. Вацлава и, можетъ быть, Францъ-Іосифъ сохранитъ для него эту почетную церемонію, чтобы обезпечить новый тронъ остаткомъ популярности. Однако, возстановленіе, тѣмъ или другимъ императоромъ, Богемскаго королевства еще не будетъ рѣшеніемъ вопроса даже и для самой Богеміи, такъ какъ богемскіе нѣмцы не согласятся быть подданными Чешскаго королевства и подчиняться чешскому правительству. Они скорѣе способны отдаться Берлину. Затѣмъ необходимо будетъ также отправиться въ Аграмъ или Загребъ, чтобы получить корону тройственнаго королевства. И это несомнѣнно вызоветъ еще большія осложненія, такъ какъ возстановленная имперія будетъ съ самаго начала имѣть совершенно разнородные интересы съ нѣмцами и можетъ создать непреодолимое препятствіе нѣмецкому вліянію на югѣ.

Можно сдѣлать на бумагѣ достаточно полный обзоръ всѣхъ различныхъ національныхъ организмовъ, которые стремятся къ выдѣленію себя изъ этого спутаннаго государства, чтобы добиться свободнаго существованія. Такъ, можно ясно представить себѣ, безъ всякихъ оговорокъ, чешское королевство, которое уже существовало въ исторіи; затѣмъ возстановленную вокругъ Кракова Польшу, хотя бы понадобилась большая доза воображенія, чтобы вновь отыскать всѣхъ ея разсѣянныхъ членовъ; Галицію, которая также стремится къ выдѣленію, независимую Трансильванію, гдѣ румынскій элементъ значительно превосходитъ численностью другія народности, тѣмъ болѣе, что въ исторіи уже извѣстно княжество Трансильванія. Можно представить себѣ, и даже въ самомъ недалекомъ будущемъ, славянскую Иллирію, простирающуюся отъ Адріатическаго моря до Желѣзныхъ воротъ и родственную Сербіи, а также способную закончить съ Румыніей и Болгаріей великую славянскую федерацію, которая обрисовывается мало-по-малу на развалинахъ Оттоманской имперіи. На самомъ дѣлѣ значительно легче представить себѣ рѣшеніе восточнаго

или балканскаго вопроса, чѣмъ вопроса австро-венгерскаго. Откуда, дѣйствительно, взять въ Австро-Венгріи необходимые элементы для федераціи, руководясь хотя бы общепризнанной формулой, что она находится на пути отъ дуализма къ федерализму? Федерація можетъ быть только между народами по крайней мѣрѣ родственными; здѣсь же мозаика изъ всевозможныхъ расъ. Необходимы, кромѣ того, наличность симпатій со стороны одного народа къ другому, а также какіе-либо общіе интересы, здѣсь же царятъ только антипатіи, а интересы самые противоположные. Народности повернулись другъ къ другу спиной и стремятся только порвать тѣ узы, которыми онѣ еще связаны вмѣстѣ. Одни изъ нихъ считаютъ своей столицей Берлинъ, другіе—Римъ, третьи—Бухарестъ, такъ какъ ихъ не могутъ удовлетворить многочисленные столичные города Австро-Венгріи. Съ такого рода несходными элементами федерація возможна только при помощи силы, какъ это и сдѣлала въ Германіи Пруссія. Какую роль будетъ играть Пруссія въ этой австро-венгерской или австро-венгерско-славянской федераціи — сказать напередъ очень трудно. Нѣтъ болѣе ни одного, достаточно сильнаго государства, которое могло бы навязать себя насильно всѣмъ другимъ. Габсбурги же сами уронили изъ своихъ рукъ скипетръ господства и никто не явился, чтобы завладѣть имъ. Преобразованіе необходимо и оно фатально. Австрійское наслѣдство представляетъ глубокій интересъ для всей Европы. Оно пролило въ послѣднемъ вѣкѣ цѣлые потоки крови, во время четырнадцатилѣтней войны, и народности, его составляющія, не имѣли еще тогда права объявлять о своихъ желаніяхъ: онѣ находились въ положеніи скота, который можно было подѣлить. Въ настоящее время политическая мудрость и желаніе продолжить миръ требуютъ сохраненія status quo; но удастся ли сохранить его, или оно будетъ разрушено по волѣ неизбѣжныхъ событій—можетъ показать только будущее. Во всякомъ случаѣ, даже малѣйшее измѣненіе въ современномъ положеніи вещей можетъ нарушить австро-венгерское равновѣсіе, разрушить австрійскую имперію и сильно взволновать всю Европу. При этомъ самымъ ближайшимъ и неизбѣжнымъ событіемъ будетъ реставрація Богеміи и Иллиріи или Кроаціи. Врядъ ли можно будетъ тогда помѣшать богемскимъ нѣмцамъ стремиться къ Берлину, такъ какъ они, несомнѣнно, не захотятъ подчиниться презираемому ими большинству. Они увлекутъ за собою, можетъ быть, въ лоно великой Германіи и нѣмцевъ изъ Австріи. Возможно, что великая Германія не окажется сильнѣе католическаго элемента, представителемъ котораго, въ настоящее время, главнымъ образомъ, является Баварія и который, несомнѣнно, будетъ усиливаться и сдѣлается такимъ образомъ способнымъ удерживать въ равновѣсіи протестантскій элементъ, сосредоточенный главнымъ образомъ въ Пруссіи. Возможно, что Германія, вслѣдствіе этого, совершенно измѣнится и что политическія вольности найдутъ въ ней наиболѣе прочныя гарантіи. Эта новая Германія будетъ величайшимъ государствомъ. Когда она сгруппируетъ отъ Берлина до Вѣны и отъ Кёльна до Мюнхена всѣхъ членовъ германской семьи, она съ страшною стремительностью потянется на югъ, по направленію къ Тріесту.

Этого потребуютъ ея экономическіе интересы и она вызоветъ этимъ несомнѣнно серьезныя осложненія въ Центральной Европѣ. Она задавитъ молодые славянскіе народы въ самомъ началѣ ихъ образованія. Линія Дуная и желѣзныхъ дорогъ не остановитъ германскихъ предпріятій до самаго Константинополя и даже Малой Азіи, куда они

устремятся по слѣдамъ нѣмецкихъ рыцарей, которыхъ нѣкогда велъ къ Гробу Господню Фридрихъ Барбарусса. Что же, въ такомъ случаѣ, предпримутъ Франція и Россія, чтобы сохранить свое вліяніе и, слѣдовательно, свободу дѣйствій? Объ этомъ необходимо серьезно подумать. Будутъ ли, затѣмъ, поляки мѣшать русскимъ, разъ допущенъ принципъ федерализма, въ ихъ стремленіи къ Россіи и что будетъ съ галичанами? Помѣшаютъ ли трансильванцамъ перейти къ Бухаресту, чтобы стать такимъ образомъ болѣе сильными для презираемыхъ ими сосѣдей? Согласится ли Венгрія на подобную ампутацію? Позволитъ ли она водвориться надъ своими равнинами, на плоскогоріяхъ, которыя господствуютъ надъ Сегединомъ и Дебречинымъ, державѣ, являющейся для нея естественнымъ и опаснымъ врагомъ? Позволитъ ли она себя окружить и, такимъ образомъ, оказаться въ скоромъ времени задавленной великой Германіей и великой Румыніей, не говоря уже о великой Кроаціи, или Иллиріи, а также и о Россіи, которая находится уже не такъ далеко? Венгрія совершенно не заинтересована, поэтому, въ измѣненіи status quo, которое ничего ей не дало бы, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергло бы ее существованіе серьезной опасности.

Къ тому же, дѣло касается интересовъ болѣе важныхъ для всей остальной Европы. Ни одна держава не можетъ остаться безучастной къ вопросу объ австрійскомъ наслѣдствѣ. Для того, чтобы разрѣшить всѣ конфликты, удовлетворить всѣ эти противорѣчивые интересы и усмирить стоящіе отнынѣ на стражѣ разнаго рода вожделѣнія, несомнѣнно, это можно предвидѣть, понадобятся ужасныя войны, которыя превзойдутъ многія уже принесенныя кровавыя жертвы богу войны, но вмѣстѣ съ тѣмъ не приведутъ къ разрѣшенію вопроса. Онѣ породятъ, безъ сомнѣнія, только новое злоупотребленіе силою, которое затѣмъ совершенно разоритъ Европу. Этой печальной перспективы можно избѣжать только при помощи единственнаго радикальнаго средства отъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ золъ, а именно, при помощи свободы, т.-е. допуствивъ абсолютную децентрализацію, которая дастъ возможность удовлетворить законныя претензіи всѣхъ этихъ народностей. Я предлагаю, если хотите, слѣдующую гипотезу, такъ же мало поэтическую, какъ и возможную въ дѣйствительности. Габсбурги, Францъ-Іосифъ или его наслѣдникъ, перестаютъ увлекаться своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ, которое имъ давно слѣдовало бы забыть послѣ Садовой. Они поднимаются выше всѣхъ расовыхъ споровъ и обращаются къ лояльности, которая есть единственное связующее звено у всѣхъ этихъ расъ и представляетъ собою силу, которая не должна быть утрачена, какъ единственное средство для спасенія государства, и притомъ могущее содѣйствовать къ сохраненію европейскаго мира. На этой лояльности, которая день-ото-дня будетъ дѣлаться все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ различныя національности привыкнутъ возлагать свои послѣднія надежды на третейскій судъ государя, они создадутъ свободный режимъ, основанный на провинціальныхъ или даже скорѣе на окружныхъ вольностяхъ. Они разрушатъ затѣмъ соперничество провинцій, преобразовавъ мозаику административную на мозаику энографическую и образуютъ десять округовъ въ Богеміи, четыре въ Моравіи, двѣнадцать въ Галиціи и столько же въ Венгріи, шесть или восемь въ Трансильваніи, три въ Тиролѣ и столько же въ остальныхъ мѣстахъ. Франція также нѣкогда состояла изъ провинцій, плохо между собою связанныхъ, которыя объединились потомъ въ округа.

Но Франція стараго порядка не заключала въ себѣ такой массы различныхъ народностей. Вотъ почему Австро-Венгрія, или то новое государство, которое я предполагаю, не будетъ склоняться къ централизаціи, при которой Франція находитъ еще возможнымъ существовать. Въ моей придунайской республикѣ, Габсбурги должны примѣнять къ округамъ реформы абсолютной децентрализаціи, предоставивъ имъ, насколько восможно, самую широкую свободу, соглашаясь, что они должны представлять собою мозаику изъ маленькихъ республикъ. Они должны ограничить центральную власть, основанную на лояльности, представляющую изъ себя послѣднюю административную инстанцію въ государствѣ, которая должна очень мало проявляться и играть роль весьма незначительной опеки, исключительно организованной для національной защиты и для изысканія необходимыхъ для этого средствъ. При этомъ я думаю, что эту опеку можетъ взять на себя отъ нынѣ царствующей династіи и какая-либо другая власть.

Въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ, напримѣръ, существуетъ особая федеральная власть, которая несетъ на себѣ тѣ обязанности, о которыхъ я только что говорилъ выше. Но я думаю, что въ настоящую минуту только Габсбурги способны выполнить эту обязанность, на которой они могутъ и закончить потомъ свою историческую роль, оказавъ такимъ образомъ серьезную услугу и своимъ народамъ, и цивилизаціи. Эти въ высшей степени дѣятельные народы, побуждаемые соревнованіемъ, отдали бы тогда избытокъ своей энергіи, который теперь растрачивается въ безконечныхъ національныхъ спорахъ, мирной культурной работѣ, подобно швейцарцамъ. Можетъ быть, въ великомъ движеніи цивилизаціи на ихъ долю выпадутъ спеціальныя задачи и они дадутъ Европѣ образецъ лучшаго режима провинціальной децентрализаціи, чтобы она могла испытать, насколько подобный режимъ можетъ содѣйствовать накопленію матеріальныхъ и моральныхъ благъ. И можетъ быть, афоризмъ св. Стефана, перваго христіанскаго короля Венгріи—«Unius linguae uniusque moris regnum imbecelle et fragile est», т.-е. «государство съ однимъ языкомъ и однимъ обычаемъ слабо и ненадежно»—перестанетъ быть ироніей. Точно также и слабость Австро-Венгріи сдѣлается тогда ея великою силой. Габсбурги сильно озабочены настоящей проблемой и имъ необходимо поторопиться съ ея разрѣшеніемъ: историческая необходимость и судьба бываютъ иногда нетерпѣливы и разражаются тогда ужасными катастрофами. Габсбурги одни только могутъ спасти еще Австро-Венгрію отъ ея разложенія, они могутъ, по крайней мѣрѣ, попытаться, и они должны это сдѣлать.

Если они удалятся ранѣе совершенія этого долга, если они не исполнятъ своего высшаго назначенія, если допустятъ предупредить себя революціи, они разбросаютъ тогда во всѣ стороны камни того зданія, которое они сами съ такимъ трудомъ строили.

Глава IV.

Оттоманская имперія.—Кризисъ 1877—1878 гг.

Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ война на Балканахъ установила новое политическое право, на время опредѣлившее рѣшеніе восточнаго вопроса. Само собой разумѣется, что это право подверглось впо-

слѣдствіи значительнымъ измѣненіямъ, такъ какъ никто и не претендовалъ считать его вполнѣ законченнымъ. Дѣло касалось только разрѣшенія кризиса, а не избавленія отъ болѣзни и многіе изъ врачей были бы искренно огорчены, если бы имъ, на самомъ дѣлѣ, удалось радикально исцѣлить больного. Въ 1878 году опредѣлились существенныя черты восточнаго вопроса, влекущаго за собой такой острый кризисъ, какого никогда не переживала еще Оттоманская имперія. Почти всѣ періоды его исторіи похожи одинъ на другой. Они начинаются возстаніями, самопроизвольными или подготовленными заранѣе, и продолжаются благодаря иностранному вмѣшательству, обыкновенно многочисленному и, вслѣдствіе этого, часто противорѣчивому. При этомъ турецкая имперія всегда должна оплачивать тѣ расходы, какіе будутъ вызваны этими противорѣчіями. Волненія, которыя вызвали русско-турецкую войну 1877—1878 гг., были подготовлены заранѣе и охватили прежде всего Боснію и Герцоговину, которыя требовали себѣ самыхъ необходимыхъ гарантій. Они не могли больше выносить крайне тяжелаго для нихъ турецкаго господства, при которомъ не мыслимы свобода и благосостояніе. Сербія выступи ла наихъ защиту и не только изъ чувства великодушія и родственности расъ и религіи, но также и вслѣдствіе честолюбивыхъ стремленій къ своему расширенію, такъ какъ даже самыя небольшія государства мечтали въ этомъ вѣкѣ сдѣлаться великими державами. Сербія довѣрила командованіе надъ своими войсками русскому генералу Черняеву. Пожаръ революціи распространился по направленію къ Константинополю и турецкая армія, дабы остановить его, расположилась на Моравѣ. Въ это время волненія охватили уже и всю Болгарію. Никогда султанъ не видѣлъ столь близкой опасности отъ христіанъ. Онъ могъ опасаться, что его столица, которая во время греческаго возстанія 1821 года подвергалась только отдаленной опасности, будетъ залита громадной волной объединенныхъ славянскихъ народовъ. Возстаніе въ Болгаріи было потоплено въ крови, причемъ въ этой рѣзнѣ погибло до 30 тысячъ жертвъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней вся провинція была залита огнемъ и кровью. Турецкій губернаторъ Болгаріи заслужилъ за это благодарность отъ своего государя и получилъ повышеніе. Само собой разумѣется, что это вызвало сильное волненіе въ Европѣ. Гладстонъ протестовалъ противъ болгарскихъ ужасовъ и мѣшалъ англійскому правительству вступить въ тѣсныя сношенія съ Турціей. Это устраненіе Англіи вмѣстѣ съ европейскими волненіями и дипломатическимъ карантиномъ, установленнымъ вокругъ Порты, были особенно выгодны для Россіи. Общественное мнѣніе здѣсь было возмущено еще болѣе, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ континента и вызвало громадное національное и религіозное движеніе противъ турокъ. Это движеніе заставило и правительство, которое только и ожидало случая, начать дѣйствовать. (Народныя чувства вообще участвуютъ иногда въ комбинаціяхъ дипломатіи. Такъ, напр., Бисмаркъ игралъ на нихъ очень искусно и ему не уступали въ этомъ отношеніи многіе государственные люди другихъ государствъ).

Рѣшительныя дѣйствія русской дипломатіи въ 1876 году спасли Сербію, которой угрожало то же, что и Болгаріи. Бисмаркъ предоставилъ тогда полную свободу дѣйствій Горчакову и заявилъ, что сочтетъ за честь слѣдовать за нимъ. Горчаковъ тотчасъ же потребовалъ для славянскихъ провинцій на Балканахъ серьезныхъ гарантій, радикальныхъ реформъ и полной автономіи. Онъ хотѣлъ такимъ обра-

зомъ расчленить Турцію. Султанъ Абдулъ-Гамидъ II-й, вступившій на престолъ послѣ одной или двухъ дворцовыхъ революцій, пытался сыграть довольно-таки остроумную комедію. Онъ обратился къ партіи младо-турокъ. т.-е. къ партіи, требовавшей серьезныхъ реформъ въ средѣ которой, на ряду съ нѣсколькими авантюристами, были и люди искренно убѣжденные. Они думали спасти Турцію, соединивъ ея нравы и учрежденія съ европейской цивилизаціей и завоевать ей, такимъ образомъ, право гражданства среди христіанскихъ народовъ. Мидхатъ-паша сталъ во главѣ этой партіи, наиболѣе извѣстные члены которой впослѣдствіи или исчезали таинственнымъ образомъ, или бѣжали. Мидхадъ-паша былъ назначенъ великимъ визиремъ и Абдулъ-Гамидъ провозгласилъ конституцію на европейскій ладъ, т.-е. съ парламентомъ, сенатомъ, палатой депутатовъ, избираемой всеобщей подачей голосовъ, свободой прессы и сходокъ, съ несмѣняемымъ судомъ и обязательнымъ первоначальнымъ образованіемъ. Маленькія реформы, которыхъ Европа требовала для нѣкоторыхъ провинцій, оказались передъ этой конституціей крайне мизерными. Однимъ почеркомъ пера султанъ даровалъ всѣмъ своимъ народамъ самыя широкія вольности. Это было для него средствомъ отвергнуть требованія конференціи пословъ въ Константинополѣ.

Конституція просуществовала не долго, всего нѣсколько недѣль, т.-е. въ теченіе только времени, какое понадобилось для устраненія требованій Европы. Но Европа не была обманута этимъ шагомъ Турціи и подтвердила свои первоначальныя ноты. Такъ какъ ея требованія не были исполнены, то Россія естественно оказалась вынужденной взять на себя рѣшеніе этого вопроса. Бисмаркъ, казалось, закрылъ свои глаза; восточный вопросъ, по его мнѣнію, не стоитъ костей померанскаго гренадера. Вскорѣ война между Россіей и Турціей стала неизбѣжна. Она была крайне продолжительная и крайне тяжелая. На югѣ Кавказа, точно также какъ и на Балканахъ, турки оказывали сопротивленіе, часто оканчивающееся съ ихъ стороны побѣдой. Геройская защита Плевны Османомъ-пашей сдѣлалась одной изъ блестящихъ страницъ въ военной исторіи XIX вѣка.

Это было для всей Европы, и особенно для Россіи, неожиданнымъ и весьма тревожнымъ открытіемъ, возрожденіе военнаго искусства въ Турціи, въ области котораго только и преслѣдовались султанами дѣйствительныя реформы. Турки были всегда прекрасными солдатами и коранъ совѣтуетъ имъ даже заимствовать у невѣрныхъ оружіе, чтобы лучше ихъ побѣждать. Въ концѣ-концовъ, русскіе одолѣли. Плевна должна была сдаться. Въ нѣсколько дней великій князь Николай дошелъ почти до Константинополя и остановился въ Санъ-Стефано. Тогда англичане нашли нужнымъ вмѣшаться и послали нѣсколько военныхъ судовъ въ Дарданельскій проливъ, несмотря на протесты султана. Россія потребовала немедленно ихъ удаленія и грозила въ противномъ случаѣ занять Константинополь. Столкновеніе было устранено временнымъ соглашеніемъ. 3-го марта 1878 года предварительнымъ договоромъ въ Санъ-Стефано былъ заключенъ миръ на условіяхъ, достаточно тяжелыхъ для побѣжденной Турціи. Такимъ образомъ казалось, что восточный вопросъ дождался, наконецъ, благополучнаго разрѣшенія и что завѣты Петра Великаго и Екатерины II-й завершились тріумфомъ панславизма. Сербія, Румынія и Черногорія сдѣлались независимыми. Боснія и Герцоговина стали почти автономными подъ контролемъ Австро-Венгріи и Россіи: оставалось еще необходимымъ дать нѣкото-

рое удовлетвореніе Австро-Венгріи; Болгарія, въ предѣлахъ отъ Дуная до Архипелага, подъ протекторатомъ русской арміи въ 50.000 человѣкъ, образовала автономное княжество. Султанъ сохранилъ за собой въ Европѣ Константинополь и его пригородъ. Кромѣ того, также Критъ и Арменія должны были получить подъ защитой Россіи свободныя учрежденія. Все это угрожало для Турціи смертью, Россія же заняла доминирующее положеніе на Балканахъ, въ Малой Азіи и въ восточной части Средиземнаго моря. Съ подобнымъ положеніемъ вещей не могла примириться ни одна изъ европейскихъ державъ.

Франція, менѣе другихъ заинтересованная въ этомъ, могла, тѣмъ не менѣе, опасаться коммерческой конкуренціи Россіи на востокѣ. Англія не могла допустить, чтобы ее отрѣзали отъ дороги въ Индію на Средиземномъ морѣ, поэтому ей необходимо было удержать Россію, насколько возможно, дальше на сѣверѣ. Австро-Венгріи необходимо было сохранить на Балканскомъ полуостровѣ свое политическое вліяніе и обезпечить свои коммерческіе интересы, такъ какъ послѣ того, какъ она потеряла Италію и Германію, народы Балканскаго полуострова являются для нея единственными кліентами. Она смотритъ на Балканскій полуостровъ, какъ на свою колоніальную имперію. Тѣ же самые экономическіе интересы имѣютъ и нѣмцы. Путь изъ Гамбурга въ Солоники и Константинополь, черезъ Вѣну и Пештъ, является великимъ путемъ нѣмецкой торговли, и нѣмцы не могли допустить, чтобы Россія его перерѣзала. Всѣ эти соображенія, идущія въ разрѣзъ съ интересами Россіи проявились и на берлинскомъ конгрессѣ, который значительно видоизмѣнилъ санъ-стефанскій договоръ. Румынія, Сербія и Черногорія остались независимыми, такъ какъ это не было выгодно для Россіи. Боснія и Герцоговина были поручены управленію одной Австріи. Болгарія была ограничена въ предѣлахъ между Дунаемъ и Балканами. Ея политическая организація была гарантирована не только Россіей, но всей Европой. Вскорѣ ее окончательно заставили отказаться отъ всякаго вліянія со стороны Россіи. Менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ она совершенно освободилась отъ какого бы то ни было воздѣйствія изъ С.-Петербурга и, подобно Румыніи, недовольной потерей Бессарабіи, сблизилась съ Вѣной и Берлиномъ. Критъ и Арменія были также подчинены контролю Европы. Англія заняла Кипръ, чтобы удобнѣе было слѣдить за дѣйствіями Россіи въ Малой Азіи и удержать ее на сѣверѣ за Араратомъ. Въ настоящее время маленькія балканскія государства, точно также какъ и самъ султанъ, пользуются для своихъ выгодъ этимъ соперничествомъ великихъ державъ и остаются независимыми. Независимость Греціи, напр., была обезпечена съ 1829 года скорѣе благодаря соперничеству Франціи, Англіи и Россіи, чѣмъ ихъ согласіемъ. Идея панславизма не имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ и въ то же самое время будущее христіанскихъ народностей на Балканахъ кажется вполнѣ обезпеченнымъ. Это будетъ новое рѣшеніе восточнаго вопроса, о которомъ Екатерина II не могла и думать.

Расы и народности на Балканахъ.

Этнографическая карта Балканскаго полуострова не представляетъ такого же разнообразія цвѣтовъ, какое мы видѣли на картѣ Австро-Венгріи. Здѣсь даже возможно указать доминирующую расу, составленную изъ родовъ, которые отличаются между собою только извѣстными оттѣнками. Думаютъ, что эта страна могла бы имѣть нѣкоторое

политическое единство. На югѣ полуострова живутъ греки. Кромѣ провинцій, которыми управляетъ король Георгъ I-й, они населяютъ Халкедонскій полуостровъ, почти все румелійское побережье, полуостровъ Галлиполи и берега Мраморнаго моря. Довольно значительное число ихъ находится и въ Константинополѣ, гдѣ они составляютъ, по крайней мѣрѣ, четвертую часть всего населенія. Они заняли также и Западный берегъ Чернаго моря. Съ другой стороны, они, какъ и въ древности, занимаютъ всѣ острова Эгейскаго моря, Критъ, Родосъ и берегъ Малой Азіи, такъ что становится очевиднымъ, что Эгейское море является ихъ этнографическою областью. Никто и не думаетъ оспаривать этого факта, послѣдствіемъ котораго должна была бы явиться имперія Эгейскаго моря, принадлежащая грекамъ. Но логика и справедливость не принадлежатъ къ тѣмъ вещамъ, которыя принимаетъ въ соображеніе политика. Румыны или валахи имѣютъ нѣкоторыя изъ своихъ письменъ даже затерянными въ греческомъ Пиндѣ надъ Θессалійской равниной. Но эти племена только потерянныя дѣти. Они не менѣе подвижны и не менѣе горды чѣмъ настоящіе румыны. Но собственно область румынскаго населенія находится между Карпатами и нижнимъ Дунаемъ. Въ громадномъ, даже подавляющемъ числѣ они населяютъ Трансильванію по ту сторону Карпатъ и плохо переносятъ здѣсь венгерское иго. Ихъ страна составляетъ тамъ достаточно компактную территоріальную единицу. Можетъ быть, сюда спустились тѣ римскіе переселенцы, которые отправились во время Траяна насаждать культуру, въ Даніи, по крайней мѣрѣ, ихъ языкъ вызываетъ эти далекія воспоминанія. Во всякомъ случаѣ, это вопросъ спорный. Французы также говорятъ на языкѣ, происшедшемъ отъ латинскаго, но это не отрицаетъ ихъ происхожденія отъ кельтовъ. Поэтому единственный выводъ, который можно сдѣлать, благодаря языку,— это тотъ, что румыны весьма рѣзко отличаются отъ всѣхъ своихъ сосѣдей.

Албанцы считаютъ себя самыми старинными господами страны. Они гордятся тѣмъ, что происходятъ отъ пелазговъ, что не было еще доказано и что явилось бы скорѣе доказательствомъ того, что они никогда не занимали всего полуострова. Въ настоящее время они живутъ, занимаясь скотоводствомъ и разбоемъ, на крутыхъ горахъ адріатическаго побережья и всегда оказываютъ сопротивленіе своимъ государямъ, такъ какъ совершенно не одарены духомъ подчиненія и покорности. Вся остальная часть Балканскаго полуострова отъ Адріатики до Чернаго моря и отъ Дуная до моря Эгейскаго принадлежитъ расѣ славянской, представителями которой на Западѣ являются сербы, черногорцы, босняки и кроаты (хорваты), и затѣмъ на востокѣ болгары. Послѣдніе, можетъ быть, и татарскаго происхожденія, но уже издавна ославянившіеся. Что же касается турокъ, то ихъ такъ немного въ европейской Турціи, что не приходится много о нихъ и говорить. Небольшое число ихъ населяетъ, кромѣ Константинополя, еще сѣверную часть Халкедонскаго полуострова, окрестности Ниша въ Сербіи, а также и Румелію, гдѣ, впрочемъ, ихъ находится весьма незначительное число. Они продолжаютъ тянуть свое печальное переселеніе въ Азію, откуда пришли, то ускоряя шаги, когда христіанскія государства достигаютъ нѣкотораго прогресса, то удлиняя свои остановки, когда соперничество тѣхъ же христіанскихъ государствъ даетъ имъ небольшую отсрочку. Историки отдаленнаго будущаго, разсматривая это переселеніе, несомнѣнно, назовутъ XIX вѣкъ въ исторіи турокъ,

вѣкомъ «исхода турокъ» изъ Европы. Въ настоящее время турки, какъ раса, не существуютъ уже болѣе въ Европѣ, и если они существуютъ еще какъ политическая держава, то исключительно благодаря удивительному равновѣсію среди различныхъ европейскихъ вліяній, которыя встрѣчаются другъ съ другомъ въ Константинополѣ. Въ религіозномъ отношеніи Балканскій полуостровъ не представляетъ большого разнообразія.

Кромѣ албанцевъ, исповѣдующихъ мусульманскую религію, но которой они не особенно строго придерживаются, такъ какъ ихъ религіозное рвеніе уменьшается по мѣрѣ того какъ они удаляются отъ турокъ, — всѣ остальные народы Балканскаго полуострова, даже различныхъ расъ, принадлежатъ къ греческой церкви. Болгары національной религіей установили въ 1870 году религію православную и они имѣютъ своего патріарха въ Тырновѣ. Всѣ другіе народы признаютъ духовную юрисдикцію греческаго патріарха въ Константинополѣ. Это въ высшей степени тѣсно сплоченное религіозное единство, которое такъ долго было орудіемъ русскаго вліянія на Балкананахъ, явится, быть можетъ, современемъ толчкомъ къ объединенію и политическому. Конечно, это случится еще очень не скоро: Балканскій полуостровъ въ этомъ отношеніи стоитъ еще на той ступени, на какой стоялъ Аппенинскій полуостровъ въ началѣ XIX вѣка. Постоянныя волненія и вмѣшательство великихъ державъ принудили его къ временному политическому раздѣлу. Румынія, Сербія, Черногорія, Болгарія и Греція завоевали себѣ полное право на существованіе, но ихъ границы крайне неустойчивы и не соотвѣтствуютъ районамъ, населеннымъ той или другой расой. Греки должны были бы имѣть Халкидонскій полуостровъ, Болгары Ѳракію и бо́льшую часть Македоніи, а Сербы остальную ея часть; Боснія и Герцоговина, подчиненныя Австро-Венгріи, противно всякой логикѣ, раздѣляютъ Сербію и Черногорію. Эти границы не соотвѣтствуютъ и естественнымъ границамъ. Такъ новая, напр., греко-турецкая граница не имѣетъ никакого другого смысла, кромѣ предоставленія привилегіи туркамъ господствовать, при помощи своихъ пушекъ, надъ всѣми горными проходами. Южная граница Восточной Румеліи, общая съ Болгаріей, проходитъ какимъ-то страннымъ образомъ черезъ долины Марицы и Тунджы. Гдѣ же находится, такимъ образомъ, естественная граница между Сербіей и Болгаріей? По Тимоку или на Великихъ Балканахъ? Точно также является вопросомъ естественная граница между Сербіей и Босніей. Поэтому, настоящія границы не удовлетворяютъ ни одного изъ балканскихъ народовъ, которые, вслѣдствіе этого стремятся къ ихъ распространенію и ревниво слѣдятъ другъ за другомъ, вмѣсто того, чтобы, при помощи объединенія, стать у себя полными господами. Въ 1885 году Болгарія увеличилась мирнымъ присоединеніемъ Восточной Румеліи. Это немедленно вызвало большое волненіе въ Сербіи, которая и объявила, при первомъ удобномъ случаѣ, войну Болгаріи. Война окончилась пораженіемъ Сербіи. Сербскія войска отступили черезъ горныя ущелья и болгары преслѣдовали ихъ до самой Сербіи. Въ 1897 году вспыхнула война между греками и турками. Воспользовавшись пораженіемъ грековъ, сербы и болгары вооружились съ намѣреніемъ округлить свои владѣнія, вмѣсто того, чтобы, соединившись вмѣстѣ, разбить турокъ и уже потомъ раздѣлить добычу. Греки были побѣждены, а довольные сербы и болгары сохранили свои границы. Кажется, они даже и не замѣтили, что Критъ сдѣлался съ

тѣхъ поръ автономнымъ подъ управленіемъ греческаго принца, и они сильно ошибаются, если думаютъ, что Греція ничего отъ этого не выиграла. Всѣ народы Балканскаго полуострова находятся еще въ періодѣ домашнихъ споровъ. Они замѣтятъ это только тогда, когда потеряютъ рѣшительно все. Два пункта на картѣ полуострова особенно возбуждаютъ въ настоящее время ихъ алчное желаніе, а также, впрочемъ, и вожделѣніе нѣкоторыхъ великихъ державъ: это Македонія и Константинополь. Македонія населена греками на югѣ, болгарами на востокѣ и сербами на западѣ. Одинъ изъ великихъ желѣзнодорожныхъ путей, проходящихъ въ области, омываемой Дунаемъ, пересѣкаетъ ее и идетъ далѣе по направленію къ Салоникамъ, гдѣ и оканчивается. Въ немъ прежде всего заинтересована непосредственно Австро-Венгрія, а затѣмъ онъ чрезвычайно важенъ также и для нѣмецкой торговли. Болгары, сербы и греки постоянно конкуррируютъ здѣсь другъ съ другомъ, особенно въ школахъ и церквахъ. Турки являются судьями и поддерживаютъ эту постоянную борьбу, такъ какъ она только и обезпечиваетъ ихъ силу. Въ то же время Македонія страдаетъ отъ всѣхъ этихъ раздоровъ и отъ турецкой администраціи. Она образовала у себя партію, поставившую главнымъ пунктомъ своей программы полную автономію, при этомъ партію ни греческую, сербскую, болгарскую или австро-венгерскую, а просто партію македонскую, которая требуетъ у султана реформъ и, время отъ времени, настаиваетъ на своихъ требованіяхъ передъ посланниками христіанскихъ государствъ въ Константинополѣ. Султанъ уже нѣсколько разъ давалъ обѣщаніе провозгласить автономію, но дѣло по большей части все-таки кончалось рѣзнею. Македонцы постоянно волнуются и не увѣрены въ томъ, что Европа ихъ поддержитъ въ критическую минуту.

Константинопольскій вопросъ, поэтому, несомнѣнно, представляетъ большую важность, онъ, быть можетъ является, даже болѣе серьезнымъ, чѣмъ римскій вопросъ такъ какъ онъ несетъ въ себѣ зародышъ кровавыхъ конфликтовъ. На самомъ дѣлѣ еще никто не осмѣлился поставить этотъ вопросъ въ виду его опасности. Онъ резюмируетъ собой весь восточный вопросъ и при дальнѣйшемъ затягиваніи все болѣе и болѣе обостряется. Въ Константинополѣ турки все-таки довольно многочисленны и султанъ вовсе не расположенъ добровольно уступить безсмертное завоеваніе Магомета II. Въ этомъ городѣ живетъ еще до 300.000 грековъ, имѣющихъ здѣсь громадные коммерческіе интересы и мечтающихъ о томъ, чтобы Константинополь снова сдѣлался столицей греческой имперіи. Онъ необходимъ также и болгарамъ, ибо онъ служитъ ключемъ при ихъ сношеніяхъ съ Средиземнымъ моремъ. Безъ него они являются замкнутыми въ Черномъ морѣ. Можно сказать, что Константинополь также естественно долженъ быть возвращенъ имъ, какъ Римъ итальянскому королевству, если только они не завоюютъ непосредственно на Эгейскомъ морѣ открытый портъ, необходимый для бассейна Марицы и для земледѣльческой промышленности, преобладающей на южныхъ склонахъ Балканъ. Для русскихъ Константинополь еще болѣе необходимъ. Онъ представляетъ собою какъ бы дверь ихъ дома. На самомъ дѣлѣ, прекрасная черноземная полоса Россіи является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ ея существованія и естественный выходъ для продуктовъ этой полосы былъ бы черезъ Босфоръ и Дарданеллы. Благоденствіе Россіи не можетъ быть, поэтому, достаточно обезпеченнымъ, пока она не будетъ владѣть Константинополемъ. Но другія великія европейскія державы, конечно, никогда на это не согласятся,

что онѣ уже и доказали на Берлинскомъ конгрессѣ. Еще прежде Наполеонъ, во время своихъ переговоровъ съ императоромъ Александромъ I-ымъ, по поводу предполагаемаго раздѣла Оттоманской имперіи, высказывался категорически противъ того, чтобы Константинополь отошелъ къ Россіи. «Константинополь?—переспросилъ онъ.—Никогда! Тотъ, кто будетъ имѣть Константинополь, будетъ полнымъ господиномъ всего міра». Это, пожалуй вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе еще не доказываетъ, что Россія никогда не будетъ имѣть Константинополя. Трудно повѣрить, чтобы она отказалась отъ мысли сдѣлать это пріобрѣтеніе.

Ожидая разрѣшенія этихъ великихъ проблемъ, народы Балканскаго полуострова, за исключеніемъ турокъ, продолжаютъ работать. Всѣ они съ удивительной энергіей трудятся надъ своимъ политическимъ и экономическимъ обновленіемъ и не безъ дерзости ссылаются на исторію. Они занимаются вопросами своего историческаго происхожденія и не съ цѣлью чисто научнаго изслѣдованія, но, главнымъ образомъ для того, чтобы доказать свое право на владѣніе всѣмъ полуостровомъ. Они слѣдуютъ въ этомъ отношеніи примѣру нѣмецкой науки. Нигдѣ не было сдѣлано столько, какъ на Болканскомъ полуостровѣ,—во имя этого историческаго права, которое и въ другихъ мѣстахъ проливало цѣлые потоки чернилъ и крови и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, основывается на варварской доктринѣ перваго захвата. Это историческое право есть только относительно благородная форма «права болѣе сильного», которое во всякой странѣ свѣта можетъ имѣть моральную цѣнность только тогда, когда оно является выразителемъ національныхъ стремленій и національнаго сознанія. Такъ, валахи Румыніи и затѣмъ въ особенности валахи, населяющіе склоны Пинда, вспоминаютъ о Великой Валахіи XII-го вѣка, которая простиралась отъ Дуная до Архипелага. Сербы воспѣваютъ славу императора Стефана Душана и показываютъ въ Ускюбѣ башни, съ высоты которыхъ онъ царилъ въ XIV-мъ вѣкѣ надъ морями Адріатическимъ и Чернымъ. Болгары также весьма древняго происхожденія. Они первые взяли приступомъ стѣны византійскаго Константинополя, который несомнѣнно сталъ бы ихъ добычей, если бы турки ихъ затѣмъ не отбили. Они увидѣли его первые и поэтому онъ долженъ быть, по ихъ мнѣнію, возвращенъ имъ же. Точно также и русскіе, воспользовавшись женитьбой Ивана III, великаго князя Московскаго, въ 1472 году, на Софьѣ Палеологъ, приняли двухглаваго орла константинопольскихъ императоровъ въ свой гербъ и передаютъ его до сихъ поръ по наслѣдству. Наконецъ, греки вспоминаютъ не только о временахъ Перикла и имперіи Эгейскаго моря. Они совершенно забыли, что для ихъ предковъ македонцы были варварами, и вспоминаютъ Александра Великаго, его завоеваніе Азіи и Византіи и его имперію. Они остаются вѣрными памяти своего великаго прошлаго, къ которому они относятся съ благоговѣніемъ.

Такимъ образомъ, вокругъ Константинополя и вокругъ народовъ Балканскаго полуострова всѣ великія державы стерегутъ послѣднія движенія Оттоманской имперіи, какъ предсмертныя конвульсіи больного человѣка. Въ тылу болгаръ и румынъ—Россія, позади Сербіи—Австро-Венгрія и Германія и, наконецъ, въ тылу Греція и за Средиземнымъ моремъ—Франція, Италія и Англія. При этомъ Константинополь является еще пунктомъ, гдѣ пересѣкаются самыя важныя торговыя и политическія дороги міра.

Европейскія державы и султанъ.

Такъ какъ великія державы не пожелали уступить столь важную позицію, какъ Константинополь, какой-либо одной изъ нихъ, то они и порѣшили оставить его султану. Въ настоящее время султана, главнымъ образомъ, поддерживаютъ нѣмцы и англичане. Существуетъ даже нѣчто вродѣ германскаго заговора противъ славянъ и Россіи. Уже прежде въ 1826 году видѣли австрійскихъ инженеровъ, которые руководили турками при осадѣ города Миссолонги.

Въ 1897 г. мы видѣли прусскихъ офицеровъ, сражавшихся въ турецкой арміи противъ грековъ, затѣмъ нѣмецкихъ военныхъ агентовъ, руководившихъ подготовкой турецкихъ офицеровъ и, наконецъ, самого германскаго императора, дѣлающаго дружескій визитъ своему «доброму другу» султану. Ни одинъ изъ современныхъ государей никогда не рѣшился бы на подобный шагъ и неслышно еще, чтобы этотъ визитъ доставилъ больше уваженія Вильгельму II-му. Нѣмцы и англичане не имѣютъ рѣшительно никакой симпатіи къ грекамъ, которые такъ не похожи на своихъ высоко одаренныхъ и развитыхъ въ умственномъ отношеніи предковъ и которые, притомъ, слишкомъ отдалены, чтобы ихъ можно было захватить въ орбиту политическаго и экономическаго могущества Германіи или Англіи. Англичане поддерживали немного греческое дѣло въ 1827 году, но единственно только для того, чтобы не дать возможности русскимъ приписать исключительно себѣ всю заслугу и получить затѣмъ всѣ выгоды. Потомъ они трудились надъ тѣмъ, чтобы удержать Грецію въ тѣсныхъ границахъ и чтобы она, такимъ образомъ, не явилась бы коммерческимъ конкурентомъ на Востокѣ.

Вполнѣ естественно, что при господствѣ султана всѣ портовые города на Востокѣ остаются въ экономическомъ отношеніи, кліентами Англіи и Германіи. Эти послѣдніе заинтересованы, такимъ образомъ, въ томъ, чтобы султанъ удержался въ Константинополѣ, несмотря на то, что онъ долженъ по временамъ давать выходъ своей традиціонной жестокости,—но надо принять во вниманіе, что въ нашей Европѣ конца XIX-го вѣка потребности торговыхъ оборотовъ представляютъ совершенно противуположный интересъ простому чувству человѣчности.

Германцы относятся непріязненно къ славянамъ Балканскаго полуострова, такъ какъ эти послѣдніе, естественно связанные съ русскими общностью расы и религіи, могутъ задержать на нѣкоторое время развитіе нѣмецкаго вліянія и способствовать, напротивъ, распространенію русскаго вліянія къ югу, на средиземное море. Естественные враги русскихъ—англичане и нѣмцы не поддерживали славянское дѣло на Балканахъ, такъ какъ это не было въ ихъ интересахъ. Что же касается Австро-Венгріи, то она, хотя и насчитываетъ среди своихъ подданныхъ довольно многочисленныя славянскія народности, но все таки не представляетъ еще изъ себя славянской державы. Этого никогда не допустила бы Венгрія. Трудно повѣрить, что въ теченіе многихъ лѣтъ она могла серьезно соперничать съ русскимъ вліяніемъ на Балканахъ. Благодаря такому отношенію къ славянамъ, Германія съ Австро-Венгріей и пользуются въ своей политикѣ дружбой султана. Было время, когда Франція имѣла преобладающее вліяніе въ Константинополѣ, гдѣ къ ея посланникамъ относились такъ, какъ въ великимъ визирямъ султана. Это было естественнымъ послѣдствіемъ вѣковой борьбы Валуа и Бурбоновъ съ Австрійскимъ домомъ.

Турки были очень сильнымъ элементомъ для нашей защиты съ

востока и ихъ вступленіе въ Венгрію оказало драгоцѣнную услугу политикѣ Франциска I. Онъ добился у Солимана Великолѣпнаго особыхъ условій для французской торговли на востокѣ, которыя обезпечили ей въ этомъ отношеніи, болѣе чѣмъ на два вѣка, первое мѣсто среди другихъ державъ. Такимъ образомъ Франція до XIX-го вѣка была самой вѣрной и самой сильной союзницей Высокой Порты. Маркизъ Вилланевъ, будучи французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, сильно способствовалъ въ 1739 году побѣдамъ турецкой арміи надъ Австріей и подписанію знаменитаго Бѣлградскаго договора. Точно также, когда Россія предприняла рѣшеніе въ свою пользу восточнаго вопроса и объявила войну Турціи, она встрѣтила сначала противодѣйствіе со стороны Франціи, которая желала сохранить свои коммерческія привилегіи и опасалась конкуренціи со стороны русскихъ купцовъ на Средиземномъ морѣ. При Наполеонѣ I-мъ, его посолъ, генералъ Себастіяни, былъ энергичнымъ защитникомъ Константинополя противъ Англичанъ и русскихъ и даже во время Тильзитскаго свиданія, какъ мы говорили уже выше, Наполеонъ ни за что не соглашался отдать Константинополь русскимъ. Онъ ревниво охранялъ Средиземное море отъ всякаго чужого вліянія, желая обезпечить здѣсь полную свободу дѣйствій для Франціи. Много времени спустя, послѣ того, какъ Франція уже потеряла свое преобладающее значеніе на востокѣ, Наполеонъ III остановилъ русскихъ на дорогѣ къ Константинополю и вызвалъ Крымскую войну. Онъ думалъ, что эта война поможетъ Турціи устроить у себя необходимыя преобразованія, въ цѣляхъ обезпеченія болѣе сноснаго режима для ея христіанскихъ подданныхъ и откроетъ, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, доступъ туркамн въ среду цивилизованныхъ народовъ.

Султанъ дѣйствительно обнародовалъ эдиктъ о реформѣ (гатти-гюмайюнъ, въ февралѣ 1856 г.), который обѣщалъ христіанскимъ подданнымъ имперіи всѣ вольности и полную безопасность. Всякое юридическое различіе между немусульманами и магометанами было уничтожено и христіане были допущены къ выборамъ въ административные совѣты, а также къ военнымъ и гражданскимъ должностямъ. Въ 1868 г. былъ основанъ въ Константинополѣ подъ покровительствомъ Виктора Дюрюи лицей, открытый безразлично для всѣхъ подданныхъ султана. Франція надѣялась, что направляемые французскими профессорами, молодые люди различныхъ народностей Турціи научатся здѣсь понимать и цѣнить другъ друга, что будетъ способствовать въ свою очередь, установленію между ними дружескихъ отношеній, которыя могли бы привести, въ концѣ концовъ, къ полному примиренію. Но это дѣло далекаго будущаго было грубо прервано войною 1870 года, когда Франція должна была удалиться. Дѣло оттоманской реформы, которому отдавались, болѣе или менѣе искренно, большинство султановъ XIX-го вѣка (Селимъ III, Махмудъ, Абдулъ-Меджидъ и Абдулъ-Азисъ) не пользовалось никогда особой популярностью у ихъ подданныхъ, тѣмъ болѣе, что оно совпало съ расчлененіемъ имперіи и потерей Греціи, Черногоріи, Сербіи и Румыніи. Они считали эти реформы средствами, придуманными христіанскими государствами, чтобы закончить разложеніе турецкой имперіи при помощи проникновенія въ нее смертоносныхъ принциповъ западной цивилизаціи. Абдулъ-Азисъ, послѣдній султанъ-реформаторъ, вызвалъ большое негодованіе среди турокъ, показавъ себя слишкомъ доступнымъ совѣтамъ европейскихъ пословъ и въ особенности русскаго

посла, генерала Игнатьева, и былъ свергнутъ поэтому въ 1876 году съ престола.

Ему наслѣдовалъ племянникъ его, провозглашенный султаномъ Мурадомъ V, который сошелъ съ ума тотчасъ по вступленіи на престолъ и запятналъ себя кровью первыхъ жертвъ въ Болгаріи. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ царствованія, онъ былъ низложенъ и замѣщенъ Абдулъ-Гамидомъ II-ымъ (31 августа 1876 года). Наученный уроками прошлаго, новый султанъ отказался продолжать дѣло реформы и взялъ образцомъ для своей имперіи абсолютный турецкій деспотизмъ XVII-го или XVIII-го вѣка. Онъ рѣшительно вернулся къ политикѣ преслѣдованій и массового убійства. Онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ не только по собственному желанію, но также и подъ вліяніемъ страха. Онъ боялся фанатиковъ, которые его окружали, улемовъ или ученыхъ толкователей корана, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, которые содѣйствовали революціи 1876 года и возвели его на тронъ и для которыхъ онъ былъ и оставался узникомъ. Съ другой стороны, его непосредственные предшественники окончательно скомпрометировали во всемъ мусульманскомъ мірѣ свой престижъ соглашеніемъ съ христіанскими державами. Они утратили для Ислама почти всякій религіозный авторитетъ и явились настоящими вѣроотступниками въ глазахъ всѣхъ правовѣрныхъ. Такимъ образомъ, султаны, послѣдовавъ совѣтамъ Европы и добросовѣстно приступивъ къ реформамъ управленія имперіей, сразу потеряли и свѣтскую власть надъ своими подданными, и духовное главенство въ мусульманскомъ мірѣ. Абдулъ-Гамидъ II-й строго слѣдовалъ совѣтамъ приближенныхъ и цѣлью всего его царствованія была чисто мусульманская политика. Уступки, которыя онъ много разъ обѣщалъ сдѣлать для Европы, никогда не были искренны и онъ находилъ нужнымъ иногда ихъ сдѣлать только для того, чтобы замаскировать немного настоящія задачи новаго царствованія.

Въ концѣ двадцатаго года, однако, его царствованіе дѣлается блестящимъ. Онъ возстановилъ въ Константинополѣ теократію, представителемъ которой, добровольно или нѣтъ, является самъ султанъ. Онъ совершенно освободился отъ религіознаго руководительства улемовъ и дервишей и возобновилъ сношенія Турціи съ мусульманскими обществами въ Африкѣ. Онъ укрѣпилъ религіозное объединеніе всего магометанскаго міра, подражая въ этомъ отношеніи папѣ, который пытается, какъ извѣстно, создать единеніе всѣхъ христіанъ. Изъ одного края въ другой, длиннымъ путемъ черезъ пустыни, которыя тянутся черезъ весь древній континентъ Атлантики по направленію къ Китаю, черезъ Сахару, Аравію, Персію и Монголію, вновь распространился среди мусульманъ авторитетъ падишаха, какъ преемника Магомета. Его подвиги въ этомъ отношеніи поражали бы, несомнѣнно, своимъ величіемъ, если бы такъ часто не сопровождались припадками ужасной жестокости, которую внушилъ ему инстинктъ сохраненія. Предчувствуя свою смерть вслѣдствіе быстрыхъ успѣховъ христіанской цивилизаціи, Исламъ старается, насколько возможно, укрѣпить свои силы. Благодаря опасному соприкосновенію съ невѣрными, онъ сталъ болѣе ясно сознавать свое своеобразіе и вновь отыскалъ въ себѣ тѣ черты, которыя нѣкогда окружали его ореоломъ величія и наводили ужасъ на его враговъ. Впрочемъ нетерпимость не представляетъ только особенность ученія Магомета; по крайней мѣрѣ, и въ другихъ мѣстахъ настоящій конецъ вѣка отмѣченъ проявленіемъ са-

маго необыкновеннаго фанатизма, который невольно переноситъ васъ на нѣсколько вѣковъ назадъ. Этотъ фанатизмъ, несомнѣнно, есть послѣднее усиліе темныхъ силъ далекаго прошлаго, уступающихъ, противъ своей воли, дорогу цивилизаціи. Реставрированный Исламъ, если бы и былъ менѣе дикимъ, то, пожалуй, оказался бы еще болѣе несовмѣстимымъ съ современной цивилизаціей, которая все-таки допускаетъ немного болѣе человѣчности. Вспышки ярости мусульманскаго фанатизма не сулятъ ему болѣе блестящихъ тріумфовъ полумѣсяца и могутъ вызвать только мщеніе со стороны Европы, которая и безъ того относится къ нему слишкомъ снисходительно, и въ результатѣ могутъ только повести къ ускоренію неизбѣжной развязки.

Христіанскія народности.

Оттоманская имперія обязана своимъ долголѣтіемъ желанію великихъ державъ сохранить status quo. Европа не хочетъ болѣе войны и боится всякаго раздора. Она избѣгаетъ, по крайней мѣрѣ, всякаго конфликта или старается его потушить, лишь только онъ возникнетъ, постоянно опасаясь, что онъ распространится далѣе и захватитъ сосѣднія области. Она предпочитаетъ миръ даже необходимымъ реформамъ и приноситъ въ жертву судьбу балканскихъ христіанъ ради своихъ собственныхъ выгодъ, находя, что христіанскіе народы полуострова слишкомъ уже нетерпѣливы. Они страдаютъ и должны будутъ страдать, но за то имѣютъ честь способствовать сохраненію всеобщаго мира. Какая злая иронія! Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ почти всѣ великія державы находятся подъ страхомъ войны. Европа представляетъ изъ себя какъ бы гигантскій пороховой погребъ, и каждая изъ державъ опасается сдѣлать слишкомъ рѣзкое движеніе, изъ боязни вызвать неминуемый взрывъ. Пока еще не появился тотъ великій государственный человѣкъ для современнаго поколѣнія, который изъ всѣхъ этихъ элементовъ и разнообразныхъ національныхъ стремленій и потребностей создастъ особую политическую систему, при которой Новая Европа, какъ лучше устроенная, будетъ чувствовать себя болѣе спокойно.

А пока что, турецкіе христіане, болѣе несчастные и болѣе чувствующіе гнетъ, чѣмъ это думаютъ великіе державы, снова начинаютъ подвергаться мученическимъ истязаніямъ мусульманскаго ренесанса. Естественно, что они волнуются и возлагаютъ всѣ свои надежды на политическую революцію, которая одна только и можетъ, при настоящихъ условіяхъ, вырвать ихъ изъ рукъ палачей Ислама. Армяне, какъ намъ кажется, достаточно уже искупили свою вину въ томъ, что они оставались христіанами среди мусульманскихъ хищниковъ. Курды, ихъ сосѣди, регулярно забираютъ у нихъ жатву, жгутъ ихъ дома, разрубаютъ на куски ихъ дѣтей, насилуютъ ихъ женщинъ и убиваютъ ихъ самихъ, если это имъ не нравится. Арменія отдана, такимъ образомъ, султаномъ на забаву своимъ вѣрнымъ курдамъ. Великія христіанскія державы должны были много разъ вступаться за армянъ и часто требовали формальнаго обѣщанія отъ султана, что онъ прекратитъ подобное положеніе веещй. Султанъ обѣщалъ исполнить все то, что отъ него требовалось и, конечно, не дѣлалъ ровно ничего въ этомъ отношеніи.

Надѣясь на защиту Европы и изнемогая отъ мученій вновь пробудившагося мусульманскаго фанатика, они попробовали защищаться и

дали нѣсколько хорошихъ уроковъ курдамъ. Тогда султанъ выслалъ и Арменія курдамъ регулярныя войска, чтобы поддержать порядокъ на помощь была вся залита кровью и огнемъ. Эти гнусныя массовыя убійства продолжались съ 1894 по 1896 г. Всего было до 150.000 жертвъ, или, по другимъ источникамъ, даже 300.000, не считая тѣхъ, которые умерли съ голоду въ этой разоренной странѣ. Всѣ эти ужасы были самымъ позорнымъ скандаломъ въ концѣ XIX-го вѣка. Но что же рѣшила тогда предпринять Европа? Ровно ничего. Ея правительства упорно молчали въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ лѣтъ, провозгласивъ болѣе торжественно, чѣмъ когда-либо, принципъ недѣлимости Оттоманской имперіи. Правда, было произведено разслѣдованіе, были организованы международныя коммиссіи и было сдѣлано достаточно оффиціальныхъ представленій посланниками европейскихъ державъ Великой Портѣ и даже была установлена съ достаточной ясностью вся отвѣтственность (за что, конечно, историки будутъ весьма признательны европейскимъ министрамъ), но преступники и въ частности самъ султанъ не были наказаны.

Въ этомъ отношеніи европейскія правительства придерживались еще и другого принципа, а именно—невмѣшательства въ дѣла внутренняго управленія провинціями Оттоманской имперіи.

Убійства, такимъ образомъ, были отнесены къ вопросамъ внутренняго управленія и поэтому подавленіе ихъ было внѣ конкуренціи европейскихъ державъ. Онѣ не потребовали даже соблюденія договоровъ, подъ которыми находятся подписи ихъ собственныхъ представителей. Такъ, въ берлинскомъ трактатѣ статья 61-я гласитъ, что «Высокая Порта обязуется немедленно приступить къ улучшеніямъ и реформамъ, которыя вызываются мѣстными потребностями въ провинціяхъ, населенныхъ армянами, и гарантировать имъ полную безопасность со стороны курдовъ и черкесовъ». Такимъ образомъ, державы сами обязались слѣдить за примѣненіемъ принятыхъ съ этою цѣлью мѣропріятій. Но до сихъ поръ, покрайней мѣрѣ въ тотъ моментъ, какъ я пишу, армянскій вопросъ все еще остается открытымъ. Убійства, правда, прекращены,—по крайней мѣрѣ о нихъ не говорятъ болѣе,—но армяне такъ и не добились серьезныхъ гарантій и какихъ-либо реформъ. Статья 61-я берлинскаго трактата остается мертвой буквой и державы, подписавшія его, остаются заклеймѣнными преступленіемъ, которое онѣ допустили совершить. Извѣстно даже, что онѣ низачто не согласились бы снова возобновить подобную статью. Событіе на Критѣ оказалось менѣе кровавымъ, но за то болѣе любопытнымъ. Критъ въ большей части населенъ христіанами и въ меньшей—мусульманами. Однако эти послѣдніе пользовались всѣми привилегіями и занимали всѣ административныя должности. Вообще, они были всегда на положеніи завоевателей. Губернаторомъ острова былъ, конечно, мусульманинъ. Христіанское населеніе Крита находилось въ такихъ же тяжелыхъ условіяхъ, какъ и остальные христіане Оттоманской имперіи и, поэтому, умоляло присоединить островъ къ Греціи. Оно мужественно отстаивало свою независимость съ 1820 по 1829 годъ и много за нее претерпѣло. Порта не соглашалась на подобное присоединеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и не предпринимала ничего, чтобы успокоить критянъ, даже, наоборотъ, вела себя слишкомъ вызывающе. Критяне подняли возстаніе. Султанъ послалъ на островъ войска и нѣсколькихъ начальниковъ, которые руководили избіеніемъ въ Арменіи. Критяне были усмирены аналогичнымъ же пріемомъ. Тогда они обратились къ

Европѣ, которая сначала оставалась глуха къ ихъ просьбамъ. Наконецъ, вмѣшалась Греція и греческіе войска пришли сражаться рядомъ съ инсургентами. Тогда султанъ объявилъ войну Греціи, завоевалъ Ѳессалію и мусульманскій фанатизмъ громко воспѣлъ побѣду во всѣхъ земляхъ Ислама. Греція принуждена была просить мира, который и былъ подписанъ въ Константинополѣ. Ѳессалійская граница была исправлена съ ущербомъ для Греціи, получившей, такимъ образомъ, наказаніе за свою ошибку. Турки, однако, были наказаны за свои побѣды. Они не удержали за собой Ѳессаліи, такъ какъ Европа не согласилась на это, придерживаясь въ этомъ отношеніи принципа, что никакая земля, населенная христіанами, не можетъ быть возвращена султану, разъ она была уже у него отобрана.

Вскорѣ, затѣмъ, Европа провозгласила автономію Крита, удалила съ него турецкіе гарнизоны и ввѣрила управленіе островомъ сыну греческаго короля, принцу Георгу. Само собою разумѣется, что это явилось прямымъ противорѣчіемъ принципу недѣлимости Оттоманской имперіи, а также и принципу невмѣшательства иностранныхъ державъ въ дѣла внутренняго управленія провинціями названной имперіи. Но объ этомъ не нашли нужнымъ вспомнить. Вопреки всѣмъ усиліямъ Абдулъ-Гамида и его приближенныхъ, идея панисламизма не оказалось особенно счастливой. 1898 годъ оказался особенно для нея несчастнымъ; такъ какъ султанъ потерялъ въ это время Критъ, а Махди потерялъ Хартумъ. Такимъ образомъ, восточный вопросъ неуклонно подвигается къ неизбѣжной развязкѣ. Оттоманская имперія постепенно разрушается даже несмотря на одерживаемыя побѣды.

Можно предположить, что при первой ошибкѣ съ ея стороны, отъ нея не останется и слѣда. Султанъ потеряетъ Константинополь и снова, перейдя Босфоръ, вернется на Ангорское плоскогоріе, въ колыбель оттоманскихъ султановъ, гдѣ и подчинится, въ концѣ концовъ, русскимъ, какъ и другіе повелители туркестанскихъ турокъ. А пока что, Константинополь и Македонія долго еще, безъ сомнѣнія, будутъ служить яблоками раздора для различныхъ государствъ Балканскаго полуострова. Соперничая другъ съ другомъ, онѣ истощаютъ свои силы, даже Сербія и Черногорія, несмотря на то, что населеніе этихъ государствъ одной и той же расы и исповѣдуетъ одну и ту же религію. Болгары совершенно окружили Константинополь съ запада и мечтаютъ о томъ времени, когда онъ будетъ имъ принадлежать. Греки здѣсь также довольно многочисленны, такъ какъ Константинополь находится на самой границѣ ихъ этнографической имперіи. Наконецъ, Россія, въ свою очередь, будетъ постоянно нуждаться въ немъ, какъ въ открытомъ портѣ для своихъ южныхъ провинцій. Неизвѣстно, кого изъ нихъ допуститъ Европа завладѣть Константинополемъ, этимъ интернаціональнымъ, по своему мѣстоположенію, пунктомъ, расположеннымъ на границахъ двухъ континентовъ и морей и окруженнымъ такой массой различныхъ народовъ.

На всемъ земномъ шарѣ есть нѣсколько подобныхъ пунктовъ, имѣющихъ международный интересъ, причемъ Суэзскій перешеекъ и Босфоръ, можетъ быть, изъ всѣхъ наиболѣе замѣчательны. Принципъ нейтральности для всѣхъ этихъ пунктовъ все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе правительствъ. Онъ, можетъ быть, и заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе восточнаго вопроса, точно также какъ и вопроса египетскаго.

Въ заключеніе надо сказать, что кромѣ всѣхъ вышеприведенныхъ

элементовъ, подлежащихъ той или другой оцѣнкѣ, необходимо еще принимать во вниманіе, при разсмотрѣніи настоящаго вопроса, также и различныя историческія случайности, вродѣ появленія, напримѣръ, великаго государственнаго человѣка, который одной силой своего генія или однимъ ударомъ шпаги внезапно разрѣшитъ всѣ эти наболѣвшія проблеммы.

Глава V.

Средиземное море.—Исторія Средиземнаго моря.

Исторія нашихъ дней обнимаетъ собою весь міръ и Атлантическій океанъ представляетъ изъ себя, въ настоящее время, не болѣе, какъ улицу между Гавромъ и Нью-Іоркомъ, Бордо и Ріо-де-Жанейро. Что же касается Тихаго океана, то господство надъ нимъ является предметомъ честолюбивыхъ стремленій и постояннаго соперничества различныхъ державъ. Обращаясь, затѣмъ, къ Средиземному морю, мы видѣли, что многими еще это море считается центромъ всемірной исторіи. По крайней мѣрѣ, всѣ европейскія державы извлекаютъ изъ него или желаютъ извлечь разнаго рода выгоды. Даже, по временамъ, въ немъ можно наблюдать появленіе американскихъ кораблей, число которыхъ, впрочемъ, значительно меньше числа европейскихъ кораблей у береговъ Америки. На самомъ дѣлѣ, нѣкогда Средиземное море очень долго было дѣйствительнымъ центромъ, какъ единственное мѣсто арійской цивилизаціи, которая затѣмъ распространилась отсюда на всю вселенную. Для Гомера весь міръ заключался только въ берегахъ Эгейскаго моря. Греки и римляне, и на самомъ дѣлѣ, не выходили изъ бассейна Средиземнаго моря. Они не имѣли мужества отправиться въ варварскія страны, полныя страшной для нихъ таинственности, за которыми, какъ они думали, находится конецъ свѣта. Для нихъ, точно также, какъ и для жившихъ въ средніе вѣка, міръ представлялся кругомъ, освѣщеннымъ въ центрѣ, между Римомъ и Аѳинами, яркимъ очагомъ цивилизаціи и все болѣе и болѣе темнымъ и пустыннымъ по мѣрѣ удаленія отъ центра къ сѣверу или югу. Это ограниченное пространство явилось ареной страшной борьбы и вся исторія міра была сосредоточена здѣсь до самыхъ послѣднихъ вѣковъ. Я хочу теперь бросить бѣглый взглядъ назадъ и вкратцѣ обрисовать нѣкоторые черты этой исторіи, такъ какъ многіе изъ полическихъ правъ и честолюбивыхъ стремленій возникли впервые въ этомъ отдаленномъ прошломъ и многія поэтому даже современныя событія обязаны ему своимъ значеніемъ и характеромъ. Средиземное море было и остается до сихъ поръ мѣстомъ встрѣчи Запада и Востока, Запада—бѣднаго и трудолюбиваго и Востока—богатого и сладострастнаго. Левантъ (т. е. восточныя страны), гдѣ они сходились, былъ всегда мѣстомъ многочисленныхъ войнъ, созидавшихъ и снова разрушавшихъ имперіи, а также мѣстомъ возникновенія религій, политеизма, юдеизма, христіанства и ислама, предназначенныхъ судьбою къ завоеванію міра. Троянская война есть какъ бы символическая легенда этой исторіи. Уже здѣсь Европа побѣдила Азію, точно также какъ и позднѣе, при Мараѳонѣ и Саламинѣ. Греки побѣдили здѣсь финикійцевъ и отняли у нихъ ихъ торговое господство. Александръ Македонскій взялъ Тиръ и основалъ

Александрію. Онъ является первымъ изъ великихъ историческихъ именъ, имѣющихъ всемірный характеръ. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ было еще нѣсколько личностей, которыя, появившись въ подходящее для нихъ время, открыли новую эру въ развитіи человѣчества. Они являются въ исторіи какъ бы полубогами и число ихъ не особенно многочисленно. За Александромъ явился Цезарь, за Цезаремъ—Наполеонъ. Александръ царствовалъ не долго, всего тринадцать лѣтъ, но сколько вѣковъ занимаютъ въ памяти людей менѣе мѣста, чѣмъ эти тринадцать лѣтъ! Онъ основалъ города и его имя живетъ, какъ безсмертное, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ проходилъ. Онъ подчинилъ всю западную Азію, вплоть до Инда, эллинской культурѣ и оттѣснилъ варваровъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ своей экспедиціи. Онъ главнымъ образомъ, провелъ путь между Западомъ и Востокомъ и совершилъ, такимъ образомъ, плодотворное соединеніе Средиземнаго моря съ Индіей. Дорога, по которой онъ слѣдовалъ, была затѣмъ великимъ путемъ для каравановъ въ теченіе пятнадцати вѣковъ, вплоть до нашествія монголовъ и турокъ въ переднюю Азію.

Онъ былъ отчасти возобновленъ потомъ, по морю, т. е. болѣе длинной дорогой вокругъ Аравіи. Тотъ, кто построитъ желѣзную дорогу между Бейрутомъ и Калькуттой, явится только продолжителемъ Александра Великаго. Кто знаетъ, можетъ быть этотъ, недалекій въ будущемъ путь и на самомъ дѣлѣ будетъ слѣдовать по стопамъ македонскаго завоевателя, такъ какъ, именно, это направленіе можетъ оказаться для него и самымъ наилучшимъ. По крайней мѣрѣ, это направленіе имѣетъ много данныхъ для того, чтобы тѣ страны, черезъ которыя оно приходитъ, снова вызвать къ торговой дѣятельности и увеличить ихъ благосостояніе.

Римляне и карѳагеняне также оспаривали другъ у друга имперію Средиземнаго моря. Побѣдителями оказались, какъ извѣстно, римляне, но они не были народомъ съ коммерческой жилкою и остались земледѣльцами и скотоводами. Во всякомъ случаѣ это была новая побѣда Запада. Торговый обмѣнъ на Средиземномъ морѣ опять возобновился только благодаря крестовымъ походамъ. Дѣянія франковъ не мало способствовали этому, такъ какъ очень часто шпага бываетъ необходима для того, чтобы провести плугу первую борозду или сдѣлать первое путешествіе торговому кораблю.

Однако, наибольшую выгоду извлекли изъ этихъ торговыхъ сношеній венеціанцы и генуэзцы. Они были полными господами этого моря въ теченіе двухъ или трехъ вѣковъ и снова завязали, благодаря арабамъ, сношенія съ Востокомъ, которыя были потомъ прерваны уже нашествіемъ турокъ. Они принесли съ собой смерть и опустошеніе. Вся передняя Азія, начиная съ XV-го вѣка, совершенно ускользаетъ отъ всякаго торговаго обмѣна и точно погружается во мракъ, изъ котораго и до сихъ поръ она еще не вышла окончательно. Необходимъ великій шагъ цивилизаціи въ видѣ постройки желѣзной дороги, чтобы вывести ее изъ этого состоянія.

Въ то же самое время Христофоръ Колумбъ открываетъ Америку, а Васко-де-Гама мысъ Доброй Надежды. Когда моряки, такимъ образомъ, познакомились болѣе съ Атлантическимъ океаномъ, то Средиземное море уже перестаетъ служить великимъ путемъ для народовъ. На цѣлыхъ четыре вѣка его совершенно забываютъ и отдаютъ въ полное распоряженіе пиратамъ, а великіе города расположенные на его берегахъ превращаются въ развалины.

Снова оно начинаетъ имѣть нѣкоторое историческое значеніе только уже въ XVIII-мъ вѣкѣ, т. е. въ эпоху уже паденія турокъ, которое дало возможность возобновить континентальную дорогу въ Индію. Эта дорога привела главнымъ образомъ къ завоеванію Индіи европейцами, французами и англичанами, пробудивъ въ нихъ желаніе эксплоатировать ея богатства. Средиземное море сдѣлалось съ этихъ поръ ареной для вооруженныхъ столкновеній. Наполеонъ и Англія оспаривали его другъ у друга, какъ дорогу въ Индію. Англія была сильно напугана, когда узнала, что Бонапартъ высадился въ Египтѣ. Послѣ сраженія при Абукирѣ, Наполеонъ пожелалъ овладѣть Средиземнымъ моремъ и сдѣлать изъ него французское озеро, точно также какъ оно нѣкогда было озеромъ римскимъ. Англія стремилась къ тому же. Она предугадывала открытіе въ недалекомъ будущемъ Суэзскаго канала и зорко оберегала для себя этотъ путь въ Индію. Это столкновеніе не могло быть разрѣшено въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и заняло часть XIX-го вѣка. Въ 1840 году Франція имѣла уже Алжиръ и поддерживала либеральное движеніе въ Италіи и Испаніи, а также пользовалась большимъ вліяніемъ въ Греціи. Она оказывала также покровительство Египетскому пашѣ Магомету-Али, который, какъ господинъ Сиріи, угрожалъ Константинополю. Средиземное море сдѣлалось французскимъ озеромъ. Англія вступила тогда въ союзъ съ Россіей, чтобы отбросить снова Магометъ-Али въ Египетъ и устранить французское вліяніе на Востокѣ и великомъ пути въ Индію. Пятнадцать лѣтъ спустя, Англія вступила въ союзъ съ Франціей, съ цѣлью отдалить русскихъ отъ Константинополя, разрушить Севастополь и объявить Черное море нейтральнымъ. Такимъ образомъ, обращаясь то къ одной, то къ другой, она одна оставалась только постоянно въ выигрышѣ. Съ этого момента какъ разъ были начаты подготовительныя работы для прорытія Суэзскаго канала, и Средиземное море мало по малу стало дѣлаться центромъ всего міра и, стало быть, сердцемъ современной исторіи.

Новыя государства также стали тянуться къ Средиземному морю, желая играть на немъ свою роль и полагая совершенно справедливо, что имъ необходимо имѣть здѣсь точку опоры, чтобы сохранить свое мѣсто среди великихъ державъ. Объединенная Италія, одна изъ первыхъ, немедленно возымѣла самыя честолюбивыя стремленія, вспомнивъ о томъ, что Генуя и Венеція были нѣкогда всемогущія на Средиземномъ морѣ и что римляне называютъ его даже «mare nostrum». Австрія, отодвинутая на Западъ и оттѣсненная, послѣ сраженій при Сольферино и Садовой, изъ долины По и съ Рейна, вернулась снова на востокъ, спустилась къ Дунаю и нашла свою дорогу къ Сербіи и въ Салоники. Германія, чувствуя себя униженной и сильно желая пустить свои новыя богатства въ громадную волну коммерческаго оборота, взвалила главную часть труда на Австро-Венгрію и провела вмѣстѣ съ нею великій путь изъ Гамбурга въ Константинополь. Англо-франко-русское соперничество въ первой половинѣ вѣка сдѣлалось особенно запутаннымъ и Средиземное море превратилось въ загороженную арену, въ которой сосредоточились почти всѣ коммерческіе интересы европейскихъ державъ. Оно все болѣе и болѣе стало принимать характеръ международнаго, оправдывая такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ, свое названіе «Средиземнаго» моря.

Народы Средиземнаго моря и ихъ интересы.

Я набросаю теперь политическую карту современнаго Средиземнаго моря, которая, несомнѣнно, будетъ достаточно точной еще на нѣсколько лѣтъ.

Начнемъ съ Турціи. Она царствовала весьма недолго на всемъ побережьѣ восточной части Средиземнаго моря и имѣла даже вассаловъ въ Тунисѣ и Алжирѣ. Она никакъ не могла отнять Мальту у рыцарей св. Іоанна и они безспорно остановили дальнѣйшее распространеніе Ислама. Всѣ его усилія разбились при столкновеніи съ этой неприступной скалой и Исламъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, отступить. Турція можетъ теперь только вспоминать о своемъ прежнемъ величіи. Султанъ владѣетъ Албаніей, но до сихъ поръ ее еще не подчинилъ своей волѣ, такъ какъ албанцы, отличаясь упорнымъ духомъ неповиновенія, постоянно оказываютъ этому, какъ мы уже указывали и выше, сильное сопротивленіе. Онъ имѣетъ также Македонію, но она стремится къ автономіи. Она могла бы, впрочемъ, остаться и въ рукахъ султана, чтобы только избѣжать раздѣла между Сербіей, Болгаріей и Греціей, если бы онъ оказался способнымъ обезпечить ей сносное управленіе. Но онъ не соображаетъ, что разореніе Македоніи постоянными поборами и вѣчная угроза массовыхъ убійствъ со стороны Турціи можетъ только способствовать ея скорѣйшему отдѣленію. Затѣмъ у него есть турецкая Румелія и Константинополь, гдѣ турки хотя и довольно многочисленны, но не составляютъ все-таки большинства всего населенія. Въ Азіи султану принадлежитъ Малая Азія или Анатолія, которая и является собственно областью, населенною расою оттоманскихъ турокъ. Кромѣ береговъ, населенныхъ греками, и отроговъ Арарата, по склонамъ которыхъ разсѣяно довольно большое число армянъ,—турки являются полными господами всего полуострова и можно предполагать, что оттѣсненные совершенно изъ Европы, гдѣ они всегда были только временными жителями, они окончательно утвердятся между Дарданеллами и верхнимъ теченіемъ Ефрата. При этомъ крайне трудно рѣшить: какую примутъ они тогда политическую форму? Будутъ ли они совершенно независимы или же подчинятся протекторату какой-либо державы? Можно дѣлать, въ этомъ отношеніи, кое-какія предположенія на счетъ Россіи, вліяніе которой въ этихъ странахъ развивается со страшной быстротой,—но, во всякомъ случаѣ, отвѣтъ на эти вопросы, въ настоящее время, не можетъ еще имѣть положительнаго характера. Сирія и Месопотамія также принадлежатъ султану и населены арабами, которые относятся съ большей симпатіей къ туркамъ. Съ другой стороны, всѣ христіанскіе народы заинтересованы въ Палестинѣ и ихъ частое вмѣшательство значительно ограничило власть падишаха, заставивъ его быть осторожнѣе. Ливанъ заключаетъ въ себѣ также и народности, надъ которыми сохраняетъ въ религіозномъ отношеніи протекторатъ Франція. Кромѣ того, эти страны служатъ какъ бы связующимъ звеномъ между Средиземнымъ моремъ и Индіей, съ которыми у нихъ является все болѣе и болѣе общихъ интересовъ.

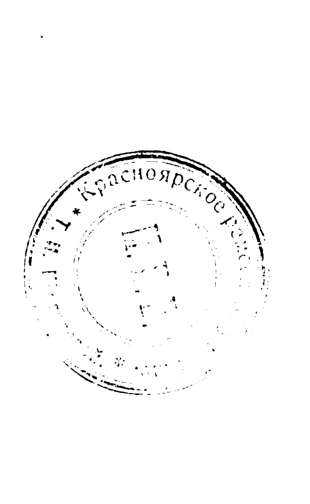
Султанъ, наконецъ, есть сюзеренъ египетскаго хедива, но сюзеренъ, такъ сказать, платоническій, такъ какъ англичане не таковы, чтобы допустить его воспользоваться своими правами сюзерена. Болѣе реальнымъ является его сюзеренство для бея въ Триполи, гдѣ находится даже гарнизонъ турецкихъ солдатъ. Иногда султанъ простираетъ

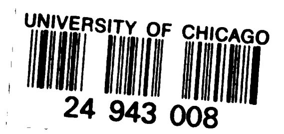
свои притязанія и на часть, находящуюся за пустыней и случается, что его посягательства иной разъ имѣютъ нѣкоторый успѣхъ.

Такимъ образомъ султанъ владѣетъ только развалинами восточной имперіи, которую нѣкогда возстановили Магометъ II, Селимъ и Сулейманъ. У него нѣтъ кораблей, чтобы придать этимъ обломкамъ хотя бы видъ единства, сблизивъ при помощи ихъ разбросанныя части имперіи, которыя кажутся отданными только на время, для сохраненія, въ руки турокъ, въ ожиданіи настоящихъ собственниковъ.

Въ тѣ времена, когда турки имѣли имперію, обнимающую восточную часть Средиземнаго моря, Испанія занимала западную, опираясь на Сицилію и неаполитанское королевство и, благодаря своему вліянію, почти на всѣхъ итальянскихъ государей. Всемогущая въ Европѣ и повелительница Новаго Свѣта, она совершенно истощила свои силы на разнаго рода смѣлыя предпріятія. Обреченная вести въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ крестовый походъ противъ невѣрныхъ, она оказалась какъ бы предназначенной судьбой остановить дальнѣйшее распространеніе оттоманскаго могущества. Она нанесла ему первые удары. Еще до Карла V она предприняла крестовый походъ въ Африку, гдѣ кардиналъ Хименесъ отнялъ Оранъ. Затѣмъ императоръ Карлъ V взялъ Тунисъ и осадилъ Алжиръ. Онъ особенно гордился своими побѣдами надъ мусульманами, которыя въ свое время, дѣйствительно, прославили его имя. Онъ далъ возможность своему сыну донъ-Жуану воспользоваться первой же серьезной ошибкой турокъ и создать для нихъ эру упадка. Такое значеніе имѣло сраженіе при Лепантѣ (1571 г.), послѣ котораго султаны потеряли власть надъ восточной частью Средиземнаго моря. Что же касается западной части, то католическіе короли не могли долго удержать ее въ своихъ рукахъ, обезсиленные въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій своимъ финансовымъ деспотизмомъ. Они должны были уступить ее, въ концѣ концовъ, Австріи, что они и сдѣлали, потерявъ вмѣстѣ съ Средиземнымъ моремъ и свое значеніе среди другихъ христіанскихъ народовъ.

На развалинахъ этихъ отжившихъ имперій современные народы пытаются утвердиться въ Средиземномъ морѣ. Изъ нихъ Грецію, казалось, ожидало блестящее будущее. Она покрыла своими колоніями всѣ восточные берега Средиземнаго моря, населила ихъ и украсила своими легендами. Будучи долгое время подавленной господствомъ варваровъ, она внезапно пробудилась и пожелала жить свободной жизнью и получить назадъ ту власть, которую она нѣкогда потеряла, захвативъ для этого наслѣдство обезсиленныхъ турокъ. Она мечтала, мечтастъ еще и теперь о близкомъ достиженіи этой грандіозной цѣли. Она понадѣялась на безкорыстіе и альтруистическое чувство великихъ христіанскихъ державъ, которыя на самомъ дѣлѣ поддержали ее только для того, чтобы помѣшать ей слишкомъ усилиться. Гнусное лицемѣріе! Подъ видомъ освободителей они потребовали отъ грековъ благодарности. Они торговались съ нею, какъ нищіе, за ея свободу и средства къ жизни и заключили ее, въ концѣ концовъ, въ тѣсныя границы. Они даже думали о раздѣленіи Греціи на мелкія государства, чтобы такимъ образомъ совсѣмъ ее обезсилить. Въ послѣдніе годы великія державы, организовавшія нѣчто вродѣ «Европейскаго Совѣта», не согласились отдать Критъ Греціи. Они оставили его въ рукахъ турецкихъ солдатъ, чтобы тѣ могли наказать островитянъ за ихъ «легкомысліе». И такъ какъ это предпріятіе маленькаго королевства потребовало очень большихъ расходовъ, которые могли бы поставить въ

Красноярское

AP 50 Mir Bozhiĭ.
.M67
v.10
no.9
Sep
1901

